

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

«ВАРЯГЪ» ПОБЕДИТЕЛЬ

Глеб Дойников

27 января 1904 года. Крейсер 1-го ранга «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», застигнутые японской эскадрой на рейде Чемульпо, отвергают требование о сдаче и сами атакуют превосходящие силы противника. Первыми же залпами с «Корейца» тяжело поврежден броненосный крейсер «Асаму», несколько прямых попаданий получает крейсер «Чиода». «Варяг» прорывается в открытое море и уходит в крейсерское плавание, нарушая линии снабжения японцев...

Разумеется, в реальности все было иначе. «Нами подорван „Кореец“, нами потоплен „Варяг“...» Прорыв не удался, первый бой Русско-японской войны закончился поражением наших моряков — как и все последующие. Недаром еще современники твердили, что вся эта позорная для России война шла так, словно кто-то специально подыгрывал японцам, — слишком уж им везло, слишком часто удача была на их стороне вопреки всем законам вероятности.

В этом романе впервые предпринята попытка отменить это противоестественное везение, переписать прошлое, переиграть Русско-японскую войну — теперь уже в нашу пользу.

Как изменилась бы история XX века, выйди «Варяг» из боя победителем? Смогли бы японцы снабжать свою сухопутную группировку, действуя на их коммуникациях русские крейсера? Чем закончилась бы тогда осада Порт-Артура? И кто победил бы в решающей войне, предопределившей будущее России?

Глеб Борисович Дойников
«ВАРЯГ» — ПОБЕДИТЕЛЬ

«Варяг» — русский крейсер I ранга. Построен в Филадельфии (США) на судовой верфи «Вильям Крамп и сыновья». Спущен на воду 19(31) октября 1899 г. В феврале 1902 г. «Варяг» вошел в состав 1-й Тихоокеанской эскадры. 1 марта 1903 г. на мостик корабля поднялся новый командир — капитан I ранга Руднев Всеволод Федорович, с именем которого будет связан героический подвиг «Варяга». В декабре 1903 г. крейсер получил приказ находиться в корейском порту Чемульпо в распоряжении российского посланника, резиденция которого была в Сеуле.

В ночь на 27 января (9 февраля по новому стилю) 1904 г. Япония без объявления войны напала на Россию (см. Русско-Японская война 1904–1905 гг.). К этому моменту в нейтральном корейском порту Чемульпо стояли корабли пяти держав: Англии, Франции, Италии, США и России. Рано утром японский контр-адмирал Уриу Сотокити, командир отряда, в который входили один броненосный крейсер «Асама», пять крейсеров — «Нийтака», «Нанива», «Чиода», «Такачихо», «Акаси», восемь миноносцев и три транспорта, передал на «Варяг», чтобы русский крейсер совместно с канонеркой «Кореец» спустили Андреевский флаг и сдались на милость японцев, в противном случае эскадра войдет на рейд Чемульпо и расстреляет русские корабли.

Руднев обратился к командирам иностранных кораблей за поддержкой, чтобы они опротестовали ультиматум японского адмирала, как противоречащий международному праву, и в случае необходимости сопровождали бы «Варяга» и «Корейца» до выхода с рейда. Однако командиры иностранных крейсеров не захотели объявить протест японцам.

Офицерами «Варяга» было принято общее решение: не отдавать крейсер в руки неприятеля. Бой длился несколько часов. «Варяг» при этом получил тяжелые повреждения. Крейсер и «Кореец», продолжая отстреливаться от нападающих кораблей противника, возвращаются обратно на рейд Чемульпо. Сначала был взорван своей командой «Кореец», а затем потоплен крейсер.

Оставшиеся в живых и раненые из команд обоих кораблей взяты на борта английского крейсера «Телбот» и французского крейсера «Паскаль». Впоследствии все они для продолжения лечения были отправлены в английский миссионерский госпиталь Чемульпо, находившийся в распоряжении японского Красного Креста. В 1905 г. японцы подняли и отремонтировали крейсер «Варяг», который вошел в состав Императорского флота Японии под новым названием «Соя».

Москва, 19 ноября 2012 года, бар «Пивная Кружка»

В дальнем темном углу за столиком двое. Вернее, трое, если считать с кувшином пива, и пятнадцать, если добавить дюжину раков, по терминологии бара «спецназ». Впрочем, раков, пожалуй, считать не стоило, из-за катастрофического по скорости сокращения численности.

— Вадим, отвали!

— Да ладно тебе Петрович, если уж нечего сказать так признай это!

— Ты меня на пиво позвал, или на 101-ю серию диспута, мог ли прорваться «Варяг» или нет? На пиво? Вот и наливай, блин.

— За мной не заржавеет, пжалста. Получите и подавитесь. Но все же?

Петрович, отхлебывая пол-литра Гинесса одним могучим глоточком, и приканчивая очередного спецназовца.

— Технически не мог. Против эскадры Уриу шансов на прорыв — ноль. Проскользнуть ночью...

— Ага. По тому то Чемпу... Чемуль... Че-муль-повскому! Во, выговорил, значит, пока трезвый, фарватеру? Уриу и стрелять не придется, только утречком выловить пару окоченевших уцелевших — и всего делов.

— Слушай, потерпи, не перебивай, умный, да? Мог, не мог, «Чиода», кстати, ушла накануне именно ночью и без особых проблем. С нашей колокольни сейчас понять сложно. Но днем мимо шести крейсеров и нескольких миноносцев шансов еще меньше. Да я тебе это уже раз сто рассказывал, и моделировали раз двадцать всем форумом, и из Японии народ за Уриу играл...

— И ни разу «Варяг» даже до конца фарватера не дошел!!! А ты, осел упрямый, все твердишь, как попка: «шанс был, шанс был»! Не было!

— Технически не было, Вадим. Технически. Практически был.

Вадим, поперхнувшись пивом и закашлявшись:

— Ты что, перед пивом чем потяжелее заправился, а ко мне «заполировать» приполз? Или, может, ты на что посерьезнее перешел? Уколов ты боишься, нюхнул чего?

— А в грызло?

— Ты сам-то понял что щас сказал, блядь? Как можно что-то сделать, если это технически нереализуемо? Впрочем, шанс у тебя будет.

— Слушай, я с моделированием завязал. К тому же, даже твой распрекрасный седьмой пентиум, мать его интеловскую в пень, реакции Уриу на ситуацию, которая была в реале, не воспроизведет. Не реально.

— А кто тут говорит про моделирование? Давай еще по одной и я тебе растолкую, как ты реальному Уриу задницу надрать сможешь.

— Ну и кто из нас тут укурился, блин? Давай еще по пинте и от винта!

— Ну, скорее семь футов под килем, но насчет еще по пинте — это да.

— Ну что, Владимир Александрович, настало время запускать?

— Профессор, а может, не стоит рисковать? Мы ведь ни в чем не уверены, ни как собственно установка работает, если она работает вообще; ни в том, как поведет себя реципиент, к которому мы подсажаем матрицу донора; ни что на самом деле происходит с сознанием донора; ни каково влияние на стабильность пространственно-временного континуума, вообще ни черта не знаем! Может, еще подождать?

— И чего, интересно мне, вы собираетесь ждать? Второго пришествия злобного клиента? Мы в прошлый месяц первое-то чудом пережили. Вы уже год имеете «вроде бы работающую» модель установки. И как вы прикажете убедиться в ее работоспособности без реального эксперимента над людьми? Собачек и коней вы уже год пытаетесь перенести, и что? Даже если сознание Буцефала, Джульбарса или вашего любимого коня Олега и было как-то изменено, это никак на историю не повлияет, в хрониках зафиксировано не будет. Нам нужен пример, который можно будет отследить по документальным источникам. То есть перенос человеческого сознания в прошлое, который немного, чуть-чуть, повлияет на ход исторически зафиксированных событий. Это позволит определить, есть ли расхождения, вызванные подселением матрицы в прошлое, или нет. Если нет, то придется извиниться перед заказчиком, и дай Бог, пронесет. Хотя насчет пронесет — это вряд ли. А если есть, то...

— Да как вы не понимаете! Если континуум будет изменен, то нас тут может просто не оказаться! Вообще, весь наш современный мир может оказаться несовместим с теми событиями, которые натворит в прошлом сознание донора!

— Владимир, ну мы же выбрали бесперспективный вариант именно из-за этого! «Варяг», что бы он ни вытворял на рейде Чемульпо, НИКАК на ход не то что истории Русско-Японской войны повлиять не может! Он заперт намертво. Ему не прорваться никак. Максимум, на что мы можем рассчитывать, это получить два разных варианта прокладки курса «Варяга» и его повреждений в учебниках, исторических хрониках и в нашем экранированном от воздействия установки особняке, в хроносейфе. Кстати, название вы придумали несколько претенциозное, как всегда. Ну, может, как максимум отклонений, не на рейде его утопят силами экипажа, а на выходе из порта снарядами «Асамы». Даже невероятный вариант, попади «Варяг» пару раз по «Асаме», его дубовые снаряды и ее броня — абсолютно безопасное для исторического континуума сочетание, не переживайте. А в остальном, именно эти тонкости нам и надо проверить, не так ли?

— А как же донор? Если он того... Дело-то новое, что с ним-то будет? И с нами заодно, не хватятся его?

— Не волнуйтесь. Мой сын не зря полгода изображал фаната истории РЯВ, доизображался до того, что хоть его самого туда посылай, увлекся, бля, ну ничего, блажь из головы выветрится, молодой еще! Но не суть. Парень, если так можно говорить о сем заигравшемся индивидууме тридцати двух лет, завсегда пары псевдоисторических форумов, досконально знает историю Русско-Японской войны на море. Остатков сознания Руднева, если ваша установка все же сработает, как планировалось, должно хватить на то, чтобы он свободно ориентировался на «Варяге». А то, что он изо всех сил будет пытаться прорваться — это я вам гарантирую, это его идея-фикс, за то мы его и отобрали. На этом его положительные качества заканчиваются, работа — еле-еле платить за квартиру и пиво, здоровье среднее. Постоянной подруги и близких друзей нет, типичный лузер, как такие, как он, выражаются. Так что если ваша программа возвращения не сработает, то его особо и

искать никто не будет с недельку. А будут, ну найдут в квартире внезапно съехавшего с катушек компьютерного маньяка, не впервой.

— Однако, вы жестоки, профессор.

— Не паясничайте. Вспомните, на кого работаем. Если мы через полгода не представим заказчику способ ретроспективной игры на бирже, то тогда найдут уже нас с вами. Кстати, если помните, идея так получить финансирование не моя, не так ли? Кто пел заказчику про игру на бирже по заранее известным курсам? Тогда вас больше заботила не стабильность континуума, а возможность воплотить свое детище в металле и кремнии. Вот тогда и надо было рефлексировать, а теперь поздно.

— Тогда вам самому идея понравилась, кстати. А где еще было взять десяток миллионов долларов на разработку и постройку установки? И кто тогда знал что всем известный олигарх Антонов, владелец заводов, пароходов и футбольных клубов настолько недалеко ушел от своего бандитского прошлого? Все мы задним умом крепки. Ладно, запускаем. Авось пронесет. Хотя морды наших охранников на этой райской даче мне не внушают оптимизма. Я уже молчу об их начальнике, мистере «печеное яблочко», как вы его назвали. Как взгляну на него — сразу самого себя представляю с утюгом на лице... Такое впечатление, что ему приказано нас убрать при любом результате эксперимента, смотрит, как на покойников. И в Москву последние два месяца только с их близким сопровождением и отпускают, для нашей безопасности, как же.

— Слушайте, вместе влипли, вместе и выбираться будем. И проще это будет сделать при работающей установке. Это вам бальзам на вашу больную совесть. Поехали!

Глава 1

Похмелье

Где? Когда? Без стакана не определить.

Сколько раз я себе говорил «не напиваться»? Господи, хреново то как! Так вроде еще не было... Если только в тот памятный раз на выпуске из Морского Училища... Какого, ебать, училища? ПТУ я вроде не кончал, родной МАИ, что ли, понизил спьяну? Блин, так и дс белочки допить можно... Если еще не допился. Кровать сука, качается! Не сильно, но ритмично... Качка бортовая, кто-то мимо проходит... Какая в жопу качка? Нет, так нажираться нельзя. Годы уже не те. Все же, разменяв тридцатник, пора немного притормозить, но и Вадим, сука хорошая, «приходи, пивка попьем». Угу, ведь знает, гаденыш, что когда мы с ним начинаем спорить об истории, то все кончается или скандалом, плавно переходящим в пьяную драку, или в идеале пьяным отрубом. Чем мы пивко у него запивали? «Курвуазье»? Еще что-то про эксперимент плел, кучу грина, какую-то установку, что в его институте слабали, перенос психов в матрицы или психоматрицы... Нет, пора вам, Всеволод Федорович, в ваши пятьдесят начинать вести себя как подоба... КАК Я СЕБЯ НАЗВАЛ??? ЧЕГО ПЯТЬДЕСЯТ??? Вадик, придушу, гнида, ну нельзя же так мешать пиво коньяком, чтобы...

Стоп. ГДЕ Я???? Почему окно круглое, Вадиков папик перестроил дачу, что ли? Реально перестроил, причем в стиле «под старину с распальцовкой». Секретер, бра в стиле барокко, портреты... ого, а чего это он Николашку Второго, то ли Кровавого, то ли Святого (по мне, так Слабовольный было бы точнее) повесил на стенку-то? Никого посимпатичнее найти не смог? Ну и вкус у чела, блин. Странно, вроде раньше за этой семейкой ничего эдакого «тупо-монархического» не замечалось... И что это за звяканье? Какие еще «пробили склянки»? Куда же меня занесло по пьяни-то? С «койоти агли» телкой пару раз просыпался, было, но вот ГДЕ я просыпаюсь, обычно помню всегда. В смысле, помнил. Новая страница в биографии, где мы, кто мы, я не знаю... И телки, почему-то нету рядом, такая кровать пропадает! Абидна, так укушаться, и зря. Да и спросить не у кого, куда же меня занесло на этот раз. Блин, как башка болит, аспирину бы... Так, восстановим события, где я вчера ложился? Дача или его дом, Вадима этого, трахнутого по башке кувшином со смесью пива с коньяком? Вроде дача... Какая, на хрен, каюта капитана? Что за хрень лезет в голову — каюта, училище, склянки какие-то, мы чего, вчера еще и медицинским спиртом догонялись из склянок? Не дай Бог, если так, то тогда точно щас помру...

Наконец в голове раздался мелодичный перезвон, и хорошо поставленный, но насквозь компьютерный женский голос поведал тихо шуршащему шифером съезжающей крыши Петровичу следующее:

— Карпышев Владимир Петрович, поздравляю, вы стали участником эксперимента по переносу психоматрицы в пространственно-временном континууме (Че? Точно белочка!). 20 ноября 2012 года вы дали согласие на перенос вашей матрицы в тело командира крейсера первого ранга Российского Императорского Флота «Варяг» Всеволода Федоровича Руднева для проверки теории об упругости времени. Местное время 12:30, «Кореец» через три часа выйдет в Порт-Артур, но, как вы знаете, будет остановлен японской эскадрой под

командованием Уриу и вынужден будет вернуться обратно в порт Чемульпо. Ваше вознаграждение за участие в эксперименте в сумме 50 000 евро будет вам выплачено по возвращению в ваше время, в случае успешного прорыва «Варяга» из Чемульпо сумма удваивается. В свою очередь вы обязались в рамках попытки прорыва крейсера первого ранга Русского Императорского Флота «Варяг» и мореходной канонерской лодки «Кореец» из Чемульпо вести себя максимально не похоже на поведение оригинального Всеволода Федоровича Руднева. Память и навыки вышеупомянутого Руднева теоретически должны были сохраниться на уровне подсознания и рефлексов и должны быть вам доступны. Проверка возможности субъекта с наложенной психоматрицей совершать действия, отличные от поведения исторической личности, является одной из главных целей эксперимента наряду с проверкой возможности внесения незначительных изменений в исторический континуум. Для повторного прослушивания сообщения, необходимо четко подумать «F one, help». Желаем удачи!

«МАМА!!! Суки с ублюдочно майкрософтовским чувством юмора! Доберусь — убью за одно только „F one, help“, блин!», — мысли Карпышева были прерваны до боли знакомым перезвоном, после которого в голове опять зазвучало:

— Карпышев Владимир Петрович, поздравляю, вы стали участником эксперимента...

«Ё-мое, подсказка-то работает!»

Глава 2

Пожар в публичном доме

Рейд Чемульпо, Корея. 26 января 1904 года, утро.

Ну, хоть по поводу памяти Руднева гады не кинули. Действительно работает. Интересно. Но, черт возьми, КАК? Что же это за супермоделирование-то такое, с головной болью, интерьерами, достоверными даже на ощупь и мерзким вкусом во рту? Неужели и вправду? Да ну, чушняк какой-то. Проще считать, что просто моделирование в виртуальной реальности, а то точно можно с глузду съехать. Но каковы сволочи в этом НИИ Химических Удобрений и Ядохимикатов (НИИ ХУЯ)! Так же только матросов на британский флот вербовали веке так в семнадцатом. Проснулся с похмельюги — а кораблик уже в море и бежать можно только за борт. А тут и за борт смысла нет, за бортом все тот же 1904 год... Но им-то хоть опохмелиться давали в старые добрые времена... Хотя командир я или где, сейчас проверим, чего тут они намоделировали...

— Вестовой!!!

Долго ждать его не пришлось, тут как тут, нарисовался. На морде — отпечаток грубой ткани форменки. Видать, в кресле дрых, пока капитан в адмиральский час поживает.

— Слушаюсь, Ваше высокоблагородие!

— Пиво, будь добр, друг любезный.

Вестовой выпучил осоловелые глаза.

— Какое пиво, вашвысбродь, — зачастил он, — уже месяц, как кончимшись, из Артура-то мы когда вышли...

Твою мать. Действительно, какое пиво в Корее?

— Что встал?! Чаю тащи, ирод.

— Сей секунд, господин капитан первого ранга!

Так, эту проблему решили. Кстати, реакции вестового достоверные — пиво в Корее если и есть, то местная кислятина с коротким сроком жизни. На крейсер ее никто не потащит, тем более для офицеров. Хорошая модель однако, детализированная... Ну и ладно. Типа я поверил, что за бортом 1904-й. По морде Вадик все одно в нашем 2012-ом получит, и крепко. За одно только отсутствие нормального пива удавлю гада.

А как быть с прорывом? Что я помню из того, что тут случится, без перечитывания шпаргалок? Под вечер «Кореец» приползет обратно, ночью японцы скинут десант, сводный полк, если что-то надо с берега, то лучше об этом позаботиться нынче же, завтра к обеду получу ультиматум, и понеслось... Ну что же, придется включать главное оружие нашего XXI-го века. Черный пиар и информационные войны! Хотя еще старик Сунь-Цзы писал — обмануть — значит победить. Будем надеяться, Уриу его не читал, а читал, так не обращал внимания на этот конкретный момент, тут-то пока рыцарство в ходу, хоть и не у всех...

Итак, что мы имеем? Пива нет, вестовой расторопный, крейсер, как подсказывает память Руднева, в состоянии так себе. Но, кстати, и не такая развалина, как представлялось из будущего, двадцать два узла на пару часов, может, и дадим, и двадцать хоть весь день. Никак не те двенадцать, о которых писали некоторые горячие головы, но вот что обидно, НИКТО ЖЕ ИЗ НИХ НЕ ПОВЕРИТ!!! Впрочем, сначала надо прорваться.

Эскадра противника... Ну, об этом уже я поболее Руднева знаю, что, в общем, не удивительно. «Асама», предтеча линейных крейсеров... Фактически броненосец второго класса. Или третьего, если во второй занести отечественные «Пересветы». Пока она стоит как кость в горле поперек выхода, о прорыве можно и не мечтать. «Нанива», «Такачихо» — типичные собачки. Тут ситуация другая, в отличие от Руднева о невысокой (это еще скромнее сказано) точности и скорострельности их орудий мне нынешнему известно. Остальные японские крейсера тот еще зоопарк, от новейшей «Нийтаки», вышедшей в первый боевой поход, до старенькой «Чиоды», еле ползающей на японском мусорном, не боевом угле, но вместе их пятеро... Тоже не проредишь, мимо не проедешь. Задача — выйти из Чемульпо любыми средствами, и действовать не как Руднев в реале. А вот уж это-то без проблем, лбом об стенку, да с разбегу, это точно не мой стиль, пусть и красиво, и с максимумом героизма, но не буду. А что буду, собственно? Так, первое, имею фору по сравнению с реалом в сутки для подготовки к бою вместо драяния медяшек и доскональное знание, как противника, так и хода войны в целом. Как это можно применить? За сутки крейсер в семь тысяч тонн в идеальное состояние не привести и комендоров стрелять не научить, но кое-что сделать попытаться можно. И потом, главное в нашем деле все же не пушки, а мозги.

— Вестовой! Лейкова ко мне минут через пятнадцать, и пусть готовится подробно рассказывать, что за хер... чепуха у нас с машинами происходит. Может с собой вазели... мыла с песком захватить, драить буду! Да, еще, пошли катер на «Сунгари», как тот зайдет на рейд, попроси капитана ко мне через час. И оповести господ офицеров о военном совете в восемнадцать часов.

Все же с несвойственными времени выражениями надо как-то завязывать! И откуда мне было знать, что через час придет этот «Сунгари»? А то свои же офицеры повяжут и доктору сдадут. Обидно будет.

Так, программа минимум: машины привести в порядок, насколько это за сутки вообще возможно, при этом приготовить к форсировке, предохранительные клапана зажать, подшипники, чтоб не грелись, пусть хоть льдом обкладывают, хоть маслом, охлажденным в холодильниках из ведра поливают (хм, а вот это нам пару часов нормального хода может добавить). Обязательно напомнить этому перестраховщику, что котлы реально испытывались не на его любимое давление в четырнадцать атмосфер, а на всех двадцати восьми, так что завтра надо поддерживать не менее двадцати, если жить хочет, конечно. Что еще, пусть мехи сами мозгуют, кочегаров от вахты освободить, пары ночью казачки или сунгарские матросики смогут поддержать по минимуму, и накормить от пуза. Дерево — за борт, шлюпки на «Сунгари», лишние запасы и главное — мины заграждения, тоже. Кроме одной. Торпеды оставить, пригодятся. По железу артиллерии — проще ничего не трогать. За сутки улучшить уже ничего нельзя. Даже простейших щитов к орудиям не приклепать, это неделя минимум. Максимум — сделать противоосколочные стенки для бортовых орудий, из коек или лучше из котельного железа, если такое сегодня-завтра найдется. По носовым и кормовым парам шестидюймовок стенки поставить не получится, будут соседним пушкам блокировать сектора обстрела. А вот брустверы, помнится, на форуме кто-то из умных голов предлагал, можно было бы попробовать, но из чего? Сутки еще есть, надо, чтоб из города притащили несколько сотен мешков с песком на «Варяг», кроме того — заказать цемент на «Сунгари». Тонн эдак двести-триста минимум. Если найдут, то все пятьсот. С маскировочной и искажающей покраской — хорошо бы, но снова нечем и главное —

некогда. Какие есть у меня в кармане ноу-хау по действию артиллерии? К 47-мм ^[1] народ завтра не посылать, толку от них ноль до начала минной атаки, только людей зря гробить. На большие дистанции не стрелять, а то подъемные дуги переломаем, а пока сблизимся, половина орудий из строя выйдет без воздействия противника. И надо хоть сдохнуть самому, хоть прибить главарта, но замедлить темп стрельбы! В реальности моего мира, похоже, артиллеристы «Варяга» так торопились выстрелить, что не успевали прицелиться. «Стреляли часто, но поражали лишь рыбу», может, и гады эти японцы, но поэтически выражаться умеют. Еще и дальномер в тот раз не в кассу сбило в самом начале. Тоже надо бы его чем-нибудь обложить, кроме мата. Какая сука его вообще не прикрытым поставила? Да, кстати, о дальномерах — как вернется «Кореец», провести сверку и тренировку в определении дистанций, а то, если хроники не врут, то от головы до хвоста было в полтора раза больше, чем от хвоста до головы! ^[2] Пока Нирод ^[3] живой, неплохо бы ему поработать, может, тогда живым и останется. Да, сбылись мечты идиота, на его же голову... Ладно, будем мудрить.

Глава 3

Видимая сторона Луны

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года, ближе к полудню.

Ночь прошла в высадке японского десанта, перегрузке на «Сунгари» с «Варяга» кучи барахла, и перетаскивание другой кучи запасов с «Сунгари» и «Корейца» на «Варяг». Утром на «Варяг» загрузилась рота моряков с «Севастополя», большинство экипажа «Сунгари» и казаки из охраны посольства. Численность экипажа повысилась почти на полторы сотни человек, но увы, обученность и, соответственно, полезность вышеупомянутых людей была околонулевой...

После того, как утренний туман пропал вместе с японскими крейсерами, как и было положено по ходу событий, как их помнила психоматрица лже-Руднева, катер с «Паскаля» доставил его на «Телбот». Первая половина встречи капитанов иностранных стационаров с момента вручения ультиматума до отбытия итальянского и французского капитанов на свои суда прошла примерно так как в «старой» реальности (достаточно было просто позволить личности Руднева вести диалог, и сначала просить командиров стационаров послать японцам ноту о недопустимости нападения на корабли на нейтральном рейде, а после их отказа долго уверять собравшихся капитанов в готовности умереть за царя). Но вот приватная беседа с коммодором Бейли пошла по несколько другому руслу.

— Коммодор, с Вами я могу быть откровенным. Мой крейсер является таковым чисто номинально. На самом деле это картонная посудина с текущими котлами и постоянно греющимися подшипниками! На бумаге он выглядит грозно, не спорю — дюжина шестидюймовок, двадцать четыре узла, а на самом деле? Орудия стоят без всякого прикрытия, и пары фугасов хватит для выноса половины артиллерии, как орудий, так и расчетов. Машины реально дают не более двенадцати узлов, спасибо господину Крампу! Зная это, адмирал Старк списал мне в команду алкоголиков и неумех со всей эскадры! И с этим я должен идти на «Асаму»? Был бы у меня ваш «Телбот» — я бы, пожалуй, рискнул. А мое корыто и одна «Асама» могла бы сожрать, не подавившись. Зачем Уриу было тащить сюда еще пять крейсеров, не понимаю.

Бейли с плохо скрываемым удивлением, такого от Руднева он не ожидал, и ироничным презрением:

— Господин Руднев, я вас не понимаю, вы предлагаете мне выйти в море вместо вас?

— Хорошо бы, но нет, я всего-навсего прошу вас помочь мне обдурить эту желтую макаку Уриу!

«Этот русский, наверное, совсем спятил» — явственно читалось на лице коммодора. Впрочем, наивностью Руднева надо было воспользоваться, союзнику британской короны японскому адмиралу Уриу не мешает знать планы противника.

— И каков ваш стратегический замысел, господин капитан первого ранга?

— Я не хочу умирать за этот занюханный корейский порт! Если он так уж нужен Уриу — пожалуйста! Пусть подавится, в конце концов, пусть узкоглазые управляют узкоглазыми, мне все равно! (Черт, а вот это, вынужден признать, звучит логично, пронеслось в мозгу Бейли). Я выйду из порта до четырех, как и должен. Вышлю на катере с «Корейца»

парламентера, но машины катера не лучше, чем у «Варяга», да и трястись по волнам мне на нем целый час не очень хочется. Так что придется «Корейцу» его дотащить поближе к «Асаме». «Варяг» и «Сунгари» поставлю на якорь на выходе из порта, но ради Бога, предупредите Уриу, чтобы он не стрелял! Я готов уйти и разоружиться в Чифу, и пусть он делает в Чемульпо что хочет!

— Боюсь, на это Уриу не пойдет, зачем ему выпускать вас из порта? У него настолько подавляющее превосходство в силах, что ему безопаснее утопить вас тут, а не рисковать сопровождать и упустить быстроходнейший крейсер в море. И потом, ему нужна победа, а не ничья!

— Какой быстроходнейший? Интересно, какую взятку получила наша комиссия, принявшая это убожество? Ну, не в Чифу, да хоть тут в Чемульпо интернируюсь, если вы лично гарантируете неприкосновенность «Варяга» до конца войны, пока ваш «Телбот» стационарируется тут. Только пусть выпустит «Сунгари», на него уже сутки перегружают мою коллекцию китайского фарфора... гм. Самое дорогое судовое имущество, самодвижущиеся мины и секретные документы. Впрочем, с Уриу будет говорить мой парламентар.

Глаза Бейли загорелись. Идеально! Этот медведь с идиотским акцентом (и что это за дурацкая русская присказка «факенщит», которая постоянно проскальзывает в его беглой английской речи?) только что фактически подарил Японии свой крейсер! А чья в этом заслуга? Интересно, сколько, чего и как можно получить с Японии за неповрежденный крейсер первого ранга, самый быстрый в мире, кстати...

— Но, уважаемый господин Руднев, а зачем вам тогда вообще выходить на крейсере из Чемульпо? Стойте себе на рейде до окончания переговоров.

— Ну, во-первых, я хочу блефануть, и пригрозить Уриу утопить «Сунгари» минами «Варяга» на фарватере, если он не выпустит меня в Чифу! Посмотрим, насколько ему нужен порт Чемульпо! Зимой поднять обломки парохода две тысячи тонн — это не просто.

— А я что, вместе с остальными стационарами должен буду сидеть в этой дыре полгода, пока не расчистят фарватер??? Вы с ума сошли!!!

— Коммодор, я же сказал, что я блефую! Ну кто мне позволит топить пароход частной компании??? И в любом случае — фарватер десять кабельтовых, «Сунгари» перекроет меньше одного. Вы-то на «Телботе» пройдете, а вот транспорта с войсками макаки заморятся проводить! Другой вопрос, что это у нас с вами хватит мозгов, чтобы понять это, а макаки могут и купиться. Если Уриу не будет стрелять, то поверьте — в свободном уходе «Сунгари» я заинтересован побольше вашего.

«Понятно, надо предупредить Уриу, чтобы на переговорах на компромиссы не шел! И не открывал огня первым. Разоружение „Варяга“ в Чемульпо, и точка. А через неделю „Телбот“ отзовут, и пусть японцы делают с этим „Варягом“ что хотят. Моя совесть чиста. И карман полон». Дипломатических способностей истинного Руднева хватало на то, чтобы читать мысли Бейли с лица как со страниц книги, выдержки и пофигизма Лже-Руднева хватило на то, чтобы их не откомментировать и не рассмеяться. Они начинали неплохо работать вместе!

— Ну что же, я передам ваши слова Уриу. Но зачем вы ломали комедию перед французом и итальянцем?

— Слушайте, о своей репутации мне тоже надо позаботиться! И потом, если они предупредят Уриу о моей готовности сражаться, договориться с ним будет проще. И потом, если мне удастся договориться с Уриу устроить маленькое шоу со стрельбой...

«Они предупредят Уриу? Шоу со стрельбой? Точно, он какой-то странный сегодня. Неужели настолько испугался? Нет, не быть России морской державой! Так не понимать обстановку, дрожать и избегать боя — ни один известный мне командир Royal Navy^[4] так бы не поступил... А уж довести всего за два года новейший крейсер до такого состояния, что он не может дать более 50 % контрактной скорости, это вообще уму не постижимо».

Глава 4

Первая часть марлезонского балета

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года.

В 15:45 русские корабли снялись с якорей и потянулись в сторону выхода из бухты. Первым шел «Кореец», что уже насторожило бы наблюдателя из будущего, будь такой рядом. За ним неторопливо на шести узлах тянулся «Варяг», последней плелась «Сунгари», нагруженная так, что ватерлиния ушла под воду на добрый фут. Что на нее свозили последние сутки со всего города — одному Богу известно, всем было не до этого. Японцы были слишком заняты высадкой десанта, англичанам и остальным стационарам было все равно. В начале фарватера «Кореец» разошелся на контркурсах с британским паровым катером, спешившим вернуть commodore Бейли на свое законное место на мостике «Телбота». Он за прошедшие три часа успел обрадовать Уриу, что добыча достанется ему без боя и в неповрежденном состоянии. Все, что нужно для того сделать — не стрелять первым, проявить твердость на переговорах и не поддаваться ни на какой блеф со стороны Руднева! Об остальном позаботился он, многомудрый Бейли. Коммодор был в приподнятом настроении, хорошая прибавка к жалованью и безбедная старость ему обеспечена. Даже пара процентов от стоимости крейсера, это при 5 %-ой годовой ренте составит... В общем, коммодор был полностью погружен в свои счастливые мысли.

Как и было обещано, «Варяг» под напряженными взглядами с мостика «Асамы», отдал кормовой якорь на границе нейтральных вод. За ним бросила оба носовых якоря «Сунгари». Когда течением ее развернуло поперек фарватера, был также отдан и кормовой якорь. Команда подтянула к борту до этого шедшие на буксире шлюпки, зачем-то сразу четыре, и стала демонстративно перебираться на «Варяг». Причем шлюпки на борт «Варяга» не поднимали.

«Блефуйте, блефуйте, хоть бы шлюпки на „Варяг“ подняли, а то все белыми нитками шито, — подумал Уриу. Он прибыл для переговоров на стоящую ближайшей к проходу „Асаму“, — хотя если бы не предупреждение Бейли, вынужден признать, было бы неприятно выбирать между необходимостью обеспечить бесперебойное функционирование порта и уничтожением „Варяга“. Слава богине Аматерасу, кажется, сегодня получится и то, и другое, и без потерь в кораблях. Неплохое начало войны, крейсера еще пригодятся Японии, вряд ли все остальные русские командиры окажутся трусами под стать этому Рудневу. Война еще впереди, а этот „Варяг“ станет самым мощным бронепалубным крейсером в составе императорского флота».

Не доходя до «Асамы» примерно шести кабельтовых, бросил якорь и «Кореец», шедший с флажным сигналом по международному своду «Высылаю шлюпку с офицером для переговоров». На мостике «Асамы» Уриу был несколько обеспокоен чрезмерным сближением с потенциально враждебным кораблем. Но разглядев на палубе «Корейца» зачехленные орудия и почти полсотни человек, слоняющихся без дела и с любопытством разглядывающих приближающуюся «Асаму», отменил уже отданный сигнальщикам приказ о подъеме сигнала «Стой, а то открою огонь». В конце концов, сейчас главное — не сорвать удачное начало переговоров, и так вчера приняли, как потом выяснилось, уход из бухты

«Корейца» за попытку помешать десантным транспортам. Нервы у всех на пределе, оно и понятно — первый день первой войны с европейской державой. Это не китайцев гонять, что для самураев привычно. По той же причине Уриу отказал командиру «Асамы» капитану первого ранга Ясиро в просьбе навести на «Кореец» орудия главного и среднего калибра. Один слишком нервный наводчик — и прощай бескровная победа и целый трофей. В конце концов, эта старая лодка все равно ничего «Асаме» не сделает, а пугать русских до начала переговоров пока не стоит. Рано.

В бинокль было видно, как с «Корейца» на катер, до этого шедший на буксире, перебрался офицер. «Наверное, сам Руднев пожаловал, раз ради него погнали „Кореец“, кого попроще отправили бы сразу на катере», — подумал Уриу. Катер пришвартовался к трапу «Асамы» через десять минут. Судя по тому, с какой скоростью он плелся и как обильно при этом дымил, его машины и правда были не в лучшем состоянии, так что Бейли, скорее всего, не обманул в отношении состояния «Варяга». Поднявшийся по трапу офицер, представившийся как лейтенант Берлинг (странно, подумал Уриу, на переговоры о капитуляции мог бы пожаловать и сам Руднев, или он ожидает на «Корейце» для проведения второго раунда, а этот лейтенант не более чем прощупывание почвы?) вручил Уриу пакет. Примерно догадываясь о его содержимом, Уриу неторопливо, смакуя момент, вскрыл его. На единственном вложенном листке был текст следующего содержания:

«Контр-адмиралу Императорского Японского Флота и командующему Японской эскадрой на рейде в Чемульпо С. Уриу.

Сэр! Ввиду начала военных действий между Японией и Россией, о котором вы меня любезно уведомили, и нарушением вашей эскадрой нейтралитета порта Чемульпо, я имею честь почтительнейше просить Вас капитулировать и разоружить Вашу эскадру не позднее 17:00 9 февраля 1904 года (27 января 1904 года по русскому стилю). В противном случае я буду вынужден уничтожить Вашу эскадру всеми доступными мне средствами.

Имею честь быть Вашим почтительнейшим слугой.

Командир крейсера „Варяг“ Императорского Российского Флота

В. Ф. Руднев^[5]

По мере чтения в голове Уриу выстраивались и рушились десятки идей и теорий. Если это капитуляция «Варяга», то я император Кореи! Черт бы побрал этого Бейли и этого Руднева, они что, заодно? Маловероятно, но даже если так, то в какие игры они играют? Зачем перенаправлять мне мой же немного переделанный ультиматум? Эскадра готова к бою, «Варяг» без хода на якоре, шансов у него как не было, так и нет, что они этими глупостями выиграли? Полчаса времени? Или это обещанный Бейли блеф Руднева? Но почему такой наглый и глупый? И зачем «Кореец» обвешан парусами и выглядит как пугало, а не боевой корабль? Впрочем, это объясняет, почему прислан лейтенант. На второй раунд стоит ожидать кого-либо посерьезнее, того, кто может сам принимать решение. При этом ни один мускул не дрогнул на лице адмирала.

«Восточная школа, — подумал про себя Берлинг, жалко, что я не увижу выражение его лица через полчаса, ну ничего, обойдусь собственным воображением».

— Передайте вашему командиру, что я готов обсуждать только капитуляцию ЕГО

кораблей. Но не моих. Все, на что он может рассчитывать, это пропуск «Сунгари» с некомбатантами в ближайший нейтральный порт под конвоем одного из моих крейсеров. «Варяг» и «Кореец», так или иначе, останутся в Чемульпо, а вот на поверхности моря или на его дне, зависит от вашего Руднева. Это мое последнее слово. И пусть в следующий раз приезжает сам, потому что его время истекает. Если через час мы не придем к соглашению, я открываю огонь.

— Так точно, Ваше превосходительство. Господа офицеры, разрешите откланяться.

В момент отхода катера с Берлингом от трапа «Асамы» «Кореец» начал поворот на малом ходу на курс, позволяющий подобрать катер.

«Наверное, русские боятся, что машина катера не сможет выгрести против течения, — усмехнулся про себя Уриу, — у англичан полчаса назад таких проблем не было. Все же русские — не машинная нация. Тот же „Кореец“ — ну какой идиот дает ход, не подняв заранее якорь? Развернуться-то так еще можно, но вот тронуться с места нельзя, пока не порвется якорная цепь. Странно, а где, собственно, цепь? Вот идиоты, они же утопили якорь!»

С катера, оставляя за собой хорошо видимый шлейф черного дыма, взвилась в зимнее небо ракета. Интересно, что же сообщает этот невозмутимый лейтенант своему командиру таким образом? Что блеф не удался, наверное? Это была последняя неторопливая и довоенная мысль в голове Уриу. На «Корейце» спустили сигнал о переговорах, на обрубленные стены мачт взлетели красные боевые флаги и на носу вспухли клубы порохового дыма от залпа двух восьмидюймовок ^[6] и носового торпедного аппарата! Еще через примерно секунду русский 8" фугасный снаряд старого образца, разорвавшийся на мостике «Асамы», отправил адмирала в нокаут. Второй снаряд носового залпа «Корейца» попал в носовую оконечность «Асамы» — промахнуться с четырех кабельтовых было сложно. Хотя, если честно, он тоже был нацелен в мостик, но попал не менее удачно. Уриу смог прийти в себя через минуту, как раз к моменту взрыва самодвижущейся мины, выпущенной «Корейцем» с четырех кабельтовых. Увернуться стоящая на якоре «Асама» не могла. Причем очевидцы утверждали, что взрывов было два, и, что уж совсем ни в какие ворота не лезет, первый взрыв якобы произошел за несколько секунд ДО попадания мины, что потом долго, нудно и упорно отрицалось российской стороной.

Глава 5

Обратная сторона луны

Рейд Чемульпо, Корея. 26 января 1904 года, вечер. Военный совет.

— Господа офицеры, положение вам ясно. Уриу нам уйти не даст. Я бы на его месте точно не дал бы. Прорваться, как предлагает большинство из вас, мы не сможем физически. Я надеюсь, о состоянии машин все помнят? Двадцать два узла на два часа — вот наш предел, и то никакой гарантии, что машины не скиснут раньше, наши механики дать не могут. А и дали бы, я бы не поверил. Потом, о результатах состязательных стрельб с «Аскольдом» все помнят? Лейтенант Зарубаев, как старший артиллерист, уж вы-то должны прекрасно понимать, что нанести существенный вред «Асаме» мы не сможем. Потому что пока мы подойдем на дистанцию, с которой наши шестидюймовки смогут пробить ее пояс, ее четыре восьмидюймовые и семь шестидюймовок в бортовом залпе уничтожат всю нашу ничем не прикрытую артиллерию. А туда же, «нанести повреждения нескольким кораблям противника». Скромнее надо быть. В лоб нам не пройти, и уподобляться гороху, бросаемому об стену, мы не станем.

— Всеволод Федорович, вы предлагаете сдать???

— Я надеюсь, что господин Уриу другого выхода из нашего положения тоже не усматривает. Вот от этого и будем плясать. Я завтра попробую задурить голову коммодору Бейли и убедить его попросить Уриу подпустить «Кореец» для отправки офицера на переговоры о сдаче. Вот только Уриу будет ждать нашей сдачи, а в ультиматуме мы потребуем сдать его эскадру. Под катером за ночь надо скрытно подвесить ту самую гальваноударную мину, что не перегрузили на «Сунгари», в отличие от ее товарок. Взрывать ее будем гальванически, после отхода катера от Асамы, поэтому на катере пойдет минер, лейтенант Берлинг. «Асама» очень удачно стоит первой к выходу. Попросим Уриу прибыть на нее для переговоров...

— Господин капитан первого ранга, но это бесчестно!

— А записать противника до объявления войны силами шести против одного, ну, полутора — все же «Кореец» по нынешним временам уже не полноценная боевая единица; а потом требовать его выхода в море на «честный бой» под угрозой расстрела на нейтральном рейде честно? А высаживать ДО объявления войны десант в нейтральном порту честно? Не я начал эту игру. Но я БУДУ играть по правилам, которые Уриу установил, как он думает, только для себя. И не волнуйтесь по поводу вашей чести, перед судом и судом офицерской чести тоже в случае чего отвечать буду я (вернее, Руднев, шкуру которого я подставляю, а что делать? На войне как на войне). Теперь по «Корейцу». Как только катер отвалит от «Асамы», расклепывайте якорную цепь, вернее, заканчивайте расклепку, и поворачивайтесь носом к «Асаме». По черной ракете с катера залпируете из обеих восьмидюймовок и пускаете мину. Ну и изо всей мелочи по мостику, естественно. Рекомендую всадить хоть один восьмидюймовый снаряд первого залпа тоже в мостик. Это существенно усложнит япошкам борьбу за живучесть, потому что большинство офицеров будут там наслаждаться процессом нашей капитуляции. Если «Асама» будет надежно выведена из строя двумя взрывами мин и первым залпом «Корейца», прикрываясь ей, попробуйте достать второй

крейсер в японской линии. Это вроде бы «Чиода», наш недавний сосед, брат-стационар, так сказать. Если нет, извините, но вы должны таранить «Асаму» и взрывать погреб «Корейца». Другого выхода нет. «Кореец» с его скоростью не жилец при любом раскладе событий, так что из его неизбежной гибели надо извлечь максимальную пользу при минимальных потерях в людях. Ему не прорваться в море и не вернуться назад.

— А назад-то почему не получится? Прикрываясь той же «Асамой»...

— К этому моменту пути назад уже не будет. На фарватере будет лежать «Сунгари», а за ним будет стоять девять мин заграждения.

— ПОЧЕМУ??? КАК??? Откуда они там возьмутся?

Разноголосица офицеров была прервана донесшимся из темного угла басом. Вернее, БАСОМ. Приглядевшись, Карпышев разглядел глыбу, или, вернее, гору. Причем не жира, а мускулов. Рудневская половина сознания услужливо подсказала, что ЭТО зовется младший инженер-механик Валерий Александрович Франк, притихший в уголке механик «Корейца»; а Карпышевская подумала «увидь незабвенный Арик Шварценнеггер этого простого русского человека, наверное, повесился бы с горя от сознания собственной физической неполноценности». Мех был огромен. И судя по заранее улыбавшимся, глядя на него, офицерам — изрядный балагур.

— Господа, уж коли нас тут начальство собрало, то оно нам, наверное, все растолкует, если мы ему, наконец, позволим. Давайте не будем прерывать дорогого капитана, а то до завтра не узнаем, что за мины и кто их поставит.

Ну, для начала двадцатого века чувство юмора неплохое.

— Благодарствуем за помощь в утихомиривании нашего бардака, Валерий Александрович. Мины сейчас перегружают с «Варяга» на «Сунгари» вместе с катерными метательными минами, подрывными зарядами и прочей взрыво- и огнеопасной гадостью и всей ненужной взрывчаткой. Кстати, «Корейцу» тоже приказываю сдать всё ненужное в бою на «Сунгари». Еще туда же завозят весь цемент, который найдут в городе до утра. Как только «Кореец» откроет огонь по «Асаме», я прошу из кормового 6" орудия стрелнуть перелетом по «Варягу» и стоящей рядом с ним «Сунгари». После падения снаряда, а его не смогут не заметить на «Паскале» и «Телботе», я взорву две гальваноударные мины, заложенные на «Сунгари». Корпус «Сунгари» существенно осложнит пользование фарватером до середины весны, а если на заграждении еще кто-либо подорвется, то можно ожидать полной закупорки порта на месяц-другой. А вину за неудобство для господ стационаров свалим на неточный залп «Асамы» по «Варягу». Остальные мины поставим, когда будем «эвакуировать» на шлюпках команду «Сунгари» на «Варяг». Чтоб веселее было пытаться его обойти на фарватере. Я думаю, следующие пару месяцев японцам будет не до высадки десантов в Чемульпо.

— Теперь понятно, почему капитан «Сунгари» от вас красный, как из бани, вылетел! А не взгреет вас Старк за утопление собственного парохода? И потом, а как же стационары?

— Взгреет — не взгреет, как говорит один мой приятель — «ты сначала доживи». Будем в Артуре, будем об этом беспокоиться. А стационары ваши посидят несколько месяцев тут. Не помрут. Они нам очень помогли? Вот пусть и поскучают. И опять же — это не мы, это японцы стрелять не умеют, все претензии к ним!

— А цемент-то зачем на «Сунгари»?

— Когда он утонет, из цемента получится бетон. А поднять со дна моря бетонную чушку нашим друзьям японцам будет гораздо труднее, чем порожний пароход. Так, мелкая

гадость. Да, в связи с тем, что «Кореец» фактически идет на самоубийство, полная команда вам ни к чему. Я предлагаю оставить половинный наряд машинной команды, треть кочегаров, половину комендоров, полные расчеты только на восьмидюймовки, остальные сокращенные наполовину и половину минеров, вам удастся выпустить не более одной мины. Остальную команду предлагаю перевести на «Варяг», пригодятся в прорыве.

— Всеволод Федорович, у нас же с казаками и севастопольцами^[7] будет почти двойная команда, это же не крейсер, а Ноев Ковчег получится! Зачем? Передать на нейтральные суда не лучше будет?

— Ну, во первых, будет кем заменять орудийную прислугу, я прогнозирую в ней большую убыль, спасибо господину Крампу. Вернее, нашим умникам из под шпица.^[8] Даст Бог прорваться, первым делом сделаем щитовое прикрытие для орудий. А во-вторых, есть одна задумка, но об этом пока рано.

— Всеволод Федорович, а цемент у вас на «Сунгари» прямо в мешках сгружают? — Раздался ехидный, как обычно при обращении к «горячо любимому» капитану, голос старшего офицера.

— Да, Вениамин Васильевич, а что, собственно, вас смущает?

— Пустая затея, коли так. В мешках цемент не схватится. Если уж вы потратили на эту затею казенные деньги, то могли бы приказать мешки резать, на тонну цемента тонну гравия высыпать, и заранее затопить трюмы, наполовину примерно. Тогда через недельку и правда хоть плохонький, но бетон будет, а если сваливать по вашей системе, то японцам просто надо будет разгрузить кучу слегка окаменевших мешков.

— Блин!!!

— Простите, Всеволод Федорович, не понял? Какой блин?

— Тот, который комом, конечно! Умоляю, сбегайте на «Сунгари», там наш боцман Шлыков погрузкой распоряжается, прикажите ему, чтобы попинал кули. Пусть потрошат мешки и действительно затопите немного трюмы. И как наши узкоглазые друзья закончат с цементом, пускай и правда начинают гравий таскать, я у входа в порт видел кучу. Доплату пообещайте за переработку. Учитесь у старшего офицера, господа, не в бровь, а в глаз, что называется!

Неожиданно с места встал молчавший до сего момента капитан второго ранга Павел Андреевич Беляев-второй, командир «Корейца».

— Господа!!! Господа, а не кажется вам, что капитан первого ранга Руднев немного горячится? Ну, не выпустили нас японцы в море, почему обязательно война из-за этого начнется? Я, кстати, не уверен, что миноносцы на самом деле мины пускали, могло моим сигнальным и померещиться со страху, народ-то в большинстве не обстрелянный... И потом, огонь-то, как не крути, мой комендор, зараза, первым открыл. Может, еще пронесет? Допустим, на Певческом мосту^[9] договорятся, а у нас что? Пароход Доброфлота залит бетоном по планширь и утоплен на фарватере, на него же перегрузили и с ним утопили все гребные суда, половину боезапаса, завтра еще нейтральный порт заминируем. А не будет войны, КТО за все это отвечать будет?

— Да не волнуйтесь вы так, Григорий Павлович, присаживайтесь, выпейте еще чаю, вестовой! Тихон, ты сразу второй самовар готовь, нам много чаю понадобится. А за свое, как вы явственно подразумевали, самодурство, я, если войны не будет, отвечу сам. И за пароход тоже отвечу, кстати, как мне очень образно объяснил его капитан, «Сунгари» принадлежит не Доброфлоту, а КВЖД. Он так расстроился, что даже отказался принимать участие в

нашем совете. А отвечать я буду по всей строгости, как начальник отряда, и ни за какую спину прятаться не намерен. Вот только, к сожалению, не отвечать перед начальством придется, а воевать. И умирать. Я думаю, завтра к обеду нам предъявят ультиматум — или выходим из Чемульпо и Уриу нас топят, или не выходим, и он топят нас прямо на рейде. Под осуждающими взглядами остальных стационаров. Мол, трусы, не вышли на бой, теперь нам могут случайными осколками краску поцарапать.

Сдержанные смешки офицеров были прерваны штурманом «Корейца» мичманом Бирилевым.

— Допустим, вы правы, и война начнется завтра. Допустим, что спрятав честь в карман, мы сможем подорвать минами «Асаму». Но что потом? «Варяг» на полном ходу, значит, прорывается, а мы? Что нам делать? Особенно меня порадовал ваш приказ о таране с последующим взрывом погребов. У нас на борту почти две сотни душ!

— Во-первых, Павел Андреевич, полная команда «Корейцу» не нужна, кстати, всегда считал, что людей у вас на борту не две сотни, а сто семьдесят пять, впрочем, вы ведь на канонерке меньше месяца, могли и не сосчитать. Расчеты носовых восьмидюймовок, это, простите, наш единственный шанс, нужны полные. Кормовой шестидюймовке тут достаточно сокращенного, вряд ли ей много придется стрелять, то же самое с малокалиберками. Машинная команда и кочегары — тоже половины должно хватить, полного хода вам держать не надо, но маневрировать надо точно, минеры, чтобы обеспечить один выстрел и, пожалуй, все. Я думаю, можно позвать добровольцев. Из офицеров я вынужден забрать штурмана, старшего офицера, артиллерийского офицера и врача.

— Лекаря-то зачем забираете? А как нам с ранеными быть?

— На стационарах есть свои врачи, а у меня, боюсь, будет раненых с полкоманды. Теперь о том, как быть, что делать и так далее. Если «Асама» после взрыва двух мин будет выведена из строя, вы обстреливаете «Чиоду», вроде в ордере она следующая? Причем я бы порекомендовал для каждого залпа «высовываться» из-за корпуса «Асамы», а для перезарядки задним ходом отходить назад, прячась за «Асамой». Тогда преимущество в скорострельности 120-миллиметровок «Чиоды» будет скомпенсировано, зато пары ваших 8" бомб ей для выхода из строя вполне может хватить. Да, и не забывайте любое шевеление на палубе и в казематах «Асамы» пресекать огнем ретиральной пушки и противоминной мелочи, а то прозеваete один-два ее восьми- или шестидюймовых снаряда, и прощай, «Кореец»! Как только вы получите повреждения, после которых ведение боя будет невозможно, команду в шлюпки, поджигайте запальные шнуры, заранее отмерьте десять-пятнадцать минут, направляйте брандер имени «Корейца» на «Асаму», чтоб ее подольше поднимали и чинили, и гребите назад в Чемульпо. Если до «Асамы» дотянуться не сможете, попробуйте взорваться на фарватере. Любое препятствие, блокирующее судоходство в Чемульпо, будет костью в горле у япошек при высадке десанта. А больше им его и высаживать-то особо негде. Мне не нужно, чтобы вы погибли. Наоборот, вы должны выжить и рассказать НАШУ версию событий, иногда на войне это важнее, чем выигранное сражение. А по поводу тарана, я думаю, про бриг «Меркурий» и пистолет Казарского все помнят?^[10] Так вот, если мы хотим выиграть эту войну, командир любого японского корабля, даже «Микасы», должен после нашего завтрашнего боя бояться просто сблизиться с любым самым занюханным русским миноносцем! Как турки боялись! Да и шансы на выживание не знаю где выше, на «Корейце» или на «Варяге», где лично вам, Павел Андреевич, придется завтра быть.

— Вы меня что, в трусости обвиняете, ваше высокоблагородие?

— Нет. Но мне до зарезу нужен на борту еще один штурман. Зачем, простите, позже. Но это приказ. А на «Корейце» штурман уже ни к чему, дедушке с рейда завтра не уйти...

— Вы так говорите, Всеволод Федорович, будто точно знаете, что нам завтра идти в бой. А ведь...

— Вениамин Васильевич, простите великодушно, но вы уже вернулись с «Сунгари» или все еще на пути туда? Ваша же идея с бетоном, вам и выполнять, инициатива — она наказуема.

Нервные смешки собрания медленно, но верно переходят в нормальный здоровый смех, чего собственно, и добивался командир крейсера, как бы его не звали. Обе его персоналии наперебой голосили, что с техническими деталями можно разобраться и завтра, а вот поднять дух команды и особенно офицеров перед боем сейчас гораздо важнее.

— Сей секунд, замешкался, вернее, заслушался. Вас послушать, так вы к этому дню будто год готовились! Только без меня ничего важного пожалуйста не обсуждайте, хорошо?

— Христом Богом клянусь, будем пить чай с коньяком и музицировать! А готовился не год, а всю жизнь, как и все мы, господа.

— Музицировать?

— Так точно господа офицеры. Кто у нас наиболее силен на рояле? Мичман Эйлер? Мне тут давно пришла в голову идея гимн «Варяга» написать, а сегодня по возвращению «Корейца» как обухом по голове ударило, повод-то какой! Вот вроде что-то получаться стало (простите за плагиат, неизвестные мне немец и переводчик, но так надо), [\[11\]](#) давайте вместе попробуем. Я попробую напеть, а вы, будьте любезны, подберите ноты.

— Но до того ли сейчас? Дел невпроворот, а вы музицировать!

— Больше скажу. Завтра надо будет до обеда и команду обучить песне. Им она пригодится дух поднять, да и помирать с музыкой веселее будет! Считайте это моей командирской блажью.

В сгущающихся вечерних сумерках рейда Чемульпо впервые звучала песня «Варяга». И пусть карты уже лежали немного не так, как в той истории что помнил Карпышев/Руднев. Пусть мелодия не на все 100 % совпадала с той, что он напевал с детства (эх, как я тогда в третьем классе дрался с братьями Ким после строчки про «узкоглазых чертей», до сих пор приятно вспомнить), и которая, наверное, и привела его в конце концов на эту скользкую дорожку. Которая завтра вполне могла закончиться на мостика «Варяга» разлетом его мозгов при неудачном разрыве японского снаряда, но зато ее пели именно те люди, у которых было на это больше прав, чем у любого другого исполнителя во все времена. И потом, команда должна не идти в бой потому, что она должна. Она должна в него рваться! Тогда завтра у нас будет шанс.

Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы выются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая.

Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Подобен кремешному аду!

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня, —
Настали минуты прощанья.

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами!

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга»!^[12]

Глава 6

Муравейник

Рейд Чемульпо, Корея. 26 января 1904 года, вечер.

На борту «Сунгари» корейские кули, погоняемые русскими моряками во главе с двумя боцманами, сунгарским и с «Варяга», готовили его к гибели. На мостике сам капитан изливал душу Рудневу.

— Я понимаю, необходимо. Я понимаю, или это старое корыто — или новый крейсер, один их лучших на флоте. Я понимаю, мы не утопим, так или японцы расстреляют, или, того хуже, себе заберут и будут снаряды возить, которые потом на русские головы полетят. Но все одно, своими руками свой же корабль медленно готовить к утоплению — это как старого друга предать! Может, для вас, господин Руднев, это просто груда железа в полторы тысячи тонн водоизмещением, но для меня...

— Но для вас это то же самое, что для меня «Варяг», старый товарищ. Прекрасно понимаю, и поверьте, сочувствую. Даст Бог, прорвемся, лично попрошу государя новому пароходу КВЖД или Доброфлота присвоить имя героически погибшего «Сунгари», а вас поставить капитаном, вернее, уже командиром. А может, мобилизую вас в военный флот и захвачу вам крейсер у японцев! Примете командование?

— Ну, если вы так ставите вопрос, то приму. Но только если назовете «Сунгари»!

Сарказм в голосе капитана был практически нескрываем. Ну что ж, я бы на его месте тоже не поверил. Но зато теперь я его, как придет время, смогу поймать на слове. А в эти времена слово совсем не такой пустой звук, как в мои.

— Договорились, «Сунгари» так «Сунгари». А пока пойдемте посмотрим, что у вас в трюмах творится.

— Разгром и грязь! Вот что там творится. Водонепроницаемые переборки разбиты, двери вырваны с мясом, под котлами мина ваша, будь она неладна! Очень надеюсь, что ваш минер Берлинг свое дело знает, и так кочегары боятся работать. Еще куча вашего взрывоопасного барахла в кладовых и вторая мина, вся опутанная проводами, как гирлянды на иллюминации по случаю коронации государя, да-с, имел честь присутствовать. В грузовых трюмах еще хлеще, сначала хоть в мешках цемент сваливали, хоть какой-то порядок был, так прибежал ваш малахольный старший офицер, прости господи, приказал распороть мешки, да еще и затопить трюмы наполовину. Сейчас туда вообще мусор и камни со всего порта корейцы стаскивают, а как закончат, начнут наш уголь носить к вам на «Варяг». Хотя зачем вам наш мусорный уголек, не знаю. Мы-то на кардиффах не ходим-с. А вообще обидно, всю жизнь был чистый аккуратный пароход, а перед смертью в помойку превратился. Мы с вами, наоборот, завтра в чистое переоденемся, а «Сунгари» вот так вот. Жалко его, одним словом. Ну да пройдемте, добро пожаловать к нам на шестой круг ада, господин каперанг!

Капитан не соврал ни одним словом. Внутренние помещения парохода представляли из себя квинтэссенцию беспорядка и разрушения. К этому надо добавить толстенную 190-килограммовую тушку гальваноударной мины образца 1898 года между котлами. Два десятка ее близняшек на палубе, попарно подвешиваемых к днищам шлюпок и катеров,

щедро переданным на «Сунгари» с обеих военных кораблей. Присовокупите десяток пироксилиновых патронов на кингстонах и стенках котлов, и тогда можно понять, почему кочегары, несущие вахту и поддерживающие пары, столь опасно вжимали головы в плечи. Ничего, им пройти-то надо всего пару миль, а потом пошуровать в котлах напоследок для обеспечения более красивого облака взрыва, и на «Варяг». Правда, там потом еще страшнее будет, ну что поделать, война.

Из носового трюма донеслась сочная морская ругань с упоминанием святых и что совсем уж не в кассу, офицеров. Так, это уже интересно! Что у нас тут за действующие лица? Ага, два известных бузотера с «Варяга». Ну конечно, кого еще могли ночью послать затапливать трюмы с цементом? Только «любимчиков» старшего офицера. Но, впрочем, заслуженно их Вениамин Васильевич чморит. Как какая заваруха, так эта парочка всегда в центре. Взять ту же историю с купанием пары английских матросов в Шанхае! Не совсем добровольном, естественно, купании. Кто ж по доброй воле в марте в воду с пирса сиганет-то? Пари у них, видишь ли, было. Небось по вопросу «кто кому в рыло первым с размаху попадет, чтобы с копыт». Ну да ладно, то дело прошлое. А чем же у нас сейчас матрос первой статьи Михаил Авраменко не доволен? Ага, в жидкий бетон, как это по французски, плюхнулся. Ну а при чем же тут начальство-то? Так, если вынести за скобки две минуты мата, силен, бродяга, кстати, не повторяется, к себе вернусь, надо пару выражений перенять, «а на фига вообще мы это тут делаем». Ну что же, придется снизойти до разъяснений. Мне завтра нужна вся команда в числе единомышленников, а этот сорвиголова вместе со своим корешем Кириллом Зреловым всех оповестят почище корабельной трансляции. И в нужной тональности.

— Вечер добрый, чудо-богатыри!

— Рады стараться, ваше высокоблагородие!!!

— Ну что, в трюме не как у вас на грот-марсе, скучно и грязно?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Ладно, братцы, вольно. Присаживайтесь, курите, вот папиросы.

— Так в трюме же не на баке, ваше...

— Да ладно, в ЭТОМ трюме теперь можно все что угодно. Я разрешаю. Тут завтра такой фейерверк будет, что пара окурков не повредит. Угощайтесь.

— Благодарствуем.

— Я тут краем уха слышал, как ты, Авраменко, поливал весь мир и меня в частности, не оправдываясь, если бы я в жидкий цемент по колено нырнул, то от меня ты бы еще и не такое услышал. Да не дергайся ты, нам с вами, братцы, завтра надо пробиться сквозь шесть крейсеров наших узкоглазых «друзей». И мне уж точно не до того, чтобы обижаться на то, как ты меня назвал. Собака лает, ветер носит, как говорят на востоке. Но вот в том, что я заставляю вас заниматься идиотизмом, ты не прав.

— Вашбродь! Так мало того, что на нас вся местная команда волком смотрит, те, что остались, большинство уже к нам на «Варяг» съехали, так еще и не отстирать ведь цемент-то! На кого я похож, не матрос, а пугало огородное, да и только. Завтра на поверке господин старший офицер опять на бак на час поставят, а отмыться-то некогда!

— Не бойсь, замолвлю за тебя словечко, а завтра мы все в чистое по любому переоденемся. А пароход мы этот поутру выведем на фарватер и, если узкоглазые не сдадутся, то взорвем ко всем чертям! А цементом вы его заливаете, чтобы им его потом было веселее поднимать из ледяной водички. Так что порядок тут можно не соблюдать. Мины на

верхней палубе видели? Как закончите в трюме и докурите, помогите гавальнерам их подвесить под днища шлюпок и спустить эти конструкции на воду. Нечего супостату подглядывать, что мы тут делаем, будет ему сюрприз. Да, еще, всей команде сегодня по двойной чарке перед сном. А завтра сколько влезет, но, братцы, после боя.

— Рады стараться, ваше высокоблагородие!

— Ну раз рады, то старайтесь. Завтра утречком еще новую песню выучим, чтоб помирать нам было веселее, слышали, небось, как в кают-компании пели? А пока работайте. Ночь коротка, а дел много. Да, еще о делах, как тут закончите, соберите всех наших мелких артиллеристов... Ну, что смотрите глазами крупнее тарелок? Все расчеты орудий калибром сорок семь миллиметров и бегом на бак. Вам мичман Лобода прочтет лекцию о том, как заряжать, наводить и стрелять из шестидюймовки Канэ. Вы следующие после севастопольцев. Вы-то хоть артиллеристы, а из них дай Бог хоть подносчиков за ночь нормальных сделать. Знаю, что вы ее изучали, но это было давно, а завтра я ожидаю большую убыть в расчетах. Вот вы и будете их подменять, до атаки миноносцев у 47-миллиметровок вам делать нечего, понятно?

— Так точно, Ваше высокоблагородие!

Так, теперь можно и на «Кореец».

Григорий Павлович Беляев был в корне не согласен с уверенностью Руднева в неизбежности завтрашнего боя. Может, еще пронесет, выпустят япошки «Варяга» и «Корейца», но на всякий случай к неприятностям подготовиться не мешает, это он признавал. Другой вопрос, что отослать полкоманды на «Варяг» и подготовить носовую крюйт-камеру к взрыву не совсем то, что он полагал единственно верным для подготовки к бою. Но приказ есть приказ.

Так, а вот и господин Руднев на катере пожаловал, Что он тут забыл-то, обычно к себе на «Варяг» вызывал, если что-то надо. И что на него вообще сегодня нашло? Никогда такого шила в заднице за ним не замечалось. Известен как один из самых мягких и сговорчивых командиров на флоте. А тут на тебе, вдруг все делает по своему. Ни на йоту от своего плана не отступает! Как подменили.

— Добро пожаловать на борт, Всеволод Федорович. Вы с инспекцией?

— Ну что вы, право, Григорий Павлович, какие сейчас инспекции. Скорее еще раз отработать взаимодействие, может, вы мне что посоветуете; может, я вам. В общем, как говорят наши злейшие друзья англичане, провести «мозговой штурм».

— Ни разу не слышал такого выражения, но суть понятна. И что мы с вами штурмовать будем? И главное, где? Позвольте пройти в мою каюту?

— Да, там любопытных ушей поменьше. А штурмовать мы с вами будем японскую эскадру, конечно, сначала сегодня в уме, потом завтра по настоящему. Давайте заодно посмотрим, что у вас творится в носовом погребе, если вы не возражаете.

— Да за ради Бога. Там все готово к взрыву, только детонаторы пока не заложены, от греха, стены к утру срубим, снаряды для 8" выложены, расчеты получили свои чарки и теперь отсыплются, минеры никак не могут закончить проверять свою ненаглядную мину в ...надцатый раз. Я и сам по старой миноносной привычке не удержался, разок к ней в потроха залез. Идею с противоосколочными стенками у вас, уж простите, украл без спросу, сейчас на носу матросики мудрят с койками, прикрывают зады 8". Чехлы на 8" распороты и сшиты на живую нитку, причем для прицелов и у среза стволов оставили дырки. Орудия заряжены, наводчиков завтра посажу под чехлы, и первый залп для японцев точно будет

неожиданным. Я хоть и не верю что завтра придется с японцами воевать, они нам тут цирк не в первый раз устраивают, но к этому готов. И сам готов, и «Кореец» тоже подготовил, насколько это вообще для нашего старичка возможно. Так что выкладывайте начистоту, зачем пожаловали.

За капитанами соответственно первого и второго рангов закрылась дверь каюты.

— Ну, начистоту так начистоту. Я понимаю, что вы на меня сильно обижены, так как я фактически бросаю «Кореец» на растерзание, и прикрываясь им, спасаю «Варяг», то есть я — последний негодяй, и иду против главной традиции Русского флота — сам погибай, но товарища выручай.

— Ну что вы, я ни единым словом...

— Ваше молчание было достаточно красноречиво и что за ним скрывалось, тоже весьма очевидно. Как и за молчанием ваших и моих офицеров. Но понимаете, мы сейчас фактически единственные, кто может выиграть эту войну.

— Гм. Простите за прямоту, Всеволод Федорович, но, кроме нас, тут никого нет, и я тоже хочу спросить вас кое о чем. Откровенность за откровенность. У вас никто в роду манией величия не страдал?

— Нет, Григорий Павлович, я первый, и, кстати, не страдаю, а наслаждаюсь. Скажите, кто может сорвать развертывание японской армии через Чемульпо, кроме нас с вами?

— В Артуре, если помните, целая эскадра, включая семь броненосцев, во Владивостоке четыре крейсера, каждый из которых по сумме боевых возможностей превосходит «Варяга» и «Корейца» вместе взятых. Ну, кроме «Богатыря», тот практически ваш близнец, хотя, на мой взгляд, уж простите, слегка улучшенный.

— Да, все так и есть. Но давайте поставим себя на место Того. Уверен, что Порт-Артурская эскадра как раз сейчас атакована кучей миноносцев и после подрыва пары броненосцев она уже не может бросить вызов Того до окончания их ремонта, то есть на войсковые перевозки никак не повлияет. Владивостокский отряд крейсеров заперт льдами еще минимум месяц. И значит, еще минимум месяц тоже никак на перевозки воздействовать не сможет. Да и потом, из Владика сюда надо идти через Цусимский пролив, пройти-то сюда они, может, пройдут, а вот на обратном пути их и поймают. Короче — не рискнут они.

— Но и в Артуре есть и крейсера, «Аскольд», «Новик», «Боярин», «Диана» с «Палладой» в конце концов.

— А еще там есть Старк, который их никогда в самостоятельное крейсерство не выпустит, пока под Артуром болтается парочка асамоподобных. Отвлеченный вопрос. Вот как вы думаете, что надо, чтобы вывести из строя обе ваши восьмидюймовки, к примеру? Каково минимальное необходимое воздействие?

— Ну, я думаю, достаточно одного крупного снаряда, завтра проверим.

— А я вот думаю, что хватит горсти песка в смазку.

— Это само собой, но вы это к чему?

— Это я к тому, что сейчас песочком в японском военном механизме можем и должны стать только мы. И для этого я готов принести в жертву свое доброе имя, подорвав «Асаму» весьма подлым (да слышал я, что вы себе под нос на совещании бубнили, слышал, не надо большие глаза делать) образом и бросив «Кореец», это война и главное — ее выиграть. А появление «Варяга» на своих войсковых коммуникациях Того никак предвидеть не мог. Затем он сюда целую эскадру и пригнал, чтобы ни при каких обстоятельствах ему «Варяг» поперек горла не встал. Да и просто утопление «Асамы» — это уже минус один корабль

линии, а их у Того всего-то четырнадцать. Вернее, пока даже двенадцать, гарибальдийцы еще в пути.

— То есть вы не в Артур идете?

— Нет. У меня гораздо более интересные планы. Простите, но даже вам я не могу их раскрыть, так как есть шанс, что вы попадете в плен к японцам, и тогда они просто «поменяют смазку», и получится, что «Кореец» погиб зря...

— Ну, тогда удачи вам, раз вы все уже твердо решили. Давайте еще раз пройдемся по действиям «Корейца»?

— Ну давайте. При приближении к «Асаме» выгоните всех, кого можно, на палубу, пусть глазуют на нее. Тут против пословицы, чем больше народу, тем больше кислороду.

— Не понял, а зачем, собственно?

— Ну, чтобы господин Уриу не сомневался в ваших невоинственных намерениях. Корабль с кучей ротозеев на палубе никто за противника, готовящего гадость, принимать не будет. Так понятно?

— Вполне.

— Далее. По черной ракете с катера расклепывайте якорную цепь, я тоже самое планирую сделать, эта тяжесть нам больше ни к чему, залп из носовых пушек по мостику и пуск мины. Только умоляю, сначала поднять боевые флаги и спустить сигнал о переговорах. Одновременно с ретирадной шестидюймовки положите снаряд с перелетом по «Сунгари», чтобы стационары его заметили. Одновременно со взрывом мины подрыв нашего сюрприза, Берлинга я уже проинструктировал. Он потом, когда вы решите топиться, по вашей ракете белого дыма подойдет вам к борту и попытается снять раненых. Если его самого к тому моменту не утопят. Потом по обстоятельствам, если «Асама» не тонет — таран и подрыв, если тонет, то поиграйте в прятки с «Чиодой». Высовывайтесь из-за «Асамы», давайте залп, и полный назад. Так у вас есть шанс ее тоже хорошо поцарапать. В прямой бой с ней лезть я бы поостерегся, все же у нее скорострелки, и числом поболее. А у вас брони, считай, что нету. Если случится невероятное, и вы и «Чиоду» выведете из строя, то тогда огонь по следующему крейсеру. Но, думаю, к тому моменту сам «Кореец» уже будет не боеспособен. Как только вы потеряете способность стрелять из обоих 8" или возникнет угроза потери хода, или больших затоплений, сразу тараньте «Асаму», или, если не сможете, взрывайтесь на фарватере. Но, естественно, взрыв после посадки команды в шлюпки. Катер, повторюсь, тоже должен попытаться подобрать уцелевших. По прибытию на берег придерживайтесь нашей версии событий. Мы предъявили японцам ультиматум, они утопили «Сунгари», мы открыли огонь в ответ на это, мины на фарватере — случайность, результат подрыва «Сунгари», вызванный попаданием японского снаряда. Зазубрите, как «Отче наш», и офицерам то же самое затвердите. Вопросы, предложения?

— Что в это время делает «Варяг»?

— Избавляюсь от якорей, кроме одного, даю полный ход, проходя мимо «Асамы», пускаю по ней пару мин, чем дольше ее будут чинить, тем лучше, потом стреляю по «Нийтаке» и прочим, и пытаюсь прорваться в море полным ходом. Там в темноте меняю курс, может, устрою сюрприз для японцев, если они за мной погонятся, и утром начну ловить транспорты. Обычная крейсерская работа.

— По этому фарватеру полным ходом? А рули вам заклинит, что тогда?

— Ну, волков бояться — в лес не ходить. Как надо будет притормозить в узостях, дам полный назад. Заодно пристрелку японцам собью. Бронированную трехдюймовую трубу с

рулевыми приводами «Варяга» перебить фугасами — это почти невозможно, знаете ли. Кстати, для того я у вас штурмана и забираю, он этот фарватер получше моего знает. И потом, призы тоже он поведет во Владивосток, если такие будут. Для этого и ваша команда нужна на «Варяге».

— И все это при том, что вы до сих пор не знаете об объявлении войны?

— Завтра узнаем. По тактике на завтра все ясно?

— Вполне. Что не ясно, так это что на вас нашло, Всеволод Федорович? Вы сам не свой. Не скажу, что мне новый Руднев не нравится, но откуда он взялся? Никогда бы не поверил, что вы можете пойти на такое.

— Обстоятельства-с вынуждают. И потом, в каждом из нас и наших матросов живут два разных человека, мирного времени и военного. И обычно, как это ни странно, те, кто хорош в мирное время, никуда не годятся в военное, и наоборот.

— В том-то и дело, что в мирное время вы, уж простите, были выше всяческих похвал, Всеволод Федорович.

— Ну, значит, перед вами мой злой двойник. На том и порешим. Ну, удачи вам завтра.

Командиры допили «Адвокатов»^[13] и плечом к плечу вышли из каюты на верхнюю палубу. Так как главный разговор уже состоялся, лезть в трюмы, крюйт-камеры, машинное и прочие потроха «Корейца» не было смысла. За долгие годы службы Беляев изучил «Корейца» досконально и вряд ли вероятность что-либо подметить свежим взглядом перевешивала неизбежно потерянное время. Ночь уже перевалила далеко за середину, а список абсолютно необходимых дел упорно не уменьшался, а наоборот, продолжал расти, как снежный ком. Да, с форумной точки зрения все было гораздо проще! Кстати, о необходимых делах...

— Да, чуть не забыл, Григорий Павлович. Как вы думаете, сколько шестидюймовых снарядов вы успеете расстрелять завтра из свой ретирадной пушки?

— Если сильно, безумно повезет, то тридцать-сорок, на самом деле верю в двадцать, а что?

— Видите ли, любезнейший Иван Александрович, у меня в боекомплекте де-факто одни бронебойные снаряды. Причем нового вредительского образца. А мне для прорыва надо максимально выбить артиллерию противника, тут ваши старые, но стабильно взрывающиеся фугасы были бы гораздо полезнее. Может, оставим вам на борту пятьдесят штук, а за остальным я пришлю катер? Хоть по десятку снарядов на орудие, которые взрываются при попадании в цель, а не делают аккуратные шестидюймовые дырочки в бортах на входе и выходе.

— А, черт с вами, грабьте. Но если завтра войны все же не будет, вам понадобится много удачи, чтобы объяснить свои действия перед Старком! И что за новый вред... как вы, простите, сказали, какой образец?

— Хотел бы я, чтобы разбирательство (вот ведь черт, чуть не сказал «разборка», следить надо за чистотой речи, следить) со Старком была сейчас моей самой большой проблемой. А по снарядам... Понимаете, мне тут конфиденциально один старый приятель сообщил из артиллерийского ведомства, имени назвать не могу, хоть убейте, просил остаться инкогнито, что трубки для бронебойных снарядов новых серий практически все с дефектом. Какие-то проблемы с излишней чистотой материалов, что ли. Снаряд взрывается только при попадании в очень толстую броню, и то не всегда.

— Да вы что! Это что же, на всех броненосцах и крейсерах эскадры, получается,

невзрывающиеся снаряды? А начальство в курсе?

— Да хрен его знает! Если и в курсе, то до конца войны вряд ли почешется. Российская традиция — гром не грянет, свинья не съест! В исполнении русского чиновника — страшная вещь. Ну, удачи нам с вами завтра! И да хранит нас Бог!

Глава 7

Карты на стол!

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года.

Расклепав якорные цепи, и тем самым сразу облегчившись на десяток тонн (идея давеча вызвала тихую панику у мичмана Черниловского-Сокола, ревизора крейсера, которому за якоря предстояло отчитываться, и никакие уверения командира, что они будут списаны по статье «Утраченные в бою», не могли вернуть ему хорошего настроения) «Варяг» рванулся вперед одновременно с первым выстрелом «Корейца». Пары подняты с утра во всех котлах, в системе охлаждения подшипников главных валов и в ведрах рядом с ними заранее охлажденное масло, полуторная смена кочегаров — все это должно было позволить держать двадцать два узла до заката, потом, правда, был шанс, что придется выводить машины по одной для ремонта. Но до этого еще надо было дожить.

Похоже, что фортуне тоже было любопытно, что может получиться из сумасшедшей идеи экс-форумчанина, и она на этот раз решила немного подыграть русским.^[14] После двух практически одновременных взрывов с одного борта крен «Асамы» медленно, но верно нарастал. Действие ее артиллерии главного и среднего кончилось, так и не начавшись, с «Асамы» «Кореец» получил пока только одно шестидюймовое попадание в надстройку и пару малокалиберных снарядов, с «Варяга» было не разобрать, куда именно. Впрочем, само собой, не все прошло так, как хотелось бы, теория вероятности и законы Мерфи вносили свои коррективы. Один из снарядов первого залпа «Корейца» не пожелал лететь в мостик, как было задумано нацеливавшими его артиллеристами. Ему было угодно закончить свой жизненный путь красивым взрывом в кормовой оконечности «Асамы». Вот тут-то и аукнулось японцам интересное конструктивное решение инженеров эльсвикской верфи, разместивших динамо-машины над броневою палубой. И если на ведение огня из казематных шестидюймовок наличие или отсутствие электроэнергии существенно повлиять не могло, хотя заряжать тяжеленные 6" снаряды в полной темноте малорослым японцам было теперь гораздо веселее, то вот ворочать вручную восьмидюймовые башни при нарастающем крене и масляном душе из разорванных сотрясением шлангов гидравлики — удовольствие весьма сомнительное.

Второй залп «Корейца» был направлен в шестидюймовые казематы левого борта «Асамы». Память лже-Руднева услужливо подсказала, что может натворить даже один русский 8" снаряд в нужном месте, пусть даже выпущенный из короткоствольной пушки (длина установленных на «Корейце» и «Рюрике» пушек была тридцать пять калибров, вполне прилично для конца XIX-го века, но на начало XX-го уже немного несерьезно из-за возросших дистанций боя). Пусть с зарядом слабенького черного пороха, но попавший в цель в аналогичной ситуации при Ульсане снаряд «Рюрика» нанес самые тяжелые повреждения за одно попадание японскому кораблю, однокласснику «Асамы», кстати. А уж что могут натворить два таких подарочка, одновременно взорвавшись в казематах одного борта, лучше всего представить, посмотрев наиболее завлекательные и кровавые моменты «Убить Билла». Цепь вторичных детонаций зарядов и достаточно неустойчивых к близким взрывам шимозных снарядов полностью разнесла оба яруса каземата и практически полностью

вывела их из строя. Нет, будь у японцев хоть полчаса на разбор завалов, пара комплектов запасных прицелов и еще небольшая кучка более мелких запчастей к орудиям, «Кореец» был бы сметен с поверхности моря мощью одного среднего калибра, который у «Асамы» составил бы честь любому современному броненосцу. Увы, или к счастью, как говорил (или как еще скажет) старик Эйнштейн, все относительно.

Впрочем, японцы не те люди, которые готовы признать, что что-либо совершить невозможно, особенно если еще есть хоть какой-то шанс! Вот и сейчас с мостика «Варяга» в бинокль можно было разглядеть, что носовая башня ГК «Асамы» медленно начала поворот в сторону «Корейца». Помня о том, что одного залпа пары асамовских монстриков главного калибра хватит «Корейцу» за глаза, с него открыли по башне суматошный огонь из всего, что могло стрелять, включая оба пулемета. К сожалению, восьмидюймовки самого «Корейца» находились в процессе перезарядки. Вот рывкнула ретиральная шестидюймовка, увы, снаряд разорвался на бортовой броне «Асамы», не причинив никакого вреда ничему, кроме краски (пара неудачников, находившихся в отсеке за броней и получивших серьезную контузию, не в счет в корабельной дуэли, хотя лично они бы с этим не согласились). Больше шансов предотвратить залп у «Корейца» не осталось, надежному бронированию башни мелкие снаряды, даже попадая в цель, навредить не могли, а попасть в прорези комендорского колпака на крыше башни — слишком уж невероятная удача. «Варяг» все еще находился слишком далеко, рассчитывать даже на попадания просто в «Асаму» было бы самонадеянным оптимизмом, не говоря уже об отдельно взятой носовой башне. Да если и открыть огонь сейчас, с сорока пяти кабельтовых — это значит рисковать остаться без орудий в момент прохода мимо «Нийтаки». А это приговор уже не только «Корейцу» с его менее чем сотней душ на борту, но и «Варягу», где их скопилось более восьми сотен. Проклятые подъемные дуги! И никак не объяснить милым юным мичманам — командирам носового плутонга, батареи трехдюймовок и орудий правого борта, чьи удивленные глаза видны даже с мостика, ПОЧЕМУ гад Руднев так затягивает с открытием огня. Вот и лейтенант Зарубаев, стоящий рядом, сжал бинокль так, что костяшки пальцев побелели. Было видно, что обожание командира, ловко избавившего их от самого опасного противника, «Асамы», борется в нем с недоумением! Давно пора открывать огонь, неприятель в зоне действия артиллерии, чего же ждет этот олух с погонами каперанга? Дистанции выстрела картечью этому пережитку парусной эпохи не хватает? Но молодец, дисциплинированно больше об открытии огня не спрашивает, всего-то двух отлугов ему пока хватило, особенно хорошо подействовал второй, с упоминанием подробностей интимной жизни с шестидюймовкой системы Канэ^[15] в особо извращенной форме. А, черт с ним, наверное, уже можно.

— Лейтенант, скомандуйте открыть огонь носовым плутонгом и всем, что дотягивается с правого борта по «Асаме» в момент выхода из-за Идольми. Снаряды наши. Те, что доставили с «Корейца», беречь до момента прохода мимо «Нийтаки».

— Есть! На дальномере!

— Сорок два кабельтовых! Скорость сближения порядка четырнадцати узлов!

— Носовой плутонг, залп!!

Приказа на открытие огня «Варягом» совпал с моментом, когда командиру башни «Асамы» показалось, что он наконец-то поймал в прицел ускользающий на циркуляции «Кореец»...

Увы, не показалось, поймал, зараза. Один из снарядов прошел впритирку над палубой,

второй же... Хорошая точность для первого залпа, впрочем, в упор дело нехитрое, есть одно попадание в борт. С другой стороны, без электричества не так и просто, или все же резервное динамо запустили асамоиды узкоглазые, чтоб их в Бога душу коромыслом, нет, хоть они и враги, но молодцы, воевать умеют... Носовая часть вроде прямо под левой восьмидюймовкой, черт... Ну что, минус 50 % от мощности артиллерии и прощай всякие шансы на добивание ожившей башни «Асамы» и повреждение «Чиоды»? Блин, кажется, потому что очень хочется, или на самом деле получилось? Отсюда не разобрать, ну, сколько восьмидюймовок ответит на «Корейце»? Обе??? СРАБОТАЛО!!! Дуракам везет!!! Особенно если они сами заботятся о своем везении!

Глава 8

Последний козырь

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года, рассвет.

— Всеволод Федорович, при всем уважении вы сошли с ума!!! Это уже ни в какие ворота не лезет! Нигде, ни в одном уставе ни одного флота я не слышал об упоминании подобной чуши! Я оказываюсь заниматься этим идиотизмом! Вам надо показаться лекарю для освидетельствования на предмет полного и неповрежденного рассудка! Может, мне еще и подштанники команды вдоль борта натянуть, чтобы восьмидюймовые снаряды назад к японцам отлетали, а что, там же есть резинки, почему нет? Причем сейчас вы мне растолкуете, что нестираные работают эффективнее! Ну кто вам сказал, что у японцев настолько повышенная чувствительность взрывателей, кто??!

Как знакомо! Прямо любимый Цусимский форум на сто восемь лет вперед, только вот в морду там с экрана получить нельзя было, а тут очень даже можно, господин старший офицер пошел на принцип.

— Вениамин Васильевич, умоляю, расслабьтесь, выпейте стакан коньяку, вам можно, вам орудия не наводить и давайте на полтона пониже, хорошо? Чем вам не нравится идея завалить перед боем леера и главное, натянуть вдоль борта НАД ватерлинией противоминные сети с койками в ячейках? Как нам это может навредить?

— Да весь мир будет смеяться, что же это за крейсер, который идет в бой, вывесив за борт противоминные сети с койками? Как нам это поможет, кроме того, что нас обсмеют? И потом, вы предлагает на выстрелах вывесить сети над ватерлинией, то есть их придется обрезать и по прямому назначению, как противоминные их потом использовать уже нельзя будет, так как они будут слишком коротки, правильно? Опять перевод корабельного имущества? А леера завалить? Это ладно, хотя пол команды за бортом может оказаться на первом же повороте, но тут хоть смысл есть, да и заваливаются они. А вот зачем весь этот цирк с койками и сетками, простите великодушно, не улавливаю.

— Запарили вы меня с каптенармусом этим имуществом! Наша задача убереечь крейсер! Корпус, машину, пушки и людей! Этого достаточно, и это уже очень сложно!! Практически не выполнимо, черт подери!!! Все остальное, якоря, сети, уголь, настил палубный, для боя и похода не критичное, при необходимости в жертву этой задаче принесем, и не поморщимся, зарубите себе на носу! Мне надо, чтобы сети прикрывали весь надводный борт, но не возвышались над ним. Поймите, у японских снарядов отмечена повышенная чувствительность, они взрываются, попав в любое препятствие, причем мгновенно. Если на пути такого снаряда за пяток футов до его попадания в борт окажется койка или трос противоминной сети, то он взорвется там. Нам грозит душ из осколков, это неприятно, но переживем, все лучше, чем дыра в борту и поврежденные взрывом механизмы за ним! А леера вообще будут ловить те снаряды, что иначе пролетят мимо без взрыва.

— Но как я вам подниму сети до уровня верха бортов? Я же не волшебник! Выстрелы устроены так, чтобы обеспечить постановку противоминного заграждения, понимаете? Противоминного!!! А мины, они не по воздуху летают, они под водой плавают!

— Прикрутите на выстрела кронштейны, обрежьте сети, если они слишком длинные,

нам не надо, чтобы они были заглублены более двух футов, глубже вода сама вызовет детонацию. Вы, в конце концов, офицер Русского Императорского Флота! Думайте, задача вам поставлена, целесообразность объяснена, хотя я и этого делать был не обязан, потрудитесь, наконец, обеспечить выполнение. А дуться на меня будете после боя. Обещаю, если идея не сработает, на том свете перед Вами извинюсь. А если сработает, то вам разрешаю на этом не извиняться. И потрудитесь вашу изобретательность впредь направить на выполнение моих приказаний, а не на их оспаривание, а то мне еще на «Корейце» объяснять то же самое, а время у нас в обрез.

— Что, и «Кореец» тоже будете декорировать коечками в противоминных сетях?

— Нет, у них проще будет, у них паруса есть, если помните. Несколько слоев парусины будет достаточно, хотя и не так эффективно — первым же взрывом разметает... А у нас, может, выдержит даже пару-тройку попаданий.

— Да ни черта не сработает! Пролетит снаряд сквозь вашу тряхомудию, как через бумагу, и не заметит. Только и «пользы» с этой затеи, что пластырь под пробоину потом труднее подводить будет из-за вашей затеи, Всеволод Федорович!

— Если бы мы говорили о русских снарядах, то да, пролетит и не заметит. Им что койки, что борта, что броня не слишком толстая — один черт не взорвутся. Наши «мудрые» головы погорячились с тугим взрывателем. Ну да какие головы, такие и трубки, это вполне себе логично. Но вот японцы погорячились в противоположном направлении! Их новые снаряды взрываются при любом контакте, с любым препятствием, поймите!

— Ну кто, кто вам это сказал??! Из-за кого мне опять аврал команде объявлять? Старк? Генерал-адмирал? Наш морской атташе в Японии? Какая сво...

— Простите, но у меня свои источники. И я дал слово их не раскрывать, но я обязан проверить эту идею, если сработает — нам лишний шанс на выживание, если нет, ничего не теряем.

— Ну так уж и ничего! А намотаем вашу гадость на винты? Представляете себе картинку, крейсер идет на прорыв с винтом, обмотанным его же противоминными сетями, которыми он собирался ловить шестидюймовые снаряды противника, как бабочек сачком!!! Вам самому не смешно?

— Риск — дело благородное. Порежьте сети на мелкие секции, и привесьте к ним грузы, будут обеспечивать лучшее натяжение и топить сорванные с выстрелов секции до того, как те затянет к винтам. Койки всплывут, сеть утонет. Да и сами винты можно оградить, подумайте.

— Можно. Был бы в этом толк, все можно... Ладно, покумекаем, но за испорченные сети...

— Слушайте, сколько можно в самом деле? Еще раз о безвременно утраченном имуществе напомнит мне кто-нибудь, самолично за борт выкину наглеца!!! Предварительно пристрелив.

— Так, Всеволод Федорович, сами же говорили, что «сохранность вверенного нам казной имущества превыше всего»! И не раз, не раз.

— А в «мирное время» я не добавлял случайно?

«Черт бы подрал моего предшественника с его меркантильно-чиновничьими интересами! С такой бы энергией команду гонял на предмет стрельбы и порядка в машинном отделении, сейчас у меня был бы самый боеспособный крейсер Российского флота, а не самый „комплектный по списку“. Ненавижу!!!» — В который раз пронеслось в

голове лже-Руднева по адресу самого себя прежнего!

— Да вроде нет...

— Значит, ПОДРАЗУМЕВАЛ, черт меня подери!!! А сейчас у нас война!!! И распорядитесь катер к трапу подать, мне еще на «Корейце» такой же разговор предстоит. Да, само собой, не задействуйте в аврале кочегаров «Варяга» и орудийную прислугу. Попробуйте справиться силами команды «Сунгари», севастопольцами, корейцами, что у нас на борту, и палубными матросами. Им в бою особо делать нечего будет, пусть сейчас поработают.

Так, теперь надо придумать, как объяснить Беляеву, почему я ему вчера не растолковал про экранирование бортов парусами. Честно сказать, что вчера об этом совершенно забыл? Потеря авторитета командира, как говаривал полкан на военке, самое страшное, что может с этим самым командиром быть. После группового изнасилования подчиненными, да, юморок-то у него того, казарменный... Вроде правда, если судить по собственным впечатлениям, особенно последним, в шкуре Руднева. Сказать, что только что придумал? Это тоже не фонтан, командир должен заранее знать, что случится с вверенными ему силами. Сослаться на то, что было не до этого, не хотел нервировать японцев, торчащих на рейде, чтобы не спровоцировать стрельбу (отмазаться, короче, честно говоря), а сейчас впереди еще полдня, как раз успеваем? Гм... А вот это может и прокатить...

Глава 9

Козыри из рукава

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года.

Итак, «Корейца» пронесло (отперфорированный осколками борт, заливаемый через осколочные пробойны форпик, два члена расчета левой носовой восьмидюймовки убиты осколками на месте, еще трое ранены, плюс куча оспин на щите орудия, пара из них сквозных — это так, мелочи жизни). Вернее, пронесло «Асаму», причем по полной — очередной снаряд из двухорудийного (интересно было бы СЕЙЧАС посмотреть на выражение лица старшего офицера!) залпа восьмидюймовок «Корейца»^[16] все же попал в носовую башню! Пробить броню, правда, ему не удалось, но и просто встряски должно хватить для хотя бы временного вывода башни из строя. Малейшей перекося на катках, самый мелкий осколок под мамеринец — и попробуй проверни эту махину! То же самое относится и к вертикальному наведению орудий, затворам, а про тонкую механику прицелов и дальномеров после такого сотрясения вообще лучше помолчать. Минут так ...надцать, свободных от восьмидюймового дула, у «Корейца» есть. Если кормовая башня не оживет, конечно... На напряженно ожидавшем залпа кормовой башни «Корейца» не могли знать, что мина, поставленная с катера и взорвавшаяся практически прямо под ней, намертво заклинила элеватор. Сейчас на «Асаме» в полной темноте, кормовая динамо-машина тоже не пережила сотрясение от взрыва, в заливаемых погребах расчеты пытались вручную подать на несколько палуб вверх тяжеленные пороховые заряды.

Беляев на «Корейце», не дождавшись залпа с «Асамы» и понадеявшись, что с нее пока хватит и ретиральной шестидюймовки, решил обратить благосклонное внимание главного калибра на «Чиоду». Подождав минуту, требуемую для перезарядки восьмидюймовок, канонерка дала полный ход и, не прекращая обстрела «Асамы» всей мелочью правого борта, решительно направилась в обход ее корпуса в сторону «Чиоды». При этом ретиральная шестидюймовка пару раз в минуту посылала горячий сорокакилограммовый привет то в непонятно почему молчащую кормовую башню, то в уже развороченный каземат. А иногда просто туда, где расчету показалось подозрительное шевеление. В момент, когда нос «Корейца» высунулся из-за кормовой оконечности «Асамы», Беляев отдал приказ рулевому — лево на борт до упора и машине полный назад. На короткую секунду канонерка замерла.

На «Чиоде» за прошедшие с момента торпедирования «Асамы» пять минут успели более-менее разобраться в ситуации и подготовиться к стрельбе, но вместо того, чтобы расклепать якорную цепь, стали штатно ее выбирать. Действительно, чего дергаться-то? Корабль прикрыт от неприятеля и неприятностей одним из самых лучших броненосных крейсеров мира, мощи и защиты которого должно вполне хватить на то, чтобы раздавить и «Варяга», и «Корейца».^[17] Поэтому канлодка застала крейсер противника хоть и готовый к бою и с разведенными парами, но не на ходу. Еще минута ушла у удивленных дальномерщиков и артиллеристов «Чиоды» на определение расстояния до высунувшегося из-за «Асамы» и непонятно почему еще ей не потопленного «Корейца» и наводку на него орудий. Так что первый залп (четвертый залп «Корейца» в бое при Чемульпо) по «Чиоде» удалось сделать в полигонных условиях. Было зафиксировано одно попадание, аккуратная

дырочка в борту на метр выше ватерлинии, при любом движении «Чиоды» грозившая затоплением угольной ямы — не смертельно, но полного хода лучше не давать. Орудие, расположенное над местом попадания, выведено из строя. Второй снаряд лег недолетом. Если цель находилась на дистанции десять-пятнадцать кабельтовых, русские комендоры довоенной выучки мазали редко и показывали процент попаданий выше, чем их японские коллеги. Проблема только в том, что японцы до войны учились стрелять и на большие дистанции, поэтому, когда время предъявило новые требования и дистанции реальных морских боев выросли до тридцати-сорока пяти кабельтовых, лучшие результаты всю войну стабильно показывались именно японцами. Но бой при Чемульпо в новой редакции для «Корейца» проходил на ЕГО дистанциях и под его диктовку. Старые, недостаточно дальнобойные и скорострельные для современного боя пушки? Зато калибр почти в два, а вес снаряда в четыре раза больше, чем у «Чиоды»! Кстати, о «Чиоде», ответный залп, одно попадание, снесена и без того обрезанная фок-мачта «Корейца», осколками на мостике убиты рулевой и марсовый, тяжело ранен сигнальщик и пара человек из расчета правой 107-миллиметровки, легко ранены практически все находящиеся на мостике, включая командира. Руль не поврежден, машинный телеграф тоже. С учетом предыдущих попаданий «Асамы» «Кореец» потерял убитыми и ранеными уже более двух десятков человек. Пусть половина легкораненых была способна выполнять свои обязанности, еще пару залпов, и надо будет думать о том, как топить канлодку — красиво, с тараном «Асамы» или тихонько, но стратегически более противно для неприятеля — поперек фарватера, рядом с «Сунгари». Впрочем, пока стреляют восьмидюймовки — вперед!

Это означает сначала полный назад, перезарядиться, с оглядкой на медленно оседающую, но все еще опасную «Асаму», а потом уже вперед. Еще один заход, снова дуэльная ситуация! На этот раз, высунувшись, обнаруживаем, что «Чиода» уже на ходу, её артиллеристы настороже и успевают выстрелить первыми, два попадания. Ответный пятый залп «Корейца» — ноль, взрывами японских снарядов сбило прицел, обидно. Так, опять полный назад, перезарядиться, выслушать доклад о повреждениях, хреновый, кстати, доклад — пробоина в носу, затопления и снесенная со всем расчетом левая носовая 107-мм. В следующий заход надо не пытаться упредить залп «Чиоды», это, похоже, бесполезно и нереально. Придется его пережить, перетерпеть, а потом, нормально прицелившись, попытаться все же достать эту заразу! Снаряд первого залпа пробил слабенький пояс ^[18] «Чиоды», на такой дистанции даже броня «Асамы» не гарантировала стопроцентной защиты от старых, но весьма мощных русских 8" снарядов, так что главное — попасть любой ценой. Еще одно-два восьмидюймовых попадания в корпус «Чиоды», и при удаче ей будет уже не до преследования прорывающегося «Варяга». А ведь «Чиода» с «Корейцем» почти ровесники, да еще и из примерно одной весовой категории. Встретились два престарелых бульдога, к тому же представляющие два различных направления в кораблестроении, и на старости лет вцепились друг другу в глотки.

Интересная, черт возьми, парочка пыталась сейчас утопить друг друга на рейде Чемульпо! Они были заочно созданы друг для друга! «Чиода» был в полтора раза крупнее, но имел меньший вес залпа (вес минутного был уже больше у «Чиоды», не зря ее 120-мм назывались скорострельными) при более сильной защите. По первоначальному проекту этот крейсер и по вооружению чем-то напоминал «Корейца» — тоже две крупнокалиберные пушки ^[19] и немного мелочи. Но достроили его как один из первых в мире кораблей, вооруженный только скорострельными пушками, всего десять орудий калибра 120-мм, из

них в бортовом залпе шесть. Их дополняли четырнадцать 47-мм противоминных мелкашек. Подобная схема прекрасно проявила себя в боях против китайского флота. Бронирование, однако, от первоначального проекта осталось, и сейчас оно являлось главным преимуществом «Чиоды». «Кореец» тоже достраивался в момент, когда единичные редкостреляющие (произносить с эстонским акцентом) крупнокалиберные пушки стали вытесняться своими мелкими скорострельными товарками. Но тут склонность русских конструкторов к консерватизму, как ни странно, сработала в нужную сторону. «Кореец» получил не кучу новомодных скорострелок, а два новых 8" орудия вместо одного старого 9". Оба способны вести огонь по носу, их дополняла ретирадная (т. е. находящаяся на корме и стреляющая при отходе, «ретираде») шестидюймовка, четыре старенькие 107-миллиметровые пушки по бортам и противоминная мелочь в виде двух 47-миллиметровок и четырех 37-мм пушечек. Бортовой залп так себе, даже по сравнению с «Чиодой», но зато под носовой лучше не попадать. Чем сейчас «Чиода» активно и пытается заниматься. К тому же Россия в отличие от Японии того времени могла позволить себе строить узкоспециализированные корабли, поэтому не стала пытаться сделать из хорошей канонерской лодки плохой крейсер... К недостаткам «Корейца» относилось практически полное отсутствие бронирования, 10-мм бронепалуба — это для корабля не серьезно, и наличие парусного вооружения. И теперь эта парочка пыталась очно решить, чья же концепция жизнеспособнее, причем в буквальном смысле этого слова. На большой дистанции или просто при перестрелке в открытом море, наверное, стоило бы ставить на «Чиоду», но вот при столкновении в упор и наличии искусственных шхер в виде «Асамы» преимущество переходило к «Корейцу»...

Снявшись, наконец, с якоря, командир «Чиоды» Муроками решил, что при выведенной из строя «Асаме» находиться ближе всего к надвигающемуся «Варягу» и играющему с ним в кошки-мышки «Корейцу» не слишком разумно. Действительно, его крейсер самый мелкий из всех, с самой слабой артиллерией, к тому же две пушки левого борта уже выведены из строя первым залпом «Корейца». Надо попытаться оттянуть противника под огонь остальной эскадры. «Чиода», медленно ускоряясь, потянулась в сторону выхода из гавани. Однако этот маневр выводил «Чиоду» из «тени» «Асамы», в которой она пряталась до сего момента от «Варяга».

Как ни странно, «Варяг» пока игнорировал обстрелом все корабли противника, кроме обреченной «Асамы» (теперь это уже было видно невооруженным глазом, крен продолжал нарастать, носовая башня и левый шестидюймовый каземат небоеспособны и не отвечают на огонь). На «Чиоде» не могли знать, что прекрасно помня о результатах боя в своей реальности («Варягом» с больших дистанций было выпущено более полутысячи снарядов калибра три и шесть дюймов при отсутствии достоверно зафиксированных попаданий) лже-Руднев сейчас прилагал невероятные усилия для того, чтобы снизить темп стрельбы. Это позволило бы не повредить излишне нежные орудия собственной стрельбой раньше времени, не утомлять команды подносчиков и главное, не допустить перегрева стволов орудий, который приведет к снижению точности орудий в момент, когда она будет максимально необходима, при прорыве мимо «Нийтаки» с «Нанивой»! Ага, щассс. Гладко было на бумаге! Артиллеристы «Варяга», избыточно воодушевленные взрывом «Асамы» и дорвавшись до возможности наконец пострелять вволю по (в отличие от реала) практически не отвечающей мишени, достигли технической скорострельности орудий, которая всегда считалась недостижимой в боевых условиях! Все крики Руднева с мостика и попытки

старшего офицера снизить темп стрельбы игнорировались не только расчетами, но и мичманами — командирами плутонов! С палубы начинала доноситься пока еще нестройная песня «Варяга» (запомнили, черти, зря, что ли, утром пол часа потратили на разучивание, хотя мелодию все же, пожалуй, перевирают, как и слова в паре куплетов) постепенно подхватываемая остальной командой. Блин, а может, с песней до боя не стоило заморачиваться? Воодушевление — вещь хорошая, но одновременно петь и кидать сорока с лишком килограммовые чушки шестидюймовых снарядов — ведь не хватит дыхания же! Впрочем, пока вроде хватает, мужики здоровые, посмотрим, что будет дальше и после первых попаданий в нас.

Так, похоже, накликал, подумалось Рудневу (лже не лже, уже все равно, за прошедшие сутки он уже сам перестал разбирать, где его мысли, а где те, что шли от личности его альтер эго). Наконец, «Нийтака» с «Нанивой» решили активно включиться в игру и открыли огонь по «Варягу», предотвращение прорыва которого являлось главной задачей эскадры Уриу. «Корейца» японцы решили оставить на десерт, с его скоростью сбежать ему не светило по любому.

Глава 10

Момент истины

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года.

Игры кончились. «Кореец» шел в последнюю атаку, да и сам «Варяг» наконец-то попал под обстрел оппонентов. Следующие пол часа должны показать, выйдет ли хоть что-нибудь из затей бывшего форумчанина, или судьба «Варяга» и правда исторически предопределена на 110 %.

«Асама», даже с выведенной из строя артиллерией главного и среднего калибра, оставалась весьма беспокойным соседом. То одно, то другое орудие противоминного калибра^[20] оживало и считало своим долгом выпустить так много снарядов в «Корейца», как только могло успеть до его подавления. С ними азартно перестреливались расчеты ПМК самого «Корейца», и двух его бортовых 107-миллиметровок. В этой дуэли на стороне «Корейца» было одно немаловажное преимущество — по тактическим воззрениям того времени для ПМК единственным подходящим снарядом считался бронебойный, без разрывного заряда. Так что многочисленные попадания с «Асамы» пока оставляли красивые, но достаточно безобидные дыры в бортах «Корейца» (затопления через дырки диаметром 75 миллиметров пока контролировались). Зато в ответ с канлодки прилетали нормальные 107-миллиметровые снаряды, которые даже при близком попадании стабильно глушили прислугу орудий разрывами и корежили их сами осколками, отбивая у японцев желание и, главное, возможность пострелять. Увы, вечно это продолжаться не могло, рано или поздно трехдюймовый снаряд просто по теории вероятности обязан был залететь в машинное отделение, здесь уже работала не баллистика, а статистика. Для того ведь и создавались эти длинноствольные скорострельные орудия. При попадании в миноносец их снаряд должен был пройти сквозь метр угля и потом быть способным пробить его котел. По степени защиты машин «Кореец» принципиально от миноносцев, увы, ничем не отличался. Наконец какому-то отчаянному японцу на «Асаве», упорно не желающем признавать факт ее утопления, подфартило. Выпущенный им трехдюймовый снаряд прошел борт «Корейца» и навывлет прошел сквозь один из котлов. Носовая кочегарка наполнилась паром, скорость должна была в ближайшем будущем упасть минимум вдвое. По орудию, так некстати проявившему снайперские качества, отстрелялись из двух револьверных пушек Гочкиса, но даже если узкоглазого снайпера и достали, он мог идти к богине Аматерасу с чувством выполненного долга. У Беляева остался последний шанс попытаться напоследок достать «Чиоду», и глядя на клубы пара, поднимающиеся из люка машинного отделения, он прекрасно это понимал. Сокращенная смена кочегаров не сможет долго поддерживать достаточно паров для хорошего хода, а с учетом того, что половину из них неизбежно обварило... Превозмогая боль в правом плече, из которого потом на «Паскале» извлекут пять осколков, он решительно повернул штурвал влево, намереваясь в этот раз пройти впритирку к «Асаве», сейчас каждый кабельтов на счету, и толкнул рукоятки машинного телеграфа на «Полный вперед».

— Комендоры! Это наш последний шанс показать японцам, на что способен наш старик «Кореец». Мы теряем пары, угольная яма левого борта и форпик медленно фильтруют воду,

потери в команде уже больше тридцати человек. Но пока мы еще можем стрелять и попадать, мы должны сражаться! Не промахнитесь, ребята. Не надо стараться выстрелить раньше «Чиоды», нам надо выстрелить точнее неё!

Против ожидания командира левая погонная восьмидюймовка разрядилась в корму отходящего японца сразу после того, как он оказался в ее секторе действия.

«Зараза, — подумалось Беляеву, — ну как можно было еще доходчивей объяснить, что надо попасть обязательно, а? Видать, сдали нервы у наводчика.»

Однако старший комендор-сверхсрочник кондуктор Платон Диких, не первый год наводящий левое носовое орудие и уже поучаствовавший в боевых действиях в 1901 году под Таку, прекрасно знал, что делает. В момент поворота «Чиода» идеально легла в прицел, ну грех было упускать такую возможность! Это был один из тех редких случаев, когда сознательное нарушение прямого приказа командира шло на пользу делу, что и подтвердил через две секунды взрыв на корме «Чиоды». Увы, за секунду до попадания тот успел ответить залпом кормовой и трех бортовых двадцатимиллиметровок правого борта. Три попадания, пробоина в носу над самой ватерлинией, снесена дымовая труба, и самое главное — прямым попаданием выведена из строя так удачно выстрелившая напоследок левая восьмидюймовка. Из ее расчета выжила половина, из них невредимым не остался никто. Среди переживших бой был и получивший впоследствии за удачный выстрел Знак отличия Военного ордена третьей степени Платон Диких.

Лево на борт, пауза, последний выстрел из правой погонной пушки, и теперь надо рвать когти. Садящийся носом, теряющий пар «Кореец» больше не боец. Не важно, что первым восьмидюймовым снарядом, попавшим в ничем не прикрытую корму «Чиоды», повреждены рули, и крейсер врага неудержимо покатился в сторону берега, не важно, что вторым снарядом никуда не попали совсем, все это уже не важно. «Корейцу» осталось только красиво умереть. Снова дав полный ход, Беляев заложил плавную дугу, конец которой упирался в левый изувеченный борт «Асамы».

— Все на корму! В машине, Валерий Александрович, дайте напоследок самый полный, не жалейте пара и вылазьте оттуда, сейчас тряхнет так, что котлы могут слететь с фундаментов! В кюйт-камерах и вообще все кто есть внизу, свистать всех наверх! Заделку пробоин прекратить! Приготовиться к тарану, держитесь, черти, за что можете! После удара спускайте шлюпки, что уцелели, и гребите к берегу, японцам не до нас будет. Надеюсь... Бутлеров! Алексей Михайлович, как только команда сядет в шлюпки, зажигайте огнепроводной шнур, не забыли, где конец, я надеюсь, и прыгайте в катер. Он должен подойти к борту. Ну, всем удачи!

До своих паспортных тринадцати узлов изувеченному, теряющему пар и садящемуся носом «Корейцу» было уже не разогнаться, да и дистанция для этого была явно маловата. Дай Бог, чтоб набрали узлов восемь. Но почти полторы тысячи тонн, с восьмиузловой скоростью врезающиеся в борт, пусть даже бронированный — это страшно, и ничему их не остановить, особенно если эти полторы тысячи тонн имеют отрывку прошлой эпохи — таранный форштевень. И уж тем более не мог его остановить последний залп «Чиоды», «что для тигра лишняя полоска», некстати вспомнилась Беляеву слышанная в детстве индийская поговорка при очередном попадании фугаса.

Удар! С хрустом и скрежетом проламываемой и раздираемой брони нос «Корейца» вошел в борт «Асамы» почти на полтора метра. Как ни странно, удар даже немного спрямил «Асаму», уменьшив ее крен. Но это ненадолго, уже подожжен запал и через пять минут

«Кореец» сослужит последнюю службу Русскому флоту за свои шестнадцать лет. Разнеся сам себя, он проделает огромную дыру и в борту «Асамы», приведя ее в практически неремонтопригодное состояние. Хотя кто знает, японцы люди упорные, если уж они смогли отремонтировать «Микасу» после взрыва погребов главного калибра... У команды «Корейца» осталось примерно пять минут на эвакуацию с корабля. Некоторых особо азартных комендоров, продолжающих стрелять в упор по амбразурам асамовских казематов из револьверных 37-миллиметровок, офицерам приходилось силой отрывать от орудий и гнать в шлюпки. Катер, доставивший мину к борту «Асамы» в начале боя, подошел к корме «Корейца» и стал принимать раненых. После тарана с «Асамы» прекратился даже спорадический огонь из противоминного калибра, и с правого, неповрежденного борта стали, наконец, спускать шлюпки. Похоже, что до кого-то из уцелевших офицеров наконец дошло, что корабль тонет, и его уже не спасти, пора бы позаботиться хотя бы о спасении обученной команды. Поднять «Асаму» на этом мелководье после боя есть все шансы максимум за полгода, а вот подготовка новой команды займет побольше.

Неожиданно к Беляеву, наблюдающему с мостика за эвакуацией с корабля, подлетел матросик из расчета кормовой шестидюймовки.

— Ваше благородие, люк в машинное от удара заклинило, они вылезти не могут, что делать?

Черт подери, это же больше двадцати человек, с ними же не взорвешь канонерку! А как оттуда еще можно вылезти, через кочегарки? Носовая заполнена паром, а кормовая?

— А что с кормовой кочегаркой? — Уже на бегу в сторону кормы спросил Беляев.

— Паропроводы полопались, наверное, котел от удара сдвинулся с фундамента. Там сейчас баня, все мехи собрались в машинном, только вылезти не могут.

Подбежав к люку, Беляев увидел, что палубные матросы вместе с остатками расчета кормового орудия безуспешно пытаются ломами поддеть заклинивший люк. Однако десятимиллиметровая бронева сталь не поддавалась совокупным усилиям дюжины человек. Вдруг снизу раздались гулкие удары металла о металл. Каждый из них сопровождался каким-то диким, звериным ревом. После пятого удара петли крышки вырвало с мясом, люк, наконец, распахнулся и из него начали по одному вылетать подброшенные неведомой силой механики и кочегары. Их подхватывали на руки и вели, а наиболее пострадавших несли к шлюпкам и катеру. Последним из люка вышел обычно невозмутимый и вечно улыбающийся гигант Франк. В левой руке он небрежно держал двухпудовую кувалду, которой и вынес с пяти ударов бронированную крышку люка. Причем, после этого он ВЫКИДЫВАЛ наверх не способных ходить членов машинной команды, каковых набралось одиннадцать человек. Он категорически отказался отдать кувалду, пообещав, что дома повесит ее над камином, рядом с семейной коллекцией холодного оружия. Ибо «сия болванка нынче спасла жизнь мне и еще паре дюжин человек, так что теперь и я ее должен спасти от утопления».

Уже через минуту после нечеловеческой нагрузки этот человек-гора вновь обрел свою обычную балагуристость и веселый нрав. Но выжившие кочегары потом рассказывали, что когда он кувалдой высаживал люк, то его рев напугал их даже больше, чем перспектива пойти на дно замурованными в машинном отделении или взорваться вместе с кораблем. Загадочная русская душа в исполнении потомка французских эмигрантов...

Через четыре минуты (как известно, «пятиминутные пороховые замедлители обеспечивают задержку взрыва ровно на три минуты») погреба «Корейца» взлетели на воздух, полностью уничтожив канонерскую лодку и обеспечив «Асаме» дополнительные

полгода ремонта в сухом доке. Если ее, конечно, удастся до него дотащить. Взрывной волной была уничтожена одна из шлюпок с остатками команды «Корейца», троих выживших с нее успел подобрать паровой катер под командой лейтенанта Берлинга. Переключка, проведенная позже на берегу, показала, что из ста двадцати членов экипажа, вышедших на канлодке в последний бой, выжило семьдесят два. Из них ранения, переломы и ожоги различной тяжести получили более сорока. Позднее удалось найти для погребения двадцать пять тел, остальные остались на взорванной канлодке или утонули при эвакуации.

«Асама» легла на борт через десять минут после взрыва «Корейца», и от опрокидывания ее спасала только незначительная глубина в месте ее последней стоянки. Две её по-крейсерски высокие трубы оказались в почти горизонтальном положении и вскоре сначала одна, потом и другая, надломившись, исчезли в волнах. Открытые паропроводы и надёжно сработавшие предохранительные клапана уберегли от худшего опрокинутые на бок и сдёрнутые с фундаментов тяжёлые цилиндрические котлы — они не взорвались. Но на этом «сюрпризы» не кончились. Если на повреждённом борту топки довольно быстро были залиты водой, наполнявшей кочегарки через рваные переборки и отвалившиеся трубы, то котлы уцелевшего борта ждала другая судьба. При опрокидывании на их трубные доски забросило уголь, всего-то ничего — по несколько килограммов на каждый. Но этого хватило для полного пережога.

Теперь дело было за «Варягом». Ему все еще противостояли четыре неповрежденных крейсера: «Нийтака», «Нанива», «Такачихо», «Акаси» и пытающаяся отползти с поля боя с заклиненным рулем и затопленным румпельным отделением, но с почти целой артиллерией «Чиода». А на десерт где-то там пряталось с полдюжины миноносцев.

На мостике «Варяга» после взрывов первых пристрелочных снарядов с «Нийтаки» и «Нанивы» двуликий Руднев, к изумлению команды и офицеров, отдал приказ «Дробь»! Огонь был прекращен не сразу, но через минуту вбитая в комендоров дисциплина взяла свое. [\[21\]](#)

— Чудо-богатыри, комендоры! Подносчики, братцы, никогда в жизни я не видел такой быстрой стрельбы! Всем после боя столько чарок, сколько влезет! Но лучше, чтоб больше пяти не влезало.

Ответом стало громкое довольное «Рады стараться, Ваше Вашвысокобродь», дружно рывкнутое хором из доброй сотни глоток!

— Теперь наводчики! Сукины дети, банник вам в ваши шестидюймовые задницы! И провернуть два раза!! Вы расстреляли почти сотню снарядов по неподвижной огромной «Асаме», и что? Я заметил одно, максимум два попадания. Если вы так и дальше будете рыб пугать, то нас япошки потопят, ей-Богу потопят. Господа артиллерийские офицеры, вспомните, наконец, чему вас учили! Определите расстояние пристрелкой, а потом уже открывайте массированный огонь на поражение, и при отсутствии накрытий немедленно его прекращайте и пристреливайтесь заново! Погреба у нас не бездонные. Цель — «Нанива», стрелять по «Чиоде» разрешаю только тем орудиям, для которых «Нанива» и «Нийтака» будут вне секторов обстрела. «Асаму» можно оставить в покое. Снаряды использовать те, что привезли с «Корейца». Ну, с Богом ребята, огонь, и запевай!

— Наверх вы...

Неожиданный выстрел из 47-мм пушки, установленной на грот-марсе, прозвучавший после рева шестидюймовок как-то неубедительно, прервал командира. Однако песня уже продолжала жить своей жизнью. Какого хрена, что за детский сад! Сказал же «не посылать

людей к мелкашкам, пока не будет атаки миноносцев», чья это кретинская самодеятельность, лейтенанта Зарубаева? Нет, стоит, удивленно задрал голову к небесам, вернее, к грот-марсу... А, там же сладкая парочка, Авраменко со Зреловым, соловьи наши курские... Что, неужто Степанов таки решил от своих «любимчиков» избавиться столь экзотическим образом? Нет, вон он на палубе, грозит небу, вернее, опять же грот-марсу кулаком, и лицо у него недоброе такое... Я бы испугался на их месте... Так они что, САМИ туда полезли, без приказа??! Ну зайцы, ну, погодите! Воистину, опаснее дурака только дурак с инициативой.

— Лейтенант Зарубаев, пошлите кого-нибудь на марс спустить этих клоунов и ко мне их сюда, на мостик!

Так, развлекаться с шибко самостоятельными матросиками будем потом, что у нас происходит? «Кореец» таранит «Асаму»... «Чиода» ковыляет в сторону берега, причем, судя по тому, как он виляет, пытается управлять машинами, ну точно, присел кормой, да, Беляев сегодня в ударе, не ожидал, что у него получится хотя бы половина того, что он натворил. Что значит профессионально подготовленная команда и внезапное нападение. Ну, дай ему Бог удачи и остаться в живых!

Итак, четверо на одного! Но по сравнению с раскладом получасовой давности, двое, а скорее, полтора против шести мы хорошо продвинулись! А учитывая, что самый опасный противник — «Асама» — вне игры, теперь у «Варяга» есть реальный шанс прорваться. Впрочем, утонуть тоже перспектива весьма реальная. Но сейчас умный и верный, как показала наша история, план Уриу начинает работать против японцев. Изначально «Асама» должна была первой своей толстобронированной грудью встретить неповрежденный «Варяг», пытающийся прорваться мимо нее на полной скорости, и нанести ему максимальные повреждения, пока он будет ее обгонять. Сама она никак не могла пострадать от огня «Варяга» благодаря своей толстой броне.^[22] За ним стояла «Чиода», отчасти из-за своего броневоего пояса, отчасти из-за того, что ее просто больше некуда было приткнуть. Если же «Варяг» сможет прорваться мимо «Асамы» и все еще сохранит скорость большую, чем у тяжелого броненосного крейсера, то за него должны были приняться «Нанива» с «Нийтакой». Артиллерия «Варяга» должна быть к тому моменту частично выбита огнем «Асамы», и риск для этих небронированных крейсеров был бы минимальный. Третья резервная станция на пути «Варяга», если бы он прорвался и мимо второй пары, «Такачихо» и «Акаси». Слабые и медленные, но для инвалида должно хватить. Ну и на десерт, если «Варяг» чудом пройдет и их тоже — миноносцы. Проблема только, что когда из этого плана исчезает «Асама», то эффект напоминает дом, у которого вдруг одномоментно пропал фундамент. Теперь равномерно размазанная расстановка японских крейсеров начинала работать против них, так как «Варяг» был индивидуально сильнее любого из оставшихся противников! Теперь единственный реальный шанс нанести «Варягу» повреждения своей артиллерией, достаточно серьезные, чтобы притормозить его, имела пара «Нанива»-«Нийтака».

Несмотря на похожие имена, «Нанива» и «Нийтака» были кораблями из абсолютно разных поколений. «Нанива», ровесница «Корейца», флагманом Уриу являлась в основном за былые заслуги в войне против Китая. Корабль перевооружен новой артиллерией и с очень опытной командой. Тем не менее его систершип «Такачихо» Уриу предпочел держать в третьей линии, предназначенной для добивания уже поврежденного «Варяга». «Нийтака» же ее полная противоположность — новейший крейсер, только месяц назад вошедший в строй.

Единственный из еще остававшихся на плаву японских крейсеров, который мог составить хоть какую-то конкуренцию «Варягу» в плане скорости, двадцать узлов против двадцати трех. Однако для «Нийтаки» это был не просто первый боевой поход, это был вообще один из ее первых выходов в море. В нашей истории ее артиллеристы стреляли в стиле своих коллег с «Варяга», очень часто, но абсолютно неточно.

Вообще в принципе абсолютная правильная концепция построения японского флота и практика его использования, на голову превосходившая в свой разумности постоянные русские метания, сейчас играла против японцев. Прежде всего, японцы при создании крейсерских сил не пошли по пути своих русских коллег. Те пытались создать большие, сильные и быстрые универсальные бронепалубные крейсера с большой дальностью, одинаково подходящие и для разведки, и для дальнего крейсерства, и для боя со своими коллегами (одним из вариантов реализации этого задания и стал «Варяг»). Увы, большинство компромиссов не может хорошо делать ни одну из возложенных на них задач по настоящему хорошо. Японские бронепалубные крейсера были типичными, ничем не выдающимися середнячками в своем классе. Причем середнячками из низшей половины шкалы. Ни по вооружению, ни по мореходности, ни по скорости они и близко не стояли с «Варягом», «Аскольдом» и «Богатырем», представителями новой русской крейсерской серии. Зато на сэкономленные на них деньги в Англии были заказаны шесть лучших броненосных крейсеров эпохи, один из которых сейчас медленно заваливался на борт на рейде Чемульпо. И последней каплей, перетянувшей весы на сторону Японии, была покупка перед самой войной в Италии пары броненосных гарибальдийцев, «Ниссина» и «Кассуги». Дальше — больше, типичной была практика собирать лучшие кадры со всего флота на кораблях двух первых броненосных отрядов, броненосцах Того и броненосных крейсерах Камимуры. А в случае необходимости качественно усиливать отряды легких крейсеров — просто временно придавать им одного-двух броненосных коллег. Но сейчас тот самый приданный броненосный крейсер с элитной командой, лучшими канонирами, на который, собственно, и была возложена миссия по уничтожению «Варяга» и «Корейца», вышел из строя. Теперь русская идея единичного сильного и быстрого бронепалубника получила шанс доказать, что и она не была целиком высосана из пальца.

Артиллеристы «Нанивы» и «Нийтаки» никак не могли пристреляться, впрочем, и о их коллегах с «Варяга» можно было сказать то же самое, но теперь в их стрельбе начала проявляться хоть какая-то система. Пока Зарубаев пытался нащупать правильные установки прицела залпами двух-трех орудий, дожидаясь падения снарядов предыдущего залпа и внося поправки. На стороне японцев была лучшая подготовка артиллеристов на «Наниве» и большее количество орудий в залпе. В минусе — два корабля хорошо стреляют по одной цели вместе, если они умеют это делать. А вот с подобной практикой у артиллеристов «Нийтаки» было плохо, и они своим беспорядочным огнем стабильно сбивали прицел «Наниве». Крейсера третьей японской линии, «Акаси» и «Такачихо», выбрав якоря, тоже направились к выходу из бухты на минимальных оборотах, давая возможность пристроиться второй паре и образовать единый строй. Для их орудий «Варяг» пока был далековато, что, впрочем, не мешало им тоже азартно по нему стрелять. Перестреливаться с «Варягом» по очереди, после того, как устаревший «Кореец» каким-то образом ОДИН вывел из строя «Асаму» и «Чиоду», как-то не хотелось. Все оставшиеся в строю японские крейсера постепенно выстраивались в кильватерную колонну, мимо которой предстояло проходить «Варягу», с преимуществом в ходе максимум в пять узлов. Это значит целый час под огнем

всей четверки на дистанции не более двадцати кабельтовых. Хреново. Оправившись от неожиданности, японцы, действуя по первоначальному плану, шли параллельным с «Варягом» курсом и были полны решимости устроить ему теплую встречу и не менее теплые проводы. За крейсерами маячили низкие смертоносные тени четырех миноносцев.

Наконец-то усилия артиллеристов «Варяга» начали давать результат. Один из снарядов трехорудийного залпа лег таким близким недолетом у борта «Нанивы», что это можно было считать накрытием, остальные перелетами. Впрочем, хоть с борта «Варяга» это и не было видно, свое дело не долетевший снаряд все же сделал — пройдя под водой, он на последних каплях кинетической энергии, приданной ему пороховым зарядом орудия № 3, врезался в борт «Нанивы». На полноценное пробитие его уже не хватило, трубка по «доброй» традиции русского флота не сработала на слабый удар, но старым плитам бортовой брони этого было достаточно. Два листа немного разошлись, пяток заклепок вылетел и в угольную яму правого борта стала ленивой струйкой сочиться вода. Мгновенно над «Варягом» пронесся ор гаварта, которого, не смотря на стрельбу и пение, было слышно и на баке, и на корме. Лейтенант на всякий случай дублировал голосом данные об установках для стрельбы, передаваемые по системе центрального наведения на орудия (еще одно ноу-хау, которого не было на японских кораблях, при умелом использовании система центральной наводки, даже такая примитивная, как та, что была установлена на «Варяге» — бесценная вещь).

— Целик пятнадцать, возвышение восемь, все шестидюймовые орудия правого борта и носового плутонга — беглый огонь!

Как будто подслушав его, на слове «огонь» первый снаряд настиг и «Варяга». Облако разрыва закрыло мачту прямо над грот-марсом. Стальной дождь фирменных японских осколков — мелких и раскаленных добела — пронесся над всей кормовой частью «Варяга», вонзаясь в палубный настил, подобно стальному граду. Правда, основная часть облака осколков ушла вверх в сторону носа или была отражена грот-марсом, благодаря чему никого не убило, но пяток раненных «Варяг» уже имел.

«Ну что же, посмотрим, как поведет себя команда под огнем», — пронеслось в голове произвольно присевшего, но сразу заставившего себя встать во весь рост Руднева. Приумолкнувшая было в момент взрыва песня неожиданно громыгнула с новой силой и яростью, причем большинство певших произвольно перескочило на куплет с «желтолицыми чертями». Самое странное, что вместе с нижними чинами после попадания начали подтягивать и мичмана, командиры плутонгов. Пожалуй, впервые за последние несколько десятилетий на корабле Российского Императорского флота было полное единство и синхронность мыслей и чаяний команды и офицеров.

«Даже как-то не честно, меня прибьют, обратно в свое тело выкинет, должно, по крайней мере, а их? Вообще странно, такая детализировка событий, сам уже верю, что это все всерьез, но как... Блин, а ведь тех двоих курян на марсе, наверное, в клочья разорвало!» Легки на помине, как черти по вызову, явились Авраменко со Зреловым. Вид слегка опалевший, потрепанные взрывной волной и слегка оглохшие, но бодренькие. От осколков их, видимо, спасло то, что скобтрап, которым они и посланный за ними марсовый спускались, был на противоположенной от взрыва стороне мачты. Ну и что с ними делать, расцеловать за то, что живы, или прибить на месте за своеволие? В который раз побуждения Руднева-1 и Руднева-2 разбежались в разные стороны.

— Явились, черти полосатые! Для вас что, прямой приказ командира в бою — это не повод подчиняться?

— Ваше Высокоблагородие, обидно сидеть под палубой и не пострелять по япошкам-то!
— Ну и много настреляли, по кому, кстати?
— Пятнадцать снарядов, по «Асаме»!
— А куда попали? Что молчим? Хоть акулу какую зацепили, нет? Ну какой придурок будет из 47-миллиметровок лупить с тридцати кабельтовых? Барахло вы, ребята, а не артиллеристы! Ну а попали бы, что «Асаме» ваши снарядики, слону дробина? Ладно, видите, на носу пару канониров с кровью на робах, осколками зацепило? Бегом туда, подмените их и отправьте на перевязку. Вот это настоящая работа, а не развлечение, а погибни вы на марсе, польза бы от этого была, а? Да, если кто из ваших еще на орудиях, по дороге заберите их и отправьте вниз. Пострелять еще успеете, сегодня только первый день войны, а не последний. Бегом!

Приняв попадание в стеньгу мачты за накрытие и простимулированная попаданием с «Варяга», «Нанива» тоже перешла на беглый огонь. Это было очень хорошо, потому что прицел ей был взят неправильно, и следующие четыре минуты ее снаряды стабильно ложились с перелетами. В отличие от снарядов с «Варяга», которые пусть и с очень большим рассеиванием, но все же вздымали десятиметровые всплески то справа, то слева, то с недолетом, то с перелетом, но главное, ВОКРУГ «Нанивы». Правда, попаданий пока не было, но нервы японцам уже трепали. Теперь дело за теорией вероятности и везучестью. Ну и неплохо бы уменьшать прицел вовремя, дистанция-то сокращается! Кстати, о дистанции.

— Минеры! Как будем проходить на траверзе «Асамы», разрядите в нее оба минных аппарата правого борта!

Возникший как из ниоткуда на мостике старший офицер, как всегда, имел свое мнение:

— Всеволод Федорович, может, побережем мины для целых японцев? «Асама»-то и так через минуту-другую бортом на дно ляжет, нам она больше не помеха, зачем тратить мины-то?

— Нам да, не помеха. Но Чемульпо останется японцам, и они вполне могут «Асаму» поднять. Мелко тут. Да, в борту у нее три дырки, причем одна очень большая, но наложат временные заплаты, доведут до ближайшего сухого дока, там она годик постоит и опять нам гадить будет. Опять же, надо скрыть следы того сюрприза, что мы им на катере привезли. А так хрен после наших мин они докажут, когда получена и откуда взялась та или иная пробоина. Короче — не спорьте, лучше идите в кают-компанию и проследите, чтобы стреляли поточнее. Лейтенант Берлинг, старший минный офицер наш, остался на катере, а как там Эйлер с разберется с аппаратами, опыта-то нет. Проследите, пожалуйста.

«Заодно и мне мозги полоскать хоть пяток минут не будешь», — подумал уже молча Руднев.

Глава 11

На пробой!

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года.

К исходу четвертой минуты на «Наниве» наконец разобрались во всплесках от своих и чужих попаданий, поняли, что прицел взят неверно, и вновь перешли к залповой пристрелке. Стрельба «Варяга» наконец-то стала давать видимый результат, «Нанива» получила первое отмеченное с «Варяга» попадание. Один из взятых с «Корейца» снарядов, оснащенный нормальной трубкой, взорвался в носовой части «Нанивы». Никаких особых повреждений, разнесена подшиперская и клюз с расклепанной якорной цепью, весь эффект скорее моральный (ну, кроме трех раненых, что некстати оказались на баке в этот момент), но все равно неприятно, когда в твой корабль попадают. «Нийтака» по прежнему вела огонь с запредельной скорострельностью, и минимальными, по причине отсутствия корректировки, результатами, чем все больше напоминала Рудневу «Варяг» в оставленной им реальности. «Акаси» с «Такачихо» еще не достигли дистанции действительной стрельбы, но, торопясь поучаствовать в празднике жизни, тоже открыли огонь.

Проходя на траверзе «Асамы», «Варяг» выплюнул две торпеды из аппаратов правого борта. Залпом, за отсутствием на борту старшего минного офицера, управлял насильно снятый с «Корейца» старший офицер Анатолий Николаевич Засухин, ему помогал мичман Эйлер, младший минный офицер, совсем недавно выпустившийся из Морского корпуса.

Как обычно, минеры при пуске из аппарата, установленного в корабельной церкви, пробормотали «С Богом!», а те, что стреляли из кают-компаний, проводили мину напутствием «За здоровьечко!».

Какая из торпед, божественная или алкогольная, на пределе дистанции все же дошла до «Асамы», а какая затонула на полдороге, определить не удастся уже никому. Но вот эффект от попадания получился несколько неожиданный. Всю реальную Русско-японскую войну восьмерка японских броненосных крейсеров проходила с пороховой бочкой в башнях главного калибра. Это вынужденное решение, принятое британскими и итальянскими конструкторами для повышения скорострельности, было бы не слишком опасно, пользуйся японцы и дальше родными английскими боеприпасами. Черный порох внутри британских снарядов — штука, к вторичным детонациям достаточно безопасная. Шимоза же, на которую стал переходить японский флот в конце XIX-го века, при большей фугасности особой стойкостью не отличалась. Ее стабильности еще кое-как хватало на то, чтобы не разнести на атомы башню вместе с расчетом при попадании русских снарядов в толстую вертикальную броню башни. Но вот взрыв торпеды на тонкой крыше башни для ее трепетной натуры было уже слишком. На «Варяге» так и не поняли, что именно так грохнуло на «Асаме», потому что для торпеды взрыв смотрелся уж слишком уж эффектно, а для детонации погребов все же скромновато.^[23]

По мере сближения шансы на нанесение друг другу повреждений у «Варяга» и его пока еще двух оппонентов все увеличивались. Но как ни странно, первую кровь «Варягу» пустили не «Нийтака» с «Нанивой», а практически списанная Рудневым со счетов «Чиода». Поняв, что противник его игнорирует и видя полную беспомощность своей артиллерии при

стрельбе на циркуляции переменного радиуса и направления, которую выписывал его крейсер из-за заклиненного руля, командир «Чиоды» Муроками отдал беспрецедентный в боевой обстановке приказ — «Стоп машина»! «Асама» требовала мести. После того, как «Варяг» перестал постоянно выскальзывать из их прицелов, артиллеристы «Чиоды» добились, наконец, попадания. Не удивительно — они находились в лучшей из всех японцев позиции, «Варяг» как раз проходил по траверзу «Чиоды» менее чем в двадцати кабельтовых от нее, их корабль не обстреливался, спорадический огонь 75-миллиметровок «Варяга» без особой корректировки не в счет, и после остановки представлял собой весьма приличную, устойчивую платформу для стрельбы. 120-миллиметровый снаряд прошел сквозь сетку с койками (все же эта импровизированная мера защиты давала не больше половины шансов на успех) и взорвался при попадании в борт. Надводная пробоина, пару тонн угля в яме перемололо в угольную пыль, снова истошный визг осколков, клубы угольной пыли хлынули в носовую кочегарку из горловины ямы и ее пришлось быстро задраить двум кочегарам, мгновенно сменившим расу и превратившихся в негров. Не смертельно, но на нервы действует. Вернее, не смертельно для корабля, а вот тот, кому не повезло получить в голову осколок или кусок угля с полкило весом, пожалуй, не согласился бы. Когда будет время, надо озаботиться заделкой пробоины, она хоть и надводная, а заливать ее на ходу и при волнении может.

Только теперь Руднев понял, что полностью игнорировать вражеский корабль, даже в таком плачевном состоянии, как «Чиода», нельзя категорически. Но и отвлекать только что пристрелявшуюся по «Наниве» артиллерию на эту развалину тоже не хотелось! Впрочем, теперь, если чуть повернуть влево, «Чиода» попадал в сектора обстрела двух кормовых шестидюймовок. Если их наведением займутся с кормового дальномерного поста, то ему придется больше бегать, чем думать о стрельбе по «Варягу»!

Через минуту огонь кормового плутонга «Варяга» дал понять Муроками, что для корабля стоять на поле боя — это не только проявление неуважения к противнику, но и чрезмерное упрощение наводки для его, противника, артиллеристов. С третьего залпа накрытие, с пятого попадание. К тому моменту команда полный вперед уже достигла машинного отделения «Чиоды», и он снова заковылял к берегу, неуклюже рыская на курсе то вправо, то влево, по мере того, какой машине прибавляли оборотов. Шестидюймовый снаряд «Варяга» разорвался, снеся «Чиоде» трубу. Муроками подумал, что в этот раз он еще легко отделался, но больше так дразнить богов не стоит. Очевидно, подготовка артиллеристов «Варяга» получше, чем у него, постоянно прозябающего на стационарной службе и не имевших нормальных учений со стрельбой уже больше года. Смерти ни он, ни его экипаж, естественно, не боится, но умирать надо с толком. А без толку подставляться под огонь «Варяга» все же не стоит. Постреляем на циркуляции, не так эффективно, но еще пару удачных попаданий шестидюймовых снарядов «Чиода» может просто не пережить. И так уже затоплено три отсека, переборки держатся на честном слове, кораблю-то уже больше пятнадцати лет, надо думать, как доковылять до рейда Чемульпо и заняться ремонтом. Да и команду «Асамы» неплохо бы принять на борт. С этими тяжелыми мыслями Муроками начал разворот машинами в сторону Чемульпо. Пройти по этому фарватеру без руля уже достаточно сложно, пусть стрельбой занимается старший артиллерист, заодно и орудий на правом борту уцелело больше. Останавливаться больше не будем, «Чиода», и так выбив в одиночку «Корейца», свою часть работы уже сделал.

На мостике Рудневу по мере усиления огня японской четверки все меньше хотелось

мимо нее проходить. А что, если попробовать воспользоваться преимуществом в маневре одиночного корабля перед группой и заставить коллег-японцев потанцевать?

— Лево руля! Штурман, следите за ориентирами, когда будем подходить к опасным глубинам, право на борт и постарайтесь обрезать хвост японской колонне! О «кроссинг Т» слышали? Вот и сделайте его, только наоборот.

Заметив, что «Варяг», разрывая дистанцию, отклоняется вправо, японцы решили, что на крейсере предпочитают рискнуть навигационно вместо риска артиллерийского боя. Теоретически в прилив «Варяг» мог пройти самым краем канала, по мелководью и потом уйти мелким восточным фарватером к Мазампо. Парируя маневр Руднева, командир вынужденно находящегося во главе колонны японцев «Акаси» тоже решил отклониться вправо, чтобы не допустить увеличения дистанции и продолжать держать противника под огнем. Упускать «Варяг» теперь было нельзя.

Однако он не имел достаточного опыта управления соединением кораблей, особенно настолько разнотипных, как собранный с бору по сосенке четвертый боевой отряд. Пропавший на «Асаме» Уриу, когда поспешно отбывал на нее для «переговоров», не оставил других указаний по ведению боя, кроме «отходить строем кильватера, постоянно держа противника под огнем». Именно это и пытались делать командиры японских кораблей, но каждый немного по своему. В отсутствии указаний от головного «Такачихо» пошел ему в кильватер, повернув последовательно, а «Нанива» выполнила поворот вдруг, чтобы принять строй пеленга. Неопытный командир «Нийтаки», попав в положение буриданова осла, слишком долго колебался с принятием решения и тоже был вынужден пойти в кильватер «Такачихо», чтобы сохранить хоть какое-то подобие строя. В результате поворота нарушился строй кильватера, так удачно составленный японцами после снятия со стоянки. Через две минуты «Нанива», в результате несогласованного маневра, оказалась между японской боевой линией и отвернувшим «Варягом». Она не только блокировала линию огня «Такачихо» и «Акаси», но и, створившись с ними, представляла собой замечательную групповую цель. Руднев, вспомнив подобную ситуацию при Цусиме, пихнул локтем главарта и не отрывая бинокля от глаз (сбылись детские мечты!) приказал, дословно цитируя адмирала Небогатова:

— Бить в кучу!

— Простите, Всеволод Федорович, куда бить?

— Ну что же вы за артиллерист-то такой, Сергей Валерианович! Ведь у вас есть минута, максимум две, пока японцы створились! Любой перелет по «Наниве» сейчас — это возможное попадание по «Акаси» или «Такачихо»! Они же все трое в эллипсе рассеивания! Максимальная скорострельность из всего, что можно, по «Наниве»! Пока мы не сменим курс — беглый огонь!!!

В следующие несколько минут японский огонь был скомкан поворотом и неудачным маневром «Нанивы». Строго говоря, нормально стрелять могла только она. И подтвердив высокую квалификацию наводчиков, она и добилась попадания в первую трубу «Варяга». В тот же отрезок времени «Варяг» ответил ему двух попаданиями и добился одного, случайного, на перелете, в «Акаси». Разрушение трубы, вернее, ее внешнего кожуха, трубы «Варяга» были, в отличие от оппонентов, двухслойными, уменьшило тягу котлов носовой кочегарки. Падение тяги на крейсере пока не сказалось на ходе, все же почти полуторное резервирование (на «Варяге» стояло тридцать котлов, хотя для полного хода хватило бы пара от двадцати четырех, если топить с форсировкой) оказалось очень нужной штукой. В

«Наниву» попал один бронебойный снаряд, у орудия № 2 кончились снаряды, взятые с «Корейца», и оно перешло на стрельбу родным «варяжским» боезапасом, и один «корейский» фугас. Если фугас, разорвавшись под мостиком, «все-навсего» окатил осколками носовое и первое бортовые орудия, чем приостановил их стрельбу на две минуты, пока не заменили расчеты, то «дубовый» снаряд «Варяга» натворил дел. Главной защитой «Нанивы» был 76-миллиметровый скос броневой палубы, прикрывающий котлы, машины и другие «нежные» потроха крейсера. Увы, несмотря на солидную толщину брони, ее устаревшая структура (слой обычной незакаленной стали на слое железа) не смогла сдержать сорокакилограммовую болванку русского снаряда, несущуюся со скоростью в два Маха. А за ней раздолье для разрушения, самая желанная цель для противника — котельное отделение. Увы, та самая дубовость снаряда, что обеспечила ему проникновение сквозь броню, теперь обернулась против русских. Взорвись он внутри котла или хотя бы внутри кочегарки, на кормовой группе котлов японского крейсера и, соответственно, на его способности поддерживать нормальный ход можно было бы поставить жирный крест. Ремонт занял бы неделю, если не больше. Однако золотого попадания не вышло, снаряд просто прошел котел навылет, и ударившись о противоположенный скос бронепалубы, бессильно от ricochetил вниз. Но и простой сквозной дырки в одном из шести жаротрубных котлов «Нанивы» хватило для того, чтобы организовать набор крупных и впечатляющих неприятностей. Котел в рабочем состоянии представлял собой набор труб с огнем от топки, проходивших через бак с перегретой водой, испарение которой он и обязан был обеспечить. Давление в котле в момент его пробития составляло порядка десяти атмосфер, и дикий свист вырывающегося на свободу пара надежно заглушил вопли ошпаренной смены кочегаров.^[24] Остаться в переполненной обжигающим паром кочегарке было невозможно, один из котлов был непоправимо и надолго выведен из строя, остальные два временно невозможно было топить, что привело к постепенному падению в них давления. В сухом итоге — пара десятков человек из машинной команды выведены из строя (относительно невредимыми из находившихся в кочегарке остались двое, один кочегар, набравший уголь, успел рыбкой нырнуть в угольную яму, второго ударной волной вынесло в соседнюю кочегарку). Скорость упала с и так невысоких семнадцати до совсем уж грустных четырнадцати узлов. «Акаси» повезло — фугасный снаряд разорвался в командирском салоне. Энергия снаряда была бездарно растрачена на уничтожение портрета императора Японии и превращение кучи дорогой мебели в груды дешевых дров. Впрочем, дрова тоже пропали даром — пожара не получилось, зажигательное действие русских снарядов с пироксилином, в отличие от японских шимозных, было минимальным. К моменту второго попадания командир «Нанивы» разобрался в ситуации и, снизив ход до малого, стал пристраиваться в кильватер «Нийтаки», которая к тому моменту, пользуясь преимуществом в скорости, стала догонять «Такачихо».

На мостике «Варяга» работающие вместе штурмана с «Варяга» и «Корейца» довели до сведения Руднева, что «Варяг» подходит к опасно мелкому району, и пора поворачивать.

— Прекрасно, попробуйте обрезать хвост японской колонне!

— Но это нас уведет с курса прорыва!

— Поперек этого курса сейчас четыре японских крейсера. Сквозь них нам не пройти. А вот догоняя их с кормовых углов и склоняясь на запад, мы им на нервы подействуем, особенно концевой «Наниве». Они наверняка решат, что мы хотим уйти проливом Летучей рыбы, если уж они до этого поверили, что я сейчас сунусь на такой скорости напрямую к

Мазампо... Похоже, они не очень хорошо знакомы с гидрографией района, этим надо воспользоваться! Пытаясь перекрыть нам путь, они опять собьют пристрелку, плюс теперь их тормозит «Нанива», а бросать ее нам на съедение они не будут. Похоже, что их общая отрядная скорость упала до четырнадцати узлов, а наш максимум пока еще двадцать два, если не больше, разгонимся — посмотрим. Пока сколько на лаге, семнадцать? И потом, через час начнет темнеть. Вот только не знаю, это нам на руку или японцам?

На мостике «Акаси» вынужденно исполняющий обязанности командира отряда молодой капитан второго ранга Миядзи разглядел, что «Варяг» опять начал поворот, в этот раз правый. Ну и куда его несет теперь? Убедился, что в проходе к Мазампо мы его все равно расстреляем и решил у нас под кормой пройти проливом Летучей рыбы? Ничего, парируем отворотом вправо! Что у нас с отрядом? Черт, «Нанива» отстала, придется сбросить скорость, пока не догонит. А судя по пару, что она травит в атмосферу, случится это не скоро. Нелегкое это дело, водить отряд кораблей, помоги мне Аматерасу! Странно, а почему русские приближаются так медленно? Восточные демоны, они уже на пересекающимся курсе, точно в Летучую рыбу идут!

— Сигнальщики, поднять сигнал «Отряд, к повороту последовательно вправо»!

В результате принятых мер второй поворот японского отряда прошел без нарушения строя, наоборот, опытный командир «Нанивы», срезав угол, существенно сократил отставание от «Нийтаки». К сожалению для японцев, некому было подсказать недостаточно опытному командиру «Акаси», что столь частая смена курса не может не помешать нормальному действию артиллерии отряда. Он никогда до сих пор не командовал более чем одним крейсером, а молодости свойственно в горячке забывать даже то, что знал... В результате артиллерия японцев пока не наносила русскому крейсеру дальнейших повреждений.

На «Варяге» перед вторым поворотом снизили темп стрельбы до пристрелочно-беспокоящего, два залпа в минуту из трех пушек каждый, поправка после падения снарядов предыдущего залпа, и так далее. Но в момент, когда кильватерная колонна японцев начала створиться, главарт уже без напоминания Руднева приказал открыть огонь из всех стволов. Но дистанция в двадцать пять кабельтовых, поворот японцев и собственная циркуляция — не лучшие условия для стрельбы. Пока для «Варяга» все шло прекрасно — крейсер медленно, но верно продвигается к выходу из бухты, гоня перед собой японцев. На «Чиоде», разглядев маневр «Варяга», и поняв, что ничем сейчас не занятые четыре пушки правого борта и две кормовые вполне могут озаботиться добиванием его отползающего крейсера, Муроками приказал дать полный ход, черт с ними, с мелями, сейчас русские снаряды опаснее.

Главный артиллерист «Варяга» учился по ходу боя. Никогда прежде ему не приходилось корректировать огонь корабля по двум разным целям с помощью системы центральной наводки. Никогда прежде его не отвлекали от решения математическо-артиллерийских головоломок близкие разрывы и попадания чужих снарядов. Никогда прежде ему не приходилось просто непрерывно стрелять в течение столь долгого времени с такой частотой. Но в этой реальности у него были две бесценные вещи, которых был он лишен в нашей — лишний час относительно спокойного боя на обучение, а не избиение «Варяга», и мичман Нирод на дальномере, дающий верную дистанцию.

Как всегда некстати в голове пронеслось воспоминание, как проходила вчерашняя сверка дальномеров с «Корейцем». Сначала Нирод со своим незабываемым «графским»

тщеславию доказывал, что врут именно дальномерщики «Корейца». Но после беседы, проведенной с ним командиром и штурманами, с использованием лоции порта в качестве определителя контрольных расстояний его точка зрения изменилось. Красный как рак мичман два часа гонял своих подчиненных по всем дальномерным постам и перенастраивал и переградуировал все дальномерные станции «Варяга». Проведенная потом вторая сверка показала практически полное совпадение показаний дальномеров обоих кораблей. Непонятной осталась только фраза, произнесенная командиром: «мичман, вы только что спасли себе жизнь».

Вообще кэп ведет себя очень странно, но, черт побери, верно! Вчера главарт еще готов был поклясться, что Руднев не разбирается в артиллерии, ну уж точно никак не лучше его самого. А вот поди ж ты, углядел же старик момент со створением японцев раньше него. И еще про эллипс рассеивания ввернул, каково, а? До него самого только через пару минут дошло, что это такое.

Ладно, к черту лирику — циркуляция закончена, начинаем пристрелку. Интересно, что еще старик эдакого выкинет? Японцев все-таки четверо против одного.

Главарт бы удивился, насколько его мысли совпадали с мыслями самого Руднева. Что делать дальше? Тупо кирпич на газ и переть мимо четверки крейсеров? Даже если не утопят, за тот час, что мимо них ползти будем, избыют до состояния, в котором о продолжении крейсерства думать уже не придется. Попытаться сблизиться и нанести паре японцев ущерб, несовместимый с продолжением боя? Фантастика в соседнем разделе. Скорее наоборот получится, орудий-то у них больше. Вилять до темноты, вытесняя их из пролива? Не дотянуть, до заката еще больше часа, и потом, там где-то в проливах крутится стая миноносцев. Это днем они не опасны, а ночью хватит одного зевка сигнальщика, одной удачно пущенной мины, и привет Нептуну. Но что-то же надо делать? Ждать ошибки японцев и тянуть время, медленно продвигаясь к выходу, надеясь проскочить в темноте? Или понадеяться на крепость скосов бронепалубы «Варяга», запас водоизмещения (чем больше корыто, тем дольше тонет) и рвать к выходу? За мыслями и просчитыванием вариантов Руднев чуть не пропустил момент, когда пора было решать, идти проливом Летучей рыбы или пытаться пройти более глубоким, безопасным и как следствие, скоростным Западным каналом. Черт бы подрал этого Вадика, хоть бы предупредил за сутки до моделирования, успел бы освежить в памяти наработки, а так все экспромтом, все с чистого листа... Так куда же сворачивать, блин, Илья Муромец на распутье, мать его...

Что японцы делают? Гм, забавно, ловя «Варяг», они теперь идут курсом на группу островов Роллес, отделяющих пролив Летучей рыбы от основного фарватера, Западного канала. Теперь им или влево, и к выходу из бухты, так и нам туда же, или на контркурсах нам в лоб, это они, пожалуй, не рискнут. Строй пеленга им принять на узком фарватере сложно, так и будут кильватерной колонной ходить, иначе вообще могут столкнуться. Черт, а что, если их отпустить и попытаться пристроиться концевым мателотом? Кабельтовых так в двадцати пяти? Тогда по мне будет лупить только кормовые пушки «Нанивы», а все мои перелеты опять будут опасны для всего японского строя. Что они тогда сделают? Опять отвернут, естественно, но там пролив узкий, колонне кораблей можно долго идти только вдоль фарватера, не поперек. Так и будут вилять вправо-влево, а я за ними в противофазе. Прокладка будет выглядеть, как два маятника. А на змейке большого количества попаданий быть не должно... Еще часик так проваландаемся, а потом в темноте хрен они меня поймут. Опасаться надо будет только миноносцев. Ну да авось пронесет.

— Рулевой, право руля, идем по главному фарватеру! Машина, ход снизить до среднего!

— А зачем снижать? Мы же на прорыв идем! — Вмешался молодой штурман «Корейца».

— А чтоб японцы чуть вперед ушли. Нам сейчас главное не нанести максимальные повреждения им, а самим получить минимальные. Наша задача лежит вне бухты Чемульпо.

К штурману подключился недовольный главарт:

— Но, Всеволод Федорович, ведь если мы сблизимся с ними сейчас, то «Наниву» утопим точно! Она же ход потеряла, ей не уйти!!!

— Я понимаю и ценю ваше желание прикончить врага, но размен «Варяга» на «Наниву», даже если он удастся, выгоден не России, а Японии. Эта старая лоханка не стоит потери «Варяга». А сблизившись с японцами, мы рискуем именно этим. А если мы выйдем из Чемульпо, и поймем хоть один японский транспорт с войсками, то нанесем ущерб в десять раз больший, чем просто утопив «Наниву», понятно? И потом, утопить крейсер в три тысячи тонн — это не так быстро, как вам кажется. И вообще, господа, вернитесь к своим прямым обязанностям. А то у одного уже третий пристрелочный залп с правого борта по «Чиоде» лег недолетом, кто за вас поправки должен вносить, Николай Чудотворец? Да и с левого по «Наниве» не лучше. Вообще, оставьте вы «Чиоду» в покое, не отвлекайтесь. А у второго мне вообще страшно подумать что с прокладкой творится, пока мы тут беседуем. Вот сейчас на шестнадцати узлах в берег въедем, мало не покажется, честное слово! Кстати, пользуясь паузой — прикажите пробанить орудия. Причем обязательно проволочными банниками с салом.

— Как можно! Банить — это же прервать стрельбу!!! Сбить пристрелку! Почему сейчас???

— Ничего прерывать не надо. Баньте по два-три орудия за раз и стреляйте из остальных. Но если их сейчас не пробанить, то через полчаса такого темпа они перегреются, рассеивание сильно вырастет, а от большого количества сорванных поясков стволы забьет медью и вообще может разорвать ствол. Так что не спорьте, отдавайте приказ пробанить, начиная с носовых, они уже сегодня стреляли больше остальных, и впереди еще много пальбы.

Дискуссия была прервана очередным попаданием в «Варяг», на этот раз снаряд все же сдетонировал на противоминной сетке. Но если к близким разрывам снарядов и душу холодной воды с осколками еще можно привыкнуть, то к разрыву снаряда практически на борту корабля привыкнуть невозможно. Как и к полосующим плоть осколкам. Список потерь продолжал медленно, но верно расти. Носовая левая трехдюймовка требовала капитального ремонта, трех человек тащили в госпиталь, одному из них на ходу пытались наложить жгут, а наводчику теперь могла помочь только молитва. Пробка в койках было загорелись, но постоянно окунаемые в бурун у носа «Варяга», они быстро погасли.

На мостике «Акаси» штурман доложил Миядзе о подходе к опасно мелким глубинам. Того мучили те же вопросы, что и Руднева. Что, черт побери, делать? Все пошло не по плану! Пора опять отворачивать влево, опять сбивать пристрелку, опять подставлять корму колонны под продольный огонь русских, которые не преминут этим воспользоваться. Но что еще остается делать? А до темноты все меньше, «Варяг» пока практически не поврежден. А как его потом ловить в темноте в этом лабиринте островов и мелей? Тут и одному кораблю надо в темноте ходить с оглядкой, а строим из четырех, да под командой малоопытного командира, то есть его, вообще смертельно опасно и без обстрела со стороны противника. А

если разбить строй, то можно наткнуться на этого чертового «Варяга» в одиночку, и тогда — прощай, родная Япония. Да и просто несогласованное маневрирование четырех крейсеров на таком узком фарватере в темноте без огней — это почти гарантированное столкновение и взаимные обстрелы. Это «Варягу» хорошо, лупи по любой тени в темноте, своих у него тут нет! А зажечь огни — это значит подсветить себя для русских, как мишень для ночных стрельб. Что же делать?

— Сигнальщикам, поднять сигнал «отряду к повороту вправо последовательно». Как только все отрететуют — начинаем поворот.

Что конкретно произошло после перекладки руля, доподлинно не известно. Существуют как минимум три версии событий, заслуживающих право на существование. Достоверно известно, что когда руль на «Акаси» уже был положен для плавного поворота вправо, один из снарядов «Варяга» настиг временно исполняющего обязанности японского флагмана. Снаряд попал в мостик, под боевой рубкой. Расхождения начинаются дальше, по первой версии взрывом временно заклинило рули крейсера или просто перебило штуртрос (а может, просто срезало и сам штурвал), и вместо поворота на 90 градусов «Акаси», а за ним и вся японская колонна, выполнил разворот на 180. По другой версии у молодого японского командира просто сдали нервы, и он решил пойти на сближение с «Варягом», чтобы покончить с ним до темноты. Судя по тому, что русские, обладая преимуществом в скорости, не идут на сближение — они хотят пройти мимо японских крейсеров в темноте, значит, надо идти на сближение самим! Ну и третья версия, самая маловероятная — у «Акаси» заклинило рули не от попадания, а от резкой перекладки, в момент, когда Миядзи попытался уступить лидерство отряду более опытному командиру «Такачихо». Так или иначе, но на «Варяге» раздался крик сигнальщика:

— Вашебродь, япошки поворачивают вправо!!!

— Естественно, куда им еще деваться-то? Так посмотрим, полюбопы... Машина! Полный, самый полный вперед, до железки! Артиллерия — огонь по «Акаси»! Максимальная скорострельность! На штурвале, штурмана — становитесь рядом с рулевым, и правьте как можно ближе к левой кромке фарватера! Черт, черт!

— Да в чем дело-то?

— Японцы идут нам в лоб! Вы что, не видите? Рулевой, родной, приготовься уворачиваться от мин и возможной попытки тарана!

Расстояние между «Акаси» и «Варягом» в момент окончания разворота было тридцать кабельтовых. Взаимная скорость сближения — тридцать узлов, при этом скорость «Варяга» росла. Итак, пять-шесть минут до момента расхождения правыми бортами, потом еще минут пятнадцать на выход из зоны огня японцев, если «Варяг» переживет эти двадцать минут, то у него есть все шансы дожить до следующей группы «если».

Если он сохранит ход и управляемость, если он сможет своей повыбитой артиллерией отбиться от миноносцев, если он сможет в темноте оторваться от преследования, то тогда у него будет шанс нанести японцам ущерб, ставящий под вопрос график развертывания сухопутных войск в Чемульпо для атаки на Порт-Артур. Но пока надо еще эти двадцать минут прожить. Что тоже не просто. На стреляющем борту японцев шестнадцать шестидюймовок и три пушки калибром 120 мм. Это не считая мелочи, которой тоже хватает. «Варяг» может ответить из семи шестидюймовок. Даже если матросы «Варяга» смогут поддержать запредельную скорострельность начала боя в течении этих двадцать минут, то все одно, уступаем по весу залпа минимум в два раза. При 2 % вероятности попаданий

«Варяг» может получить как минимум два десятка снарядов. Смертельно это или нет? Как фишка ляжет. Остается только надеяться на низкие пробивные свойства японских фугасов, скосы варяжской бронепалубы им не по зубам, значит, машины в безопасности. Ну и импровизированная противоосколочная защита орудий может снизить потери расчетов до приемлемого уровня. Хотя может и не снизить. В свою очередь, ожидаемые десять попаданий «Варяга» вряд ли смогут нанести серьезные повреждения хоть одному из трех сохранивших ход японцев. Хотя эффективность русского бронебойного снаряда — это лотерея. Все, что окажется на его пути — снесет, и никакая броня из имеющейся на японских крейсерах его не остановит. Шанс есть только у бронирования боевых рубок, и то не на такой дистанции. Но зато все, что будет в паре сантиметров от его разрушительного пути, скорее всего, останется целым. Единственный «бонус» «Варяга» то, что, непонятно почему, но при стрельбе на контркурсах русские артиллеристы всегда показывали лучшую точность, чем японцы. [\[25\]](#) Ну, понеслись!

«Учитывая полуторную смену кочегаров и начальный семнадцатизуловой ход в момент расхождения, „Варяг“ должен идти уже двадцатитрехузовым ходом, если не будет дальнейших повреждений. У япошек — „Нийтака“ — двадцать узлов. Но ей еще развернуться. Если ей снизить скорость, и проскочить, не налопавшись торпед и без тарана, то считай — прорвались. „Акаси“ один за нами не погонится, а погонится — ему же хуже. Можно думать, как в Москве тратить сто штук евриков. И как лучше бить морду Вадику за такие подставы, сразу ногами или начать с кулаков!» Мысли Руднева опять начали становиться мыслями скорее Карпышева, но, как говорить: «хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах»!

К моменту, когда последний крейсер в японской колонне, «Нанива», закончил поворот, «Варяг» успел набрать девятнадцать узлов и получить еще один снаряд. На удивление, и надежные японские взрыватели иногда давали сбой. 120-мм, в этом случае можно было сказать точно, снаряд прошел сквозь борт над ватерлинией, сделал полуметровую вмятину в левом скосе и отрикошетив, зарылся в уголь. Дружеский привет от «Акаси» получен. Следующие четыре минуты были наполнены все учащающимися попаданиями как с одной, так и с другой стороны. «Варяг» потерял правое среднее шестидюймовое орудие, первая дымовая труба получила еще одно попадание и была готова сверзиться за борт при слишком большом крене или просто не попутном ветре, одна из трехдюймовок была снесена за борт, а еще пара, пострадавшая от близких взрывов, могла быть впоследствии отремонтирована. Еще несколько снарядов, взорвавшись на коечных экранах, на бортах и в надстройках, серьезных повреждений не нанесли — пяток убитых, полтора десятка раненых, сухая статистика войны, которая кроется за словами «незначительные осколочные повреждения», серьезных пожаров тоже пока не возникало. Ответ «Варяга» — один снаряд навывлет в борта «Акаси» по носу, без серьезных повреждений, выведенное из строя прямым попаданием среднее бортовое орудие, случайное попадание в «Такачихо», одна труба пробита навывлет, к сожалению, без взрыва, а то ее просто унесло бы за борт. Один невесть как попавший с дистанции более пятнадцати кабельтовых трехдюймовый снарядик бессильно завяз в скосе «Нийтаки». Интересное началось при сближении на дистанцию меньше полутора десятков кабельтовых, когда попадания пошли одно за другим.

Японские канониры были профессионалами своего дела, хотя разница в боевой подготовке между отрядами первой и второй линий в Японском флоте и позволяла элите отпускать обидные шуточки в адрес своих коллег. [\[26\]](#) Но все же законов природы они

отменить не могли — за полчаса средний японский подносчик снарядов выматывался гораздо больше, чем его русский коллега. Просто в те старые добрые времена русский был раза в полтора крупнее японца, а в подносчики снарядов к тому же отбирали народ поздоровее. Ну и пара добавочных килограмм японского снаряда на четвертом десятке начинала чувствительно давить на руки и плечи. В общем, через полчаса перестрелки с максимальной скорострельностью японцы порядком вымотались. Руднев же, напротив, выпустил на подачу дополнительных нештатных членов команды — моряков с «Севастополя», «Корейца» и «Сунгари», до поры сидевших под защитой бронепалубы. Это должно было позволить «Варягу» поддержать запредельную скорострельность начала боя еще с пол часа. А больше и не нужно. Так или иначе все будет кончено. При этом пока еще оставался резерв людей на случай потерь в расчетах. Вообще эти дополнительные три с гаком сотни человек оченьгодились — кочегары и механики с «Корейца» и «Сунгари» сейчас трудились в машинном отделении, севастопольцы удвоили численность подносчиков снарядов, а палубные матросы с «Корейца» и «Сунгари» с казаками позволили сформировать два пожарных дивизиона вместо одного. Возможно, именно благодаря этому на «Варяге» пока удавалось быстро тушить все возникающие пожары, хотя здесь скорее все же более важную роль играло заблаговременное избавление от дерева на борту до боя.

Когда «Варяг» и «Акаси» сблизилась примерно на тринадцать кабельтовых, произошло два взаимно не связанных, но почти одновременных события.

Во-первых, Миядзи принял окончательное решение — «Варягу» из Чемульпо сегодня не выйти. Он наделал достаточно ошибок за сегодня и может смыть свою вину перед императором только подобно великим самураям прошлого. А то, что вместо верного кусунгобу, передававшегося в семье из поколения в поколение, для сеппуку придется использовать «Акаси», что же, зато и «Варягу» после таранного удара из залива не уйти. Его крейсер слабейший из японцев, а этот сумасшедший «Варяг» со своим непредсказуемым командиром слишком опасен, так что размен оправдан. Командир русской канлодки показал ему путь, следуя которым, более слабый корабль может и должен останавливать противника. Осталось только доказать, что дух сыновей Ямато не слабее, чем у северных варваров. После тарана оставшаяся тройка крейсеров наверняка сможет добить потерявший преимущество в ходе «Варяг». А экипаж «Акаси» — у них есть шлюпки, а кому не повезет, по словам одной умной книги — «самурай должен ежедневно представлять свою смерть от пули, стрелы, огня или воды»!^[27] Миядзи приказал механику увеличить ход до максимума, на который только способны машины «Акаси», и сигнальщику отсемафорить на «Такачихо» и прочим мателотам: — «Иду на таран, прошу добить „Варяг“! Тенно Хейко Банзай!».

На «Варяге» глазастый сигнальщик с «Корейца» Вандокуров прокричал в рубку:

— Ваш Высокбродь! Головной япошка какой-то сигнал поднял, заваливает вправо и отрывается от остальных, не иначе, таранить собирается, черт узкоглазый!

«Ну вот только цитат из песни мне только сейчас не хватало», — подумал Руднев, наклоняясь к прорезам боевой рубки. «Ведь всю малину, гад упорный, испортит!»

— Минеры!!! Носовой аппарат готов к залпу? Как сойдемся с «Акаси» на восемь кабельтовых, пускайте мину. Не пытайтесь попасть, лучше пусть пройдет у него по носу, тогда он вынужден будет вправо отклониться! Стоните его с пересекающихся курсов. Понятно? Если надо, чтобы мы вильнули на курсе — сообщите на мостик. Как сблизимся с отставшей тройкой, то же самое из траверзных аппаратов правого борта — не надо пытаться попасть, постарайтесь отжать япошек к берегу, не давайте им выйти на курс столкновения!!!

Скрипниченко, ты у нас сигнальный квартирмейстер? Значит, должен знать, где хранятся шары, что на мачте поднимают, когда стопорят ход. Так? Как мимо японцев пройдем, даст Бог, чтоб был с ними на корме и кидай их за борт, и глобус из кают-компания туда же, только чтоб япошки видели!

— Рад стараться вашевысоко... но зачем??

— Авось в горячке примут за плавучие мины, может, хоть немного вильнут и чуть поотста...

В эту секунду очередной японский шестидюймовый снаряд взорвался на правом крыле мостика, щедро окатив боевую рубку «Варяга» осколком. И это было второе событие, определившее дальнейший ход событий. Несколько осколков через слишком широкие прорезы боевой рубки попали внутрь мозгового центра корабля. Один из них, отрикошетив от крыши рубки, распорол ногу Руднева. Пропоров китель, мелкий и уже изрядно замедлившийся осколок распорол кожу и мышцы на внешней стороне бедра. Рана вышла на загляденье — от пояса почти до колена. Первой мыслью очнувшегося через пару секунд от болевого шока Руднева было: «Это не честно! Почему, за что, я же прорвался!!!» Потом его накрыла вторая волна боли, через которую смутно, как через вату, доносились крики: — «Командир ранен!!! Доктора на мостик! Доктора!!! Храбростин, Банщиков, кто-нибудь, быстро в рубку!» Постепенно боль отступала, и Руднев почувствовал, как кто-то перетягивает ногу ремнем. Черт, это же главарт с горнистом, смешная у парня фамилия, Нагле, все его не иначе как «наглецом» называют. Господи, какая чушь лезет в голову. От шока, что ли? А вот лейтенанту бы сейчас надо заниматься своим прямым делом, а не играть в медсестру! Как это иногда бывает, ярость и вызванный ей прилив адреналина начали вытеснять затопившую сознание боль.

— Лейтенант, немедленно займитесь стрельбой! Наглец справится сам!!! Сейчас же! Нечего играть со мной в доктора.

Черт, вместо нормального голоса изо рта вырывается какой-то свистящий шепот. Но вроде умница Зарубаев расслышал, вытянулся во фрунт, пижон, отдал честь и снова склонился над своим аппаратом центральной наводки. С бака доносилось уже не «командир ранен», а «командир убит». Это что, таким милым чистерским образом Вадиков папа решил зажать полтинник грина? Типа как при очередном моделировании прорыва «Варяга», когда в накуренной комнате после броска костей, показавшего попадание в мостик, представители японской команды дружно стали скандировать «Командир убит, „Варяг“ возвращается в порт». Но, блин, как же больно-то! Даже когда на практике на заводе имени Хруничева с полсекунды трясло 380 вольт, ощущение пожалуй, было менее хреновое. Как это можно отмоделировать? Никогда не слышал о таких глубоких, мать вашу, симуляторах реальности... Это что, выходит, все это и правда всерьез, что ли? Ладно, лирика лирикой... Если не заткнуть глотки этим горлопанам на баке, то скоро весь крейсер «узнает», что командир мертв и прорыв не удался. Не допустить!

— Нагле...

Черт, как же его на самом деле зовут-то, горниста нашего? А! Николай Августович Нагле! Немец, небось...

— Николай! Помоги мне встать.

— Вам нельзя, ваше...

— Знаю, что нельзя, но когда нельзя, но очень хочется, а главное, надо — то можно! И вообще, ты же вроде не лекарь? Поднимай! Только ногу не трогай!

С трудом, медленно, с помощью сигнальщика под правым плечом и горниста под левым Руднев медленно вышел, вернее, выпрыгал, на левое, целое пока еще крыло мостика.

— Николай, уж коли ты тут, протруби «Сбор» или «Внимание», хоть что, только чтобы все заткнулись и меня послушали.

После сигнала, набрав полные легкие воздуха, черт, дырка же в ноге, почему вдыхать-то больно, Руднев изо всех сил попытался говорить громко и уверенно:

— Ну, кто тут орал, что я убит? Не дождетесь, черти! Слухи о моей героической гибели сильно преувеличены. Не отлили еще япошки снаряд, чтобы тот Руднева убил! Чем кричать чушь всякую, лучше запевай! Наверх вы, товарищи...

На этом запас дыхания и сил для разговоров иссяк. Но на баке, прокричав «ура» командиру, уже радостно и в охотку подхватили полюбившуюся мелодию, и замедлившаяся было при известии о его смерти стрельба возобновилась с удвоенным темпом. Руднев с тем же почетным эскортом прохромал в рубку и попытался, отрешившись от боли, вникнуть в обстановку. Предварительно пришлось отбить попытку добравшегося наконец до мостика врача, коллежского советника Михаила Храбростина, уложить или хотя бы усадить раненого.

— Мне надо видеть, что происходит, а из кресла обзор никакой. Перевязка минуту-другую подождет, кровь мне остановили вроде достаточно грамотно.

За полторы минуты, что Руднев пробыл вне боя, ничего принципиально не изменилось. На пяток попавших в него снарядов «Варяг» ответил одним попаданием в «Акаси» и одним в «Такачихо» (старик не повезло с местом в строю, он упорно ловил перелеты снарядов, изначально направленных в «Акаси»). От коечных экранов по правому борту остались одни воспоминания и две-три неповрежденные секции. В остальных местах с выстрелов свисали лишь цепи с подвешенными к ним колосниками. Сетки и койки вымело взрывами начисто. Поредевшие пожарные дивизионы дотушивали остатки противоосколочных экранов в том месте, где когда-то стояла средняя трехдюймовка левого борта.

«Акаси», изрядно оторвавшись от остального отряда, шел на пересечку. Расчет носового минного аппарата только что выпустили по нему мину. Теперь его командир стоял перед выбором, продолжать идти курсом на таран, который, правда, на полпути с довольно высокой вероятностью приводил его на варяжскую торпеду, или отвернуть вправо, и гарантированно избежать попадания, но расстаться с мечтами о героическом таране. Не известно, что выбрал бы сам Миядзи, скорее всего, рискнул бы, и что бы у него из этой затеи вышло.

На принятие «Акаси» благоразумно-осторожного решения благотворно повлиял очередной снаряд с «Варяга», попав в бак. Русский фугасный снаряд разорвался, в отличие от большинства своих бронебойных коллег. Хотя он и не обладал осколочным действием, сравнимым с таковым у японских снарядов, но зато более крупные русские осколки обладали большей убойной силой. И одного из них вполне хватило, чтобы отправить Миядзи с открытого мостика, откуда он храбро, но неосмотрительно наблюдал за боем, в операционную с проникающим ранением в живот. Остальными было временно выведено из строя носовое орудие. Пока вступивший в командование крейсером старший офицер добирался до рубки, рулевой, действуя по указаниям единственного находящегося на мостике офицера-минера, по инструкции отвернул от торпеды вправо. Выпущенные в последней отчаянной попытке дотянуться до борта «Варяга» из аппаратов левого борта мины до цели не дошли. Помешала собственная циркуляция и скорость «Варяга», уже

достигшая двадцати узлов.

На мостике «Варяга» Руднев, поддерживаемый горнистом, пригнулся у прорези рубки. «Надо же, ну и как я умудрился забыть прикрыть щели рубки-то? Ведь с самой первой прочитанной по теме книги, обычно „Цусима“ Новикова, всем известно — русские рубки в эту войну были известными осколкоуловителями. И вот поди же ты! Обо всем подумал, а о себе, любимом, не удосужился, идиот». Уловив момент отворота «Акаси», Руднев окрепшим голосом приказал перенести огонь на «Нийтаку».

— Всеволод Федорович, может, все же на «Такачихо» или продолжить по «Акаси»? Один сейчас головным, а «Акаси» так удобно подставился, и пристрелялись мы по нему... Почему «Нийтака»-то? Она что, медом намазана? Какая вообще разница?

В азарте боя Зарубаев опять готов был заспорить с командиром. Ну что за нравы у нас на флоте в начале века, елки-палки!

— Лейтенант, вы правы со своей артиллерийской точки зрения. Но именно «Нийтака» единственный из японцев, кто может составить «Варягу» конкуренцию в скорости. «Акаси» мы уже практически проскочили, пока он будет ворочаться вправо, потом влево — уже, считай, за кормой. По нему смогут развлекаться кормовые орудия. «Нанива» уже бегать не может, его мы достали. «Такачихо» вообще с рождения больше восемнадцати узлов не давал, а сейчас и семнадцати не выжмет. Так что огонь по «Нийтаке». Без вариантов. Минерам благодарность за отличный выстрел. Из траверзных аппаратов попробуйте сработать так же, только обязательно залпом, от двух торпед японцам уворачиваться будет еще веселее.

Глава 12

Уход не по-кошачьи

Бухта Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года, сумерки.

Как известно, кошки уходят, как англичане — они не прощаются, они просто исчезают. Тихо и незаметно. Уход «Варяга» и «Корейца» из Чемульпо был полной противоположностью старым добрым кошачьим традициям. Они основательно попрощались со всеми, до кого смогли дотянуться.

«Асама» лежала на дне. «Чиода» был в середине процесса спуска шлюпок для подбирания уцелевших с «Асамы», но ее командир уже начинал подумывать о том, что его покалеченному крейсеру надо пройти затопленный на фарватере «Сунгари» засветло. А со сбором оставшихся на плаву членов экипажа «Асамы» шлюпки справятся и сами. «Акаси» только что закончил циркуляцию вправо, уводившую его от торпеды «Варяга», и сразу же начал поворот влево, чтобы начинать погоню за этим чертовым неуязвимым крейсером. На его мостике добравшийся наконец до рубки старший офицер отчитывал минера, по приказу которого крейсер отвернул от противника. Минер вполне резонно отвечал, что хоть он и остался за старшего, единственное, что он знал об управлении кораблем в бою наверняка — самый безопасный курс при минной атаке — от мины. «Нанива» уныло тащилась в хвосте японской колонны, медленно отставая от своих неповрежденных коллег. Кочегары только сейчас смогли спуститься во все еще заполненное паром котельное отделение номер один и начали наконец поднимать пары в неповрежденных котлах. «Такачихо» и «Нийтака» шли встречным с «Варягом» курсом, и их командиры прекрасно понимали, что остановить его теперь могут только они. Правда, остается еще надежда на миноносцы... Но уж больно призрачная.

«Варяг» продолжал упорно идти к выходу. Избитый, с кое-как потушенными пожарами, с выбитой на четверть артиллерией и с сотней убитых и раненых на борту крейсер, казалось, превратился в берсерка. Его, как и его скандинавского предшественника, сейчас не могло остановить ничего, кроме удара в сердце. Но в отличие от полоумного викинга, не очень уважавшего кольчуги, и щиты использовавшего только как закуску, сердце «Варяга» было надежно прикрыто броней.

«Так, похоже от кровопотери и морфия, настоял таки гад-доктор, немного поехала крыша. Какой еще берсерк? Кто тут неуязвимый? Если бы. Еще продираться мимо трех крейсеров, еще переть в темноте мимо миноносцев, и в любой момент может или снаряд к рулям залететь, или мина в борт. А результат один — большая кормежка мелкой рыбы... Не отрубиться бы. А то обидно будет», — затянувшийся на десяток секунд мысленный диалог Руднева с самим собой был прерван парой одновременно попавших в «Варяг» снарядов. Один разорвался с эффектом скорее комическим, чем опасным. Снаряд угораздило влететь в подвешенный на цепи колосник, оставшийся от сорванного одним из ранних взрывов экрана. В результате колосник силой взрыва впечатало в борт, а оторванная цепь хлестнула по палубе «Варяга», как исполинский цеп, прорубив палубный настил. Дождь осколков хлестнул по палубе, но все, что могло быть уничтожено осколками в этом секторе правого борта, давно уже было искорежено, разбито, прощито навылет или лежало в лазарете. А

иногда и в корабельной бане, куда по штатному расписанию складывали покойников во время боя. Не будь на пути снаряда чугуныки, пришлось бы заделывать еще одну пробойну у ватерлинии, коих у «Варяга» и так имелось уже с пяток. Вторым снаряд оказался более удачливым. Он взорвался на баке «Варяга», сдетонировав о раструб вентилятора. Конус осколков и взрывная волна пришлась на правое баковое шестидюймовое орудие и прикрывающий его до уровня ствола бруствер из мешков с песком.

«Шимозный самум!», — пронеслось в оглушенном морфием и болью мозгу Руднева. Действительно, на несколько секунд бак «Варяга» скрылся в вихре песка, смешанного с дымом от сгоревшей шимозы. Когда рукотворный песчаный шторм осел, стало видно, что из расчета левого носового шестидюймового орудия в строю осталось трое подносчиков. Остальные лежали на палубе, припорошенные песком, который быстро пропитывался кровью. Один из уцелевших членов расчета метнулся к орудию и стал его быстро осматривать. Через несколько секунд до мостика донесся его крик:

— Стрелять-то можно, но циферблаты центральной наводки поразбивало и прицел снесло на хрен!

Так это же Авраменко! Ну точно, в начале боя их же послали подменить пару раненных именно у этой пушки. Он и пара его товарищей по расчету оказались прикрыты от осколков и разлетающихся мешков с песком телом орудия. Звереву повезло меньше, сейчас он пытался отползти к люку, левой рукой протирая засыпанные песком глаза, а правой зажимая рану на боку. С мостика трудно было разобрать, насколько серьезное ранение он получил, но если двигается, причем довольно быстро, то скорее всего выживет.

— Авраменко, Михаил! Становись за наводчика, сможешь?

— Да что тут хитрого-то, ваше высокоблагородие? Коль могу с 47-мм, то и эта сподобится. Но целиться-то как? И кто подавать будет?

Словно в ответ на второй вопрос, из люков палубы, как черти из коробочки, вылетели десяток матросов из резерва подносчиков. Расставленные по местам мичманом Эйлером, они организовали довольно таки сносную для новичков цепь подачи. Через двадцать секунд после взрыва орудие опять упрямо открыло огонь. Правда, чисто демонстрационный, куда-то в сторону цели — целиться без прицела, через ствол на дистанции более километра нельзя. Еще минуты через три наскоро перевязанный прямо на палубе Зверев с помощью батюшки приковылял обратно к орудию. Он опустился на настил у правого бакового орудия и стал считывать данные с уцелевших циферблатов. Но громкости его голоса после ранения не хватало на то, чтобы перекрычать грохот разрывов и выстрелов. Тогда, к удивлению Руднева и всех находящихся на баке и мостике, над сражением разнесся хорошо поставленный, окающий, протоиерейский бас корабельного священника «Варяга», отца Михаила. Но вместо молитв и славц господу батюшка стал, надежно перекрывая грохот боя, выдавать данные для стрельбы на поврежденное орудие.

— ВОзвышение десять, правОе ОтклОнение семь, Аминь, тьфу, ОгОнь!!

После этого стрельба из орудия перестала носить показательный характер, и снова стала относительно опасна для японцев.

Рудневу вспомнилась вечерняя проповедь, которую батюшка прочитал команде накануне сражения:

«Не впадая в фальшь, достаточно считать мерзостью войну наступательную, ничем не вызванную, кроме тщеславия и корысти. Но война оборонительная, как право необходимой обороны, не противна была нравственному сознанию ни таких мудрецов, как Сократ, ни

таких святых, как преподобный Сергей. И закон, и Церковь признают это право бескорыстным... И потому эта война может считаться святой и благословенной. Итак, православные, черная туча, давно облегавшая горизонт, разразилась грозой. Японцы, в надежде на своих европейских друзей, первые подняли на Россию вооруженную руку. Мы не хотим войны, наш царь миролюбивый употребил все усилия для ее отвращения. Язычники захотели воевать — да будет воля Божия». ^[28]

«Черт, придется поменять свое мнение если не о Русской Православной Церкви в общем, то хотя бы об ее отдельных представителях», — мелькнуло в голове капитана!

Вот наконец ушли в сторону «Такачихо» и «Нийтаки» две торпеды из аппаратов правого борта, значит, дистанция сократилась уже до дюжины кабельтовых. Японцы любезно ответили тем же. Минеры на «Такачихо» подозревали, что с такой дистанции добиться попаданий практически невозможно. Но что делать, если командир приказал отстреляться немедленно, потому что крейсер должен начать маневр уклонения от вражеских мин, а это неизбежно приведет к увеличению и так предельной для минного выстрела дистанции? Не слишком опытные минеры «Нийтаки» в точности повторили действия своих коллег. Теперь в сторону «Варяга» эффектно чертили свой путь четыре мины, впрочем, не слишком на самом деле опасных. Но береженого Бог бережет.

— Принять влево, насколько можно!

— Всеволод Федорович, и так идем на пределе опасных глубин. Не стоит.

Штурмана, штурмана, эх, какая ж вы шпана! Черт, ну какой же этот доктор со своим морфием сволочь! Как теперь на прорыве сосредоточиться, когда все вокруг мерцает и из реальности выпадают то секунды, то минуты?

— Ну хоть на полкабельтова левее, мины — они все же поопаснее, чем мель, будут. И не забывайте, у вас в лодии глубины промерены в отлив, а сейчас у нас в запасе еще полметра.

— Знаю, учел. Все равно опасно. Хотя что так опасно, что так, будь по вашему. Может, дать ненадолго полный назад, тогда мины точно мимо пройдут?

— Скорость сейчас тоже важна. Идея хорошая, но несвоевременная. Нам надо еще оторваться. Кстати, Василий, помнишь, что я тебе про шарики говорил? Давай, тащи свое хозяйство на корму. Пока доберешься, будет пора скидывать. И прихвати с собой кого-нибудь, а то один не успеешь.

— Всеволод Федорович. Да присядьте же наконец! На вас лица нет!

— Да, уже... Сейчас. В кресло... Благодарю. Крикните в машину, пусть еще добавят...

Еще пара минут, и за кормой остались и «Такачихо» с «Нийтакой». «Нийтака» сначала дисциплинированно повторила за «Такачихо» маневр уклонения, потом ее командир, увидев, что мина все равно идет ему в борт, положил руль еще круче влево и теперь от стройного японского кильватера остались одни воспоминания. Каждый крейсер разворачивался и ложился сейчас на курс преследования самостоятельно. Но главное, все они, кроме отставшей от своих «Нанивы», были теперь, черт побери, за кормой! Командир «Нанивы», убедившись, что его худшие опасения — остаться на поврежденном крейсере один на один с «Варягом» — становятся реальностью, предпочел отвернуть к правой кромке фарватера заранее. В этот момент на «Варяге» на правый борт могли стрелять четыре шестидюймовые орудия из шести, причем прицельный огонь вели только два из них. На остальных были повреждены прицелы, и их огонь был скорее демонстрационный.

На оставшейся за кормой «Варяга» «Нийтаке» во время разворота на курс

преследования разорвало носовое шестидюймовое орудие. Из расчета, на своей шкуре испытавшего эффективность родного японского шимозного боеприпаса вкупе с зарядом кордита, уцелели двое. Это приписали удачному попаданию русского снаряда, ударившего якобы прямо в ствол.^[29] На самом деле виновата была слишком длительная стрельба с максимальной скорострельностью без чистки орудия. Медь от десятков сорванных поясков снарядов медленно, но верно накапливалась на нарезках в стволе орудия. Ствол постепенно перегревался, что вело к его расширению, а иногда и деформации. И наконец настал момент, когда очередной снаряд просто заклинило в стволе в момент выстрела. Добавьте к этому сверхчувствительность и скверный характер шимозы — в результате от орудия и прислуги практически ничего не осталось. Та же судьба после часа непрерывной стрельбы ожидала бы и половину орудий «Варяга». Но приказ Руднева о прочистке орудий проволочными банниками и салом, столь негативно оцененный главным артиллеристом, избавил орудия и расчеты от незавидной судьбы погибнуть от собственных снарядов. В отличие от моряков начала века Карпышеву приходилось не раз читать о данной проблеме, которая и проявилась-то впервые во время РЯВ из-за возросшей скорострельности орудий. На самом деле единственный шестидюймовый снаряд «Варяга», попавший в «Нийтаку» во время сближения, не нанес никаких значимых повреждений. Два аккуратных отверстия на входе и выходе в кладовую сухой провизии, и полсотни килограммов риса, превращенного в рисовую пудру, между ними.

«Варяг» уходил. Носовые орудия уже не могли вести огонь по «Наниве». «Нийтака» только ложилась на курс преследования, а «Акаси» еще предстояло обходить раскорячившийся в развороте поперек фарватера «Такачихо». Строй японцев сейчас лучше всего описывался словом «куча». Причем желательно с эпитетом беспорядочная. Централизованное руководство отрядом, и так не слишком удачное в исполнении молодого Миядзи, было утрачено окончательно. На «Варяге» наконец-то раскочегарили машину до уровня, хоть отдалено напоминающий тот, что был продемонстрирован в Филадельфии в момент сдаточных испытаний. Несмотря на пессимизм механика, двое суток подготовки, полуторная смена кочегаров, душ ледяного масла на подшипники и главное — угроза жизни и отсутствие другого выхода разогнали «Варяг» до вчера еще немыслимых двадцати трех узлов.

Кормовые орудия еще продолжали всаживать снаряды куда-то в сторону постепенно отстающих японцев, а расчетам уцелевших носовых и бортовых уже предстояла совсем другая работа. Отражение минной атаки. Корабельная русская рулетка начала XX-го века. Не успеешь всадить пару-тройку мелких или один крупный снаряд в низкую, летящую по волнам тень миноносца до того, как он подойдет на расстояние менее километра — и получи в борт подарок с сотней кило взрывчатки.

А где-то там впереди авизо^[30] «Чихайя» уже разводил пары в пока еще холодных котлах в отчаянной попытке предупредить транспорта с войсками о немыслимой еще вчера угрозе — «Варяг» прорвался из Чемульпо! Никто на японских кораблях накануне не принимал такую возможность всерьез. «Чихайя» была отправлена к выходу из бухты для проформы, и зная об этом, на нем даже не поддерживали пары в котлах, за исключением необходимых для поддержания экономичного хода. Теоретически «Чихайя» почти не уступала «Варягу» в скорости, двадцать один узел против двадцати трех, но «Варяг»-то уже шел на двадцати двух, а вот авизо еще предстояло разогнаться с шести. Так или иначе, на авизо четко понимали свой долг — они были обязаны предотвратить атаку «Варяга» на беззащитные транспорты

или умереть, пытаясь это сделать. Поэтому сейчас, выжимая все что можно из машин, авизо шел в сторону ожидавших исхода боя транспортов. Сигнальщики непрерывно отстукивали семафором в их сторону один и тот же сигнал: «Немедленно сняться с якоря. Рассеяться и уходить в море». Если «Варяг» погонится за купцами, «Чихайе» придется встать между ними и крейсером, превосходящим его по все характеристикам на целую голову. Вряд ли он сможет продержаться более получаса, но что еще остается делать?

На «Варяге» сигнальщики наконец дотащили на корму сигнальные шары, о которых говорил Руднев. Втроем они с дружным гиканьем по одному на «раз, два, взяли» сбросили их в кильватерный след крейсера. Туда же отправился и глобус из кают-компания, все одно закопченный пожаром до состояния полной черной однотонности и к дальнейшему использованию непригодный. Скорее всего, их действия если и были замечены японцами, то практически наверняка бы проигнорировались. Но в тот день в этой реальности у Фортуны были другие планы. Со стороны рейда Чемульпо один за другим донеслись два приглушенных расстоянием взрыва. Оглянувшиеся на звук первого, матросы на японских крейсерах успели во всей красе рассмотреть султан второго подводного взрыва, вставший у борта «Чиоды», которая медленно пыталась обойти место, где был взорван «Сунгари».

На палубе «Варяга» слегка оглушенный морфием Руднев флегматично произнес:

— Две из девяти. Семь пока осталось. Поздравляю, господа, минная банка на фарватере себя оправдала. Теперь пользоваться им практически невозможно. А уж тралить мины рядом с двумя затонувшими пароходами я бы точно не хотел.

Уже поврежденная «Чиода» после двух минных подрывов затонула в течении трех минут. Ей фатально не повезло — энергией взрыва первой пары мин ее, кривобоко ковыляющую в гавань, отбросило прямо на вторую. В отличие от нашей истории, в этот раз отбуксировать крейсер в док не успели.^[31]

На «Нийтаке», сопоставив подрыв «Чиоды» и нечто шарообразное, сбрасываемое с кормы «Варяга», предпочли дать полный назад и принять к левой дальней кромке фарватера. При этом семафором на остальные японские крейсера было отправлено сообщение «Осторожно, вижу плавающие мины». Время, потерянное на обход района нахождения «плавающих мин», на осторожное следование по кромке фарватера, на разглядывание волн по курсу кораблей впередсмотрящими в сгущающихся сумерках, на снижение и набор хода, позволило «Варягу» оторваться от противника, не получив дополнительных повреждений. Атака миноносцев была выполнена безукоризненно по инструкции, но под огнем мало пострадавшей артиллерии левого борта из шести миноносцев на дистанцию действенного пуска торпед рискнули выйти два. Из выпущенных ими четырех мин крейсеру пришлось уворачиваться только от одной. Ответным огнем на самом наглom миноносце «Чидори» шестидюймовым снарядом был сбит мостик вместе с командиром, рулевым управлением и всем остальным, что на нем находилось. На долю второго, «Касагаи», пришлось три попадания трехдюймовых снарядов, охладившие его пыл. Ничья. Атака миноносцев, однако, позволила японцам выиграть драгоценное время и начать выводить из-под удара транспорты. Но груженные купцы никак не могли соревноваться в скорости с крейсером. Для начала не повезло «Сикако-Мару». При исполнении команды рассыпаться ее капитан по чистой случайности выбрал курс, пересекающийся с курсом «Варяга».

Когда на «Чихайя» заметили, куда именно несет охраняемый ей транспорт, её командир понял, что до завтрашнего восхода ему дожить, скорее всего, не удастся. Ну что же, как

говорит «Хаге Куре» — долг тяжел, как гора, а смерть легче пера! Придется вспомнить, что по британской классификации «Чихайя» относилась к «торпедно-артиллерийским канлодкам». Приказав на транспорт отворачивать влево и прижиматься к восточному берегу, «Чихайя» пошла на пересечку курса «Варяга». Ей почти удалось то, что с успехом провалили миноносцы четырнадцатого отряда — мина прошла в нескольких метрах от кормы «Варяга», и если бы не круто положенный вправо руль и мощный бурун за кормой, то попадания избежать бы не удалось. Прояви командиры миноносцев чуть меньше готовности умереть и чуть больше терпения, и «Варяг» был бы обречен. Им нужно было отойти к «Чихайе» и атаковать совместно с ней с правого борта, артиллерия которого больше пострадала от обстрела японских крейсеров. Тогда «Варяг» почти гарантированно получал мину в борт. Сейчас же, после атаки и расхождения с «Варягом» на контркурсах всего на шести кабельтовых в одиночку, авизо представлял из себя развалину. «Чихайя» расстреляла мины из всех аппаратов и в ответ получила пять шестидюймовых снарядов только в корпус. Теперь когда-то красивая и стремительная торпедная канонерка отползала на восьми узлах с небольшим креном на левый борт. Ее команда продолжала обстреливать «Варяг» из уцелевшего кормового 120-мм орудия и пары бортовых трехдюймовок, но всем и на «Чихайе», и на «Варяге» было ясно, что это агония. У авизо не было ни скорости, чтобы уйти, ни артиллерии, чтобы отбиться, ни сколь-либо значимой брони, чтобы терпеть обстрел с «Варяга». «Чихайя» была обречена, и это понимали и на ней, и на «Варяге». Тем страннее был приказ Руднева, в очередной раз вызвавший на мостике «Варяга» жаркие споры, более подходящие Одесскому привозу, а не крейсеру в бою.

— На руле, держи правее — курс на транспорты! Ход до самого полного. Сигнальные, отсемафорьте на «Чихайю» на английском, авось поймут, — «восхищен вашим мужеством, вы до конца исполнили свой долг, идите чинитесь, добивать не буду». Как у нас перезарядкой минных аппаратов дела обстоят?

— Но почему??? Поворот вправо, снизить скорость на двадцать минут, и она на дне! Что за толстовство, Всеволод Федорович?

Зарубаев даже не кричал, звук, вырвавшийся из его горла, был чем то средним между ревом и воем. И, черт побери, его можно было понять! За последние пару часов ему не давали добить уже третий корабль противника. Сначала «Чиода», потом «Нийтака», а теперь еще и «Чихайя»! Ну сколько можно издеваться? Его молчаливо поддерживали, буравя командира хмурыми взглядами, оба штурмана, Беренс и Бирилев; лекарь Храбростин и даже рулевые, что уж ни в какие ворота не лезет, поминутно отрывали глаза от штурвала и зыркали на командира. Команда «Варяга», поверив в свои силы, жаждала победы. Не по очкам, как прорыв мимо четырех крейсеров противника, а полной. Заканчивающейся пузырями, поднимающимися из глубины над могилой вражеского корабля.

— Во-первых, не поворот, а разворот, правым бортом ее не добить, там у нас все зубы повыбиты, а от торпед она легко увернется, маленькая и шустрая, зараза. Во-вторых, не двадцать минут, а полчаса минимум. Это не миноносец и ей для утопления надо наделать очень много шестидюймовых дырок ниже ватерлинии. За это время нас догонят «Нийтака» и «Акаси». А драться с ними мы уже не в состоянии. Хорошо быть добрым, господин лейтенант, когда это тебе ничего не стоит. А уж когда у тебя вообще нет другого выхода, то и подавно.

— Есть, господин капитан первого ранга. По кому тогда стрелять прикажете? — Процедил сквозь зубы Зарубаев. Да, наверное, командир опять прав, но как же обидно!

— Если «Чихайя» не прекратит огонь, а она не прекратит, не тот народ японцы, то продолжайте по ней из всего, что достает. Утопить вряд ли успеете, но чем дольше ее будут ремонтировать, тем лучше. А потом по транспортам, они где-то там в темной части горизонта разбегаются, как тараканы. Вот с ними и насладитесь утоплением больших кораблей. Так что у нас с перезарядкой минных аппаратов, скажет мне кто-нибудь или нет? Минами транспортники все же сподручнее топить, чем нашими сверхбронбойными снарядами.

Через пяток минут на мостик прибежал запыхавшийся и закопченный старший офицер.

— С левого борта оба аппарата готовы к стрельбе. С правого... Там аппаратов больше нет. Вернее, тот, что в кают-компании, еще можно было бы починить, ему только осколками досталось. Были бы запчасти и время. А тот, что в церкви стоял, разнесло прямым попаданием вместе с расчетом. Влепили в момент расхождения, на три минуты бы раньше, пока мина была в аппарате, и правого борта у нас бы тоже не было. Хорошо, что успели выпустить. Носовой должны перезарядить через полчаса, а кормовой... Это просто балласт получается.

— Вениамин Васильевич, рад, что вы живы и вроде даже здоровы. В отличие от меня, болезного. Можете кратенько рассказать, что у нас с повреждениями, пока есть свободная минутка?

— За минутку боюсь не уложиться. Итак. Потери в людях. Мичман Шиллинг, убит наш Александр. Прямо у орудия. Младший механик Сергей Зорин убит. Не повезло, находился у двери той самой угольной ямы, где снаряд взорвался. Даже непонятно, чем его-то ли осколком, то ли куском угля... Лекарь Меркушев с «Корейца» убит. Бедняга буквально на секунду из лазарета высунулся, санитарам помочь — тут его осколком и достало. Нижних чинов убито не менее сорока. Ранены вы, мичман Лобода тяжело, мичман Эйлер легко, слава Богу, в сорочке родился, осколок отрикошетил от нательного креста! Кому расскажи, не поверят, вот уж божий любимчик... Трюмный механик Солдатов что-то на ходу пытался чинить, его немного приложило о раскаленный котел, когда от взрыва на корме крейсер рыскнул, но с поста он уходить отказался, значит, легко. Еще один артиллерист, они-то все это время на верхней палубе, граф Нирод, тоже не сильно, в руку навывлет. Ему, правда, еще лицо песком из мешков, что вокруг дальномера лежали, отполировало, но все одно — счастливчик. От тех мешков одни лохмотья остались, не будь их и прочей вашей блиндировочной импровизации, от него и расчетов орудий никто бы в строю не остался. Из нижних чинов в лазарете раненных под полтинник, в строю как бы не в полтора раза больше. Кто из них из нашей команды, кто с «Корейца», «Севастополя» или «Сунгари», разберемся завтра. Артиллерия — не подлежат ремонту три шестидюймовки, пять трехдюймовок, 47-мм на грот-марсе и одна из пушек Барановского. Есть шанс отремонтировать две шестидюймовки и одну трехдюймовку, но это не сегодня и даже не завтра. Надо пару дней. Расход снарядов — больше половины шестидюймовых и с треть трехдюймовых. Минные аппараты. Правый борт, один вдребезги, второй можно попытаться восстановить, но тут так на так. Носовой вроде должен работать, хотя и задело его осколками. Выстрелим, узнаем. Мин выпустили пять штук.

— А если он все же неисправен, то выстрелим и потонем. Вы оптимист, батенька, как я погляжу! Что еще нам супостат угробил?

— Кто-нибудь, дайте воды для начала, в горле пересохло... Спасибо. Носовая труба — вообще не понимаю, почему еще держится! По всем законам должна быть за бортом, и еще

пол мостика могла бы снести попутно. Но стоит, зараза такая упорная. Теперь ее или чинить, или валить надо завтра. А то малейшей качки ей не вынести. Да, соответственно, тяга в носовой кочегарке практически нулевая. Хорошо хоть, что в проекте заложено почти полуторное резервирование по парообразованию... Остальные трубы в осколочных дырках, но это поутру быстренько жестью залатаем. То же с вентиляторами — решето. Ход пока держим двадцать один узел, еще пару часов Лейков обещал продержаться. Потом придется снизить до восемнадцати-девятнадцати. Затоплены три угольные ямы. Пожары потушили все, но кают-компания и вашего салона больше нет. Одни головешки. То же самое можно сказать про кладовую провизии. Прямое попадание с последующим пожаром. Не знаю, что там баталеры нам завтра на завтрак наскребут, но если после еды на зубах будет скрипеть сажа, а то и осколки, не удивляйтесь. В общем, до Артура дотянем, а там на ремонт как минимум на месяц. Причем желательно в доке... Все же в корпусе дырок нам наделали.

— А теперь плохие новости господа, в Артур...

— Есть!

Донесшийся с левого крыла мостика азартный возглас Зарубаева перебил ответ Руднева.

— Что есть, Сергей Валерианович?

— Простите великодушно, просто так как «Чихайя» огня не прекратил, я, как вы и приказали, ей под хвост еще пару снарядиков вкатил, простите, что перебил. [\[32\]](#)

— Все бы вам, Сергей Валерианович, маленьких обижать. Ну, не смотрите на меня так. Шучу, шучу. И вообще, лежащих и сидящих раненых не бьют. Итак, в Артур мы не идем, между нами и им весь японский флот. Во Владивосток пройти можно, но он сейчас еще замерз, будем там болтаться, могут и подловить. И теперь самое интересное, сейчас в Японию из Италии перегоняют два новейших броненосных крейсера, тип «Гарибальди». Ну, я думаю, вы в курсе. Причем экипажей на них сотни три на двоих, и японцы только в машинной команде. Остальное — итальянцы с английскими офицерами. Не надо у меня спрашивать, откуда я это знаю, Вениамин Васильевич, не надо. Как говаривал мой батюшка — не задавай мне, сынку, неудобных вопросов, не получишь уклончивых ответов.

— Ну, не надо так не надо. После затей с койками поверю на слово. Может, вы и график их движения знаете, Всеволод Федорович? После истории с японскими взрывателями не удивлюсь.

— Нет, я не всеведущ, к сожалению. Но вот то, что прибытие в Йокосуку запланировано на четырнадцатое февраля, а намерения они прошли Малаккским проливом, мне птичка донесла. А сейчас наша задача-минимум — утопить того неудачника-транспортника, что от нас пытается оторваться чуть мористее. Обойдите его справа в паре кабельтовых, всадите обе торпеды, а то одной может не хватить. Он, зараза, тонн так в семь тысяч на глаз потянет, и потом в открытое море. Там идем в обход Японии и ждем гарибальдийцев.

— А уголь? А ремонт? А как топить два броненосных крейсера по восемь тысяч тонн? А есть что будем целый месяц? А раненых куда девать?

Град вопросов посыпался со всех сторон, штурмана, старший офицер, главарт и даже лекарь хором пытались перекричать друг друга. Но в отличие от предыдущего совещания в кают-компании, теперь в вопросы задавались не с интонацией «простите, но это невозможно», а скорее «и каким же образом мы это сделаем?». Теперь за Рудневым команда и главное, офицеры, готовы были идти хоть в преддверие ада.

— Господа, вы знаете, как можно съесть слона?

— Простите, но при чем здесь это, Всеволод Федорович?

— Да так, африканская поговорка. Слона можно съесть только кусочек за кусочком. И неприятности мы тоже будем переживать по мере их возникновения. Вот, к примеру, уголь, пока у нас своего достаточно, полные бункера. А как кончится — да мало ли в море угольщиков? Вот тот, что будет побыстрее, и конфискуем, а если он еще и в Японию будет идти, то казне и платить не придется. Контрабанда-с, господа, причем военная! То же с едой. Забираем по законам военного времени. Ремонт — тут простите, придется мудрить в море. Максимум — безлюдная бухта, но никакой порт нам в ближайший месяц не светит. Раненых, здесь придется где-то разжиться катером или наш залатать, и на нем их отправить в Шанхай или какой там нейтральный порт под боком окажется. По дороге, кстати, будем досматривать транспорта на предмет военной контрабанды. Теперь про топить крейсера. Господин Зарубаев. Во-первых, отдайте приказ опять пробанить орудия, во-вторых, объясните, почему вы планируете нанести российской казне ущерб в несколько десятков миллионов рублей золотом?

— Кто, я?!! Никогда! И в мыслях не было... С чего вы...

— А зачем тогда топить то, что можно захватить? Подумайте над этим вопросом, господа. И еще, если после пожара в кают-компании уцелели книги о каперах, пиратах и пиратстве, настоятельно рекомендую почитать. Как художественные, так и документальные. Для придания мыслям нужного направления, так сказать. Ну, сколько там еще до этого транспортника осталось? Интересно, что же он везет? А то ведь утопим и не узнаем...

Транспорт «Сикако-Мару» был загружен грузами второй очереди. Никто из экипажа «Варяга» никогда не узнал, что именно пустили на дно две торпеды, выпущенные в упор из аппаратов левого борта. Если верить российским источникам, то ко дну пошли артиллерийские парки первой японской армии. Если верить японским, то генеральным грузом было продовольствие и обувь. На самом деле после двух красивых взрывов и получасовой агонии с безуспешной попыткой дотянуть и выброситься на берег утонуло все инженерно-саперное обеспечение первой волны высадки. С одной стороны, жить без палаток и котелков в Корее зимой хоть сложно, но можно. С другой, копать траншеи, строить и ремонтировать дороги, позиции для орудий, землянки и прочую инфраструктуру войны без лопат и заступов... Тоже можно. Но не так быстро, как хотелось бы. Насколько задержал развертывание войск и начало наступления минный залп «Варяга», а насколько два корабельных трупа и десяток мин поперек фарватера, сказать невозможно. Но начать попытки перейти Ялу японцы смогли начать на три недели позже, чем в оставленной Рудневым-Карпышевым реальности.^[33]

Впрочем, таких подробностей по сухопутным боевым действиям в его голове не сохранилось. Товарищ был мореманом. Война на суше всегда была для него лишь неприятным фоном в красивом военно-морском противостоянии.

Еще одним неудачником, попавшимся на пути «Варяга», оказался «Миоко-Мару». Впрочем, насчет неудачника — это, как и все в жизни, относительно. Получив торпеду из носового аппарата в борт, он благополучно дополз сначала до берега, а потом, через две недели, после расчистки прохода, и до порта. Но транспорт перевозил кавалерию вместе с лошадьми. Если потери в людях были относительно невелики — взрывом мины и попавшими в транспорт снарядами убило «всего» три десятка человек, то вот потери в лошадях составили порядка половины.

За остальными транспортами гоняться при наличии на хвосте нескольких крейсеров, пока отставших на шесть миль, но все еще способных догнать «Варяг», Руднев не рискнул.

Так, выпустили для проформы и создания паники по силуэтам в темноте по пятку снарядов, но топить транспорта бронебойными снарядами — это долгое и неблагодарное занятие. Опять же — Карпышев внутри Руднева считал, что свою задачу он выполнил — «Варяг» прорвался, сейчас его должны выдернуть обратно в его время, и фан кончится. На всякий случай, что надо делать, он офицерам рассказал в общих чертах. Ну и боль в ноге вместе с морфием тоже способствуют желанию отойти подальше от поля боя. Итак, «Варяг» двадцатиузловым ходом уходил в море... Еще через пару часов полностью стемнело, и за кормой перестали различаться силуэты японских транспортов и крейсеров. То ли последние отстали, то ли решили не рисковать встретиться в темноте этот неожиданно кусачий русский крейсер. Если уж днем вчетвером не смогли его остановить, то сейчас, в темноте... Впрочем, скорее всего, шестерка неповрежденных миноносцев сейчас искала «Варяг» во тьме, но море большое, радаров пока не изобрели, так что крейсер в относительной безопасности.

Руднев с помощью двух матросов, бережно поддерживающих командира под руки, доковылял до командирского салона. «Н-да. И где вчерашнее великолепие? Что не разнесло в щепки взрывом, то сгорело или провонялось дымом. Слава богу, хоть кровать в спальне одним куском стоит... Вот сейчас на нее как спикирую, и проснусь, надеюсь, уже в Москве, суну в морду Вадику и бегом квартиру покупать...» — мысли Карпышева причудливо смешивались с мыслями Руднева, — «команде надо выдать тройную винную порцию и написать донесение о бое». А это мысль, где тут у нас вестовой?

— Тихон, голубчик, передай старшему офицеру, что я приказал команде выдать тройную винную порцию, и плесни мне чего покрепче.

«А теперь спать. Странно, почему я еще тут? „Варяг“ прорвался, что еще этим козлам из НИИ надо...», — сон подкрался настолько незаметно и быстро, что полупустой стакан выпал из руки командира крейсера на постель.

На корабле утомленный боем экипаж, за исключением невезучих вахтенных, укладывался спать. Кому-то это удавалось сразу, кто-то не мог совладать с нервами после первого в жизни боя. Старший офицер, вот же собачья должность, третью ночь почти без сна, продолжал носиться по кораблю, определяя первоочередные работы, которые надо провести сразу после рассвета. Из офицеров первыми отключились полуоглохшие артиллеристы. Как ни странно, через час беспокойного сна, сопровождавшегося вскриками и стонами, мичман Василий Александрович Балк проснулся. Он поднялся с койки и минут тридцать сидел, глядя в пространство. Потом встал, оделся, зачем-то засунул за пояс револьвер и вышел на верхнюю палубу. Постоял у борта, минут десять посмотрев на проносящуюся за бортом со скоростью полтора десятка узлов темную воду, а потом медленно, прогулочным шагом пошел в сторону салона капитана.

Карпышев проснулся от осторожного, но довольно громкого стука в дверь спальни. Судя по боли в ноге, каше в голове и всепроникающему запаху гари, он все еще был на «Варяге». Паршиво.

— Кто там? Кого еще принесло в три часа ночи? На японцев напоролись? Кто? Миноносцы, транспорт или что серьезнее?

— Мичман Балк. Вадик просил передать привет Петровичу.

Глава 1

Похмелье

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года, сумерки.

— Ну, заходи, дорогой, гостем будешь...

В открытую дверь снаружи плавно проскользнул силуэт мичмана, а изнутри вылетел недавно опустевший стакан, пущенный прямо из кровати недрогнувшей рукой капитана первого ранга. К удивлению Карпышева, вошедший одним плавным и экономным движением, несмотря на темноту, поймал стакан, понюхал его и усмехнувшись, аккуратно поставил его на стол со словами:

— Спасибо за приглашение, что же не зайти-то, коль приглашают. А еще есть, или сам все выпил, вашвыскбродь?

Заготовленная матерная тирада, в которой причудливо сплелись термины и обороты как тусовочно-компьютерного двадцать первого, так и военно-морского девятнадцатого, осталась висеть на языке Руднева.

После пятисекундной паузы он наконец выдал:

— Если и нет, то щас будет. Ты кто?

— Ну, для начала скажем только, что я не Вадик.

— Что ты не Вадик, я и сам понял. Этот жиртрес и в теле мичмана если и поймал бы стакан, то своим поросычьим рылом. Реакция не та, рефлексy, а это в голове... Так, если не Вадик, то кто? И почему ты сюда, а не я туда? «Варяг» прорвался, так какого хрена вам еще надо? И кто вы вообще такие, кроме того, что суки, конечно?

— Слушай, давай сначала дернем грамм по сто, а? Голова раскалывается, будто неделю пил... И мысли тоже того, путаются свои и чужие... Хотя уже вроде и не чужие. Полчаса на палубе стоял, пока смог сообразить, как сюда дойти и кто я такой...

— Знакомые ощущения, блин. У меня так же было. Кстати, выпивка помогает. Щас организуем, но только если ты мне все подробно, и доходчиво растолкуешь. КТО ты, что ты и какого хрена ты ТУТ делаешь, ну и я заодно, ОК?

— Ладно, задолбал, как дятел березу. Растолкую, но предупреждаю сразу — ты не обрадуешься. Наливай, только быстрее, а то сначала я сдохну от головной боли, а ты потом вслед от любопытства.

Двое сели за стол, и початая бутылка французского коньяка была снова извлечена из специального держателя в прикроватной тумбочке. Там же нашелся и второй стакан. После первой вновь прибывший огорошил Карпышева вопросом.

— Ты представляешь, родной, ЧТО ты натворил?

— Ты что, еврей?

Карпышеву удалось поставить в тупик неизвестного, осваивавшегося сейчас под черепом Балка, до этого уверенно контролировавшего ситуацию.

— Почему это? И кого ты имеешь в виду, Балка или меня?

— Я тебя спросил, зачем ты и я тут, а ты мне вопросом на вопрос отвечаешь... Что натворил, что натворил, что просили, блин. Прорваться из Чемульпо и действовать максимально непохоже на оригинального Руднева. Кстати, с вас сто шгук евриков, как

вернете меня в зад, помнишь?

— Идиот. Именно в зад тебя сейчас и стоило бы засунуть, пацан несмышленный. Некуда тебя возвращать! И меня, кстати, тоже...

— Ну, кто тут пацан, это в зеркало хорошо видно, Руднев лет так на тридцать твоего Балка старше. А что значит некуда?

— Ты тут поигрался вволю. Детские мечты воплотил, уважаю. «Асаму» притопил, Балк, кстати, в поросячьем восторге, тоже дело. Но ты понимаешь, что в результате твоих игрулек нашего мира больше нет? Совсем! Ни хера не осталось, блин! Серая муть за окном и все!!! Которая к тому же все, что в нее попадает, перемалывает почище мясорубки и прямого попадания из «Шмеля»!

— Тебе так с одного стакана захорошело? Повтори, отпустит. Какая муть? Какая мясорубка? Я домой хочу! У меня свидание завтра в пять, на Патриках, девочка первый сорт! Как это нет мира? А куда он деться-то мог, шмели, что ли, сожрали? Не колеби мне мозги, ты... блин, как хоть называть-то тебя?

— Имя совпадает, что так Василий, что так. Хоть тут повезло. Капитан запаса, спецназ ГРУ, Василий Игнатьевич Колядин. В миру и братве Кол. Лучше просто Василий или Балк все одно теперь, наверное, привыкать придется. Ладно, заткнись, проглоти язык и слушай, а не перебивай. И так нервы на пределе. Короче. Три года назад, или сто пять лет тому вперед, два клоуна пришли к моему шефу, теперь, слава богу, уже бывшему, и предложили всего за десять миллионов соорудить установку, которая сможет закупать акции в прошлом, а продавать сейчас. Ну, ему десяток лимонов — это не деньги, он на футболистов в год раз в десять больше чисто по приколу тратит. Но за три года они ему не смогли предъявить никаких конкретных результатов. Это нервирует, знаешь ли, мысли всякие возникают. Чистая наука хорошо, но когда наш А. считает, что его держат за лоха... Неделию назад он им поставил условие — или через месяц доказательства работы установки, или... Ну, в общем, интелея, как всегда, пересрали и решили на тебе поэкспериментировать. Но со страху или сдуру, вместо того, чтобы отправить кого-нибудь во вчера, решили, что чем глубже, тем безопаснее. Мол, «эффект со временем должен сгладиться», ну и еще «подстраховались» кретины, выбрали «бесперспективное направление». Ты, гнида, по их версии ничего тут натворить не мог, чтобы изменило ход истории, понял?! Хотя ты-то тут при чем... В общем, они были не правы. За что и выпьем. Давай еще по одной... Хорош коньячок-то. У нас, пожалуй, похужее, будет. А ты молчи, господин каперанг, молчи и слушай. Итак. Твой Вадик, сынок одного из этих, гениев, профессора. Он тебя полгода не за твои красивые глаза пас. Он искал спеца по истории этой войны. И нашел, на свою кстати, голову, тоже. Ну почему они тебя выбрали??? Ведь было же три кандидата, три! Кто именно тебя, дурака, да еще и с инициативой, а ладно, поздно, Рита, пить боржоми, почки отвалились. Я же и выбрал, чё теперь-то. Проект-то я курировал. Вадик тебя специально напоил, и еще кой-чего подмешал в стакашку, чтобы ты побыстрее отрубился. Пить-то ты поздоровее его будешь. А потом отвезли тебя на дачу к шефу, старую, на Рублевку. Я там последние пару лет, перед, так сказать, «пенсией», начальником охраны был.

— А почему так сказать?

— Помолчи, а? Не доводи до греха. Любопытный, блин. Слушай, а что, все остальное, что я тебе тут рассказываю, тебя вообще ничуть не удивляет?

— После вчерашнего меня уже ничего не удивляет. Как осколком ногу расчекрыжило, я и сам понял окончательно, что ЭТО всерьез и по настоящему. Да и до того понимал, просто

боялся сам себе признаться.

— Умный ты у нас, блин. Когда не надо... «Так сказать», потому, что у нашего олигарха А, по кличке Анатом, в отставку только футболисты выходят. Остальных закапывают по статье «я слишком много знал». Так что как только я постарел...

Невольная улыбка, появившаяся на лице Руднева от такого заявления со стороны двадцатитрехлетнего мичмана вызвала весьма бурную реакцию.

— Еще раз улыбнешься, шею сверну! Мне ТАМ было под пятьдесят! Я еще в первую Чеченскую в БэТэРе горел! И тут на старости лет пара каких-то ученых недомоченных меня в такую жопу засунула! Ладно, извини, нервы. В общем, еще года два меня шеф бы потерпел, за опыт мой жизненный и связи интересные, а потом все. Вернемся к нашим кроликам. Как тебя привезли — загрузили в саркофаг и перекинули твои мысли и содержимое мозгов сюда. Как, спросишь у гениев, если они сюда доберутся, хотя это бабушка надвое сказала. Шансы у них пятьдесят на пятьдесят. Но вот закавыка-то, после перемещения начался бардак, которого они, видишь ли, не ожидали. От дачи, если тот замок так скромно можно назвать, осталось только то, что в зону стабилизационного поля попадало. Это лаборатория, кухня, где я с Коляном сидел, присматривал за этими оттуда и, слава яйцам, подвал под лабораторией, с генераторами, солярой и ИБП. Сам монтировал, чтоб у шефа свет не моргал. Как знал, соломку подстелил, блин. А вокруг... Ну, ты Цоя не помнишь, молодой ты, а ведь точнее, чем у него было, не скажешь, — «а вокруг красота, не видать не черта». Серая муть. Только и видно что старую церковь, что на холме с XIX-го века стояла, и то не четко. Иногда и ее размывало. Колян сунулся выйти, а я его не остановил. Ну кому-то же надо было попробовать, что это за серость, понимаешь?! Только ноги в ботинках от него и остались, остальное в фарш. Профессор как оклемался, отблевался, вернее, начал создавать теорию о «нестабильном времени, разрушающим чужеродные элементы». На элементах я ему в зубы и съездил, объяснил, гаду, что Коля — это не элемент был. Хотя, если честно, туда ему и дорога, бычье, оно и есть бычье подмосковное. Все бы ничего, сидим мы там и сидим в этом коконе, жратва пока есть. Но соляры-то только на две недели работы генераторов. А как кончится — поле в отключку, а мы все в фарш, по стопам Коляна. Неохота, страшно как-то. Сутки профессор с ассистентом копались в своей установке, думали наладить. Потом еще два дня спорили о теориях, что-то высчитывали, кого-то искали. Потом приходят эти добрые люди ко мне и говорят, — «а не желаете ли вы, Василий Игнатьевич, переместиться в 1904-й год и исправить все то, что натворил гад Карпышев». А че, говорю, его просто назад не выдернуть, авось все само и поправится? Ну, тут они мне начали лапшу на уши вешать, что, мол, если тебя просто обратно выдернуть, то, мол, эффект не тот, и понесли пургу научную, а глазки у них как у той белочки из анекдота, кругленькие такие... Ну не понимают они, что если в их науке я ничего не понимаю, то вот в людях разбираться жизнь научила, а уж когда они мне врут, вообще нутром чую. Просто то ли они вообще не могли тебя отсюда выдернуть, то ли боялись чего... Хотел я их послать с их великодушным предложением, уже рот открыл, а потом подумал, а какого хрена? Из этого огрызка дачи другого выхода нет, мне в свои годы терять особо нечего, чего не рискнуть-то? И не прогадал... Взял два дня на подготовку, прочитал все, что в компе было по этой войне и истории России начала века, чуть с наганом и маузером потренировался, благо, у шефа в коллекции они были; и заслали меня сюда. Кстати — им соляры в баках хватит еще на один перенос, на два, если очень сильно повезет. Так что может быть еще пара гостей... Интересно, как будут решать, кого за кормой оставить, соломку тянуть или как? Ну, теперь понял, зачем ты и я тут и почему?

— Не совсем. Не, про себя-то я понял. А вот как именно ты должен был исправлять все, что я тут натворил?

— Пристрелить тебя, конечно, как еще?

С этими словами Василий одним быстрым и плавным движением выложил на стол наган. Откуда и когда он его вытащил, для Руднева осталось загадкой. Сглотнув ком в горле, и не отрывая глаз от лежащего на столе револьвера, он задал следующий вопрос:

— Ра... гм. Радикально. Ну да, как в том анекдоте — что делать с курицей, если она перестает нести яйца? Зарезать. А что, правда помогает?

— Не знаю, но профессор решил, что попробовать стоит.

— На его месте я бы тоже попробовал, но по-моему, бесполезно.

— Да не тырся ты, сам понимаю что бесполезно. Даже если я тебя СЕЙЧАС за борскину, «Асама» от этого не всплывет. А вот у меня в новой жизни проблемы возникнут, потому как полечу вслед за тобой. А и не полечу, ты как командир «Варяга» ближе к идеалу, чем остальные офицеры на борту. Да и сами интеля это, в общем, понимают, просто за соломинку хватаются со страху. Ассистент уже новую теорию выдвинул, ей свою же старую похерив. Теперь он поет про ветвящееся время и про то, что путешественник во времени вообще в свой мир никогда из прошлого не вернется, потому что нет одного предопределенного варианта развития событий. Есть, мол, дерево, которое ветвится. И своим экспериментом они создали новую ветку, а кусок дачи просто завис между ветвями, так как его непонятно, куда кидать, та ветка, к которой она относится, уже отменена, а новая еще не сформировалась... Еще что-то про дрожание веток, вибрацию и упругость времени пел. Ладно, это все бред и лирика, он тебе это сам расскажет, если сможет к нам на борт попасть. Одно ясно точно, нам в этом мире надо осваиваться всерьез, теперь мы живем тут, так что с переездом.

— Нормально... А вы меня спросили, оно мне надо было? Что я буду делать в начале двадцатого века, я же авиаинженер и программист, мать вашу! А до первых компов еще срать пердячим паром лет восемьдесят!!!

— Да? А я думал, ты командир крейсера. Причем хороший командир, получше оригинала будешь, судя по тому, где сейчас «Варяг» находится. Прорвался ты, как профи говорю, хоть и чудом, но на пять баллов. Команда за тебя глотки кому угодно перегрызет, историю войны и вообще мира мы знаем наперед лет на сто. Пусть и поверхностно. Устроится можно.

— Тебе хорошо говорить, ты на тридцать лет помолодел. А за что мне двадцать лет добавили? Ты в курсе, что Руднев через десять лет помереть должен? И каково мне будет жить в его шкуре, зная, сколько ему, то есть МНЕ, осталось?

— Ну, ты-то не Руднев, мозги у тебя чуть лучше должны работать, проживешь, поди, подольше. Он от пневмонии помер? Вот и не простужайся. Придумаем что-нибудь. Может, тебя проф с ассистентом еще раз переместят, если лет за двадцать установку свою чертову опять построят. И вообще, двадцать-тридцать лет как герой, спаситель отечества — это разве не приятнее, чем сорок лет коптить небо в роли главного системного администратора второго игрового зала, что расположен на первом ярусе подвала? Блин, коньяк кончился...

— Все-то ты про меня знаешь... Ладно, от ночи осталось часа три, не больше... Давай, мичман, бегом спать. И на людях выражайся поаккуратнее, через пару дней привыкнешь, а пока молчи побольше. И не забывай — командир тут я. Если хочешь что умное и нелицеприятное сказать, не при народе. А что ты из спецов, это хорошо, тут у нас на носу

абордаж, вот там и блеснешь. Раз уж мы влипли по серьезному, то войну надо выигрывать... Лейтенанта тебе присвоят по результатам абордажа, если отличишься, ну и прочие фантики тоже. Рост по службе обеспечим. А сейчас спать, завтра новый день, а нам еще крейсер в семь тысяч тонн надо отремонтировать на ходу. Может, ты и не рад будешь, что сюда попал.

— Эх, милай, чтобы помолодеть на столько лет, я бы и не такое согласился. У меня последние пятнадцать лет морда была как печенное яблоко, про бэтэр я тебе уже говорил, а сейчас... нет, тебе не понять. Ладно, приказывай, господин капитан, выполняю, раз уж сразу тебя, суку белогвардейскую, не пристрелил, буду подчиняться. А пока — спокойной ночи.

Глава 2

Утро вечера...

Восточно-Китайское море. Утро 28 Января 1904 года.

За ночь, идя ходом тринадцать-пятнадцать узлов, «Варяг» дошел почти до траверза Циндао. С рассветом на горизонте стали все чаще попадаться дымы пароходов, от которых до подъема командира вахтенный штурман Бирилев предпочитал от греха уклоняться. Будить командира запретил Храбростин, пользуясь тем, что вчера Руднев не оставил точных указаний о времени своей побудки. Принявший после подъема командование крейсером Степанов, к удивлению офицеров, привыкших к мелким шпилькам в адрес командира с его стороны, не только поддержал решение врача, но и изменил график ремонтных работ, чтобы минимизировать шум под окнами «нашего командира». Прежде всего надо было что-то решать с трубой. После короткого совещания ее решили укрепить шестами на растяжках и обернуть дыры жестью с асбестом. Мелкие надводные пробоины в бортах еще ночью были заделаны цементом, у крупных сейчас раздавался веселый перестук плотницких топоров. Хуже было с подводными пробоинами, приведшими к затоплениям. Спор по поводу того, стоит ли останавливать машины и заводить пластырь, чтобы осушить отсеки и заделать пробоины деревом сейчас, или это подождет до завтра, был прерван проснувшимся наконец командиром. Послушав минут пять прения сторон, командир приказал лечь в дрейф, имея, однако, под парами половину котлов, и заняться нормальным ремонтом. Так же было приказано как можно быстрее привести в порядок минный катер номер два, близнец оставшегося в Чемульпо и превращенный при прорыве осколками в большое подобие дуршлага. После направления матросов на работы и внеочередной выдачи двойной чарки, офицеры по приказанию Руднева направились в кают-компанию для проведения военного совета.

— Ну-с, господа, чем порадуете соню-капитана? Для начала, штурмана, прикинули, где нам можно надеяться поймать «Ниссин» с «Кассугой»? И в каком состоянии у нас крейсер, господин старший офицер?

— Крейсер в состоянии между идеальным и просящимся на капремонт с докованием. Трубу укрепили, но сильного шторма она может и не выдержать. Сейчас подведем пластыря, осушим ямы, заделаем деревом пробоины, по прикидкам — через час можем дать ход. Но опять же — попадем в шторм балов семь, все эти временные закупорки полетят к черту. То же в бою, причем нам не надо даже, чтобы по нам попадали японцы. Хватит и сотрясений от своих выстрелов. Пяток залпов всем бортом, и затопления всего, что мы сейчас откачиваем, я вам обещаю. Для нормального ремонта или док, или хотя бы кессон и неделя времени. Ну и мастера получше наших не помешали бы. Одна хорошая новость — набор не поврежден нигде. Так что деформаций корпуса и палубы быть не должно. Резюме — ходить можем куда угодно, правда, лучше бы не полным ходом и без сильных штормов, драться категорически не рекомендуется. Штурмана — ваше слово.

— Что мы знаем? На четырнадцатое февраля запланирован приход в Йокосуку. А намеренный противник прошел мимо Сингапура. Им еще минимум два раза надо бункероваться, дальность у «Гарibaldi» не более 1600 миль. В море, если у них и правда три сотни

человек на два крейсера, не смогут они. Это и при полной-то команде аврал на два-три дня. Так что им предстоит минимум два захода в порт. Наиболее вероятны как первая точка Лусон или Формоза. Мимо них идти по любому, я бы на их месте бункеровался там. Мы туда должны успеть одновременно с «Гарибальди», идти нам примерно одинаково. Но мы можем караулить только у одного порта, так что даже не знаю, как и быть. Потом они могут бункероваться на островах Рюкю, угольных станций там у японцев хватает. И это если они вообще не пойдут в обход вокруг Филиппин. Задача нерешаемая, простите, Всеволод Федорович, но ничего мы не надумали.

— Гм. Да, задачка. Ну а если мы захватим пару пароходов с радио и подгоним их к выходу из Лусона и Тайваня соответственно, и пусть при появлении рядом с ними Гарибальди они орут по радио? А «Варяг» будет ждать в проливе Лусон, ровно посередине.

— Идея замечательная, Вениамин Васильевич, тем более что пароходы нам захватывать и так предстоит. Духом пиратства вы правильно прониклись. Но ширина пролива там миль триста, радио на купцах, даже если мы найдем пару с радио, а это пассажирские, неприкосновенные для нас, это, дай Бог, полсотни. Не услышим один черт. Помнится, на некоем пароходе нам на первую эскадру из-под шпика обещали отправить несколько комплектов новейших приемников и передатчиков, эх, знать бы, где он сейчас болтается... Все одно японцам достанется, а нам бы пригодился. Но, в общем, варианта вижу два, надо или как-то выяснить, где они будут бункероваться, или набраться наглости и ловить прямо у Йокосуки.

— Ну и как выяснять будем? Попросить отца Михаила устроить молебен с просьбой ниспослать просветление?

— Да пожалуй что никак, сам знаю. Можно было и не ерничать, пожалели бы раненого командира хоть раз в жизни. Придется нам, господа, чапать вокруг Японии к Йокосуке.

— Всеволод Федорович, это же главная база японского флота, побойтесь Бога! Их же обязательно встречать будут, уж коли «Варяг» в море. А нам в нашем состоянии боя ни с кем крупнее миноносцев не выдержать!

— Ну что же, значит, «Варягу» придется утонуть. Причем срочно. Как продвигается ремонт минного катера? Когда он сможет пройти сотню миль своим ходом?

Со всех сторон на командира смотрели удивленные глаза офицеров, пауза подтянулась. Секунд через сорок старший офицер осторожно произнес:

— Всеволод Федорович, а вы себя хорошо сегодня чувствуете? А то как утром встали, так к доктору не заглянув, сразу же побежали по крейсеру... Это с вашей то ногой. Может вас сейчас наши эскулапы осмотрят, благо они оба тут? А собрание, оно, право дело, подождет пока...

— Да вполне изрядно я себя чувствую, а нога — она, конечно, дергает, но это нормально при ранение, и доктора меня еще утром почтили своим вниманием. А с чего это вдруг вы, голубчик, моим здоровьем озаботились?

— Ну не знаю, собираетесь топить крейсер и НА КАТЕРЕ идти на абордаж вокруг Японии... По моему, это уже слишком, не правда ли, господа? Зачем вообще было прорываться, топились бы прямо в Чемульпо!

Ответом ему стал гомерический хохот командира. Минуты через две, после безуспешных попыток хоть что-то сказать, вытирающий слезы Руднев наконец смог выговорить:

— А санитаров уже позвали, со смиренной рубашкой? Ну, Вениамин Васильевич,

спасибо, повеселили. Кто еще поверил, что я собираюсь на самом деле топить крейсер?

Неожиданно отозвался мичман Балк:

— Не знаю как остальные господа офицеры, но я слышал, что слышал, а именно «Варягу» придется утонуть. Что же еще это может означать?

— Да, пожалуй, я сам виноват, прошу прощения, господа. На самом деле «Варяг», конечно, никому я топить не позволю, но вот нашим злейшим друзьям из штаба Того надо бы поверить, что он утонул. Поэтому нам с вами придется гибель «Варяга» инсценировать. Заодно неплохо бы позаботиться о раненых. Господа эскулапы, к завтрашнему вечеру подготовьте к транспортировке всех тяжелых раненых, которых нужно и можно свезти на берег. Вениамин Васильевич, как только закончим заделку пробоин, сейчас же начинайте латать катер. Срок у вас тот же, что и у врачей — до завтрашнего вечера. Как начнет смеркаться, загрузим в катер всех раненых, что поместятся. Причем всем, кому можно, лучше сделать уколы морфия, чтобы не растряссти, ну и пусть они лучше спят в момент погрузки. Господа Банщиков и Храбростин — кому-то из вас придется сопровождать раненых и заодно покомандовать катером, пока он не дойдет до Шанхая, как раз за двое суток до траверза добежим, или до первого же встречного парохода. Кому — решайте сами. Не знаю, кому будет проще — тому, кто останется на крейсере, или тому, кто на катере пойдет. Возьмите из машины пару кочегаров и меха, попросите не болтливых, курс вам штурмана нарисуют. Больше людей вам дать не могу и опять же, места на катере лишнего не будет. Главная для вас задача — не только довести раненых до госпиталя, но и рассказать как можно большему числу корреспондентов, что «Варяг» УТОНУЛ. От полученных при прорыве повреждений. Слава японским артиллеристам и их страшным фугасным снарядам. Мы вам в подтверждение отдадим журнал, флаг и половину корабельной кассы, она вам тоже пригодится больше, чем нам, корсарам. Так, смотрю, в глазах народных непонимание и негодование, давайте по старой морской традиции начнем с младших по званию — мичман Нирод, граф, что вы имеете против?

Алексей Нирод, весь в йодовых крапинках на местах вчерашних ссадин, вскочив с места, взволновано заговорил, причем после боя его «Р» стало походить на «Г» еще больше.

— Как можно инсценировать гибель кГейсеГа? Ведь в России на него надеются в штабе, мы спутаем все карты под шпцем! А наши родные? Им думаете приятно будет узнать, что мы погибли? Вы о семьях команды подумали? У меня невеста в Питере осталась... Потом, никогда не слышал о том, чтобы в истории войн какой-либо корабль прикидывался мертвым. Низко это, как... Как...

— Ну, договаривайте, договаривайте «как подвод мины под киль вражеского корабля на катере под флагом переговоров». Не стесняйтесь, господа, для того и собрались, чтобы обменяться мнениями. Кто еще из мичманов желает высказаться, Эйлер, осколком благословенный? Пожалуйста, всегда рады услышать мнение лица, столь трепетно оберегаемого Всевышним.

— Господа, не дело это флаг наш на катер передавать. И главное — я не вижу никакой тактической выгоды от этой затеи — от Шанхая до Йокосуки, а мы, я так понял, туда нацелились, нас не один десяток пароходов увидит. Все одно слух пойдет, что «Варяг» жив. Зачем?

— Так, кто еще из мичманов что хочет сказать или перейдем к лейтенантам? Мичман Балк? Уверены?

— Господа, если разрешите. У меня, помнится, дядя, не все в семье морские офицеры

были, воевал в Чечне, против Шамиля. И однажды его разведывательный отряд в горах зажали так, что всем уйти было ну никак не возможно, а донести, в каком именно ауле скрывались главные силы горцев и куда они направляются, было необходимо, причем срочно...

В голове Руднева пронесся рой мыслей, с общим лейтмотивом «Идиот! Какая война в Чечне?!?! Прокололся, теперь его придется списывать на берег как психа! Ну что бы тебе не помолчать, крыса сухопутная, со своей Чечней?!? Еще сейчас старпома назови брателлой, как меня вчера и все, пропал...». Он судорожно начал оглядываться по сторонам, но к его удивлению офицеры внимательно слушали Балка, не проявляя никаких признаков удивления или непонимания... «Идиот, воистину идиот! Но только не Балк, а я. Ведь Россия и в XIX-ом веке воевала в Чечне! И Шамиль — не наш одноногий гроза роддомов, а настоящий, был именно в конце XIX-го века! Все это уже было...», — отлегло от Карпышевской половины сердца Руднева, — «Но к чему он это?».

— Так вот, ему тогда пришлось оставить на небольшом перевале две трети отряда, вместе с хорунжим и почти всеми патронами. Из них живыми не вернулся никто. Но зато всю банду потом на выходе из ущелья ждал полк с двумя батареями и одним залпом картечью выбили более половины, а остальных посшибало с лошадей в давке... Никто не ушел, пленных тогда уже ни мы, ни они не брали... Я к чему эту сухопутную историю вспомнил. Он мне это рассказал всего один раз, первый и последний, когда я уходил в море в первый раз офицером, а не гардемаринном. И повторил тогда, «иногда мужество офицера в том, чтобы принести необходимую жертву, и поступиться всем, даже приказом, и даже своим добрым именем, ради общей победы». Он до сих пор простить себе не может что не он тогда на перевале остался. Но хорунжий ему тогда сказал, — «Ваше благородие, мне просто не поверит никто, и ляжете вы тут зря, а разбойники эти в долину, за Терек уйдут и вырежут один Бог знает сколько наших деревень. Так что давай ты лучше в штаб, а я уж тут. Каждый должен делать свое дело». И смотрели на него многие косо — как же, пятерых оставил, а сам с одним раненым ушел... Но поступи он строго по законам чести, что бы было? Нет гарантий, что хорунжия бы ночью к генералу вообще пустили бы. Не обязательно бы ЕМУ, хорунжию, а не поручику, поверили бы настолько, чтобы среди ночи поднимать полк с артиллерией и по ущельям, ломая ноги лошадям и людям, тащиться два десятка верст. А потом еще хорунжия бы козлом отпущения и сделали, за его, дядьки, гибель зряшную, и что банда ушла. Если нам наша псевдогибель и правда поможет захватить для России два новейших броненосных крейсера, то я готов принести в жертву слезы моей матери, невестой пока не обзавелся... Хотя и не хотелось бы, но НАДО. А по существу возражений господ графа Нирода и Эйлера — штаб все одно нами никак руководить не может, пока во Владивосток не придем. А купцы по дороге, нас же никто не заставляет идти под русским флагом? На купцах не настолько разбираются в силуэтах, что бы отличить «Варяг» от японца. Ну и не будем без нужды сблизяться лишний раз... А узнают — придется им с нами идти, вокруг Японии.

«Не ожидал от этого Василия такой поддержки, господа офицеры-то призадумались, точка зрения уж больно неординарная, по крайней мере, для этого века. Странно, вчера как послушаешь этого Балка — бандюк бандюком. А сейчас — офицер и джентльмен, у меня у самого похуже получается. Это он вчера со мной дурковал или за сутки так духом эпохи проникся? Не человек — загадка, надо бы разобраться» — успокоился Руднев.

— Ну, господа офицеры, перейдем к лейтенантам? Да, господин Зарубаев, чем вы

порадуете?

— У меня одно сомнение. Ну прикинемся мы мертвыми, ну поднимем что Юнион Джек, ^[34] что Веселый Роджер, ^[35] все одно — первый же пароход, который сообщит в порту, что ему попался четырехтрубный крейсер в шаровой раскраске, наше инкогнито пустит псу под хвост с вероятностью 50 %. Ну не так много в этих водах четырехтрубников, а с нашей окраской вообще раз-два и обчелся. И все, что характерно, русские. Имеет ли такая затея смысл?

— Вот это уже то, что я называю возражением по существу дела. А если этот капитан сообщит, что видел пятитрубный крейсер с парой орудийных башен в окраске британского флота?

— Ему никто не поверит, единственный пятитрубник в этих водах — «Аскольд», башен у него отродясь не было, да и окраска наша... И где вы возьмете этот фантом?

— Вот именно, что не поверят. А через неделю будут поступать уже сообщения о четырех- или даже трехтрубном крейсере с башнями. А откуда взяться фантому, спрашиваете? Из «Варяга» сделаем. Сначала поставим на недельку фальшивую трубу, а потом уберем ее и наоборот, поврежденную трубу обернем парусиной заодно со второй, издавек сойдем за трехтрубник. То же с башнями — деревянный каркас и парусина. И опять перекрасимся, под японца или немца. Маскировка, однако.

Следующий час прошел в отработке деталей, спорах, но вопрос о этичности фальшивого утопления крейсера никто из офицеров больше не поднимал, по крайней мере, вслух.

На выходе из кают компании Руднев подошел к Балку, и вполголоса произнес:

— Спасибо за помощь, классно ты про хорунжия придумал. Но ты предупреждай в следующий раз, а то как ты про Чечню начал, меня чуть Кондратий не хватил!

— Насчет помощи — всегда пожалуйста, одно дело делаем, я России присягал в свое время, и рад буду этой присяге быть верен по настоящему. А вот про выдумал... Не такая у меня хорошая фантазия, Всеволод Федорович. Замени хорунжия на сержанта, лошадей на БТРы, девятнадцатый век на двадцатый, и все тебе будет ясно... Да и еще — извини за мой вчерашний тон. Сам не мог понять, что на меня нашло, как дешевый гопник выпендривался. А потом дошло — тестостерон в голову ударил! Помолодеть на сорок лет, это еще тот опыт...

— Да ладно проехали, но вы что, правда в Чечне картечью духов валили?

— Картечь или АГС ^[36] с пулеметами в упор, какая разница? Главная, что идею принесения необходимой жертвы для общего дела твои офицеры поняли. Ну а то, что мне, чтобы генерал приказ полку на выдвижение дал и не отменил его раньше времени, пришлось этого пузана час на мушке держать и дверь в его спальне забаррикадировать, чтоб его холуи не вмешивались — это твоим офицерам знать не надо. Не поймут, тут не то время...

— А потом что было?

— Потом, потом... Суп с котом. Ему Героя России, а меня турнули со службы за «психическую неуравновешенность»... Ничего интересного, короче.

Еще через час младший из докторов был отправлен своим старшим коллегой спать, причем именно отправлен, под угрозой пожаловаться командиру. Младший лекарь Банщиков по человечески не спал уже двое суток, так, пару часов урывками. И его более мудрый коллега решил, что состояние доктора начинает представлять опасность для пациентов и невзирая на возражения, типа «а как насчет вас самого неспавши», отослал молодого спать, пообещав, правда, разбудить его через четыре часа и залечь самому.

Добравшемуся до своей каюты доктору уже не хватило сил на то, чтобы нормально раздеться, и уснул он в брюках и рубашке. Однако через два часа беспокойного сна молодой доктор почему-то проснулся и, не одевая сюртука и ботинок, рванулся на верхнюю палубу. Побегав по ней под изумленными взглядами палубных матросов, ремонтировавших катер, взад-вперед пару минут, Банщиков рванул в сторону каюты капитана.

Мысли Руднева, сидевшего перед пустым листком бумаги в попытках выдавить из себя хоть какие-то дополнительные воспоминания о графике перегона «Ниссина» с «Кассугой» были жестоко прерваны громким и каким-то суматошным стуком в дверь.

— Кто там. Что за пожар? Японцы?

— Петрович, Петрович, милый, это я...

— Вадик?!? Ну все, песец к тебе пришел, осел!

* * *

— ...Вот так вот меня сюда отец с ассистентом и отправили, солярки у них хватит еще на одно перемещение, на два никак. Так что на твой вопрос насчет пришельцев — еще одного можем ждать, но кого в кого и когда именно, не знаю.

Во время рассказа доктор Банщиков, ака Вадик, промакивал салфеткой рассеченный лоб — тест со стаканом он, как и было предсказано Петровичем, бездарно провалил. Кроме того, он прижимал холодную серебряную ложку к свежему синяку под правым глазом, следы горячей встречи двух давних друзей.

Сказать, что Петрович был очень рад наконец-то видеть хоть кого-то из тех, кто нес прямую ответственность за все, что с ним случилось — значит не сказать ничего. Первые полчаса сбитый с ног точным ударом правой командирской руки Вадик выслушивал все, что о нем думает бывший со-форумник. Любая попытка встать пресекалась не сильным, но болезненным ударом командирского костыля по лбу. Было очевидно, что Руднева звук удара дерева о кость забавляет. Следующие полчаса Вадик пытался убедить его и вызванного вестовым Балка, что за борт его прямо сейчас бросать не надо, и только потом ему наконец позволили изложить свою точку зрения на события.

— Ладно, Вадик. Как ты сюда прополз, мы с Василием поняли, теперь объясни нам, а ЗАЧЕМ ты нам тут нужен, живой и здоровый. С Василием понятно — офицер, спецназ сплошные плюсы для нашего положения и грядущего абордажа. Я — вынужденно командир «Варяга» и лучший спец в грядущих событиях на несколько лет вперед на борту, а по путям развития техники так на десятилетия вперед наметки помню. А ты нам на кой, лишний балласт? Ты кто, студент меда пятого курса, так? Какие у тебя полезные знания, которые можно применить в данной эпохе? Ноль ты без палочки без своей диагностической аппаратуры образца начала XXI-го века! А если ты рассчитываешь на мои дружеские чувства, то после того, как я от Василия узнал, что это ТЫ меня подвел под монастырь, лучше и не мечтай.

— Знаешь, Петрович, на твои дружеские чувства я и не рассчитывал. Поэтому подстраховался. Во-первых, вам поддержка с самого верха не помешает, я думаю?

— Дорогой Вадик, твоего папы-профессора с его знакомствами тут нет. Тут даже моего босса, который и был его главным знакомством «наверху», и то нету. Так что вернись в реальность и не обещай нам того, чего у тебя нету.

— Зато тут есть Император Всероссийский Николай Второй. У которого сын, больной гемофилией — это несвертываемость крови, и пара родственников страдают от пневмонии недолеченной. Ну и еще он легко поддается внушению, судя по истории с Распутиным.

— У тебя нет никакой аппаратуры, нет антибиотиков, ни хрена у тебя нет, чтобы Николашке предъявить! Как там в той старинной рекламе было? «Слова твои пустые обещания»! Я уже молчу, что гемофилию и у нас лечить пока не научились, это же генетическое заболевание!

— Лечить — нет, не научились. А вот облегчать состояние больного, если у него болезнь в легкой форме, а цесаревич при тяжелой до 1918-го просто не дожил бы, можно простыми переливаниями. Свертываемость временно улучшается, если по простому. В нашей истории первые переливания были в 1914-м, так что ускоряем всего на десять лет. Ну а группы крови, технология их распознавания и то, что переливать лучше плазму крови, отделенную на центрифуге, это уже мое личное ноу-хау. Я неделю сидел за компом и зазубривал, КАК это можно сделать в начале века.

— А кто ты ТУТ такой, чтобы тебя к императору вообще допустили? Младший врач с пусть героического, но рядового крейсера? Это все равно, что у нас к президенту на личный прием пробиться полковому доктору из Чечни...

— Василий, а тут ты не прав. Положим, один раз к Николаю мы нашему доктору доступ обеспечить сможем...

— Как?

— Николай зело любит всякую мистику. Так что если ему из Циндао дать телеграмму с датами гибели «Енисея» и «Боярина», то на прием можно рассчитывать — пока Вадик доберется до Одессы, они как раз и потонут.

— Петрович, а ты помнишь, когда они должны потонуть?

— Вадик, забудь о Петровиче, на людях ляпнешь — придется списать тебя на берег как психа. Я Руднев, Всеволод Федорович. А насчет помнить, когда они потонут — обижаешь, тут уже я в теме, как ты с переливаниями, а Василий со спецоперациями.

— А они точно потопнут по графику? Наша эскапада на их судьбу не повлияет разве?

— Они оба завтра подорвутся на своих минных заграждениях, которые будут ставиться по довоенным планам. Что бы мы на «Варяге» не вытворяли, этого нам не изменить. А вот воспользоваться этим мы очень даже можем!

— А я хотел ему его дневники за 1904 год, за январь процитировать, то-то мужик удивился бы, с его-то преклонением перед мистицизмом.

— Ну так и процитируй, раз уж выучил, «Машу каслом не испортишь», как говаривал поручик Ржевский.

— Хорошо, уговорили. Когда мы отходим на катере, Петрович?

— А кто такие «мы», прошу прощения? — С нескрываемым сарказмом спросил Балк.

— Да, Вадюш, мне вот тоже интересно, чего это ты себя на «мы» вдруг стал называть-то? Тебе-то царем точно стать не светит, тебе его только уговорить надо, а не подменять. — Весело поддержал его Руднев, уютно развалившийся в кресле, насколько вообще можно развалиться в кресле с пробитой в трех местах осколками обивкой и с перебитой ножкой, под которую подложили пару книг. Плотники все еще заняты латанием более важных, чем капитанское кресло, вещей.

— Ребята, вы чего, меня одного на этом катере отправите, что ли? — Даже привстал от возбуждения Вадик, всегда бывший домашним мальчиком, и которому до сих пор ничего

сложнее спаивания Карпышева в жизни делать не приходилось.

— Нет, конечно, пара мехов и куча раненых, а ты на что рассчитывал?

— Мужики, но я же...

— Хватит истерик! Еще расплясь мне тут! Ты, во-первых мужик, во-вторых — морской офицер, а в третьих, ты что, правда думаешь, это ТЕБЕ будет тяжело? Тебе надо — дойти до порта, дать интервью во все газеты о гибели «Варяга», отправить телеграмму Николашке, расслабься, ее текст твой предшественник, доктор у тебя в башке, составит. Добавить в нее даты гибели «Боярина» и «Енисея», на пароход и в Одессу, а оттуда курьерским в Питер. Там — додавить Николая на сохранение в тайне истории с «Варягом» и на отсылку команд для гарибальдийцев на Дальний Восток. А нам с Василием всего-то навсего выиграть войну! Вдвоем, блин!

— Стоп. Всеволод, у тебя тут нестыковка. Если из Питера на Дальний Восток отбудут команды на два «Гарибальди», а у берегов Японии пропадут «Ниссин» с «Кассугой» — то об инкогнито можешь забыть. Нас тогда будут искать, и скорее всего, перехватят.

— Блин. Тут ты, брат Василий, прав. Надо как-то замаскировать бы. О! Идея. В России всерьез думали о покупке у Аргентины двух гарибальдийцев, но не срослось — бабки да откаты не поделили. Адмирал Рожественский заявил, что они не вписываются в концепцию русского флота. Видать, с ним не поделились. А что, если официально для всех и в Морском штабе, и для самих экипажей, они из Владика на пароходе отбудут принимать аргентинские крейсера, скажем, на Гавайи? А из Владика ты их к нам доставишь, в Петропавловск. Как, Василий, прокатит?

— Да, но только если никто, кроме Николая и Вадика, в Питере об истинном назначении экипажей знать не будет. Скажем, будет у Вадика пакет с личным рескриптом императора о том, что Вадик имеет право изменить место назначения для экипажей. Так, сходу лучше ничего не придумаю... И еще, ведь Япония запросит у Аргентины, правда ли та продала крейсера России?

— Угу, а потом еще Англия ноту заявит, что, мол, нельзя воюющей стране продавать оружие. Но самое смешное, что Аргентина будет искренне отрицать, что продает их России. Пусть японская разведка и дипломаты помучаются, тяжело, знаешь ли, искать черного кота в темной комнате, особенно когда его там нет.

— Ребята, да я не путешествия боюсь, как мне одному уломать Николая-то? Он же самодержец Всея Великая, Малая и Белая Руси! Князь Финский, эмир Бухарский и прочее прочее. А я кто? Тут одного лечения сына и дяди не хватит. Я же не волшебник и не гипнотизер в конце концов! Ладно бы с тобой, Петрович, или с вами, Василий...

Резким взмахом руки Балк прервал лекаря.

— Мы ЗДЕСЬ ровесники, и вообще в одной лодке, так что давай на ты.

— Василий, не обзывай мой крейсер лодкой! Разжалую в матросы! Вадик, пряник ты сам для Николая придумал, причем классный. Я бы такой не смог, честное слово. Так что тебе и флаг в руки. А сейчас мы тебе еще и кнутик для него подготовим, индивидуального, так сказать, изготовления. Персональный ад Императора Всероссийского Николая Второго, прекрасного семьянина, кстати, и неплохого человека, но отвратительного правителя. Значит, запоминай. Тебе придется открыть карты. Никакой мистицизм не поможет заморочить ему голову настолько, насколько нам необходимо. Придется тебе рассказать, кто ты, и откуда, вернее, «из когда». процитируй его дневник, Расскажи ему вкратце, чем кончилась у НАС русско-японская война, про первую мировую, про революцию. Про то, что

такое гемофилия и как она у нас лечится. Если поверит, переходит к судьбе его семьи, и подтверже. Про подвал в Ипатьевском доме, про кислоту на трупы, чтобы не опознали, про то, как княжон штыками добивали, и прочие грязные подробности в стиле «Дорожного патруля». Напугай его, тогда он твой. Как думаешь Василий, сработает?

— Должно, но давай внесем некоторые коррективы...

Долго еще в тот вечер, плавно перешедший в ночь, в командирской каюте сидели трое. Не один раз вестовой бегал сначала за чаем, а потом и кое за чем покрепче. Современники, как обозвал их группу Балк, обсуждали, спорили, ругались, мирились, снова и снова выдвигали свои и критиковали чужие варианты действий и развития событий. Крейсер же исправно наматывал на лаг милю за милей, двигаясь на двенадцати узлах на юг. Время от времени «Варяг» вздрагивал израненным корпусом на особо крутой волне, как будто ему, в полудреме экономичного хода, снова и снова снились попадания вражеских снарядов, боль разрываемого шимозой металла и ужас маневров уклонения от торпед прямо по мелям.

Дневники офицера японского флота

Часть 1

Примечание русского издателя:

Впервые данный документ был издан в Лондоне в 1907 году под названием «Выдержки из дневника лейтенанта японского флота И*** о ходе войны с Россией», но, судя по объёму располагаемой информации, автором данного произведения является не лейтенант, а один из старших офицеров флота микадо — или офицер штаба Того, или один из командиров кораблей первого ранга; наиболее вероятно, судя по некоторым оговоркам — капитан первого ранга Х. Идзичи, командир флагманского броненосца «Микаса».

5 декабря — вернулся из отпуска. Получил новое назначение. На кораблях необычная для этого времени года суэта — приём запасов и проворачивание механизмов два-три раза в сутки прерываются учебными тревогами. Очень напоминает подготовку к большим манёврам и императорскому смотру в 1901-м году. Длительные отпуска отменены, отчего некоторые новые товарищи смотрят на меня с белой завистью.

...

20 декабря — интенсивность подготовки не снижается. Судя по разговорам — в других отрядах происходит что-то подобное.

...

6 января — у всех офицеров сложилось мнение, что готовимся или к войне с Россией, или к масштабной демонстрации ей своих намерений — после анализа зарубежных газет другого повода для мобилизации мы не видим.

...

11 января — команда чутко отреагировала на изменение тональности

токийских газет в отношении русских — у всех на устах слово «война». У некоторых нижних чинов — с интонацией осуждения.

...

15 января — офицеры получили инструкции о необходимости довести до команды, что божественный микадо не хочет войны, но надеется, что если русские не оставят ему другого выхода, то каждый японец с честью выполнит свой долг.

16 января — с нашего отряда списали пять нижних чинов как потенциально неблагонадёжных. Из них ни одного моего подчинённого.

...

6 февраля — вышли всем отрядом в сторону Кореи.

7 февраля (25 января по юлианскому стилю) — отряды соединились у берегов Кореи. Теперь с нами ещё и транспорты, и миноносцы. Значит, война — для простой демонстрации вряд ли стали бы гонять наполненные войсками транспорты и нежные миноносцы. Задержаны русские пароходы «Россия» и «Аргунь». «Такачихо» пролил первую кровь — умудрились протаранить кита. Доброе предзнаменование.

«Асама» с отрядом крейсеров ушёл в сторону Чемульпо.

8 февраля — под вечер расстались с миноносцами. Мы все молимся за их успех.

9 февраля — утром вернулись миноносцы, радостные доклады не портят даже сообщения о потерях. Как только развеялась утренняя дымка, объединённый флот пошёл добивать русских. На рейде Порт-Артура хаос, но нас уже ждут — огонь открыли как корабли, так и береговые батареи. Эти «сыны...»^[37] не смогли потопить ни одного русского корабля. Воевать же одновременно со всей артурской эскадрой и береговыми батареями^[38] адмирал не решился. Видимо, война затянется.

Вечером получили радиограмму из Чемульпо. Адмирал обеспокоен, хотя из-за качества связи подробностей не знает даже он сам.

10 февраля — пришли на рейд Чемульпо. Страшная картина погибших кораблей. Порт как умер — все боятся мин. Ещё страшнее, что «Варяг» ушёл. Пусть даже и избитый (малые крейсера в Чемульпо не запятнали свою честь), он всё равно опасен для войсковых перевозок. Через пять минут после получения докладов адмирал отправил полным ходом^[39] броненосные крейсера по направлениям в Артур («Ивате» и «Идзумо»), Вэйхай («Адзума»), Циндао («Токива») и Фузан («Якумо») с приказом поймать и уничтожить, а если не получится, то хотя бы добиться интернирования. Телеграммы в Фузан и Токио запретили перевозку войск до уточнения ситуации с «Варягом». После полудня корабли первого и третьего боевых отрядов широким строем фронта с миноносцами в промежутках, охватывая полосу до тридцати миль, отправились вдоль корейского побережья на юг.

Четвёртый отряд оставлен в Чемульпо. Мы отдали им все те немногие шлюпки и катера, что были при нас в походе к Артуру — большей частью разъездные ялики. Теперь помимо охраны рейда и латания пробоин они будут заниматься разгрузкой уцелевших транспортов, поиском возможных мин и постановкой вешек на безопасном фарватере.

Отчёт императору о событиях в Чемульпо адмирал решил направить за собственной подписью — Уриу погиб, и наш адмирал решил на себя принять этот позор.

11 февраля — за вечер и ночь собрали вдоль корейского побережья восемь транспортов. Утром миноносцы пополнили запасы угля с кораблей первого отряда, а третий отправился конвоировать транспорты в Чемульпо. Хотя толку от них сейчас там — чуть. Ведь придётся разгружаться с помощью шлюпок, а их на «купцах» и без того впритык.

12 февраля — в Фузане получили телеграммы из Вэйхая и Циндао — «Варяга» нет.

Поездом из Сеула доставили издающуюся там для обитателей американской концессии газету «Korea Post». В обычные дни это листок с тиражом сто экземпляров — больше читателей у него нет. Но в этот раз вместо обычной перепечатки телеграфных новостей они издали специальный выпуск о событиях в Чемульпо тиражом в полторы тысячи штук — даже на крови янки готовы делать деньги! Теперь, после живописаний «подвигов» Уриу, «потопившего транспорт в нейтральном порту» — любой англоязычный человек в Корее будет настороженно смотреть на японские военные корабли.

Пополняем углём. Адмирал наутро намерен организовать эскортирование войсковых транспортов до Фузана под прикрытием броненосцев.

13 февраля — миноносцы сегодня ночью пытались торпедировать «Ретвизан».

Вскоре после полуночи, уже после снятия с якоря, получили телеграмму о прибытии в Шанхай спасшихся с утонувшего «Варяга». Надо бы проверить место гибели, но корабли второго и третьего отрядов крайне нуждаются в бункеровке. Русские объявили о спасательной экспедиции к месту гибели корабля.

14 февраля — пополнив за ночь запасы угля с разгружающихся транспортов (лучше плохой уголь, чем никакой), корабли третьего отряда отправились к Артуру для того, чтобы найти и отозвать с поиска «Ивате» и «Идзумо» (только их гибели нам теперь и не хватает).

Поступило подтверждение о гибели под Артуром русских кораблей «Енисей» и «Боярин». Первая по настоящему хорошая новость с начала войны.

15 февраля — «Адзума» и «Токива» прибыли в Фузан и приступили к бункеровке. В сумерках третий отряд, «Ивате» и «Идзумо» появились возле Чемульпо, о чём и поспешили телеграммой известить командующего. В Фузан стали прибывать войсковые транспорты.

16 февраля — все три отряда собрались в Фузане. Припозднившиеся приступили к бункеровке и готовятся перехватить владивостокские крейсера — лёгкие силы отправлены в патруль к северу от Цусимы.

Среди корейцев в порту ширится пересказ истории «Асамы». Докеры боятся, что наличие японских военных кораблей в порту оставит их без работы — как и в Чемульпо.

То ли под влиянием настроений докеров, то ли в связи с завершением прокладки временной телеграфной линии до Мозампо первый и второй отряды перешли на эту якорную стоянку. После Фузана — страшная глушь. Зато нет шансов ни для европейских шпионов, ни для русских миноносцев.

17 февраля — телеграмма о возвращении крейсеров во Владивосток. Наш штаб получил указания разработать операцию против города и порта.

12-я пехотная дивизия вопреки первоначальным планам вынуждена разгружаться не в Чемульпо, а в Фузане. Один из офицеров штаба дивизии направил к нам полное презрения хокку.

...

19 февраля — из части экипажа «Асамы» сформирована морская рота, чтобы хоть как-то компенсировать потерю темпа развёртывания первой армии.

...

21 февраля — казаки окружили Пхеньян и убили всех до единого из числа разведывательного отряда — единственного, высадившегося в Чемульпо по довоенному плану. Похоже, «хокку презрения» ещё долго будут поступать на флот.

...

Ночь с 23 на 24 — Первый отряд в отдалении наблюдал за попыткой пяти брандеров закупорить вход в Артур. Сигнала об успехе операции (трёх ракет) не было. Возвращаемся в Мозампо.

24 февраля — Владивостокские крейсера снова вышли в море. Наша разведка слишком доверилась местным резидентам. Пять крейсеров Камимур и приданные малые корабли других отрядов немедленно отправлены на перехват.

25 февраля — наши корабли в заливе Чиу-ван (*Голубиная бухта, у японцев собственная топонимика — примечание переводчика*) уничтожили русский миноносец («Внушительный»).

Глава 3

Прелюдия

Тихий океан, 30 миль от побережья Японии. 12 февраля 1904 года.

— Ну и долго мы тут будем болтаться, Всеволод Федорович? За последние пять часов уже три раза приходилось давать ход и убегать от джонок. От джонок! Крейсер первого ранга Российского Императорского флота убегает от японских джонок с рыбаками!

Командир, сидя в шезлонге на левом крыле мостика, и подставляя лицо ласковому, почти весеннему солнцу, ответил, не открывая зажмуренных по случаю принятия солнечных ванн глаз:

— Не понимаю я, ну что вам опять не нравится, Вениамин Васильевич? Вы уже десяти дней ворчите, не переставая. Сначала было «у нас уголь кончается», чем закончилось? Попался нам этот угольщик, «Мари-Анна», ну и название для вечно грязной посуды в семь тысяч тонн, прости Господи. Угораздило же их, болезных, кардиф в Японию везти так не вовремя. Теперь небось владелец парохода разорится, груз-то ему никто не оплатит, да и пароход тоже мы ему не вернем, военная контрабанда-с, сиречь конфискация.

— Да, тут нам повезло, но ведь его же могло и не быть? А уголь и правда кончался.

— Вы правда уверены, что мы не нашли бы другой угольщик? Ну, в самом худшем случае, пришлось бы не брать японский уголь даром, а заплатить за британский. Потом, после войны, если захочет казначейство... Но не найти угольщик в этих водах... Это, простите, нереально. Потом вы были уверены, что пята, фальшивая, труба это глупость, так как «Аскольд» — единственный пятитрубник в этих водах, в Порт-Артуре. Проехали, никто вроде не заинтересовался, а вот рассказам капитанов купцов о том, что мимо них прошел пятитрубный крейсер, никто не поверит. Именно потому, что его в этих водах быть не может. Потом вы были против того, чтобы маскироваться под тип «Кресси», мол, британцы обидятся, если встретят. Кстати, не встретились, пронесло. Потом вам не понравилось, что я реквизирувал эту американскую посудину с грузом станков из Сан-Франциско в Нагасаки. Но какого черта, это же был японский груз, а нам нужен еще один пароход для организации более плотного дозора.

— Ну да, теперь у нас целых два парохода и крейсер между ними, просматриваем аж сорок-пятьдесят миль, море, можно сказать, перегородили, мышь не проскочит! Смех, да и только!

— Знаете, Вениамин Васильевич, вы мне все больше напоминаете одного моего знакомого британского капитана, у того была присказка «и вообще, мне ВСЕ не нравится^[40]». А уж ваша реакция на колосник на флаге, чтобы он не вился по ветру и издалека было не разобрать, что мы — русский крейсер, вообще сравнима только с реакцией кота на жестянку на хвосте.

— Язвите, Всеволод Федорович, язвите, сколько вашей душе угодно. Ну а не появятся к ночи на горизонте наши гости, что тогда делать будем? И насчет «Кресси», не пора еще ломать эти бутафорские башни из парусины на носу и корме? ^[41] А то сегодня, может, еще стрелять придется, а у нас треть артиллерии под парусиной.

— Ломать — не строить. Наших визави до Индийского океана сопровождал «Кинг

Альфред», если помните, именно типа «Кресси». Так что если мы их пока оставим, то нас вообще могут принять за старого знакомого. Проще будет сблизиться. Ну а если до заката randevu не состоится, то придется нам отходить еще на полсотни миль к Йокосуке, и завтра ждать там. В крайнем случае, мы их встретим послезавтра прямо у порта, но тогда придется ограничиться простым утоплением по рецепту Зарубаева — по паре мин им в борта и бежать во Владивосток.

— Все-то у вас просто, Всеволод Федорович. Неужели вы не нервничаете? Ведь мы сейчас у японцев на заднем дворе! На горизонте то и дело дым или парус мелькнет. А если нас опознает или уже опознал кто-нибудь? Ведь не сбежать же нам, крейсер-то поврежден! А уж ваша уверенность, что четырнадцатого гарибальдийцы будут входить в Йокосуку, вообще необъяснима, как...

— Угу, как была необъяснима моя уверенность в том, что у японцев очень чувствительные взрыватели. Помню, помню.

Если бы старший офицер мог читать мысли Руднева, то он почувствовал бы себя полностью отомщенным. Радостных и оптимистических в голове не было. Ни одной. Только усталость, неуверенность и пустота. Руднев чувствовал себя так, будто все эти две тысячи миль тащил крейсер на своем горбу. Причем он прочувствовал каждую из его семи тысяч тонн, каждый килограмм корабельной стали, казалось, отпечатался на коже следами от заклепок и ракушек на днище. Никогда бы Карпышев, сидя в Москве XXI-го века за компьютером и обсасывая в любимом форуме ошибки Руднева, не подумал, что простой переход в полторы тысячи миль на корабле — это такой адский труд! А ведь и штормов практически не было, и неприятеля больше не встречалось, и даже вездесущие британские крейсера как в воду канули, просто переход из пункта А в пункт Б, а вот поди же ты...

— Вениамин Васильевич, вам, как второму человеку на борту и без пяти минут командиру своего корабля по секрету скажу — и у первого после Бога на душе часто скребутся кошки. Но командир никогда не должен этого показывать подчиненным. А чтобы расслабиться — рекомендую посмотреть на бак, там Балк опять абордажников тренирует. Цирк, да и только!

— Да уж, абордажная партия для захвата броненосного крейсера в восемь тысяч тонн в двадцатом веке — это не цирк, это абсурд! Но абсурд необходимый. Не понимаю только, зачем он казаков туда включил? Они же заблудятся в коридорах или ногу на трапе сломают!

— Зато стрелять умеют и шашкой махать, кто знает, может, пригодится...

На баке мичман Балк, назначенный командиром абордажной партии, в который раз гонял своих подопечных. Его задача осложнялась тем, что перед «Варягом» стояла классическая задача с двумя зайцами, причем ловить надо было обязательно обоих. Если британские капитаны решат до конца выполнить свой долг, то ловить два разбегающихся в разные стороны крейсера будет весьма сложно. Хотя какие у них к чертовой матери могут быть долги перед Японией, не интернациональный же? Тем не менее, Балк решил подстраховаться, и если захват второго крейсера должен провести «Варяг», то первый он решил взять под контроль сам, с группой из одиннадцати казаков и парой десятков парусных матросов с «Корейца». Также за знание японского языка в абордажную команду был включен и поправившейся мичман Нирод, хотя поначалу он долго отнекивался. Последние десять дней Балк постоянно проводил тренировки в стрельбе из револьверов, а для казаков и в фехтовании. Раз в день, подогнав к борту угольщик или американца, тренировались в перепрыгивании с одного близко идущего корабля на другой. Для этого использовали аналог

тарзанки, подвешенной к реям фок-и грот-мачт «Варяга». За один раз на каждой перелетали четыре громко матерящихся человека. На вопрос Руднева: «и как тебе, Вася, пришла в голову такая хрень?», последовал честный ответ: «видел в старом фильме про пиратов, всегда хотел попробовать, а возможно ли это на практике, завтра узнаем».

Со стрельбой не было проблем у казаков. Народ собрался бывалый, и после каждой серии матросов с «Корейца» на всякий лад повторял пущенную Балком шутку о куче дерьма и брызгах.^[42] Зато в цирковых номерах уверенно лидировали бывшие специалисты по парусам с «Корейца» — несколько лет практики лазания по реям при любой погоде даром не проходят. А вот казаков уже несколько раз под веселые и соленые шутки матросов вылавливали из воды шлюпки, на такой случай буксируемые за кормой «Варяга».

После первого раза казацкий урядник попросил его благородие «не издеваться над казаками». В ответ Балк предложил ему пари. Если трое казаков, вооруженные шашками, смогут его, Балка, «порубать в капусту», то тогда все казаки освобождаются от тренировок. Если безоружный Балк в течении пяти минут не будет ни разу задет, то тогда они больше не жалуются и выполняют все его приказы без обсуждений и пререканий. После минутной паузы урядник поинтересовался самочувствием его благородия мичмана. После разъяснений, что вместо шашек будут использоваться ножны, так что рубать будут не насмерть, а понарошку, шоу таки состоялось. Со стороны казаков выступали наиболее заинтересованные лица — двое свежейискупавшихся в февральской водичке и согретых парой стаканов спирта, и сам урядник.

Хотя Руднев видел не один десяток голливудских и китайских боевиков, воочию убедиться, на что способен рукопашник высокого класса, он имел шанс впервые. Первые две минуты Балк танцевал, уклонялся, исчезал из-под ударов, все больше распаляя противников. Он то нырял под удар, то перемещался к замахающемуся противнику, и или прилипал к нему, становясь неуязвимым для него и двух остальных, или не сильным, даже ленивым толчком опрокидывал того на палубу. Пару раз он, неуловимым для глаз движением, оказывался за спиной у кого-то из казаков, причем коллеги последнего не всегда успевали затормозить сами или остановить имитирующие шашку ножны. На третьей минуте поединка Балк все же пропустил удар. Распаленный своими непонятными промахами и смехом окружающих, получив очередную плюху от брата-казака, урядник Шаповалов разозлился и показал, что не зря казаки не одну сотню лет были непререкаемым авторитетом в сабельных сшибках для всех народов у любых границ Российской империи. Балк хоть и успел подставить под ножны руку, все же был сбит с ног и откатился по палубе на несколько шагов. Но вот когда он встал, выяснилось, что звереть могут не только казаки. Через десять секунд на палубе сидели трое обезоруженных и обескураженных казаков. Никто из них или из наблюдавших за боем не смог точно сказать, что и как сделал Балк. Вроде бы ближайшего к нему казака он сбил с ног, как-то хитро крутанувшись, еще когда катился от удара. Потом у него откуда-то возникли в руке ножны, которыми он отбил удар и тут же огрел по голове урядника, а третий казак так вообще как бы сам натолкнулся на ногу Балка. Но почему-то головой...

После этого фраза Балка: «Господа, простите, погорячился, пари вы выиграли», — прозвучала в полной тишине как утонченное издевательство. Впрочем, урядник понял ее правильно, и сказал что «хоть я вас и задел, будь мы с шашками, а не ножнами, порубили вы бы нас троих в капусту... Больше вы от моих и писку не услышите».

Писку и правда не было, хотя мата хватало, ну да куда же без него в России, тем более

на войне? Теперь по вечерам Балк с урядником рубились на баке. Посмотреть на этот, по выражению Руднева, «китайско-казацкий сериал» собирались обычно все свободные от вахты, включая и его самого. На приватный вопрос Балку, а зачем это ЕМУ это надо, Василий ответил, что серьезно фехтованием на чем-либо длиннее ножа никогда не занимался, и ему есть чему поучиться у урядника.

К моменту остановки британского угольщика Балк еще не считал абордажную команду достаточно натренированной для того, чтобы брать его на ходу. Его, как положено, остановили сигналом и холостым выстрелом. Потом на шлюпках подвалила абордажная партия и после проверки судовых документов капитану объявили, что так как военная контрабанда, груз угля, направляющийся в Йокосуку, превышает 50 % от общего веса груза, судно реквизируется. Удалось потренироваться только в беготне по коридорам и трюмам незнакомого судна. Первый «учебно-боевой» захват корабля на ходу довелось произвести десятого февраля.

В принципе, американский пароход «Оклахома» Рудневу был не особо-то и нужен, но тут совпало несколько факторов. Во-первых, когда рассвело, он неожиданно оказался всего в трех милях от пары «Варяг»-«Мари-Анна», в исполнении русских матросов — «Марья Ивановна», и мог опознать крейсер, несмотря на липовые орудийные башни. Пистоны сигнальной вахте потом вставляли по очереди оба штурмана, старший офицер и сам командир. Во-вторых, у дозора из трех кораблей в полтора раза больше шансов перехватить противника, чем у двух. Ну и наконец, Балк попросил потренировать ребят в «обстановке, максимально приближенной к боевой». А последней каплей оказался тот факт, что на «Варяге» практически закончилась провизия. Небогатый запас с угольщика для многочисленной команды «Варяга» — это на неделю.

Подойдя к борту ничего не подозревающего американца под предлогом обмена новостями и почтой на десять метров, «Варяг» практически уравнил с ним скорость. С «Оклахомы» перелетела на «Варяг» пачка с газетами, а с «Варяга» на «Оклахому» первая четверка абордажников во главе с Балком. Как водится, первый блин прошел комом, так как от увиденного у рулевого «Оклахомы» дрогнула рука, и пароход медленно покатился от «Варяга». Первой и второй четверок хватило для взятия под контроль рубки, и «Оклахома» был положен в дрейф. Хотя это и обошлось в одного выбывшего из строя казака, неудачно приземлившегося на световой люк и сломавшего себе ногу, операцию сочли успешной. На вопрос проснувшегося капитана «Оклахомы» — «Что здесь происходит, и кто вы вообще такие», Балк представился как мичман с русского крейсера «Варяг». На что капитан сказал, что в «Летучего голландца» он еще, может, и верит, а вот «Варяг» уже десять дней как на дне, подтвердив, что во-первых, катер с доктором до Шанхая дошел, и во-вторых, сообщению о гибели «Варяга» поверили.

Так или иначе — первый блин хоть и комом, но испекли. По результатам тренировки добавили еще пару канатов, и теперь за раз с «Варяга» десантировалось до двенадцати человек. Сейчас «Оклахома», переименованный варяжскими острословами в «Охламона», крейсировал в десяти милях от «Варяга», ближе к японскому берегу, под командой бывшего штурмана «Корейца» мичмана Бирилева. Ему и командовавшему крейсирующей мористее «Марьей Ивановной» мичману Петру Губонину было приказано при появлении крейсера дать серию из трех ракет черного дыма и не путаться под ногами у «Варяга», когда тот пойдет на перехват.

Еще одной жертвой «Варяга» стал японский каботажный пароход «Сикоко-Мару» на

полторы тысячи тонн, оказавшийся в плохом месте в плохое время. Он был зафрахтован флотом и шел с грузом рыбы и риса в Йокосуку, так что теперь до Владивостока о питании команды можно было не беспокоиться, хотя меню и будет несколько однообразным. После перегрузки провизии на «Варяг» он был утоплен подрывными патронами. В этот раз операцию по десантированию решили не проводить, так как море было не слишком спокойно, и остановили его традиционным выстрелом под нос с последующим подходом досмотровых партий на лодках.

— Всеволод Федорович, Всеволод Федорович!!! Вам плохо? Позвать врача???

— Да нет, не хуже, чем обычно, а в чем дело?

— Да я уже пару минут вас зову а вы не отвечаете, нельзя же так пугать людей, право слово!

— Простите, задремал, наверное, разморило на солнце, или просто задумался не на шутку, сам не пойму. А по какому поводу вы на этот раз мой хрупкий сон прервали, разлюбезный мой Вениамин Васильевич?^[43] Чем-то еще недовольны?

— Это уже не важно, на горизонте у берега дым. Много. И с «Марьи Ивановны», тьфу черт, привязалось, с «Мари-Анны», дали серию ракет. Кажется, началось, вы опять угадали.

«Еще бы не угадать-то, посидел бы ты, милай, на Цусимском форуме^[44] с мое...», — пронеслось в мозгу Руднева.

Осторожно, на экономичных двенадцати узлах, на плавно сходящихся курсах «Варяг» начал красться в сторону добычи с расчетом сблизиться с жертвами в начале сумерек. В сторону «Охламона» с «Варяга» ушла ракета былого дыма, по которой он должен был идти в сторону берега, и ждать дальнейшего развития событий.

Глава 4

В борт ударили бортом, перебили всех потом!

Тихий океан, 30 миль от побережья Японии. 12 февраля 1904 года.

На борту «Ниссина», шедшего в кильватере «Кассуги» с отставанием в шесть кабельтовых, потомок старинного самурайского рода Масао Секари проводил очередное занятие корабельного клуба кен-до. По левому борту крейсера на горизонте величественно вздымались берега страны Ямато на фоне подсвеченных заходящим солнцем облаков. Миссия по перегону крейсеров на родину была почти завершена. Хотя до Йокосуки и оставалось еще двое суток хода, до берегов родной Японии было рукой подать. Его благодушно расслабленное настроение разделяли и остальные десять любителей помахать бамбуковыми мечами, нашедшиеся в немногочисленной перегонной команда. Еще на пути в Италию они сошлись на почве общего интереса к кен-до и при приемке крейсеров попросили записать их всех на один корабль. С тех пор каждый свободный день, которых было, увы, немного, до заступления на вахту, на носу крейсера под стволами башни главного калибра разворачивалось представление древнего японского искусства. Взлетали и падали с криками «Киа!» бамбуковые мечи, снова и снова отрабатывались приемы защиты и нападения, и каждый раз семейная катана рода Секари, передающаяся из поколения в поколение, занимала свое почетное место на стене импровизированного додзе, открытого соленым ветрам. Если броневую переборку башни главного калибра под стволом восьмидюймового орудия можно назвать стеной, конечно. Но сегодня внимание занимающихся, да и самого Масао, было отвлечено долгожданной встречей с Родиной. Никто из находившихся на борту европейцев, каковых и было большинство, не мог понять, почему встреча с Японией вызвала у заказчиков такой трепет. На обращенном к берегу борту, с того момента, как на горизонте появилась земля, постоянно можно было найти кого-то из японцев. Вот и сейчас вместо полной концентрации на мече и дыхании сам Масао время от времени бросал взгляд на берега Японии, которые он вынужден был оставить почти на год.

На приближающийся с правого борта крейсер поначалу особо не обратили внимания, ну мало ли кораблей идет по своим делам у берегов Японии? Судя по силуэту, не японец, больше всего напоминает до боли знакомый тип «Кресси». Один из этих детищ британского кораблестроения шел вместе с ними первую половину пути, защищая их от возможной наглости русского отряда во главе с Вирениусом.^[45] Поэтому по мере приближения незнакомца основной мыслью было, что это старый знакомый «Кинг Альфред» или кто-то из однотипных ему кораблей. К сожалению, темнота надвигалась быстрее неизвестного корабля, и спор на мостике затягивался. Для японской же части команды виды Японии с противоположенного борта были гораздо интереснее. А большая часть свободной от вахты команды мечтали только о сне и о скором вознаграждении за долгий и опасный вояж, ждущем их в Йокосуке послезавтра.

Когда с приближающегося корабля в рупор прокричали на английском, — «Привет старым знакомым, не поделитесь ли свежими газетами по старой дружбе, а то мы уже три недели в море», то тот из итальянских сигнальщиков, что ставил на «Кинга», протянул

второму руку за выигранными двумя лирами. Британский вахтенный офицер Чарльз Боссет, командовавший крейсером, пока капитан Пейнтер отдыхал в каюте, приказал снизить ход до пяти узлов и идти прямо. С подошедшего крейсера прямо в глаза находящихся на мостике ударил слепящий луч прожектора. Боссет про себя выругал бесцеремонность офицеров Роял Нейви, ведь еще не настолько стемнело, зачем так нагло себя вести? Не иначе на вахте этот грубиян Кларк, который в Сингапуре проиграл в покер тридцать фунтов. Теперь отрывается как может, неудачник. Проигравший сигнальщик, Тони Балдасара, на ходу засовывая в парусиновый мешок свежие газеты, если так можно говорить о прессе недельной давности, понесся на бак. «Кинг Альфред» медленно нагонял «Ниссин», и по мере сближения что-то все больше казалось Боссету неправильным в силуэте приближающегося в сумерках с подветренного правого борта крейсера. Чертов прожектор, надо будет пожаловаться потом на этого идиота Кларка! Но окончательно мысль о слишком низком борте и изменившихся с последней встречи очертаниях мостика сформировалась в измученном постоянным недосыпом (крейсера перегонялись с очень маленькими экипажами, спать было просто некогда) мозгу слишком поздно. На борту приближающегося крейсера сверкнул топор, перерубающий держащий колосник конец, и тот закачался на гафеле, а на ветру заполоскался Андреевский флаг. Одновременно на «тарзанках» на борт «Ниссина» с криком перелетели с дюжину человек. Пока итальянский рулевой хлопал глазами, пытаясь понять, зачем и что перебрасывают с подошедшего крейсера к ним на борт в ответ на полученную почту, успела перелететь и вторая дюжина. С третьей так не повезло, Боссет толкнул вперед ручки машинного телеграфа на «Полный вперед» и, отшвырнув в сторону оцепеневшего Джованни, крутанул руль влево. Но махина с водоизмещением в восемь тысяч тонн имеет соответствующую массу инерцию, да и не во всех котлах поддерживали пары, так что «полный вперед» — это было скорее благое пожелание. Так или иначе, из третьей дюжины десять абордажников успели попасть на борт «Ниссина». Не повезло двоим замешкавшимся, после удара о борт «Ниссина» оба полетели в воду, и теперь их единственным шансом было не попасть под винты и дожидаться, не замерзнув насмерть, подходящей к месту абордажа «Мари-Анны». Утонуть им не давали предусмотрительно надетые пробковые жилеты.

На мачту «Варяга» взвился заранее подготовленный сигнал по международному своду «Лечь в дрейф, иначе открываю огонь», и он, увеличивая ход, направился к шедшему первым «Кассуге». На баке «Ниссина» члены корабельного клуба кен-до с удивлением смотрели на неизвестных, столь экстравагантно появившихся на борту и устремившихся в сторону носового мостика.

удару. Один из русских, испытав на своем не прикрытом защитным доспехом теле силу бамбукового меча, получил перелом плеча. Второму повезло еще меньше, от удара его унесло за борт, и теперь для спасения он должен был продержаться в ледяной воде до тех пор, пока победившая сторона не сможет послать за ним шлюпку. Если озаботится, конечно. Третий из добежавших почему-то промахнулся и, хуже того, получив от противника классический маваси-гири (у закадычного приятеля Масао, выходца с Окинавы Тодзио, в этот момент просто отвисла челюсть) в голову, сейчас лежал на палубе без движения. В душе Масао желание поскорее ринуться в бой боролось с чувством долга, которое нашептывало ему, что сначала надо предупредить об опасности машинную команду, состоящую наполовину из японцев. Победил здравый смысл, вдвоем с катанами и вакидзаси против нескольких револьверов — это может удасться только великим мастерам из старых легенд. Масао, дернув за рукав последнего из дееспособных членов клуба, нырнул в люк и понесся в машинное отделение по крутым трапам и запутанным коридорам. Там он надеялся подготовить теплую встречу северным дьяволам, а если не останется другого выхода, то оттуда можно и утопить крейсер через кингстоны. Тоже выход, достойный самурая.

Бежавший к рубке во главе высадившегося на носу отряда Балк мысленно крыл себя на все лады. «Идиот, мальчишка, разгильдяй! Чего было выпендриваться-то? Ну ладно, с казаками проверял, как тело усвоило рефлексy, быстроту реакции и растяжку, что за десять дней тренировок удалось наработать. Но чего было голой пяткой на шашку-то лезть, пусть и бамбуковую? Три раза мог этого самурая пристрелить. Зачем рисковать? А если бы он не так сильно удивился? Или сработай у него рефлексy? Хромал бы сейчас на сломанной в колене ноге. Надо все же не поддаваться на порывы старины Балка и действовать не по велению его гормонов, а своего стариковского мозга».

Штурма рубки не получилось из-за отсутствия сопротивления. В рубке Балк предоставил Нироду объяснять суть текущего исторического момента обалдевшим британцам и итальянцам. Пусть граф со своим британским произношением и громким титулом нагоняет страх на европейцев, а у него есть дела поважнее. По словам Боссета, в машинном отделении сейчас на вахте были около двадцати японцев и с полтора десятка «рагаци»^[46] в придачу. Плюс еще более двадцати японцев были на отдыхе. Из них восемь уже нейтрализованы на баке. По докладу казака Михаила Красного убито двое — «у кого-то из матросиков наган вскинулся, непривычные оне», ранено, преимущественно в ноги, — «как приказывали, ваше благородие, казак не промахнется», пятеро, оглушен и связан один, — «ловко вы его как, ногой да по башке». Но вот сбежавшая парочка сейчас уже наверняка добралась до машинного, а это минус. Теперь там придется преодолевать организованное сопротивление. А что у нас в плюсе? Из трех дюжин сорвиголов живы, на борту и готовы к бою тридцать два. Один на борту, но способен только нагонять на тех, кто в рубке, страх своими стопами и зубовным скрежетом. Блин, ну кто мог подумать, что можно нарваться на десяток мечников при abordage крейсера в начале XX-го века? Да по идее вообще сопротивления быть не должно, а вот поди же ты... Да еще и каких мечников, одним ударом бамбуковой палки сломать плечо казаку, который с детства приучен уклоняться от сабельных ударов! Тут, пожалуй, урядник нервно курит в углу, да и мне слабо... Еще один при приземлении сломал руку, тоже посидит в рубке. Прокачав ситуацию, пока Нирод подробно и в красивых выражениях описывал британцу, кто они, и зачем заглянули на огонек, и послушав, как азартно и яростно отбрехивается от него Боссет, Балк взял инициативу в переговоры.

— Сэр Боссет, вопрос о правомочности захвата перегоняемых вами японских крейсеров будут решать наши командиры. А нам сейчас надо озаботится тем, чтобы эти крейсера не взорвали.

— А зачем их кому-то взрывать? И вообще, они не японские еще, и перегоняли мы их под британским флагом, и ваши пиратские действия...

— Стоп. Все ваши истории о неприкосновенности британского флага будет рассказывать потом, во Владивостоке, на суде. Если захотите, конечно. Сейчас скажите, вы хоть немного с кодексом поведения самураев знакомы?

— Нет, зачем мне это? Я только перегоняю в Японию крейсер, а их философия мне не интересна. А к чему вы вообще...

— А к тому, что если для нас с вами самоубийство — это высший грех, то для тех, кто у вас сейчас распоряжается в машинном отделении, самоубийство при невозможности выполнить свой долг — это самый логичный выход. А если при этом удастся прихватить с собой пару врагов, то это вообще высшая доблесть. Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись... Так что я бы на вашем месте приказал вашим итальянским матросам проводить моих людей к погребам боезапаса. Там необходимо выставить вооруженные караулы, а сами мы можем просто не успеть найти их быстрее японцев.

— Почему вы распоряжаетесь на моем корабле?

— Чарльз, вы хотите пережить ваше увлекательное путешествие или предпочитаете взлететь на воздух вместе с кораблем непонятно за что? Поймите, сейчас я вам могу гарантировать только одно — в Японию этот корабль не придет. Никогда. Ну не судьба ему походить под японским флагом. Ему отсюда две дороги — или на дно, или во Владивосток, и я подозреваю, что в отличие от вас японцы это уже поняли. Как вы думаете, какой именно маршрут для них предпочтительнее?

Не совсем понятно, поверил ли Боссет в опасность взрыва, или просто решил, что перечить командиру вооруженных налетчиков себе дороже, но он выделил троих итальянцев для сопровождения трех групп. Две мелкие, по четыре человека, должны были взять под охрану погреба боезапаса. Не то чтобы сам Балк верил в возможность подрыва крейсера, нет, мужества и решительности в японцев хватило бы, а вот времени на поиск ключей от погребов и организацию взрыва — это вряд ли. Хотя для англичанина страшилка вышла классная, на сотрудничество пошел сразу. Еще пятеро, включая обоих раненых, остались с Ниродом в рубке, присматривать за ранеными японцами и управлением крейсера. На долю остальных шестнадцати выпало самое интересное — зачистка машинного отделения и остальных потрохов крейсера.

В машинном отделении русских моряков ждал воистину горячий прием. Первая пара матросов, вбежавшая в двери котельного отделения номер один, была ошпарена паром. Открывший его японец был немедленно застрелен шедшим третьим казаком, причем на этот раз выстрел был направлен в голову. Шедший первым матрос лишился зрения, второй просто получил ожоги плеча и рук второй степени, но тоже был не боеспособен. Больше в первом котельном сюрпризов не было, но впереди ждало еще два, плюс само машинное отделение. Поэтому, во избежание сюрпризов в приоткрытые двери второй кочегарки полетела пара безобидных с виду пакетиков... Свист пара, показывающий, что и в этой кочегарке русских ждали, сменился оглушительным хлопком и сквозь щели вокруг неплотно прикрытой двери на секунду стало видно голубое сияние. Выждав с десятков секунд, и убедившись что свист пара прекратился, Балк, обмотав голову полой найденной на полу куртки, нырнул в двери.

На полу под вентилями паропровода сидели двое оглушенных и ослепленных японцев. «Ну еще бы», — усмехнулся про себя Балк, глядя на то, как без особых проблем казаки вяжут противника. «По полкило магния, всю корабельную фотолабораторию разорил, и пороха. Это бабах и очень яркая вспышка в одном флаконе. Причем без всяких осколком, могущих повредить оборудование». Вспомнив, как сам на тренировке попал под воздействие светового гранаты, Балк даже пожалел несчастных. Он-то хоть знал, чем его приложило, и что зрение вскоре вернется. А эти неудачники могут только тоскливо паниковать. Кстати, о панике, там дальше еще итальянцы вроде должны были быть... Они-то вообще не при делах, убрать бы их оттуда, они еще пригодятся. Ладно, проверим, хорошо ли говорят самурай по-английски. Покричим в дверь и посмотрим, кто отзовется.

— Гомен кудасай, самурай-сана. Прошу прощения за мой японский. С вами говорит мичман русского императорского флота Василий Балк с крейсера первого ранга «Варяг». С кем я могу обсудить ситуацию о беспрепятственном пропуске некомпатантов на верхнюю палубу?

— Лейтенант Японского императорского флота Масао Секари, броненосный крейсер «Ниссин». Простите мою необразованность, но ответно приветствовать вас по русски я не могу. О каких некомпатантах вы говорите?

— Насколько я знаю от сэра Боссета, с вами находятся около пятнадцати итальянских матросов. Я думаю, им нет никакого резона принимать участие в нашем споре о том, куда и под каким флагом дальше пойдет «Ниссин»? Надеюсь, вы не будете возражать, если мы их выпустим на верхнюю палубу до того, как я предприму попытку штурма вашей кочегарки и машинного отделения? Мне случайные жертвы не нужны.

— Рад бы их выпустить, но они уже и сами сбежали. Хуже того, когда я их попросил показать нам, где находятся кингстоны в машинном отделении, эти крысы сами в нем заперлись. Так что некомпатантов тут нет. А откуда вы взяли на мою голову, мичман с «Варяга», он же две недели тому как утонул? И что это был за взрыв во второй кочегарке?

— Ну, положим, слухи о смерти «Варяга» нами несколько преувеличены, а насчет взрыва, если вы не возражаете, поясню позже. Я так полагаю, предложение о сдаче будет вами отвергнуто?

— Безусловно. У меня приказ моего императора доставить крейсер в Йокосуку, и я обязан его выполнить.

— Понимаю, но вынужден воспрепятствовать. «Ниссин» отсюда пойдет во Владивосток или на дно. Значит, сдаваться вы отказываетесь?

— Безусловно. Если «Ниссину» не судьба попасть в Йокосуку, как приказал мой император, то вариант на дно меня вполне устраивает. По моим расчетам, мы очень скоро все вместе перенесемся в храм Ясукуни. А мы тут в кочегарке, знаете ли, просто отвлекаем ваше внимание от основных событий.

— Если вы о подрыве погребов, то боюсь, что они уже под охраной моих людей. И судя по стрельбе, что я слышал минут пять назад, взрыва не будет.

— Ну что же, тогда мы откроем кингстоны, и...

— И мы лишимся одного котельного отделения из четырех, на пару дней, необходимых для его осушения, а машинное вам не затопить, сами проговорились, что там итальянцы заперлись. Им наша с вами война до одного места.

— Зато мы умрем, как подобает самураям!

— У меня к вам есть предложение получше. Вы, как я заметил, изрядно управляетесь с

катаной? Как насчет сравнить европейскую и азиатскую школы фехтования в действии? Один на один, я надеюсь, у вас вторая катана найдется? Впрочем, златоустовская шашка, пожалуй, не хуже будет.

— Гайджин, ^[47] я вас зарублю быстрее, чем кусок угля сгорает в топке. Но зачем мне это нужно, или как говорят наши друзья англичане, «что я с этого буду иметь»? Бизнесмены, восточные демоны их раздери... Наверняка они вам и доложили о нашем местоположении на корабле, да и о численности рассказать не забыли?

— Не без этого, джентльмены, одно слово. Вернемся к условиям дуэли. Я гарантирую вам и всем японским подданным на борту пропуск на берег...

— И когда же вы у себя на западе поймете, что для нас, японцев, долг важнее, чем жизнь? Мне на берегу делать нечего, если это не пирс Йокосуки, к которому пришвартован «Ниссин»!

— Там вы сможете оповестить о захвате крейсеров Того, и у него будут неплохие шансы нас перехватить. Это единственное, что вы можете сделать для того, чтобы ваш «Ниссин» не был переименован в «Сунгари» и попал в Йокосуку, а не во Владивосток.

— А если победите вы?

— Вы складываете оружие и даете слово, что до Владивостока никакого сопротивления или сеппуку ни в вашем исполнении, ни от кого из ваших людей я не ожидаю.

— А что помешает вашим людям перебить нас всех после того, как я вас зарублю, мой наивный молодой друг с «Варяга», простите, не запомнил вашего имени?

— Слово русского офицера и дворянина. Большого предложить не могу. Но поверьте, этого достаточно.

— Олл райт, я принимаю ваши условия и выхожу, все равно у меня на ногах осталось шесть человек и никакого оружия, кроме двух катан и вакидзаси. Посмотрим, умеют ли русские офицеры держать слово, если им это не выгодно!

— Умеем. Тем и отличаемся от некоторых из наших с вами британских коллег. Откуда я, по вашему, узнал о вашей численности и об итальянцах на вахте? От уважаемого Боссета, которому жуть как не хочется помирать за Японию.

Лязгнули задрайки водонепроницаемой двери и в коридор вышли шестеро японцев, поддерживающие еще одного, раненого. Первым с гордо поднятой головой шел Масао. Все своим видом самурай выражал презрение к неминуемой смерти. Василий так и не понял, как это удавалось японцу при том, что на его лице застыло непроницаемая маска, не отражающая никаких эмоций. Коротко поклонившись будущему сопернику, японец сбросил китель и произнес только одно слово:

— Начнем?

Поклонившись в ответ Балк задал встречный вопрос:

— Каковы правила нашего поединка, господин лейтенант?

— Мой юный друг, какие правила могут быть на войне?

— Ну, например, поединок ведется до смерти или до первого ранения? Какое оружие может быть использовано?

— Какая страна будет владеть этим прекрасным крейсером, это вопрос жизни и смерти, не так ли? А по поводу оружия, вам все же нужна катана? Или что вы имеете в виду? Деритесь, чем хотите.

— Со своей стороны я обещаю прекратить поединок и оказать вам медицинскую помощь, если ранение не позволит вам продолжать бой...

— Мичман, не тяните время. Мы будем драться или нет?

— А по поводу оружия, я только хотел уточнить вопрос использования револьверов, типа этого.

Масао так и не понял откуда в руке мичмана материализовался револьвер, но к моменту когда он выхватил меч их ножен, черный зрачок ствола уже смотрел ему в глаза. От самоубийственного рывка с мечом на револьвер Масао спас спокойный голос русского мичмана. А также то, что револьвер по дуге отлетел в толпу казаков и русских матросов за мгновение до того, как он прыгнул.

— Как видите, Россия немного ближе к востоку, чем Британия, мы не столь склонны к обжуливанию противников. И более щепетильны в вопросах чести. Хотя де юре после вашего отказа от ограничений на используемое оружие я мог прострелить вам голову, и, с точки зрения британского джентльмена, не нарушил бы данного слова. На будущее будьте осмотрительнее с белыми противниками, мой любезный лейтенант. И давайте больше не будем пытаться вывести противника из себя до боя. А драться я буду русской шашкой, привычнее, знаете ли.

Масао, на лице которого опять прочно обосновалась маска невозмутимости, на секунду сорванная яростным порывом самоубийственной атаки, снова коротко поклонился оппоненту, но на этот раз в поклоне неумовимо присутствовало уважение к достойному сопернику.

«Зараза, и как он это делает?» — завистливо подумалось Балку.

— Уважаемый мичман Балк...

«Смотри-ка, а имя-то запомнил, хитрец» — пронеслось в мозгу Василия.

— ...я рад бы пообещать, что тоже попытаюсь сохранить вам жизнь, но когда на кону стоит судьба броненосного крейсера Японского Императорского Флота, я не могу позволить себе рисковать. К тому же, вы выглядите слишком серьезным противником, чтобы не драться с вами во всю силу. Прошу прощения за мои недостойные попытки над вами подшутить, и приступим, наконец?

— А и правда приступим. Вам, кстати, не кажется несколько сюрреалистичным, что на заре XX-го века судьба новейшего крейсера решается в поединке двух человек на средневековым клинковом оружие, уважаемый Масао-сан?

В ответ японец в первый раз с момента встречи улыбнулся.

— Знаете, Балк-сан, мне правда очень жаль, что вы мой враг, и мне придется вас убить. С вами было бы очень интересно поговорить. Но увы...

— Ну, как говорят у нас в России, человек предполагает, Бог располагает. Если пройдет по моему — то еще заболтаемся.

Мило беседуя, противники прошли к центру котельного отделения номер два, где коридор между котлами расширялся до четырех метров. Там они разошлись на десяток шагов, извлекли клинки из ножен, синхронно, будто неделю репетировали, отсалютовали друг другу (при этом на клинках метались отблески кроваво-красного пламени из топок) и начали медленно сближаться. За ними, затаив дыхание, молча следили болельщики, русские казаки и матросы обеих национальностей.

Когда противники не защищены доспехами, долгий поединок на мечах, со звоном, парированиями, злобными взглядами друг другу в глаза над скрещенными мечами — это чистый Голливуд. Одного удачного удара достаточно для перевода противника в список «бывших противников». Поэтому поединщики сближались осторожно, медленно и долго.

Масао держал катану двумя руками, традиционным японским хватом — клинок параллельно полу, рукоять катаны у правого уха, корпус развернут левым боком к противнику, ноги согнуты в коленях. Он справедливо рассчитывал, что европейцу с такой стойкой сталкиваться не приходилось, и имей он дело со своим современником, так оно бы и было. Балк, медленно приближался в классической европейской фехтовальной стойке — шашка в правой руке, левая отведена назад для поддержания равновесия при уколе, ноги пружинисто полусогнуты. На то, чтобы убедительно смотреться в этой стойке, Балк потратил не один час перед зеркалом, ибо классическим фехтованием в своем времени не увлекался, а демонстрировать японцу свое близкое знакомство именно с восточными единоборствами не стоило.

После долгого и медленного сближения на три метра и пары ложных выпадов проигнорированных невозмутимым Масао, Балк пошел наконец в атаку. Он, казалось, поставил все на один укол, причем целью избрал ближнюю, левую ногу противника, выдвинутую в его сторону. Масао был неприятно удивлен скоростью, с которой наносил укол его противник, и приятно тем, что тот фактически подставился под коронный японский рубящий удар в шею. Этим ударом его предки-самураи снесли не одну сотню буйных голов за века бурной японской истории. Где-то в глубине души японца молнией промелькнуло сожаление, что чем то понравившегося ему русского придется все же убить, а тело уже выполняло заученную за годы тренировок до мелочей комбинацию.

Левая нога по дуге скользит назад и в сторону, заставляя противника еще дальше провалиться в погоне за ускользающей целью, потом на нее переносится основной вес тела, за счет чего в удар вкладывается вся масса тела. Катана описывает красивую дугу и ускоряясь до немыслимой скорости, несется почти параллельно полу к шее мичмана. Навстречу ей в тщетной попытке отразить удар взлетела ЛЕВАЯ РУКА мичмана, что вызывало в мозгу Масао грустную усмешку (и он считал себя МАСТЕРОМ? Катана снесет и руку и голову, и не особо замедлится, мой прадед как-то перерубил три тела разбойников одним ударом. [\[48\]](#) И этот молодой идиот продолжает свой бессмысленный, без головы он мне по ноге все одно не попадет, выпад). На чтение описания этого эпизода у читателя ушло раз в десять больше времени, чем он занял. В бою мысль и чувства ускоряются, так же, как и тела. Последние, что запомнил Масао перед тем, как катана врубилась в предплечье Балка, это выражение его глаз — там не было ужаса или страха! Они были абсолютно спокойны, и к тому же заполнены торжеством и усмешкой!!! За оставшиеся миллисекунды лейтенант успел подумать, что то ли русский спятил, то ли он сам. А потом катана ударила в предплечье мичмана и скользнула с МЕТАЛЛИЧЕСКИМ звоном, начавшиеся расширяться от удивления шире предписанного природой глаза японца затопила ослепительная белоголубая вспышка! Еще через доли секунды на смену недоумению пришла боль, сначала взорвавшаяся гранатой в ногу и быстро, как цунами, затопившая все тело и голову... Что-то с размаху врезало по затылку Масао, и последними крохами сознания он понял, что это была железная палуба котельного отделения.

Глава 5

Вербовка на слабо

Тихий океан у побережья Японии. 14 февраля 1904 года.

В полном соответствии с теорией господина Гумилева, пока еще не написанной и неизвестно, имеющей ли шансы на возникновение в текущей реальности, на «Кассуге» сопротивления оказано не было. Действительно, все «пассионарии», а в просторечии сорвиголовы и любители подраться, записались в клуб кен-до еще на пути в Европу и были распределены на «Ниссин» в Италии, при приемке кораблей. После пары снарядов, положенных комендорами «Варяга» перед носом крейсера (третий выстрел окатил брызгами клюз «Кассуги», за что неугомонный Авраменко получил свою порцию мата от старшего офицера, подзатыльник от командира плутонга и двойную чарку от Руднева) «Кассуга» дисциплинированно легла в дрейф. Высадившаяся со шлюпок призовая партия во главе с Рудневым (больше доверять переговоры было, увы, некому), поддерживаемая молчащими до поры пушками и пулеметами «Варяга», беспрепятственно проследовала в рубку. Там был дан последний и решительный бой за право «Кассуги» ходить под японским флагом.

— Это пиратство! Чистой воды произвол! — Уже не в первый раз повторял коммодор Ли.

— Не горячитесь, коммодор, в чем именно вы усматриваете нарушение международного права?

— Вы, вы... Вы что издеваетесь??! Вы без всякого повода нас остановили, открыли огонь по кораблю, идущему под коммерческим британским флагом. Да вы понимаете, что сейчас подойдет сопровождающий нас крейсер Роял Нейви «Король Альфред», под который вы так нагло вырядили свою посудину, вообще официально утонувшую, между прочим, и сметет вас с поверхности моря за нападение на корабли торгового флота его величества Эдуарда Седьмого.

«Ну, если честно, то — да, издеваюсь», наслаждаясь моментом, пробормотал себе под нос на русском Карпышев. С момента, когда он, хромя, вошел в салон командующего перегоном, он чувствовал себя чем-то вроде капитана Джона Сильвера на захваченном абордажем фрегате. И вел себя несколько развязно. Вслух же капитан первого ранга его Императорского Величества Русского флота произнес:

— Нет, что вы. Я искренне не понимаю, чем именно вы не довольны. Ваши корабли остановлены у берегов страны, с которой Россия находится в состоянии войны. Вы командуете двумя крейсерами, которым уже присвоены японские имена, и вы возмущаетесь, что я вас остановил? А насчет «Короля Альфреда», он вас оставил еще до Сингапура именно потому, что Форейн Офис не хочет слишком уж явно вмешиваться в войну между Россией и Японией.

— Проверьте, наконец, судовые бумаги! Я вам третий раз говорю — я перегоняю корабли в Чили. В Японии у меня бункеровка.

— Ну, раз вы идете в Чили, то как только вы выбросите за борт всю военную контрабанду, находящуюся у вас на борту, которая может быть использована Японией в войне против России, можете продолжать путь.

— О какой именно контрабанде вы говорите??!! Я выкину за борт все, что пожелаете, но не срывайте мне график перегона, умоляю!!!

Британец, не веря своему счастью и неожиданной уступчивости Руднева, заметался по салону, стараясь одновременно угодить русскому и не спугнуть удачу. Он вскочил, метнулся к бару и, быстрым движением выхватив оттуда бутылку виски, плеснул Рудневу полный стакан отличного шотландского скотча десятилетней выдержки.

— Ага, а то еще опоздаете, в Чили расстроятся. Я вам тут заранее список подготовил, всего того, что у вас на борту является контрабандой. Десятидюймовое орудие — одно, восьмидюймовые орудия — шесть, шестидюймовые — двадцать восемь, противоминный калибр — тридцать с лишним орудий калибров 75 и 47 миллиметров, с двойным боекомплектом, плюс две с половиной тысячи тонн броневой стали в листах, закаленной по методу Круппа. Если вышеупомянутая контрабанда будет утоплена в море, то в соответствии с международным морским правом ваши корабли могут продолжить свое плавание. К берегам Чили.

Коммодор несколько раз открыл и закрыл рот, не издав при этом не звука. Решив, что клиент «дошел до кондиции», Карпышев стал его дожимать.

— Я понимаю, вы должны привести крейсера в Йокосуку, но по не зависящим от вас обстоятельствам это сейчас невозможно. Я, со своей стороны, предлагаю вам на выбор два варианта. Первый, вы отказываетесь со мной сотрудничать, я как могу пытаюсь перегнать захваченные крейсера во Владивосток силами своей команды. Скорее всего, японцы успеют разобраться, куда подевалось их приобретение, быстрее, чем мои люди разберутся в механизмах итальянцев. Тогда вам придется принимать участие в морском сражении, причем вы будете на стороне заведомо проигравшей стороны, а снарядам, им все равно — комбатант вы или нет. Кстати, даже если вы переживете бой, то денег за перегон вам японцы не заплатят, ведь крейсера-то мы при попытке перехвата взорвем. Это я вам гарантирую. А если мне чудом удастся добраться до Владивостока, то вас ждет суд за перевозку военной контрабанды, список прилагается.

— А что, есть второй вариант? — Явно для проформы спросил погрузневший коммодор, наливая себе уже третий за время беседы стакан виски.

— Есть. Я реалист. Я понимаю, что без помощи ваших перегонных команд мне довести мои призы до Владивостока практически нереально. Поэтому я хочу сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться. Во-первых, вы и все ваши офицеры и матросы, которые согласятся с нами сотрудничать, получают плату за перегон, полуторную. Естественно, после того, как нам удастся довести крейсера до Владивостока. В довершение к этому вам не будут предъявляться обвинения в перевозке контрабанды. Если вы откажетесь сотрудничать, то я все равно сделаю такое предложение команде и офицерам, я думаю, большинство согласится, им-то все равно, на кого работать, на Россию или Японию, деньги не пахнут, не так ли?

— И как я вам их доведу до Владивостока? Угля у меня до Йокосуки. Плюс однодневный запас на случай шторма. Японцев из экипажей вы, естественно, заберете, а у меня и так людей нехватка жуткая была, по три часа в день спали, еле-еле сюда дошли.

— Вместо сорока японцев я вам дам по пятьдесят матросов и офицеров на крейсер. Насчет угля — у меня есть угольщик, на нем осталось еще пара тысяч тонн, до Владивостока хватит с избытком.

— А кто его будет грузить? Силами вашей команды в море бункеровать два крейсера —

это трое суток. Ну, двое, ваши люди поздоровее японцев будут. И это если с погодой повезет. За это время японцы точно начнут поиски, и я опять оказываюсь в центре морской баталии на стороне заведомо проигравших, только суд меня ждать будет не во Владивостоке за контрабанду, а в Йокосуке за попытку продать японские крейсера ее противнику. Спасибо, перспектива не прельщает.

— Я, пока шел вокруг Японии, отработал систему погрузки угля на малом ходу, сорок пять тонн в час при не слишком свежей погоде на скорости в пять-семь узлов обеспечиваем стабильно.

— Как? Это даже Роял Нейви не практикует! Невозможно! В море да, борт к борту грузится пробовали, но ни в коем случае не на ходу!

— Интересная у вас логика, мистер Ли, раз Роял Нейви не практикует, значит, категорически невозможно. Наверно, просто нужна пока ваш Роял Нейви не заставляла. Она, знаете ли, заставит, она же и научит. Угольщик и крейсер идут параллельно, на малом ходу. Пара канатов, один с уклоном от угольщика к крейсеру, по нему груженный мешки скользят на корабль, по второму, с обратным уклоном, пустые мешки едут обратно. Самое трудоемкое — это загрузка мешков в трюме угольщика и их опоражнивание в ямах крейсеров. Причем опустошать мешки можно и после передачи, если погода не слишком свежая, то одну ночь пятьсот тонн угля можно и на палубе продержат. Авось не опрокинемся. Элементарно, Ватсон!

— Какой Ватсон, мой машинный офицер? Он-то тут при чем??

— Гм. Простите, оговорился.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Интересно, а кто у вас радист, Холмс?» Пробормотал себе под нос Руднев.

— А если канат лопнет? И потом, не всегда же удастся выдерживать натяжение каната, провиснет канат, мешки никуда не поедут, собьются в кучу посредине — и все!

— На первой погрузке мы утопили примерно треть угля, пока не приноровились. Сейчас теряем процентов пять-десять. Наверное, из-за этих процентов Роял Нейви и не практикует это способ. Но у нас сейчас — «А ля гер ком а ля гер!» Ну а для страховки каждый пятый мешок имеет бечевку, за которую его тянут с крейсера, чтобы не зависал. Один мешок — полтора центнера. Мимо Йокосуки пройти у вас угля хватит, спасибо вам за запасливость, ну и по пути будем постепенно догружаться. Каждый день по пять-шесть часов на крейсер. Таким образом нам до Владивостока угля почти хватит, а там придется на пол дня лечь в дрейф и догрузиться.

— Но если в Англии узнают, что я командовал перегонем крейсеров во Владивосток после их захвата...

Руднев весело расхохотался.

— Коммодор, простите, но вы что, правда считаете себя центром вселенной? Командовать парадом, простите, отрядом, буду я. Командовать «Кассугой», вернее, уже «Корейцем», будет капитан второго ранга Анатолий Николаевич Засухин, бывший старший офицер канлодки «Кореец». Командовать «Сунгари», бывший «Ниссин», будет Капитонов Сергей Владимирович, бывший капитан «Сунгари». О «Варяге» придется позаботиться капитану второго ранга Степанову Вениамину Васильевичу, моему старшему офицеру, мне хватит забот и об отрядных проблемах. Оба командира сейчас направляются на свои новые корабли, причем каждый с костяком его будущей команды. Вы будете советником, и поверьте, в Англии о вашей роли ничего не узнают. Оплата у нас наличными! Ну что, с

командами вы поговорите, или лучше мне?

— Интересные у вас методы убеждения... Давайте лучше я. Я же их вербовал на перегон, мне и объяснять, что пункт назначения изменился.

Беседа с командой прошла без эксцессов и неожиданностей. Заартачились лишь два британских офицера — видать, работа на русских за деньги для них была более неприемлема, чем неоплаченный рейс и обвинения в перевозке военной контрабанды. Они, вместе с японской частью команды были препровождены на «Марью Ивановну», где и вынуждены были скучать до конца рейса.

А потом начался вялотекущий ад.

Глава 6

Гонки эстонских гончих

Тихий океан, у побережья Японии. 14 февраля 1904 года.

Уголь. Проклятье моряков конца XIX-го — начала XX-го века... Тысячи тонн угля надо засыпать в мешки, на спине вытащить из трюмов угольщика, вечно заполненных туманом угольной пыли. Потом на лодках перевезти на другой корабль, и там долго тащить их по узким коридорам до вечно голодного зева угольной ямы... А через неделю хорошего хода — мочало с начала. Даже с использованием предложенного Рудневым конвейера погрузки (подсмотрен у немецких баз снабжения второй мировой, впоследствии общепринятый способ) для погрузки угля на гарибальдийцев времени не было. Слава Богу, что натянутые канаты позволяли грузиться на малом ходу. Теперь по пол дня один из «Гарибальдей» шел бок о бок с угольщиком, а по связывающим их канатам катились нескончаемой чередой мешки с углем. «Варяг» нарезал круги вокруг своих подопечных, как чокнутая овчарка вокруг стада. Он на полном ходу кидался в сторону любого дыма на горизонте или мелькнувшего в дымке паруса. Все посудины, шедшие под японским флагом, топились без разговоров после снятия команды, эта участь постигла три шхуны рыбаков и парочку мелких каботажников. Любой пароход с грузом, предназначенным для Японии, ждала та же участь. Не повезло норвежскому «Слейпниру», ну кто его просил везти в Нагасаки из Аргентины груз селитры и мороженного мяса именно сейчас? Зато в рационах команд говядина наконец-то сменила опостылевшую рыбу с рисом. Нейтралы, не имеющие на борту контрабандного груза, ставились перед выбором — свидание с Нептуном или следование за караваном судов до траверза Владивостока с последующей выплатой компенсации за вынужденный крюк маршрута. Оба встреченных парохода, оказавшиеся «не при делах» — голландец и американец сейчас плелись в хвосте каравана, каждый с дюжиной вооруженных русских матросов на борту. «Охламон» ушел во Владивосток круглым путем, через Татарский пролив.

Кстати, о конвейере. Когда наутро после захвата «Мари-Анны» Руднев в первый раз попытался объяснить господам офицерам, что именно им предстоит делать, то от него потребовали объяснения нового термина. Вездесущий Балк выручил замывшегося капитана (ну как объяснить о серийном производстве автомобилей, если его пока еще нету?) рассказал старую (для него) хохму об американце Форде, к которому одновременно пришли в гости пять любовниц. Следующие пять минут офицерское собрание не могло нормально функционировать из-за всеобщего сдерживаемого смеха. Руднев все это время сверлил Балка пристальным взглядом, то и дело сам прикрывая рот рукой. Сдерживать удавалось до того момента, как жизнелюбец Нирод, задумчиво глядя в потолок, не выдал со своим фирменным графским грассированием — «Доживу до Владивостока, всенепГемено попГобую!». Так или иначе, но идею господа офицеры усвоили, пусть и каждый своим путем.

На мостике «Варяга» вяло переругивались два замученных недосыпом человека.

— Нет, Вась, ну ты мне все же скажи. Ну зачем, зачем ты ТУДА полез? С голой пяткой на шашку, я имею в виду.

— Петрович, не начинай, а? Ну тебе что, больше поговорить не о чем?

— До следующего парохода на горизонте таки да, не о чем. Ты полюбуйся на себя! Как мне сказал доктор, на руке «повязка на небольшом, всего-то полтора дюйма длиной, порезе, сверху слой мази от ожогов, поэтому шикарный синяк вы видеть не можете»! Ну за каким хреном ты там выпендриваться стал? У тебя и людей было больше, и оружия, и торопиться было некуда... Зачем? Крутизну показать? Кому? Или ты стрелять разучился?

— Да риска вообще никакого не было! Я же заранее в мастерской сделал наруч...

— Так ты этот цирк еще и спланировал заранее? Говорите, подсудимый, говорите. Все что вы скажете...

— Да помолчи ты, балаболка в погонах каперанга! Был бы у нас пиратский фрегат, а не крейсер, тебя бы команда за одну твою привычку перебивать тосты и длинные разглагольствования бы за борт выкинула. Я еще когда ТАМ был молодым, увлекался историческим фехтованием, как из армии меня выперли... А под одеждой его вообще не видно, ну а сделал я его вообще, чтобы над урядником приколоться, еще когда мы тренировались. Видел бы ты его глаза тогда! Прикинь, сначала я сую руку под удар, он думает, что покалечил офицера, а там металлический звон. Ну извинился я, а потом подумал — чего добру пропадать-то? Ну и взял с собой, на всякий случай. Думал, правда, как припрет, просто рукой по переборке грохну или удар ломом заблокирую, ну а как все вокруг станет «голубым и зеленым»...

— А когда это древнерусские наручи стали вдруг вспыхивать синим пламенем? После вмешательства Мерлина, не иначе?

— И кто же наябедничал? Секаи?

— Да нет, казаки лапшу нашим матросикам на уши вешали о вашем геройстве, ну и я послушал.

— Я когда светошумовые делал, у меня грамм пятьдесят магния осталось...

— Доктор премного благодарен за разоренную фотолабораторию, кстати.

— Для полноценного пакета этого мало. Ну а для того, чтобы тот, кто лупанет мне по левой руке, ослеп и прифигел — в самый раз. Пару десятков капсюлей распотрошил, полосочку бертолетовой соли как детонатор — и готово.

— И чего же это ты такой умный уже второй день с повязкой на руке щеголяешь?

— Да кто же знал, что не очень хорошую сталь эта гадская катана все же прорубает?

— А мазь от ожогов?

— Ну ладно. Про то, что магний — это горячо, я забыл. Повесь меня на нее за это, и давай уже прекратим нудить по этому поводу, хорошо?

— Ты мне так и не объяснил — зачем это тебе понадобилось?

— С Японией нам по любому надо мириться, и побыстрее. Вот с этого Секаи и начнем.

— Интересный у тебя метод набиваться в друзья! Прорубить ногу, ослепить вспышкой, оглушить ногой по голове для гарантии, а потом мириться? Если доктор будущего друга спасти успеет, конечно...

— Не ослепи я его, он бы меня порубил на крупный фарш! Он-то, в отличие от меня, с мечом управляться умеет! А насчет помириться, вернее, найти союзника, — мой способ, может, не самый простой, но зато самый надежный. Сначала побить, а потом не добивать. Великодушие должно быть подкреплено силой! Уж он-то понимает, что добить его мне было проще, чем оставлять в живых. Если хочешь, давай заключим пари, что как только он встанет на ноги, мы с ним начнем фехтовать на боккенах.

Вялотекущая грызня высшего офицерского состава эскадры была прервана криком

сигнальщика — «Дым слева по курсу»! Опять колокола громкого боя, опять «Варяг» в клубях дыма увеличивает ход до восемнадцати узлов, на большее без риска поломки его машины уже не способны, и отрываясь от эскадры, несется на пересечку. На баке скатившийся с мостика Балк со своим отрядом сорвиголов усаживается в реквизированный с «Кассуги» катер. Канониры, некоторые из них босиком, прилетевшие из своих коек, куда они только полчаса назад ушли с вахты поспать свои законные пару часов, занимают свои места и готовятся к бою или остановке транспорта огнем. Но в этот раз вся беготня ни к чему. Похоже, фортуна подкинула «Варягу» очередной тест на сообразительность, который нельзя решить с помощью пушек — из-за линии горизонта показался японский пассажирский лайнер «Токио-Мару», обслуживающий линию Сан Франциско — Токио. Он хоть и числится в судовом реестре как потенциальный вспомогательный крейсер японского флота, но не топить же корабль, полный пассажиров! И прет это Мару,^[49] как назло, на пересечку курса «Корейца» с «Сунгари», которых ему видеть ни в коем случае нельзя. Приходится бедному «Варягу» разворачиваться, нестись обратно к подопечным, сигналить о срочной смене курса и обходить досадную помеху со стороны моря. Потеря нескольких часов времени, десятков тонн так тяжело перегруженного угля, и бесчисленного количества нервных клеток, сгоревших в бесплотных попытках угадать — разглядели на японце, кто от них удирал, или нет? А если не разглядели, доложат по прибытию о подозрительном крейсере и дымах на горизонте или нет? А если доложат, какие меры примет японское командование? Куча вопросов, на которые нет и не может быть ответа...

Едва закончили маневр по обходу пассажира, «Кореец» начал пристраиваться к Мари-Аниной сиське, а «Варяг» опять рванул на перехват. На этот раз в сумерках на горизонте сигнальщикам показался парус. Впрочем, к счастью для японских рыбаков, или кто еще мог это быть, они не подходили к отряду настолько близко, чтобы их посудину было необходимо топить. Парус, мелькнув на горизонте, исчез. Но постоянные тревоги, броски в противоположенные стороны за день измотали людей до крайности. А до Владивостока таких дней еще минимум три. «Варяг» физически не мог быть одновременно впереди, позади и с боков отряда. Рудневу до зарезу не хватало еще пары хотя бы ограниченно боеспособных кораблей. Гарибальдийцы на ходу, но вести огонь некому. Хотя...

После отбоя тревоги Руднев вызвал к себе бывшего артиллерийского офицера с «Корейца» лейтенанта Павла Гавриловича Степанова 8-го и вечную боль в заднице старшего офицера «Варяга» Степанова 3-го — Авраменко. Данной парочке была поручена практически невыполнимая задача — сформировать два сокращенных артиллерийских расчета для носовых башен «Корейца» и «Сунгари». Причем на всех ролях, не требующих особой физической нагрузки, лучше бы использовать легкораненых. На возражение Степанова, что он в башне был только кадетом на практике на «Сенявине» и не представляет, как работают башенные орудия вообще, и особенно системы Армстронга в частности, был дан оригинальный ответ.

— А кому сейчас легко, Павел Гаврилович? Что нормальных дееспособных башен мы не получим, я и сам понимаю. Мне надо, чтобы «Кореец» и «Сунгари» могли дать по одному залпу в упор, почти прямо по носу. Перезаряжаться, я понимаю, это практически не реально. Нет людей. Но этим залпом хотелось бы попасть куда надо, хотя бы с десяти кабельтовых.

— Да... Да это же даже теоретически невозможно! Первым залпом, пусть и на такой дистанции, первый раз стреляя из орудия незнакомой системы, с расчетом, не знакомым с конструкций башни... Я не смогу. Никто не сможет!

— Не волнуйтесь, возможность попрактиковаться в стрельбе я вам завтра попробую обеспечить. А вот за ночь вам придется организовать два расчета и разобраться в устройстве двухорудийной восьмидюймовой носовой башни на «Сунгари» и одноорудийной десятидюймовой на «Корейце». Одной будете командовать сами, второй пусть рулит Авраменко.

— А почему Авраменко?

— Он у меня самый недисциплинированный, но при этом наиболее умный и соображающий комендор. Так, Михаил?

— Так точно, Ваше высокоблагородие! Соображать-то мы можем, а вот спокойно сидеть на месте не получается, извиняемся.

— А второго артиллерийского офицера я вам дать не могу. Нет, увы, лишних...

— Ну, нет так нет. Всеволод Федорович, а можно тогда хоть устроить консилиум и попытаться разобраться в устройстве совместными усилиями всех артиллерийских офицеров?

— Не просто можно, а нужно! Я и сам поучаствую. А пока — отберите людей.

Покончив с организационными вопросами по приведению гарибальдийцев в ограниченно боеспособный вид, Руднев решил наконец воспользоваться правом на давно заслуженный сон. Однако у судьбы в виде Балка были другие планы. В дверь засыпающего командира забарабанили.

— Что, японцы? Почему не пробили тревогу? Ход до полного, на пересечку! А, МАТЬ ВАШУ!!!

Раненой ногой о стул да спросонья — это больно. И вдвойне обидно, когда слышишь в ответ:

— Это я, Балк. Разрешите войти?

— Входи, входи, зараза. Чего тебе не спится?

— Ты газеты, что мы со «Слейпнира» сняли, читал, вашбродь?

— Ну и ради чего ты меня заставил больной ногой стул таранить? Какие такие новости стоят того, чтобы лишать старого больного кэпа его заслуженных трех часов сна? Папарацци опять поймали Бреда Пита в спальне его дочери? А, нет, не тот век, сорри. Микадо сделал харакири?

— Ты что про «Манчжура» помнишь?

— Канлодка, систершип «Корейца», в момент начала войны в Шанхае, там всю войну и проторчал, интернирован по приказу из Питера, несмотря на просьбу командира разрешить пойти на прорыв. И правильно, кстати, не разрешили. Его Сима на выходе ждала, верная для него гибель. Без шансов. Любопытство удовлетворено, можно спать дальше?

— А кто такая Сима?

— Еврейка знакомая!!! Да чего ты сюда приперся, скажешь или нет?

— «Таймс» пишет, что «Манчжур» ушел из Шанхая на следующий день после того, как «нас достигли известия о гибели „Варяга“».

— Не может быть! Перепутали они что-то, я точно помню, что...

— Я тоже помню, что «Манчжур» интернировался.

— Да что ты можешь помнить, крупа серая!^[50] Ты еще месяц назад вообще вряд ли помнил, что была такая война, Русско-Японская!

— Слушай, ваше сонное высокоблагородие, не хами. Я перед переброской два дня не лысого гонял и водку пьянствовал, а читал и запоминал все, что смог найти в компе по этой

самой войне! И на суше, и на море. А запоминать меня еще в молодости приучили. ГРУ, однако. У нас и спецназ тоже соображать и анализировать уметь должен был. И все же, причем тут некая Сима?

— Это один из старых японских крейсеров. «Мацусима», «Йокоцусима», и, убей не помню, третий «Какаянахренсима». Одна из них ждала «Манчжура» на выходе, сунься он на прорыв, и ему бы ее хватило, за глаза. На борт полдюжины скорострелок, помнишь, сколько «Кореец» против «Чиоды» продержался? Тут было бы еще быстрее. Думаешь, ничего бритты не перепутали? А что они вообще пишут, прорвался, потоплен, вернулся после боя?

— Просто «ушел ночью с поисковой партией на поиски экипажа „Варяга“». Что-то мне подсказывает, что без Вадика здесь точно не обошлось. Наверняка он решил ускорить свою дорогу до Питера. И правда, на «Манчжуре» в Порт-Артур, а там поездом, это всяко быстрее чем на пароходе вокруг всей Азии, а потом еще до Одессы.

— Я его за эту самодеятельность самолично на рее вздерну! Ему серьезное задание дали, объясниться с Николашкой, а он, сука, героем решил стать? Старое корыто в Порт-Артур привести? Мальчишка! Мог не на пароходе, а поездом до Циндао, а уже оттуда в Порт-Артур. Ведь все варианты мы перед отправкой обсудили, ну куда он полез? Нарвется на любой блокадный крейсер — утопят, как котят. Координат минных полей у них тоже нет. Не тот курс выберут, и привет «Боярин», привет «Енисей»!

— Ну не нервничай ты так, может, его еще японцы потопят по дороге, все и образуется.

— Для него так было бы лучше, согласен.

Шанхайские записки капитана второго ранга Н. А. Кроуна

Несмотря на мои неоднократные просьбы разрешить попробовать прорваться ночью или в плохую погоду, Петербург и Наместник были неумолимы, требуя «разоружиться во избежание ненужных жертв, ибо устаревшая канонерка не может повлиять на баланс сил на море». Уныние охватило офицерский состав и команду, война, к которой мы долго готовились, должна была пройти мимо нас. Экипаж уже было начал готовить лодку к длительному хранению, но тридцатого января случилось нечто, заставившее меня первый раз нарушить прямой приказ вышестоящего начальника — в Шанхай пришел катер с выжившими моряками «Варяга» под командованием младшего лекаря Банщикова. Он и машинный квартирмейстер, управлявший катерной паровой машиной, были единственными относительно здоровыми на борту, хотя синяки и ссадины на лице врача явственно свидетельствовали, что и ему тоже досталось. Двое кочегаров были легко ранены, остальные две дюжины пассажиров были ранены тяжело и по большей части находились без сознания... От него я узнал наконец подробности неравного боя, из которого «Варяг» с «Корейцем» вышли победителями по все статьям. Даже «Таймс» не могла не восхититься невероятным исходом сражения. Хотя британцы и не смогли удержаться и не пнуть походя русских моряков за «неспровоцированное минирование рейда нейтрального порта».

Прочитав это, лекарь с горькой усмешкой рассказал о залпе шестидюймовок «Асамы» и о детонации и разлете мин, сгруженных перед боем с «Варяга» и

«Корейца» на «Сунгари». В той недоговоренности и явной неохоте, с которыми лекарь описывал последующую гибель «Варяга» от полученных в бою повреждений, я тогда увидел страх показаться трусом, ибо он остался единственным выжившим членом кают-компании.

После двухчасового рассказа о бое Банщиков показал нам с прибывшим на борт «Манчжура» консулом П. А. Дмитриевским записки М. Ф. Руднева, содержащие выводы по характеристикам японских и русских снарядов и рекомендации по дальнейшему ведению боевых действий. Читая эти документы, которые мне тогда представлялись записками с того света, я не мог поверить, что такой объем полезной информации может быть вынесен из одного короткого боя. И я был абсолютно согласен с тем, что эти записки должны были любой ценой попасть в Петербург с максимальной срочностью.

Проводив доктора и консула на телеграф и приставив к ним вооруженный караул, во избежание, как витиевато выразился Михаил Лаврентьевич, «провокаций со стороны японских спецслужб», я вернулся на борт вверенной мне лодки. Где выяснил, что оставлять без присмотра машиниста и кочегаров с «Варяга» было большой ошибкой. За те несколько часов, что меня не было на борту, они успели рассказать свою версию боя всей команде. Из их рассказа следовало, что «Кореец» чуть ли не в одиночку утопил «Асаму» и заодно избил «Чиоду» до полусмерти. В результате на борту меня поджидал бунт. Впрочем, бунт весьма оригинальный. Вся команда, одевшись в чистое, выстроилась во фронт на верхней палубе и требовала немедленно идти в бой, «дабы не посрамить памяти однотипного с „Манчжуром“ „Корейца“, в одиночку утопившего „Асаму“». Последним сюрпризом дня было то, что офицерское собрание, прошедшее, беспрецедентное нарушение устава, кстати, без меня, единодушно высказалось за скорейший выход в море.

В общем, дальнейшее вам наверняка известно — собрав все находившиеся в порту джонки, мы с консулом ближе к вечеру выплатили каждому капитану, пожелавшему принять участие в спасении экипажа „Варяга“, по десять рублей, и посулили еще по сотне за каждого спасенного моряка — на столь астрономической сумме вознаграждения настоял Банщиков. В результате, начиная с семи вечера и до утра, из Шанхая и окрестных деревень всю ночь вниз по реке шел караван джонок и мелких пароходиков. Мы подняли на „Манчжуре“ фальшивые паруса китайского образца, дабы походить на джонку при беглом взгляде, и влились в процессию около полуночи. В порту при этом пустили слух, что канонерка переходит вверх по реке в Нанкин, дабы обезопасить себя, если капитан глубокосидящей „Мацусимы“, караулившей его в устье реки, решит атаковать лодку в порту, как было при Чемульпо.

„Манчжур“ проскользнул около трех часов ночи, в самую темень. По выходу из порта мы действительно пошли вверх по реке и, обойдя остров Чуньминдао, ^[51] вышли в море и сразу же по небольшим глубинам пошли на север. Нам очень сильно помогло то, что наш штурман успел еще до войны изучить фарватеры нижнего течения Янцзы от и до, не хуже местных лодочников. „Мацусима“ металась всего в тридцати кабельтовых к юго-востоку от нас, пытаясь осветить прожекторами все проходящие мимо нее суда

одновременно. Для этого ей приходилось постепенно склоняться на юг от устья реки, следуя за основным потоком джонок.

К утру следующего дня мы благополучно прибыли в Порт-Артур, где, по настоянию Банщикова, запросили по беспроводному телеграфу лоцмана для прохода минных полей. Лекарь Банщиков, кстати, категорически отказался следовать в Порт-Артур более безопасным путем через Циндао, мотивировав это тем, что сейчас на счету каждая минута. Именно это он сказал и на общем собрании команды перед выходом в море, и несколько раз повторил комендорам, что огонь можно открывать, только если „Мацусима“ нас обнаружит. Как он тогда сказал, „Мацусиму“ мы с вами все одно потопим, не сейчас, так потом, а вот довести до Артура записи Руднева надо сейчас, и во что бы то ни стало».

Тихий океан, у побережья Японии. 15 февраля 1904 года.

За ночь в темноте, неся все отличительные огни, отряд кораблей во главе с «Варягом» прошел узость Сангарского пролива между японскими островами Хоккайдо и Хонсю, тем самым были лишний раз подтверждены две старые истины — дуракам везет, и наглость — второе счастье. Но, с другой стороны, нормальной системы дозоров и береговой обороны в начале войны японцы еще не создали.

На рассвете произошла весьма неприятная встреча. Из утреннего тумана выполз небольших размеров пароходик, тонн так на полторы тысячи, и что-то радостно засемафорил «Варягу». Ситуация осложнялась тем, что стрелять из пушек сейчас категорически не рекомендовалось. Ввиду близости берега стрельбу могли услышать и поинтересоваться, кто это палит в водах империи восходящего солнца? А с учетом того, что поиски пропавших гарибальдийцев уже наверняка начаты, кто-нибудь в штабе Того мог сложить два и два. Руднев провел на мостике бессонную ночь в ожидании неприятностей, и наконец дождался их с рассветом, как только он расслабился. Данный факт никак не улучшало его настроения, и так испорченное двухдневным недосыпом, поэтому его обращение к вахтенному сигнальщику Вандакурову больше походило на рычание волка в капкане, чем на нормальный приказ.

— Отвечай!

— Ваше благородие, а что отвечать-то? Неужто вы поняли, что они пишут? И на каком языке отвечать, я японским-то не владею...

— Еж твою мать в ее толстую задницу по международному коду!!! Отвечай что угодно, только быстро, пока они не опомнились! На руле — курс на сближение, машины — средний вперед.

Не успел еще Руднев проорать свою емкую и образную речь до конца, как Вандокуров защелкал семафором, по движению его рук Руднев и все остальные находившие на мостике явственно читали: «... задницупо международному коду». Закончив отправку сообщения и сияющий улыбкой во все свои тридцать два зуба, Вандокуров повернулся к капитану с неожиданным вопросом:

— Ваше благородие, а разрешите, я его еще в задницу по-японски пошлю?

— Ну вот, а говорил, японским не владеешь! Посылай, конечно. А откуда знаешь, как?

Не отрываясь от передачи второй части сообщения (нравы на «Варяге» стремительно либерализировались, на что сквозь пальцы смотрели все, кроме старшего офицера), Вандокуров пожал плечами:

— Дак, вашбродь, я по-японски только посылать и умею! Да и то, токмо морзянкой. Эдак тому с полгода назад с сигнальным с «Чиоды» пили вместе, ну, после третьей тот и поделился, как морзянкой посылать. Я ему на русском, он мне на японском, ну, я не он, это япошки на выпить слабаки, не мы, еще трезвый был, вот и запомнил.

Руднев понимающе хмыкнул и переключился на более насущные проблемы.

— Балк! Свистать твоих абордажников на верх! На пулеметах, как подойдем к этому

уроду на пять кабельтовых, дайте пару очередей поверх рубки! Как только японец застопорит машину, мы с ним в притирку пройдем, а вы в шлюпку и гребите к нему. Взрывать его тут не стоит, придется хоть на двадцать миль от пролива отвести, а там или подрывными патронами, или если рядом никого не окажется, потренируем наши свежееиспеченные расчеты башен на «Корейце» и «Сунгари». Я им давеча обещал практические стрельбы.

На приближающемся пароходе были сильно озадачены абракадаброй, переданной с приближающегося головным крейсера, но специфически-японское завершение передачи «И чтобы тебя в аду любили Западные демоны» не оставило у капитана сомнения, что он каким-то образом поставил свой пароходик поперек дороги Японского Императорского флота. Так что последовавший приказ лечь в дрейф если и вызвал удивление капитана, то только потому, что был передан по международному коду, «неужели эти вояки не разглядели восходящее солнце у меня на корме?» и сопровождался пулеметной трескотней. Зачем? Он, как и любой подданный Микадо, и так готов на любые жертвы ради флота Восходящего Солнца! С крейсера, медленно подошедшего на четыре кабельтова, слетела в воду шлюпка, полная вооруженных людей, и под размеренное гиканье гребцов понеслась к трапу каботажника.

Через пару часов японец дымил в голове каравана на своих максимальных тринадцати узлах, медленно удаляясь от остальных кораблей под конвоем крейсера. На мостике «Варяга» запыхавшийся, но довольный Балк докладывал командиру и собравшимся полубопытствовать офицерам о захвате.

— Типичный каботажник, старая калоша. Полторы тысячи тонн, следует в балласте в Токио. Ничего интересного, кроме названия.

— И как же это чудо, столь некстати попавшееся нам на дороге, называется? — С трудом подавив зевок, поинтересовался Руднев.

— «Хуяси-Мару». — Отчего-то вполголоса ответил непривычно смущенно выглядящий Балк.

— Как-как? — С мостика донеслись вопросы офицеров, не расслышавших имя жертвы.

— «Хуяси-Мару».

Этого старший помощник, по должности обязанный следить за порядком на борту, вынести уже не мог.

— Мичман Балк, что вы себе позволяете? Я понимаю, что наш командир нам всем порекомендовал почитать побольше литературы о пиратах, чтобы проникнуться духом каперства. Кстати, господа, кто опять не вернул Эксвемелина в библиотеку? Как не стыдно, господа! Но такие выражения на мостике крейсера Его Императорского Величества Российского флота категорически недопустимы!

— А я-то тут при чем? — взвился Балк. — Я, что ли, объяснялся с капитаном? У нас если помните, граф Нирод записной знаток японского, он и пояснил мне, отсмеявшись, что «хуяси» по японски «роща». Вполне нормальное, поэтическое название.

Старательно пытаясь не рассмеяться в голос, присутствующий на мостике Зарубаев попытался разрядить ситуацию:

— Да, не повезло кораблю с названием...

— Не повезло скорее капитану, — поправил его Балк, — я же с казаками высаживался, как обычно. Ну и Красный, Михаил, тоже там был, он нас на мостик и сопровождал. После того, как граф Нирод в третий раз переспросил название судна и в третий раз получил ответ

«Хуяси-Мару», он немного не разобрался в ситуации.

— Каким же образом? — Поинтересовался кусающий усы, чтобы не засмеяться, Руднев.

— Со словами, кажется, «ах, ты еще и лаиться на их благородие будешь, обезьяна желтая», съездил ему по зубам. Прикладом.

Отсмеявшись, офицеры разошлись кто спать, кто по вахтам. Руднев, поймав Балка на трапе, поинтересовался, и как все же на самом деле называется захваченный пароход.

— Как сказал, так и называется, «Хаяси-Мару». Но Красный и правда немного не расслышал... Так что, кроме одной буквы — все остальное чистая правда.

— Шалите, мичман, шалите. Ну да ладно. Еще через час снимайте с этой хуяси команду, судовые документы, все что покажется ценным или полезным, бар проверить не забудьте, кстати, а потом устроим артиллерийские учения.

— Слушаюсь, ваше высоко и так далее! Но какой бар на этой ржавой посудине прибрежного плавания ты надеешься найти? Пару бутылок дешевого сакэ? Так я их уже того, реквизировал.

Стрельбы ГК гарибальдийцев не удались. По мере приближения пары бывших японских подданных их пушки в первый раз грохнули с двадцати кабельтовых. Закономерный промах никого не удивил и не огорчил. Несмотря на малый ход броненосных крейсеров и отправку в погреба всей запасной смены кочегаров в качестве оружейной прислуги, перезарядить орудия удалось, только когда дистанция сократилась до пятнадцати кабельтовых. Промех с обоих крейсеров, как по дальности, так и по целику. На дистанции в одну милю крейсера застопорили машины, но три залпа с дистанции прямого выстрела тоже пропали втуне. Только сблизившись ползком на шесть кабельтовых, наконец, с седьмого залпа попали десятидюймовым снарядом в нос обреченного парохода. С полуоторванной носовой оконечностью пароход погрузился за пару минут. Даже оптимист Руднев должен был признать, что организовать и обучить нормальные расчеты для незнакомых оружейных систем на коленке невозможно. Дальнейшую отработку методик стрельбы отложили до Владивостока, однако орудия на всякий случай оставили заряженными. Также в башнях оставили сокращенные расчеты, которые могли произвести один выстрел «куда-то в сторону супостата», хотя в целесообразность этой затеи уже никто не верил. Наибольшую проблему представляли даже не сами орудия, а прицелы и системы управления огнем незнакомой конструкции, отсутствие таблиц и тому подобные проблемы. В первый, но далеко не в последний раз, идея «обновленного» Руднева не привела к положительному результату. Главной проблемой были «автоматы разрешения выстрела». При нормальной работе эта хитрая механика производит выстрел, когда корабль находится на волне на ровном киле, что не позволяет качке влиять на точность стрельбы. Но вот именно нормальной работы добиться и не удавалось... А при стандартном запаздывании выстрела с полсекунды, даже на «пистолетной» дистанции пять кабельтовых и небольшой качке снаряд уходил минимум на шесть-восемь метров вверх или вниз. И или ложился недолетом, или, в идеале, попадал в трубу вместо борта. А если вспомнить еще и про килевую качку, то стрельба с не налаженной системой управления в море теряла всякий смысл.

День выдался достаточно туманным, и в связи с этим, несмотря на весьма оживленные воды, дальнейших встреч удавалось избежать. Встречные суда охотно шарахались в сторону от появляющихся из дымки силуэтов, гудящих во все гудки, русский караван любезно отвечал им тем же. На возню со встречными транспортами просто не было времени, и, что даже важнее, риск потерять в тумане уже захваченных подопечных не мог перевесить

сомнительной выгоды от утопления неизвестных грузов. Главной проблемой относительно спокойного дневного перехода было то, что грузиться углем в таких условиях было слишком рискованно. И хотя отряд шел экономичным ходом, уголь у гарибальдийцев должен был закончиться в трех сотнях миль от Владивостока. Единственной положительной стороной отсутствия дневной погрузки и встречных пароходов стало то, что впервые за три дня командам удалось нормально поспать.

Ночь в океане... Ни единого пятна света на горизонте, кроме приглушенного туманной дымкой гаккабордного огня идущего впереди корабля. Затемнение на корабле, когда вся верхняя палуба погружена в чернильную тьму. Мерное шлепанье винта по воде действует усыпляюще даже на бывалых мореманов, а уж на не слишком привычных к морю казаков эта обстановка и подавно производит довольно гнетущее впечатление. Добавьте к этому ночь в карауле на корме «Марьи Ивановны», где содержались пленные японцы с крейсеров и утопленных пароходов.

Мишка Красный был назначен урядником Шереметьевым в караул вне очереди, в наказание за утренний конфуз на «Хаяси-Мару». Хотя ни Нирод, ни Балк не предъявляли к казаку никаких претензий, кроме ржания в голос, урядник решил временно исключить его из абордажной партии и перевести в караульные на плавучую тюрьму, «дабы немного проветрил мОзги, а то что-то шибко дерганный стал Михайло». О чем и попросил Балка, у которого не нашлось возражений. Сейчас уссурийский казак вышагивал вдоль кормовых лееров парохода, с винтовкой на плече и наганом за поясом. Снизу, перебиваемая мерным «чаф-чаф» винта, доносилась японская речь, что еще более злило Мишку. Ну кто знал, что эта узкоглазая скотина не издевается над господами офицерами, а как и требовалось, называет название корабля? Теперь ему приходится торчать на этой ржавой, засыпанной угольной пылью посудине, охраняя никому не нужных япошек посреди моря, пока остальные братья-казаки отсыпаются перед очередным трудным, но, черт возьми, интересным днем! Кто бы мог подумать, что захватывать чужие корабли в море может быть так интересно для потомственного казака! Хотя, как рассказывал этот странный мичман Балк, запорожские казаки еще в русско-турецкие войны промышляли абордажами на своих чайках, и не одна дюжина султанских судов потом ходила под русским флагом благодаря им. Но в наши времена захватывать пароходы? В голове не укладывается...

Хотя тот же Балк что-то говорил про, как же он там сказал... А, «морская пехота», во! Ну, оно, конечно, казакам в пехоту как-то не охота. Хотя его отец как раз из пешего пехотного полка в казаки-то и попал... Но если будут и морские казаки, то, наверное, он будет в первой дюжине! А ведь еще две недели назад он о море и думать без дрожи не мог. Весь его морской опыт заключался в переходе из Артура в Чемульпо, когда его жутко укачало, да еще надо было следить за конем, и неудачной попытке вернуться обратно на «Корейце».

Зато потом наплавался, нет, плавает только мусор и еще кое что, находился, во! Теперь, после прорыва на «Варяге», когда бояться было некогда, потому как приходилось постоянно тушить пожары, носясь по палубам, после сумасшедших прыжков с корабля на корабль на веревках и полудюжины взятых на абордаж пароходов никто и не поверит, что Мишка Красный когда-то боялся моря. Причем это когда-то было всего две недели назад.

Погруженный в свои мысли и обиду, Красный не заметил, что вместо положенных обходов вдоль борта кормовой части парохода он уже с полчаса стоит под единственной горящей на палубе лампой, посасывая давно уже погасшую трубку. Поэтому о том, что пара

матросов и капитан «Хаяси-Мару» пальцами отвинтили штормовую задрайку иллюминатора, забрались по линии на верхнюю палубу и украли спасательную шлюпку, стало известно только утром. А уж о том, удалось ли им добраться до берега, поднял ли их на борт проходящий мимо корабль или им суждено было пропасть в океане, узнать до конца войны было практически нереально. Но, в любом случае, сейчас на первое место вместо скрытности выходила скорость. Погоня могла начаться уже утром.

Но следующее утро выдалось еще более туманным, и движение в караване было признано на офицерском совете слишком опасным, потерять в тумане свежеворованные крейсера в море, где шастают японские корабли — это было бы слишком. Поэтому за день вынужденного простоя решили сделать кучу нудных, но нужных дел. Пришвартованные с обоих бортов к «Мари-Анне» гарибальдийцы бункеровались достаточно для того, чтобы без дальнейшей акробатики дойти до Владивостока. Шлюпки тем временем свезли на «Варяг» капитанов вынужденно сопровождающих русских судов, и отряды русских моряков, на этих судах находившихся. Там им, готовым к худшему, ибо о побеге уже было известно и ожидалось репрессии вплоть до утопления не причастных, было заявлено следующее. Утром следующего дня они могут следовать, куда им будет угодно. Кроме того, каждому капитану была вручена расписка о том, что «предъявитель сего действительно был вынужден отклониться от своего маршрута по настоянию командира крейсера Российского Императорского Флота „Варяг“ на шестьсот миль, просьба казне возместить ущерб». Балк, как всегда, не удержался пошутить, и теперь документ был выполнен в таком стиле, что для получения по нему денег из казны бедняге-капитану придется немало побегать. Единственным судном, сопровождающим отряд до Владивостока, осталась «Мари-Анна». Там ее последняя тысяча тонн угля будет оплачена русской казной и весьма пригодится владивостокским крейсерам для крейсерства. Взамен капитан освобождался от обвинений в контрабанде и «Мари-Анна» оставалась его собственностью, а не конфисковалась в казну. Ну а пока до Владивостока она попутно исполняла роль плавучей тюрьмы. Именно в этой тюрьме, вернее, в каюте доктора имел место весьма интересный разговор победителя с побежденным.

— Я не совсем понимаю вашего упрека, Балк-сан. Да, я действительно дал слово, что ни я, ни кто либо из моих людей не предпримет попытки самоубийства или саботажа до Владивостока. Но я не могу поручиться и за моряков с остальных захваченных вами судов. Причем даже захоти я это сделать, я не имею над ними никакой власти, и просто физически не в состоянии за ними следить. Это уже работа ваших караульных, и я искренне рад, что они с ней не справились.

— Секари-сан, я ни в коем случае не пытаюсь вас ни в чем упрекнуть. Я просто ввожу вас в курс происшедшего как самого старшего по чину японского офицера на борту. И я был бы вам очень признателен, если бы вы могли провести с находящимися на борту соотечественниками разъяснительную беседу. Я очень хочу избежать ненужных жертв, а при дальнейших попытках побега они, боюсь, неизбежны. А насчет радости, чему именно вы так рады? Тому, что трое подданных Империи Восходящего Солнца скорее всего замерзнут в спасательной шлюпке насмерть?

— Ну, если вы так уж не хотите жертв, зачем вообще было «Варягу» прорываться из Чемульпо, притворяться мертвым, захватывать «Ниссин» с «Кассугой»?

— Простите за напоминание, но на МОЮ страну напали. Я готов признать, что Россия во многом была не права в корейском вопросе. Я уверен, что можно было найти

компромисс, и дипломатов как из нашего, так и из вашего министерств иностранных дел надо развешать на одних столбах.

Секаи сдержанно понимающе улыбнулся, Балк ответил ему тем же.

— Но все же, именно Япония начала боевые действия. После этого, мы, офицеры и команда «Варяга», обязаны были драться. Наносить ущерб противнику всеми доступными средствами. Кстати, вы сами на «Ниссине» делали то же самое, не так ли?

— Я, вернее, мы, выполняли свой долг самураев перед императором и Японией!

— Ну, в общем-то мы делали то же самое, только с другой стороны. Обидно другое. Ведь по сути эта война не нужна ни Японии, ни тем более России.

— Как это нет смысла для Японии? Мы сидим на островах, нам отчаянно нужен путь на континент. Мы столетия пытались зацепиться за Корею и Китай, МЫ разбили китайские армию и флот, МЫ штурмом взяли Порт-Артур, а потом ВЫ пришли на готовенькое и забрали его себе? И еще имеете наглость требовать Корею? Почему мы не можем быть равноправным игроком на мировой арене? Потому что мы желтые, а не белые?

Броня невозмутимости самурая дала даже не трещину, она натурально раскололась пополам. Похоже, Балк наступил японцу на давно больную мозоль.

— Секари, я с вами абсолютно согласен, Россия действительно откусила больше, чем может проглотить и больше, чем ей самой надо. Нам на самом деле не нужна Корея, мы ее никогда и не требовали. Северная Маньчжурия — еще туда-сюда, а Корея России не очень-то и нужна. И я искренне надеюсь, что в Петербурге одумаются до того, как эта война зайдет слишком далеко и пройдет точку невозвращения.

— Балк, даже если вы искренни в изложении своей точки зрения, во что я, если честно, не верю, я не понимаю, зачем вы мне это рассказываете. И что это за точка невозвращения?

— Это когда вы сожгли ровно половину начального запаса угля. И вам надо решаться — или возвращаться назад, домой, или идти вперед, в неизвестность, уже не имея возможности повернуть. В любой войне рано или поздно тоже наступает момент, когда вернуться к исходному состоянию уже невозможно, и придется воевать до конца. Твоего или противника. Пока еще у России с Японией есть шанс разойтись малой кровью. И я бы очень хотел, чтобы в Петербурге одумались и пошли на разумный компромисс. В связи с этим я хотел бы вам сделать одно предложение. Как вы видите свое будущее на ближайшее время?

— Это я вообще-то у вас хотел спросить, уважаемый Балк, как вы в России поступаете с пленными японцами?

— Сам не знаю. Подозреваю, что процедура еще не разработана в связи с отсутствием пленных японцев. Так что у вас есть все шансы стать подопытным кроликом. Но есть и более приятная альтернатива. — С жизнерадостной улыбкой сообщил собеседнику Балк.

— И какая же?

— Мне, вернее НАМ нужен кто-то, кто сможет в нужный момент донести до императора Японии весть, что в России хотят мира больше, чем войны...

С Секаи можно был рисовать фигуру скепсиса. Станиславский со своим «не верю» отдыхал по полной программе. Самурай без слов, одним своим видом, давал понять Балку то же самое гораздо более эффективно и красноречиво. Наконец через пару минут, когда мичман начал повторяться, Секаи прервал его резким жестом.

— Балк, хватит с нас театра. Объясните, что именно вам нужно на самом деле. Я, признаться, ожидал, что вы меня будете склонять к измене моему императору, но вместо этого вы предлагаете мне принять от вас измену вашему... И это после того, как именно вы

сыграли ведущую роль в захвате двух новейших единиц Японского линейного флота... Ну не могу я в это поверить. И технически процесс согласования переговоров министерств иностранных дел через нейтральных посредников давно отработан, а к императору я, знаете ли, не вхож.

— Я России изменять не буду ни при каких обстоятельствах. Но когда для России и Японии прекратить войну станет взаимовыгодно, посредники, особенно с британскими паспортами, могут нам только помешать. Я думаю, что через полгода-годик, когда ни мы, ни вы не сможем достигнуть никаких существенных результатов ни на море, ни на суше, война всем надоест. Но никто не захочет ПЕРВЫМ признаться в желании пойти на переговоры, ибо первый просящий мира — проигравший. А тут вступает в силу древнее правило — «горе побежденным»... И в результате мы или вы получите соседа, готовящего реванш. Пусть не через год, не через десять лет, но еще при жизни нашего поколения этот скрытый нарыв наверняка опять прорвется.^[52]

— И что? Вы думаете, мы с вами можем остановить неизбежное? И вообще, вы обращаетесь не к тому японцу. Первое, что я намерен сделать по прибытию а Японию, это попросить императора разрешение на сеппуку. Ибо я не выполнил его задания.

— Почему? Командовали перегоном не вы, а к состоянию машин крейсеров, за которое вы и были ответственны, претензий быть не может. Они практически идеальны.

— И под чьим флагом этот идеал сейчас функционирует? — Горько усмехнулся Секаи.

— Ладно, давайте продолжим разговор на верхней палубе, я для вас испросил у доктора разрешение на прогулку. И, кстати, захватил пару ваших боккенов, так что если вы почувствуете себя в силах, можем немного размяться.

— Я, если помните, немного хромаю. Вашими стараниями, кстати. Но пару движений я бы освежил с удовольствием... Ибо «самураю не пристало жаловаться на остроту своего меча». Значит, и на состояние здоровья тоже.

— «Хаге Куре» или «Бусидо»? — С интересом спросил Балк.

— Вы слишком много знаете для простого мичмана. Кто вы, скрывающийся под личиной Балка?

— Может как-нибудь и расскажу, хотя все одно не поверите. Ну что, пошли?

— Пошли. Только руку дайте, опереться.

Глава 8

Большие хлопоты после дальней дороги

Окрестности Владивостока. 17 февраля 1904 года.

Дальнейшая дорога домой была не столь насыщена запоминающимися подробностями. Гоняться за встречными пароходами не было времени, подконвойные суда были отпущены, а гарибальдийцы забункерованы с избытком. Единственным заметным событием была встреча с японским дозорным. В этой роли выступал вспомогательный крейсер «Америка-Мару». Из многочисленных мобилизованных и кое-как наскоро вооруженных японский пароходов только он имел тень шанса уйти от владивостокского «Богатыря», выскочи тот из порта на простор. Командир японца, капитан первого ранга Исибаси, однако, трезво оценивал свои шансы в потенциальном забеге с детищем немецких инженеров верфи «Вулкан». Его восемнадцать узлов против двадцати трех богатырских почти наверняка предвещали ему и его команде холодное купание, если встреча произойдет раньше, чем за два часа до заката. Памятуя об этом, он всегда держал под парами все котлы своего парохода. Сия мудрая мера предосторожности и спасла в конце концов и его, и команду заодно с посмеивающимися над «чересчур осторожным стариком» молодыми офицерами.

Сначала «Мару», привлеченный идущими со стороны Японии двумя кораблями с башенной артиллерией, пошел навстречу «своему» отряду.^[53] Но с полусотни кабельтовых сигнальщик разглядел «Варяга», нехоти высунувшегося из-за «Мари-Анны», за которой он до этого пытался прятаться. После недолгой, но бурной дискуссии, начавшейся с пожелания сигнальщику не пить перед вахтой, с листанием справочников Джейна и поминанием демонов и нехоти воскресших из пучины моря русских крейсеров, командир решил не рисковать. «Америка-Мару» развернулся и дал полный ход. Дружный залп с «Корейца» и «Сунгари», казалось, только добавил японцу прыти, ибо ни один из трех крупнокалиберных снарядов не лег ближе полумили от цели. Вслед пытающемуся уйти пароходу, выдававшему порядка девятнадцати узлов при заклепанных предохранительных клапанах на котлах, дружно застучали шестидюймовки «Варяга». За час погони «Варяг» приблизился на шесть кабельтовых и добился одного попадания. Казалось, что к его боевому счету можно будет добавить еще одну жертву, но фортуна наконец перестала играть в одни ворота. На горизонте за гарибальдийцами показались чьи-то дымы, и преследование пришлось прекратить...

Вечером в кают-компании «Варяга» собралось изрядно поредевшее по сравнению с последним сбором, имевшим место быть еще до захвата призов, офицерское собрание. Кто-то сейчас вел во Владивосток «Оклахому», кто-то страдал от нехватки сна на гарибальдийцах, пытаясь быть в пяти местах одновременно, а кто-то просто нес ходовую вахту на мостике. К утру, если не случится неизбежных на море случайностей, крейсер должен был подойти на расстояние, позволяющее связаться с Владивостоком по радио. После ужина мичман Балк попросил гитару у записного корабельного певца Эйлера. Господа офицеры, привычно заулыбавшись, стали ожидать очередной шутки Балка, с некоторых пор прочно занявшего неофициальное, но почетное место корабельного балагура. Помнится, неделю назад кают-компания имела пару дней относительного безделья, когда

гарибальдийцев еще только ждали, Балк всех немало повеселил пиратской песенкой... И теперь общество было готово снова грохотать кружками по столу в такт песне и дружно подтягивать полюбившееся — «эй, налейте, дьяволы, налейте, или вы поссоритесь со мною».

Но в этот раз намерения мичмана были немного иными. Первые аккорды, спокойные и размеренные, не слишком отличались от стиля песен, знакомых публике начала XX-го века...

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров,
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от детских своих катастроф.

Глаза Руднева, в последнее время ставшего, вопреки старой традиции русского флота, регулярным посетителем подобных посиделок, против чего никто не возражал, недоуменно вскинулись, потом он непонятно отчего нахмурился и почему-то пристально вперился взглядом в Балка (Петрович судорожно пытался припомнить текст слышанной когда-то песни уважаемого, но не слишком любимого автора, и оценить его на предмет соответствия духу времени и исторических несоответствий). Балк тем временем, неожиданно для ожидающих чего-то веселенького слушателей, перешел на совершенно чуждый времени ритм и звучание.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз.
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь —
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой, —
Тайну слова «приказ»,
Назначение границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

Слушатели уже поняли, что их ожидания несколько не оправдались, но песня, столь непохожая на все слышанное до сих пор, тем не менее захватывала. К счастью для офицеров «Варяга», они слушали не оригинальное исполнение, а несколько приглаженный для начала века вариант. Не столь хриплый и резкий.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить;
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

На лицах нескольких слушателей появились понимающие улыбки. Действительно, и для многих из них путь в море начинался со страниц прочитанных в детстве книг. Песня, столь странно и чуждо звучащая, все же была про них. Это они сейчас были на своей первой войне, а все, что было до, это все же детство и юность.

Только в грезы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав — столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще теплым мечом,
И доспехи надев, —
Что почем, что почем!
Испытай, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили — его, не тебя.

Мичман Губонин отчего-то часто заморгал и поспешно отвернулся в угол. Только теперь Вадик вспомнил, насколько он был дружен с покойным ныне Александром Шиллингом и как изменился после боя, став более замкнутым и резким как с подчиненными, так и с другими офицерами.

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал —
Это смерти оскал! —
Ложь и зло, — погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади —
Воронье и гробы!

Если путь прорубая отцовским мечом
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
С подлецом, палачом —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

Совершенно неправильное, по всем музыкальным канонам начала века, резкое и грубое окончание песни как гвоздем вбило основную мысль в уши слушателей. Притихшие и задумчивые офицеры разошлись по каютам, а Балка уволок к себе разъяренный Руднев.

— Ты бы хоть предупреждал! Ну и нафига? Тебе что, неймется? Славы первого абордажника российского парового флота тебе мало, подавай еще и ярлык главного барда страны?

— Да ладно тебе, нормальная песня. Никаких анахронизмов нет. Почему нельзя-то?

— Стиль никак в эту эпоху не вписывается. Понимаешь? Еще пара таких выступлений, и попалишь ты нас Василий, чует мое сердце.

Как будто отзываясь на слова капитана, в дверь осторожно постучали.

— Кто там? — Тонем, подразумевающим «кого еще черт принес», спросил Руднев. Черт, как ни странно, принес корабельного священника, отца Михаила. Войдя и плотно притворив за собой дверь, отец Михаил с минуту молча смотрел в глаза то Балку, то Рудневу, собираясь с мыслями и явно не зная, с чего начать разговор. Потом наконец выпалил.

— Господа, простите, но кто вы?

— Отец Михаил, простите, но я не понимаю вопроса. — Выразительно посмотрев на Балка, ответил Руднев.

— Судя по тому, что я каждое утро вижу в зеркале, я — Всеволод Федорович Руднев. А это — мичман Василий Александрович Балк, которого, я надеюсь, за героический абордаж его величество произведет в лейтенанты. Если сомневаетесь, можете по последней моде Петербургского полицмейстерства, Скотланд-Ярда и лично Шерлока Холмса проверить наши отпечатки пальцев. — С очаровательной улыбкой сообщил священнику Руднев.

— Ну, про отпечатки пальцев я не в курсе, Всеволод Федорович. Но вот отпечаток души у вас как-то подозрительно изменился. Я достаточно давно знаю и Руднева, и Балка, вы не они. Не мог Балк, не отличающийся особым слухом и никогда ничего в жизни не сочинивший, сам придумать эти песни. Не верю я, и что Руднев мог без приказа из-под шпика самовольно пойти на абордаж кораблей под британским флагом. У вас желания исповедаться случайно не возникало в последнее время?

— Батюшка, поверьте, если я исповедуюсь, то вы или меня в желтый дом сдать захотите, или святой водой кропить станете. Может, все же не стоит?

— Всеволод Федорович, а и мне тоже терять нечего. Боюсь, по возвращению в Россию меня святой Синод все одно сана лишит.

— Это-то еще почему? — Встрял в разговор необычно примолкший Балк, сразу же заработавший очередное зыркание командира.

— Ну так как же, господа! Я же командовал стрельбой из орудия. А как сказано «Ибо если кто погибнет от руки твоей, будешь извергнут из сана». Так-то вот. Но и не помочь раненному матросу, из последних сил напрягающемуся, чтобы перекрыть шум боя, было бы не по христиански. Одна из тех ситуаций, когда что не сделай, все не верно.

— Ну, во-первых, вы не командовали, а только увеличивали громкость данных, выдаваемых канониром, да и вряд ли та пушка хоть раз куда попала с таким наведением, так что никто от вашей руки не погиб. Это я вам как артиллерист гарантирую.

— А сие старцев из Синода интересоваться не будет. Намерение сиречь действие.

— Ну, я вообще никогда не понимал, как можно благословлять людей на совершение того, что сам делать не можешь или не хочешь. ^[54] А как же Пересвет с Ослябей? Я не прс броненосцы, а про...

— Юноша, не вам мне рассказывать, кто такие были Пересвет с Ослябей, поверьте. Они, в отличие от меня, были иноками, монахами, то есть не рукоположенными. А я совершил то, чего не имел права делать. А про благословение на бой... Ну, не нами заведено, не нам и менять. Хотя точка зрения ваша своей оригинальностью только подтверждает мои подозрения. Так как же насчет исповеди?

Наконец, Руднева, а вернее, его Карпышевскую составляющую, проняло. В конце концов, рано или поздно круг посвященных придется расширять, так почему бы не начать с батюшки? Особенно если он сам столь активно напрашивается на роль подопытного кролика для отработки методики вербовки сторонников. Уж лучше перед беседой с адмиралами и самолично Императором потренироваться на кроли... Гм. На батюшках.

— Ну, вы сами напросились, отец Михаил. Только попытайтесь поверить, козни дьявола тут не при чем, и я не сошел с ума. Все, что я вам расскажу, правда, хотя и весьма невероятная. Верить моему рассказу или посчитать, что я спятил от перенапряжения — ваш выбор. Потом вам «исповедуется» Балк, если захотите. А пока он выйдет и подождет

снаружи, чтобы вы не подумали, что мы сговорились. Василий, я сказал выйдет, а не станет за спиной отца Михаила на предмет физического решения возможных осложнений.

Смущенно пожав плечами, Балк, неведомо как оказавшийся за спиной отца Михаила, вышел в коридор, оставив, однако, дверь слегка приоткрытой.

— Потом вы выслушаете и его историю, и там уже сами решайте, что к чему. Итак. Я родился 15 сентября 1981 года...

Спустя три часа отец Михаил, отягощенный невероятными рассказами двух своих духовных подопечных, отправился в свою каюту, где и провел в размышлениях бессонную ночь. Даже если поверить рассказу Балка и Руднева, к чему он к утру склонился, ибо рассказанное было слишком бредово для вымысла и слишком разумно для бреда сумасшедшего (если вообще двое человек могут бредить одинаково), непонятно было, что теперь с этой правдой делать.

* * *

Утром следующего дня во Владивостоке проходило совместное собрание командования Отряда крейсеров, накануне вернувшегося из похода; гарнизона крепости, береговой обороны и руководства порта. Сие мало управляемое сборище в очередной раз пыталось прийти к единой стратегии ведения крейсерской войны, но как всегда, действовать все предпочитали по методу «лебедя, рака и щуки».

Неразбериха усугублялась шквалом непонятных телеграмм, полученных из Петербурга в последние два дня. В ней после логичного и понятного «в связи с переводом в Порт-Артур Николая Карловича Рейценштейна начальником отряда крейсеров назначается Карл Петрович Йессен, который немедленно выезжает из Порт-Артура во Владивосток» шла явная несуразица. «За действия по потоплению „Асамы“ Всеволоду Федоровичу Рудневу присваивается звание контр-адмирала с 28 января 1904 года». Какая разница, каким числом, если он потонул вместе с «Варягом»? Что, черт возьми, может означать «внимательно следить за сигналами с моря»? Зачем телеграфисты полдня потели, принимая и перепроверяя таблицы стрельбы десяти- и восьмидюймовых орудий системы Армстронга, которых отродясь не было не только во Владивостоке, но вообще в русском флоте? Для чего надо «рассмотреть вопрос о возможности размещения дополнительных 1000 человек экипажей»? Экипажей чего? Под шпицем явно чудили. Причем не только под шпицем — некоторые телеграммы приходили за подписью самого императора.

Долгое и нудное препирательство, в котором армейцы требовали все ресурсы бросить на обеспечение противодесантной обороны Приморья, командиры крейсеров снова рвались в море, побегать на коммуникациях японцев, как будто не вчера вернулись почти ни с чем, а портовое начальство осаживало их, указывая на недостаток запасов угля и слабость ремонтной базы, было неожиданно прервано вбежавшим в залу мичманом с «России».

— Господа, у нас на радиотелеграфе уже с полчаса кто-то упорно требует выслать лоцмана для проводки в порт через минные поля.

— И кто же это может быть, японцы? Дождались-таки? — Сразу же взвился командир гарнизона.

— А может, какой угольщик блокаду прорвал? — С надеждой в голосе на грядущие рейды пробормотал командир «Громобоя» Николай Дмитриевич Дабич.

Запыхавшийся мичман Орлов 2-й пожал плечами:

— Не могу знать, но творится что-то весьма странное. Половина отметок от станции типа Попова-Дюкрете, что мы используем. Вторая половина — явно Маркони, то есть вроде как японцы, они еще не все «Телефункеном» заменили. Но самое странное, что подписаны телеграммы «Варягом» и «Корейцем»! Чего уж никак быть не может.

Дружно сорвавшись с мест, господа генералы, капитаны и адмиралы кинулись приводить Владивосток и флот в боевую готовность для отражения атаки коварного врага.

Ближе к обеду, когда орудия крепости и крейсеров ВОКа были заряжены и наведены в сторону моря, на горизонте показались силуэты четырех кораблей. Все это время с моря шли истошные просьбы, приказы, а позже и угрозы с одним смыслом — вышлите на миноносце или хоть на чем лощмана. Но никто в крепости не хотел брать на себя ответственность за выходящие за рамки обыденности действия, и телеграммы одна за одной оставались без ответа. Постояв с четверть часа в виду крепости, корабли медленно в строю кильватера потянулись в сторону входа в пролив Босфор Восточный. Первым шел какой-то транспорт (несмотря на отчаянные вопли капитана «Мари-Анны», что он не подписывался идти первым по минному заграждению, Балк ответил, что русские, как настоящие джентльмены, всегда пропускают дам вперед, так что «Мари-Анне» придется идти первой). В крейсере, идущем за ним, после уменьшения дистанции до шести миль наблюдатели на Русском острове опознали «Варяг». Но вот за «Варягом»... В русском флоте не было ничего похожего. Хотя эта парочка явно итальянской постройки и шла под Андреевским флагом, тут чувствовался какой-то подвох. Артиллеристы были готовы открыть огонь, как только дистанция сократится до сорока кабельтовых, дальше орудия крепости ну не то чтобы совсем не могли стрелять, снаряды бы долетели, проблемы были с попаданиями, а также с тем, что никто в мирное время не учился вести огонь на такие дистанции.

Как будто зная об этом (впрочем, «как-будто» в случае с Петровичем можно опустить), неизвестные корабли нагло отдали якоря в пяти с половиной милях от берега, на траверзе острова Скрыплева. Один из них передал очередную телеграмму, причем матрос, принесший ее со станции телеграфа «Рюрика» господам офицерам, старательно, но безуспешно пытался сдерживать неподобающую ухмылку. Лица офицеров, читавших и молча передававших ее друг другу, слегка краснели. Общее мнение выразил командир крейсера Тусов:

— Похоже, это все же не японцы. Так могут лаяться только наши, этому научиться нельзя. Это у нас врожденное.

Почему-то подлинного текста телеграммы для истории не сохранилось. Даже журналы приема телеграмм на станциях радиотелеграфа Владивостока и крейсеров каким-то загадочным образом потеряли страницы, на которых она была записана. Но со слов очевидцев, если опустить крепкие выражения, из которых она состояла на девять десятых, то смысл ее сводился к следующему — «просьба тугодумам из крепости Владивосток не стрелять еще с полчаса, я выхожу на катере для опознания. Руднев». Действительно, с одного из броненосных крейсеров спустили паровой катер, он подобрал кого-то с борта «Варяга» и понесся к берегу, лавируя между льдинами.

Через сорок минут на пристани, вырываясь из объятий офицеров, смущенный Руднев пытался отдавать приказание о вводе в порт его кораблей, о необходимости приведения в готовность сухого дока и скорейшей постановки в него «Варяга», о неизбежном набеге Камимуры и мерах по его отражению, но его никто не слушал. Его и прибывших с ним офицеров на руках отнесли в офицерское собрание, навстречу кораблям его отряда

бросились два номерных миноносца, которые развели пары для атаки японцев, но теперь выполняли более приятную роль почетного эскорта.

Через три часа, уже в сумерках, когда «Варяг», «Кореец» и «Сунгари» заняли наконец свои места на рейде, а их команды почти в полном составе выстроились на берегу, перед ними появился слегка пьяный Руднев.

— Господа офицеры, братцы матросы, мои боевые товарищи. Мы с вами совершили то, что сделать было практически невозможно. Мы не только сократили линейный флот Японии на три единицы, мы еще и увеличили наш, русский, на парочку. Я лично буду просить Его Императорское Величество о наградах для каждого участника нашего похода. А пока я отпускаю все команды, за исключением дежурной смены, на берег на два дня. И если хоть в каком кабаке, ресторане или борделе вам хоть кто-то заикнется про деньги, я прикажу разнести этот гадючник из главного калибра, который вы своими руками подарили России! Разойдись и гуляй, ребята!!!

С громогласным «Ура!!!», сломав строй, команды бросились сначала качать капитана, а потом волной растеклись по значным местам города. Рестораны и салоны для господ офицеров, кабаки и дома попроще для матросов и кондукторов.

В следующие два дня японцы могли бы взять Владивосток силами одного батальона. Ибо трезвых в городе практически не было.

Похмелье. Воистину именно ты есть истинная национальная русская болезнь. А вовсе не пьянство, как считает малопьющее интеллигентское меньшинство. Тяжело выходить из двухдневного празднования, особенно когда оно тобой по-настоящему заслужено. Утром в голове одна мысль — надо поправить здоровье. А то калейдоскоп образов вчерашней (или позавчерашней?) пьянки высшего офицерского состава Владивостокского Отряда крейсеров начинает снова вращаться, сменяться вечерними песнями Балка под гитару в кругу открывших рты офицеров, или видом пока еще трезвых варяжцев, строем марширующих от порта с песней... Кстати, что интересно, ведь неплохо прошли, хотя по морской традиции шагистику ненавидят и презирают все, от старшего офицера до последнего кочегара.

Нирвана первой утренней бутылки пива была прервана донесшимся со второй половины кровати стоном. Женским. Любопытно, а это что, или кто? А нет, все-таки что — вроде вчера вечер кончился в салоне мадам Жужу... Причем «что» весьма себе аппетитное, ну да для героя дня другого и не полагается. Так, чем там вчера у нас дело-то кончилось, я до того отрубился, после или, не дай бог уронить честь Русского Императорского флота, во время?

Неспешное и ленивое перетекание мыслей из одной заполненной алкоголем извилины мозга контр-адмирала Руднева в другую было прервано осторожным, но настойчивым стуком в дверь.

— Да, да? — Благодушно потянул Руднев, натягивая на себя и соседку простыню.

— Ваше превосходительство, простите, что беспокоим, у нас через полчаса молебен в церкви, извольте, пожалуйста, собираться, а то опоздаем!

Раздался исполненный подхалимского почтения голос из за двери. Кажется, владелец гостиницы...

— Молебен — это хорошо, но сначала в порт съездим, распорядимся о постановке «Варяга» в док, и набросаем план работ по минированию акватории к визиту Камимуры...

— Ваше превосходительство, да как же можно! И так уж отец Вениамин вчера на вас осерчал, когда вы вечером, вместо того чтобы в церковь заехать вечером, беса тешить направились. Опять же — благодарственный молебен-то в вашу честь, без вас никак-с. Порт подождет, а мы сейчас в церковь, потом в ресторан, на торжественный обед в честь победителя японцев, тоже без вас никуда, ну а вечером...

— Стоп. Отставить. Через двадцать минут экипаж к подъезду, и попросите командиров кораблей и прочий начальствующий состав собраться в порту через час. А батюшке передайте, что ему придется еще пару дней подождать. Вот отобьемся от Камимуры, тогда молебен об отражении неприятеля и отслужит. Кстати, именно это я ему вчера говорил в салоне мадам Жужу, когда его там встретил. Неверное, святой отец запомит.

Голос за дверью стал из подхалимского просительным.

— Слушаюсь, тот час же распоряжусь. А можно, мы хоть на телеграф на пять минут по дороге заедем?

— А туда зачем? Телеграмму в Петербург я еще позавчера отправил, поздравления мне и в порт принести могут, что я там-то забыл?

— Вчера ваши офицеры, под предводительством лейтенанта Нирода, в пьяном виде ворвались на телеграф, — в голосе почтение стало смешиваться со злорадством и

ехидством, — и под угрозой оружия отправили телеграмму на редкость неприличного содержания...

— КОМУ? И почему вы Нирода повысили в звании? Насколько я помню, он пока еще мичман, — Руднев с трудом пытался сосредоточиться на проблеме, но вид кокетливо потягивающегося женского тела на соседней половине кровати упорно не давал этого сделать.

— Из Адмиралтейства пришел приказ всех офицеров «Варяга» и «Корейца» немедленно повысить в звании. А телеграмму ваш лейтенант отправил императору.

— Николаю Александровичу в Петербург? — сдавленным голосом спросил мгновенно проснувшийся Руднев, выскакивая из кровати и натягивая штаны на голое тело.

— Нет, слава Богу! В Токио, императору Японии, — за дверью тоже не на шутку испугались.

— Блин! Ладно, Тенно тоже не стоит обижать, кроме как на поле боя, естественно. Хорошо, давайте так — встреча в порту через три часа, авось не у меня одного похмелье, дадим господам офицерам побольше времени на поправиться. А сначала и правда съездим на телеграф, разберемся, что там мои насочиняли. И еще, — бросив очередной взгляд на столь соблазнительные изгибы и снимая с трудом натянутые штаны, — подавайте-ка лучше этот экипаж не через двадцать минут, а, скажем, через час.

Через час с небольшим изрядно повеселевший Руднев пытался вникнуть в суть произошедшего вчера вечером на телеграфе. Туда же был срочно доставлен и непосредственный виновник происшедшего — свежееиспеченный лейтенант Нирод.

— Где-то в полдесятого ввечеру ввалились господа офицеры и, размахивая револьверами, принудили моего дежурного телеграфиста к передаче этого, этого, — разгневанный начальник телеграфа никак не мог подобрать слов для того, чтобы достойно назвать сочинение Нирода, — непотребства! Да это и на бумаге-то написать стыдно, не то что по телеграфу отправлять! И как только такое в голову могло прийти, да еще и офицеру!

— А вот это и правда любопытно, господин лейтенант, а с чего это вас вообще вдруг потянуло телеграммы царственным особам посылать? Да еще и с эдакими своеобразными поздравлениями, я уже молчу про выражения?

— Всеволод ФедоГович — несколько смущено програссировал Нирод, — мы вчера, когда праздновали в «АнглитеГе», Господи пГости, но это не я этот местный гадючник так назвал, к нам пГистал жуГналист. БГитанский, кажется, сейчас точно не вспомню. Все выпГашил про бой, абоГдаж, ну, это у боГзописца Габота такая, понятно... А потом напоследок спГосил, а что я, как мичман с «ВаГяга», думаю о поздГавлении, что студент из Вильно напГавил микадо по случаю «долгожданного утопления этого гадкого „ВаГяга“, доставившего столько пГоблем победоносному японскому флоту»! [\[55\]](#) Ну, мы с господами офицеГами Гешили на деле показать, ЧТО мы думаем, и заодно поздГавить микадо с воскГешением «ВаГяга» и пообещать новых пГоблем. Ну а лексика... ПГостите, были зело пьяны. Мы. Все...

— Понимаю, но мич... простите, лейтенант, вы были все же не правы. Во-первых — венценосных особ, пусть и противного нам государства, в телеграммах называть «желтомордой обезьяной» нельзя. А японского императора нельзя трижды! Когда эта телеграмма дойдет до адресата, японцы будут за его честь воевать до конца, гораздо серьезнее, чем за Корею и доступ в Китай, а нам это надо? Во-вторых, начиная спорить с этим недоучкой из Вильно на его языке, вы себя с ним невольно уравниваете...

Неожиданно в разговор встрял молчавший до сих пор ночной дежурный телеграфист:

— Ваше превосходительство, не дойдет эта телеграмма до Японии, не волнуйтесь.

— Почему, собственно, неужто у вас кабель поврежден столь удачно? И почему «не дойдет», если мне ваш начальник в нос тыкал квитанцией о приеме?

— Ну, видите ли, не передавать телеграмму вообще я не мог, испугался, простите. Дюжина господ офицеров, с револьверами, да еще и морские — то есть морзянку знать должны, у них с текстом не забалуешь... А вот адрес я немного подкорректировал, так что спите спокойно.

— И куда же вы, любезный, сие письмо варяжских запорожцев японскому султану отправили?

— Куда-то в Ярославскую губернию, на кого бог-с пошлет. Кстати — с господина лейтенанта три с полтиной за услуги, а то вчера второпях не расплатились.

— На тебе, голубчик, червонец, и сдачи не надо! Хотя один камень с души, — произнес расслабившейся Руднев, и повернулся к Нироду, — а вам, граф, назначу я соответствующую епитимью.

— Домашний аГест? — со скучающим видом, задрав глаза к потолку, поинтересовался донельзя довольный исходом инцидента Нирод.

— Хуже, милейший, хуже. Видите там на горизонте во-он ту высокую сопку над Гнилым углом с видом на бухту Соболев? Вот там вы и будете командовать дальномерным постом. Причем до появления в окулярах ваших дальномеров крейсеров Камимуры в городе вам появляться запрещают. А то еще в Питер чего напишите, тогда уже так просто не замнем.

— А Газве на той сопке есть дальномерный пост?

— Вот озаботьтесь, дорогой граф, чтобы за три дня оборудовали, и командуйте себе на здоровье! Дальномеры снять с «Варяга», в доке они ему точно ни к чему, дальномерщиков оттуда же. На проведение телеграфной линии в порт мобилизуем связистов. Да, и если вам жить не надоело — то замаскируйтесь так, чтобы с моря вас было не разглядеть, послезавтра выйду на ледоколе — проверю лично!

— ПГостите, Всеволод Федорович, а если Камимура не придет?

— Тогда, граф, вы у меня на этой сопке построите дом, заведете хозяйство и будете там жить! От телеграфа и барышень подальше... Кру-гом! В порт за дальномерами шагом, нет, БЕГОМ, МАРИШ!

Закрыв таким образом первый пункт повестки дня, контр-адмирал Руднев успел в порт как раз к началу встречи офицеров. Изложив господам офицерам свои идеи о грядущем обстреле Камимурой Владивостока, Руднев, как и следовало ожидать, нарвался стену недоверия. Больше всех злобствовал командир порта контр-адмирал Гаупт, ведь большинство работ по ломке льда и беспрецедентному доселе минированию обледенелого залива Анны предстояло осуществить именно ему.

— Всеволод Федорович! Ну нельзя же так! Я понимаю, только с моря, еще не остыли, везде японцы мерещатся... Но кто же мне разрешит весь запас мин вываливать в море? Да еще и в Уссурийский залив, куда японцы, скорее всего, вообще до конца войны не сунутся! И притом, вам подай именно крепостное заграждение, [\[56\]](#) да у меня в порту столько проводов не найдется!!! Я уже молчу, сколько людей и лошадей мне надо послать пилить лед, под две сотни мин надо соответственно две сотни полыней, тянуть провода, аккуратно опускать под лед мины... Короче — свободных людей у меня тоже сейчас нет. Может, вы после вашей одиссеи слишком сильно боитесь Камимуры, но...

Неожиданно энергичная и эмоциональная речь начальника была прервана разлетевшимися во все стороны осколками блюда. Глаза всех собравшиеся метнулись от вошедшего в полемический раж Гаупта во главу стола, где сидел Руднев. Вернее, уже стоял, покрасневшийся и злой. Под его кулаком, которым он секунду назад попытался картинно грохнуть по столу, хрустели окровавленные осколки китайского фарфора. Теперь от боли он разозлился по настоящему.

— Я. Никого. Не боюсь. Я точно знаю, что Камимура придет обстрелять Владивосток, иначе ему нельзя — он потеряет лицо, а для японца, самурая, это хуже смерти. Единственное место, откуда он сможет обстрелять Владивосток, не подставившись под ответный огонь — это бухты Соболев и Горностай. Поэтому завтра приказываю переставить «Россию», «Громобоя» и «Богатыря» так, чтобы они могли вести перекидной огонь по этому самому заливу. Корректировать его будет дальномерный пост под командованием лейтенанта Нирода, который его как раз сейчас организывает на сопке Орлиная. Это даст нам преимущество перед Камимурой, который будет стрелять вслепую. Я вижу, господин Трусов хочет что-то сказать.

— Я тут прикинул, но ведь получается, что нам стрелять кабельтовых на сорок пять придется, так? — и дождавшись утвердительного кивка Руднева, продолжил: — Тогда мой крейсер вне игры, просто физически не добьем-с.^[57] Да и «России» с «Громобоем» не рекомендовал бы развлекаться таким образом — никто на такое расстояние не стрелял, как поведут себя орудия, неизвестно, да и попасть куда-либо проблематично.

— Интересная у вас логика, Евгений Александрович, а если мы в море встретим Камимуру, и он нас будет гвоздить с этих самых сорока пяти кабельтовых, что нам тогда делать? Спускать флаг, ибо мы «никогда не стреляли так далеко» и делать этого не умеем? Или проще сразу сбежать с поля боя, потому что у нас у половины орудий подъемные дуги поломаются от отдачи, ибо подкрепления слабые? Вот чтобы этого не случилось, завтра проведем пробные стрельбы, заодно и посмотрим, добьет ваша артиллерия или нет. Хотя тут вы, наверное, правы — для ваших пушек далековато, зато трофеи могут с гарантией, так что отправьте, пожалуйста, половину ваших канониров на «Кореец» с «Сунгари», сделайте одолжение? Да. Остальным командирам — всех от противоминной артиллерии туда же. Пока еще к ним команды с Балтики и Черного моря пришлют.

— Но если мы будем стрелять главным калибром прямо из гавани, в городе побьет кучу стекол! Градоначальник будет недоволен. — Подал голос командир «Богатыря» Александр Федорович Стемман.

— Господи, спаси и сохрани нас, неразумных! Идет четвертая неделя войны. Мы уже потеряли минзаг, крейсер второго ранга, канлодку, подорваны и не боеспособны два броненосца и крейсер первого ранга. У нас на носу набег японцев, которые будут обстреливать город, вот уж где стекла-то полетят, кстати... А тут капитан первого ранга Стемман больше беспокоится не о том, как лучше организовать огонь и минные постановки, а что подумает градоначальник! Начинайте думать о войне, и только о войне, господа! Не о карьере, не о градоначальнике, не о внешнем виде кораблей и не о сбережении угля — только о войне и противнике. И посылайте всех недовольных к черту! Или ко мне, что в принципе одно и то же.

Переждав смешки, Руднев продолжил уже спокойнее.

— Я бы попросил всех командиров крейсеров отрядить всех ваших минеров, минных офицеров и свободных от вахты для содействия в проведении минной постановки. Заодно

сдайте с кораблей все мины заграждения, убьем двух зайцев одним выстрелом — разгрузим корабли от взрывоопасной гадости и пополним береговые арсеналы в преддверии постановки. Я тут набросал примерно, где, по моему мнению, надо ставить мины, и откуда японцы планируют нас обстреливать.^[58] Высказывайтесь господа, какие предложения?

На следующее утро город был разбужен грохотом орудий крейсеров, бивших поверх сопки по льду Уссурийского залива. Наблюдавшие за падением снарядов с оборудованного на сопке дальномерного пункта командиры крейсеров были удивлены тем фактом, что из трех падающих на лед русских снарядов взрывался дай бог один. Английские же снаряды «Корейца» и «Сунгари» взрывались почти все, даже те, что падали в воду, а не на лед. Однако Руднев не только воспринимал это как должное, но и зловеще предрек:

— Погодите, господа, вот вернетесь по кораблям, тогда по настоящему расстроитесь.

Пробная стрельба «Рюрика» и правда прошла не на ура. Нет, его восьмидюймовые снаряды в принципе долетали до района предполагаемого маневрирования японцев. Но вот для того, чтобы предсказать, куда именно этот снаряд соблаговолит упасть, надо было быть не артиллеристом, а скорее астрологом. Рассеивание снарядов, выпущенных из устаревших короткоствольных восьмидюймовых пушек, было на такой дистанции слишком велико даже для стрельбы по площадям. Та же ситуация была и с береговой артиллерией, также вооруженной пушками с длиной ствола тридцать пять калибров. По результатам стрельб Руднев предложил иметь на каждом корабле копию карты, разбитой на заранее пронумерованные квадраты. Тогда с дальномерных постов достаточно было передавать только номер квадрата, в котором находились японские корабли, не заморачиваясь с передачей дистанции и азимута. Предложение было настолько очевидно, что господам офицерам осталось только развести руками, почему до Руднева никто до этого не додумался.

Насчет расстройства по прибытию на корабли — так и вышло. Пока команды минеров, используя проломы от снарядов, ставили мины, соединяли их реквизированными на телеграфе проводами, командиры «России» и «Громобоя» столкнулись с новой бедой — половина шестидюймовых орудий, выпустивших всего-то по пять снарядов на ствол, пришла в негодность. Они беспомощно уставились в небеса, и не было никакой возможности их опустить — подъемные дуги были переломаны отдачей при выстрелах на больших углах возвышения. На возмущение офицеров, что теперь крейсера наполовину потеряли боеспособность, Руднев хладнокровно отвечал: «лучше сейчас, а не в бою». И приказал за три дня не только заменить поломанные дуги, но и дополнительно подкрепить орудия. Возмущение Гаупта, который сетовал по поводу непредвиденного расхода металла и отвлечения рабочих от «более срочных задач», и вопрошал, «откуда господину контр-адмиралу известно, что в низкой кучности виноваты именно фундаменты орудий», было привычно проигнорировано. В общем, весь Владивосток стараниями Руднева напоминал разворошенный палкой пчелиный рой. Команды номерных миноносцев и крейсеров срочно перебирали машины, готовясь к выходу для добивания поврежденных на минах японцев.

Насчет «Рюрика» же, подумав, решили, что его восемь шестидюймовок и пара старых, но мощных орудий будут весьма не лишними. На самом деле, в бортовом залпе всех крейсеров без «Рюрика» было всего одиннадцать орудий от восьми дюймов. С «Рюриком» — тринадцать. Добавка составляла почти пятнадцать процентов, а учитывая, что шанс на пробитие брони на такой дистанции был только у крупных снарядов, стариком решили не пренебрегать. Его развернули у стенки завода так, чтобы он мог бить обоими восьмидюймовыми и всеми шестидюймовыми орудиями правого борта. А для оптимизации

углов возвышения орудий ему затопили коридоры левого борта, что дало кораблю крен в три градуса, и соответственно, повысило углы возвышения орудий.

Отряженные с «Рюрика» и других крейсеров канониры пытались освоить стрельбу из незнакомых им орудий системы Армстронга, при этом расходовать ограниченный запас снарядов Руднев им запретил, мотивируя это тем, что через пару дней они вволю настреляются по живому неприятелю. Команды минеров аккуратно топили мины в битом льду. На предупреждение, что до четверти мин не сработает из-за того, что провода будут порваны льдами, Руднев хладнокровно ответил приказом установить не две сотни, а двести пятьдесят мин, ровно на четверть больше, чем наконец-то привел начальника порта в молчание. Тянули километры проводной паутины, чем придется изолировали их соединения (когда поручик-минер пожаловался Гаупту, что треть мин при использовании на морозе такой изоляции может не сработать, тот приказал ему ни в коем случае не говорить об этом Рудневу). В последний день успели оборудовать на сопке подле дальномерного поста хранилище аккумуляторных батарей для питания минного заграждения. Работающие в три смены матросы, солдаты и офицеры не могли понять одного — почему контр-адмирал так уверен, что все работы обязаны быть завершены именно к 22-му февраля?

22-го февраля 1904 года японских крейсеров в окрестностях Владивостока замечено не было. Так же, как и 23-го и 24-го.

Вечером 24-го, после очередного дня, проведенного в полной готовности к отражению несостоявшийся атаки японцев, Владивосток засыпал. В номере гостиницы, за закрытыми дверями слегка пьяный контр-адмирал Руднев изливал душу лейтенанту Балку.

— Ну как, как я мог ошибиться? Это же одна из основных дат Русско-Японской войны! 22-го февраля по старому стилю, набег Камимуры на Владивосток. Ну и где эта скотина? У меня сегодня весь день ощущение, что на меня все пальцем показывают, вот мол, тот самый контр-высочка, который заставил весь город двое суток вкалывать без сна зазря! Вася, мне же теперь никто не поверит в этом городе!

— Петрович, погоди. Ты что, кому-то обещал, что японцы придут именно 22-го?

— Не помню... Кажется, нет, но что это меняет? Я весь город гнал, как лошадь, чтобы поставить мины и быть готовыми стрелять именно 22-го! Где этот Камимура?

— Чего ты психуешь? У Камимуры сейчас по сравнению с нашим миром проблем добавилось, а крейсеров стало на один меньше. Может, он бункеруется, может, ему надо больше времени, чтобы собрать корабли. Ведь если его крейсера посылали ловить «Варяга», а больше посылать некого, то они были в разгоне по одному-два. Небось, пока все собрались в Сасебо, забункеровались, пока дойдут сюда — вот тебе и денька два-три задержки. А может, вообще операцию отменили, или наоборот — усилят его парой броненосцев и попробуют утопить «Гарибальдей» прямо в гавани. Это будет тебе урок, Петрович.

— На какую тему урок? — не въехал Петрович.

— Не полагайся больше на свои знания той истории войны. Ты ее уже переписал. Непонятно только, в какую сторону... Думай головой, теперь тут все точно пойдет не так, как у нас. Так что все даты по ходу боевых действий можешь смело забыть. Ты мне лучше скажи, почему у меня на телеграфе отказались принять телеграмму в Питер Вадику, сослались на твой приказ? Это ты из-за прикола нашего дражайшего графа Нирода?

— Не. Это уже замаяли. Телеграммы ни у кого не принимают. Я запретил отправлять все, что не имеет моей визы. В городе полно японских шпионов, кроме как по телеграфу, они о минной постановке никак сообщить не успеют. Так чем думать — кто и каким кодом

чего передает, я решил, что проще заблокировать всю связь на пару дней. Потерпят.

— Ну вот. Это я и называю — думать своей головой! Ведь можешь же! Только мою телеграмму завизируй, да? Я хочу, чтобы Вадик мне из Питера кое-что подогнал. И еще, если у нас задержка на пару дней, я, наверное, успею еще один сюрприз Камимурушке устроить — выдели мне, пожалуйста, с полсотни гильз от шестидюймовых выстрелов с бездымным порохом и столько же картузов с бурым, да роту солдат гарнизона.

* * *

Утром 26-го февраля Камимура все же появился на траверзе Владивостока. Балк в принципе угадал верно. Задержка была вызвана необходимостью собрать разосланные за «Варягом» броненосные крейсера в кучу и добавить к ним пару наиболее быстроходных броненосцев Того. Сейчас к Владивостоку подошли не только броненосные крейсера «Идзумо», «Иватэ», «Якумо», «Адзума», но и броненосцы — «Сикисима» со своим систершипом «Хатсусе». Последняя парочка входила в число сильнейших броненосцев мира, и пока она была в море и сохраняла боеспособность, выход из порта крейсеров Владивостокского отряда был равноценен самоубийству. Сопровождали их бронепалубные крейсера «Касаги» и «Иосино».

Как и предполагалось, японцы, справедливо опасаясь русских минных полей, о координатах которых им было примерно известно, не рискнули войти в Амурский залив. Вместо этого они направились в Уссурийский и, пройдя по недавно разбитому ледоколами льду, любезно вышли прямо на недавно установленное минное поле. Огонь по гавани был открыт японцами с расстояния примерно пять с половиной миль. Руднев успел к этому моменту прибыть на командно-дальномерный пункт, развернутый на Орлиной сопке, с которого он планировал осуществлять общее руководство боем. Подождав для верности еще пяток минут, чтобы на минное поле втянулась вся японская кильватерная колонна, он приказал замкнуть цепь заграждения и открыть огонь. Японцы кидали снаряды практически без корректировки. Нет, теоретически оставшиеся в виду гавани легкие крейсера должны были давать информацию о местонахождении русских кораблей и падении снарядов, затем они там и болтались. Но на практике из этой затеи ничего не вышло — расстояние было слишком далеко, и с «Иосино» с «Касаги» было ни черта не разобрать, к тому же мыс Чуркина закрывал обзор на внутреннюю часть бухты Золотой Рог, в которой и сосредоточились русские корабли. А подходить ближе, в Босфор Восточный — значило подставиться под береговые пушки, что этим безбронным крейсерам было категорически противопоказано. Для закрепления подобной точки зрения артиллеристы береговых батарей острова Русский дали пару залпов в их сторону. Долететь снаряды не могли физически, но рошица шестидюймовых всплесков выросла примерно в полумиле от кораблей. Для командиров японских корректировщиков она послужила хорошим напоминанием о возможных последствиях опрометчивых шагов. Поэтому японские снаряды глушили рыбу в гавани, крушили портовые постройки на берегу, но от кораблей пока падали на солидном расстоянии.

Ответный русский огонь был организован не в пример лучше. Определив местоположение японской эскадры, Нирод передал на корабли всего четыре цифры — номер квадрата, в котором та находилась. Артиллеристы на крейсерах сами определили

дистанцию и курсовой угол. Конечно, такая стрельба не могла быть столь же эффективной, как по непосредственно наблюдаемой с корабля цели. Но первый же залп русских очень неприятно удивил Камимуру — снаряды легли вокруг его трех головных крейсеров, и их было много. Он не ожидал, что русские откроют ответный огонь так скоро, он не ожидал, что в залпе могут поучаствовать с десятков крупнокалиберных орудий и два десятка шестидюймовок. И уж точно он не мог предположить, что первый же залп ляжет столь близко от его кораблей. Это не соответствовало ни известным принципам организации стрельбы корабельной артиллерии в начале века, ни недавней практике обстрела Порт-Артура. Второй и третий залпы русских показали, что удачное падение первых снарядов было не случайно.

Неожиданно заголосил сигнальщик на мостике флагманского «Идзумо»:

— Наблюдаю залп береговой батареи, шесть орудий, вторая сопка с юга, примерно на две трети от вершины!!!

«Береговые орудия в зоне прямой видимости — это смертельная опасность для кораблей!» — мгновенно пронеслось в голове Камимуры, который тоже, перебежав на край мостика, стал высматривать в бинокль, где именно расположились орудия русских. Это плохо — никакой информации об этой батарее нет, по данным разведки, на этом направлении позиции еще не достроены. Точно, вот свежеповаленный лес, бревенчатые брустверы практически не замаскированы, видать, достраивали в спешке, ага! Вот и залп, точно, шесть орудий. Судя по факелам выстрелов — шестидюймовки, порох бездымный, значит, 6"/45 Канэ. Ну что ж, японцы сюда и пришли, чтобы заодно выявить систему обороны Владивостока.

— Поднять приказ «Эскадре перенести огонь на обнаруженную батарею противника»! Обстреливать до полного подавления!

Четырех залпов эскадры оказалось более чем достаточно для полного перемешивания с землей и соснами нежданно открывшейся батареи. Уже после третьего из горящего леса упрямо отозвалось лишь одно орудие, но это была агония. Однако уважительный кивок Камимуры неизвестные батарейцы заслужили. Пятый, контрольный залп поставил на батарею жирную точку: 12" снаряд — это не только три центнера металла, но и полсотни кило шимозы...

Но стоило японцем перенести огонь обратно на порт и город, как ожила еще одна батарея на соседнем склоне, чуть севернее, на этот раз, судя по дымным выстрелам, огонь вели старые шестидюймовки Бринка. На подавление второй батареи понадобилось уже семь залпов главным калибром броненосцев и крейсеров. Вскоре на ее месте бушевал пожар, в котором то и дело что-то взрывалось, в честь чего над палубами японских кораблей проносилось многоголосое «Банзай». За время обстрела береговых батарей японцы получили два попадания шестидюймовыми снарядами.

Следующие полчаса после подавления береговых батарей взаимная перестрелка продолжалась без единого попадания как с той, так и с другой стороны. Японцы выпустили уже более двухсот снарядов, русские — порядка полутора сотен. На командном пункте Руднев не мог понять, как могут шесть глубокоседающих броненосных кораблей полчаса крутиться на минном поле без единого подрыва. Посланный к минам ординарец подтвердил, что все цепи замкнуты. Оставалось только ждать.

Неожиданно из пелены, начинающей из-за пожаров затягивать побережье залива, на КП выскочил донельзя довольный собой Балк.

— Ну как, господин контр-адмирал, понравилось мое шоу?

— Впечатляет. Если бы я сам не знал, что это ты хулиганишь с дистанционными подрывами зарядов, а пушки сделаны из бревен, то сейчас всплакнул бы о судьбе двух погибших батарей. Ведь до последнего отбивались, — сдержано улыбнулся Руднев, — наши гости по твоим обманкам вывалили примерно пятьдесят двенадцатидюймовых снарядов, под сотню восьмидюймовых и хрен знает сколько шестидюймовых... И я их понимаю — если бы я обнаружил в двадцати кабельтовых береговую батарею, которая по мне ведет огонь, я бы тоже ее приказал сравнять с землей на максимальной скорострельности! В общем — чем больше они постреляют по сопкам, тем меньше снарядов упадет на город и порт. Спасибо за идею!

— Да не моя это идея. Сам же хотел организовать там настоящую батарею, пока Савицкий тебе не объяснил, что и за неделю никак не успеть, даже если весь гарнизон будет пупы надрывать денно и нощно... А ложную мы, как видишь, за день вполне сварганили.

— Слушай, Василий, а как ты умудрился так точно имитировать стрельбу? Ведь кордитные заряды просто сгорают?

— Да просто, твое превосходительство. Запыжевал в гильзу картуз бурого пороха — вот вам и старая шестидюймовка, а с бездымными зарядами от Канэ пришлось экспериментировать. Короче, оставил я в гильзе половину заряда, а сверху затолкал шлиссельбургский порох пополам с угольной пылью. Ну и с запалами тоже повозился. Согласись, похоже получилось?

Наконец лучшая организация русского огня начала давать результаты — шедший вторым «Ивате» получил восьмидюймовый подарок то ли с «России», то ли с «Громобоя». То, что снаряд был русского образца, было ясно по тому, что он, пробив верхний легкий борт, взорвался уже вне корабля. Еще через пять минут шестидюймовый подарок влетел в верхний броневой пояс «Сикисимы», что было абсолютно безопасно, но на нервы действовало. Еще полчаса дуэли убедили Камимуру в том, что единственным результатом продолжения бомбардировки станут расстрелянные орудия и пустые погреба его кораблей, а может, и их повреждения. За это время русские добились еще трех попаданий, из которых одно было весьма неприятное — на «Адзуме» взрывом восьмидюймового снаряда с «Корейца» сбило трубу, что снижало эскадренный ход до семнадцати узлов. «Иосино», напротив, продолжал сигналить, что попаданий в русские корабли не отмечено (единственное попадание в стоящий у стенки «Рюрик» осталось незамеченным, хотя и вызвало на нем небольшой пожар). Руднев же убедился, что с минным заграждением что-то не то, и погнал минеров проверять цепи. Так или иначе, спустя полтора часа после начала обстрела японцы ушли в открытое море. Последней каплей, убедившей Камимуру, что пора идти домой, стал разрыв явно десятидюймового снаряда в полукабельтове по носу его флагмана. Если русские столь быстро умудрились освоить артиллерию «Ниссина» и «Кассуги», то риск становился слишком велик — одно удачное попадание такого снаряда в его броненосный крейсер может поставить крест на возможности довести его до Японии.

Преследовать силами четырех крейсеров, из которых один бронепалубный, эскадру из двух броненосцев, четырех броненосных крейсеров и двух бронепалубников было бы глупо. Бессильно проводив взглядом японскую эскадру, которая скрылась за островом, Руднев похромал в землянку к минерам. Дотопав туда, он устроил разнос дежурившему поручику на предмет, почему более чем за час нахождения кораблей на минном поле никто не подорвался. Оправдывающийся поручик из крепостных минеров со следами вчерашнего

возлияния на лице что-то лопотал по поводу непригодности телеграфных проводов для инженерного минирования вообще, неправильном материале изоляции и падения напряжения в батареях за три дня ожидания на морозе в частности. В сердцах плюнув, Руднев с матом со все дури здоровой ногой пнул ящик с рубильником, который подавал напряжение от батарей на мины. Проскочила неслабая искра, деревянная облицовка ящика и носок сапога обуглились, а в воздухе приятно запахло озоном. Земля и море вздрогнули... А еще через несколько секунд с моря донесся долгий и протяжный грохот взрыва. Вернее, нескольких взрывов, слившихся в один.

— Шес... Се... Восемь подрывов! — донеслись до оцепеневшего Руднева крики наблюдателей.

К сожалению, японская эскадра уже скрылась из виду и не могла полюбоваться на устроенный в ее честь фейерверк, на создание которого ушло так много сил и средств.

P.S. Купец первой гильдии Микадов, проживающий в городе Ярославле, на Токивской улице, был рано утром разбужен негромким стуком в дверь. За дверью, почтительно переминаясь с ноги на ногу, стоял посыльный с телеграфа.

— Михаил Николаевич Микадов?

— Да, а что случилось такого важного, что вы меня в девять утра беспокоите? — Басом по-волжски проокал купчина, подозрительно посматривая на посыльного. Как и всякого человека, занимающегося коммерцией, от неожиданных визитов работников почтового ведомства он ничего хорошего не ждал. С таких ранних визитов обычно начинались рекламации, судебные тяжбы и прочие радости купеческой жизни.

— Премного извиняемся, но адрес получателя был настолько перепутан, что мы уже третий день по городу мотаемся... Извольте получить и расписаться в получении.

Заранее готовясь к худшему — мало того, что рекламация, а что еще по телеграфу-то посылать будут, так еще и получаешь с трехдневным опозданием, Микадов расписался в получении и погрузился в чтение. По мере чтения он несколько раз бледнел и краснел, потом долго морщил лоб, перечитал не самую кроткую телеграмму еще раз и наконец повернулся курьеру.

— Голубчик, это что, шутка? Или этот мерзавец Вилькинштейн таким образом решил мне отомстить за то, что мне подряды отдали? Но причем тут Владивосток? Я там никаких дел не вел, не веду и не собираюсь! И какая сволочь меня, купца первой гильдии, называть посмела «желтомордой обезьяной»? И почему это я должен жалеть, что кого-то не утопил? И как и зачем МНЕ какой-то варяг должен доставить еще много неприятностей? Про кучу ругани я уже молчу, короче — не мне это телеграмма! Заберите эту гадость!!

— Михайло Николаевич! Батюшка, помилуйте, я эту дрянь третий день ношу по всему Ярославлю! Меня уже один раз с лестницы спустили, а как только не называли — лучше промолчу! Я не знаю, кто там во Владивостоке пошутил, но уж коли вы расписались в получении этого, то я считаю, что я эту телеграмму доставил! До свиданья.

P.P.S. В конце XX-го века праправнук купца Микадова, разбирая архивы семьи, наткнулся на пожелтевший бланк телеграммы начала века. Через месяц на столичном аукционе старая телеграмма была продана за небывалую сумму в пятьдесят тысяч империалов.

Владивосток. Весна 1904 года

Владивосток подводил итоги бомбардировки. В городе, как и предсказывал Стемман, выбило более половины стекол, особенно пострадали районы, прилегающие к порту. Если в реальности Карпышева японцы ограничились скорее демонстрационной атакой, то на этот раз они действительно пытались уничтожить корабли в гавани. Поэтому счет жертв в шел не на единицы, а на десятки. Все же двенадцать дюймов главного калибра броненосцев — это на порядок серьезнее, чем восемь дюймов Камимуры. К тому же если фугасное действие японских снарядов оказалось весьма невелико, то вихри осколков, воспламенение всего, что может гореть и облака удушающих газов город и порт получили сполна. Флот тоже пострадал сильнее, чем в старой реальности — «Рюрик» получил восьмидюймовый снаряд в носовую оконечность. Пожар, изрешеченные осколками снасти, перекошенная на перебитых вантинах фок-мачта, трое убитых матросов — это ничто для корабля в гавани, рядом с доком. Орудия не пострадали, машины тоже, так что эффект попадания был, как ни странно, скорее положителен для русских, чем отрицателен. Теперь «Рюрик» в любом случае надо было ремонтировать, причем под руководством Карпышева. И если бы японцы могли годом позже задним числом выбирать, попадать ему в палубу в тот морозный день или не попадать, то они скорее предпочли бы промазать...

Кроме этого, на сопках, в местах ложных батарей, выгорело и было вывалено по полгектара тайги. Туда теперь водили на экскурсии офицеров с кораблей для того, чтобы на живом примере показать действие японских фугасов.

В позитиве было девять попаданий в японские корабли. Хоть они и не нанесли японцам серьезных повреждения, труба «Адзумы» и пара шестидюймовок на «Ивате» не в счет, это легко ремонтировалось, но счет был 9:1 в пользу русских. Ну и сам факт отражения набега радовал. Вот только радость была сквозь зубы, и больше всех ими скрипел сам контр-адмирал Руднев. Против ожидания, после того, как в море оттремели взрывы, он не стал рычать, ругаться или как-либо еще проявлять свое неудовольствие. Он молча ушел с сопки, сел в экипаж и уехал в гостиницу, которая с некоторых пор стала его постоянным местом дислокации. Единственное приказание, которое он отдал в тот вечер — «отбой, всем спасибо, на сегодня война закончилась. Лейтенанта Балка ко мне».

В номере Балка встретил мертвецки трезвый Руднев, который предложил ему выпить ЧАЮ. Такого от своего Карпышева, в трезвости не замеченного, Балк никак не ожидал и от удивления согласился.

— Василий, а не зря мы это вообще затеяли?

— Что именно, Вов?

— Да ладно, лучше Петрович, привычнее. Чего мы влезли в эту войну? Неужели мы втроем всерьез думали изменить курс всей империи? Это все равно, что трем мухам пытаться изменить курс крейсера... Как не бейся, а такая махина расшибет тебе голову и даже не вздрогнет.

— Наконец-то ты мне доказал, что ты на самом деле настоящий русский интеллигент!

При первой же неудаче начал рефлексировать и готов сбежать. Еще про слезу ребенка мне расскажи и про всеобщую предопределенность на забудь.

— Да при чем тут это, мать твою! Ты посмотри, что вышло — весь город несколько дней рвал жилы, чтобы успеть. Мы реально могли выиграть эту на фиг не нужную России войну тут, у Владика! Ты понимаешь, что восемь подрывов — это минимум четыре-пять поврежденных кораблей линии, сиречь линкоров? Дотянуть отсюда подорванный миной корабль до Японии — ненаучная фантастика! Пусть потонули бы всего три, но все одно — Того бы остался с восемью линкорами в колонне против русских десяти, и это без гарибальдийцев и «Осляби», которые будут боеспособны через два-три месяца! Он просто не рискнул бы высаживать войска на материке вообще! Япония приняла бы любое разумное предложение мира сразу, сейчас. А теперь что? И все этот из-за одного идиота в погонах поручика, который лишний раз не проверил контакты перед тем, как их замкнуть. А сколько их таких в нынешней России? Ну пусть не большинство, но для нас троих слишком много!

— Добро пожаловать в реальную жизнь. Это в играх и детских книгах герою достаточно придумать гениальный план. А в реальной жизни девяносто процентов работы — это проследить за тем, чтобы такие вот поручики его не запороли. Кстати, с этим конкретным идиотом проблем больше не будет.

— Угу. Минус один, осталось всего то полста тыщ, обрадовал. И как ты его примочил?

— Никак. Я ему сделал предложение, от которого он не сможет отказаться — или он в двадцать четыре часа покидает Владивосток, или я его вызываю на дуэль.

— А с чего ты взял, что он должен испугаться? Это на «Варяге» ты авторитет, а во Владивостоке пока нет.

— Боюсь, уже да. Я тут сегодня в «Ласточке» с тремя кавалерийскими офицерами поспорил немного... На тему, кто лучше фехтует и стреляет. Наверное, я больше про абордаж ничего никому рассказывать не буду — нездоровый ажиотаж вызывает...

— Как от тел избавился, надежно?

— Слушай, ты мне с чаем совсем не нравишься, может, чего серьезнее заказать? Все живы и более-менее здоровы. Пара синяков не в счет — мы фехтовали на бокенах, спасибо Секай, этого добра у меня теперь достаточно.

— А стрелялись вы из рогаток, да?

— Да нет, из револьверов. Они втроем по одной мишени, я один по трем. А судьи потом определяли, кто попал первым. Учитывая то, что я стрелял в прыжке, переходящем в перекат и попадал всегда ближе к центру мишени и на глаз быстрее — победителем признали меня. С фехтованием еще очевиднее, я остался стоять, они нет. Так что счет в кабаке оплатить пришлось им, как проигравшим. А по поводу «выгонять со службы» — я к его начальству тоже заглянул. Они согласны перевести его в теплое местечко. В Кушку. Ума только не приложу, на кой там минеры? Но они не против, даже очень за. Ладно, это все весело, но не серьезно. Так как мы теперь воевать будем?

— Теперь воевать придется всерьез. Придется нам тут попотеть, да и Вадику в Питере необходимо нам поспособствовать. План А не сработал из-за одного кретина и моей собственной глупости, переходим к плану Б.

— А где именно я твою глупость проглядел?

— Нечего было выпендриваться и вообще морочить людям голову с инженерным заграждением. Просто поставили бы мины, без проводков. Кто коснулся — я не виноват, а после войны бы вытралили, ничего страшного не произошло бы. Нет, захотелось, чтобы мы

могли ходить, а они нет. Довыпендривался. Заслужил я, в общем, орден «Восходящего солнца» от Микадо. И главное — пенять не на кого, кроме собственной дури...

— Ну, будет тебе уроком на будущее — предпочитай простые решения красивым. Что теперь творить намерен?

— Через Вадика будем ускорять прохождение отряда Вирениуса, он сейчас загорает в Красном море. А пока он сюда дойдет, будем из «Рюриковичей» делать нормальные крейсера для эскадренного боя, они-то по техзаданию рейдеры, а нам сейчас бортовой залп окажется по-полезнее дальности... Да и «Варяга» с «Богатырем» тоже надо оттюнинговать. Я тут намерен добыть чертежи «России» с «Громобоем» и немного их изнасиловал, приведя к виду, к которому их в нашей истории привели к окончанию Русско-Японской войны... Ну, с учетом местных реалий, естественно. И сам «Рюрик» тоже не забыл, естественно. Глянешь?

После утвердительного кивка Балка Руднев смел со стола все лишнее и зашуршал чертежами, пестрившими карандашными пометками.

— Ну ты гигант... Когда только успел? Но как же с перегрузкой быть? Ты уверен, что со всей этой фигней корабль вообще от стенки отойдет, а не потонет, как чугунная баба? На «Варяг» всунул дополнительные две восьмидюймовки, кстати, где ты их вообще возьмешь?

Следующие полчаса оба говоривших долго и нудно спорили о расположении дополнительных орудий, навеске брони в оконечностях, а уж спор о том, сколько орудий противоминного калибра можно выкинуть без риска остаться голыми перед миноносцами противника, вообще чуть не дошел до драки. Однако на высшей ноте спора Балк как-то сник и неожиданно пошел на попятный.

— Ну, тут тебе и флаг в руки, а я, наверное, своим прямым делом займусь, если позволишь. А то по морским делам я тебе все равно особо ничем помочь не в состоянии, а ручки мои шаловливые того, чешутся.

— Не понял... Ты чего удумал-то? Меня бросить?

— Ладно, не пропадешь, чай, не маленький. Даже Вадик в Питере выжил, не съели, да еще и к телу Николашки пробился и влиянием там пользуется. А уж ты во Владике, да после того, как тебя официально назначили командующим всего, что тут есть, и подавно не пропадешь. А мне надо завоевывать авторитет не во флоте — тут есть ты, а в армии. Ну и есть кое-какие мысли в тему, вот смотри, я тут тоже на твои чертежные потуги глядя, кое-что набросал... Как тебе идея создания сухопутного аналога «Варяга»?

— Ты, по-моему, как-то слишком серьезно воспринял анекдот про подводную лодку в степях Украины, которая геройски погибла в воздушном бою...

В ответ Балк с хитрой усмешкой вытащил из портфеля свои собственные чертежи и разложил их поверх Рудневских.

— Ну, не ты один бумагу марал.

Карпышев долго и внимательно рассматривал наброски Балка, а потом спросил.

— Что это такое и причем тут «Варяг»?

— Петрович, ты мне совсем трезвым не нравишься. Это проект бронепоезда, на котором я буду совершать геройские подвиги под Порт-Артуром. Мне все одно во флоте делать нечего, это твоя епархия, тут ты при делах. Но вот пообщавшись с местными сухопутными офицерами, я понял — что там, в армии то бишь, я нужнее. Прикинь — они же не только про танки еще не знают, они даже идею обороны с организацией нормального флангового огня еще не поняли!

На лице Балка возникло мечтательно выражение, как будто он уже косил из Максима густые цепи японских солдат именно с фланга, когда одна пуля может свалить до трех солдат.

В реальность его вернуло ехидное замечание все еще не врубившегося Карпышева:

— А бронепоезд-то зачем? Чтобы сподручнее было на нем во фланг заезжать, попутно прокладывая колею железки?

Тяжело вздохнув и мысленно закатив глаза к потолку по поводу очевидного скудоумия своего трезвого командира, Балк начал подробно разъяснять идею использования бронепоездов против неподготовленного противника. Спустя пяток минут Руднев, наконец, оценил идею настолько, что согласился отпустить от себя второго современника.

— Но только без помощи Вадика ни фига у тебя, Вася, не выйдет. Интересно, как он там в Питере, крыса медицинская?

— Так он же еще вчера на телеграф прислал отчет о своих действиях, неужто я тебе не говорил? Адресован Балку или Рудневу, меня первым нашли, вот и отдали...

— Может, и говорил, но я вчера и родную мать, встретив тут, на улице, не узнал бы — весь день на нервах, придет Камми или нет... Так что там наш засланец в высшие сферы пишет?

— Щас почитаем, только ты мне скажи, ты про то, что с командой «Корейца» в Чемульпо творится, тоже не в курсе?

— У НАС их отпустили под подписку о неучастии в войне, как и команду «Варяга». А что тут? Ну не надо на меня смотреть укоризненными глазами старшего брата, не надо. Реально времени не было газеты читать.

— Все же о боевых товарищах мог бы и побеспокоиться... Ладно, на первый раз прощаю, — Балк легко и непринужденно уклонился от брошенного в его голову карандаша. — В общем, нашла коса на камень. Сначала японцы неделю требовали выдать им Беляева для расследования его поведения в бою. Он их с борта «Паскаля» послал куда подальше, командир «Паскаля» Сэнес его поддержал, мол, нейтральный стационар. Теперь они бы и рады, чтобы он убрался из Чемульпо под ту самую подписку — у него очередь из журналистов на интервью на полгода вперед. А японцам лишнее освещение того, что они там делают, с Беляевскими комментариями, ни к чему. Но теперь уже уперся Беляев — как узнал, какой «Кореец» стоит во Владивостоке, дал слово чести — пока идет война, он подписку не даст. Патовая ситуация, понимаешь...

— Вот уж этот пат разрешить проще простого — я не знаю, что с теми японцами делать, что мы на «Ниссине» с «Кассугой» взяли, ну и с экипажами рыбаков и пароходов, что нам подвернулись. Вот и предложим через газеты поменять всех на всех, безо всяких условий. Заодно и твой Секай вернется домой. Как с ним, до чего договорились?

— Ну, если вкратце, то императора он предавать, конечно, не будет, но предложение взаимовыгодного мира с небольшими взаимными уступками ради прекращения войны его заинтересовало. Но его голос в Японии далеко не решающий...

— Ну, это уже как рекламировать. Так что там наш Вадик пишет, за «Манчжура» не кается, небось?

— Ну всё! Кажется, прорвались. Курс — норд, скорость — одиннадцать, — произнёс командир «Манчжура» Кроун. В неосвещённой рубке вслед за всеобщим вздохом облегчения раздался грохот — лекарь Банщиков в буквальном смысле упал в объятия Морфея.

Что ж удивительного? Двое суток перед переносом — на кофеине, зазубривая тексты и факты; перенос и очередная бессонная ночь — в попытке освоиться в новом теле и на новом месте; нелюбезное объяснение с Петровичем, блин, этот Кроун с таким уважением косился на его синяки, знал бы он, кто и за что их наставил; ночная писанина, когда опыт и воспоминания всех трех инновременян надо было дозированно разложить по папкам — что надо выдать Алексееву, чтобы отпустил в Питер и выделил срочный поезд, что Макарову, чтоб не потоп на «Петропавловске», а что самому Николаю Второму, чтобы проникся значимостью неизвестного доктора и ел у него с руки; двадцать восемь бессонных часов на катере в окружении бредящих раненых, за которыми надо было ухаживать, а это далеко не привычная практика в чистой больнице, только опыт реального Банщикова и выручил; двенадцать часов в Шанхае — устройство пациентов в госпиталя и мучительное ожидание «откликнется ли венценосец?», потом организация побега «Манчжура». В итоге, если верить телу, ему досталось пять часов сна за четверо суток, а если мерить по сознанию — те же пять часов за неделю.

Так что пробуждение «героя с „Варяга“» на закате первых суток прорыва никого не удивило — здоровый богатырский сон. Больше всех удивился сам Вадик — Кроун уступил ему свою командирскую каюту.

Пообедав-поужинав и узнав последние новости, состоящие в отсутствии новостей, Вадик взялся за перо — за одну ночь на «Варяге» многие мысли успели набросать только тезисно, и готов был только пакет для Алексеева. Макаровский и Николаевские еще надо было оформлять и переписывать начисто. Но потом плюнул — до Питера по любому почти три недели в комфортном купе, а не в каюте, где палуба уходит из под ног. А непривычные к перу руки то и дело ставят кляксы. Поразмыслив, Вадик взялся за отчет «по профилю»: о характере ранений на «Варяге» и мерах по их уменьшению в русском флоте — уж он-то про «дырявые» рубки не забудет. Да и красота письма тут не так важна, как срочность принятия мер — в первом же бою, а когда он теперь состоится, сказать было сложно, можно потерять половину командиров кораблей.

Остаток похода в Артур прошёл для младшего врача «Варяга» под скрип пера — ноутбука на «Манчжуре» не было и все редакторские правки приходилось доверять бумаге. А переписывать пришлось много: «медицинский» отчет разросся до двадцати рукописных страниц, новая телеграмма самодержцу — до трех, а ещё пяток «шпаргалок» на все случаи жизни в Артуре.

Первые испытания новоявленного графа Калиостро поджидали сразу по прибытию в Порт-Артур. Благополучно избежав русских минных заграждений, уже стоявших первой эскадре двух кораблей, «Манчжур» был встречен лично наместником Алексеевым. Он умудрился одновременно отругать Кроуна за самоуправство и похвалить его за находчивость и храбрость при прорыве в Порт-Артур. Далее обласканный Вадик был препровожден в личные апартаменты наместника, где огорошил последнего новостью.

— Что значит «„Варяг“ не утонул»? А чего же вы тогда панику на весь мир подняли?

Зачем разбазарили почти полтысячи рублей на поиски выживших членов экипажа неутонувшего крейсера? И где, черт побери, носит Руднева, если крейсер и правда на плаву? И как он посмел подать с вами ложный рапорт об утоплении крейсера??! Куда там его ранило, в ногу или все же в голову? Разжалую в матросы!

— Подождите, не горячитесь. У Руднева есть план, который может в корне поменять расклад сил на море, но для его выполнения нужны две вещи, первая — строжайшая секретность. Никто, кроме меня, вас, и императора не должен знать о том, что «Варяг» в море, а не на его дне. А вторая — содействие государя-императора, ибо пока «Варяг» не придет во Владивосток с призами, нужно сделать много вещей, которые может приказать сделать только он.

— И что же, интересно, такого не могу приказать сделать я, наместник императора на Дальнем Востоке? И о каких таких призах вы тут говорите? — Будучи наместником, Евгений Иванович очень ревностно относился к любым попыткам что-то сделать «через его голову».

— Его высокоблагородие Руднев перед тем, как отправить меня с «Варяга», передал лично вам этот конверт. Еще один у меня для государя, с пометкой «Лично в руки». Там написано, что за призы и как он планирует захватить. Но зная о перегоне из Италии двух броненосных крейсеров гарибальдийской серии, человек вашего ума и сам бы догадался, будь он на месте Руднева (привыкший к лести Алексеев благосклонно проглотил наживку и сбавил обороты). Кроме того, там приводятся некоторые сведения, которые Руднев разузнал по своим дипломатическим и шпионским каналам, например, о способе минных постановок с миноносцев и характеристиках японских снарядов. Ну и еще некоторые мысли самого Михаила Федоровича о том, куда надо направить отряд Вирениуса, и том, как должны выглядеть военные корабли нового поколения. Извольте ознакомиться, я помогал командиру составлять этот документ, так что постараюсь ответить на все ваши вопросы.

Отчет Руднева о действии снарядов противника и мерах противодействия путем навешивания на борта коечных экранов и противоосколочной защиты Алексеевым был просто прочитан с интересом и полным вниманием. Наброски же линкоров и крейсеров нового поколения и проект только что заказанных броненосцев «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» вызвали противоречивую реакцию.

— Интересно. Вообще-то странно, от Всеволода Федоровича такого точно не ожидал. Нет, командир он справный, хотя и мягковат, на мой взгляд, а как дипломат просто превосходен, но... Ну никогда не был он замечен в проектировании кораблей. Тем более таком — это же совершенно новая концепция, только крупнокалиберные орудия и противоминная артиллерия. Я даже не знаю — это гениально или просто глупо. А как пристреливаться? А то, что двенадцатидюймовое орудие стреляет один раз в минуту, а за это время дистанция до цели изменится, его не волнует? Но с другой стороны, какие красавцы получаются...

— Евгений Иванович, а вы на обороте посмотрите, там, кажется, и методы пристрелки полузалпами, тогда каждые тридцать секунд мы отправляем в сторону противника четыре двенадцатидюймовых снаряда.

— Именно что «в сторону противника»! Без пристрелки средним калибром точную дистанцию не нащупать! А на малых дистанциях ваш броненосец нахватается шестидюймовых снарядов еще до того, как накроет противника!

— Насчет дистанции — это было справедливо для старых дальномеров. Горизонтально-базисные системы Барра и Струда, напротив — позволяют. И потом, дистанция боя для

крупного калибра до ста кабельтовых. А средний — не далее шестидесяти. Ну и еще — противоминный калибр на этих кораблях тоже не семьдесят пять миллиметров, а как минимум сто двадцать. Миноносцы тоже, знаете ли, выросли, так что на дистанции до сорока-пятидесяти кабельтовых они же работают как средний калибр. Но знаете — «Варяг» при прорыве получил три дюжины шестидюймовых снарядов, и что? Ничего. Кроме выхода из строя артиллерии, не прикрытой броней, и дырок в небронированных бортах. А получили мы один-два двенадцатидюймовых подарка, были бы на дне. А уж для современного броненосца противника это и подавно справедливо — у него-то и борта бронированы, и орудия, а пробить даже верхний пояс из среднего калибра нереально. Броню башен и казематов тоже. Так зачем его заваливать десятками снарядов среднего калибра, если один-два крупных нанесут больше вреда? Ну и по скорострельности двенадцатидюймовок с новыми затворами — это уже выстрел в сорок пять секунд. А не раз в минуту. Так что залпировать будем почти каждые двадцать секунд, вот и возможность пристрелки.

— Что-то вы для лекаря слишком хорошо в нашей кухне разбираетесь, — недовольно проворчал Алексеев. Однако его интерес к записям Руднева просматривался невооруженным взглядом.

— У нашего Всеволода Федоровича хочешь — не хочешь, а будешь разбираться. Обратите еще внимание, — продолжил мягко, но безостановочно давить Банщиков, — что у Руднева силуэты всех кораблей от линкора до крейсера второго ранга идентичны? Две линейно-возвышенные башни с парой орудий на носу, две в корме, по две трубы...

— Какие-какие башни?

— Это Всеволод Федорович придумал новый термин. Линейные — значит по оси корабля, в диаметральной плоскости, чтобы любое орудие могло стрелять на любой борт, чтоб балласт нестреляющий не возить. А возвышенные потому, что вторая башня установлена выше первой, что позволяет в оконечностях вести огонь из обеих башен как в нос, так и в корму.

— Вы с Рудневым всерьез собираетесь вести огонь главным калибром прямо поверх первой башни? А как насчет пороховых газов у дульного среза при выстреле? Ими же снесет все с крыши первой башни. Не дай бог кому оказаться в комендорском колпаке этого вашего творения, минимум контузия ему гарантирована.

— Американцы уже проводили испытания и сейчас строят пару броненосцев, типа «Мичиган», именно по этой схеме.

Уже через сутки по прибытии в Артур Вадик грузился в персональный вагон курьерского маршрута в Петербург. К тому же был повод гордиться — опоздавший к началу войны отряд Вирениуса личным приказом императора был разделён на две части — «Ослябя» с «Авророй» в сопровождении быстроходного транспорта «Смоленск» в роли угольщика идут в Сингапур, где должны получить телеграфом приказ о месте дальнейшего назначения. Вторая, медленная часть отряда — старый крейсер «Дмитрий Донской», миноносцы и пара медленных транспортов по способности, не связывая более быстроходные корабли, следует тем же маршрутом. В Сингапуре «Донской» отделяется в самостоятельное крейсерство, с примерным маршрутом вокруг Японии и главной задачей проверить как можно больше транспортов. Когда Алексеев спросил, зачем это нужно, то Вадик пространно рассказал ему о том, какая будет реакция на британской бирже при известии о русском крейсере, досматривающем британские же торговые корабли. Сам не любитель Великобритании, Алексеев так загорелся идеей, что теперь за эту часть плана Вадик мог

быть спокоен.

А в ночь перед отъездом «лекаря с „Варяга“» Кроун затащил на вечеринку офицеров кораблей первой эскадры. К сожалению, Вадик с Петровичем на такой расклад событий не закладывались и готовых советов для командиров кораблей на тему, что они могут сделать сами, у Вадика не было. Пришлось импровизировать.

В результате обычная попойка старшего офицерского состава как-то незаметно перетекла в собрание младших флагманов на предмет — «что мы можем сделать сами, не дожидаясь, когда наверху проснутся». После описания действия японских снарядов и обстоятельств ранения Руднева общими силами пришли к выводу о необходимости противоосколочной защиты амбразур рубок и орудий. Красочное описание пожаров, с которыми с трудом справлялись два пожарных дивизиона вместо одного, должно было повлиять на серьезность борьбы с лишним деревом и запасание пожарных рукавов. Практика подготовки запасных расчетов артиллерии среднего калибра из артиллеристов противоминного калибра тоже упала на правильную почву...

Чтобы не скучать в долгой поездке, «проникнуться духом эпохи» и освоить «ять да ижицу», Вадик прихватил у своих артурских знакомых (из «прежней» жизни) четыре тома романов поувесистей. В пути, периодически устраивая себе перерывы в составлении бесконечных трактатов государю-императору и адмиралу Макарову, пускал чтиво в дело. Где-то под Иркутском, перечитывая, казалось бы, с детства знакомого Жюль Верна, он наткнулся на описание журналиста, заблокировавшего доступ конкурентов к телеграфу тем, что передавал в редакцию текст Библии. «Пусть я и ламер в компьютерах, по сравнению с Петровичем», — пронеслось в мозгу доктора Банщикова, — «но ведь это же первое описание спам-атаки на трафик». После чего все последующие пересменки паровозов вплоть до самой столицы коротал не в сонных привокзальных буфетах, а у станционных телеграфистов. По дороге Вадик несколько раз ловил себя на мысли, что не узнает самого себя в теле Банщикова. Он бы никогда не рискнул прорываться на «Манчжуре» мимо более сильного крейсера, он точно не смог бы так изящно сыграть с Алексеевым, да он вообще ничего сам не мог! Но вот, оказавшись в теле человека с более авантурным складом характера и богатым жизненным опытом, как-то повзрослел и сам.

* * *

Хоть вагон и был из высшего разряда, но к прибытию в столицу доктор Банщиков чувствовал себя немногим лучше, чем после суточного похода на катере — слишком уж изматывающее-долгим было это «тудух-тудух». Планировал снять номер в каком-нибудь отеле с видом на Неву и отоспаться, но прямо на перроне его встречал офицер свиты Его Императорского Величества. «Сработали» телеграммы, посланные из Москвы и Бологого, хотя фонтан мистицизма и цитат из дневников раз за разом всё более истощался — нельзя же всё время тянуть одну и ту же песню.

Делать нечего — вместо сна — с места в карьер, вместо прихваченного в Артуре и порядком помявшегося за дорогу гражданского костюма вновь влез в «варяжскую» форму — при первом знакомстве лучше выглядеть честным служакой, чем заурядным обывателем. От Московского вокзала до Зимнего долетели за минуты, пусть и на конной тяге.

И... ждать. Когда-нибудь венценосец выкроит время между семейными обедами,

фамильными сплетнями, прогулками и докладами министров.

«Когда-нибудь» случилось при свете закатных лучей короткого зимнего дня. После рапорта о бое и выражения готовности отдать жизнь за Россию и царя еще не один раз (от такого прямо скажем смелого заявления глаза Николая несколько округлились, но зато он наконец стал вникать в то, что именно ему говорит этот доктор с героического крейсера). Для затравки пришлось повторить значительную часть «мистического эпоса», содержавшегося в телеграммах. Потом Вадик вытащил первый конверт, заготовленный еще на «Варяге».

— Ваше величество, вы, наверное, помните, в тех телеграммах, что я вам отсылал из Шанхая, были указаны даты гибели «Енисея» и «Боярина»?

— Да что-то там было про это, и еще что-то непонятное про охоту на зайцев...

— Гм... А можно сейчас найти те телеграммы?

— Боюсь, что нет, а зачем?

— Вы случайно не обратили внимания, что о гибели «Боярина» я вам написал как бы не ДО того, как он погиб? И уж точно ДО того, как информация о его гибели дошла до Шанхая?

— Нет, не обратил... Да и не уверен что я в тот же день ваши телеграммы прочитал, — рассеяно пробормотал самодержец всея Руси. — Но как такое вообще возможно?

— Теперь про зайцев... Вот в этом конверте содержится некий текст, который был написан еще на «Варяге». Конверт запечатан корабельной печатью, а сверху еще и консулом в Шанхае. Так что очевидно, что он не открывался с 28 января... Вечером, будьте любезны, Ваше Величество, найдите время и сравните то, что там написано, с вашими личными дневниками за тот же день и за первое января. Если вам это покажется интересным, то я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Я планирую остановиться в «Национале».

Вторая встреча состоялась на следующий день, и судя по тому, что посыльный из Зимнего прибыл уже в десять утра, а в приемной на этот раз ждать не пришлось не минуты, царь наживку заглотил по самые гланды. Можно было подсекать. Встреча началась с того, что пришлось попросить государя удалить из кабинета всех. И когда последнее было выполнено заинтригованным монархом, упав на колени выдал заранее заготовленную фразу:

— Разрешите первым поздравить Ваше Величество с долгожданным наследником!

Опешивший Николай потянулся было рукой к звонку, но на пол пути замер как пораженный током.

— А с чего вы взяли, что...

— Ваше величество, то недомогание, что мучило Государыню императрицу в последние несколько недель, вызвано началом беременности. Она вам еще не сообщила?

— Нет... Но позвольте, если даже я об этом не знаю, то откуда вы, на Дальнем Востоке? И с дневниками, ведь слово в слово! Но это решительно невозможно!

— Видите ли, Николай Александрович... Я не только коллежский советник Банщиков, доктор с «Варяга». Я еще и Вадим Перекошин, 1988 года рождения, студент пятого курса Московского медицинского института. Поэтому я знаю некоторые вещи, которые пока еще не произошли, и знаю, что у вас не только будет наследник, у нас его называли Алексеем, но и когда он родится, чем будет болеть и как долго проживет. А так же — что именно надо сделать, чтобы он прожил подольше, чем ему было отпущено Богом в моем мире. И дневники ваши я читал потому, что они были изданы в конце 90-х годов этого века.

— Но как вы можете быть и собой, и кем то еще? Вы сами часом не больны, Михаил Лаврентьевич?

— Нет, ваше величество, часом не болен, — усмехнулся старой шутке Вадик, пытаясь хоть немного унять нервную дрожь, — а как получилось... Мой отец, весьма крупный ученный, ставил эксперимент по переносу сознания в пространстве и времени. В результате на борту «Варяга» оказался я и еще пара человек из совсем другого времени. Из мира, который, наверное, тут уже не возникнет. Ибо в том мире «Варягу» прорваться не удалось, так он в Чемульпо и остался... Но давайте для начала о главном — о наследнике... В моем мире его называли Алексеем...

После чего, дав небольшую передышку обрадованному (все же наследника он ожидал более десяти лет), но и слегка напуганному царю Банщиков мягко перешёл к родовой болезни британских монархов — гемофилии. Изрядно ошеломлённый комбинацией потоков мистики, предсказаний из будущего и просветительской информации Николай Александрович безропотно согласился устроить консилиум. Для дальнейшей беседы решили привлечь всех светил тогдашней медицины — Боткина, Сеченова, лейб-медика Гирша и Бехтерева, которые должны были подтвердить или опровергнуть слова Банщикова. Последний — психиатр с мировым именем, должен был, как с усмешкой сказал Банщиков, освидетельствовать меня самого, и подтвердить, что «часом я все же не болен». Единственным возражением Николая, выслушивающего рассказы о гемофилии и ее лечении во время ожидания медицинских светил, было, что все его дочери абсолютно здоровы! За что его величество нарвался на краткое изложение курса генетики для чайников и о наследовании разного вида хромосом с разными видами генетических болезней. Ход оказался весьма удачным — наука высокого градуса крепости подействовала на самодержца не хуже мистики Распутинского разлива — и там и там ни фиги не понятно, но звучит умно. Впоследствии Вадик не раз пользовался этим приемом.

Оставшиеся пару часов, пока рыскавшие по Питеру курьеры собирали медиков, Вадик использовал, чтобы посвятить государя в планы Руднева. Николай заинтересовался идеей увести из под носа у вероломно напавших на Россию врагов два броненосца. Но долго концентрироваться на этой идее он не мог. Резко встав из-за стола, он извинился, попросил Банщикова чувствовать себя как дома и вышел в неизвестном направлении. Вернувшись через пол часа, Николай был в приподнятом настроении.

— Знаете, доктор, я не знаю, кто вы, откуда вы, и чего вы добиваетесь на самом деле. Но Аликс только что подтвердила мне, что она на самом деле непрадна. Она не хотела мне говорить, пока сама не была на сто процентов уверена и из-за древнего суеверия — мол, в первые три месяца лучше никому не говорить. Но, пожалуй, я начинаю вам верить. Так что там по поводу «Варяга», не утонул, значит, но никому об этом пока знать нельзя?

В присутствии спешно собранных по столице коллег Вадик резко сменил тон: никакой фантастики, мистики, главное — убедить известнейших профессионалов. С царем заранее договорились, что об истинной природе доктора никто, кроме самого императора, узнать не должен.

— В своём морском путешествии на Дальний Восток я заинтересовался исследованием привыкания русских матросов к тропическому климату. В числе прочего брал у каждого в разных широтах по две-три капельки крови для исследования, в надежде обнаружить изменения, вызываемые климатом. Сравнивал их между собой и с пробами крови аборигенов тропиков, — Вадик приступил к научной части.

— Увы, изменений состава крови в зависимости от климата мне выявить пока не удалось. Зато обнаружилась совершенно поразительная вещь — все пробы можно разделить

на четыре группы. И внутри каждой группы уже невозможно отличить, кровь ли это русского, татарина, малайца или корейца. В конце декабря я решился на эксперимент. Выбрал двух матросов из заведомо разных губерний, но одной и той же группы крови. Взял у каждого по четверть фунта крови и сделал их «кровными братьями», перелив кровь одного другому и наоборот, — признанные мэтры медицины кто тихо, а кто и не очень офигевали от дерзости научной практики и наглости экспериментов над живыми людьми.

— Уже спустя час после подобной процедуры оба они себя чувствовали так, словно ничего и не происходило. Это значит, что в случае хирургической операции или при заболевании крови, — Вадик постарался выделить интонацией, — можно существенно облегчить процесс возвращения пациента к нормальной жизни за счёт вливания ему крови здоровых людей. Когда же я однажды по ошибке перелил кровь не той группы раненому корейцу, тот весьма быстро скончался.

Видя, что коллеги целиком прониклись перспективами, а император несколько заскучал, обдумывая дальнейшую судьбу наследника, Вадик вытащил из рукава последний козырь: — В древнем Риме придворные медики научились облегчать роды жён Цезарей с помощью кесарева сечения. У нас же есть шанс дополнить медицинскую практику спасения жизни процедурой переливания крови — так чтобы во всех учебниках на века значилось царское донорство. И чтобы его ассоциировали не с британской или германской фамилиями, а с Россией и домом Романовых.

Вадик набрал в лёгкие воздуха побольше и чуть не поперхнулся — ему пришло на ум старое, еще большевистское прозвище Николая Второго — Николай Кровавый... Вот уж воистину — накаркали большевички. Но отбросив посторонние мысли, Вадик сосредоточился на запудривании мозгов коллегам и самодержцу.

— Но если мы промедлим, то переливание крови введут в массовую медицинскую практику и без нас. Да ещё и назовут именем какого-нибудь президента, короля или папы римского. Чтобы не потерять приоритет, и научиться спасать больных с врожденными заболеваниями крови (Николай Второй болезненно дернулся) нужно следующее, — и перешёл к изложению подробностей предстоящей работы.

Его слушателя заворожено хлопали ресницами. Вдохновленный и одновременно напуганный самодержец пообещал всемерное содействие, после чего доктора удалились, оживлённо обсуждая детали предстоящей работы. Как-то само собой получилось, что охрипший и оголодавший Вадик остался на ужин у Боткина, а потом и вовсе заночевал в одной из гостевых спален — ведь собственным углом в Петербурге он так и не успел обзавестись.

Утром за завтраком доктор Баншиков ошарашил своего коллегу просьбой организовать ему встречу одновременно с министром финансов и тремя-четырьмя представителями крупнейших русских банков. После чего спросил несколько адресов и отправился строить себе цивильное платье, подыскивать квартиру и заниматься прочими скучными, но необходимыми повседневными делами.

* * *

Слово государя, конечно, закон. Но между словом и делом подчас бывают перерывы. Несколько дней Николай Александрович раздумывал над тем, кого из родни стеснить в

пользовании каким-нибудь из дворцов поплоше для размещения «Института крови»; какой из полков гвардии отрядить для экспериментов по донорству; какую статью расходов двора ужать, чтобы донорство стало царским не только по названию...

Одним словом, уже к концу недели весь двор знал, что герой с «Варяга» лекарь Банщиков является новым властителем дум самодержца. Хотя в подробности официально никто не был посвящён, но кто-то уже трясся за «свои» дворцы, кто-то наоборот, жил надеждой на будущие дивиденды от монарших благоволения. Безразличных практически не было.

Поэтому особых усилий Боткину прикладывать не пришлось — каждый из участников созванного Вадиком совещания с готовностью принял приглашение — кто выслушать героя, кто посмотреть на новую дворцовую диковинку, кто оценить перспективность для роли фаворита. Главным намерением собравшихся было попытаться «что-то с этого поиметь», и разочарованными они не остались. Скорее наоборот.

* * *

— Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие, — начал Вадик у развешенной на стене карте мира, — России объявлена война.

— Знаю, что вы в курсе, — перекрыл он недоумённый шёпот, — но вы совершенно не имеете представления о характере ведущейся войны и её возможных результатах. Это не война пехотного батальона против взбунтовавшихся хунхузов и даже не поход пехотной дивизии на завоевание Бухары и Хивы. Присутствующий здесь господин Коковцев, подтвердит, что по объёму затраченных обеими сторонами средств с учётом достраиваемых на Балтике кораблей и перебрасываемых на Восток дивизий война с Японией уже сейчас превосходит предыдущую войну России с Турцией.

В планах Японии затяжная война и разгром русских сил по частям: они уже начали громить артурскую эскадру, затем возьмутся за владивостокские крейсера. В худшем случае — когда новейшая эскадра с Балтики придёт на Дальний Восток — она без поддержки уже имеющимися там сейчас силами тоже не сможет победить японцев. В результате они по частям разгромят на море вдвое превосходящий их русский флот.

Картина боевых действий на суше может быть аналогичной — полков и дивизий у нас, конечно, больше, но перебрасывать по транссибирской магистрали мы можем их лишь небольшими группами. При выдвижении в район боя нашей пехотной дивизии по грунтовой дороге для преодоления двадцати вёрст требуются сутки. Их пехотная дивизия морем это же расстояние преодолеет всего за час. В результате у японцев, как и на море, есть возможность бить нас по частям, выставляя против одной нашей дивизии пять-десять своих.

Может, вам подобное изложение событий и внове, но с точки зрения нейтральных штабистов где-нибудь в Лондоне или Вашингтоне всё к этому и идёт. Они сами уверены и своих банкиров убедили, что в начавшейся войне победит Япония.

Главный шанс для России в этой войне — это не допускать затяжной войны, победить быстро и малой кровью. Иначе, как и в затянувшуюся в семьдесят седьмом году турецкую войну, вся кровь русских воинов осядет прибылью в германских и французских кошельках. Но чтобы победить быстро, нужны деньги. Нет, нет, нет! На ваши личные кошельки я не покушаюсь, хотя в вашем патриотизме и готовности пожертвовать деньги для победы я

уверен. («Пусть попробуют теперь отказаться»). Речь совсем о других деньгах. Всё дело в том, что ни Россия, ни Япония в этой войне не в состоянии нанести друг другу безусловных поражений — все наши экономически значимые территории слишком далеки от Японии, все их территории для наших войск также пока недоступны из-за островного положения Японии. В результате война будет вестись до тех пор, пока у противников есть деньги. И кто первый скажет, что денег нет, тот и проиграет.

Как я уже говорил, банкиры Лондона и Нью-Йорка уверены в победе японцев. И даже если Россия обернёт всех своих подданных, включая вас, до нитки, она не сравнится по объёму военных расходов с кредитными возможностями половины мира. Собственно, почему я вас и позвал — русские солдаты и матросы могут проиграть или выиграть отдельное сражение, но выиграть войну — а для России это значит не разгромить японцев, а не допустить её затягивания — можете только вы. Для этого нужно не только найти деньги для снабжения армии и флота всем необходимым, нужно ещё подорвать доверие банкиров к японским долговым обязательствам: без иностранных кредитов у Японии не будет шансов для продолжения войны. Это как борьба с пожаром — можно пытаться залить его водой, можно пытаться вытащить из дома все, что может гореть, а можно просто перекрыть к огню доступ кислорода. А деньги и есть кислород войны.

На идею меня натолкнул один из романов Жюль Верна. Возьмите книжки — я отметил закладкой — может, на досуге перечитаете. Суть в том, что дальневосточный театр военных действий крайне беден телеграфными линиями. И если наши войска в Артуре и Владивостоке имеют прямой телеграфный провод в Петербург, а отсюда — и во весь мир, то японским сообщениям о боевых действиях для попадания на их телеграф нужно от нескольких часов до нескольких дней. Имея преимущество в получении информации хотя бы на десять часов, ваши агенты и подставные фирмы на всех биржах мира смогут покупать русские и японские облигации накануне их подорожания и продавать накануне их удешевления. («У нас это зовётся инсайдерской торговлей и карается либо личным пляжем на Карибах, либо персональной пулей в подворотне — до личных нар в Мордовии доходит редко. Эх, мне бы такую фору в пару часов в поступлении информации, когда я поигрывал на Форексе, не пришлось бы отцу лезть к этому полубандитскому олигарху...»).

— Вы согласны помочь России разорить Японию? — банкиры дружно закивали в ответ, похоже, что поиметь с этого юнца можно было много.

— Вы согласны помочь присутствующим здесь патриотам России краткосрочными казначейскими займами на срок три-пять дней в моменты активизации рынка военных облигаций? — министр финансов Коковцев выждал паузу, но тоже, заранее предупрежденный императором, согласился.

— Главное в намеченном деле — это полное доверие между нами и полная секретность для всех остальных. По моей информации, скоро с востока придут крайне положительные сведения о боевых действиях. Так что можете через ваших агентов потихоньку покупать русские облигации уже прямо сейчас. Но уж когда я скажу «Пора покупать», пускайте на облигации все свободные средства.

* * *

Телеграмма о прибытии во Владивосток «Варяга» ушла в мир с двенадцатичасовой

задержкой. На этой новости русские облигации поднялись на 0,5 %, японские подешевели на 0,25 %.

Двенадцать часов спустя рынки подробно обсуждали новую телеграмму — с «японским» опровержением, мол, не может такого быть. Рынок качнулся к исходному состоянию, но спрос на русские бумаги «почему-то» не упал.

Ещё спустя двенадцать часов увидели свет подробности эпопеи «Варяга», включая историю «Ниссина» и «Кассуги». Рынок взорвался. Довершили дело вышедшие в Лондоне и Нью-Йорке статьи обитающих во Владивостоке иностранных журналистов. Доверять японским бумагам не хотел никто. Ну, или почти никто — лишь «какие-то» торговцы начали потихоньку обменивать подорожавшие на 3 % русские облигации на деньги и подешевевшие на 5 % японские бонды.

* * *

Сообщение об атаке японской эскадрой Владивостока даже задерживать не пришлось. Оно «просто» было дополнено абсолютно правдивыми сведениями о том, что «Варяг» в доке и надолго, а трофейные крейсера не в состоянии дать ход. Плюс к этому две полностью подавленные батареи береговой обороны, пытавшиеся дать отпор нападающим, многочисленные пожары в городе... Те, кто доверился японским бумагам, «вдруг» обогатились на 4 %. Правда, некоторые из них «почему-то» сразу же стали покупать русские бумаги.

Сутки спустя пришли подробности: что четыре сотни снарядов Камимуры привели к гибели всего лишь двух десятков гражданских жителей Владивостока; что «Варяг» в доке исключительно из-за повреждений при Чемульпо; итальянские крейсера неподвижно стоят в порту только из-за нехватки экипажей, которые «в скором времени выедут из Севастополя». Особую пикантность корреспонденциям придавал тот факт, что «Варяг» вел по врагу огонь прямо из дока, а свежезахваченные корабли, хоть и не могли дать ход, тоже выпустили по противнику порядка полусотни снарядов. Вишенкой на торте послужил попавший в газеты рапорт об «Оборудовании ложных позиций для отвлечения огня противника» лейтенанта Балка. В довольно язвительной форме в сводной таблице приводились затраты русской стороны на оборудование двух ложных огневых позиций (порядка полусотни рублей) и стоимость снарядов, потраченных японцами на их «подавление» — около десяти тысяч фунтов. Маятник цен на облигации качнулся в противоположную сторону.

Спустя месяц (фотографии тогда приходилось физически ВОЗИТЬ в редакции, а Владивосток был той еще окраиной) в газетах мира появился фотоотчет о бомбардировке Владивостока. Особо красноречиво получилась фотография бортового залпа уцелевших пушек «Варяга», посылающих снаряды из дока. Подпись под ней — «Непобежденная кость в горле императорского японского флота» — похоже, одна привела к очередному колебанию маятника биржевых котировок. А может, тут виновата фотография с дальнего поста, на которой была изображена маневрирующая японская эскадра в окружении многочисленных всплесков русских снарядов? Или снимки участков расстрелянного леса с подсчетом, во что обошлась японской казне ломка русских сосновых дров с напоминанием о цене одного 12" снаряда в шестьдесят фунтов? Да еще правдивый отчет о неудачном минном заграждении, на котором час «гуляла» японская эскадра, проиллюстрированный еще одной

фотографией восьми исполинских взрывов на фоне дымного горизонта? Уж охоту еще раз наведываться к Владивостоку последняя новость у Камимуры отбила наверняка. А успех фотоотчета заставил Вадика задуматься, и к весне во Владивостоке появилась пара кинооператоров.

* * *

В дополнение к наградам за бой при Чемульпо лекарь Банщикова был награжден орденом Святого Владимира с формулировкой «За спасение раненых с „Варяга“». В газеты не попала мелкая деталь — ходатайствовал о награде министр финансов.

От «патриотичных банкиров» Вадика перепал роман Жюль Верна в золотом переплете и скромный вклад на сто тысяч рублей.

Специальное совместное заседание министерства финансов и главного морского штаба постановило для соблюдения всех юридических формальностей выкупить в казну за шесть миллионов рублей приведенные Рудневым во Владивосток призы «Ниссин» и «Кассуга» и зачислить их в русский флот под именами «Кореец» и «Сунгари». Конечно, шесть миллионов — это только треть от заводской цены и четверть «цены военного времени», однако без биржевых спекуляций Минфин и эти средства изыскивал бы годами — «Зачем платить, если корабли и так наши». Но даже и после этой выплаты государственный долг России сократился «на пару броненосцев» — тридцать миллионов рублей.

Деньги разделили «по честному» — между всеми участниками боя при Чемульпо, живыми и погибшими, офицерами и матросами. Рудневу досталось полтора миллиона, офицерам по тридцать-семьдесят тысяч, матросам чуть больше трех тысяч каждому. Поскольку по меркам довоенной жизни для каждого это были абсолютно невообразимые суммы, по распоряжению Руднева и с согласия «патриотичных банкиров» доступ к именным счетам был заблокирован до конца войны, кроме его собственного. Причем на долю семей погибших была выделена тройная доля здорового члена команды, занимавшего ту же должность в штатном расписании. Раненые, за исключением самого Руднева, получили по двойной доле.

* * *

Подробности о суммах призовых выплат были секретом для Владивостока всего лишь несколько часов. А через несколько дней о них из газет узнали по всей России. Утром следующего дня стол Руднева был завален заявлениями добровольцев для комплектации экипажей броненосных и вспомогательных крейсеров. Некоторые купцы, увидев «норму прибыли», изъявили желание «помочь России в трудный час» и выкупить пару-тройку лайнеров в Германии и Франции для переоборудования во вспомогательные крейсера. При условии, конечно, что что им, абсолютно неофициально, будет причитаться доля с продажи трофейных товаров и судов. А наиболее ушлые вообще готовы были финансировать экспедиции за исключительное право покупать у казны захваченную контрабанду и пароходы. В ожидании прогнозируемого дефицита кадров пришлось срочно запрашивать с Черноморского флота подкрепления — в дополнение к уже выехавшим в Харбин экипажам

Отчёт о пребывании экипажа канонерской лодки «Кореец» в Чемульпо

Составлен командиром канонерской лодки «Кореец» капитаном второго ранга Беляевым по прибытию во Владивосток. Редакция послевоенная, доработанная.

«Морской сборник», № 1, 1924 г.

Первые минуты после взрыва «Корейца» практически никто из экипажа не в состоянии восстановить в деталях — все были заняты вычёрпыванием из шлюпок и катера воды, накрывшей нас после взрыва канлодки. Некоторые были сброшены потоками воды за борт, одна шлюпка перевернулась, дополнительно увеличивая жертвы среди раненых. Но благодаря мужеству экипажей шлюпок и катера все, кто смог вынырнуть на поверхность, были подняты на борт.

Через пятнадцать минут после гибели «Корейца» все пережившие его последний бой собрались на берегу. В связи с большим количеством нуждавшихся в медицинской помощи раненых я приказал срочно отправить всех в госпиталь христианской миссии в Чемульпо. На этот раз (в отличие от эвакуации с «Корейца») все они были размещены на шлюпках с максимально доступным комфортом. Из-за этого мест для гребцов практически не осталось, поэтому шлюпки ушли на буксире катера.

Была проведена перекличка. На берегу остались двадцать восемь здоровых и шестнадцать легкораненых, отказавшихся отправляться в госпиталь. С катером и шлюпками отправлено четверо здоровых и двадцать пять раненых. Полный поимённый список погибших и выживших был составлен позднее в Чемульпо.

Я планировал дать команде на месте высадки часовой отдых, но через десять минут в миле от нас на берегу было замечено значительное количество японцев. Несмотря на всю хаотичность покидания «Асамы», большая часть её экипажа уже была на берегу. Поэтому я построил своих орлов в колонну и дал команду следовать в Чемульпо.

Под грохот орудий у нас за спиной, удручённые гибелью «Корейца», мы шли в город, когда вдруг раздалось два взрыва, привлёкших наше внимание — тонула «Чиода». Только теперь мы осознали, что «Кореец» и «Сунгари» полностью отомщены. Это вдохнуло в нас новые силы, и в город мы уже входили не толпой переживших кораблекрушение, а строем и с песней.

На ближайшем к месту стоянки «Варяга» пирсе нас уже ждали офицеры со стационаров. Узнав, что все раненые приняты госпиталем, я рассказал собравшимся о том, что до возвращения парламентёров на «Варяг» с «Асамы» дали залп по находившимся в корейских водах русским кораблям, в результате чего на фарватере был потоплен невооружённый пароход «Сунгари».

Постепенно первоначально хаотичное сборище на берегу разделилось на две группы. В одной офицеры и матросы делились личными переживаниями. В другой я докладывал обстановку импровизированно собравшемуся совету командиров

стационаров. В ходе собрания коммодор Бейли дважды переспросил меня, уверен ли я, что Руднев не собирался интернировать «Варяга» в Чемульпо. Пришлось объяснить англичанину, что понятия о чести русского офицера не позволяют интернироваться, пока есть хоть какие-то шансы нанести урон противнику, а спускать флаг перед неприятелем прямо запрещает Морской устав. После этого коммодор минут пять в обсуждении активного участия не принимал.

После известия о гибели «Сунгари» и «Чиоды» на фарватере Чемульпо для уточнения обстановки с французского и британского кораблей к границе территориальных вод были направлены паровые катера. Я высказал обеспокоенность, что в результате действий японцев повреждённый и осевший от поступившей воды «Варяг» после боя не сможет войти в порт и что таким образом японцы подготовили ему ловушку. На это командир английского стационара раздражённо заявил, что его больше волнует, что он не сможет выйти из Чемульпо. Все остальные охотно согласились при необходимости направить к возвращающемуся «Варягу» свои катера и шлюпки для спасения экипажа крейсера. Ещё он ехидно поинтересовался, откуда взялись мины, на которых подорвалась «Чиода»? Пришлось объяснить, что перед неизбежным боем оба корабля сдали на «Сунгари» все лишние взрывоопасные грузы, в том числе и дюжину мин заграждения с «Варяга», часть из которых, очевидно, не сдетонировала, а разлетелась по акватории. Так что японцы наступили на грабли, которые сами и бросили на пол.

Посоветовавшись, командиры стационаров составили предварительный список размещения русских моряков на своих кораблях для их защиты от нарушающих всякое международное право японцев. Экипажу «Корейца» достался «Паскаль», и через час мы повторяли историю завязки боя в более тесном кругу, а потом ещё раз, и ещё. А Бейли так яростно настаивал на том, что экипаж «Варяга» по возвращению в Чемульпо должен быть размещен на его корабле, и он «должен поговорить с Рудневым еще раз», что никто не стал настаивать на противном. Тем более это устраивало меня — ибо я-то знал, что Руднев в Чемульпо не вернется при любом развитии событий, а отсылать своих людей к англичанам не хотелось.

Французы живо реагировали на всё рассказываемое — на их лицах как в зеркале читались и наша озлобленность на японцев, и скорбь по погибшим на «Корейце» и «Сунгари», и наша тревога за «Варяг», и опасения за нарушение судоходства. Но не забывали они и про хлеб насущный — к вечеру все разместившиеся на «Паскале» моряки с «Корейца» и сотрудники посольства были снабжены недостающими элементами одежды и всем прочим необходимым.

В сумерках «Паскаль» перешёл на якорное место «Варяга» с тем, чтобы случайно выжившие и вернувшиеся в порт не искали соотечественников по всей территории. По установившейся в порту традиции оставленное «Паскалем» место тут же облюбовали корейские рыбаки — у них считается, что отходы камбуза и сбросы гальюна являются лучшей подкормкой для рыбы.

Для защиты русских подданных в госпитале командирами стационаров была направлена охрана к христианской миссии. Только командир североамериканского авизо «Виксбург» Маршалл отказался в этом участвовать, сославшись на то, что не имеет инструкций от своего правительства на такой случай. И, видимо, караулы

выставили не зря — появившийся утром капитан Исикуро — командир роты японского десанта — попытался войти в миссию, чтобы, по его словам, «взять русских в плен», но видя матросов со стационаров, отказался от намерений.

Утром же через японцев на стационары поступила информация, что «Варяг» всё-таки прорвался!

Состоявшаяся поздно вечером встреча Того, экстренно прибывшего в Чемульпо с эскадрой крейсеров, и нашего посланника, действительного статского советника Павлова, прибывшего из Сеула, в присутствии командиров стационаров осудила действия комендоров «Асамы», приведшие к несанкционированному залпу. Но в вопросе о статусе русских в Корее стороны разошлись. Японцы всех считали военнопленными, европейцы же говорили о нейтралитете Кореи. Для уточнения позиции корейского правительства решили отправить поездом в Сеул курьеров.

К моменту начала обсуждения вопроса о минировании «Варягом» порта вернулись катера, уходившие на поиск спасшихся. Помимо погибших они доставили сигнальные шары и размокшие остатки глобуса с «Варяга», которые японцы в ходе боя приняли за мины.

Пока велись эти переговоры, всё тот же неугомонный японский пехотный капитан Исикуро явился с командой стрелков к борту «Паскаля» с требованием выдать ему русских. За отсутствием на борту командира капитана второго ранга Сенеса переговоры с сидящими в сампанах японцами с нижней площадки трапа вёл старший офицер. Когда при помощи переводчика на странной смеси английского и французского были озвучены требования японца, несколько находившихся на борту над местом переговоров французских моряков спустили штаны и продемонстрировали наглому Исикиро свои ягодицы. Таковая реакция экипажа «Паскаля» обусловлена тем, что снаряд японского первого залпа, которым был утоплен «Сунгари», перелетом лег всего в пяти кабельтовых от французов.

Ошивавшийся неподалёку на катере американский репортёр Джек Лондон посчитал это жестом русской команды, и с тех пор фотографию голых французских ягодиц на «Паскале» с подписью: «Ответ русской команды на японский ультиматум» можно видеть во всех фотоальбомах, посвященных Русско-Японской войне, сразу после фотографии лежащей на борту «Асамы». В редакции его сообщение дополнили «историей» о том, что я якобы достал револьвер и готовился отстреливаться с борта «Паскаля». Две недели спустя они, конечно, дали опровержение в пять строчек, но даже и сейчас — столько лет спустя — находятся желающие узнать подробности этой мифической истории и просят показать на фотографии, какой из голых задов мой.

Хотя еще в нашу первую встречу с Лондоном на борту «Паскаля», куда он двумя днями позже прибыл взять у меня интервью, я ясно ему сказал, что в момент переговоров я и все остальные русские моряки были внизу, дабы избежать инцидентов. Позже, уже во Владивостоке, он извинялся за невольное пущенную им газетную утку, но эту птицу если выпустишь — уже не поймать.

Узнав о требованиях японцев по сдаче в плен, итальянские моряки с «Эльбы», дабы не ударить в грязь лицом перед французами и показать свою лихость, пришли на смену караула возле миссии с запасными комплектами формы. Уходящая смена

увела с собой на их корабль восемь человек тех, кому дальнейшая медицинская помощь могла быть оказана и в корабельном лазарете.

К вечеру вернулись курьеры из Сеула с документом за подписью полномочного министра иностранных дел правительства Кореи, подтверждавшем право японцев брать в плен русских на территории Кореи. Французы и итальянцы заявили, что на их кораблях русские находятся вне юрисдикции Кореи и являются не комбатантами, а гостями. Того пообещал попросить сухопутное командование укоротить норов зарвавшегося Исикуро. Как бы извиняясь за блокирование порта, он пообещал отпустить в Россию по мере выздоровления всех пленённых в Чемульпо в обмен на их обещание не участвовать в этой войне. Покидая внешний рейд, его корабли оставили двадцать четыре паровых катера для скорейшего поиска и расчистки безопасного фарватера.

Я несколько раз выходил на катере с «Паскаля» наблюдать за действиями японских тральных сил. Поутру они связывали попарно катера пятидесятиметровым тросом с закреплённой посередине десятиметровой секцией противоторпедной сети с «Асамы». А потом методично — при хорошей погоде вплоть до самого заката — «утюжили» водную гладь. Мощности катерных машин для срыва с якоря мин не хватало, поэтому при обнаружении мины они высылали к ней третий катер, ныряльщики закрепляли на ней несколько динамитных шашек, после чего катера спешно удалялись от места взрыва, утопив трос и секцию сети. Несколько раз они так натыкались на торчащие из дна доски палубного настила, куски мачт и другие свидетельства минувшего боя. Но в целом их действия можно признать эффективными, за исключением, пожалуй, большого количества простуженных ныряльщиков, о которых нам рассказывали возвращающиеся из госпиталя товарищи.

Через неделю они пустили по протраленному фарватеру нагруженный тюками с хлопком транспорт. Упаковка тюков была достаточно герметичной, чтобы не бояться гибели судна при взрыве. После каждого входа и выхода они заменяли часть хлопка гравием, чтобы увеличить осадку и дополнительно обезопасить маршрут. К концу второй недели в порту было уже не протолкнуться от японских транспортов, и стационары один за другим стали покидать Чемульпо. Я лично был свидетелем только одного инцидента с японским транспортом на фарватере, который течением навалило на корпус «Сунгари».

Примерно в то же время до нас достигли известия, что «Варяг» появился во Владивостоке. И как появился! При чтении вслух на гостеприимной палубе «Паскаля» газеты с рассказом об этом событии, с красочными деталями и подробным описанием трофейных крейсеров, названных «Корейцем» и «Сунгари» в честь «героически погибших, но не сдавшихся, несмотря на подавляющее превосходство противника, русских кораблей», мало кто смог сдержать слезы.

К этому моменту уже была обнародована инициатива Руднева о безусловном обмене пленных «всех на всех». Так как японцы все одно не могли без скандала воспрепятствовать нашему отбытию на «Паскале», они, как мне показалось, с облегчением согласились.

«Паскаль» отправился во французский Индокитай с промежуточным заходом в Шанхай. Здесь мы распрощались с гостеприимными хозяевами, оставив свои

автографы на сигнальных шарах с «Варяга».

В Шанхае д.с.с. Павлов опубликовал в газетах письмо министра иностранных дел Кореи о правах японских войск и свой комментарий о том, что теперь Россия имеет все юридические основания считать корейские территориальные воды районом боевых действий.

Наши сомнения на счёт дальнейшего образа действий — в Артур через Чифу или в Одессу — разрешил русский консул в Шанхае Дмитриевский, сообщивший нам, что по просьбе Руднева все мы уже заочно включены в состав экипажа нового «Корейца», я назначен его командиром, а в мое отсутствие старший офицер исполняет мои обязанности. Нам надо было попасть во Владивосток как можно скорее, а кратчайший путь лежал через Порт-Артур. Так как телеграфное сообщение с Порт-Артуром еще действовало, мы договорились о том, что нас в Чифу заберет миноносец.

Не прошло и месяца, как мы были во Владивостоке и принимали наконец новый «Кореец», возродившийся, как Феникс из пепла. Больше всего нас поразила встреча во Владивостоке. Казалось бы, что после недели чествований в Порт-Артуре нас уже ничем не удивить. Но вид экипажа «Варяга», в полном составе выстроившегося на перроне вокзала во Владивостоке, с Рудневым во главе, был все же несколько неожиданным. А уж когда Руднев, а вслед за ним с мгновенной задержкой и весь остальной экипаж отвесили нам земной поклон... В общем, большим шоком могла стать и стала только процедура публичного вручения каждому члену экипажа именных «царских чеков». От суммы, проставленной на нем, стало одновременно и плохо и хорошо не только мне, получившему как гром среди ясного неба триста тысяч рублей, но и последнему палубному матросу, обогатившемуся на невиданную для него тысячу целковых.

Потом было знакомство с нашим новым кораблем и встреча со старыми товарищами с «Корейца», которые ушли на «Варяге»...

Никогда не забуду лицо сверхсрочника Платона Диких, который, все еще с рукой на перевязи, в первый раз увидел носовую башню главного калибра, которой ему теперь надлежало командовать... Опять же — по настоянию Руднева, который вызвал с Балтики расчет кормовой башни «Апраксина», самого близкого, что было в нашем флоте, но настоял на его, Диких, кандидатуре в командиры... Пожалуй, его детский восторг и удивление можно было описать одной фразой «неужели это все мое»? Он нежно похлопал по стволу десятидюймового орудия и заявил, что: «теперь его с „Корейца“ иначе как вперед ногами не вытурят». А уж после того, как ему было присвоено звание прапорщика по Адмиралтейству, что давало право входа в кают-компанию...

Потом нас всех закрутила учеба и подготовка к новым боям.

Глава 11

Крейсерский пинг-понг

Владивосток. Весна 1904 года.

Весной 1904 года во Владивостоке было жарко. В плане погоды тут-то скорее было прохладно, а вот в смысле занятости...

Приход «Варяга» с прицепом и новоявленным командующим встряхнул город от самого городского дна (на городские бордели пролился золотой душ) до самого верха (капитаны первого ранга и адмиралы забыли, что такое сон, примерно в той же степени, что и сотрудницы ночных заведений).

Типичным примером стиля руководства Руднева мог послужить случай с бароном Гревеницем...

* * *

— Доброе утро, господа. Рад вас приветствовать. Не скажу, что все прошедшие события мне нравятся, но что имеем, то имеем. Я вас собрал ради того, чтобы совместно обсудить, как мы будем поступать дальше. Задача крейсерского отряда проста, как лом — всемерно мешать японцам перебрасывать войска на материк. Предыдущие два выхода этому ничуть не способствовали. Погодите, Александр Федорович. — Остановил взмахом руки уже начавшего привставать Стеммана Руднев. — Я никого не обвиняю, просто констатирую факт. Перед тем, как приступить к обсуждению, несколько новостей. Я забираю у вас несколько офицеров в формирующийся бронедивизион...

На раздавшееся недовольное ворчание и возгласы, что, мол, сухопутных бездельников и без того хватает, а в море идти некому, Руднев ответил:

— Нет, господа, это не обсуждается. Что касается нехватки кадров — большинство офицеров из пштаба эскадры как раз и заполняют вакансии на кораблях. Перебирать бумажки и грамотный матрос может, посмотрим, умеют ли они что-нибудь еще. Но бронепоезда — дело совершенно новое и неизведанное, так что там нужны люди думающие и инициативные. Больше всего я ограблю вас, Евгений Александрович, — обратился контр-адмирал к командиру «Рюрика» Трусову. — Ваш крейсер все равно ремонтировать не меньше месяца при здешних мощностях, так что артиллерийского офицера я у вас заберу. На его место или кого-то из офицеров с других крейсеров, или, может, пришлют кого-нибудь со стороны. Это уж как в Петербурге решат.

Флаг-артиллеристом отряда назначается лейтенант барон Гревениц.

Дальше. Крейсера придется серьезно модернизировать, это уж я на собственной шкуре почувствовал. Противоосколочная защита, довооружение имеющимися в наличии орудиями за счет противоминных пугачей, добронирование. Это все порт потянет, хоть и не сразу. Вот мои предварительные наброски. Прошу высказываться...

Когда обсуждение дошло до установки на «Рюрике» и «Варяге» восьмидюймовых орудий, главным камнем преткновения стала их малая скорострельность, не позволяющая

вести нормальную пристрелку для уточнения расстояния до противника. Тут-то новоиспеченный флаг-артиллерист, как главный специалист в обсуждаемом вопросе, взял слово. Он изложил, далеко не в первый, кстати, раз, свою разработанную еще до войны систему пристрелки полузалпами, по три 6" орудия в залпе. Выслушав его, не перебивая, Руднев вдруг ни с того ни с сего задал вопрос Стемману:

— Александр Федорович, как быстро «Богатырь» может выйти в море?

— Ну, мы сегодня не на дежурстве, так что не ранее чем через полтора часа, а зачем?

— А мы сейчас проверим, стоит ли система лейтенанта Гревеница того, чтобы ее рассматривать всерьез... Тем более что она уже год то ли используется, то ли нет. Просьба к командиру дежурного миноносца, примите на борт пару щитов для практической стрельбы и сбросьте их в море, милях в десяти от берега.

— А щитов нет, на их изготовление уйдет примерно два дня, — попытался охладить пыл адмирала начальник порта.

— Тогда возьмите пустых ящиков, бочек, вообще — любого крупного плавающего мусора, свяжите несколько штук вместе. Но через два часа мне нужны минимум две мишени для отработки пристрелки.

Никакие уговоры в отсутствии необходимости так спешить не подействовали, возможно, потому, что Руднев, памятью Карпышева помнил, что именно система Гревеница после войны была принята как основная. Она позволяла накрывать цель с третьего-четвертого залпа и начинать уверенный огонь на поражение главным калибром уже через три-пять минут после начала огня. Но увы, как обычно в России, все нововведения принимаются после войны, когда уже слишком поздно...

В оставшиеся до выхода «Богатыря» полтора часа Руднев в приказном порядке «убедил» подчиненных в том, что:

1. Увеличивать число восьмидюймовок в бортовом залпе придется.

2. Противоминная артиллерия крейсеров избыточна, а в случае с 47-мм — просто бесполезна.

3. 120-мм с «Рюрика» после их замены на 8" надо ставить на вспомогательные крейсера и бронепоезд.

4. Все орудия на орудийных палубах «Рюрика», «Громобоя» и «России» должны быть разделены противоосколочными перегородками.

5. Дело командира поставить задачу, а как ее выполнять и где взять материалы для этого — проблемы подчиненных. Хотя он с радостью займется «выбиванием» из Петербурга всего, чего нет во Владивостоке.

6. На «Громобое» необходимо подготовить фундаменты для установки еще трех новых восьмидюймовок^[59] на верхней палубе (на вопрос «А откуда они возьмутся?» последовал невозмутимый ответ — сняли с «Храброго» и еще одну с полигона. Самое странное, что уже через три недели все заказанные орудия были доставлены во Владивосток).

7. «Россию» необходимо добронировать в оконечностях, но вооружение усилить только шестеркой шестидюймовок на верхней палубе. На вопрос командира «России» Арнаутова: «А почему мне не достанется дополнительных восьмидюймовок и чем я хуже „Громобоя“?» его успокоили, что ему предстоит роль флага. То есть он примет на себя огонь всего отряда Камимуры, и к этому надо достойно подготовиться. А больше восьмидюймовых орудий с длиной ствола сорок пять калибров в России просто нет. Их «забыли произвести», вернее, решили сэкономить. Теперь довооружать «Россию» просто нечем (каламбур

присутствующим понравился).

8. Начать демонтаж ВСЕХ минных аппаратов на «России», «Громобое» и «Рюрике». Сдать в порт их и все запасные самодвижущиеся мины.

Пункт, вызвавший у командиров кораблей максимальное неприятие.

9. До окончания боевых действий снять с крейсеров все миноноски, минные и паровые катера, баркасы и шлюпки, оставив только по одному разъездному ялику и паровому катеру на корабль. А также срубить все шлюпбалки для них, ибо они сильно увеличивают вероятность того, что снаряды, пролетевшие бы мимо крейсеров, разорвутся, задев их, на верхней палубе, вызвав лишние пожары и осколочные поражения.

На бурю вопросов по поводу того, как свозить команды на берег, как завозить провизию, уголь и снаряды на крейсера и главное — как спасти команды, если крейсера потонут во время боя, последовали продуманные, но уж очень необычные по своей точке зрения ответы. После чего буря негодования если не утихла, то стала не столь неистовой. Действительно, зачем постоянно таскать на каждом крейсере дополнительные пару сотен тонн гребных судов, если снабжаются крейсера только во Владивостоке, где этого добра и так хватает? О каком спасении команд после артиллерийского боя говорят господа командиры? Они видели, во что превратились все гребные суда «Варяга» после прорыва? Дуршлаг дуршлагом, на них и кошке было не спастись, не то что команде. А ведь тонуть крейсер и не думал. А получи он дозу снарядов, достаточную для его утопления, что тогда от шлюпок осталось бы? При долгом артиллерийском бое при нынешних японских снарядах гребные суда на борту — балласт и лишнее дерево, источник щепок и пожаров. Все это или сгорит, или будет продырявлено в сотне мест еще до того, как утонет сам крейсер.

10. В кратчайшие сроки провести на всех боеспособных кораблях профилактику, доделать то, что не успели закончить до визита Камимуры и особенно акцентировать внимание на компрессорах принудительной тяги в котлы, которые не перебирались уже пару лет.

11. Постараться собрать и обобщить всю имеющуюся информацию по Японии и ее портам с целью выявления наиболее уязвимых целей для крейсеров.

12. Организовать сеть постов для наблюдения за морем и тральную службу.

Оставив собрание утрясать и согласовывать дальнейшее расписание работ, Руднев умчался в море на «Богатыре», откуда спустя пару часов вернулся с повеселевшим лейтенантом Гревеницем и новой системой организации орудийного огня.

С одной стороны — сделано большое дело, в оставленной Карпышевым реальности систему пристрелки Гревеница довели до практического использования только после войны. С другой... Не было никакой необходимости при наличии на дежурстве «Громобоя» с разведенными парами срывать в море «Богатыря». Да и оставлять собрание на середине для старшего начальника неприемлемо. В общем, дикая смесь гениальности, в основном благоприобретенной за счет послезнания, и дилетантства.

Разрешив на время проблему перевооружения «нормальных» крейсеров отряда, Руднев удивил всех, с еще большим рвением занявшись созданием новых вспомогательных крейсеров. Во первых, «Лена» отремонтирована настолько,^[60] насколько это было возможно при ограниченных возможностях Владивостокского порта, и довооружена, благо, водоизмещение позволяло. Кроме того, он нанес визит капитану «Мари-Анны» и сделал ему предложение, от которого тот не мог отказаться. В результате команда «Мари-Анны» отправилась в Европу на поезде вместе с бывшим капитаном, он же бывший владелец судна.

Капитан стал на два десятка тысяч фунтов богаче, но судовладельцем быть перестал. Продажа была взаимовыгодна — капитан продал довольно старый угольщик по высокой цене, а Руднев получил дополнительный пароход для переоборудования во вспомогательный крейсер в нужном месте в нужное время. Оригинально решился вопрос о ее командире. Сергей Владимирович Капитонов, бывший капитан «Сунгари», напросился к Рудневу и слезно стал просить его освободить его от командования нового «Сунгари». Одно дело довести корабль из пункта А в пункт Б, но командовать крейсером в бою...

— Всеволод Федорович. Богу — богово, кесарю — кесарево, а мне, капитану трампа — трампово. Я еще не дорос и не уверен, что когда-либо дорасту до командования броненосным линейным кораблем. Я готов выполнять любую работу, связанную с транспортом, но от командования крейсером в бою — увольте. Поверьте — я не боюсь попасть под обстрел, я боюсь, что мое абсолютное незнание военно-морского дела может привести к катастрофе, в которой к тому же пострадаю не только я, но и полтысячи экипажа моего корабля, а может, и не только моего. Я не могу командовать людьми, когда сам не знаю всего того, чем они занимаются.

«Черт, как про меня ведь говорит...», — пронеслось в голове Карпышева, — «если кто его и может понять на все сто, то это я».

— Хорошо, Сергей Владимирович, если вы и правда уверены, что броненосный крейсер в линейном бою — это пока не для вас, то мы подыщем вам работенку по профилю. Вы японские порты хорошо знаете?

— Ну, на «Сунгари» приходилось хаживать в Нагасаки, Хакодате и в Йокогаму, а что собственно? Нам туда до конца войны путь заказан.

— Да мне надо, чтобы вы туда ночью тишком с десятков подарочков доставили, типа того, что «Сунгари» на части разнес... Ну а по пути будете ловить японских купцов и проверять всех остальных, кто вам на дороге попадется...

Третьим крейсером-купцом^[61] стала «Оклахома», дошедшая наконец до Владивостока и реквизируемая по решению призового суда за перевозку контрабанды. Командовать ей остался уже привыкший к пароходу мичман Бирилев с «Корейца». Впрочем — теперь уже лейтенант, дождь наград и повышений не обошел стороной и его. Каждый пароход получал по четыре старых шестидюймовки, последние вместе с расчетами были реквизированы из береговой обороны. Радости поручиков и нижних чинов из obsługi орудий не было предела — теперь у них тоже был шанс откусить свой кусок японского пирога, а не только завистливо смотреть на счастливых матросов с «Варяга» и «Корейца». Сухопутное начальство, после обещанной Рудневым доли в трофеях, тоже подозрительно быстро нашло лазейку в законодательстве и отпустило своих людей и орудия на охоту с благословением. Орудия ставились на нос, корму и по одному на каждый борт. Кроме этого, каждый пароход получал по три семидесятипятимиллиметровки и по одному минному аппарату на каждый борт, орудия и минные аппараты с расчетами все одно снимались с крейсеров.

После проведенного в пожарном порядке переоборудования (все работы тут же, на месте, оплачивались наличными лично Рудневым из его доли «призовых», который брал долгие и нудные расчеты с казной на себя) крейсера были готовы к выходу в море через две недели. Задачи они получили, исходя из своих характеристик — быстрая «Лена» должна была сбегать к Цусимскому проливу, где ей вменялось в обязанность досматривать, арестовывать и топить все японские пароходы, особо акцентируясь на судах с военными грузами для армии в Корее. Медлительные «Оклахома», переименованная в «Неву», и

«Мари-Анна», теперь «Обь», направлялись к тихоокеанскому побережью Японии. Кроме охоты за транспортами каждому из них были поставлены задачи по обстрелу побережья. Ну и на всякий случай они получили по дюжине мин с приказом вывалить их в водах японских портов, если предоставится шанс. Любой пароход, который можно было переоборудовать в еще один крейсер, подлежал отправке во Владивосток. То же относилось к угольщикам и судам с ценным грузом. Остальные японские и пойманные на контрабанде транспорта подлежали немедленному утоплению. То же относилось к рыболовецким шхунам. Самодвижущиеся мины разрешалось использовать только при утоплении транспортов с военными грузами при отсутствии времени на закладку подрывных зарядов и против боевых кораблей японского флота, если от последних не удастся оторваться. За несколько дней до выхода крейсеров в море в Питер полетела шифровка Вадику — на будущих колебаниях акций страховых компаний тоже можно было попытаться сыграть. Каждый выход из Владивостока и возвращение вспомогательных крейсеров обратно их сопровождали все боеспособные крейсера отряда, пока это были «Россия», «Громобой» и «Богатырь», кроме того, они периодически и всегда неожиданно срывались Рудневым на учения в залив... «Варяг» все еще стоял в доке, а на «Рюрике» велись работы по переоборудованию.

Заодно это приучало и команды, и население города к тому, что крейсера ходят в море регулярно, непредсказуемо и это так же естественно, как восход и заход солнца. Помнится, еще британский адмирал Тови вспоминал, что во время второй мировой войны линкоры под его командованием выходили в море чаще, чем его эсминец во время первой. Так что резервы для более интенсивного использования флота были.

Кроме того, Руднев, памятуя о неслабой японской разведывательной сети в городе, посадил двоих жандармов потолковее на телеграфе. Он бы предпочел вообще прекратить всякое частное сообщение, но это было не в его власти. Уже через десять дней такой скрытой цензуры были выявлены адреса, в основном корейские, на которые торговцы слали запросы на товары в количестве, подозрительно совпадавшем с численностью ушедших в этот день из порта кораблей. Чтобы дезорганизовать японскую разведку и вызвать недоверие к шпионам, засевшим в городе, адмирал приказал периодически посылать на выявленные адреса телеграммы тем же шифром, беря количество кораблей с потолка. «В крайнем случае, — заявил он, — какому-нибудь китайцу придет на три-четыре швейных машинки больше, чем он просил. Невелика беда, а вот Камимуре мы нервы потреплем.»

Следующий месяц стороннему наблюдателю могло бы показаться, что Руднев играет с японцами в пока еще не изобретенный пинг-пинг. Первый выход крейсеров в море прошел как по маслу — их там просто никто не ждал и ловить не собирался. «Нева» и «Обь» благополучно сходили к берегам Японии, вернувшись через три недели. В качестве трофея «Обь» привела небольшой, тысячи на три тонн, но достаточно быстроходный — четырнадцать узлов, угольщик, который убил двух зайцев — во Владивостоке появился еще один вспомогательный крейсер и лишние пятьсот тонн угля. Правда, уголь был местный, японских копеек, но для отопления на стоянке вполне пригодный. «Неве» не так повезло — японская каботажная мелочь, попавшаяся ей, не стоила того, чтобы тащить ее во Владивосток, и была утоплена на месте. Кроме того, оба крейсера утопили с десятков рыболовных шхун и осмотрели четыре нейтральных парохода, на которых ничего предосудительного обнаружено не было. Изюминкой стали две дюжины мин, поставленных в двух банках, на траверзе Хакодате и на выходе из Сунгарского пролива. Все прибрежные воды Японии, с подачи Руднева, были объявлены русским МИДом зоной боевых действий в

ответ на обстрел Владивостока и минирование акватории Порт-Артура. В ответ на протест британского Форейн Оффиса последовала нота, в которой Россия обещала прекратить минирование территориальных вод Японии, если Япония пообещает не загрязнять минами вод русских, на что японцы, естественно, пойти не могли.

Выход «Лены» был более коротким — всего неделю, но и более насыщенным. Она наткнулась на пару транспортов, перевозящих в Корею военные грузы. Увидев русский военно-морской флаг, капитаны транспортников рванули в разные стороны. Догнать удалось только один. На сигналы об остановке он не реагировал, холостые выстрелы так же были проигнорированы. Первая пара снарядов, легшая под носом у удирающего парохода, также его не остановила, пришлось открывать огонь на поражение. Тут-то и выяснилось, что для артиллеристов береговой обороны проведенных тренировок по стрельбе с корабля на ходу оказалось явно не достаточно. Несмотря на смехотворную дистанцию в восемь-десять кабельтовых, сблизиться ближе командир «Лены» капитан второго ранга А. И. Берлинский посчитал опасным, из пяти снарядов в цель в лучшем случае попадал один. В результате часовой канонады транспорт наконец остановился, окутанный паром из пробитого котла. Но когда от «Лены» к нему направился паровой катер с досмотровой партией, его встретили плотным ружейным огнем. Учитывая наступающие сумерки, слабое действие пятидюймовых снарядов по транспорту водоизмещением в 6000 тонн, оказанное сопротивление и подозрительно быстро приближающиеся дымы на горизонте, решили потратить на транспорт торпеду. Второй транспорт Берлинский преследовать не решился. После этого «Лена» без проблем оторвалась в темноте от появившейся на горизонте «Сумы». Теоретически, последняя имела преимущество в ходе в один, а по паспорту и в два узла. Но ее командир резонно предпочел вместо погони в темноте с неясным результатом заняться спасением личного состава перевозимого тонущим транспортом «Китано-Мару» пехотного батальона. В результате обстрела и утопления транспорта японская армия потеряла порядка полутора сотен человек, и все имущество полка, включая лошадей, а также часть артиллерийских парков пехотной дивизии с боекомплектom. Еще более полутысячи человек было принято на борт «Сумы», которая на максимальной скорости направилась к корейскому побережью, перегруженная спасенными солдатами. Засветившись в Корейском проливе, командир «Лены» предпочел не искушать судьбу и вернуться во Владивосток, что было признано правильным Рудневым на разборе полетов.

Еще одним косвенным итогом действий крейсеров стала реакция британской биржи — Ллойд на всякий случай поднял ставки страховки для всех грузов, направляющихся в Японию.

Японцы в свою очередь решили снова разыграть минную карту. Четыре эскадренных миноносца, неся по четыре мины каждый, должны были скрытно ночью вывалить их на выходе из пролива Босфор Восточный. К изумлению командира отряда Мано, шедшего на головном «Сирануи», у Владивостока были зажжены все положенные по лотии маяки. Удивленно пожав плечами по поводу беспечности русских, он приказал штурману взять пеленги и определить местоположение отряда более точно. Поправка оказалась довольно существенной — судя по пеленгам на маяки, отряд находился на три мили дальше к востоку, чем предполагалось по счислению. Выговорив своему флаг-штурману, благодаря которому чуть не вывалили мины не там, где положено, командир отдал приказ положить руль лево на борт и следовать к уточненному месту постановки. Когда по штурманским расчетам до места сброса мин оставалось не более трех минут хода, сигнальщик истошно заголосил:

«Буруны прямо по носу!!!». Немедленно был дан полный назад, но «Сирануи» успел только замедлиться с двадцати до двенадцати узлов, когда его днище проскрежетало по камням острова Скрыплева. О минной постановке теперь не могло быть и речи. Оставшиеся три эсминца отряда, успев отвернуть, сбросили мины прямо у берега и подготовились к буксировке флагмана. Следующие полтора часа в кромешной темноте у вражеского берега в зоне действия береговых батарей предпринимались героические попытки стащить миноносец с камней. Однако быстрое затопление носовых отсеков и приближающийся рассвет, а также катающиеся в волнах прибоя опрометчиво сброшенные мины заграждения вынудили японцев взорвать эсминец и на всех парах уходить в море.

Только после войны Того стало известно об очередной иезуитской гадости Руднева. Тот знал о ночных минных постановках японцев у Владивостока, как проведенных с эсминцев, так и с минного заградителя. Однако точной даты проведения этих постановок он тривиально не помнил, да и не факт, что японцы провели бы ее по тому же графику. То, что даты уже поплыли по сравнению с его воспоминаниями, его научила задержка с бомбардировкой Владивостока. А каждую ночь посылать на патрулирование входа в залив Петра Великого все миноносцы и «Богатыря» было неприемлемо, так можно было нарваться на шальную торпеду, да и просто выработать зазря ограниченный ресурс машин. Поэтому Руднев решил попробовать сыграть не напрямую.

Когда он приказал флагманскому штурману отряда крейсеров, лейтенанту Иванову 11-му, рассчитать место установки маяков-обманок, то готовился встретить возражения в духе: «Так не воюют». Но, вопреки опасениям адмирала, тот с энтузиазмом взялся за это непростое дело. И в течении всей войны во Владивостоке с наступлением ночи, если с моря не ожидалось своих судов, все настоящие маяки выключались. И вместо них начинали работать ложные, расположенные на сопках в глубине берега. Результат превзошел самые смелые ожидания.

В итоге трофеями русским достались один искореженный камнями и подрывными патронами эсминец, куча мин, которые то и дело взрывались в прибое, и система «салазок» для их постановки с миноносцев на большой скорости.

В следующий выход крейсеров-купцов все они во время своего крейсерства столкнулись со своими японскими коллегами. Более тихоходные, чем свои японские визави, «Нева» и «Обь» не могли ни до темноты оторваться от японцев, ни приблизиться к ним на расстояние действенного артиллерийского огня. Их спасло только то, что у японцев не нашлось нормальных орудий для вооружения своих вспомогательных судов. Пары снарядов из шестидюймовок «Оби» хватило для того, чтобы преследующий ее японец, вооруженный парой 120-мм пушек старого образца, держался на приличном расстоянии.^[62] Но окончательно оторваться от него удалось только в темноте. Учитывая, что все это время японец что-то передавал по беспроволочному телеграфу, Капитонов решил, что оставаться у переставших быть гостеприимными берегов Японии ему не стоит и вернулся во Владивосток. За весь поход «Обь» и «Нева» утопили всего три рыболовных шхуны, зато «Лене», ходившей на войсковые коммуникации, опять было весело. На ее пути попался транспорт, эскортируемый даже не вспомогательным крейсером, а просто шедший в паре с угольщиком, на которого «на всякий случай» поставили несколько орудий, бывших в Сасебо на длительном хранении по старости. На этот раз на стороне русских было не только преимущество в весе залпа, но и более высокая скорость, казалось бы, судьба обоих японцев предрешена... Но самураи уперлись. Раз за разом японский вспомогательный недокрейсер

становился на пути своего русского полноценного коллеги. Он был вооружен всего лишь парой старых армстронговских шестидюймовых орудий и полудюжиной абсолютно бесполезных полевых трехдюймовок. Эти пушки должны были впоследствии усилить артиллерию японской армии в Манчжурии, а на пароходе были установлены на случай подавления огня с берега при высадке. Но «Лена» за три часа не смогла ни утопить его, ни отогнать, ни просто пройти мимо и добраться до охраняемого транспорта. В результате бой закончился вничью, которую обе стороны объявили своей победой. Японцы искренне считали ее своей, так как транспорт со снарядами дошел до Кореи, русские своей, так как японский вспомогательный крейсер после боя был на грани затопления и до Чемульпо дошел на последнем издыхании.

Однако приватно Руднев дал совсем другую оценку боя. Он долго отчитывал Берлинского за неполную реализацию возможностей первого выхода и полный провал второго. Если бы Берлинский промолчал или пообещал исправиться — он мог бы покомандовать «Леной» еще, дорасти до капитана первого ранга и сделать блестящую карьеру. Однако он стал жаловаться, что одинокой «Лене» в Цусимской проливе опасно, что состояние механизмов его корабля не позволяет ходить в крейсерство, и что сама идея вспомогательного крейсера ему не по душе. Наступив на любимый мозоль Руднева, бывший командир «Лены» получил новое назначение — следующие пять лет он провел в теплых водах Каспия, командуя флотилией пограничных катеров. И все пять лет он судорожно, в редкие моменты трезвости, размышлял, пытаясь понять — зачем тут нужен целый капитан второго ранга, когда и лейтенанта-то было бы многовато? Берлинского Руднев (из крайности в крайность) заменил на одного их самых недисциплинированных лейтенантов с «России», Рейна, которому грозило списание на берег за пререкания с начальством. Комментируя свой выбор, Руднев невозмутимо заявил, что «так мы же его к берегам Японии и посылаем, чтобы он там хулиганил» и добавил загадочно, но сурово: «у меня не забалует».

В следующий выход Руднев пошел в море сам, на «Богатыре». Он решил, что если японцы начали столь широко применять для патрулирования свои вспомогательные крейсера, то настало время переходить к тактике террор-групп. Заодно он хотел проверить столь соблазнительно выглядевшую на бумаге тактику охоты «тройками на живца». В Цусимский пролив пошли «Богатырь», «Лена» и бывший японский угольщик, получивший имя «Волга». Вспомогательные крейсера шли с двадцатимильным опережением «Богатыря», на расстоянии пятнадцати миль друг от друга. Получался как бы невод, которым прочесывалось море в полосе двадцати пяти миль. На ночь крейсера стягивались в плотную группу и шли в кильватерной колонне до утра. У побережья Японии подобным образом действовало соединение из «России», «Оби» и «Невы». Но они могли себе позволить идти с увеличенными интервалами и не кучковаться по ночам, им встреча с японскими боевыми кораблями теоретически не грозила. Самым узким место, по древней русской традиции, была связь. Станции беспроволочного телеграфа во Владивосток доставили незадолго до выхода кораблей в этот поход. Начальник порта, контр-адмирал Гаупт, в последнее время начавший смотреть на молодого выскочку с уважением, вызванным тем, с какой скоростью выполнялись его заказы, обалдело спросил:

— Но откуда?

На что последовал рассеянный ответ:

— На Черном море СЕЙЧАС радио ни к чему.

Увы, прислать с радиостанциями персонал не догадались. За профессионалами

пришлось обратиться к начальнику телеграфа. Безотказно сработавшее обещание «куска добычи» подействовало и на этот раз. Новоиспеченные «кондуктора-помощники телеграфистов» были перетасованы с радистами с крейсеров и распределены по всем кораблям, идущим в море, обеспечив более-менее приемлемое качество связи.

По японским вспомогательным крейсерам прошла коса смерти. «Россия» утопила два, еще один попался на зуб «Богатырю». Все три столкновения происходили по одному и тому же сценарию — первым японца замечал один из вооруженных пароходов. Тут же с него по радио шло сообщение на боевой крейсер и наживка начинала «панический» бег в сторону «большого брата», который, разведя полные пары, догонял японца через пару часов после того, как тот его замечал. После этого следовало предложение о сдаче, которое все три раза было отвергнуто. Все же наспех вооруженный пароход и крейсер, созданный для боя — это немного разные корабли. А уж если пароход, по бедности, вооружался по принципу «а еще у нас складе завалялась вот эта пушечка, которую больше девать некуда»...

Все деньги Япония потратила на создание нормального, современного флота. Вооружение вспомогательных крейсеров шло по остаточному принципу, да и канониров на них посылали тех, кто был слишком плох не только для императорского флота, но и для армии в Манчжурии. Так что тот факт, что за три боестолкновения «Богатырь» и «Россия» получили аж четыре попадания, следует отнести только на счет японского фанатизма. Все японские пароходы продолжали огонь даже после того, как было ясно, что они тонут. Пока «Богатырь» добивал свою жертву, «Лена» догнала на этот раз и эскортируемый транспорт. Видя незавидную судьбу своего охранника, капитан транспорта предпочел сдаться, чему поспособствовал и снаряд, разворотивший баковую надстройку. Новоиспеченный командир решил сэкономить немного времени на выстреле под нос. Последний аргумент оказал должное воздействие и на перевозимый с пушками личный состав артиллерийского дивизиона. До взрыва они планировали оказать сопротивление досмотровой партии, но как артиллеристы вполне оценили весомость пятидюймового аргумента.

Однако при конвоировании старого корыта с парадным ходом в десять узлов во Владивосток возникли неожиданные проблемы. Японский вспомогательный крейсер не зря трещал на всю Юго-Восточную Азию морзянкой, что его топят «Богатырь», пока ему не перебило осколками антенну. Его сигнал был принят находящимися поблизости кораблями пятого боевого отряда адмирала Катаоки. Когда на «Богатыре», шедшим концевым, Рудневу доложили, кто именно показался на правой раковине, ему стало смешно и грустно одновременно. «Богатырь», «Лена» и даже сравнительно медленная «Волга» легко могли оторваться от старого тихоходного броненосца «Чиен-Иен», трофея японо-китайской войны конца прошлого, XIX-го, века. Никто из его сопровождения крейсеров — ровесников броненосца, которые активно воевали в той же войне, но уже на стороне японцев, тоже не имел никаких шансов их догнать. Да и не стали бы эти доживающие свой век инвалиды, от одного из которых так удачно улизнул «Манчжур» у Шанхая, без поддержки пусть старого, но броненосца лезть в драку с «Богатырем». Даже при раскладе трое на одного шансы «Богатыря» были как бы не предпочтительнее.

Но чертов транспорт не мог дать больше восьми узлов, ибо был сурово перегружен. Русские уже целых три часа считали его своим, ровно как и его груз — восемнадцать современных 120-мм полевых гаубиц Круппа с боеприпасами, а топить свое не в пример более обидно, чем чужое. Кроме маршевых батарей с зарядными ящиками и положенными лошадками, на него навалили несколько сотен ящиков с винтовками и около двухсот тонн

патронов и снарядов. Кроме того, один из трюмов парохода был отведен под перевозку лошадей, только что доставленных в Японию из Австралии. Рудневу поразительно везло на японских коней...

Судя по широкому разнообразию грузов, наваленных кое-как от трюма до верхней палубы, упорядоченный график перевозок для армии уже начал трещать по швам. Поэтому «Волга» получила приказ полным ходом идти во Владивосток и высылать навстречу «Богатырю» все, что будет на ходу в порту, то есть «Громобой» и, если закончили переборку машин и сняли наконец фок-мачту, «Рюрик». «Лене» вменялось в обязанность конвоировать транспорт туда же, а при невозможности оторваться от японцев вместе с призом принять на борт команду и пассажиров парохода, торпедировать его и отрываться самостоятельно. «Богатырь» же, под флагом Руднева, заложив плавную дугу, направился на пересечку отряда Катаоки.

Арифметика была проста. Бывший японский купец, три часа уже как состоящий на русской службе, удирает со скоростью восемь узлов. Китайский броненосец, последние семь лет ходящий под японским флагом, гонится за ним на десяти, больше он не даст, даже если его спустить с горы Арарат — шибко старенький, однако. Для сближения на четыре мили, с которых он и его свита, те самые три «Симы», могут начать топить дезертира, ему надо три часа. До темноты останется час. Но его подружки могут дать уже не десять, а целых тринадцать узлов, ну а если поднажмут, то, может, и четырнадцать. Конечно, по сравнению с «Богатырскими» двадцати тремя узлами — не смотрится. Но догнать транспорт они смогут уже за два часа, и тогда русской армии не видать новых почти бесплатных гаубиц, а Рудневу и остальным морякам — доли призовых. Задача — не допустить отрыва тройки «Сим» от «Чиен-Иена» и желательно притормозить его самого на часик. Актив «Богатыря» — бортовой залп из восьми шестидюймовок, скорость, позволяющая крутиться вокруг японцев как ему заблагорассудится и большая дальность стрельбы современных орудий. «Богатырские» пушки могут докинуть снаряды примерно на милю дальше, чем орудия главного и среднего калибра броненосца и старых крейсеров. В пассиве — каждый японский крейсер несет по одному забавному орудью. Калибр единичной пушки «Мацусим» был больше, чем на любом современном броненосце как русского, так и японского флота. Но стреляли они по паспорту раз в пять минут, а на самом деле не чаще, чем раз минут в десять. Но поймай «Богатырь» пару таких поросят, и до Владика можно и не дойти, а при том, что дальность стрельбы этих орудий примерно та же, что и у орудий «Богатыря», могут сдуру и попасть. Утешает одно — за всю историю службы ни одна «Сима» ни разу из главного калибра никуда не попала. Слишком была маленькой и неустойчивой платформой для такого крупного орудия. Кроме этого, на броненосце тоже стоят четыре двенадцатидюймовки, правда, тут уже «Богатырь» может безнаказанно издеваться над стариком — его орудия на поколение моложе и бьют на целую милю дальше. Но если сблизиться на тридцать кабельтовых — могут быть проблемы. К тому же сам броненосец, естественно, бронирован. Не с головы до ног, как его современные коллеги, но имеет пояс вполне приличной длины и непробиваемой для «Богатыря» толщины.

— Ну что, Александр Федорович, — обратился Руднев к командиру «Богатыря», — потанцуем?

— Прошу прощения? — естественно, не понял юмора Стемман.

— Ну, помните, как вальсировали в училище? Вот нам сейчас раз, два, три вокруг этих медленных черепашек станцевать придется. Ближе сорока кабельтовых нам лезть не стоит,

топить их тоже не получится. Надо не допустить отрыва «Мацусим» от «Чиена», а вместе они все одно транспорт до темноты не догонят. Так что пристраиваемся к ним на траверз кабельтовых так в сорока пяти — пятидесяти, и стреляем.

— И куда мы попадем с этих пятидесяти кабельтовых? Раскидаем все снаряды и даже не поцарапаем никого. А не дай бог какой из их 320-миллиметровых снарядов к нам прилетит, тогда что?

— И что вы предлагаете, топить транспорт и убраться во Владивосток не солоно хлебавши? — подозрительно посмотрел на Стеммана Руднев.

И тут спокойный, уравновешенный флегматик Стемман, которого все, включая Руднева, из-за особенностей его немецкого «упорядоченного» характера считали немного трусоватым, удивил контр-адмирала. Такого можно было ожидать от назначенного на «Лену» безбашенного отчаяуги Рейна, но никак не от педантичного командира «Богатыря».

— Никак нет. Выходим на носовые углы и идем на сближение до двадцати кабельтовых. Тогда по нам смогут стрелять всего два орудия в 320 мм, и по паре 120-мм с каждой из «Мацусим», итого шесть. Им придется к нам встать бортом, если жить хотят, так мы их с курса и собьем. Как отвернут — мы отбегаем. Они опять на курс к пароходу — мы снова к ним.

— Однако, Александр Федорович, не ожидал, браво! Только давайте мы ваш безусловно гениальный вариант побережем напоследок, если «Симы» вообще рискнут оторваться от «Чиена». Все же сближаться на нашем безбронном крейсере немного страшновато. Может, и так обойдется. А то на двадцати кабельтовых могут и правда попасть из своей монструозной пушечки, что обидно — совершенно случайно при этом. Но не менее от этого больно...

— Всеволод Федорович, чтоб японцы, и не рискнули? Это где же такое видано? Не тот народ-с. Кстати — разрешите открывать огонь, а то на глаз мы за разговорами уже подошли на шестьдесят кабельтовых.

Его слова были подтверждены облаком порохового дыма на носу «Ицукусимы». Через примерно двадцать секунд столб воды немногим ниже мачт крейсера взметнулся примерно в километре от «Богатыря». Столь же впечатляюще и бесполезно разрядили свои орудия и «Мацусима» с «Хасидате». В ответ «Богатырь» неторопливо занял свое место в «ордере» и, уравнив скорость, без лишней спешки начал пристрелку. За артиллерийского офицера сегодня встал сам барон Гревениц — его система, ему и проверять в боевых условиях. К моменту, когда перезарядившиеся наконец орудия японцев дали второй залп, «Богатырь» уже нащупал дистанцию и перешел к неторопливой стрельбе на поражение. Когда японцы дали третий залп, примерно к двадцатой минуте боя «Богатырь» добился первого попадания — «Хасидате» обзавелся аккуратной дырочкой в носу, в метре над ватерлинией. Снаряд прошел навывлет — сейчас во Владивостоке в артиллерийских мастерских шло массовое переоснащение новых снарядов старыми взрывателями Барановского. Но пока успели только на коленке сделать пару сотен восьмидюймовых снарядов для «России», так что «Богатырь» пока стрелял бронебойными снарядами по безбронным крейсерам. В свое время большим шоком для Руднева при разгребании вопроса со снаряжением снарядов стал тот факт, что снаряды и пороховые заряды для оснащения крейсеров из разных партий оказались разных весов. Только теперь он понял, почему залпы «Рюрика» давали рассеивание в полтора-два кабельтова по дальности. Даже при абсолютно одинаковых и правильных установках прицелов два орудия при различных весовых характеристиках снарядов и разных зарядах пороха могли дать одно перелет, а другое недолет в полтора кабельтова одновременно. О

прицельной стрельбе речи быть не могло, и было совершенно не понятно, КАК собирались воевать с такими снарядами. Они полностью сводили на нет огневую мощь вполне еще неплохого корабля... Пришлось устроить в артиллерийских мастерских «весовую», в которой отбирали и маркировали более-менее идентичные по весу картузы пороха и снаряды. Сейчас там дюжина флегматичных, как один не курящих матросов перевешивала снаряды, досыпала пироксилин в более легкие, и вытряхивала излишки взрывчатки из более тяжелых. Все работы велись исключительно при дневном свете, в сарае на пустыре за городом.

Катаока умел считать никак не хуже Руднева. На мачте флагманской «Ицукусимы» взвился флажный сигнал, и три старых крейсера, усиленно дымя из единственной трубы каждый, стали медленно удаляться от броненосца. «Чиен-Иен» медленно торопился вслед за ними, на случай, если понадобится прикрыть поврежденного товарища от «Богатыря». Следующий час японские крейсера неторопливо отрывались от своего тормозного сотоварища и столь же медленно, но неприемлемо быстро для русских догоняли пленный транспорт. Попавшие с «Богатыря» четыре снаряда никак не отразились на скорости тройки японский инвалидных рысаков. С расстояния пятьдесят кабельтовых было никак не разглядеть, что одним из попавших снарядов была выведена из строя 120-мм пушка на «Мацусиме». Впрочем, все одно та пока не могла стрелять из-за запредельного для нее расстояния. Неохотно Рудневу пришлось признать, что пора переходить к плану Стеммана или снимать с транспорта призовую команду и торпедировать его. «Богатырь» резко ускорился до двадцати двух узлов, и стал постепенно опережать японцев. При этом он продолжал держаться на расстоянии около полусотни кабельтовых, так что на виде сверху казалось бы, будто русский крейсер идет по кругу вокруг японцев. Все это время каждые пару минут около «Богатыря» вставал столб воды от падения японского 320-миллиметрового снаряда. Но так как ни один из них пока упал ближе двухсот метров от крейсера, на них постепенно просто перестали обращать внимание, как на примелькавшуюся деталь пейзажа.

На мостике «Лены» ее молодой командир в бинокль следил за разворачивающимся перед ним зрелищем под названием морской бой. Рядом с ним, судорожно пытаясь поймать в объектив далекие дымы на горизонте, крутил ручку киноаппарата недавно прибывший из Петербурга кинооператор. Второй его коллега отбыл на «Неве». Они оба приехали из европейской части России на том же литерном поезде, что привез заказанные Рудневым рации, орудия и прочую разность, необходимую для ремонта и переоборудования крейсеров. Операторы были среди немногочисленных пассажиров единственного купейного вагона этого поезда. Весь остальной состав состоял из платформ и грузовых вагонов.

Сложнее всего было доставить во Владивосток три восьмидюймовых орудия нового образца для довооружения «Громобоя». Когда эти пушки еще только заказывали на заводе, то в угаре составления техзадания, утрясания стоимости и, самого интересного, деления откатов, чинуши морского ведомства как-то забыли одну маленькую деталь. Они упустили из виду, что эти орудия предназначались для боевых кораблей. И ни в одну голову, занятую высчитыванием процента от суммы заказа, который можно запросить за одобрительную закорючку, не пришло, что БОЕВЫЕ корабли бывают в бою. Они запомнили, что бой — это игра в обе стороны, и корабли не только будут сами посылать во врага снаряды из этих пушек, но и получать попадания в ответ. Что, возможно, приведет к выходу из строя этих самых орудий, которые потом надо будет ремонтировать, а при серьезном повреждении — менять. Вот тут-то и начиналось самое интересное — менять их было не на что. Всего было

заказано тринадцать пушек системы Канэ с длиной ствола в сорок пять калибров. Восемь уже были во Владивостоке и стояли по паре на борт в казематах «России» и «Громобоя». Еще две сейчас были в Порт-Артуре, в носовой и кормовой башнях крейсера «Баян», и тоже воевали. Одна пушка была после долгих поисков обнаружена на опытном морском артиллерийском полигоне, где она использовалась для составления таблиц для стрельбы этого типа орудий. Ее спешно привели в порядок и, признав условно годной, подготовили к отправке во Владивосток. Последняя пара была на борту канонерки «Храбрый» в Средиземном море, и доставка этих орудий во Владивосток стала целой эпопеей. Проще всего было бы пригнать «Храбрый» в Одессу или Севастополь, снять с него орудия и отправить поездом на Дальний Восток. Но по договору о проливах военные корабли России могли проходить их только по фирману (особому указу султана) с особой императорской фамилии на борту. Таких в Средиземном море под рукой не оказалось. Пришлось гнать из Одессы в Пирей «Петербург» — самый быстрый пароход Доброфлота. В Греции к моменту его прибытия силами команды с помощью лома, кувалды и такой-то матери орудия были демонтированы и подготовлены к перевозке. Демонтаж проходил под восторженными взорами местных жителей и обалдевшими наблюдающих офицеров Royal Navy. Последние понимали, что происходит что-то теоретически абсолютно невозможное в британском флоте. За два дня два двадцатитонных орудия были практически вручную сняты со штыров, отделены от щитов, размонтированы на части и упакованы для погрузки на борт «Петербурга». Погрузка заняла всего пять часов, после чего русский пароход на всех парах понесся обратно в Одессу. Экономия на заказе дополнительных пушек обернулась потерей драгоценного во время войны времени и невозможностью нормально перевооружить остальные крейсера Владивостокского отряда. Попытка совместить в одном залпе орудия одного калибра, но разных систем, гарантированно привела бы к головной боле управляющего стрельбой артиллерийского офицера, но никак не к дополнительным попаданиям. «Варяг» и «Рюрик» вместо современных скорострельных и дальнобойных орудий с длиной ствола в сорок пять калибров вынуждены были довольствоваться пушками прошлого поколения. «Россия» не получала дополнительных восьмидюймовок вообще. Единственным улучшением для них, и для остальных орудий системы Канэ, стали новые затворы, спешно заказанные Обуховскому заводу. С ними по крайней мере улучшалась скорострельность орудий, но дальность увеличить не было никакой возможности. Но на их изготовление требовался еще минимум месяц.

Всю эту историю ни с того ни с сего вспомнил сейчас на борту «Лены» первый в мире оператор военной кинохроники Копаровский. Сам он услышал ее во время долгого пути через всю Россию от соседа по купе, лейтенанта-артиллерииста со средиземноморским загаром, который и сопровождал орудия во Владивосток. На секунду отвлекшись, он чуть было не пропустил разворот «Богатыря» навстречу японцам, и удивленный возглас стоящего рядом командира корабля вернул его в реальность.

— Что, черт побери, он делает? — в голосе лейтенанта Рейна, казалось, звучала ревность, что кто-то может оказаться как бы не большим сорви-головой, чем он сам.

«Богатырь» тем временем, дождавшись очередного выстрела из пушки «Хасидате», рванулся на сближение. Творение германских инженеров под русским флагом несло на противника по наиболее выгодному для него курсу — сближение с носа под острым углом. Этот маневр позволял «Богатырю» использовать всю артиллерию правого борта, но при этом выключал из боя почти все пушки японцев. Артиллеристы «Ицукусимы» не успели

отреагировать на неожиданный рывок русского крейсера, и очередной снаряд-переросток рухнул в воду далеко за кормой «Богатыря». Теперь четыре корабля неслись навстречу друг другу с суммарной скоростью почти в тридцать узлов. Каждую минуту расстояние между кораблями сокращалось на пол мили, и через две минуты расчеты японских 120-миллиметровок наконец-то дождались своей очереди принять участие в бою. Но еще через три минуты командиру идущей головной «Ицукусимы» стало ясно, что шесть японских 120-миллиметровок (БАМС, визг осколков по броне рубки, столб зеленоватого дыма на носу, так — уже пять) — совершенно неадекватный ответ восьми русским шестидюймовкам. Он поднял сигнал «к повороту право на борт» и, не дожидаясь, когда следующие за ним корабли отрепетуют, что тот разобран, отдал приказ рулевому — «право на борт». Через пять минут все три корабля легли на новый курс, и теперь могли вести огонь из шести орудий каждый. Однако Стемман, вполне резонно посчитав, что задача временно выполнена, и сам приказал отвернуть от противника. Действительно — японцы сейчас на курсе, который не приближает, а с каждой секундой отдаляет их от охраняемого транспорта, зачем терпеть огонь противника? На сближении и отходе «Богатырь» добился пяти попаданий — четыре в «Ицукусиму», одно в «Хасидате». Сам он получил два 120-миллиметровых снаряда. Итог вылазки — выиграно минимум сорок минут, «Ицукусима» потеряла еще одно орудие, другой снаряд, попавший в барбет, отрикошетил и разорвался на верхней палубе, красиво разбросав сложенные в середине корпуса шлюпки. Еще два разворотили ей борт в метре над ватерлинией. «Богатырь» отделался пробойной в носу и взрывом на броне носовой башни. Крупнокалиберные орудия «Сим» в который раз продемонстрировали свою полную несостоятельность — несмотря на сближение до двадцати пяти кабельтовых, их устаревшие механизмы наведения не смогли обеспечить захвата быстро перемещающегося крейсера. Неудивительно — они проектировались для поражения столь же древних и неторопливых китайских броненосцев, единственный выживший из которых сейчас тщетно пытался догнать отряд «Сим». Да и сами «Симы» были абсолютно неправильной платформой для столь крупных пушек — их трясло на скорости, валяло на волне, валило в крен на циркуляции, да и просто вращение столь массивного орудия при наведении на цель, отстоящую от оси корабля более чем на два десятка градусов, вызывало легкий крен, что тоже не способствовало снайперской стрельбе.

«Богатырь», отбежав на полном ходу на полсотни кабельтовых, лег на другой галс, уравнивал ход с японцами и прекратил огонь. Удивленный паузой в обстреле Катаока не мог даже представить, что русские решили посреди боя пробанить орудия правого борта и обеих башен. Поэтому перерыв в стрельбе «Богатыря» был отнесен на якобы полученные им серьезные повреждения, информация о чем и была занесена в рапорт о бое, а оттуда попала в официальную японскую «Описание военных действий на море в 37 г. Мейдзи». Наведя марафет на стволы орудий, «Богатырь» стал спокойно, размеренно и неторопливо опустошать погреба левого, до сих пор не стрелявшего борта. Определив пристрелкой расстояние до противника, крейсер снова развернулся и, увеличив скорость до максимальной, пошел на очередной заход. На этот раз Катаока приказал отвернуть заранее, надеясь настигнуть «Богатырь» 120-мм снарядами на сближении. Стемман на провокацию не поддался, и «Богатырь» отвернул практически одновременно с японцами. Выиграно еще полчаса, японцы отделались тремя попаданиями, русские получили один снаряд, все без серьезных повреждений. В третью итерацию Катаока решил не отворачивать до последнего. Сблизившись на двадцать пять кабельтовых, Стемман понял, что на этот раз что-то пошло не

так — японцы не сворачивали. Лезть самому на рожон было не резон, зато появлялась возможность сделать классический «кроссинг Т», что он и попытался сотворить, отвернув вправо. Катаока тоже желал боя на параллельных курсах, поэтому мгновенно отдал приказ сигнальщикам поднять сигнал «подготовиться к повороту влево». Сам он стоял на правом крыле мостика «Ицукусимы» и, не отрывая от глаз наведенного на «Богатырь» бинокля, ловил малейшее движение противника. При этом он с самурайской невозмутимостью не обращал внимание ни на выстрелы своих орудий, ни на взрывы русских снарядов. Увидев, что на новом курсе с «Богатыря» стреляют семь орудий (одна из установленных на верхней палубе пушек была повреждена осколками от близкого разрыва и сейчас экстренно ремонтировалась), а его отряд отвечает всего из пяти, он прокричал сигнальщикам и в рубку: — Лево на борт, поднять сигнал к повороту все вдруг.

При этом на грохот очередного близкого попадания он, как и положено самураю, внимания не обратил, хотя от сотрясения его почти сбило с ног. К его удивлению, хотя «Мацусима» и «Хасидате» исполнительно отвернули влево, флагман упрямо шел по прямой. Опустив наконец бинокль, Катаока раздраженно прокричал в сторону рубки:

— Я сказал — влево!

Никакой вразумительной реакции на его приказ опять не последовало, как не последовало и уставного ответа. Оставив своего начальника штаба, Накамуру, наблюдать за «Богатырем», взбешенный Катаока обежал рубку и протиснулся внутрь через узкую, прикрытую бронеплитой дверь. Внутри он увидел картину тотального разрушения — русский шестидюймовый снаряд попал в амбразуру. Вернее, он ударился о ее края, что закрутило и искорежило его настолько, что взрыватель не сработал, но все же протиснулся внутрь. В принципе, старая броня рубки японского крейсера на такой дистанции не удержала бы русский снаряд, и попади он просто в переборку. Еще неизвестно, было бы это лучше или хуже — после пробития нормальной брони снаряд, скорее всего, взорвался бы. Но и просто череда рикошетов разваливающейся болванки весом в сорок килограмм на скорости почти в два Маха не оставила никому из находившихся в рубке ни малейших шансов остаться в строю. Да что там в строю, просто в живых остался только рулевой, лежащий сейчас без сознания, контуженый и со сломанными ногами под грудой тел и обломками рулевой колонки. Останки командира крейсера капитана первого ранга Нарта и вовсе были позже опознаны только по меткам на одежде. Руль, машинный телеграф, амбрюшоты и прочие приборы управления крейсером были заляпаны кровью и искорежены до состояния, абсолютно исключающего их дальнейшее использование. При этом «Ицукусима» продолжала идти на сближение с русским крейсером на максимальной для нее скорости, с каждой секундой отрываясь все дальше от своих систершипов, командиры которых недоумевали по поводу того, что именно задумал их флагман — попадание в рубку осталось незамеченным и на них. В отчаянной попытке хоть как-то увести свой флагман с курса, ведущего на сближение с «Богатырем», Катаока послал гонцов в машинное и румпельное отделения, с приказами соответственно «полный назад» и «лево на борт». К сожалению для японцев, оба посыльных добрались до мест назначения, причем почти одновременно. В результате, стоило носу старого крейсера начать валиться влево, как переведенная на «полный назад» машина сделала руль практически полностью неэффективным. «Ицукусима» беспомощно раскорячилась между «Богатырем» и остатками японского отряда, постепенно теряя скорость и медленно подставляя борт «Богатырю». Русский крейсер немедленно воспользовался беспомощным положением японского

флагмана, и, развернувшись на 180 градусов, стал на курс, на котором он закрывался «Ицукусимой» от огня «Мацусимы» и «Хасидате». На тех командиры наконец-то поняли, что их адмирал попал в переplet, и ринулись ему на помощь. К этому моменту «Ицукусима» приблизилась к «Богатырю» на недопустимые пятнадцать кабельтовых...

— Куда же его несет-то, — недоумевал на мостике «Богатыря» Стемман, — ведь мы его, если он от своих оторвется, утопим за пять минут! Сейчас подойдем на пистолетный выстрел, изуродуем его артогнём и добьем минами...

— А вот сближаться на этот самый пистолетный выстрел я вам категорически запрещаю, — прервал уже набравшего воздуха для отдачи приказа Стеммана Руднев, — риск получить повреждения, из-за которых придется ставить «Богатыря» в док, перевешивает сомнительную славу от утопления этой древней калоши. У нас и так очередь в док как к модному дамскому парикмахеру — на два месяца вперед расписана. Через неделю выводим «Варяга», сразу на три недели «Рюрик» — очистка днища, слава богу, не нужна — медь, хотя и ее после зимних походов надо чинить, а еще ремонт, установка орудий и добронирование оконечностей котельным железом по ватерлинию обязательно. А затем еще по неделе на «Громобой» и «Россию» для того же, но по усеченной программе. Потом еще трофейный миноносец было бы неплохо загнать в док, как тот освободится, может, и его удастся восстановить. Тогда во Владивостоке появится хоть один нормальный контрминоносец. А ваш крейсер единственный, которому там делать пока нечего, вот давайте так это и оставим. Отворачивайте.

— Ну, Всеволод Федорович, ну ведь само в руки идет, — просительным тоном начал Стемман, но был прерван самым бесцеремонным образом...

Сближение не только позволило артиллеристам «Богатыря» капитально расковырять «Ицукусиму», но и дало возможность японцам достать, наконец, крейсер по серьезному.

Старый наводчик еще более старого орудия главного калибра на «Ицукусиме» в который раз за день проклинал судьбу, начальство и демонов со всех концов света. Его орудие прекрасно подходило для обучения кадетов, будущих артиллеристов главного калибра новых броненосцев. Оно было еще вполне адекватно и для обстрела берега, чем и должны были заняться корабли пятого боевого отряда при планируемой высадке десанта, к которой начинал готовиться японский флот. Но для морского боя с современным крейсером оно никак не годилось. А ведь был же план перевооружить все три старых крейсера новыми восьмидюймовками Армстронга... Будь сейчас в общем залпе три таких орудия — «Богатырь» бы вообще не рискнул связываться со стариками, но, к счастью для русских, все средства были вложены в покупку новых кораблей и модернизацию армии. В очередной раз выругавшись, старик (по меркам молодого японского флота — за сорок, уже старик) сверхсрочник рванул на себя шнур, производящий выстрел. «Ицукусиму» в очередной раз некстати подбросило на волне в тот самый момент, когда снаряд покидал ствол орудия. И лег бы он, как было ему предназначено богами артиллерии и баллистики, с перелетом в милю, а то и больше, не попадись ему на пути грузовая стрела грот-мачты «Богатыря». Через три минуты снаряд с «Богатыря», разорвавшись на барбете орудия главного калибра «Ицукусимы», поставил точку в его длительной и не слишком успешной карьере. Многотонный ствол орудия немного подбросило, он искорежил и намертво заклинил механизмы наводки и откатники.

На «Богатыре» взрывом снаряда весом в пяток сотен килограмм сорвало и подбросило вверх многотонную стрелу и сбilo стеньгу грот-мачты. Если стрела, медленно и

величественно кувыркнувшись под оторопелыми взглядами русских моряков, безвредно упала за борт, то десятиметровая стенга рухнула поперек палубы, попутно придавив 75-миллиметровое орудие, к счастью, без расчета. Стальной дождь прошелся по всей корме крейсера, проредил расчет правого шестидюймового орудия, стоящего на верхней палубе и изрядно изрешетил последнюю трубу. Весь крейсер водоизмещением в 6000 тонн содрогнулся, находившимся во внутренних отсеках показалось, что исполинская рука схватила его за мачту и как следует встряхнула. Через десяток секунд 120-мм снаряд разорвался на мостике «Богатыря», окатив боевую рубку градом мелких осколков. Не будь амбразура рубки, исходя из печального опыта «Варяга», заужена до трех дюймов, внутри нее сейчас перебило бы половину личного состава, что неоднократно случалось в ту войну. Но и более узкой амбразуры хватило, чтобы в рубке рулевой упал с пробитой грудью, а штурман схватился за левую руку. В полосе котельного железа, которым за неимением тонкой брони заблиндировали амбразуру, позже нашли два десятка застрявших осколков. После отправки отчета об этом инциденте в Петербург появился шанс, что и рубки на всех остальных кораблях русского флота тоже будут доработаны подобным образом.

Поведение Руднева и Стеммана сейчас было диаметрально противоположенным — если Руднев рычал и матерился, то Стемман был абсолютно невозмутим и спокоен. Позже, во Владивостоке, младший штурман «Богатыря» Бутаков долго пытался доказать в компании офицеров, что явственно слышал, будто Руднев кричал что-то про «котенка, к которому приходит песец»... Естественно, что ему никто не поверил, и господа офицеры, сами не дураки поругаться, дружно высмеяли эту «прикладную зоологию».

Руднев успел набрать воздух, чтобы проорать приказ «затоптать эту гадскую грудку японского допотопного металлолома в воду по самый клотик», но Стемман успел первым.

— Всеволод Федорович, пожалуй, вы были абсолютно правы, — спокойно и невозмутимо, даже как-то с ленцой произнес Стемман, как-будто вокруг него не разрывались снаряды, а на рострах не разгорался пожар, вызванный очередным попаданием невесть как прилетевшего с «Хасидате» снаряда, — утопление этого антиквариата не стоит риска повреждения «Богатыря». К тому же я думаю, что головной получил достаточно, чтобы больше беспокоиться о своем выживании, чем о преследовании нашего транспорта. Прикажете снова разорвать дистанцию до пятидесяти кабельтовых?

Руднев медленно выдохнул, вдохнул снова и, слегка успокоившись, произнес:

— Да. Отрывайтесь, и давайте спокойно, без лишнего азарта, с дальней дистанции попробуем еще раз объяснить нашим японским коллегам, что вдвоем им лучше не пытаться нас преследовать. Если опять полезут — тогда еще раз пойдем им навстречу, но терпеть их огонь сейчас, когда поотставшая пара вышла из тени флагмана, нам и правда ни к чему. К повороту. И, Александр Федорович — спасибо, что не дали мне поддаться азарту.

— «Лена» поворачивает на нас! — Неожиданно донесся тихий крик сигнальщика, который, как-то кривовато привалившись к броне, продолжал наблюдать за горизонтом в бинокль через щели рубки. После боя он доплелся в лазарет, зажимая проникающую рану в боку и шатаясь от изрядной кровопотери. На вопрос лекаря: «Голубчик, что же ты раньше не пришел-то?» почти теряющий сознание матрос ответил: «Да неудобно было оставить пост во время боя».

Позже, во Владивостоке, при разборе выхода в море командир «Лены» лейтенант Рейн пытался убедить Руднева, что он близко к сердцу принял впечатляющий взрыв, имевший быть место, как ему показалось, на корме «Богатыря» и последовавший за этим пожар. Но

Руднев, безжалостно разложив по косточкам его поведение, показал, что на самом деле лейтенанту наскучило просто конвоировать пленный транспорт. Он пошел на прямое нарушение приказа «в бой не ввязываться», предпочел «не разглядеть за дымом» поднятый на фок-мачте «Богатыря» приказ «вернуться к охраняемому транспорту», и нагло пристроившись в кильватер крейсера, открыл огонь из своих 120-миллиметровок с предельной для тех дистанции. Действия «Лены» окончательно утвердили Катаоку в мнении, что после того, как соотношение сил изменилась с «три к одному» на «два на два», преследование лучше прекратить до подхода поотставшего «Чиен-Иена». В результате командир «Лены» был жестоко наказан — его перевели из временных командиров «Лены» в постоянные. Кроме того, Руднев отправил в Петербург представление на повышение этого, по его выражению, «долбаного Нельсона»^[63] в чине до капитана второго ранга. Позже в кругу офицеров Владивостока стало ходить высказывание контр-адмирала по этому поводу — «любой, выполнивший мой приказ и уклонившийся от боя заслуживает меньше моего уважения и поддержки, чем тот, кто, нарушив таковой, в бой ввязался и победил».

«Чиен-Иен» до заката не успел приблизиться на расстояние ведения огня, а в темноте Катаока предпочел отвернуть и сопроводить в Сасебо искалеченную «Ицукусиму» всем отрядом. Ночной бой — это лотерея. Более быстрые и маневренные «Богатырь» и даже «Лена» имели больше шансов всадить мину в видимый на закатной стороне «Чиен-Иен», чем получить от него двенадцатидюймовый снаряд, оставаясь на фоне темного неба восточной части горизонта. По прибытию в Сасебо «Ицукусима» заняла док на полтора месяца. «Богатырю» потребовался недельный ремонт с заменой стеньги мачты, одного шестидюймового орудия и восстановлением палубного настила, проломленного упавшим рангоутом. Заодно шесть 75-миллиметровых пушек были заменены на пару шестидюймовок, что довело бортовой залп до девяти стволов.

Дальнейшее возвращение во Владивосток прошло без ярких событий, если не считать таковым встречу с «Громобоем» на рассвете. А по возвращению Руднева ждали плохие новости — встречавший его на пирсе Гаупт после поздравлений с удачным походом огорошил новостью.

— Всеволод Федорович, ваши варяжцы совсем распоясались от безделья — лейтенант Балк, так тот вообще чиновника железнодорожного ведомства коллежского секретаря Петухова застрелил. Сейчас под стражей в гостинице.

Глава 12

Ответный ход

Владивосток. Весна 1904 года.

Дверь комфортабельного номера «Астории», что на Светланской, превращенной в офицерскую гауптвахту, со скрипом распахнулась, и обернувшийся на звук Балк увидел в дверном проеме до боли знакомую фигуру с контр-адмиральскими погонами и тросточкой в правой руке.

— Ну-с, господин главный хулиган с «Варяга», рассказывай, как дошел до жизни такой. На три дня тебя, Вася, без присмотра оставить нельзя. Ну зачем, зачем ты этого чинушу-то пристрелил?

— Как пристрелил? С каких это пор без уха умирать начали? Ты лучше расскажи, как сходили?

— Расскажу, как из кутузки выйдешь. ЕСЛИ выйдешь. Родной, ты чего в городе учудил? Я только и успел из порта до губы доехать, так мне уже в два уха напели, что ты каждый вечер пьянствуешь в компании армейцев в «Ласточке», что ты сманил половину казаков в городе к себе на какой-то там поезд. Что ты, наконец, застрашал все чиновничество города, таскал по главной площади умирающего Петухова и не подпускал к себе патруль, отстреливаясь из револьвера. И это максимум за неделю, что мне не до тебя было. Ну как я тебя одного отпущу на бронепоезде в Манчжурию? Ты же его пропьешь или в карты проиграешь!

— ОК. Давай по пунктам. В «Ласточке» я с армейцами не пьянствую, вернее, не только и не столько пьянствую, а скорее отбираю себе офицеров в первый батальон морской пехоты и на бронепоезд. Ну и заодно просвещаю местное дремучее офицерство по поводу организации обороны, действий малых групп и прочих премудростей, до которых им как до Парижу раком. Казаков сманил, говоришь? А как мне еще обеспечивать дозоры вокруг бронепоезда на стоянке и при ремонте пути? Конечно, я со знакомым хорунжим отобрал лучшее, что есть во Владивостоке и его окрестностях. Что это не понравилось их начальству — не удивлен, но против царского указа не попрешь...

— Погоди, какого такого указа? Ты что, царские указы стал подделывать?

— Зачем подделывать-то? Я не знаю, что именно там Вадик с Николашкой сделал, но тот указ, что я у него просил, получил обратно за подписью императора через неделю. Право на отбор в «экспериментальный бронедивизион русского флота „Варяг“ под командованием лейтенанта флота Балка любого личного состава». Ну и там еще кое-что о недопустимости чинения препятствий вышеупомянутому лейтенанту...

— Ты не задавайся, рановато пока. Ты еще про пристреленного чинушу мне не рассказал. Что за препятствия такие он «чинил вышеупомянутому Балку», что его пришлось мочить?

— Он мне сделал предложение, от которого я, по его мнению, не мог отказаться. Я к нему пришел за вагонами. Причем эти вагоны были мне выделены министром путей сообщения, и все бумаги у меня были. Оплачены они тоже из казны были. Так этот петух гамбургский, напоив меня чаем, говорит: «а давайте мы небольшой гешефт сделаем». И

предлагает мне отчитаться перед Петербургом, что, мол, вагоны я получил, но на перегоне Владивосток — Порт-Артур они сошли под откос, и теперь требуется их замена, а мне пять процентов от стоимости. Я ему честно сначала по хорошему пытался объяснить, что мне вагоны нужны для дела, а гешефт мы после войны сделаем. Нет, война, говорит, все спишет, потом фыркнул, выписал-таки вагончики. Расписался я в их получении, пошел принимать. Так эта сука мне вагоны из сгоревшего пять лет назад депо подсунула, там даже оси так к буксам прижавели, что их паровозом не провернуть! Опять же, возвращаясь к нему, и по хорошему говорю — мне на фронт через две недели ехать. Не могу я этот хлам восстанавливать, дай те вагоны, на которых груз для флота доставили, я их под разгрузкой видел, в нормальном состоянии, только добронировать — и вперед. Нет, говорит, берите, что дают, и в следующий раз, когда умные люди будут предлагать умные вещи, не крутите носом.

Ну, тут на меня и накатило... Я таких гадов еще в том времени насмотрелся и натерпелся от них. В общем, сунул я ему револьвер под нос и стал колоть. Кто, где, как и сколько на ремонте крейсеров и прочих флотских и армейских делах уже наварил. Сначала он еще кочевряжился, но как я ему ухо отстрелил — запел, как канарейка. В общем, список чиновников, подрядчиков и наворованных сумм у меня в каюте, под столом приклеен. Кстати — Гаупт то ли сам замазан, то ли настолько привык ко всеобщему воровству, что уже и не обращает внимания. При замене мачты на «Рюрике» смета удвоена, дерево, которое заготовили для подкладки под броню, гнилое, купили по дешевке на свалке. То есть полетят эти листы в воду от первого попадания — болты срубят, зато кто-то наварил пару тысяч рублей. Трубки котлов, которые при ремонте «Варяга» использовались и были проданы морскому ведомству Калининским, на самом деле из запасного комплекта самого «Варяга», который и так был собственностью этого самого ведомства. Просто на них документы потеряли, а он нашел, правда, как этот комплект вообще попал во Владивосток вместо Порт-Артура, тоже загадка... Хотя какая там загадка, обычный бардак, этими же чинушами и созданный, не знаю только, умышленно или нет. И это только то, что знал один мелкий чиновник железнодорожного ведомства! Ну, я его на главной площади города в исподнем с ошметками ушка и привязал к фонарному столбу, с плакатом «так будет с каждым, кто попытается воровать у армии и флота». А что, правда скотина помер? Странно, вроде не должен был от такого ранения, может, сердце слабое? Ну а от патруля я вообще не отстреливался. Я им честно сказал — пойду на крейсер, переоденусь, возьму смену белья и сам приду на гауптвахту. Кто ж знал, что тут в гостинице сидят господа офицеры. А стрелял я в воздух, чтобы внимание к этому петуху привлечь... Ладно, погорячился.

— Слушай, Вася, а как-нибудь попроще ты не мог? Без явных следов? — удивился Руднев.

— Ну извини, говорю ж — погорячился, забыл.

— Так, сиди тут до послезавтра и не рыпайся, герой. А я пойду попробую твои завалы дерьма разгрести.

Через день Руднев снова появился на пороге «камеры» Балка, на этот раз с вооруженным эскортом из матросов с «Варяга».

— Значит так, этот чинуша еще жив, в госпитале он. Одевайся в парадное, поехали на встречу с лучшими людьми города. У меня с собой десантная полурота с «Варяга», с оружием, сначала в госпиталь за твоим знакомым, а уж после в городское собрание с визитом. И это, списочек из каюты не забудь прихватить. Будем делать военный переворот в

отдельно взятом городе. Пора, наконец, объяснить людям, что такое законы военного времени. Будут знать, как у МЕНЯ воровать.

— А чего ты два дня полуроту собирал?

— Нет, я за два дня из Питера получил индульгенцию — крепость Владивосток теперь официально не только на военном положении, но и на осадном, и живет по законам военного времени. Пришлось ввести в оборот такое понятие. И самый главный петух в этом курятнике — я. И закрой пасть, а то вижу по наглой улыбочке, что хочешь про петуха откомментировать. Не та эпоха, не стоит. На выход, лейтенант Балк, с вещами!

Следующие три дня во Владивостоке чиновники и подрядчики потом вспоминали не иначе как словами «Варфоломеевская ночь». Хотя ни один человек в эти три дня не то что не погиб, а даже не был поцарапан. Но вид полуголого Петухова, стоящего у столба с повязкой на голове, так хорошо повлиял на не знавших такого обращения «бизнесменов», что физического воздействия больше и не требовалось. Достаточно было одного появления в комнате для допросов Балка с парой страхолюдного вида казаков с винтовками, чтобы нестигаемый и «кристально честный» чиновник начинал каяться в своих грехах и закладывать сотоварищей. После чего раскаявшийся чиновник на глазах ожидавших своей очереди коллег отводился в соседний дом, откуда чуть погодя иногда раздавался револьверный выстрел. Балк весело палил в воздух, объясняя побледневшему чинуше, что «палец сорвался, а курок чувствительный».^[64] К концу недели в казну было возвращено материалов и ценностей на сумму более полумиллиона рублей. Все перепуганные чинуши и подрядчики, боящиеся смотреть в глаза друг другу, были позже собраны в зале городского дворянского собрания, и Руднев произнес перед ними речь, которую можно было резюмировать одной фразой — «до конца войны воровать у армии и флота нельзя». Тех, кто не внемлет, ожидает расстрел без суда и следствия. Для тех, кто проникнется и будет трудиться, не покладая рук — вся информация, добытая в ходе следствия, никуда и никогда не пойдет. Все темные делишки, не касающиеся армии и флота, не касаются и Руднева.

Но больше всего чинуш и простых обывателей напугала речь Руднева, которую он произнес перед общим собранием матросов и офицеров отряда крейсеров перед тем, как вести моряков на столь не характерное для них дело. Самым страшным было начало...

— Товарищи! — по рядам выстроившихся по экипажам моряков и офицеров прошло быстрое, недоуменное шевеление, как по колосьям пшеницы, когда по ним пробегает порыв свежего ветра. Не то чтобы социалистические идеи были особо популярны среди моряков на Дальнем Востоке, но сочувствующие были. Даже среди офицеров.

— Да-да, я не оговорился. Я всех вас считаю своими боевыми товарищами. И тех, кто со мной на «Варяге» прорывался с трофеями вокруг Японии; и тех, кто со мной на «Богатыре» держал на почтительном расстоянии от захваченного купца трех «Мацусим». Тех, кто на крейсерах ходил к японцам в огород, кто на «Громобое» рванул нам навстречу, зная, что, быть может, придется отбиваться от пары-тройки асамоидов. А еще тех, кто тушил пожар на «Рюрике», готовился к атаке японских крейсеров и ходил к Гензану на миноносцах; всех, от командиров крейсеров до последнего штрафного матроса я считаю своими боевыми товарищами. Ибо мы вместе ходили под Богом и японскими снарядами, даже если мы там были в разное время и не всегда рядом. Сейчас нам с вами, мои товарищи, придется заниматься тем, чем армия и флот заниматься не должны — наводить порядок в этом городе. Но я верю, что мы, товарищи мои, справимся и с этим — не страшнее снаряда под ватерлинию будет. И еще. Я испросил у государя-императора разрешения, чтобы все члены

Товарищества ветеранов войн Российской Империи имели право обращаться друг к другу как товарищи, как вне службы, так и на ней. Так что для всех вас я теперь «товарищ контр-адмирал». Если кто-то из господ офицеров считает, что такое обращение уронит его честь и достоинство — вступление в общество дело сугубо добровольное.

Когда смолкли восторженные крики «ура» и оторопевшему Балку удалось на минуту уединиться с Рудневым, тот был схвачен за грудки и с пристрастием спрошен:

— Ты что за балаган устроил, Петрович? Какие в жопу товарищи, почему?

— Вася, успокойся, — непривычно скромно и застенчиво начал Руднев, — все началось с идиотской оговорки. Я когда от тебя шел, у меня Стемман что-то спросил, ну а я, голова-то занята, на автомате его переспросил: «Простите, ТОВАРИЩ капитан первого ранга»... Ну пришлось пообещать, что разъясню. Наплел ему про это гребаное товарищество, мол, обдумываю, думал, отвяжется... Так он вчера приперся с половиной офицеров крейсеров и попросил организовать общество немедленно! Я думал спустить на тормозах — сказал: «или все участники боевых действий, не струсившие под огнем, включая матросов и даже армейцы, или я не участвую». Думал — не проглотят, так нет — прогрессивная молодежь, блин! Согласились даже на это!!! Хотя и не сразу. Но ты не расстраивайся — через пару месяцев, я думаю, идея зачихнет.

— Знаешь, а может, и не зачихнет, особенно если этой идее помочь... Какую-то идеологию нам все равно надо будет Ильичу с компанией противопоставить, а если господа-товарищи офицеры на это готовы пойти, то почему бы и не «Товарищество ветеранов» для начала? Но надо ввести какие-то отличительные знаки на одежде, чтобы было сразу видно — господин перед тобой или товарищ... Устав надо разработать, табель о рангах и прочее... Может, чего и выйдет дельное.

— Но ведь в это товарищество по определению только служившие во флоте и в армии попадут, причем не все. Какая же это массовая идеология?

— Знаешь, за кем сила, то есть армия, тот в конце-концов и прав. Читал я как-то в детстве Хайнлайна, интересные у него были мысли... Опять же — по Петровской табели о рангах чиновнички-то тоже люд служивый. Может, и для них что-то организуем, типа «Десять лет без единой взятки», посмотрим.

Но занятые выведением чиновничества и купечества Владивостока на чистую воду и созданием «партии еще более нового типа» Руднев с Балком пропустили ответный ход Того, который снова перевесил чашу весов войны на сторону Японии.

Япония, Корея, Квантун. Февраль — март 1904 года.

Хейхатиго Того не любил работать ночью. Обычно светлые мысли чаще посещали его при свете дня. Но в последний месяц планы войны на море шли к западным демонам, и Того невольно приходилось засиживаться за своим столом допоздна в попытках решить нерешаемое. Плохие новости приходили почти каждый день — сегодня, например, сначала доложили об очередном потерянном транспорте, причем даже не потопленном, а захваченном русскими вспомогательными крейсерами. Потом из-под Порт-Артура пришло известие, что первая атака брандеров, которые должны были закупорить вход в гавань, провалилась. Транспорты были отогнаны или утоплены огнем все еще сидящего на мели на

внешнем рейде «Ретвизана» и дежурных миноносцев. Значит, из Порт-Артура в любой день может выйти эскадра, достаточно сильная, чтобы о высадке десанта в Бицзыво, подготовка к которой идет вовсю, не могло быть и речи.

И как только с Балтики на Дальний Восток будет отправлена первая пара «бородинцев» — время до полного морского разгрома Японии начинает исчисляться неделями. Единственный шанс для страны Ямато уйти от поражения в войне — это спешно разгромить артурскую эскадру, при том, что русские не заинтересованы в форсировании событий на море — они имеющимся составом сил достигают полной боеготовности в мае-июне. Поэтому победить артурскую эскадру можно только одним способом — ускоренным штурмом крепости силами армии. Соответственно, всё распределение сухопутных сил Японии должно быть подчинено этой единственной задаче — ускоренному штурму.

И на закуску к таким невеселым раздумьям, уже в темноте, из Чемульпо пришло известие, что еще один транспорт пропорол себе бок, неудачно навалившись на затопленную на фарватере в первый день войны «Чиоду». Значит, только что откорректированный график перевозок снова надо ломать и уточнять. Чертов «Варяг» продолжал вредить императорскому флоту, даже стоя в доке, действительно — кость в горле. И ведь просто так не поднимешь старый броненосный крейсер с фарватера.

СТОП. Старый броненосный корабль на фарватере... Просто так не поднять... Просто так и не утопить, ни миноносцам, особенно если тот будет отстреливаться, ни артиллерией — все-таки даже старый броненосец или крейсер с броневым поясом — это не транспорт. Нормы прочности и живучести совсем другие. Чем из старья японский императорский флот готов пожертвовать для обеспечения высадки армии? Старый казематный броненосец «Фусо» и еще более старые корветы типа «Конго», пожалуй, подойдут. И пяток транспортов во второй волне. Если хоть кого-то из них удастся взорвать на фарватере Порт-Артурской гавани, то русская эскадра, хоть и очень сильная, никак не сможет помешать высадке десанта. Только надо дождаться, пока русские снимут с мели и введут в гавань «Ретвизан» — он стоит слишком близко ко входу, мимо него «Фусо» не пройти — и провести высадку сразу после закупорки. Неизвестно, сколько времени у русских уйдет на то, чтобы очистить фарватер, они уже пару раз удивили Того в эту войну, как приятно — своей неторопливостью, так и неприятно, в основном Руднев. Но он-то не в Порт-Артуре...

* * *

24 февраля^[65] в Порт-Артуре был двойной праздник. Во-первых, из Петербурга поездом прибыл долгожданный новый командующий эскадрой адмирал Макаров. Во-вторых — как по заказу в день его приезда наконец-то удалось снять с мели подорванный еще в первый день войны «Ретвизан» и затащить его в гавань. Эскадра ожила. Макаров потребовал от командиров кораблей невиданного — проявлять инициативу!

Сразу после объезда всех кораблей эскадры рангом выше миноносца Макаров собрал у себя командиров и устроил разнос тем, кто до сих пор не сдал в порт мины заграждения и не установил дополнительные заслонки на амбразурах рубок. На робкие попытки возразить, что, мол «приказа пока не было», Макаров начал фитилить с главным лейтмотивом — «вы с лекарем с „Варяга“ встречались на три недели раньше меня, и он вам об этом говорил, а командир корабля обязан сам делать выводы, как именно поддерживать вверенный ему

корабль в боеготовом состоянии».

Каждый день на внешний рейд для отработки совместного маневрирования обязательно выходили по несколько кораблей. И почти каждую вторую ночь на внешнем рейде была мясорубка. Макаров, с подачи Вадика, перехватившего его на полустанке близ Нижнего Новгорода, никогда не отправлял в дозор меньше четырех миноносцев одновременно. Кроме них, на внешнем рейде, как правило, болтался минимум один старый, но довольно опасный для миноносцев противника минный крейсер («Всадник» или «Гайдамак»), с которых сняли минные аппараты и 47-миллиметровые пугачи, зато насовали по полдюжины 75-мм. Обычно на рейд выходила еще и канонерка, а в готовности к выходу каждую ночь была пара крейсеров. Уже через две недели выяснилась разница в подготовке и характеристиках крейсеров, их командиров и команд.

Идеальным борцом против чужих миноносцев оказался «Новик» под командой Эссена. Высокая скорость крейсера, шесть скорострельных 120-мм и абсолютная безбашенность командира позволяли занимать выгодное положение для расстрела миноносцев противника и вовремя уворачиваться от ответных торпедных атак. За пару недель «Новик» записал на свой счет два миноносца и минный катер. Правда, на самом деле оба миноносца японцы дотащили на буксире до Сасебо и после ремонта ввели обратно в строй, но утопление тараном минного катера действительно имело место быть. Впрочем, японцы в долгу не остались, и по докладам командиров миноносцев, «Новик» был потоплен самодвижущимися минами уже минимум три раза. На деле единственными повреждениями лихого крейсера второго ранга были три пробоины от 75 и 57-мм снарядов.

Вторым по эффективности, на удивление, оказался броненосный «Баян» под командой Вирена. «Аскольд» тоже проявил себя в единственном для него ночном столкновении вполне неплохо, но Макаров предпочитал использовать его в дневных разведывательных выходах. Он, как и «Варяг» с «Богатырем», был недосыгаем для броненосных крейсеров японцев и слишком силен для их мелких бронепалубников. Зато богиня отечественного производства — «Диана» (ее сестершип «Паллада» все еще не вышла из дока, где ей не торопясь — в первую очередь работы велись на броненосцах, «Цесаревиче» и «Ретвизане» — устраняли повреждения от минной атаки в первый день войны) — оказалась не слишком эффективной. Ее многочисленные 75-миллиметровки работали только на близких дистанциях, подойти на которые этому медлительному кораблю было практически нереально. Правда, и японские миноносцы ее предпочитали обходить стороной. Посмотрев на это, Макаров загадочно хмыкнул: «и тут не соврал лекаришка», и приказал снять с «богинь» половину 75-мм пушек, заменить их на четыре шестидюймовки, снятых с берега, а освободившиеся 75-мм пукалки установить по одной на корме каждого миноносца. После этой простой, как табуретка, меры, русские миноносцы наконец-то уравнились в огневой мощи со своими японскими визави. Результатом этих нововведений, а также каждодневного траления силами портовых буксиров и катеров, было то, что Макарову удавалось пока поддерживать рейд в почти абсолютной чистоте от вражеских мин и отбить атаку брандеров.

Но через пять недель размеренные и регулярные выходы в море (командующий был вынужден учить эскадру элементарному совместному маневрированию) и ремонт поврежденных броненосцев были прерваны самым неожиданным образом. Для начала японцы перестали появляться под Порт-Артуром по ночам. Первые четыре дня это радовало, потом стало настораживать, все моряки с мозгами понимали — враг что-то задумал и копит

силы. Адмирал Алексеев, в очередной раз отменивший свой отъезд во Владивосток, ходил чернее тучи, но кроме постоянного действия на нервы Макарову тоже ничего поделать не мог. Наконец явно назревающий нарыв прорвало. Вторая атака брандеров на Порт-Артур имела очень мало общего с первой...

* * *

В ту ночь дежурство на рейде несли четыре миноносца во главе со «Сторожевым» и «Манчжур». Первым приближающийся транспорт обнаружил «Решительный» и сразу же, оправдывая свое название, понесся в атаку. Над рейдом разнесся вой сирены, оповещающий все корабли эскадры и береговые батареи о том, что пауза в ночных развлечениях закончилась. На дежурных «Новике» и «Диане» спешно выбирали якоря, а на остальных кораблях эскадры играли боевую тревогу. Не успел еще «Решительный» сблизиться с обнаруженным транспортом на расстояние минного выстрела, как с идущего в кильватере за головным японцем корабля по прожектору миноносца ударил залп шестидюймовых орудий... Кроме этого, из-за корпуса незнакомца «на огонек» выскочили восемь японских контрминоносцев. На «Решительном» лейтенант Корнильев, разглядев количество противников, приказал поворачивать обратно ко входу в гавань, под прикрытие береговых батарей. Однако к моменту окончания разворота его миноносец успел получить четыре 75-мм снаряда от истребителей противника и один снаряд среднего калибра с «Фусо», канониры которого вели огонь по прожектору, пока тот не догадались погасить. Взрывом шестидюймового снаряда на «Решительном» перебило паропроводы в котельном отделении, и теперь единственным шансом на спасение теряющего пар корабля было как можно скорее приткнуться к берегу. Над морем снова завывла сирена, на этот раз от того, что осколком одного из снарядов срезало предохранительный клапан. Душераздирающий вой продолжался минут десять, пока один из кочегаров не расплющил кувалдой ведущий к ней паропровод. Свою задачу отважный кораблик уже выполнил — в Порт-Артуре готовились к встрече гостей. Но, к сожалению, там готовились отбивать очередной наскок миноносцев, пытающихся завалить рейд минами... Напрасно Корнильев, подбежав к сигнальному прожектору (радио на эсминцах в Порт-Артуре не было, дефицит-с), орал на сигнальщика, чтобы тот отстучал донесение о транспортах и, как ему показалось, крейсерах, направляющихся в их сторону. Дуговая лампа сигнального прожектора и провода были перебиты осколками, да и работа динамомашины через минуту прекратилась из-за падения давления пара. Все же для кораблика водоизмещением порядка трехсот тонн попадание шестидюймового снаряда — это если и не нокаут, то нокдаун почти наверняка. В отчаянной попытке предупредить эскадру об атаке брандеров Корнильев приказал выпустить все имеющиеся под рукой ракеты, и в небо взвились три огня красного цвета...

Реакция «Новика» и оставшихся боеспособными трех русских миноносцев на появление семерки эсминцев противника (восьмой, «Асагири», погнавшийся было за «Решительным» в попытке добить подранка, получил в скулу 75-миллиметровый подарок и, потеряв способность идти полным ходом из-за пробоины, теперь сам уползал в сторону Кореи) была предсказуема — при «бегстве» японцев от «Новика» в открытое море Эссен, естественно, за ними погнался. Когда через двадцать минут гонки крейсер попытался прекратить преследование более шустрых миноносцев, «беглецы» неожиданно все вместе повернули на

него и попытались провести скоординированную торпедную атаку. «Новик» и примкнувшие к нему «Сторожевой», «Скорый» и «Страшный» встретили противника частым огнем. «Новик» не только удачно уклонился от выпущенных мин, но и всадил в шедший головным «Хаядори» сразу три 120-мм снаряда. Теперь настала очередь флагмана четвертого отряда миноносцев, стравив пары, пытаться затеряться в темноте. Но, в отличие от «Решительного», под боком у японцев не было берега, на котором стояли бы свои береговые орудия и который гарантировал бы относительную безопасность от преследования. На «Скором» его командир лейтенант Хоменко разглядел бедственное положение японца, и теперь в минную атаку бросился уже русский контрминоносец.^[66] Но «Харусаме» и «Мурасами» не бросили флагмана, и первая атака «Скорого» была сорвана сосредоточенным обстрелом с трех миноносцев противника. Однако противопоставить орудиям «Новика» японцам было нечего. Отбившись от Пятого отряда истребителей, русский крейсер, изменив курс, направился в сторону потерявшего ход «Хаядори». Командир Четвертого отряда истребителей капитан второго ранга Нагаи приказал «Харусами» и «Мурасиме» снять с обреченного корабля команду, а сам остался на борту. Вместе с ним сходить с истребителя отказались его командир, капитан-лейтенант Такеноучи, и семь матросов. Все они до последнего отстреливались от русского крейсера из носовой 75-миллиметровой пушки и разделили судьбу корабля, пойдя с ним на дно, когда «Скорый» во второй заход всадил неподвижному эсминцу торпеду в район кормы...

Не успел фон Эссен порадоваться победе, как с левого крыла мостика донесся крик сигнальщика — «Миноносцы с зюйда, пять штук, идут на нас». «Новик» мгновенно, сказала отличная выучка команды и прекрасные маневренные характеристики этого небольшого кораблика, развернулся к противнику левым бортом на сходящихся курсах. Не успели на головном, оторвавшемся от остальных миноносцев показать свои позывные, как на него обрушился град 120 и 75-миллиметровых снарядов. К сожалению для «Сторожевого», который пытался уйти от преследующих его четырех миноносцев противника, огонь крейсера опять был точен. Пока на «Новике» разобрали его позывные, пока фон Эссен приказал перенести огонь на преследующих истребителей японцев, и пока комендоры выполнили этот приказ (наводчик бакового 120-мм орудия Степанов, уже наведя орудие на ускользящую в темноте цель, сначала выстрелил, попал с девяти кабельтовых, а уже потом переспросил командира плутонга: «что-что, ваше благородие?»), русский миноносец успел проглотить два русских же 120-мм снаряда и пяток 75-мм болванок. Но в кутерье преследования, отворотов, циркуляций, опять преследований, атак и уклонений основные силы охраны рейда Порт-Артура ушли от входа на фарватер как минимум на пять миль. План Того по отвлечению охранения рейда приманкой из миноносцев удался...

К этому моменту наконец-то проснулись и артиллеристы береговой обороны. С Золотой Горы засветили прожектор, луч которого уперся в окутанный паром «Решительный», на остатках давления в котлах приближающийся к берегу. Артиллеристы батареи Электрического Утеса сразу же открыли огонь по несчастному кораблику, которому до берега оставалось пройти еще с пол мили. До момента прекращения огня по «Решительному» успели выпустить восемь снарядов, один из которых пробил ему палубу, распотрошил угольную яму и вышел через днище. Спасло корабль только то, что снаряды Утеса в начале войны были... скажем так — несколько специфическими. Миноносец стал быстро садиться носом и заваливаться на правый борт, но через минуту под его днищем заскрежетали камни, и корабль на десяти узлах выполз на берег. Не успела команда

перекреститься и вспомнить Николая Чудотворца, спасшего миноносец от неминуемого затопления, как с берега по эсминцу открыли огонь винтовки пехотной полуроты, охраняющей побережье... На ломаном немецком поручик Северский потребовал от «японского капитана» немедленно спустить флаг и не пытаться взорвать корабль. Ему вторили простые пехотинцы на русском, в основном крившие «узкоглазых макак» и стреляющие в застрявший в сотне метрах от берега корабль из винтовок. В ответ с корабля донесся усталый мат, объясняющий истинное положение дел. К счастью для моряков, перепуганные «высадкой японского десанта» солдаты стреляли из рук вон плохо. От пуль пострадал только боцман миноносца, получивший ранение в руку, которой он пытался махать, объясняя, что он русский. Суматоха ночного боя закономерно нарастала.

Подходящему к фарватеру в компании пары старых корветов и трех транспортов «Фусо» пришлось иметь дело только с «Манчжуром» и неторопливо начавшей выходить с рейда «Дианой», на которой при снятии с якоря заело шпиль. «Манчжур», обнаружив неспешно, на десяти узлах (максимальный ход, при котором из труб пароходов не вырывались факелы, и предел того, что мог дать «Фусо»), крадущийся к проходу транспорт противника, осветил того прожектором и рванулся ему на встречу. Но не успели еще его канониры навести на цели носовые восьмидюймовые орудия, как вокруг самого «Манчжура» начали рваться неприятельские снаряды калибром не меньше шести дюймов... Меры японского командования сработали во второй раз.

* * *

Когда чуть больше недели назад Того лично прибыл на борт «Фусо», стоящего в Кобе, удивлению командира корабля и всей команды не было предела. Действительно, бывший четверть века назад гордостью нового японского флота, его первый корабль сейчас, не смотря на уже две проведенные модернизации, безнадежно устарел. И у командующего флотом во время войны должны быть более важные дела, чем инспекционная поездка по старым кораблям.

Но речь вице-адмирала все поставила на свои места. Того объяснил построенному экипажу «Фусо», что император просит у них жертвы во имя Японии. Они должны своими телами и телом своего корабля заблокировать русским выход из по праву пролитой крови [\[67\]](#) принадлежащего Японии Порт-Артура. Это позволит наконец высадить в Бицзыво армией генерала Ноги, которая с суши опять возьмет город, что ликвидирует угрозу со стороны русской эскадры, которая трусливо отказывается выходить на бой. Всем не желающим идти на почти верную гибель — Того не скрывал, что спастись с броненосца, затапливаемого на фарватере вражеской гавани, почти не реально, хотя тот и будет вести на буксире три паровых катера для эвакуации экипажа — было предложено сейчас же сойти на берег. Таковых на борту «Фусо» не нашлось. Тогда Того сам зачитал список членов экипажа, которые должны были вести броненосец в его последний боевой поход. Действительно, в самоубийственной атаке не было смысла иметь на борту полную смену кочегаров и механиков, штурмана и палубных матросов. Япония не могла позволить себе бесполезную гибель сотни обученных моряков. По плану Того, Окуномия тоже должен был оставить «Фусо» на своего старшего офицера и отбыть в Англию для принятия нового броненосца, переговоры о покупке которого сейчас шли полным ходом. Но тут случилось нечто

беспрецедентное для помешанного на субординации и самурайских традициях подчинения приказам японского флота. Капитан второго ранга Окуномия не просто отказался выполнять приказ командующего Соединенным Флотом Японии вице-адмирала Того. Он вытащил из ножен меч, ^[68] протянул тот в поклоне опешившему адмиралу и попросил или позволить ему командовать броненосцем в его последнем походе, или отрубить голову, избавив и капитана, и весь его род от позора бегства с поля битвы.

Когда Того разрешил ему остаться на борту и посвятил во все детали операции, Окуномия предложил несколько изменить порядок следования кораблей. По его предложению, головным шел транспорт «Ариаке», набитый мешками с рисовой шелухой для обеспечения плавучести. Его задачей было обнаружение русских дозорных судов, по прожекторам которых и должен был вести огонь из своих шестидюймовых и 120-мм орудий «Фусо». При этом планировалось, что занятые обстрелом «Ариаке» русские в темноте примут «Фусо» за еще один транспорт и подпустят тот на близкое расстояние. При стрельбе в упор две шестидюймовки и четыре 120-мм старого броненосца были способны не только утопить миноносец, но и вывести из строя бронепалубный крейсер дозора. Того не только согласился с разумным предложением, но и приказал установить на «Фусо» два дополнительных шестидюймовых орудия.

* * *

В принципе, если бы Порт-Артур имел единую систему обороны от угрозы с моря под единым командованием — после первого выстрела «Фусо» по «Решительному» русские бы поняли, что к фарватеру идет что-то, вооруженное шестидюймовками. Звук выстрела орудия среднего калибра перепутать с та-таканием миноносных пукалок практически невозможно. Но береговое и морское командование жили каждое в своем информационном вакууме, абсолютно независимо друг от друга, и своими планами не делились. Поэтому артиллеристы береговой обороны были абсолютно уверены, что если в море стреляет что-то шестидюймовое — это «Диана» или «Баян». В порту же залпы «Фусо» приняли за огонь береговой артиллерии по миноносцам противника... Обычное русское разгильдяйство и ведомственная не согласованность усугублялась ночной темнотой и четкими действиями японцев по заранее отрепетированному сценарию.

Когда луч прожектора «Манчжура» уперся в явно направляющийся к фарватеру «Ариаке», на «Фусо» и следующих за ним корветах поняли, что дальше стесняться в средствах нет смысла. На «Манчжур» обрушился град снарядов всех калибров, от тридцати семи миллиметров до шести дюймов. «Манчжур» успел выстрелить из носовых восьмидюймовок всего пять раз. Первый залп по «Ариаке» лег с перелетом. Второй был направлен уже по частым вспышкам выстрелов в темноте. Последний снаряд выпустили из левой погонной пушки уже с горящей канонерки (шестидюймовый снаряд с «Фусо» поджег подшкиперскую со складированными в ней парусами) на циркуляции во время отворота к берегу. Невероятно, но один из выпущенных практически наугад восьмидюймовых снарядов попал в борт «Фусо». Однако при подготовке старого броненосца к последнему походу японцы творчески использовали опыт Руднева по бетонированию «Сунгари». Небольшой запас угля, необходимый для перехода к Порт-Артуру, был размещен в единственной угольной яме и непосредственно у котлов. Все остальные угольные ямы были залиты

бетоном для того, чтобы усложнить жизнь русским водолазам при подъеме корабля. Неожиданно для японцев, бетон спас «Фусо» от пробоин во время этого и пары других попаданий. Старая броня не выдержала попадание восьмидюймового фугасного снаряда, но когда треснутая болванка протиснулась внутрь корабля, она с разгону впечаталась в стенку угольной ямы, подпертую изнутри десятками тонн застывшего бетона... Взрыватель сработал уже после того, как снаряд окончательно раскололся. И хотя с внутренней стороны бетона взрывом откололо большое количество осколков, а снаружи почти оторвало броневую плиту, комбинированная конструкция не допустила затоплений, которые в противном случае были бы неизбежны. Небольшие затопления междудонного пространства не смогли остановить корабль, экипаж которого твердо решил умереть, но выполнить свой долг.

«Манчжур» получил с «Фусо» и корветов в общей сложности шесть снарядов среднего калибра, что в который раз доказало преимущество скорострельной артиллерии. Последнее, что успела сделать канонерка перед поворотом к берегу, это выпустить по «Ариаке» мину из носового аппарата (по примеру однотипного с «Манчжуром» «Корейца»), которую никто на транспорте даже не заметил. Отвернув и получив из трюмов доклады о повреждениях, перебитом паропроводе и многочисленных, хотя и не фатальных затоплениях, Кроун решил на всякий случай приткнуться к берегу, что «Манчжур» и сделал.

Но и «Ариаке» от своей судьбы не ушел — на Электрическом Утесе включили прожектор, который сразу же навели на обнаруженный и подсвеченный «Манчжуром» транспорт. Батарейцы уже поняли, что чуть героически не добились свой миноносец, и с удвоенной скорострельностью стали засыпать транспорт снарядами, дабы загладить свою ошибку. Вскоре, получив пару попаданий, японский брандер сначала потерял ход, а потом вспыхнул ярким пламенем от носа до кормы, освещая крадущиеся за ними корабли. Сразу же стало очевидно, что идея полить керосином бревна старых бонов и рисовую шелуху, которыми набили транспорт для обеспечения плавучести (больше ничего труднопотопляемого в порту просто не нашлось), была не совсем удачна. По первоначальному плану «Ариаке» отвлекал внимание дозорных кораблей, которые потом в упор расстреливались «Фусо», и огонь береговых батарей. Но его командиру, решившему умереть во славу Японии красиво, захотелось тоже иметь возможность утопить корабль на фарватере, если ему посчастливится самому до него дойти. Однако все трюмы транспорта уже были набиты нетонущим мусором и старыми, отслужившими свой век гнилыми боновыми заграждениями, он не только не утонул бы, даже с открытыми кингстонами и крышками грузовых люков, он мог заблокировать дорогу главной звезде выступления — «Фусо». Тогда командир корабля, лейтенант Мидауно, решил — раз не судьба утопиться на фарватере, то при случае, если удастся незаметно проскользнуть в гавань, стоит попробовать протаранить первый же подвернувшийся русский корабль. А для пущего эффекта зажечь корабль перед тараном. Закупив на свои средства несколько бочек керосина, командир посвятил в свой план только ближайших друзей, поэтому командование не имело шансов разъяснить ему неуместность этой идеи. Сейчас подожженная снарядом «Ариаке» освещала идущие за ней корветы не хуже, чем русские прожектора. Повезло только «Фусо» — следуя сразу за жертвенным транспортом, он успел просочиться чуть мористее, когда тот потерял ход, но до того, как огонь разгорелся всерьез. В момент обхода «Ариаке» на броненосце шальным снарядом с берега снесло единственную трубу. Резкое падение скорости привело к тому, что «Конго», идущий менее чем в кабельтове за кормой последнего буксируемого

«Фусо» катера, поочередно раздавил своим форштевнем все три билета на спасение экипажа броненосца...

Бедя не приходит одна — тяга в котлах упала моментально, а давление пара и скорость через минуту. «Конго», заметив, наконец, опасность столкновения, отвернул в сторону берега, получил попадание в клюз, и теперь тащил за собой по дну моря правый якорь, перепахивая морской песок и постепенно замедляя ход.

Скрепя сердце и скрипя зубами, командир «Фусо» отдал приказ послать на помощь кочегарам подносчиков снарядов от орудий. Эта вынужденная мера — сокращенная смена кочегаров физически не могла без трубы поддерживать давление пара для продвижения на скорости более четырех узлов — как ни странно, спасла всю операцию. Если корветы азартно отвечали на огонь с берега из всех стволов, то «Фусо» вынужден был временно прекратить огонь. Через пять минут тихого, неспешно движения под завывание пронсящих высоко над палубой снарядов и бомб, Окуномия с удивлением понял, что весь огонь русских сосредоточен на оставших корветах. Теперь он уже сознательно приказал не открывать огня до тех пор, пока русские не прекратят «игнорировать» ползущий ко входу на фарватер броненосец. Но у артиллеристов и прожектористов Утеса и Золотой горы было занятие поинтереснее, чем выискивание в темноте нестреляющей мишени — они радостно рвали на куски подставившиеся корветы, которые упорно отстреливались из своих допотопных пушек... Причем отстреливались не всегда безобидно — один удачно пущенный кем-то из корветов снаряд погасил береговой прожектор со всей обслугой, а второй разорвался на территории «подшефного» хозяйства на Электрическом Утесе, вызвав многочисленные жертвы среди кур и свиней.

Потеряв в темноте головной корабль, на котором был единственный опытный штурман, знающих подходы к Порт-Артуру как свои пять пальцев, остальные корабли японского отряда стали расползаться кто куда. Два корабля попытались прорваться к гавани под берегом, но один наскочил на мину, а второй налетел на затопленный ранее пароход. Остальные были в конце концов добиты береговой артиллерией, в зону действия которой эти тихоходные корабли зашли слишком далеко, что и предрешило их судьбу.

«Фусо» тем временем дошел до начала фарватера. Навстречу ему по проходу неторопливо и величественно, как и полагается богине, шла «Диана». Задержка крейсера с выходом из-за заевшего шпиля усугубилась решением командира корабля капитана первого ранга Залесского не расклепывать якорную цепь, а устранить задержку. На робкий вопрос старшего офицера Семенова — «а как же срочность выхода по тревоге» — невозмутимый капитан, потягиваясь, проворчал, что «нам вообще можно было бы не выходить, миноносцев „Новик“ и сам погоняет, как всегда, а для чего крупнее есть Утес и Золотая гора, нам сегодня ночью в море делать нечего, два крейсера в дозоре — вообще блажь адмирала». Заметив в темноте медленно идущий по фарватеру небольшой корабль, командир «Дианы» совершил еще одну, последнюю и непоправимую ошибку — он принял его за поврежденного «Манчжура», возвращающегося в гавань. Он даже приказал дать задний ход и принять вправо, чтобы «пропустить беднягу». Залесский отдал приказ об обстреле «Фусо» только после того, как по тому открыла наконец огонь батарея Золотой горы. К сожалению, попасть по маленькому, медленно плетущемуся в темноте броненосцу из мортир никак не удавалось. Канониры то вводили поправку на скорость в полтора десятка узлов, и тогда снаряды вздымали столбы воды перед носом «Фусо», то стреляли по нему как по стоячей мишени, и тогда пенился уже кильватерный след старого корабля. Пара снарядов из шестидюймовок

«Дианы», с вечера заряженных чугунными боеприпасами — против миноносцев — бессильно раскололась о бронированный и забетонированный борт японца. Еще через две минуты с «Дианы», наконец засветившей прожектор, увидели, что пришелец медленно разворачивается поперек фарватера в самом узком месте и на нем отдают якоря. У Залесского хватило ума задробить стрельбу, чтобы не топить брандер на фарватере, но что делать дальше, он придумать не мог — времени на посылку десантной партии и заведения буксира явно не было. С японца доносились небольшие взрывы — видимо, подрывали кингстоны и двери водонепроницаемых переборок, и в любой момент он мог просто взлететь на воздух (единственной причиной, по которой на «Фусо» не взорвали погреба, было отсутствие в них боезапаса — Того решил не рисковать возможностью случайного преждевременного подрыва от попадания русского снаряда). Неожиданно мимо замершего крейсера на максимальных для него одиннадцати узлах с воем сирены пронесся портовый буксир «Силач». Буксиром командовал лейтенант Балк 2-й, старший двоюродный брат недавно ставшего лейтенантом Балка 3-го с «Варяга».

Все хорошие офицеры всех армий мира делятся на две группы — офицеры бывают идеальные для мирного времени и для войны. Причем переходы из группы в группу практически невозможны. Во времена долгого мира офицеры военного времени хиреют. Их затирают по службе чистенькие, умеющие навести порядок в казарме и красиво отпрапортовать офицеры мирного времени, их не любит начальство за излишнюю независимость и хулиганистость. Их поголовье сокращается, поддерживаясь только за счет притока недоигравших в детстве в войну мальчишек-романтиков. Зато когда начинается серьезная большая война, естественный отбор начинает идти по совсем другим критериям... Неожиданно выясняется, что блестящий капитан может блистать только на паркете бального зала или светском приеме, а под огнем теряет не только блеск и лоск, но и голову. Зато задерганный выговорами за пьянство и хулиганские выходки лейтенант может неожиданно пустить свою неумную, бьющую через край на горе начальникам энергию в нужное русло. О чем это я? Просто лейтенант Балк 2-й, третий год «временно» командующий буксирным судном «Силач» и которого еще более полугода назад должны были произвести в капитаны второго ранга, был не просто идеальным офицером военного времени. Он был уникалом. На «Силач» его «задвинули», буквально убрав с глаз долой Алексева и надеясь, что на медленном буксире он остепенится. Вместо этого он внушил команде, что «экипаж буксира „Силач“ должен соответствовать названию корабля», и менее чем через год команда в охотку, под руководством и при личном участии командира жонглировала каждое утро пудовыми гирями. На верхней палубе буксира всегда были в наличии гири, штанги, тяжеленные цепи и прочие снаряды бодибилдеров начала века.

Вскоре «силачи» дожонглировались до того, что в кабаках Порт-Артура появилась новая примета — на тех, кто с «Силача», меньше чем втроем на одного не нападать. А еще через полгода перестали задирать вообще, потому что обидчиков «силачи» находили всегда, а их командир никогда не выдавал членов команды для наказания, независимо от того, что те натворили в городе. Подобно легендарному поручику Ржевскому, о нем слагали анекдоты, причем почти все они имели под собой реальную подоплеку. Он спасал утопающих, тиранил чиновников всех мастей и рангов, а иногда и «купал» наиболее зарвавшихся из них прямо в гавани, перебрасывая тех через борт на радость команде. Если надо было послать куда-либо невооруженный корабль — Балк всегда был тут как тут. Его буксир всегда и всюду поспевал, не раз попадая в переделки. В другой, нашей истории перед сдачей крепости он прорвался из

блокированного Порт-Артура на КАТЕРЕ тогда, когда полноценные боевые корабли предпочитали не рисковать и самозатопиться. Перед этим он, в нарушение прямого приказа коменданта крепости, взорвал свой пароходик, чтобы тот не достался японцам. Он получил за геройство два ордена, что для командира БУКСИРА — беспрецедентно. После войны он постоянно конфликтовал с любым начальством по любому поводу, скучал, много пил и, в конце концов, не найдя себя в мирной жизни, переведенный за очередное художество командовать с миноносца на транспорт, застрелился...^[69]

Но сейчас этот молодой и полный жизни хулиган, бельмо на глазу начальства, любимец команды и всех молодых бесшабашных офицеров, неся полным ходом навстречу японскому брандеру и своей судьбе.

По военному времени буксир был штатно вооружен парой 37-миллиметровых пушечек, а по случаю предприимчивости командира на него поставили еще и пару старых картечниц Гатлинга. Как поговаривали во флоте, их Балк то ли выиграл в карты, то ли просто украл у кого-то из миноносников. Впрочем, экипаж миноносца и сам снял их с наскочившего на мель при первой попытке заблокировать проход на рейд японского брандера. Вообще-то по сигналу тревоги буксиру сниматься с якоря было не обязательно, даже если он и стоял под парами рядом с выходом. А снявшись, разумно было бы отходить в глубину гавани, а не пробираться по мелководью к открытому морю, потому что гонять по рейду японцев — не его дело, для этого в составе эскадры было достаточно и боевых кораблей. Но Балку не сиделось в гавани. Для себя он придумал оправдание — если какой-то из русских кораблей потеряет ход, он сможет быстрее отбуксировать его в порт. Эта отговорка уже пару раз выручала его при разборах «неподобающего» поведения буксира во время ночных схваток на рейде. А утром третьего марта, успев притащить после ночного боя на буксире в гавань подорванный японской миной «Властный» до того, как тот затонул, он получил благодарность от адмирала Макарова и разрешение находится при атаках там, где сочтет нужным. При условии, что его буксир не будет путаться под ногами боевых кораблей.

Сейчас «Силач» не стал «путаться под ногами» у нерешительно замершей «Дианы», с которой пытались спустить паровой катер, а обойдя ту по дуге, пошел прямо на «Фусо». Его капитан на мостике громко кричал:

— Приготовиться к тарану!!!

Он жадно читал все доходившие до Порт-Артура газетные статьи о подвиге «Варяга» и «Корейца», прекрасно помнил детские игры со своим двоюродным братом, в которых он, более старший и крупный, всегда выходил победителем. Теперь и у него появилась тень шанса совершить что-то, хоть немного похожее на подвиг своего удачливого кузена, и уж он-то его точно не упустит.

Впрочем, кроме жажды подвигов непоседливым лейтенантом двигал элементарный здравый смысл. Если брандер, в котором он к своему удивлению в свете прожектора опознал броненосец, затонет там, где он сейчас стоит на якорях, из гавани смогут выходить только миноносцы. Сам три года шныряющий по фарватеру туда-сюда почти каждый день, Балк прекрасно понимал, что японец выбрал для затопления идеальное место. Он даже успел подумать, что именно там топился бы и он сам, реши он насолить адмиралу Макарову по крупному. На «Фусо» поначалу отстреливались от «Дианы», но разглядев несущийся на все парах с включенной сиреной портовый пароходик, перенесли огонь на него. Однако к этому моменту на старом броненосце в строю остались только одна шестидюймовка и пара орудий калибром поменьше. В буксир попал шестидюймовый снаряд, изрешетивший рубку и

мостик. Мелкий осколок пробил дерево рубки и завяз в мощной грудной мышце капитана, упершись в ребро. Смерть не достала до сердца лейтенанта всего-то какой-то дюйм. Рулевому повезло меньше — осколок, влетев в иллюминатор рубки, попал ему в лоб, а еще пяток вошла в тело. Смерть была практически мгновенной.

Когда «Силач» приблизился на три кабельтова, в «Фусо» наконец-то попал одиннадцатидюймовый мортирный снаряд с Золотой Горы. По стоящей мишени вечно мазать не могли даже не слишком точные мортиры. Сразу после этого в телефонной трубке на командный пункт батареи (одно из нововведений, которые Макаров почерпнул в папке, переданной ему лекарем с «Варяга») раздался голос адмирала, который потребовал прекратить огонь по стоящему на фарватере кораблю. После впечатляющего взрыва на палубе огонь с «Фусо» прекратился на минуту, которой хватило Балку на то, чтобы снять со штурвала тело рулевого и взяться за рукоятки самому. Он, ювелирно отработав за кабельтов до борта брандера «полный назад», снизил скорость с одиннадцати до пяти узлов. Поэтому энергия удара была потрачена не на проламывание бронированного борта «Фусо», а на его разворот вдоль фарватера. На какое-то время наступило шаткое равновесие — «Силач» пытался развернуть стоящий поперек фарватера брандеро-броненосец, кормовой якорь «Фусо», вцепившись в дно, с истинно самурайским упорством пытался не дать ему это сделать.

На мостике «Фусо» Окуномия мрачно наблюдал за усилиями русского буксира, который был на волосок от того, чтобы пустить все жертвы, принесенные в этот день, к восточным демонам. Что еще он мог сделать при условии, что почти все орудия выведены из строя, и только пара 47-миллиметровок все еще пытается достать навалившийся на борт буксир, который вообще-то давно в мертвой зоне? Только повести всех, кто еще был на ногах, в последнюю атаку, и попытаться, пробившись в рубку буксира, отвести тот от борта тонущего броненосца, который уже осел на полтора фута. А может, вообще удастся утопить этот чертов пароход прямо у борта «Фусо», тогда уж точно фарватером еще долго не смогут воспользоваться крупные корабли.

Над палубой броненосца пронесся последний приказ командира:

— Команде вооружиться всем, чем можно! За Императора и Японию, на абордаж!!!

Рулевой матрос, который, схватив с переборки пожарный багор, кинулся было в схватку, был послан в машинное отделение с тем, чтобы донести приказ об атаке до низов броненосца, где сейчас была сосредоточена большая часть команды.

Первой волне атакующих не повезло — их встретила уцелевшая картечница Гатлинга, из которой азартно и метко палил прапорщик Щукин. На борт «Силача» успели перепрыгнуть только десять палубных матросов из трех десятков, кинувшихся в атаку. Пятнадцать человек были выведены из строя в момент рывка, остальные попрятались от ливня стальных пуль за кнехтами и раструбами вентиляторов. Окуномия резонно решил дожидаться второй волны из кочегарок, погребов и машинного отделения и приказал уцелевшим матросам затаиться и ждать. Столь удачно отстрелявшаяся картечница была снесена за борт внезапно ожившей 75-мм пушкой вместе с перезарядившим ее расчетом. Второй выстрел пушка сделать не успела — на «Диане» проснулись и всадили в место, откуда раздался выстрел, сразу три сегментных снаряда. Промазать с четырех кабельтовых не смогли даже артиллеристы крейсера, носившего гордое прозвище «сонной богини».

— Илья, подкинь-ка мне с палубы гриф от штанги, только побольше и быстро, — прокричал Балк вестовому.

— Зачем, ваше благородие? — оторопело спросили снизу.

— Так у нас на борту из оружия только пара револьверов и пяток винтовок, — весело проорал командир, наскоро промокая рану на груди салфеткой, — а японцы сейчас опять полезут. Да, кстати, о револьвере, лови!

С этими словами он перебросил свой «наган» матросу.

— А как же вы, ваше благородие? — поймав револьвер и засунув его за пояс, поинтересовался матрос, просовывая через дверь рубки полутораметровую стальную палку.

— А я обойдусь, — проворчал Балк и легко крутанул пудовый гриф, — это ты у нас на борту меньше месяца, сопля худая. А те, кто тут хоть полгода отходил — им оружие ни к чему. Да и у японцев его не густо будет, я думаю. А ты рви в машину, предупреди, чтобы вооружались и готовились отбиваться — макак, я думаю, раза в три больше будет, могут и до них добраться.

Через три минуты на палубу «Силача» ринулась толпа кочегаров из низов броненосца. Ее прилив был частично остановлен пулеметным огнем с фор-марса приблизившейся «Дианы», но часть нападавших все же смогла под руководством размахивающих мечами офицеров перебраться на «Силач». Пулемет захлебнулся, подавившись первой же очередью — металлические ленты для пулеметов еще не вошли в обиход, а холщовые постоянно давали перекосы. Во второй раз за эту войну на палубе корабля закипела жаркая абордажная схватка, и опять во главе русской стороны был офицер по фамилии Балк. Тенденция? А может, уже традиция?

Долгого боя не получилась — команда «Силача» доказала, что последний год не зря была грозой ночного Порт-Артура — японцев вымели с буксира, как мусор метлой. В схватке на ломах и цепях преимущество в силе было на стороне русских. На носу буксира боцман Хотько с разбойничьим посвистом крутил вокруг себя двухметровой стальной цепью, раз за разом снося за борт пытающихся перепрыгнуть через фальшборт японцев. Он продержался три минуты, пока кочегар с «Фусо» в прыжке не уволок его за борт. Впрочем, в отличие от японца, Хотько vyplыл. Через две недели, отлежав в госпитале с простудой, он вернулся в строй.

К этому моменту цепь японского якоря не выдержала напора русской паровой машины и лопнула. «Силач» успел развернуть брандер вдоль фарватера, но тут под днищем старого броненосца заскрежетал камень и он, заваливаясь на правый борт, распорол обшивку в носу парохода. Поняв, что дальнейшее пихание японца бесполезно, Балк еле успел приткнуться стремительно набирающий воду буксир носом к берегу.

К рубке добежали только пятеро японцев. Первый рванул на себя дверь, которая, к его удивлению, оказалась не заперта, и был снесен с трапа ударом грифа. Поле этого из рубки к подножию трапа прыгнул командир корабля, заклинивший штурвал и полный решимости не пускать в рубку никого. Он один сдерживал четверых японцев с пол минуты, пока на них с тылу не кинулись кочегары, вылезшие из низов «Силача» во главе с палящим из командирского револьвера вестовым. С их помощью палуба буксира была отчищена от неприятеля в течении пары минут.

Утром стало ясно, что замысел японского командующего скорее удался, чем нет — фарватер был заблокирован наполовину. Из Порт-Артура теперь могли выходить только бронепалубные крейсера и миноносцы, для броненосцев проход был закрыт наглухо.

Япония опять безраздельно господствовала в море.

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КАПИТАНА ТРЕТЬЕГО РАНГА ХИРОСИО КАТО,
ШТУРМАНА БРОНЕНОСЦА БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ ИМПЕРАТОРСКОГО
ФЛОТА ЯПОНИИ «ФУСО»**

«Морской сборник», № 2, 1906 г.

Тот день был необычен. Нашему кораблю выпала великая честь, на борт взошел сам главнокомандующий флотом империи адмирал Того. Он произнес перед всей командой вдохновенную речь о предстоящей нашему старому кораблю чести участвовать в операции, которая должна наконец переломить эту начавшуюся так неудачно войну в нашу пользу. Сам Божественный Тенно (*один из титулов императора Японии* — здесь и далее примечания редактора перевода вынесены за скобки и выделены курсивом) просит у нас жертвы во имя Японии. Мы должны своими телами и корпусом своего корабля заблокировать русским выход из по праву пролитой крови принадлежащего Японии Порт-Артура. Это позволит наконец запереть русского медведя в своей берлоге, где он трусливо отсиживается и высадить у Порт-Артура армию Ноги, и доблестные сыны Ямато (*одно из названий Японии*) опять возьмут город. Адмирал не скрывал, что спастись с броненосца, затапливаемого на фарватере вражеской гавани, почти невозможно, хотя тот и будет вести на буксире три паровых катера для эвакуации экипажа. У команды во время вдохновенной речи главнокомандующего на глазах стояли слезы, все были готовы умереть ради победы, и когда было предложено не желающим идти на верную гибель сейчас же сойти на берег — таковых не оказалось.

Затем адмирал сам зачитал список членов экипажа, которые должны будут вести броненосец в его последний боевой поход. И хотя мы понимали, что для последнего боя нашего дедушки «Фусо» нет нужды в полной команде — все, не вошедшие в список почувствовали себя глубоко оскорбленными. Особенно переживал наш доблестный командир — капитан второго ранга М. Окуномия — его лишили чести вести свой корабль в последний бой, и хотя разумом он понимал, что главнокомандующий может быть прав, но сердце его было полно печали, и вынув свой меч из ножен, он протянул его адмиралу, и потребовал немедленно отрубить ему голову дабы избежать позора бегства с поля боя на его род. Адмирал понял его чувства и разрешил остаться на корабле. Я также не был сначала включен в список, но, принимая участие в разработке плана атаки, убедил адмирала, что без опытного штурмана (а я, без ложной скромности, хорошо знал Порт-Артур, до войны не раз был там и даже входил в гавань без лоцмана) очень сложно определить место затопления корабля ночью при погашенных навигационных огнях — тоже был включен в состав последнего экипажа. Началась подготовка корабля к последнему бою. Безжалостно было выломано и удалено все дерево и вообще все, что могло гореть, срублены мачты, корпус перекрашен в черный цвет, рассчитан запас угля от островов Эллиота до Порт-Артура, остальные угольные ямы были залиты бетоном (*для придания дополнительной защиты и затруднении подъема*), также бетоном были залиты помещения команды, отсеки подводных торпедных аппаратов и часть междудонного пространства.

Для нейтрализации сторожевых кораблей противника, сорвавших первую операцию брандеров, дополнительно были установлены два 6" старых орудия Круппа и четыре 120-мм скорострелки Армстронга (*120-мм орудия впоследствии были сняты русскими и установлены на вспомогательный крейсер*), трюмы двух транспортов «Чийо-Мару» и «Фукуи-Мару» были засыпаны щебнем и залиты бетоном, кроме того, были заложены подрывные патроны для быстрого их затопления. Специально были выведены из строя якорные шпили, чтобы русские уже не смогли поднять якорь, если успеют захватить корабль до того, как он ляжет на грунт. Транспорт же «Ариаке-Мару» был загружен бревнами и рисовой шелухой, ему была назначена особая роль.

План операции в основном был разработан нашим доблестным командиром Окуномия и, как показали дальнейшие события — этот план был безупречен. Операция должна была проведена в ночь с 12 на 13 апреля (*здесь и далее все даты по новому стилю*). Эта ночь была безлунная, что позволяло нам незамеченными добраться почти до цели, у Порт-Артура луна заходила в 16:17 12.04, восходила лишь в 4:01 утра 13.04, темнело в 20:40, а начинало светать в 07:33 (*здесь и далее — токийское время (+1 ч 12 мин к времени ПА), японский флот всегда жил по токийскому времени, где бы не находились корабли*). Мы знали, что русские выставили мины на внешнем рейде Порт-Артура, но, к сожалению, не знали точного расположения минных полей, поэтому первым в колонне шел непотопляемый (*загруженный деревом*) транспорт «Ариаке-Мару», который проложил бы путь среди мин нашему отряду. Кроме того, он, как первый в колонне, должен был принять на себя первый удар русских (что в последствии полностью подтвердилось), затем по миновании минных полей команда транспорта должна была попытаться прорваться во внутреннюю гавань ПА и таранить какой-нибудь крупный русский корабль, отвлекая тем самым внимание от остального отряда, выполняющего главную задачу — затопиться на фарватере. Мы должны были подойти к Порт-Артуру к 22:16 12-го апреля — наивысшей точке прилива, составлявшей почти 2 м. Во-первых, это позволяло нашим дестроерам безбоязненно проходить над русскими минами, во-вторых, снижало риск подрыва наших глубоко сидящих брандеров, исключало влияние приливно-отливных течений, которые на внешнем рейде ПА достигают 1,5 узл, что чувствительно для нашего десятиузлового отряда и наконец, уменьшало вероятность сесть на мель при подходе к фарватеру. И все эти положения блестяще подтвердились на практике. По опыту первой — неудачной попытки заградить ПА, мы знали, что русские освещают прожекторами цель и атакуют ее, в том числе торпедами миноносцев (что было опасно для наших тяжело нагруженных кораблей), поэтому отряду были приданы два отряда истребителей, по четыре дестроера в каждом, с задачей отвлечь на себя русские дежурные силы и как можно дальше оттянуть их в море, и этот прием отлично сработал на практике. В ночь с 11 на 12 апреля офицеры отряда и командиры дестроеров на миноносце провели рекогносцировку внешнего рейда ПА и, к счастью, остались незамеченными русскими.

В этой операции боги помогали нам, ночь была тихая и безоблачная, звезды ярко светили, позволяя отлично ориентироваться по ним. Мы шли незамеченными десятиузловым ходом практически курсом на север, чтоб быстрее и без лишнего

маневрирования попасть в створ фарватера (вход во внутреннюю гавань ПА практически точно с юга на север). Также нам удалось своевременно обнаружить ориентир — скалу Лютин-рок — теперь оставалось идти по прямой к славной гибели!

И тут началось. «Ариаке-Мару» был освещен прожектором русского миноносца (*«Решительный»*) и обстрелян им, в том числе торпедами, причем две торпеды попали в транспорт, но из-за своего плавучего груза он лишь немного осел в воде и чуть снизил скорость (*на самом деле «Решительный» так и не сумел сблизиться на торпедный выстрел, транспорт, по-видимому подорвался на первой и третьей линиях мин заграждения*). Наш «Фусо», в свою очередь, а также «Конго» и «Хией», открыли ураганный огонь по русскому миноносцу и, по-видимому, нанесли ему смертельные повреждения, так как он резко ослабил огонь, снизил скорость, потушил прожектор и окутался паром, оглашая весь рейд ревом сирены, по-видимому, из-за ее повреждения и, повернув к берегу, скрылся из вида (*на самом деле на «Решительном» были повреждены паропроводы, он почти потерял ход и обесточился (почему и погас прожектор)*), командир принял решение на остатках пара уходить к берегу и там во избежание затопления выброситься на мель, сирену включил для привлечения внимания береговых батарей к прорыву брандеров). Внезапно рев сирены прекратился, видимо, миноносец затонул (*просто кончился пар*). Наши дестроеры выскочили из-за корпуса «Фусо», где они прятались, чтобы добить наглого противника, но в это время были освещены прожекторами еще трех-четырех русских миноносцев и вступили с ними в перестрелку, уводя полным ходом противника от нашего отряда — и русские клюнули на приманку! Они не поняли, где главная угроза для них и увязались в погоню за нашими дестроерами, которым ничего не грозило, так как наши дестроеры были сильнее русских по артиллерии, быстрее, и наши экипажи опытнее и храбрее, и нас было больше (*в условиях плохой видимости японцы сначала приняли «Новик» за миноносец, что стало для них фатально, русские истребители уже были довооружены кормовой 75-мм пушкой и в артиллерийском отношении не уступали японцам, кратковременно русские истребители могли развивать скорость, не уступающую японцам; сравнивать же храбрость экипажей вообще бессмысленно — и с той, и с другой стороны было явлено немало примеров как беспримерной отваги и самопожертвования, так и достойной порицания нерешительности, переходящей в трусость*).

Примерно в это же время заработал мощный прожектор Электрического Утеса, заливая все своим светом и слепя наших комендоров. Но русские опять, как они говорят, наступили на те же грабли, батарея Электрического Утеса (батарея № 15, пять 10" орудий и два 57-мм пристрелочных Норденфельда) открыла огонь по головному непотопляемому «Ариаке-Мару», стреляя, по-видимому, бронебойными снарядами, так как взрывов не было видно (10" снаряды Электрического Утеса в это время были снаряжены песком без взрывателя и, естественно, не взрывались. Просто до войны сухопутное ведомство, в чьем ведении находились береговые батареи, так и не удосужилось разработать начинку бронебойных снарядов для стрельбы по морским целям или хотя бы принять на вооружение флотский образец. 10" фугасные снаряды же имели

слишком чувствительный взрыватель и нередко взрывались сразу после вылета из ствола — ими боялись стрелять. Приказание адм. Макарова о передаче Электрическому Утесу по 50 снарядов с «Пересвета» и «Победы» еще не было выполнено из-за бюрократической переписки с Петербургом об оплате передаваемых снарядов сухопутным ведомством и высылке из столицы новых снарядов кораблям для восполнения запаса).

С левого борта появился русский миноносец, выходящий в атаку, но метким огнем мы его быстро повредили и он видимо стал тонуть, так как выпустил три красные ракеты, видимо, сигнал бедствия. К сожалению, этот сигнал совпадал с нашим, означающим успешное выполнение задания, но это значило, что нам не было другого выхода, кроме как любой ценой загородить проход, иначе мы все лишимся чести, введя таким образом в заблуждение наш флот. (Это был все тот же «Решительный», медленно двигавшийся к берегу, в этой фазе боя он не получил ни одного попадания, красные ракеты пускал за неимением других на борту, чтобы привлечь внимание к своему сообщению о японских крейсерах, передаваемому морзянкой при помощи маломощного масляного фонаря из-за выхода из строя сигнального прожектора). Наш отряд вел огонь обоими бортами — левым — по удаляющимся русским, правым — по батареям Электрического Утеса. К сожалению, заставить прожектор потухнуть мы так и не смогли, но зато подавили батарею! Электрический Утес временно замолчал. (Закончились снаряды, сложенные у орудий для первых выстрелов, когда были поданы снаряды из погребов — батарея продолжила огонь. Вообще за весь бой батарея получила единственное повреждение — снаряд попал в свинарник, погибла свинья и два поросенка, ранены несколько кур, чему личный состав батареи был очень рад). Прямо по курсу, чуть левее открылся еще один прожектор — это русская канонерка (это был «Манчжур») открыла (опять по «Ариаке-Мару»!) огонь из своих допотопных пушек. Наши скорострелки быстро превратили ее в пылающий остров и она быстро отвернула влево, спасаясь у береговых батарей. Правда, она успела всадить нам в борт 8" снаряд, но железобетонная защита показала себя отменно — пробития не было, и это почти в упор! Вообще из всех попавших в броню «Фусо» снарядов ни один не пробил ее. Неожиданно пламя погасло и канонерка исчезла, видимо, затонула. (На «Манчжуре» потушили пожар и приткнулись к берегу у батареи № 9, т. к. имели две подводные пробоины, утром завели пластырь и своим ходом ушли в ПА в док. За бой «Манчжур» выпустил пять 8" снарядов, пять — 6" и восемнадцать — 107-мм и одну мину Уайтхеда). Пока все по плану, однако случайности предусмотреть нельзя. Электрический Утес все-таки ухитрился поджечь «Ариаке-Мару» (и не удивительно, его деревянный груз был предварительно полит керосином) и повредить ему руль. Горящий корабль, освещая все вокруг, стал описывать циркуляцию вправо, нам пришлось принять левее, чтоб избежать столкновения, за нами начали поворачивать остальные корабли отряда, строй несколько смешался, концевой «Фукуи-Мару» при этом, видимо, коснулся мины и потерял ход, довольно быстро погружаясь, но на него никто не обращал внимания. И когда «Фусо» створился с «Ариаке-Мару» — в нас попал единственный 10" снаряд (видимо, перелетом, целились в транспорт). Снаряд попал в дымовую трубу и, не разорвавшись, снес ее

за борт. Корабль стал резко терять ход, из кочегарок повалил дым и пар, практически все кочегары были обожжены или отравились дымом. Неприятным последствием этого было то, что шедший за нами «Конго» не успел отвернуть и навалился нам на корму, ничего, правда, не повредив ни нам, ни себе, но своим корпусом он раздавил паровые катера, буксируемые за «Фусо» для спасения экипажа. Но отсутствие пути к спасению только вдохновило экипаж биться до конца! Чем больше потери, тем слаще победа! Наш доблестный командир был контужен, однако быстро разобрался в обстановке и отдал приказ — подносчикам снарядов спуститься в кочегарки и поддерживать ход. Так как во избежание взрывов и пожаров мы не скапливали запас снарядов у орудий, а экипаж был сокращен до минимума, то ушедших в кочегарки подносчиков заменить было нечем и «Фусо» прекратил огонь. Но это было к лучшему. Отсутствие вспышек от выстрелов и черный дым, валящий из того места, где раньше была дымовая труба, сделали нас почти невидимыми! Из-за этой неразберихи наш строй несколько нарушился, ход «Фусо» упал до четырех узлов, за нами продолжал идти в кильватер только корветы, но мы продолжали двигаться к цели, и русские упустили нас из виду! Транспорт «Чийо-Мару» взял левее, видимо, рассчитывая под шумок пробраться к фарватеру вдоль Тигрового полуострова, однако, к сожалению, он наткнулся на подводную скалу и получил пробоину (*«скалой» был затопленный накануне по приказу адмирала Макарова для затруднения действий брандеров пароход «Харбин»*) и был вынужден включить прожектор, чтобы разобраться в обстановке, чем сразу же привлек к себе внимание береговых батарей, после чего у тяжело груженого «Чийо-Мару» не было шансов (*«Чийо-Мару» затонул рядом с «Харбином»*). Внезапно луч прожектора Электрического Утеса осветил «Конго», батарея вновь открыла огонь, и корвет сразу потерял ход, а затем, избиваемый 10" снарядами, начал медленно тонуть (*после первого попадания в «Конго» у него самопроизвольно отдался якорь, корвет потерял ход — мощности не хватило волочить по дну якорь, поднять его уже не могли, а расклепать цепь не успели, при приближении русских истребителей неподвижный «Конго» во избежание захвата в плен затопился*).

Мы уже прошли Электрический Утес, как по нам открыла огонь батарея Золотой Горы (11" мортиры, батарея № 13). Поднялся вой, подобный завыванию тысячи демонов, этот звук мешал сосредоточиться и вызывал дрожь в коленях, зрелище медленно летящей 11" бомбы на фоне звездного неба так величественно, что хотелось отстраниться от всего и написать хоку по этому поводу (*очень сомнительно, что безлунной ночью можно визуальнo наблюдать полет мортирного снаряда, оставим последнее на совести автора*), однако я пересилил себя и продолжил вычисление нашего положения, чтобы вовремя дать команду к отдаче якоря и затоплению. Русские в очередной раз подтвердили, что стрелять не умеют, они не брали упреждение на наш ход и бомбы падали в кильватер «Фусо». К сожалению, случайная бомба попала в палубу шедшего теперь прямо за нами «Хиейя». Все было кончено за несколько минут. Он окутался клубами дыма и пара, потерял управления, быстро кренясь, ушел влево и затонул у подножия Золотой Горы.

Но наш старый верный «Фусо», олицетворяя собой сам дух Японии,

продолжал неуклонно двигаться к цели. (*Фусо — одно из поэтических названий Японии*). Впереди показался русский крейсер типа «Паллада» (*«Диана»*), он осыпал нас снарядами, вывел из строя почти всех на верхней палубе, но не мог пробить нашу бортовую броню, усиленную бетоном! Правда, от сотрясений появилась течь в старом корпусе, но это уже было не важно. Произведя последний раз триангуляцию, я поклонился нашему доблестному командиру и сказал: «Пора». Мы отдали якорь, машинами развернулись поперек фарватера, стравили пар из котлов и взорвали кингстоны. Дело было сделано. Теперь осталось умереть достойно! (*Като-сан подтвердил свою квалификацию штурмана, место затопления было выбрано на редкость удачно*).

Но теперь этот чертов прилив нам мешал! Корабль погружался слишком медленно и никак не ложился на дно. В это время неизвестно откуда появился русский портовый буксир и с разгона ударил нас носом (*это был портовый буксир «Силач», который стоял у прохода на внешний рейд с одним работающим котлом, так как утром планировалось отправить его к месту гибели «Боярина» с целью съема 120-мм орудий с боезапасом и других ценных вещей. Как только началась стрельба, «Силач» развел пары и вышел под берегом вдоль Тигрового полуострова в проход, чтобы при надобности оказать помощь нашим поврежденным кораблям. Увидев же вражеский броненосец на фарватере, командир «Силача» принял единственно верное решение — пожертвовать буксиром, но предотвратить закупоривание канала. За этот бой лейтенант Балк получил Георгия 4-й степени, «Силач» с затопленной носовой частью — спасло то, что буксир имел усиленную носовую часть, ведь по совместительству он был и портовым ледоколом, смог добраться затем до гавани, а после заведения пластыря — ушел в док на ремонт*), уперся нам в корму и начал разворачивать вдоль фарватера, одновременно выталкивая «Фусо» к кромке канала, ему мешал только наш якорь.

Нужно было что-то предпринимать. И наш отважный командир приказал взять этот буксир на абордаж. Но было поздно, Аматерасу Оми-ками, видимо, оставила нас, этот чертов русский крейсер уже подошел к нам на три кабельтова и застопорил ход — как только наша абордажная команда (все, кто остался в живых) появилась на верхней палубе — смел нас пулеметным огнем. Я был тяжело ранен и потерял сознание. Очнулся только в русском госпитале. Жизнь легка, как пушинка — долг тяжелей, чем гора. Мы до конца выполнили свой долг, как я узнал в госпитале — русская эскадра оказалась запертой в гавани! (*«Силач» все-таки смог вытолкать «Фусо» к краю канала до того, как броненосец лег на дно, и хотя ширины канала было недостаточно для броненосцев, крейсера могли проходить*). Теперь дело было за армией — уничтожить с берега русские корабли в этой мышеловке!

Глава 13

Японское море

Владивосток. Весна 1904 года.

Платон Диких по вьевшейся привычке проснулся от еле слышной команды боцманской дудки «к общей побудке». Выработанная за долгие годы службы автоматика рефлексов сработала, и он попытался схватиться за тросы, поддерживающие койку, и вскочить. Однако в который уже раз ударился правой рукой о переборку, левая рука схватила воздух, а макушка уткнулась в подволок. Открыв глаза, он увидел, что спал на верхней койке четырехместной каюты. С левой стороны доносился легкий храп его сокаютника, как он теперь вспомнил, такого же прапорщика по Адмиралтейству, из бывших штурманов дальнего плавания.

Вспомнил и то, как после неожиданно пышной встречи на вокзале, увидев свое будущее место службы, почти «впал в изумление». А утро одного из последующих дней принесло еще больший сюрприз. Тогда после подъема флага он уже было собрался идти в свою башню, когда его отыскал вестовой с приказом «одеться по первому сроку и ждать его в командирском катере через двадцать минут».

Платон тогда тяжело вздохнул, решив, что прибыл наконец постоянный командир башни, которую он уже привык считать своей, и его вызвали для встречи нового командира и «передачи дел», побежал переодеваться. На пристани Беляева ожидала пролетка и Платон, повинаясь взмаху руки капитана первого ранга, уселся на облучке вместе с матросом-кучером.

— На Светлановскую, к заведению портного Ляо, — прозвучала команда и пролетка тронулась.

Когда они приехали к портновской мастерской, известной как своими ценами, так и отличным качеством работы, Беляев, выскочивший из пролетки, приказал Платону следовать за ним и ничему не удивляться. Быстрым шагом они прошли через зал внутрь мастерской, где Платона быстро окружили двое портных, заставили его снять бушлат, рубаху и штаны и начали быстро снимать с него мерки.

— Чтобы через четыре часа готово было, — сказал Беляев. — Доставите в Морское собрание, а все остальное вечером на крейсер.

— Не извольте беспокоиться, — сказал старший из мастеров, — обязательно успеем, не первый раз.

— Ну что ж, Платон Иванович, поехали дальше — сказал Беляев, когда изумленный до невозможности Платон Диких оделся. — Теперь нам в Первую Гимназию.

Перед гимназией их уже дожидался смутно знакомый лейтенант, кажется, с «Варяга», — припомнил Платон, в сопровождении трех человек, одетых в выходную форму железнодорожных машинистов. Двое выглядели лет на тридцать пять — сорок, а один, помоложе, под тридцатник.

— Доброе утро, Григорий Павлович, заждался я тут вас, — улыбнулся лейтенант.

«Балк», — вспомнил, наконец, фамилию варяжца Диких.

— Здравствуйте, Василий Александрович, мы тут к портным заезжали.

— А, а мы еще вчера вечером успели, — понимающе усмехнулся лейтенант, — ну что ж,

коли все готовы — пойдемте.

Широкую дверь гимназии перед ними отворил швейцар. Они вошли, и, поднявшись по лестнице, свернули в коридор, остановившись перед большой дубовой дверью. Лейтенант взялся за ручку и, открыв дверь, пропустил первым Беляева, а затем всех остальных. В центре кабинета сидел представительный господин в мундире министерства просвещения. Он не спеша встал, обогнул стол, и подойдя, поздоровался с Беляевым за руку.

— Знаете, Григорий Павлович, только из уважения к Вам и к нашим героям, — сказал он.

— Ну что вы, Евгений Васильевич, ведь для блага Государя и России. Да и сами знаете, не будет никаких вопросов. Ежели что-то архив разметало японской бомбой еще месяц тому назад, при бомбардировке, — заговорщицки подмигнул ему Балк.

— Ну, что господа, подходите к столу, расписывайтесь и забирайте аттестат, — сказал чиновник.

Платон подошел первым, взял протянутое перо, расписался в толстом журнале официального вида в указанном месте. Затем, чиновник протянул ему веленевую бумагу, всю насплошь официальную, с гербом Министерства просвещения вверху и гербовой печатью внизу. «Аттестат» — значил заголовок. Пока Платон пытался понять, когда именно он успел сдать экзамены за весь курс гимназии и что все это значит, за ним подошли, расписались и получили такие же бумаги и трое машинистов.

— Ну что ж, Евгений Васильевич, — сказал Беляев. — Ждем вас с супругой и дочерью на следующем балу в Собрании, приглашение будет послано заблаговременно. А за сим позвольте откланяться, нам еще в одно место успеть надо.

Выйдя на улицу, лейтенант усмехнулся и, обращаясь к капитану первого ранга Беляеву, спросил.

— Дозвольте закурить, хоть и не положено?

— Закуривайте, и меня не забудьте. Надо же, тут все прошло как по маслу, хотя я, признаться, не верил, — сказал Беляев и ответно усмехнулся.

Лейтенант, достав портсигар, открыл его и протянул в сторону изумленного Платона и троих машинистов.

— Угощайтесь господа, вам еще одно препятствие осталось, и мы увидим небо в алмазах.

Платон смущенно взял предложенную папиросу, за ним закурили и двое машинистов, а третий отказался, сказав, что после простуды не курит.

— Ну что, Григорий Павлович, — сказал Балк, глубоко и сладко затянувшись папиросой, — говорил же я вам — подход надо было искать через швейцара. Всего-то пять рублей — а какой кладезь информации. А вы, господа, дороговато начинаете обходиться флоту, по сто рубликов за каждый из аттестатов о сдаче вами экстерном экзаменов за пятый класс гимназии выложить пришлось. Ну да ничего, вы их у нас как каторжники на галерах отработаете.

— Ладно, поехали в штаб, — сказал Беляев, — им еще экзамен на чин держать нужно.

Платон Диких, слушающий этот разговор, в конце-концов не удержался и все-таки спросил:

— Ваше превосходительство, какой такой экзамен?

«Да неужто экзамен на „классный чин“? На „прапорщика по Адмиралтейству“? Да ведь со времен деда нынешнего Императора таковых экзаменов на флоте не было. Хотя теперь,

конечно, война. Но даже если так, как же мне его сдавать-то», — думал он, — «ну, по „словесности“ и „уставам“ отвечу. А вот что еще сдавать придется?»

Войдя вслед за командиром и лейтенантом в двери штаба, все четверо проследовали на второй этаж, в левое крыло, и остановились в конце коридора, перед дверью. Беляев и лейтенант вошли в дверь, а им приказали оставаться, и ждать. Рядом с дверью, на стульях вдоль стены, уже сидели три господина, лет тридцати, в кителях с нашивками штурманов Добровольческого флота. Минут через десять дверь открылась, и вышедший писарь пригласил всех заходить. Внутри просторной светлой комнаты обнаружился крупный стол, стоящий «глаголем». Во главе стола сидели капитан первого ранга и два лейтенанта, старший инженер-механик, младший инженер-механик и лейтенант сидели за боковым крылом. У самого края стола сидел писарь.

— Здравствуйте господа, — произнес капитан первого ранга. — Вы находитесь перед экзаменационной комиссией, созданной, согласно приказа по Морскому министерству, от 5 июля 1884 года, для приема экзамена на чин прапорщика по Адмиралтейству. — Все вы подали соответствующее прошения. — Платон Иванович, — сказал он, усмехнувшись. — Вы свое прошение подписать забыли. Ну-ка, подойдите к писарю, исправьте ошибку. Уж от кого-кого, а от вас, старого служаки, такого не ожидал.

По всему ряду экзаменующих офицеров пронесся легкий смешок. Смущенный Платон быстрым шагом подошел к писарю, и взяв у него перо, расписался на подсунутой бумаге.

— Сейчас мы разойдемся по кабинетам, и там каждого из вас опросят по специальности. Господа штурманы, следуйте за мной. Господам паровозным машинистам проследовать за Лейковым. Ну а вам, Платон Иванович, следовать за лейтенантом бароном Гревеницем.

Проследовав за лейтенантом в кабинет, Платон Диких сел за стол напротив его. Чувствовал он себя примерно как баран, которого ведут на бойню.

— Ну что, Платон Иванович, зовите меня просто Виктор Евгеньевич, и давайте-ка поговорим о том, как вы ведете прицеливание. Всю эту ерунду о уставах и словесности мне с вас, сверхсрочнослужащего, даже спрашивать не надо. Пусть этим наш механикус с паровозниками развлекается. А меня интересуют именно ваши действия и ощущения при прицеливании... Давайте мы попробуем ваши десять с гаком лет практики совместить с новейшими теориями о ведении огня.

Последующие полтора часа Платон Диких проговорил с бароном о вопросах наведения о обслуживания орудий.

— Ну что ж, Платон Иванович, — подытожил Гревениц после того, как их разговор прервал писарь, заглянувший в дверь и пригласивший их обратно, — «хозяин башни» из вас выйдет образцовый, вы только с будущим командиром поладьте. Впрочем, я сам с ним поговорю, обленились они там, в «учебно-учебно-артиллерийском отряде». Что он видел на своем «Ушакове»? «Стволиковые стрельбы» да «стволиковые стрельбы». Я ему лично дам понять, что до первого боя ему бы лучше к вам побольше прислушиваться. Пойдемте, а то нас, наверное, уже ждут.

Однако ждать в отдельной комнате, пока окончатся экзамены у остальных соискателей, пришлось все же Платону, примерно около получаса.

В комнате, в которую они заходили перед началом экзамена, уже произошли некоторые изменения. Во главе стола сидел не капитан первого ранга Трусков, а сам контр-адмирал Руднев, на боковом крыле столешницы лежало семь бархатных папок с кортиками поверх.

— Здравствуйте, господа, — сказал Руднев, вставая, после того, как все вошли и выстроились вдоль стены, — поздравляю вас, вы все стали прапорщиками по Адмиралтейству. Экзамен вы выдержали, теперь служите честно и доблестно! Получите ваши кортики, и идите, переоденьтесь в новые мундиры, через четверть часа жду всех в парадном зале Морского собрания для приветствия новых членов. Не забывайте, однако, легкое прохождение вами экзаменов не означает, что ваша служба так же будет легка и приятна. С точностью до наоборот — всем вам придется на практике изучить все то, что вам сегодня «простили» любезные господа экзаменаторы.

Когда «великолепная семерка», по выражению ухмылявшегося Балка, новоиспеченных «мокрых прапоров» нестройной гурьбой ввалилась в комнату для переодевания, их встретило около двух десятков портных и сапожников с готовыми парадными мундирами и обувью.

— Не волнуйтесь, — сказал Платону его портной, помогающий одеть мундир с погонами серебряного цвета, красной окантовкой и красным же просветом, с одной звездочкой, — шинелька ваша уже в гардеробной висит, а два комплекта обычной формы и рабочий комплект уже в каюте вашей... Примите мои поздравления, господин прапорщик.

Платон, к теперешнему моменту уже почти две недели как прапорщик, усмехнулся своему отражению в зеркале умывальника. Не успел он вволю побыть «господином прапорщиком», как стал «товарищем прапорщиком». Обращение вошло в моду сразу, дожидаться одобрения Петербурга никто не стал. Впрочем — что так привыкать, что эдак. Хуже было то, что насчет постижения на практике морских премудростей его высокопревосходительство Руднев, нет, не так — Всеволод Федорович, не соврал. Каждый божий день свежеиспеченный прапор после завершения работ в своей башне неся то в рубку, где его мурыжили молодые штурмана, то в машинное отделение. Понятно, что полноценно заменить главного механика он бы не смог, но понятие о всех механизмах корабля офицер иметь обязан... А ночью и того хуже — математика, теоремы, английский выучить, дневной урок, а после обеда отчитаться... Радовало только одно — каждый четверг в нему в башню приходили трое штурманов-прапорщиков, и тогда в роли учителя выступал уже он.

Неожиданно по кораблю разнесся бой колоколов громкого боя. Причем натренированное ухо бывшего сверхсрочника уловило, что вопят и на соседних кораблях, а не только на «Корейце».

«Свистать всех наверх сразу после побудки в гавани по всей эскадре? Опять что-то стряслось или снова надо в городе наводить порядок», — успел подумать Диких, ноги которого уже несли окончательно не проснувшегося и недоумывающего хозяина вверх по трапам. Там он услышал последние новости и был приглашен на общее офицерское собрание, назначенное на вечер того же дня.

Сообщение о том, что японцам удалось заблокировать порт-артурские броненосцы, произвело на кораблях Владивостокского Отряда Крейсеров, который уже давно весь город втихомолку называл эскадрой, эффект разорвавшейся бомбы. Все флотские, от контр-адмиралов Руднева и командира порта Гаупта до последнего матроса, который охранял угольный склад, были едины в понимании простого факта. Пять броненосных крейсеров Владивостока остались один на один с одиннадцатью кораблями линии Того, шесть из которых, к тому же, были полноценными броненосцами. Из Артура их могли поддерживать только броненосный «Баян», если повезет, и четыре бронепалубных крейсера. В довершение

букета неприятностей за день до закупоривания фарватера из Сингапура в Порт-Артур пришла телеграмма, в которой командующий отрядом Вирениус запрашивал Макарова, куда и каким маршрутом следовать вверенному ему отряду кораблей.

Болтаться в нейтральном Сингапуре до разблокирования фарватера «Ослябя» с «Авророй» и сопровождающий их «Смоленск» не могли. Корабли воюющих сторон могли находиться в нейтральном порту не более суток. Идти в Артур они тоже не могли — «Ослябя» прожил бы на внешнем рейде не больше недели, пока его не достали бы японские миноносцы или даже броненосцы с предельной дистанции.

Оставался еще Владивосток, но Того тоже это прекрасно понимал! А при заблокированном Артуре сил для ловли одиночного броненосца у Того было достаточно. «Ослябя» или должен был болтаться в море неизвестно сколько до разблокирования фарватера, или пытаться пройти во Владивосток вокруг Японии.

После двух дней непрерывных телеграфных консультаций с Рудневым Макаров приказал Вирениусу идти во Владивосток в обход Японии. При этом Вирениус должен был в два раза затянуть переход, отбункероваться, и обязательно быть при этом замеченным у берегов Филиппин, и только потом идти на randevu с ВОКом.

Макаров с Рудневым надеялись за это время отвлечь Того чехардой крейсерских выходов, как из Порт-Артура, так и из Владивостока. С учетом того, что для гарантированного уничтожения «Осляби» и «Авроры» они должны были быть перехваченными как минимум двумя броненосцами или асамоидами, шанс был.

* * *

Утром прошедший ночь у телеграфного аппарата и зверски не выспавшийся Руднев прибыл в паровозное депо Владивостока. Тут Балк с парой свеженьких «мокрых прапоров», иначе, без сладкой морковки, заманить во флот нормальных опытных машинистов было нереально, насильно пять паровозов и две дюжины вагонов и тендеров. Из этого собранного с бору по сосенке сброда они пытались соорудить:

— тяжелый бронепоезд «Илья Муромец», вооруженный парой 120-мм гаубиц Круппа и парой 120-мм пушек Канэ для борьбы с артиллерией противника, артподготовки при наступлении наших войск, и главное — «работы» по японским канонеркам;

— легкий бронепоезд непосредственной поддержки войск «Добрыня Никитич», вооруженный флотскими 87-мм со склада и тремя парами пулеметов;

— бронелетучку для разведки пути «Алеша Попович»: всего один паровоз и два вагона, но очень хорошо бронированные, с четырьмя пулеметами и одной башенкой со 87-миллиметровкой каждый; она должна была проводить разведку и часто попадать под обстрел;

— ремонтный поезд «Иван Кулибин» с таями и солидным запасом шпал и рельсов, с блиндированными вагонами для личного состава и так же защищенным паровозом и тендером.

Критически осмотрев массовую стройку, Руднев отозвал чумазого Балка в сторонку для серьезного и приватного разговора.

— Ты зачем начал параллельно сразу два с половиной бепо? Тебе что, время не дорого? Если японцы в Бицзыво высадутся, а они там высадутся, то Порт-Артур будет заблокирован

меньше, чем через месяц. А когда твои бронечерепахи на паровой тяге будут готовы?

— Федорович, ну кто же знал, что воспользовавшись твоим, блин, ноу-хау, япы заблокируют фарватер в Порт-Артуре? Ни ты, ни я на его блокаду вообще не рассчитывали. Вот я и готовился ударить в Манчжурии по ЖД сразу готовым бронедивизионом... А сейчас и сам локти кусаю. Готовы будут все через три недели. Ну, может быть, летучку и легкий закончили бы через неделю, но их без поддержки посылать в бой опасно.

— А если я тебя на неделю-полторы реквизирую по постоянному месту службы, это сильно замедлит ход работ?

— Ну, пару дней потеряем, может быть. А зачем я тебе на «Варяге»?

— Тебя, Вася, мосты взрывать учили?

— Было дело... Но на фига? Что, под Бицзыво есть мостик, который может замедлить развертывание японцев после высадки? Так туда и на «Варяге» сейчас не прорваться, а ты еще и вернуться собираешься, как я понял?

— А ты науку-то эту хитрую не позабыл, случаем, за давностью лет?

— Как меня учили — до смерти не позабудешь... Но местные деревянные мостики ты и сам сможешь взорвать, причем не особо напрягаясь. Ящик динамита под опоры, да и просто связку пироксилиновых шашек, электрозапал — бум — нет моста. Стоит ли меня ради этого отсюда срывать?

— Деревянные мостики... Узко мыслите, товарищ лейтенант Балк!

— Что, тоже «товариществом» развлекаешься, — понимающе усмехнулся Балк, — я вон как снова молодой лейтенант еще той армии... Ладно, лирика-лирикой, а что надо взорвать, что местные минеры тебя не устраивают?

— В Японской системе грузоперевозок есть одно узкое место близ города Хамамацу. Через лиман Хамано перекинута дамба с мостами, по которым проходит железная дорога. По ней все грузы для армии в Манчжурии и Корее перевозят к ближайшим портам Внутреннего моря... Конечно, лучше было ее взорвать до того, как по ней перевезли войска для высадки, но тут мы уже опоздали, мой промах. Но если мы все же рванем мосты на ней сейчас, то все снабжение придется везти морем в два раза дальше, чем теперь, а там наши крейсера-купцы шалят. И развертывание третьей армии тоже замедлится на приличное время. Да и Того придется охрану этой дамбы кораблями организовывать, а у него флот не резиновый.

— А какая система охраны у этой стратегической, заметь, дамбы сейчас?

— В том-то и проблема — я понятия не имею, для этого-то ты мне и нужен. Никакой информации не попадалось, что не удивительно, кто же это в двадцать первом-то веке будет помнить, если там никто не стрелял? Плюс к абсолютному незнанию системы охраны — быки там у мостов каменные, закладывать заряды надо ночью с катеров, так что без профи твоего уровня извини, никак.

— А из какого материала построена, камень или все же бетон с арматурой и как давно? Чертежик бы, точки закладки определить. Какие подходы, и...

Неожиданно Балку пришлось на рефлексх пригнуться для того, чтобы пропустить у себя над головой трость контр-адмирала Руднева, который отчего-то покраснел и вдруг перешел на почти на фальцет:

— А больше тебе не хрена не надо? Сидишь тут, окопался в своем депо, по кабакам шляешься... А я не знаю, куда мне бежать! Вторые сутки провожу ночь на телеграфе, ни на секунду не прилег! То Куропаткина убеждаю, что высадка будет и обязательно в Бицзыво. То

Макарова, что надо срочно минировать бухту... А тут еще ты... Да если б не эта гадская запара — рвать эту чертову дамбу надо было ДО того, как японцы по ней перевезли все войска на западное побережье. Но не могу я весь этот воз один тащить, блин! И модернизацию кораблей, и общий ход войны на суше и на море, и крейсерские действия, все, все я один! Ты понимаешь??? Это уже как минимум второй раз, когда я сам усложняю ситуацию! Ну умный сука этот Того, и гораздо опытнее меня, идиота!! Как его переиграть-то в одиночку?

Балк, поняв, что перегнул палку, принялся как мог успокаивать приятеля. Признаки нервного срыва у того были на лицо.

— Петрович, твоя главная ошибка именно в том, что ты пытаешься все делать сам. Тебе нужны две вещи — сейчас сон, и вечером начать собирать свой штаб.

— У меня нет времени, а ты хочешь, чтобы я его тратил еще и на штабную канитель??

— Ты, Петрович, умный мужик, но все-таки дурак, — тяжело вздохнул Балк, — правильный штаб — он для того и нужен, чтобы время полководца экономить. Скинь на него всю рутину, те же крейсерские операции — ты их организовал, запустил более-менее работающую систему — все. Ты свое дело сделал, назначь ответственного по поддержанию твоего детища в рабочей форме — и спи спокойно.

Несколько подуспокоившийся Руднев задумчиво кивнул и, извинившись, продолжил уже ближе к делу.

— Извини, но наболело. Я этим му... жикам в Питере и Порт-Артуре талдычу — «японцы высадятся в Бицзыво, примите меры по обороне Цинчжоуского перешейка, заминируйте подходы к нему с моря, установите дополнительную артиллерию на закрытых позициях». А в ответ «противник так действовать не будет, так, как по НАШИМ довоенным планам он действовал не так!» Я им — Порт-Артур будут осаждать и штурмовать, ни в коем случае нельзя отдавать порт Дальний, это упростит японцам снабжение, а они? Да, сплошное расстройство. Вирениус еще туда же... То идти обратно на Балтику, то иду во Владивосток по прямой! Гибрид самоубийцы с перестраховщиком... Приказы кругом обсуждаются, но никем в чине старше поручика не выполняются.

— Ну откуда ИМ знать, что ты прав? Ладно, вернемся к нашим баранам. Когда в море?

— Выходим завтра, только «Варяг», а то вдруг драпать от асамоида придется. На это только «Варяг» и «Богатырь» способны, а на «Богатыре» сейчас монтируют новые пушки, неохота его срывать. Да, для всего города — идем на ходовые испытания после переборки машин и отстрел новых восьмидюймовок. Систему охраны как с моря, так и с суши выясним на месте, если таковая вообще есть. Я уже приказал загрузить на «Варяг» три паровых катера, остальные шлюпки снять. За сутки взрывчатку и детонаторы найдешь?

— Найду, у нас этого гуталина... Только мне придется с собой взять десантную роту, что я для бронепоезда отобрал. Если охрана моста все же есть, а она должна быть, не с макаками воюем, то лучше, чтобы они мне спинку прикрыли. Заодно потренируются в «теплично-боевых условиях», а то половина в реальном деле не бывала. «Недотоварищи», понимаешь...

— Тогда отваливаем завтра, за час до рассвета. Только я тебя умоляю — казачков-то ты бери, но без лошадей, пожалуйста, у нас все же крейсер, а не скотный двор или вагон системы «сорок людей или восемь лошадей»... — И довольно ухмыляющийся Руднев, уже почти не прихрамывая, направился к ожидающему его экипажу, оставив не привыкшего лезть за словом в карман Балка в поисках подходящей ответной реплики. На свою беду мимо

проходил уланский поручик Ржевский, которого Балк, как он говорил Рудневу, «завербовал за одну фамилию». Неосторожно ухмыльнувшись услышанной краем уха шутке контр-адмирала, он навлек на себя грозу со стороны непосредственного начальника, который решил отыграться на нем.

— А чего это вы, разлюбезный господин поручик, тут как красна девица лыбитеесь? Вам что, делать нечего? Вот и прекрасно, пока я буду на «Варяге» бегать к микадо на задний двор, вы останетесь здесь, ответственным за здоровье лошадиного поголовья отдельного отряда бронепоездов Русского Императорского флота.

— Товарищ лейтенант, — взмолился было поручик, как и любой молодой офицер, мечтающий о подвигах, но был безжалостно перебит.

— А вот обращение «товарищ» надо еще заслужить! И право так обращаться к тем, кто был в бою, тоже. И как мне кажется, в этом походе вам этого сделать не удастся, ибо вы в нем тривиально не поучаствуете! И не надо мне тут сжимать кулаки, помните, чем наша первая встреча кончилась? Да по вашей загадочной физиономии любой японский шпион сейчас видит с противоположенной стороны улицы — «а я что-то знаю»! И как вас в секретный рейд в тыл врага брать?

Следующие пару минут веселящийся в душе Балк снимал с краснеющего поручика тонкую и завивающуюся на солнце стружку. Естественно, что следующим утром счастливый Ржевский был среди той полусотни, как он считал, счастливчиков, что на корме «Варяга» провожали взглядами быстро удаляющийся порт Владивостока. Балк мог позволить себе немного посмеяться над подчиненными, но никогда не обижал их без крайней необходимости.

* * *

Сангарским проливом крейсер прошел ночью полным ходом. Руднев памятью Карпышева помнил, что всю войну японские маяки работали как обычно, поэтому навигационного риска почти не было. Да и вероятность встречи с боевым кораблем, который мог бы противостоять «Варягу», была невелика. Отойдя к рассвету на тридцать-сорок миль от японских берегов, крейсер уже экономическим ходом продолжил движение на юго-восток, а потом на юг. На пути через Тихий океан «Варяг» старательно и вежливо обходил стороной все попадающиеся на его пути транспорты. Команда и офицеры крейсера начали слегка ворчать уже после второго спешного бегства за горизонт от небольшого транспорта в полторы тысячи тонн водоизмещением. Чего греха таить — соскучившиеся за два месяца ремонта моряки мечтали еще раз попотрошить транспортники, перевозящие так много интересного, полезного и дорогого. Дух пиратства все еще продолжал витать над мачтами «Варяга».

Однако новоиспеченный командир крейсера, который в бытность старшим офицером постоянно доставал Руднева критикой любых его идей и предложений, на этот раз безоговорочно его поддержал. Он популярно и доходчиво объяснил офицерам, что глупо было бы засветиться на досмотре нейтрального транспорта с невоенным грузом, и сорвать операцию, от успеха которой зависит весь ход войны. И попросил «товарищей офицеров» донести эту мысль до всех членов команды.

Вообще, на бывшего старшего офицера «Варяга» неожиданное-негаданное повышение и

обретение столь давно желанного командирства подействовало неожиданно положительно. Раньше он исподтишка шпынял Руднева по любому поводу и встречал в штыки любую его идею, независимо от ее разумности и полезности. Но получив от того на блюдечке заветное командование кораблем, которым он де-факто и так командовал последние пару месяцев, он, неожиданно для всех, стал самым горячим проводником его идей во всем Владивостоке.

Сейчас на мостике несущегося на семнадцати узлах сквозь ночь крейсера Руднев и свеженький капитан первого ранга обсуждали предстоящую задачу.

— Наша задача — догнать уже ушедший поезд. Причем пешком. Строго говоря, войска по этой дамбе уже в основном перевезли и высадке их в Манчжурии мы помешать своей диверсией никак не сможем. Но солдат надо кормить, одевать, и главное — вооружать. А вот если нашему земноводному отряду под командованием товарища Балка удастся хоть один мост на этой дамбе снести, то половину грузов для армии придется или тащить через горы вручную, или везти вокруг Японии морем. А там наши вооруженные пароходы, мы, в конце концов. Да и просто тоннаж у японцев не бесконечный. Так что у нас с вами классический случай «лучше поздно, чем никогда».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не слишком торопясь, словно крадучись, корабль в первой половине ночи без приключений подтянулся к лагуне Хамано (как выяснилось позже, в это время весь Объединенный флот в Желтом море охранял транспорты с войсками, направляющиеся к месту высадки). Для наблюдения за дамбой с целью определения состава сил её охраны был послан минный катер под командованием Балка. Лейтенант и самые глазастые сигнальщики крейсера во все глаза смотрели — не закурит ли кто на берегу, не осветит ли ночной поезд будки охраны, казармы или, не приведи Господи, береговую батарею. Были выявлены только обычные караулки на три-пять человек. Оно и понятно — казармам (если они вообще есть) куда комфортней в нескольких километрах от моста на берегу, чем на узкой, продуваемой всеми ветрами дамбе. Перед рассветом катер вернулся к «Варягу» и изрядно продрогший на ночном ветру Василий кратко обрисовал ситуацию Рудневу.

На палубе крейсера тем временем началось лихорадочное шевеление. Боцманская команда готовила к спуску еще один катер, там же, сталкиваясь и вполголоса матерясь, сновали пехотинцы из десантной группы. Периодически то по одному, то по другому борту раздавался голос Балка, дающего последние наставления перед возможным боем. Все ящики со взрывчаткой и прочим, по ворчливому выражению минного офицера, «сухопутным барахлом» были подняты из минного погреба. Два из них были вскрыты — теперь хранившиеся в них пулемёты монтировались на катерах крейсера, остальные ящики укладывались на дно катеров. Состав взрывчатки был довольно пестрым — Балк ограбил склады железнодорожного ведомства, но хранившегося на них динамита было недостаточно. Поэтому второй катер сейчас загружали ящиками с флотским влажным пироксилином.

20-го апреля по местному календарю, в семь часов местного времени — когда солнце светило вдоль дамбы — дежурные на мосту заметили направляющийся ко входу в лагуну со стороны океана военный корабль. Солнце, блики на воде, наблюдение корабля с носовых ракурсов — всё это мешало опознанию. Впрочем, никто особенно и не старался — откуда в охране моста профессиональные военные моряки? Достаточно было того, что корабль несет положенные японцу флаги. Но в залив корабль почему-то входить не стал — вместо этого из-за его борта показались пару катеров. Выбежавшие поглазеть на «визит морского начальства» караульные были неприятно удивлены событиями, последовавшими за этим.

Подняв русский военно-морской флаг, корабль начал носовой половиной орудий обстреливать восточный въезд на мост, а кормовыми — западный. С дистанции меньше мили караулки были сметены с нескольких выстрелов. Потерь при этом не было, все успели выбежать поглазеть на нежданного гостя, но вот большая часть оружия и патронов остались где-то там, в мешанине воронок и досок...

А потом нерадивых караульщиков ожидали пулемёты с катеров. Хотя пулемётчики тоже никого не убили (не из врожденной гуманности, а по неумению вести прицельный огонь с раскачивающегося катера), но поднять голову выжившим караульным они не давали вполне успешно. Об ответной стрельбе и речи быть не могло, тем более, что на пять выживших приходилась всего одна винтовка. С восточного катера стали вываливать за борт под основание одного из быков моста какие-то ящики, попутно выполняя какие-то манипуляции. Японских свидетелей этого процесса было мало и никто из них не обладал достаточной квалификацией для осознания сути происходящего, но предчувствия у них были самые недобрые. Затем катер направился к своему товарищу у одного из быков со стороны западного въезда на мост. Грянул взрыв, крайний бык с восточной стороны большого моста окутался облаком дыма и бетонной пыли, ферма неизящно плюхнулась в воду, породив миниатюрное цунами. С одного из катеров кто-то полетел в воду, а часовые с западного конца бывшего моста открыли наконец огонь из единственной уцелевшей «Арисаки». Одна из пяти выпущенных пуль даже отколола щепку с борта катера, но на этом способность к сопротивлению охраны была исчерпана — подсумки с патронами также остались в караулках. В ответ снова ударил пулемет катера, и остатки караула, укрываясь от огня за насыпью, быстро отступили.

Когда «в природе» появилось замедленное кино, очевидцы наконец-то смогли подобрать термин для описания их мироощущения в тот момент. Выжившие из восточной караулки выговорили наконец заморское слово «динамит» и, презрев стрёкот пулемёта, кинулись подальше от катеров. Второй бык повторил судьбу первого, но у Балка ещё оставались с дюжину неизрасходованных ящиков с пироксилином и динамитом — во Владивостоке, не зная структуру дамбы и материал быков, он подготовился с определённым запасом. Чтобы не везти взрывчатку обратно, он устроил ещё один «Бум!», в результате которого была сброшена в море еще и центральная мостовая ферма — теперь до её подъёма о судоходстве в лагуне можно было и не мечтать.

Отвалив от быков, катера дали ракетой сигнал о завершении этой фазы операции, и, с трудом выгребая против океанской волны, двинулись к кораблю, подошедшему на полтора десятка кабельтовых к берегу, благо, глубины позволяли и минных полей в этом районе бояться было нечего. Всё дело было сделано за полтора часа, катера вернулись на «Варяг» с единственным пострадавшим. Поручик Ржевский, которого волной сбросило в воду, в результате чего за ним пришлось нырять Балку, был зол, промок насквозь, окоченел до дрожи и грязно матерился. Появившиеся было на берегу полицейские силы и обыватели из лежащего буквально в километре от дамбы городка Араи были рассеяны парой близких падений неразорвавшихся снарядов. Стрелять прицельно запретил лично Руднев, поскольку люди в форме перемешались с безусловно гражданскими лицами, а пару специально испорченных взрывателей для снарядов калибром восемь дюймов прихватили еще во Владивостоке. Теперь нашедшие их японцы, не знающие о модернизации орудий «Варяга», должны были принять крейсер-диверсант за «Громобой», «Россию» или «Рюрик». И, соответственно, отрядить для его ловли как минимум два своих броненосных крейсера, у

которых не было никаких шансов догнать шустрый «Варяг». Подъему катеров на борт никто не препятствовал, и лишь отворачивая от берегов Японии в начинающий сгущаться туман, с мостика «Варяга» засекли дым подошедшего к месту диверсии поезда. Так как из-за дымки его разглядеть было нелегко, опасаясь обстрелять пассажирский состав, огня решили не открывать.

Местный железнодорожный начальник немедленно отстучал телеграмму в Токио о разрушениях мостов и об угрозе для судоходства в Токийском заливе. На свою беду, эту телеграмму получили и на находящемся поблизости стареньком безбронном крейсере «Такао», который по старости выполнял обязанности корабля береговой обороны района дамбы и принимал уголь в бухте чуть севернее. Капитан второго ранга Якиро то ли пропустил мимо глаз слова «крейсер противника», то ли решил, что железнодорожники не способны отличить боевой корабль от вооруженного транспорта, то ли его решимость отомстить за нападение на землю Ямато была сильнее здравого смысла... Так или иначе — он решил выйти в море, найти и уничтожить противника. К сожалению для него, его корабля и команды, противника он нашел...

На крейсерах увидели друг друга за три часа до заката. Пары были разведены во всех котлах на обоих кораблях, и оба командира сразу пошли сближение, а когда Якиро таки опознал противника и скомандовал «к повороту», было уже поздно. Боясь упустить в море русский «вспомогательный крейсер», японцы шли на расстоянии пятнадцати миль от берега. «Варяг» же, напротив, держался от берега в десяти милях, надеясь подловить хоть какого-нибудь японского каботажника, а то и просто рыбацкую шхуну. В результате даже выброситься на берег у «Такао» практически не было шансов. Его артиллеристы первыми открыли огонь из трех шестидюймовок, но превосходство артиллерии и дальномеров «Варяга» было подавляющим. У Руднева промелькнула было мысль, что потопление этого антиквариата не прибавит славы русскому флоту, но увы — на нем видели и наверняка опознали «Варяг». А то, что на нем теперь установлены два восьмидюймовых орудия, должно было пока оставаться для Камимуры сюрпризом. Так что отпускать столь некстати попавшегося на пути «Варяга» японского инвалида^[70] было нельзя.

Зарубаев, теперь лейтенант капитан-лейтенантского оклада, без суеты дождался от Нирода на дальномере дистанции и повел пристрелку по новому методу. Первый залп трех шестидюймовых орудий правого борта лег с небольшим перелетом. Второй залп дал не стрелявший в первом второй plutонг, с поправкой на результат падения первого. Главный калибр — носовое и кормовое восьмидюймовые орудия — ждали точного определения расстояния. Наконец, падение пятого полузалпа удовлетворило эстетствующего артиллериста, и на орудия по проводам системы центральной наводки понеслась команда «расстояние тридцать шесть кабельтовых, беглый огонь». Спустя пятнадцать минут, двадцать восьмидюймовых и сто пятнадцать шестидюймовых снарядов, выпущенных с «Варяга», все было кончено. Первые три попадания шестидюймовыми снарядами «Такао» перенес неплохо. Критическим для японца стало единственное попадание восьмидюймовой бомбы в носовую оконечность. Старый крейсер, идя на максимальных для его изношенных долгой службой машин четырнадцати узлах, почти «нырнул» в набежавшую волну — пробоина площадью более пяти квадратных метров, встречный напор воды и общая ветхость корабля свели на нет все попытки борьбы за живучесть. Еще пять минут переборки старого корабля кое-как сопротивлялись напору моря, а его артиллеристы напрасно пытались нанести русским хоть какой-то урон. Но все было тщетно...

Катер с «Варяга» успел поднять из воды семнадцать уцелевших, среди которых не было офицеров.

* * *

Вечером на празднике в честь подрыва моста, удачного боя и не менее удачного отхода из опасной зоны в кают-компании собрались армейцы и офицеры «Варяга», как старые, так и новые. Последние появились как замена выбывших по ранению и гибели или ушедших на повышение — одна только замена командира вызвала цепь повышений и вакансий. На место старшего офицера, например, все прочили получившего капитан-лейтенантский оклад Зарубаева, но судьба, в виде питерских небожителей и Руднева, распорядилась иначе...

Третьего апреля, за две недели до выхода «Варяга» в первый после ремонта боевой поход, на Владивосток обрушился локальный катаклизм. Отправленные на войну в Порт-Артур Великие Князья Михаил и Кирилл с полпути, прослышав о творящихся во Владивостоке интересных делах, плюнули на приказ и испросили царственного родственника о смене конечного пункта маршрута. Макаров и Стессель в Порт-Артуре были только рады избавиться от лишнего камня на шее, и вот на голову Руднева свалилась еще одна проблема — куда девать двух столь разных молодых людей, одного с сухопутным, Михаила; а второго с морским, Кирилла, ВУСами.^[71] Данные молодые люди были для любого командира, под начало которого попадали, сущим наказанием — нормальной работы от них ожидать не приходилось, а вот навредить по неопытности они могли изрядно. Да еще и нажаловаться на самый верх, по родственному... Поэтому нормальные люди старались от них избавиться всеми возможными способами. Но для Руднева и компании они представляли особую ценность — через них можно было получить дополнительный канал воздействия на Николая Второго. Поэтому Великие Князья были распределены следующим образом — Михаил отправлен к Балку на бронепоезд в должности начальника штаба, а Кирилл был навязан командиру «Варяга» в качестве старшего офицера.

Перед назначением оба они имели весьма необычную для них беседу с Рудневым. Пожалуй, в первый раз кто-то, не входящий в царскую семью, позволил себе прямо, резко и нелицеприятно оценить их достоинства и недостатки в роли командиров, без скидок на происхождение. Это было столь необычно, что даже несколько притягивало. Резюме беседы Руднева заставило задуматься этих в общем-то не очень склонных к данному занятию людей.

— Итак, Ваши Высочества, вывод таков. Положенных вам по званию корабля и полка я под ваше начало предоставить не могу. Во-первых, их у меня во Владике просто нет в наличии. Да и вы с ними в боевой обстановке не справитесь из-за отсутствия опыта реального командования — учения и парады не в счет. Можно было бы, конечно, дать вам, Михаил Александрович, начальника штаба, а вам, Кирилл Владимирович, старшего офицера, которые бы делали за вас всю работу, а вы бы командирами только числились. Но сие как-то не очень честно по отношению к вашим заместителям, так что я вам предлагаю сделать с точностью до наоборот. У меня есть настоящая, не выдуманная нехватка командиров на паре ключевых постов, но там надо по настоящему работать, да и должности несколько неудобные. «Варягу» нужен старший офицер. Это к Вам, Кирилл Владимирович. С одной стороны — «Варяг», самый боеспособный корабль эскадры с прекрасной репутацией и подготовленной, обстрелянной командой. Но с другой — старший офицер — самая

«собачья» и неблагодарная должность, которая только есть на флоте. Вы будете командовать командой крейсера, но не крейсером. Вы и только вы будете отвечать за все его неудачи, поломки техники и скандалы с командой, но ваш командир будет получать все лавры победителя. С другой стороны — только на этой работе вы можете научиться управлять людьми, а не кораблем или целым, готовым полком. Я думаю, что для Великого князя это самое важное умение. Вам, Михаил Александрович, придется еще тяжелее. Если Кириллу Владимировичу я хотя бы в общих словах могу предсказать, что его ждет, то вас я отправляю в абсолютную неизвестность. Сейчас в депо Владивостока лейтенант Балк доделывает первый в России бронепоезд. Ни он, ни я, ни вообще никто в целом мире не знает, насколько он будет эффективным, какова должна быть тактика его применения, даже насколько он окажется живуч под огнем артиллерии противника. Английские опыты в бурскую войну не в счет — у них противник был почти без артиллерии. Может, вся эта затея вообще не принесет никакой пользы и обернется роскошным бронированным гробом на колесиках для вас и Балка. Но если уж выгорит, как задумывалось — то японцы вас запомнят надолго. И главное — на этом месте именно вы незаменимы. Потому что я хочу, чтобы этот бронепоезд не подчинялся напрямую никому и был настолько независим, насколько вообще может быть независима часть российской армии. А то угрожат его наши господа генералы идиотским приказом, а лейтенантишко Балк их куда следует послать не сможет, не по чину.

Сейчас Кирилл стоял ночную вахту на мостике «Варяга», намеренно исключенный из общего веселья для, по выражению Руднева, «воспитания характера». Причем, к чести Великого князя и удивлению Руднева, он ни звуком, ни жестом, ни выражением лица не проявил никаких признаков неудовольствия при получении приказа командира. Хотя по воспоминаниям Карпышева, в литературе князь описывался как изрядный гуляка. Похоже, что программа перевоспитания ответственностью начала приносить свои плоды, а может, мемуаристы советского периода немного преувеличивали. Михаил остался во Владивостоке, Балк не взял его с собой в рейд, ссылаясь на то, что кто-то должен присматривать за ходом работ.

В кают-компании по традиции сначала спели «Варяга», причем Руднев был неприятно удивлен, что канонический текст был несколько подправлен. Потом господа, вернее, товарищи офицеры практически насильно всунули гитару Балку и затаились в ожидании чего-нибудь новенького.

— Ну как мне тут давеча сказал товарищ поручик Ржевский — нас окружают замечательные люди, — издалека с цыганским заходом начал Балк, — я его, правда, в ответ заверил, что без боя мы все равно им не сдадимся, даже будучи окруженными.

Балк выдержал паузу, необходимую для усвоения материала. Переждал смешки офицеров крейсера и не слишком добрый взгляд Ржевского, который смягчился, только вспомнив, что именно первым прыгнул за ним в ледяную воду. Поручик наконец-то выбрал единственно верную реакцию на все анекдоты о нем, широко рассказываемые Балком — он начал тому подыгрывать и рассказывать их самостоятельно, от первого лица. Балк, тем временем, перебрав пальцами струны, продолжил.

— Ну раз общество настаивает, придется спеть, но, товарищи — песня на этот раз будет не о море. Я, как вы знаете, сейчас временно списан на берег. Наверно, за слишком большую инициативность, — начал Балк, проверяя настройку гитары, — и вот по примеру нашего командира, решил не только построить бронепоезд, но и сочинить ему боевой гимн. Так что не обессудьте — сегодня не о море. Ну, по крайней мере, для начала:

По рельсам скаты грохота-али,
Бронь-поезд шел в последний бой.
А ма-ла-до-о-ва машиниста
Несли с пробитой головой.

Руднев, услышав знакомую с детства мелодию, под которую и сам не раз слегка и не очень пьяным распевал «нас извлекут из под обломков», подавился шампанским. Откашлявшись и промокнув салфеткой подбородок, он с ненавистью уставился на «автора-исполнителя», бормоча себе под нос проклятья по поводу шуточек.

В броню ударила шимо-оза,
Погиб машинный экипаж,
И трупы в ру-убке па-ра-во-оза
Дополнят утренний пейзаж.

Вагоны пламенем объаты
И башню лижут языки...
Судьбы я вызов принимаю
Простым пожатием руки.

Не дождавшись упоминаний про танки, танкистов, болванки и прочие анахронизмы, Руднев позволил себе расслабиться, и теперь с интересом ожидал, каким еще образом его неутомонный соратник изнасилует старую добрую песню.

Нас извлекут из-под обло-омков,
Положат рядом на балласт,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.

И полетят тут телегра-аммы
Родных и близких известить,
Что сын их бо-ольше не вернѐ-отся
И не приедет погостить.

Слушатели, к удивлению Руднева, внимали певцу с неослабевающим вниманием без всякого намека на улыбки.

В углу заплачет мать-старушка,
Смахнет слезу старик-отец,
И молода-ая не узна-ает,
Где машинисту был конец.

А он на карточке смеѐ-отся

В газете «Русский инвалид»
В ва-ен-ной фо-орме, при пого-онах,
Но ей он больше не жених.

Как будто дождавшись окончания последнего куплета, прервав на полуслове вопрос кого-то из офицеров насчет башенных орудий, истошно зазвенели колокола громкого боя. Собравшиеся нестройной гурьбой понеслись из кают-компаний по боевым постам, создав короткую, но весьма плотную пробку в дверях. Столкнувшись с Балком, Руднев (они оба уже не имели постоянных боевых постов по новому штатному расписанию крейсера и благоразумно пропустили вперед остальных офицеров корабля) «нечаянно» всадил ему в бок локоть и прошипел на ухо — «предупреждать надо, ведь говорил же».

С верхней палубы донеслись частые выстрелы 75-миллиметрового орудия.

Оставшийся на мостике Великий Князь Кирилл немного погорячился и отдал правильный по содержанию, но идиотский по форме приказ. Когда из темноты в крейсер уперся луч прожектора, тот решил для начала осветить неизвестного и приказал навести на него прожектора и противоминные орудия. Когда в луче света обнаружился британский пароход, крадущийся в ночи без огней, Кирилл облегченно-разочарованно выдохнул и прокричал: «Огонь не открывать!». Увы, одно из 75-мм орудий правого борта было укомплектовано исключительно новобранцами (всех понюхавших пороху перевели на орудия калибром посolidнее, как более надежных). Услышав в ночи долгожданное «Огонь...», наводчик выпалил, не дожидаясь продолжения фразы. Его примеру последовали еще пара канониров. Теперь неизвестный пароход парил, получив с пяти кабельтовых десяток мелких бронебойных снарядиков, с него что-то истошно писали морзянкой, а кто-то в панике выбросил с кормы шлюпку и теперь по концам пытался в нее спуститься.

На обследование неизвестного транспорта была отправлена десантная партия под командой Балка со строгим приказом Руднева: «Найти контрабанду во что бы то ни стало! Если ее там нет — захвати остатки своей взрывчатки, или хоть пушку с „Варяга“ свинти и оттарань к ним, но обеспечить мне легитимный повод для открытия огня!».

На беглое обследование парохода у русских моряков ушло примерно полчаса, по прошествии которых сгрызший на мостике «Варяга» ногти по локоть Руднев понял, что все в порядке. Это было ясно и без доклада, по одной улыбке сидящего на носу возвращающегося катера Балка, освещающей море по курсу катера лучше любого фонаря.

— Ну? Подбросил динамит?

— Не пришлось. Ну подумайте сами, товарищ адмирал — чего бы они без огней-то шли, да под берегом? Они и прожектор-то засветили только тогда, когда им показалось, что «Варяг» их вот-вот протаранит. С душком торговец, причем с интересным. Четырнадцать пушек производства Армстронга, калибр 190 миллиметров, с боекомплект. Да еще и очень много десятидюймовых снарядов того же производителя, и несколько, вроде четыре но не успел проверить, стволов того же калибра.

— Погоди, ты с калибром все же напутал, мазута сухопутная. Совсем на своем паровозе от морских реалий отстал. Ну десять дюймов еще может и поверю, но 190 миллиметров... Не могли британцы сюда ЭТО послать. Это новейшие орудия, их только-только в серию пустили. Да их только для пары чилийских броненосцев и успели-то изготовить, от них потом, помнится, заказчик еще отказался... Разоружение у них, панимаешь. Бритты их в

свой флот включают, хотя им они нужны, как зайцу стоп-сигнал, чтобы только Россия не перекупила.^[72]

— Я тебе специально документы на груз прихватил, Фома неверующий, — перебил адмирала довольный собственной предусмотрительностью Балк, — любезный капитан Дженкинс так суетился и лебезил, что даже спрашивать не пришлось — сам отдал предложение. Ты не представляешь, как позитивно влияет на капитана британского парохода с военной контрабандой нестандартное пробуждение.

— Почитаем, любопытствуем... — пробормотал себе под нос Руднев, пытаясь разобраться в казуистике грузовых коносаментов, — а в чем, собственно, заключалась нестандартность пробуждения сего достойного сэра?

— Ну, когда тебя будит будильник, звенящий на прикроватной тумбочке — это стандарт. А когда бронебойный снаряд, выносящий этот будильник сквозь стену вместе с тумбочкой — это немного бодрит... Да я его еще на пушку взял, как взшел на борт, сразу заорал, что их «Малакку» русская разведка от самого Саутгемптона пасет.

— А почему от Саутгемптона, как вы догадались? — поинтересовался Великий Князь.

— Порт приписки, прочитал под названием судна, когда швартовались.

Яркий и образный рассказ Балка, которому, боясь пропустить хоть слово, внимали все на мостике «Варяга», был прерван ударом по поручню тростью Руднева. Стальные поручни ограждения выдержали, а вот гордость владивостокских краснодеревщиков раскололась пополам. Вслед за этим последовал ряд не вполне парламентских многоэтажных выражений в адрес Британии, ее короля, Виккерса и Армстронга.

Отведя душу, Руднев снизошел до объяснений. Судя по документам, британский флот отказался принимать в свой состав пару броненосцев, построенных для Чили и не востребованных заказчиком. Теперь их, естественно, предварительно разоружив, продавали для «коммерческого использования» куда-то в Бразилию. Но вот их новое, не смонтированное, прямо в смазке вооружение уже было закуплено Японией. Где именно могли всплыть сами броненосцы и насколько «коммерческим» будет их использование японским императорским флотом — это Руднев предложил домыслить самим товарищам офицерам.

По поводу парохода порешили следующее — с призовой партией ему приказали идти в океан, где, остановив первый попавшийся пароход под угрозой оружия (с барского плеча «Варяга» сгрузили пару десантных пушек Барановского, торговцев попугать хватит) догрузиться углем и следовать во Владивосток Татарским проливом. Новые орудия и второй боекомплект для десятидюймовки «Корейца» того стоили.

Дальнейший путь проходил на удивление гладко. Океан как вымер — видимо, японцы после столь впечатляющей демонстрации задержали в портах все уходящие суда и как-то сумели предупредить остальные, да и сильно ухудшающая видимость дымка, то и дело переходящая в густой туман, сыграла свою роль. Прорыв через Сангарский пролив на рассвете немного потрепал нервы экипажу, застывшему на боевых постах в ожидании возможной встречи с крейсерами Камимуры, но и здесь все обошлось. Руднев гнал крейсер как наскипидаренный, чутье подсказывало ему, что его место сейчас в городе, а не на заднем дворе Страны Восходящего Солнца. И все равно, несмотря на обойденные стороной три парохода и пару шхун, он опоздал.

На пирсе Владивостока встречать крейсер, вернувшейся с победой, собрались лучшие люди города, но с не лучшими новостями. Японцы все-таки высадились в Бицзыво...

Не смотря на истошные телеграфные предупреждения Руднева о месте будущей высадки, армейское командование соизволило выделить для патрулирование Бицзыво всего пятьсот казаков Мищенко при двух орудиях. Эти две 87-мм пушки устроили высаживающейся японской пехоте двухдневную кровавую баню. Сначала артиллеристы гранатами прямой наводкой изрядно повредили мелкосидящий транспорт, который решил подойти поближе к берегу. Затем почти сутки они шрапнелью приветствовали любую попытку высадиться со шлюпок, уже с закрытых позиций. Хотя эффективность такой стрельбы оставляла желать лучшего из-за низкой обученности расчетов, брести по пояс в воде к берегу под градом шрапнельных пуль не получалось. Ответный огонь с моря японских канонерок и крейсеров вслепую по берегу не имел никакого результата, кроме выброшенных на ветер боеприпасов. Потом, по исчерпанию шрапнельных снарядов, батареицы выпустили остатки гранат по уже высадившимся японцам. И наконец, в последней, отчаянной попытке сбросить десант в море упряжки вынесли орудия на прямую наводку для того, чтобы расстрелять по японской пехоте последнее, что осталось в передках — картечь. Но это усилие в купе с атакой конной лавы было легко парировано артиллерией японского флота, поддерживающего высадку. Для уничтожения столь досадивших им пушек, показавшихся наконец-то на глаза, японцы не пожалели даже трех залпов двенадцатидюймовок «Фудзи». Хотя это было скорее психологическое воздействие как на противника, так и на своих солдат — вести огонь по русским броненосцам не мог, слишком близко те подошли к японцам. Но флоту надо было оправдаться перед армией за постоянный срыв перевозок и потерянные грузы, и «Фудзи», по личному приказу Того «поддержать армию при малейших признаках сопротивления на берегу», стрелял по отсутствующим русским тылам. Действенную поддержку пехоте оказали канонерки. Под градом крупнокалиберных морских снарядов орудия успели выпустить по паре картечных зарядов, после чего были перемешаны с землей вместе с лошадьми и расчетами. Когда остатки казаков вышли в распоряжение русских войск на Циньджоусском перешейке, среди трех сотен выживших было всего пять артиллеристов...

Теперь японцы уверенно продвигались в сторону Артура и до его блокирования с суши оставались считанные дни. Вернее сказать, битва за перешеек еще не началась только потому, что карты японцев несколько спутал адмирал Макаров. На следующий день после начала массовой высадки войск в Бицзыво адмирал имел неприятную встречу с генералом Стесселем. Командующий гарнизоном Артура никак не мог взять в толк — как это при наличии эскадры в семь броненосцев флот смог допустить высадку неприятеля. Так и не сумевший объяснить разницу между заблокированным и свободным фарватером, Макаров приказал ночью атаковать скопившиеся у Бицзыво транспорта всем, что сможет выйти в море. Сам он поначалу планировал идти в бой на «Новике», но тут всех изрядно удивил командир единственного броненосного крейсера первой эскадры «Баян» капитан первого ранга Роберт Вирен. Теоретически, по паспортным данным этот далеко не мелкий крейсер не мог просочиться сквозь игольное ушко, оставшееся после затопления «Фусо». Но устроив двухдневный аврал команде по выгрузке угля, боезапаса и вообще всего, что не было приклепано к корпусу корабля намертво, Вирен с помощью двух буксиров смог протащить облегченный корабль через проход. Теперь «Баян» на внешнем рейде в сумерках принимал

обратно с барж снаряды и уголь, а Вирен уговаривал Макарова выбрать его крейсер в качестве флагмана. Все же лишние семь дюймов брони в суматохе ночного боя предпочтительней для выживания адмирала, чем пяток дополнительных узлов «Новика».

Охранять Порт-Артур остались исключительно старые минные крейсера и клиперы. Реши японцы в эту ночь повторно заблокировать или заминировать проход в гавань Артура — им бы это, скорее всего, удалось.

Макаров, как всегда, авантюрно шел ва-банк. Всего для ночной атаки выделялись: пять крейсеров — «Баян», «Аскольд», «Новик», «Диана», «Паллада»; канонерки: «Гремящий», «Отважный», «Гиляк», «Бобр» и кое-как на скорую руку залатанный «Манчжур»; и все семнадцать исправных эсминцев. В роли головного дозора выступал быстроходный, но практический безоружный «Лейтенант Бураков».^[73] Даже после снятия шести 47-мм пушек в этот маленький кораблик не удалось всунуть ничего, кроме одного 75-мм орудия на корме. Поначалу планировали заменить и торпедный аппарат (ибо к родному осталось всего две торпеды) на снятый с «Победы», вообще броненосцы стали для миноносников неисчерпаемым источником малокалиберной артиллерии и торпедных аппаратов, но не успели, да и перевооружать разведчика — давать ему лишний соблазн ввязаться в бой. Но зато скорость в тридцать пять узлов (по паспорту, теперь уже тридцать два, но все равно гораздо быстрее оппонентов) гарантировала, что никто ни в японском, ни в русском флоте не сможет его догнать. Он был идеальным разведчиком, но увы — лишь до первого попадания... Вслед за ним атаковать японские корабли охранения в лоб должны были «Баян» и «Аскольд» с четырьмя миноносцами отечественного производства каждый, и все наличные канонерки. Строго говоря, Макаров украл у Того идею отвлечения охранения — основной удар по транспортам наносили идущие в обход «Новик», «Паллада» и «Диана». Они, каждый с приданными им миноносцами, должны были, не ввязываясь в перестрелку, обойти японские корабли и атаковать транспорта с флангов, когда охранение будет связано боем с наносящей лобовой удар группой. Из записок Руднева, переданных через лекаря Банщикова, Макаров позаимствовал еще пару идей — систему ночного опознавания и «лидирование» миноносцев в атаке быстроходными крейсерами второго ранга. Правда, крейсер второго ранга был всего один, «Новик», но и приданы ему были четыре лучших эсминца производства немецкой фирмы «Шихау», имеющие по три торпедных аппарата вместо двух и, благодаря наличию полубака, более мореходные. «Палладу» и «Диану» сопровождали два и три миноносца соответственно, все детища французских и британских корабелов. Система опознавания русских кораблей была проста как табуретка — на каждый корабль устанавливались по два фонаря, с красным и зеленым фильтром. В ответ на запрос — два красных моргания — свой должен был или ответить тремя зелеными, или не жаловаться на «дружественный огонь». Теперь все это предстояло проверить на практике.

Первыми из гавани незадолго до заката потянулись «Новик» с эскортом из «Бдительного», «Бесстрашного», «Беспощадного» и «Бесшумного». Для начала они на полном ходу кинулись на маячившую на горизонте четверку японских миноносцев. Это шоу происходило почти каждый день — ближе к закату Того благоразумно отводил свои броненосцы и крейсера подальше от русских миноносцев. Вскоре после этого «Новик», а иногда и «Аскольд», начинали гонять оставшуюся без покровительства японскую мелюзгу, наблюдающую за рейдом. Мелюзга, в свою очередь, пользуясь преимуществом в ходе, отбегала подальше, пытаясь заманить изрядно надоевшего им «Новика» под орудия своих крейсеров. Но от них уже удирал сам «Новик», тоже имевший пару узлов в запасе. Сегодня

все пошло примерно по тому же сценарию, но японцы в вечерней дымке не углядели, что после часовой погони «Новик» и миноносцы ушли не в сторону гавани Артура. Под прикрытием этой чехарды из гавани потянулась вереница кораблей. Выйдя на внешний рейд, они разобрались по отрядам и разными курсами и скоростями пошли навстречу судьбе.

Как известно: «нигде не врут так много, как в любви и на войне». А уж после ночного морского боя начала века — без радаров, кинокамер и других средств объективного контроля... Каждый командир эсминца, выпустивший торпеду по мелькнувшему в темноте силуэту, не ответившему на запрос позывных, докладывал, что он попал. Если просуммировать все доклады с обеих сторон, то японские транспорты были потоплены все, причем некоторые раза по два, а русский атакующий отряд был уничтожен трижды. На самом деле русские эсминцы добились всего четырех торпедных попаданий в транспорты, что тоже очень много.

Отряд, наносящий лобовой удар, прекрасно выполнил свою работу. «Лейтенант Бураков» подманил погнавшиеся за ним эсминцы «Оборо» и «Акебоно» поближе к «Баяну» и «Аскольду». Утопить шустрых японцев не удалось, но «Оборо», получив шестидюймовый снаряд, больше в бою не участвовал. На этом организованная часть боя закончилась и началась свалка. С японской стороны подходили все новые и новые корабли, а русские теряли друг друга в темноте. Отряды распались, и дальнейший бой вели фактически одиночные корабли. Поначалу для японцев неприятным сюрпризом стало появление «Баяна» с его восьмидюймовками. О его присутствии в месте высадки японцы узнали только тогда, когда он одним попаданием нокаутировал приданное третьему боевому отряду (наиболее современные и быстроходные японские легкие крейсера второго ранга, в русском флоте называемые «собачками» — «Читосе», «Такасаго», «Кассаги», «Иосино») авизо «Тацута». Тот принял его за своего, не ответил на запрос позывных и, получив с десяти кабельтовых один крупный и три средних снаряда, с обширными затоплениями покинул поле боя. Четыре японских крейсера медленно отходили под давлением более крупных и сильнее вооруженных «Баяна» и «Аскольда», поддерживаемых канонерками и атаками русских миноносцев. Но подоспевшие к месту свалки «Якумо» с «Адзумой» напомнили Макарову, что роль его отряда — отвлечение внимание кораблей охраны. Чем он и занялся — по сигналу с «Баяна» (серия красных и белых ракет) все быстроходные корабли стали отходить в сторону моря, а канонерки и поврежденные миноносцы — попытались прокрасться в Артур по мелководью. Итог боя — многочисленные повреждения кораблей артиллерией с обеих сторон. Торпедных попаданий не зафиксировано. Не успевший уйти на мелководье «Бобр» потоплен «Кассаги», из экипажа спаслось четверо моряков, которых утром подобрал японцы. «Тацута», пытаясь выброситься на берег в темноте с разбитыми навигационными приборами, наткнулась на скалу и до конца войны в строй уже не вернулась, а после ее окончания была тихо списана на металлолом, хотя японцы упорно отрицали ее «потерю в бою» и много лет спустя. У русских потеряны эсминцы «Смелый» и «Стройный», у японцев «Синоме». Но главное — почти все боевые корабли японцев рванулись в сторону стрельбы, оставив конвоируемые транспорты без охраны.

Это позволило ударной группе во главе с «Новиком» подойти на расстояние торпедного выстрела к транспортам и подорвать четыре из них (три на счету миноносцев, еще один — заслуга самого «Новика»). Увы, после первого взрыва мины отряд был атакован крейсерами «Акаси» и «Нийтака» при поддержке шести миноносцев. Не слишком прицельно расстреляв оставшиеся в аппаратах торпеды, русские предпочли отойти за явным преимуществом

японцев. Более скоростные, по крайней мере, по всем справочникам, японские миноносцы не смогли догнать своих русских коллег, или, скорее, поостереглись лезть под орудия «Новика». «Паллада» с тремя миноносцами вообще не нашла японские транспорты и на рассвете вернулась в Порт-Артур, не выпустив ни одного снаряда или мины. «Диана» же не вернулась совсем...

Обстоятельства последнего боя «богини охоты» (прозвище «сонной богини» было прочно похоронено) стали известны из доклада сопровождавшего ее «Выносливого», кое-как доползшего до Порт-Артура на последних лопатах угля уже в полдень следующего дня. Бывшего с ним в паре «Грозового» в Артуре так и не дождались. Последние подробности русские узнали уже после войны от возвратившихся из японского плена моряков крейсера.

...Назначенный Макаровым командиром «Дианы» вместо оскандалившегося Залесского капитан первого ранга Иванов 2-й транспорты противника нашел. Более того, он идеально провел атаку, в которой миноносцы добились двух торпедных попаданий, увы — в один и тот же транспорт, быстро исчезнувший с поверхности моря, а «Диана» повредила второй, притопившийся по верхнюю палубу, но севший на грунт. Но когда после опустошения всех минных аппаратов и появления в темноте силуэтов явно боевых кораблей старший офицер робко спросил:

— Ну что, идем домой?

Последовал холодный ответ:

— Рано.

Иванов повел «Диану» дальше вглубь растянувшейся группы японских транспортов. Двенадцать, после модернизации, шестидюймовок и дюжина трехдюймовок крейсера вели беглый огонь по любой мелькавшей в темноте тени. Единственной видимой наградой для артиллеристов стал взрыв, осветивший пол неба после попаданий одного из их снарядов (небольшой транспорт «Коба-Мару», перевозивший боеприпасы для артиллерийских парков второй армии и запас инженерной взрывчатки, разнесло в пыль). Зато с полдюжины японских транспортников и их грузы пострадали от снарядов «охотницы» не столь эффектно, но тоже довольно серьезно. Впрочем, далеко не все транспорты получили снаряды собственно с «Дианы». В неразберихе ночного боя японцы, атакуя русский крейсер в гуще своих транспортников, и сами не один раз всаживали снаряды в свои корабли и суда.

Давно пропали в темноте сопровождавшие крейсер миноносцы, зато то с одной, то с другой стороны начали вылетать в атаки на крейсер японские истребители. С пол часа их атаки удавалось отбивать без потерь, но когда подоспела пара крейсеров Четвертого боевого отряда, «Нанива» и «Такачихо», стало хуже. Они тоже рванулись было в бой с «Баяном» и «Аскольдом», но отстали от более быстроходных и современных коллег. Потом изменили курс и пошли на взрывы торпед, выпущенных отрядом «Новика», и снова не успели к месту боя. Но в результате этих метаний крейсера оказались неподалеку от того места, где бесчинствовала «Диана». Какое-то время артиллеристам «богини» удавалось совмещать обстрел атакующих миноносцев и перестрелку с крейсерами, но в конце-концов одиночный корабль, подвергавшийся постоянным атакам со всех сторон, получил закономерную торпеду от подкравшегося в темноте «Муракумо». Иванов попытался уйти, направив раненый крейсер в ту часть горизонта, откуда никто по нему не стрелял, оторваться от противника, но «рано» уже превратилось в «поздно». К тому же по идиотской, как всегда и бывает на войне, случайности, курс, выбранный Ивановым, привел «Диану» к месту, где тихо стоял на якоре броненосец «Фудзи». Командир броненосца, капитан первого ранга

Мацумото, мудро решил не рисковать своим слишком ценным для Японии броненосцем в ночном бою. Он уже дважды корректно, но твердо отказал главному артиллеристу броненосца в просьбе об открытии огня. Но когда комок стреляющих друг по другу кораблей сам покатился в его сторону, ему поневоле пришлось принять участие в обстреле «Дианы». Командир «Фудзи» неверно истолковал поворот русского крейсера в его сторону. Ему показалось, что русские разглядели в темноте его броненосец, на котором только-только развели наконец пары, и пошли на него в торпедную атаку. Первый залп лег перелетом за кормой «богини». Среди шести всплесков от шестидюймовок как две корабельные сосны среди кустов выделялись взрывы снарядов носовой башни главного калибра. На противостояние двенадцатидюймовым снарядам проектировщики крейсеров русского флота не закладывались, да и невозможно защитить корабль в шесть с небольшим тысяч тонн от снарядов такого калибра. Иванов понял, что не зря он перед боем переоделся в чистое. Уйти на скорости двенадцать узлов — а после подрыва торпеды и с заклиненным правым валом больше дать было невозможно — практически нереально. Сзади настигает пара крейсеров, миноносцы атакуют уже со всех сторон, а отбиться от броненосца, перекрывающего единственный путь к спасению, тем более не получится. Остается только попытаться продать свою драгоценную шкурку подороже и доказать японцам, что канлодка «Кореец» в русском флоте — отнюдь не исключение из правил. «Эх, жалко что перезарядить носовой аппарат не успели!» — успел подумать Иванов.

Последний известный приказ командира корабля был — «Рулевому — таранить корабль справа по курсу! Минерам — сразу после тарана взорвать крейсер! Команде — спасаться по способности». Увы, вторым залпом главный калибр «Фудзи» накрыл русских, и боевая рубка крейсера перестала существовать, исчезнув в вихре взрыва со всем содержимым. К ужасу японцев, неуправляемый крейсер, как гигантская торпеда, продолжал двигаться в сторону броненосца, не взирая на град снарядов среднего калибра. Шестидюймовые подарки с броненосца и крейсеров исправно сносили с палубы русские пушки, в двух местах на спардеке умирающей «Дианы» уже занялись пожары, а сквозь дюжину пробоин в трюмы медленно, но верно поступала вода. Но ни остановить, ни утопить крейсер первого ранга за такое короткое время средним калибром невозможно. Только пятым залпом двенадцатидюймовок, проделавшим огромную пробоину в левой скуле крейсера, удалось сбить импровизированный брандер с курса. Но все равно на броненосце от греха подальше расклепали якорные цепи и дали полный назад, не желая повторить судьбу «Асамы».

Величественно, как и подобает небожительнице, «Диана», постепенно замедляясь, прошла в кабельтове от «Фудзи». Крейсер уже был обречен. Вести огонь могли только два шестидюймовых орудия левого, обращенного от броненосца, борта. Машины не могли разогнать превращенный в развалину крейсер до скорости более трех узлов. В атаку на пылающий крейсер вылетел крохотный номерной миноносец № 63 под командованием лейтенанта Накамуры. Хотел ли он отличиться, приняв участие в потоплении обреченного крейсера, или искренне хотел защитить броненосец — останется навеки неизвестным. В любом случае идея оказалась неудачной. Стоило его кораблику мелькнуть в луче прожектора, освещавшего умирающую «Диану», как все орудия броненосца без команды с мостика перенесли огонь на «атакующий русский миноносец». Не успев даже показать позывные, миноносец исчез в облаке взрыва. Кого именно утопили brave комендоры «Фудзи», стало ясно только с восходом солнца по подобранным на месте гибели спасательным кругам.

Не надолго пережила японца и «Диана», завалившаяся на левый борт. Реквиемом кораблю стал последний выстрел единственной уцелевшей шестидюймовки. Незнакомый комендор всадил снаряд прямо под мостик «Фудзи»... С крейсера, в отличие от миноносца, взорвавшегося со всей командой, японцам удалось спасти семьдесят три моряка.

...Один из перелетных двенадцатидюймовых снарядов «Фудзи» попал по транспорту «Коку-Мару». Перевозившийся на нем полк потерял более роты от взрыва на палубе прямо в толпе глазющих на бой солдат. Сам транспорт, хоть и остался на плаву, надолго вышел из строя.

* * *

Выслушав краткий и сбивчивый рассказ о последних событиях, Руднев задумчиво отозвал Балка в сторону.

— Чтобы через двадцать четыре часа ни тебя, ни твоих БеПо во Владике не было. Иначе в Артур не успеешь прорваться. Я тебе соберу с бору по нитке сводный полк, и ты его обязан доставить в Артур вместе с боезапасом для тамошней артиллерии. И ТЫ ОБЯЗАН не дать Артуру пасть до прихода кораблей с Балтики. Как — не мои проблемы, но теперь мы начинаем воевать всерьез на земле, на море и...

— Ну, на земле — я, на море — ты, — ехидно перебил товарища Балк, — а в небесах-то кто?

— В высших сферах у нас вращается Вадик. Все, время пошло, бегом, ЛЕЙТЕНАНТ БАЛК! Доболтаем после победы.

Из переписки поручика 11-го уланского полка Ветлицкого с невестой

Душа моя, Настенька.

Прости, что не писал тебе почти месяц, но я невольно оказался в эпицентре событий настолько грандиозных и завораживающих, что не мог даже на это выделить минутку. Но, пожалуй, попробую изложить все по порядку.

Когда нас с Ржевским — кстати, пан Сергей просил передать тебе горячий привет и поцеловать ручку, но я передаю только привет — направили во Владивосток, мы жутко расстроились. Официально нас переводили для «подготовки расквартирования полка на случай высадки японцев в Приморье», но мы-то понимали, что Рейзенкранц просто нас отсылает из мести. Кто-то наверняка ему донес, как мы с Сержем на последних полковых посиделках отзывались о его стратегических талантах. В результате мы готовились скучать в этом богом забытом городишке, пока наш полк будет геройствовать и гнать японцев в Корею.

Но на второй день нашего пребывания в город неожиданно пришел воскресший из мертвых «Варяг» с призами. По этому поводу был двухдневный праздник, в коем мы с Ржевским тоже приняли посильное участие. Но, к вящему сожалению Сержа, героями праздника были моряки. Нашему дорогому Сергуне было столь непривычно не быть центром всеобщего внимания, что он даже

немного перегрузился.

Потом были несколько дней лихорадочной муравьиной деятельности по приготовлению города к нападению японской эскадры. Когда мы с Ржевским попытались было объяснить, что не в штате крепости и участвовать в аврале (это такой морской термин, который означает, что работы больше, чем людей; не удивляйся, душа моя — я теперь стремительно «мореманизируюсь») не обязаны, то нарвались на неприятности. Следующие пару дней мы провели, командуя полусотней солдат, копающих ямы и пилящих сосны на сопках возле города. К сожалению, дурная привычка Сержа — сначала говорить, а потом думать, неистребима, ну да ты и сама об этом прекрасно помнишь.

В награду за труды праведные мы получили возможность наблюдать за обстрелом японских кораблей с лучших мест партера — с вершины сопки Безымянная. Впрочем, в окрестностях Владика (мы тут так по свойски называем Владивосток) половина сопкок носит это гордое имя. А вторая половина не удостоена и такого, они просто «безымянные». Единственная проблема была в том, что в паре верст от нас находилась ложная батарея, которую мы же и оборудовали, а теперь японцы расстреливали именно ее. Так что часть спектакля мы провели, лежа на земле и пытаясь спрятаться от осколков снарядов, изредка взрывающихся в ветвях рядом с нами.

По возвращению в город мы как были, грязные и усталые, пошли в неофициальный армейский клуб — «Ласточку». На наше удивление, компания в тот вечер группировалась вокруг некоего флотского лейтенанта, кои вообще являются редкими гостями в этом заведении, ибо они обычно проводят время в своей «Бригантине», ближе к порту. Когда один из наших знакомых, заметив нас, позвал Ржевского к ним за стол, лейтенант со смешком переспросил «уж не поручик ли часом», чем обеспечил себе повышенное внимание со стороны Сержа. Как ты наверняка помнишь, Серж искренне считает, что только он имеет право быть «душой любого общества»... А тут какой-то лейтенант морской... В общем, через полчаса Сергуня стал откровенно напрашиваться на неприятности, но и лейтенант был хорош! Он прилюдно заявил, что «пожалуй, стреляю и фехтую я изряднее всех вас, господа». На что Серж высказался в духе — «Наган и шестидюймовка Канэ — это несколько разные системы, да и фехтуем мы не на якорях, а на шашках». Тут лейтенант окончательно всех привел в шоковое состояние — он предложил «перестрелять любых троих офицеров»... Ржевский вскочил и заорал, что он сам сейчас кое-кого пристрелит, без формальностей. А остальные, более трезвые члены компании, стали пытаться утихомирить спорщиков. Тут лейтенант извинился и объяснил, что именно он имел в виду. Оказывается, он предлагал пострелять по бутылкам. Трое господ офицеров по сигналу стреляют по одной бутылке, а он по трем. Суть пари — если он свои три бьет быстрее, чем Ржевский сотоварищи одну — счет за всю компанию оплачивают они, в противном случае он. Серж, да и ваш покорный слуга, обрадовались возможности наказать наглого морячка. Третьим стал некий поручик, крепостной минер. Он весь вечер зыркал на лейтенанта и ворчал, что его приятеля зря наказали за какие-то там батареи, контакты и прочую их минерскую умность, ни мне, ни тем более тебе, душа моя, не интересную.

Ну кто мог ожидать такой прыти от морского офицера, что и наган-то в руках держит раз в год? По сигналу он упал на спину и, перекатываясь по полу, стал палить из ДВУХ револьверов!! Причем лично я так засмотрелся на его кульбиты и столь упорно пытался понять, откуда и когда он выхватил оружие, что просто впал в ступор и забыл вытащить свой револьвер. Серж с минером стреляли, но большинство присутствующих в один голос заявили, что лейтенант попал первым по всем трем бутылкам. А он, встав с пола, невозмутимо предложил повторить с любыми другими стрелками, но уже по бумажным мишеням. Дружной толпой мы вывалились на пустырь за «Ласточкой», реквизирав на мишени старые театральные афиши. Я в этот раз подавал сигнал, Серж опять был среди стрелков. На этот раз, кто попал первым, сказать было сложно, но вот когда мы подошли к мишеням, Серж и двое других стрелявших покраснели. Нет, в их афише тоже были три дырки от пуль — в животе, на правой руке и в бедре тенора. Но вот три мишени лейтенанта... Когда он успел прострелить каждую дважды, не понял никто, хотя зрителей было с пару дюжин. Но это пол беды — каждый певец на каждой афише имел по пробоине в области сердца и в голове! И опять же — все это в падении и, как выразился лейтенант, «в перекате»... На наши вопросы — где это на флоте учат так стрелять — лейтенант отшутился старыми семейными традициями и дядей-полковником, что с детства его гонял со всеми видами оружия.

Но Серж существо неугомонное. Все, даже минер, уже признали первенство лейтенанта и смирились с перспективой оплаты счета, но он... Черт его дернул сказать, что стрельба — это ничто по сравнению с фехтованием. Хитро усмехнувшись, лейтенант предложил повторить в том же составе на тех же условиях — ножнами, трое против одного до первого касания. Серж потом неделю щеголял с синяками на плече и поперек спины — одного раза ему опять не хватило. Самое смешное — что счет все же оплатил лейтенант и пригласил всех желающих навестить его завтра в паровозном депо, где он обещал дать всем желающим уроки стрельбы, и показать еще кое-что интересное.

В общем, не буду тебя забалтывать малоинтересными тебе деталями, но теперь мы с Сержем служим в железнодорожном бронедивизионе флота «Варяг» под началом того самого лейтенанта, товарища Василия Балка. С товарищами — это еще более интересная история — так теперь называют друг друга те, кто участвовал в настоящем деле. Если даст Бог, то по возвращению из этого плавания на крейсере, куда сегодня отбываем мы с Сержем, так будут обращаться и к нам.

Ну а если не повезет, и не суждено мне вернуться — помни, я тебя люблю сильнее, чем можно вообразить.

Всегда твой — Виктор Ветлицкий.

Глава 14

На земле. На сопках Манчжурии

Порт-Артур. Апрель — май 1904 года.

Капитан японской армии Кабаяси сидел и смотрел на карту уже в течении получаса. Со стороны солдатам казалось, что их командир прорабатывает маршрут марша, который должен был начаться через час. Но на самом деле капитан просто смотрел в никуда. Не подобает воину проявлять слабость и заваливаться прямо на землю, как сделали его подчиненные. Но и он сам отчаянно нуждался в передышке.

Кабаяси наконец-то мог позволить себе расслабиться, впервые за последние три недели. В голове был абсолютный вакуум, который бывает только сразу после окончания тяжелой работы и заполняется с началом новой. Оборонительные позиции русской армии на перешейке были наконец-то прорваны и у молодого самурая появился шанс пережить этот день, хотя еще полчаса назад он был уверен в обратном. Утром на его глазах русской шрапнелью была выкошена колонна воинов Ямато, которую вели в атаку представители лучших самурайских семей Японии. Они проявили недовольство «черепашьими темпами ведения войны», и император «посоветовал» им отправиться в Манчжурию и самоличным примером на поле боя, а не в газетных статьях, показать, как воюют настоящие самураи. Теперь залитые кровью обломки фамильных доспехов остались где-то там, на перепаханной взрывами и пулями полосе земли перед русскими укреплениями.^[74] Из той колонны, попавшей под обстрел полевой батареи, выжило не более пятнадцати процентов личного состава, и в следующую атаку их повел уже сам Кабаяси. Еще утром он командовал вторым батальоном полка, ко второй атаке под его началом был уже весь полк, но увы — число его подчиненных существенно не увеличилось. Командир полка был ранен шрапнелью, командир первого батальона убит.

Хотя добрая половина русских батарей уже была подавлена японскими орудиями, стрелявшими с закрытых позиций, и огнем канонерок с моря, вторая атака тоже сорвалась. Под плотным ружейным огнем японская пехота снова откатилась. На запрос об артиллерийском обстреле русских люнетов, из которых велся плотный фланкирующий огонь, пришел обескураживающий ответ — стрелять нечем. На орудие осталось по два-пять снарядов на случай отражения контратаки. Первая попытка японских мелкосидящих кораблей подойти вплотную к берегу и «перепахать» русские укрепления также была неудачна. Пара русских, более крупных, да еще и бронированных канонерок с непригодными для японца названиями «Гремящий» и «Отважный» устроили японским коллегам кровавую баню.^[75] Японцы почти не строили специальных мелкосидящих судов для действия в прибрежной зоне, предпочитая обходиться китайскими трофеями и старыми кораблями. Все деньги, выделяемые на флот, шли на строительство эскадренных, морских кораблей. Вот Кабаяси и имел «удовольствие» в течении получаса наблюдать за избиением японского прибрежного флота. Взрыв девятидюймового снаряда, после которого от маленькой деревянной канонерки «Иваке» остались только щепки на воде, вызвал неприятную ассоциацию с событиями ночи высадки восемь дней назад, двадцать первого апреля. Он невольно вспомнил свой личный опыт «участия» в морском сражении и даже

поморщился, что для самурая равноценно истерике. Тогда, среди ночи, транспорт, с которого его полк еще не успел высадиться на берег, был пронизан снарядами, а соседний — подорван миной. Одно дело воевать на суше, где можно стрелять в ответ, прижаться к земле, отступить, в конце-концов! Но куда деваться в море с транспорта, который медленно заваливается на борт? Что делать пассажиру в морском бою — паниковать и путаться под ногами команды или просто медитировать и наслаждаться зрелищем? Хотя какое тут наслаждение, скорее полное непонимание... Взять хотя бы тот самый взрыв, осветивший половину неба, и в честь которого все на транспорте дружно проорали «Банзай!», уверенные, что где-то там, в темноте, императорский флот разделался с очередным русским крейсером. Увы, на следующий день в штабе дивизии их «обрадовали», что треть снарядов, предназначенных для поддержки высадки, погибла вместе с перевозившим их транспортом.

Впрочем, когда подошедшие крейсера японского флота отогнали наконец настырные русские лодки, а канонерки со второй попытки прошерстили окопы, времени на воспоминания не осталось. Третья за день атака, в которую Кабаяси повел сводный отряд, собранный из остатков трех полков, увенчалась успехом. Русские начали отступление, и надо было озаботиться их преследованием. Теперь можно было надеяться прожить до начала штурма укреплений самого Порт-Артура.

На формирование походных колонн, боевого охранения и необходимый отдых после боя ушло порядка двух часов. Но не успел Кабаяси отдать приказ выступать, как из-за цепи высот, за которыми расположилась японская артиллерия, послышалась орудийная стрельба. Ну конечно, зло сжал зубы капитан, на артналет по русским окопам — снарядов не нашлось. На поддержку лобовой атаки пехоты — тоже. А сейчас куда они палят, эти чертовы артиллеристы? Наверняка «салют в честь победы». С удивлением ожидая посыльного с разъяснением, что все это значит, ибо разрывов снарядов он не наблюдал, Кабаяси предпочел отложить начало преследования. Однако возвращения молодого курсанта, исполняющего роль делегата связи (при каждом взгляде на юного самурая Кабаяси вспоминал себя во времена войны с Китаем), он не дождался, а вместо этого из-за холмов показался... Железнодорожный состав!

Кабаяси от удивления открыл рот, что для прекрасно владеющего собой японца, офицера и джентльмена, было совершенно не характерно. Но его оплошности никто не заметил — на приближающийся поезд глазели все. Нет, капитан понимал, что все по настоящему боеспособные части сейчас, после атак русских позиций «лежа отдыхали», изображая подготовку к маршу. Он и правда не ожидал многого от того полка, что был направлен три дня назад на северо-восток навстречу соединениям, которые уже должны были форсировать Ялу, а остальные тыловые части вообще, по мнению капитана, доброго слова не стоили. Но ПРОПУСТИТЬ ПАРОВОЗ С СОСТАВОМ до линии русских укреплений сквозь внешнее кольцо блокады, сквозь все тыловые части, сквозь позиции артиллерии в конце-концов? Что могло помешать остановить его стрельбой из орудий, хотя бы и прямой наводкой? Что ж, тем лучше для него и его сводной группы — теперь весь груз на законном основании достанется им.

Криком выведя полк из оцепенения, капитан отдал приказ выдвигаться бегом к насыпи и, если паровоз не остановится добровольно — открыть огонь по рубке и, при необходимости — котлу. Сам он не удержался и в первых рядах побежал в сторону приближающегося поезда. По мере приближения состав все больше и больше казался Кабаяси каким-то неправильным...

Почему одна платформа и один вагон поставлены впереди паровоза? Что это за дым идет из хвоста поезда — пожар от попавшего японского снаряда или второй паровоз? А если второй паровоз, то зачем — состав не такой уж и длинный? И что же это за груз, который русские настолько упорно пытаются провезти в Порт-Артур? И почему за первым поездом дым поднимается к небу еще гуще, как будто там еще пара составов тянется? Вопросов становилось все больше, и их масса превысила критическую, когда за первым поездом из ложбины действительно показался второй. Отдать хоть какой-то приказ или даже просто придумать, что именно приказать, Кабаяси уже не успел. Головной поезд взорвался огнем. По бегущей к нему японской пехоте с обоих бортов БРОНЕПОЕЗДА били по пять пулеметов а с головной и хвостовой площадок часто рывкали по паре маленьких, но вредных пушек Барановского. Иногда редко, скорострельность немногим лучше выстрела в минуту из-за картузного заряжания, но солидно рыкали и башенные 87-мм пушки.^[76] Они абсолютно устарели для флота и их с радостью вывели с флотских складов, но на суше мощные шрапнельные снаряды весом в шесть килограммов, которых во Владивостоке нашлось превеликое множество, были еще весьма актуальны.

В рубке легкого бронепоезда «Добрыня Никитич» Балк, наблюдая за мечущимися по полю под ливнем шрапнельных и пулеметных пуль японцами, задумчиво проговорил, обращаясь к Михаилу.

— Больше так легко не будет... И так три раза мы их накрыли, сыграв на эффекте неожиданности. Сначала передовой отряд, который неведь зачем перся вдоль железки; потом на станции, когда их артиллерию проредили; и вот эти. Теперь если еще провести эшелоны удастся, то первым в церкви свечку поставлю. Странно, почему же нас японцы не так уж и активно обстреливали из орудий?

— Простите, товарищ лейтенант, но вы ЭТО называете «не активно»? — как обычно, влез поручик Ржевский, во все дырки затычка, — да у нас у всех броневагонов крыши сейчас не стальные, а свинцовые от расплюснутых шрапнельных пуль! Хорошо хоть, мы и у эшелонов крыши железом накрыли, а то привезем в Артур кучу раненых вместо подмоги.

— Эх, молодо-зелено, поручик, — усмехнулся, не отрывая бинокля от глаз, Балк, — не были вы под настоящим обстрелом... Вы бы лучше задумались, какого хрена они по нам вообще шрапнелью стреляли? Да уже после первых снарядов должны были понять, что нам это как слону дробина, и перейти на гранаты. Так нет же, почти каждая новая батарея дает по несколько залпов той же шрапнелью, и все!^[77] Хорошо, что у них переменных трубок нет, а то бы нам и шрапнели «на удар» хватило. Не намного хуже бронебойного снаряда работает. Ладно, будем считать, что прорвались мы божьими молитвами. Теперь только дойти до разъезда на Талиенван, пропустить эшелоны с пехотой и боеприпасами дальше в Артур, а мы вдвоем с «Ильей Муромцем» и «Алешей Поповичем» начнем показывать японцам, что такое мобильная оборона с широким использованием флангового пулеметного огня при артиллерийской поддержке на колесах.

Наполеоновские планы Балка были прерваны взрывом снаряда серьезного калибра в паре сотен метров от контрольной платформы. Взлетев по трапу в башню, Балк покрутил по горизонту обзорный перископ и остановил его, уставившись в сторону моря. Сверху донеслась грязная ругань.

— Какая-то блядская калоша-канонерка под берегом болтается, наши пукалки ее разве что поцарапают, а на ней одна дура калибра... Ну, на глаз дюймов так восемь-девять, и если современная и скорострельная Армстронга — то нам хана. С «Ильи Муромца» ее пока не

видят и минут пять еще обстреливать не смогут. Если старье Круппа — то у нас еще есть шанс, там и скорострельность — выстрел в две минуты, и точность соответствующая. ^[78] Вроде у них еще что-то установлено на корме, но зачехлено почему-то. Машинное, тьфу, блин... На паровозе — полный вперед!

— Зачем? — донесся из переговорной трубы голос прапорщика Дерюгина, бывшего машиниста.

— Вероятность попадания обратна квадрату скорости! Быстро, я сказал! — проорал в ответ Балк.

Из трубы донеслось что-то вроде: «чем материться, просто сказать можно было», но так или иначе поезд ускорился. Канонерка успела выстрелить по головному бронепоезду еще три раза, потом ситуация на поле боя резко, как бывает только в кино и на войне, изменилась. На выползшем из-за закрывавшей обзор гряды холмов тяжелом БеПо «Илье Муромце» разглядели, в какой переплет попал брат «Добрыня», и приняли меры. В составе этого БеПо были четыре платформы, на которых были смонтированы два 120-мм морских орудия Канэ с «Рюрика», пара 120-мм гаубиц Круппа, столь удачно захваченных «Богатырем», и пара старых 6-ти дюймовых мортир. Сейчас, не успел «Илья», скрипя буксами, замереть на рельсах, как его морские артиллеристы занялись своим прямым делом — обстрелом надводных целей. Канонерка успела перенести огонь на новую, более опасную цель, но на стороне русских были и большее число орудий, и их большая скорострельность, и устойчивая земля под платформами, в отличие от качающейся палубы канонерской лодки. Первый снаряд, попавший в маленький корабль, был выпущен из пушки. Как и второе попадание пушечного снаряда, он нанес серьезные, но не смертельные повреждения. Лодка попыталась уйти из зоны поражения, но упавший по крутой траектории гаубичный снаряд пронизал ее практически насквозь и взорвался почти под днищем корабля. Подброшенная взрывом вверх, с перебитым хребтом — килем, канонерка прожила еще десять минут, и за это время получила еще три уже не нужных снаряда. На единственной спущенной шлюпке смогли спастись двадцать пять членов экипажа из сотни бывших на борту. Тем временем убегавший от снарядов на всех парах «Добрыня» догнал «отступающие русские войска»...

Рядовой Пятого Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Бурнос уходил от Цзиньчжоу последним. При обстреле люнета их роты с моря его засыпало близким разрывом снаряда. На откапывание, успешный поиск под кучами земли винтовки и безуспешный — правого сапога ушло около часа. Он уже готов был припустить вслед за уже еле видневшимися отступавшими товарищами, но тут его кое-что отвлекло...

Сейчас этот здоровый, жилистый и злой на весь мир белорус, которого его непосредственный командир, поручик Кирленко, не раз называл худшим солдатом роты, с трудом переставлял ноги. Его, за имеемое по всем вопросам собственное мнение, которое он к месту и не к месту высказывал, не любили командиры. Его, за тяжелые кулаки и еще более тяжелый характер, побаивались и так же недолго любили служившие с ним солдаты. Кирленко за последний год продержал его под ружьем больше, чем любых других трех солдат роты вместе взятых. Но сейчас Бурнос идеально смотрелся бы не только на первой полосе японской газеты — как последний русский солдат, отступающий с поля боя, чему способствовали бы отсутствующий сапог, грязный, замученный до крайности и потрепанный вид вкупе с легкой контузией. Его фотографию с гордостью поместили бы на первой полосе и отечественные «Новое время» и «Русский инвалид», будь у них шанс ее заполучить. Почему? Да потому что он не только продолжал тащить с собой винтовку, волоча ее за

зажатый в правой руке ремень. Через его левое плечо свешивался тот самый поручик Кирленко, с которым у них давно легкая взаимная неприязнь переросла в стойкую обоюдную ненависть. Поручика засыпало тем же снарядом, что и Бурноса, и его приглушенный стон, донесшийся из-под земли, не дал белорусу сделать ноги налегке.

Сейчас он продолжал переставлять ноги вдоль насыпи из чистого упрямства. Любой другой солдат давно оставил бы позади командира и винтовку и, с облегчением, побежал бы за помощью, лишь бы оказаться подальше от настигающих японцев. Он легко оправдал бы себя и перед начальством, и перед своей совестью, тем, что с помощью товарищей быстрее дотащил бы офицера к своим. Но сама мысль — бросить своего — пусть даже на время, пусть для его же блага, пусть даже Кирленко, которого он мысленно не один десяток раз придушил — не могла прийти в голову Александру. Если бы его кто спросил — зачем он тянет за собой еще и винтовку — то вопрошающий просто был бы послан. Скорее всего, причина столь бережного отношения к вверенному ему имуществу крылась в хозяйственной натуре померковного белоруса.

Звон в ушах и периодические стоны несомого командира не позволил солдату расслышать приближение догоняющего поезда. Да раздайся сейчас трубный глас архангелов — не факт, что Бурнос отреагировал бы сразу — он был вымотан до крайности. Только гудок нагнавшего его состава и жуткий металлический визг тормозов заставили его вытереть со лба пот и обернуться. Увидев в паре десятков метров за своей спиной поезд, Бурнос резонно решил, что его догнали японцы. Устало уронив на землю продолжавшего оставаться без сознания поручика, Александр вскинул к плечу винтарь и всадил в будку паровоза все четыре оставшихся в магазине патрона. После этого он охлопал себя по карманам и поясу, убедившись, что боеприпасов больше нет. Тогда слегка покачивающийся от усталости солдат застыл над телом командира в характерной позе со штыком наизготовку. Из будки слышался громкий мат, сопровождаемый противным верещанием ушедшей в рикошет последней пули.

За бравым солдатом с помоста вокруг будки наблюдали Балк, Великий Князь Михаил и Ржевский. Наименее удачно из всех троих упал Балк, что неудивительно, учитывая, что ему сначала пришлось сбить с ног двоих оторопело открывших рот товарищей.

— Запорю насмерть, скотина! — отчего-то фальцетом проорал, не вставая, однако, с настила, Ржевский.

Стиснувший от боли зубы Балк не успел даже начать отчитывать поручика, как за него взялся его «начштаба и заместитель по всем вопросам» Великий Князь Михаил.

— Поручик, молчать! И ни слова про свечку (эту шутку Балк благоразумно не рассказывал при Ржевском, так что тот недоуменно захлопал глазами, зато машинист и кочегар в рубке порскнули)!! Нет уж, голубчик, вы сейчас у меня к этому солдатику выйдете и в ноги ему поклонитесь! На таких, как он, вся земля русская держится уже тому лет так триста, а вы: «запорю». Как так можно со своим боевым товарищем? Серж, вы лучше подсчитайте, сколько он на себе командира тащил, но при этом еще и оружия не бросил. Нет, Георгиевский Знак Отличия он заслужил однозначно.

В такт его словам молча кивал довольный учеником Балк. Кажется, программа по обработке члена царской семьи начинала приносить свои плоды.

— Вот только выходить к нему пока не надо, Михаил Александрович, — продышался наконец сквозь боль в боку, куда пришелся удар броневого угла, Балк, — видите — у человека шок и контузия. Он с этой стороны никого, кроме японцев, не ждал, вы ему кланяться станете, а он вам — «коротким коли». Но насчет Георгия солдатику — это вы,

товарищ великий князь (почему Балк каждый раз произносил это с улыбкой, было загадкой для всего личного состава бронедивизиона «Варяг»), совершенно правы. Позвольте мне с товарищем солдатом пообщаться.

Привстав на колени и высунув голову из-за бронеограждения, Балк как мог громко гаркнул:

— Эй, браток, у тебя все патроны вышли или еще есть? А то мы подкинем, если надо.

— Мне на вас и штыка хопиць, гады жаутопузыя, — не удивившись, что японцы говорят с ним на чистом русском языке, мгновенно ответил Бурнос.

— А за каким чертом ты, солдатик, портишь краску русского бронепоезда «Добрыня»? — встав в полный рост, грозно поинтересовался Балк, — да еще чуть не застрелил Великого Князя Михаила Александровича Романова? Че за самоуправство, ТОВАРИЩ боец?

— Гусь свинне не таварышь, — тихонько, как ему казалось, пробормотал себе под нос Бурнос.

Он, наконец, поверил, что это свои и, расслабившись, кулем осел на землю. Рядом картинно воткнулась штыком в землю винтовка, сил держать ее больше не было.

— Ну, я такой гусь, что с любой свиньей справлюсь, не беспокойся, — отозвался спрыгнувший на землю Балк, — эй, в третьем броневагоне — а ну, четыре человека с носилками сюда, примите раненого! А по поводу «товарищей» я тебе, любезный, сейчас объясню, но давай на ходу — время дорого, так что полезай в первый вагон. Заодно расскажешь, как дошел до жизни такой.

Далеко, однако, уехать не удалось — теперь препятствие было посерьезнее, чем одинокий русский солдат. Один из шальных японских снарядов разорвался на насыпи, рванный рельс и превращенные в щепки шпалы исключали возможность дальнейшего движения, но главная проблема была даже не в почти полном сносе самой насыпи дороги. Для такого случая на «Добрыне» на контрольной платформе имелся запас шпал и рельсов, а в одном из вагонов — и ремонтная бригада. По их оценке, на приведение полотна в порядок требовалось не более двух часов. Хуже было то, что поперек полотна лежали пара вагонов и паровоз. Очевидно, машинист паровоза, неведь как и зачем оказавшегося в зоне обстрела, не заметил повреждения дороги и состав сошел с рельсов. На устранение подобного препятствия Балк не рассчитывал, и в составе дивизиона крана не было даже на «Кулибине».

По такому случаю на полотне железной дороги лейтенант капитан-лейтенантского оклада, хотя уже почти капитан 2-го ранга — за подрыв стратегического моста, Балк имел тяжелый и сложный разговор со своим заместителем полковником Романовым.

— Михаил Александрович, давайте без эмоций, — в третий раз пытался воззвать к голосу разума своего «великого» заместителя, — кто-то должен не только отправиться на лошади за помощью в Артуру, но и привести ее. Кран на платформе и еще минимум полк, для организации нормальной обороны и медленного, а не панического отхода к Дальнему.

— Вот сами вы туда, Василий Александрович, и отправляйтесь!

— А кто будет организовывать оборону перешейка на голом месте одним неполным, кое-как обученным, собранным с бору по нитке полком против двух дивизий, вы? Точно сумеете? А может, Ржевскому приказать? Тогда хоть новый повод для анекдотов появится...

— Вы считаете, что я совсем ни на что полезное в боевой обстановке не способен? — начал тихо закипать Михаил, — и поэтому хотите меня отослать подальше от боя?

— Нет, я считаю, что каждый должен заниматься тем, что у него получается лучше, чем

у других. Нашу встречу с Алексеевым помните? Да если бы не вы, пришлось бы нам вместе Артура его драгоценную особу во Владивосток сопровождать всеми тремя бронепоездами. Только ваш авторитет и, уж простите за откровенность, принадлежность к царствующей семье (при этих словах Михаил досадливо поморщился), позволили нам заниматься тем, чем мы и должны заниматься на самом деле. А не будь вас с нами, вместо помощи Артуру были бы мы почетно-бесполезным эскортом. Вот в Артуре вам предстоит сделать то же самое, только не с Алексеевым, а с Фоком и Стесселем. С ними мне не справиться.

— А почему вы так уверены, что с организацией обороны справитесь лучше меня? — не собиравшись сдаваться без боя великий князь, — я все же сухопутный полковник, а откуда у вас, морского лейтенанта, взялись знания об организации «ротного опорного пункта»? Да и сам этот термин, который отнюдь не в ходу?

— Гм. Вас результаты учений нашей роты во Владивостоке не убедили? Мы тогда условный бой у целого батальона вроде как выиграли...

— Одно дело по воздушным шарикам и афишам отстреляться из пулемета, ^[79] а совсем другое по реальному противнику. Но выглядело впечатляюще, и траншеи этого вашего «полного профиля» тоже дело. Но вот ведь незадача, я у кого из морских офицеров не спрашивал — такому в Морском Корпусе не учат! — полез в бутылку Михаил, — или вы мне сейчас объясняете, где вы взяли все эти новшества, или можете в Артур отправляться сами, а я тут займусь СВОИМ прямым делом — организацией обороны перешейка.

— Слушайте, а получше времени для расспросов вы никак не могли найти? — устало спросил Балк.

— Некогда было, — отрезал Михаил, — а сейчас нам торопиться некуда, кроме как в Артур, вот мы и решаем, кому туда ехать.

— Да уж, такое бы упрямство да вашему брату, у которого вы пока что в наследниках... Ладно, только для проверки моего рассказа вам придется все же отправиться в Артур, там пока телеграф должен работать, запросите у Николая Александровича подтверждение.

— А почему это я ПОКА наследник престола? — оторопело от наезда на царствующую особу поинтересовался Великий Князь Михаил.

— Так у него через пол года сын родится, — усмехнулся Балк.

— Да откуда вы это можете знать, если даже я, его родной брат и первое лицо в списке престолонаследования, не в курсе, и почему именно сын, после стольких-то дочерей...

— Вот об этом я вам сейчас и расскажу, вот только настучу по любопытным ушам подслушивающего поручика Ржевского, которые уже пару минут торчат из-за тендера.

Через пол часа Великий Князь Михаил галопом неся в сторону Порт-Артура и сопровождении урядника Шаповалова. Хотя в составе бронедивизиона и была сотня казаков, лошадей удалось взять с собой всего шестнадцать, и от многочисленного эскорта Михаил отказался. В мозгу великого князя, в такт ударам его высочайшей задницы о седло билась только одна мысль. Его больше всего удивила и запала в душу даже не история Балка об источнике его неожиданных знаний, а ответ на заданный тому ехидный вопрос: «а как бы вы данное препятствие преодолели там, в вашем времени?». Усмехнувшийся Балк, вытащив карандаш и начав что-то чертить на броне паровоза, сказал, что он на прорыв шел бы хоть и за броней, но не по рельсам. Пока лейтенант спрашивал его высочество о знакомстве с гусеничным двигателем, двигателем внутреннего сгорания и прочими техническими новшествами, сам Михаил не мог оторвать глаз от рождающегося на закопченной броне наброска. Тройка башен, пара пулеметных и одна явно побольше, с пушкой, гусеницы,

охватывающие корпус — от всего этого веяло чем-то непробиваемо мощным.^[80] Как сквозь вату донесся голос Балка, что это в его мире называлось танком, что его концепция родилась в ходе Первой мировой войны, до которой осталось еще десять лет, и что «за этим будущее, Ваше Высочество, а бронепоезд — это вынужденная мера». Кроме этой конструкции Балк набросал и пару танков поменьше, отдалено напомнившие бы знающему человеку Renault FT-17 и что-то наподобие Т-26. Теперь, вспоминая эти рисунки, тщательно затертые Балком по окончании разговора, Михаил твердо решил, кто именно станет в России шефом нового вида войск. Если эти мини-бронепоезда и правда неуязвимы для пуль и не привязаны к рельсам, то...

Балк, оставшийся с бронедивизионом, был одновременно доволен и страшно на себя зол. С одной стороны, ему удалось убить одним выстрелом двух зайцев — он не только отправил ТВК (как он про себя для краткости называл Михаила) из зоны боевых действий, где шальные пули не делают скидок на чины и происхождение, но и зародить в том интерес к новым методам ведения войны. На помощь со стороны Порт-Артура Балк, знакомый с характеристиками Фока и Стесселя, особо на самом деле не рассчитывал, и уже начал работать над устранением паровоза с насыпи «подручными средствами».

Один из бронированных вагонов был по крышу забит пироксилиновыми шашками, пожарными шлангами и детонаторами, с помощью которых Василий планировал разнести на части блокирующий фарватер «Фусо» накладными зарядами. Теперь часть этого с трудом выцарапанного с флотских складов добра придется потратить на «расчленение» блокирующих путь паровоза и вагонов. Василию ни к селу ни к городу вспомнилось, какую сцену устроил ему Петрович, которому какие-то «доброжелатели» донесли, что лейтенант Балк вывез со складов флота весь запас пожарных шлангов. Ну кто мог подумать, что у адмирала Руднева были планы удвоить количество пожарных шлангов на всех кораблях? Хоть бы предупредил, а так пришлось сначала объясниться на повышенной громкости, а потом и поделиться...

С другой стороны, объяснение со вторым лицом в государственной иерархии прошло на бегу, совсем не так, как было запланировано, и если за безопасность самого Михаила он теперь был спокоен, то судьба всего бронедивизиона сейчас висела на волоске. Стоит только японцам организовать и начать полномасштабное наступление до завтрашнего вечера, и придется взрывать ВСЕ поезда со всем грузом и драпать в пешем порядке. Надо будет потом в Артуре, если доживем до него, смонтировать на передней платформе кран помощнее или хотя бы лебедку с выносной балкой. Век живи — век учись.

До полуночи Балк успел разослать роты и полуроты на выбранные им позиции для оборудования опорных пунктов, четыре парных дозора казаков в направлении японских войск и обернуть паровоз парой шлангов со взрывчаткой — взрыв отложили до рассвета. Ночь прошла в снятии с бронепоездов пулеметов и пушек Барановского и перетаскивании всего этого богатства на спешно готовящиеся позиции.

Утром его ждал первый приятный сюрприз — со стороны Артура потянулся куций ручеек подкреплений. Подошедшая первой полурота, еще позавчера бывшая полнокровным батальоном, была с пол дороги развернута Михаилом. На вопрос не спавшего всю ночь Балка: «что же заставило православное воинство прекратить драп и вернуться», командующий полуротой штабс-капитан ответил, что когда его ставят перед непростым выбором, он выбирает меньшее зло.

— А конкретнее?

— Ну, видите ли, господин лейтенант, когда есть и приказ генерала Фока «отходить к Артуру на линию фортов», и просьба Великого Князя наследника престола Михаила Александровича, который галопом проносится мимо, «всех, кто меня уважает и кому не безразлична судьба России — прошу вернуться на позиции и поддержать бронедивизион „Варяг“»... — я как смог попытался выполнить оба. Отправил всех раненых с сопровождением, а это вышло больше половины личного состава, а сам с наиболее боеспособными солдатами и остатками боеприпасов, как видите, вернулся. Не совсем понимаю, откуда вы тут вообще взялись и почему Великий Князь приказал вам во всем подчиняться... Но, в любом случае, какие будут приказания?

— Люди у вас до предела измотаны, как я вижу. Сначала марш к Артуру, потом, с пол дороги, обратно... Первое приказание — всем по вагонам, найти там места потише и выспаться. А мы с вами прогуляемся до ближайшего опорного пункта, я вам покажу ваши позиции, их как раз сейчас оборудуют, и представлю вам приданных вам пулеметчиков.

— У вас и пулеметы имеются? — удивился штабс-капитан, — богато, однако, флот живет... У нас ни одного не было, потому, наверное, японцы нас и сбили с позиций... А до какого пункта мы прогуляемся, простите?

— Опорного, это как кость в скелете обороны. А по пулеметам — на каждый корабль первого ранга по паре приходится, в смысле — приходилось. Кораблей таких во Владивостоке сейчас пять, а толку от пулеметов на них в морском бою — ноль. Плюс со складов, плюс армейцев в городе разоружили, — разъяснил Балк, — еще с Питера успели почти две дюжины прислать... Итого мы в Артур везли сорок три Максима, причем на облегченных станках, потом увидите. Правда, при прорыве пять повреждены, точнее, четыре просто заклинило, сейчас ремонтируются; а один и правда того — восстановлению не подлежит, сбит с крыши вагона шрапнелью. Патронов к ним — целый вагон. Но все одно, нам бы еще народу поболее, и с артиллерийской поддержкой БеПо — теперь нас так просто не скovyрнуть.

— Вы думаете в чистом поле остановить две дивизии японцев, которых поддерживают три сотни орудий?

— Было всего двести орудий, господин капитан, и правда было. Мы при прорыве немного пошалили, — плотядно усмехнулся одной стороной рта Балк, и много выдавшему на своем веку штабс-капитану почему-то от этой усмешки стало немного не по себе, — двадцатка орудий стояли в виду насыпи, и за их уничтожение я вам ручаюсь. Пулеметный огонь, он, знаете ли, на дистанции прямой наводки поэффеkтивнее орудийного — в зоне прямой видимости как метлой сметает. Что мы там наворотили огнем артиллерии по пушкам на сопках и за ними — одному Богу известно, времени посылать казаков на проверку не было. У меня всего-то шестнадцать лошадей на три бронепоезда. Да и, судя по тому куцему обстрелу, которому подвергался мой БеПо — боеприпасов у японцев тоже почти не осталось.

Как будто оспаривая слова лейтенанта, после противного свиста в километре от бронепоезда разорвался снаряд. В ответ после недолгой паузы отозвались пару гаубиц «Ильи Муромца». Начинался новый день...

Первая попытка японцев организовать продвижение в сторону Артура провалилась полностью и с большими потерями. Подпустив колонны передового японского полка на пол версты, с расположенных в стороне от дорог высот из замаскированных огневых точек разом ударили несколько пулеметов. Попытка развернуть фронт и атаковать пулеметную позицию

рассыпным строем была пресечена огнем во фланг цепи второй группы пулеметов, стоящих в окопах на обочине дороги. Причем они любезно молчали, пока японские цепи не подставились под фланговый огонь. Попад в огневой мешок, японцы в беспорядке отступили. Следующие попытки нащупать обход пулеметных позиций раз за разом натыкались на плотный огонь. Теоретически, пулеметы можно было бы подавить артиллерией, но снаряды еще надо было доставить из Кореи. Собранные с бору по сосенке полсотни снарядов пропали вместе с выдвинутой на прямую наводку батареей — стоило ей занять позиции и начать обстрел, как на перегон вылетели два бронепоезда и перемешали орудия и расчеты с землей орудийным и пулеметным огнем.^[81] Пришлось снова просить японский флот прислать канонерки для обстрела русских позиций с моря, но тем сначала пришлось пополнять боекомплект, и свое веское слово они смогли сказать только через три дня.

За эти дни к Балку россыпью подошли около четырех батальонов, три батареи полевых и пара морских шестидюймовых орудий с расчетами и главное — кран на железнодорожной платформе, что позволило растащить обломки взорванного паровоза и провести наконец эшелоны с грузом в Порт-Артур. Прибывший с морскими орудиями мичман Лисицин с «Ретвизана» принес слух о якобы разбитом «высочайшей дланью» носе Фока, отказавшего было Михаилу в выдвижении войск обратно на перешеек.

Авторитет и популярность «товарища Великого Князя Михаила» в армии и на флоте стремительно росли. Этому способствовало и отбитие второй попытки штурма русских позиций японцами под его руководством. Сам Балк к этому моменту отбыл в Артур на поезде, ему надо было отвезти в госпиталь Ветлицкого, поймавшего в грудь шальной осколок, и заняться наконец главным делом, ради которого он и прорывался в Артур — подрывом «Фусо».

В короткой, на бегу, беседе, когда Михаил сходил с прибывшего из Артура поезда, а Балк в него загружался, Василий поинтересовался, с чего это Его Высочество снизошел до рукоприкладства.

— Да пальцем я этого Фока не трогал, — явно не в первый раз отмахнулся от Балка Великий Князь, — просто он столь активно не хотел высылать подмогу на перешеек, а потом все порывался вместо дела устроить празднования и молебны в честь моего прибытия, что я и правда вышел из себя. Ну, пару не слишком подходящих выражений употребил. Короче — старик перенервничал, и у него кровь носом пошла... Уже надоело это всем объяснять. Я уже на клинке три раза, три раза клялся что пальцем этого жандармского гения не трогал. Ну и что толку? Времени нет каждого переубеждать.

— Да к тому же и бесполезно, уж больно легенда выходит красивая, молодым офицерам это, кстати, даже нравится, ворчат только те, что чином повыше, — пробормотал Балк, — давайте лучше повторим, как вы тут без меня будете неделю обороняться. Пункт за пунктом, как мы по дороге планировали, с минимальными потерями и максимальным ущербом. Отходить — можно и нужно...

— Но бежать запрещается, — с улыбкой закончил за Балка Михаил, — отчего же не повторить...

Михаил оказался прилежным и способным учеником, и командовал обороной, не испортив ничего из задумок и планов Балка. Пулеметчики дисциплинированно молчали и открывали огонь в упор. Артиллерийская поддержка пехоте оказывалась исключительно огнем полевых батарей, и появление пары морских орудий^[82] для японских канонерок и

авизо, обстреливающих русские позиции, стало неприятной неожиданностью. Канонерская лодка «Осима» после этой неожиданности встала в док на пол года, а старый крейсер «Сайен» отделался текущим ремонтом. Для самих русских самым неожиданным стало то, что после успешного отражения очередного штурма Михаил приказал всем обороняющимся войскам отойти на две версты и зарыться в землю на новой цепочке высот. Возникший было в войсках ропот по поводу бессмысленного оставления одних позиций и оборудования новых прекратился через два дня. С рассветом на пустые позиции, бурную деятельность на которых имитировали команды охотников, обрушился ливень японских снарядов. Японские артиллеристы, дождавшись наконец нового транспорта со снарядами, торопились отыгаться за вынужденное недельное бездействие. Однако их усилия и с трудом доставленные боеприпасы пропали даром — атакующую японский пехоту снова встретил плотный пулеметный огонь, но уже на две версты ближе к Артуру. Более того, выскочившие на прямую наводку бронепоезда сильно ускорили отход японцев, превратив его в бегство. Впрочем — японцы ученики способные, и «Добрыня», получив три снаряда с замаскированных на прямой наводке орудий, уполз в Дальний на ремонт.

На новой позиции все повторилось по примерно той же программе. Учитывая, что все снабжение японской армии велось исключительно силами китайских носильщиков-кули и подводами на быках, темпы наступления на Порт-Артур обещали стать воистину черепашьями. А чтобы еще более это усугубить, Михаил, пользуясь отсутствием сплошного фронта и наличием подтянувшихся наконец из Артура казаков, отправил в тыл к японцам партию охотников под командованием полковника графа Келлера.

Пока Михаил геройствовал на перешейке, Балк (минно-взрывной курс спецназовца-диверсанта ГРУ сдан с оценкой хорошо) с помощью водолазов за пять дней спеленал и туго обернул «Фусо» пожарными шлангами с взрывчаткой. В момент наивысшего прилива, мысленно выматерившись вместо молитвы, Балк под скептическими взглядами Стесселя и свиты (которой молодой выскочка, которому почему-то заглядывает в рот наследник престола, активно не нравился) и с благословения Макарова провернул рукоятку взрывной машинки. Полторы тонны взрывчатки никак не могли выбросить из воды или хотя бы сдвинуть с фарватера три с лишним тысячи тонн металлолома. Но правильным образом расположенные и прижатые к бортам корабля, они разорвали старый броненосец на куски по сто-триста тонн весом, которые уже реально было оттащить подальше лебедками и буксирами. После обследования результатов взрыва водолазы разочаровано потянули, что куски все равно слишком большие и ломать их придется не менее трех месяцев. После отбытия злорадно усмехающегося Стесселя, водолазы «поправились». Теперь по их словам выходило, что теперь разблокировать гавань можно в течении трех недель, максимум пяти.

После последовали объяснения Василия недоумевающему Макарову, что всей свите коменданта крепости знать о точном сроке разблокирования фарватера вредно. Балк получил по спине могучий хлопок от двоюродного брата, сбивший его с ног, и благодарность от Макарова. Отвязавшись от обеда в его честь, чем заработал удивленно-довольный взгляд от адмирала, Балк рванул в госпиталь проведать Ветлицкого. Из госпиталя герой дня планировал отправиться обратно на перешеек, однако в храме Гиппократы его ожидала совершенно непредвиденная задержка...

Госпиталя в России всегда были магнитом для молодых девиц из хороших семей. Ну где еще уместно искать себе партию приличной девушке, если не среди героев, проливших кровь за отчизну? А уж молодой красавец-поручик со знаменитого на весь Артур бронепоезда, на

котором в уже осажденную крепость как рыцарь на белом коне прорвался на помощь подданным сам наследник престола! В общем, такого обилия женского внимания поручик Ветлицкий не испытывал никогда. Никакие объяснения, что сам он был приписан к бронепоезду «Алеша Попович», который прикрывал отход, тогда как Товарищ Великий Князь был за четыре версты, на головном «Добрыне Никитиче», не могли прервать просьбы описать геройские подвиги Его Высочества. «А почему поручик называет Великого Князя своим товарищем?» — мгновенно следовала пулеметная очередь следующего вопроса. Когда в дверь палаты, разорвав кольцо девиц, ворвался Балк, Ветлицкий встретил его как избавителя.

Кольцо прелестных надушенных головок, мгновенно оставив Ветлицкого, сомкнулось вокруг Балка, у которого почему-то сразу всплыла в голове забавная картинка. Однажды на охоте он, отстав от товарищей, был окружен стаей волков, те тоже перемещались слажено, быстро, но без лишней суеты... Мотнув головой, чтобы отогнать столь странную ассоциацию, Балк принялся куртуазно раздавать комплименты и давать уклончивые и подобающие ответы на заданные с придыханием вопросы. Балк был в своей среде и наслаждался приятным обществом.

— Лейтенант, но почему вы не остались во Владивостоке, на «Варяге»? Это ведь самый героический корабль нашего флота? — раздался очередной вопрос из щебечущей стайки поклонниц.

— Мне скучно, бес! — как не раз и в своем времени, и уже в этом, во Владивостоке, ответил на подобный вопрос Балк. Но тут привычное течение беседы — после такого признания обычно следовали восхищенные вздохи женской половины слушателей, и можно было подсекать подходящую жертву — было нарушено.

Из дальнего угла палаты, где в тяжелом забытье лежал позабытый всеми мичман с «Баяна», раненый еще во время рейда на японские транспорты, раздался глубокий, уверенный и насмешливый девичий голос. Поившая мичмана девушка, до сих пор не не обращавшая на героя дня никакого внимания, внезапно решила поучаствовать в беседе:

Что делать, Фауст?
Таков положен вам предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зеваает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты. [\[83\]](#)

— Сухая шутка, — машинально пробормотал себе под нос пораженный Балк, и довольно невежливо отодвинув с дороги обступивших его девиц, направился в декламатору.

Из угла на него из-под платка и копны кое-как уложенных рыжих волос смотрела пара голубых, нет, синих, нет — ярко-васильковых глаз. Герой войны, взявший на абордаж

броненосный крейсер, подорвавший мост, построивший бронепоезд и прорвавший на нем кольцо окружения, только что разблокировавший гавань Порт-Артура лейтенант, без пяти минут капитан второго ранга Балк был поражен в самое сердце, и тонул, тонул в этих глазах... «Похоже, что Великому Князю Михаилу придется самостоятельно покомандовать еще пару дней, война подождет», — мелькнула в голове Балка странная мысль.

***ИЗ ЗАПИСОК ВОЛЬНООПРЕДЕЛЯЮЩЕГОСЯ АНТИПОВА, СОСТОЯЩЕГО
ПРИ ОТРЯДЕ ПОЛКОВНИКА ГРАФА Ф. А. КЕЛЛЕРА***

«Русский инвалид», номер от 29 ноября 1904 года

Полковник Келлер внимательно рассматривал в бинокль дорогу на Бицзыво, по которой двигались цепочки китайских кули под конвоем японских солдат. Очередной транспорт с боеприпасами для 2-й японской армии разгрузился...

Да, японцы с нетерпением ждали прибытия именно этой колонны — китайцы, упираясь изо всех сил, волокли на себе и в арбах винтовочные патроны, снаряды к 12-см гаубицам Круппа и 7,5-см пушкам Арисака. Изредка, кроме носильщиков и бурлаков, попадались и группы тяжелогруженных арб, которые тянули впряженные по пять-шесть бурые мулы, серенькие невысокие лошадки и крохотные ослики.

«Уо-уо!» — кричали погонщики-китайцы. Японские солдаты, распределившись по-отделенно вдоль колонны, тщательно вглядывались в окружающие горные склоны, кусты и купы деревьев. Они уже слышали о новой русской выдумке — внезапных налетах русских «kazak»-ов и кавалеристов, обстреле колонн с разгоном местных носильщиков и захватом или уничтожением так необходимого сражающейся на Цзиньжоу 2-й армии имущества. При этом даже меры охранения помогали не всегда. Именно поэтому столь важный груз сопровождал целый батальон, два эскадрона кавалерии, да еще и с горным оружием. Дозоры, возглавляемые младшими офицерами, должны были заранее предупредить о засадах. Впрочем, большая протяженность колонны не позволяла осуществить ее плотное прикрытие.

Но японцам не повезло. Китайские «доброжелатели» уже донесли до русских весть о приходе в Бицзыво транспортов с боеприпасами, счастливо избежавших внимания русских вспомогательных крейсеров из Владивостока и миноносцев из Артура. И поэтому на пути колонны засели в засаде не только две сотни забайкальских казаков, но и пластуны из охотничьих команд, собранные из бывшей пограничной стражи... Поговаривали что Великий Князь Михаил чаще просто озвучивает подсказанные ему этим странным и знаменитым молодым моряком — Балком, решения. Но только за спиной и только вполголоса..., поскольку и князь, и лейтенант были известны своими решительными характерами и владением оружием. Не зря первый носил кличку «Фокобойца», а второй — второй имел уже несколько кличек, среди из которых была «Хана чиновникам». Правда, Келлеру с Балком лично пока встречаться не довелось. Но среди казаков был один из отряда Балка — забайкалец хорунжий Федор Каргин. И его рассказы о

делах Балка заставляли задуматься — не хвастает ли казак, преувеличивая, как обычно свойственно охотникам и путешественникам в их рассказах. Впрочем, множество других свидетелей утверждало об истинности таких рассказов. Размышления графа прервал звук, сильно напоминающий звук рвущегося полотна, только более громкий, и суховатый. Треск Максима возвестил, что в засаду попал передовой японский дозор. Одновременно появился посыльный от казаков с сообщением об уничтожении взятых «в ножи» боковых дозоров японцев в предгорьях. Начало боя шло точно по плану. Японская пехота стремительно собираясь во взводы и роты, оставляя лишь небольшое охранение, двинулась вперед. За нею устремился расчет с орудием. В этот момент выстрелы мосинских винтовок и треск трех пулеметов раздались уже с левого фланга практически на всем протяжении колонны. Расстреливаемые почти в упор японцы заматались, теряя людей, в первую очередь офицеров и всякое подобие порядка. Хаоса добавляли разбежавшиеся китайцы, оружие ослики и горящие китайские арбы, а также взрывы импровизированных ручных гранат, которыми были вооружены пластуны. Под прикрытием огня засады несколько взводов пластунов и группы казаков атаковали японских кавалеристов. Часть из них попыталась принять бой в конном строю, но была рассеяна лучше владевшими холодным оружием русскими. Остальные рассыпались в разные стороны, еще больше увеличивая беспорядок в колонне. Лихим броском один из взводов захватил группу повозок в центре колонны, и угрожая китайским погонщикам оружием, погнал ее в предгорья. Позднее, описывая этот бой, русские не без удовольствия отмечали, что взвод захватил повозки со 120-мм гранатами и зарядами к гаубицам Круппа, пополнив таким образом боекомплект бронедивизиона «Варяг».^[84]

Ничем не помогло японцам и горное орудие. Его расчет был практически выбит в первые же минуты обстрела, а затем подобравшиеся по-пластунски к орудью казаки Платон Веслополов и Федор Каргин подорвали его динамитными шашками. Уцелевшие японцы еще не успели как следует организовать сопротивление, а русские уже прекратили обстрел и отошли в горы. Отступившие остатки передового дозора обнаружили горящие и взрывающиеся арбы, убитых и раненых соотечественников и китайцев. Большинство же китайских носильщиков и погонщиков разбежалось. Валялись брошенные ими тюки с патронами и рисом, брошенные в панике улы,^[85] носились перепуганные ослики, мулы и лошади, звуковую какофонию из криков раненных, взрывов и треска огня дополняли ужасные вопли раненных животных. Японские потери были огромны. Почти все артиллерийские боеприпасы, огромное количество патронов, около четырех сотен убитых и раненных пехотинцев, до эскадрона кавалерии и горная пушка — все это дополнялось разбежавшимися китайцами — носильщиками и погонщиками, большинство из которых не удалось снова поставить в строй, и усилением кризиса с боеприпасами во 2-й армии. Попытка собранных в отряд кавалеристов отбить захваченные повозки с боеприпасами тоже закончилась ничем — пустые арбы стояли недалеко от места засады и, судя по следам, снаряды были увезены на повозках, запряженных более выносливыми русскими лошадьми. К тому же около места перегрузки кавалеристов ждал сюрприз в виде «самовзрывающегося фугаса» из нескольких шашек динамита, камней и натяжного взрывателя. Зацепив

протянутый среди травы тросик, передовые всадники вызвали подрыв. По обезумевшим лошадям и скидываемым кавалеристам снова щедро и густо прошлись пара пулеметов, установленных на повозках. Понеся потери, японцы благоразумно решили больше не рисковать и вернуться к основным силам. А спустя месяц в синематографе «На Невском» в Санкт-Петербурге при полном аншлаге показывали документальную фильму «Разгром японской колонны снабжения отрядом полковника графа Ф. А. Келлера».

Санкт-Петербург. Апрель — май 1904 года.

Рабочие Кронштадтского порта снова вяло и нудно бастовали. Поводом послужила очередная задержка с выплатой сверхурочных, а причиной — общее состояние брожения умов в стране. На конкретном предприятии сие брожение успешно подогревалось шныряющими тут и там субъектами, которые разносили интересные идеи и еще более интересную жидкость с сивушным запахом. В результате — срок ремонта броненосцев отряда Чухнина, вернувшихся из Порт-Артура для ремонта прямо перед войной,^[86] снова отодвигался в светлое будущее. Командующий ремонтом вице-адмирал Бирилев для недопущения срыва сроков ремонта, постоянно сокращал списки необходимых работ.^[87] Подрядчики все рангов и мастей относились к выполнению своих обязанностей и обязательств еще более наплевательски, чем рабочие. Для них главной заботой было — урвать как можно больше на срочном военном заказе. Впрочем и само Морское ведомство тоже отличилось — когда в марте в ответ на рапорт главного корабельного инженера Санкт-Петербургского порта Д. Г. Скворцова о необходимости форсирования работ, выдало что «постройка и ремонт кораблей эскадры должны производиться только в строгом соответствии с утвержденными планами и сметами, так как на ускорение работ не отпущено никаких новых или дополнительных кредитов, а посему никакие сверхурочные работы не могут быть допущены».^[88] Но в этот морозный день начала апреля на заводе имело место пришествие богов, в результате которого все пошло по другому.

Первым знаком того, что стачка пошла как-то не так, стал вбежавший в ворота цеха, где сонно митинговали рабочие, молодой пацан-уборщик. Он бежал с такой скоростью, что кажется обогнал собственный крик «Матросы»!!! Выглянувшие из ворот работяги с удивлением увидели четкую, как на параде, колонну военных, которые, печатая шаг, шли в их сторону. В резко наступившей тишине стала слышна строевая песня, сопровождаемая слитными ударами сапог по земле. Когда войска, численностью до батальона, приблизились, стало видно, что к заводу направляются матросы гвардейского экипажа. Подойдя к проходной на расстояние ста метров, строй разделился на две шеренги и замер. Между шеренгами, застывших с винтовками на караул, показался экипаж, запряженный четверкой лошадей. Из кареты упруго выпрыгнул некто в форме морского офицера и пружинящей походкой старого морского волка направился к заменявшему трибуну верстаку. Никто из толпы рабочих, косящейся на замерший строй моряков и их винтовки с примкнутыми штыками, не рискнул его остановить. Одним прыжком взлетев на помост и плечом отодвинув подавившегося на полуслове оратора незнакомец громко и четко начал.

— Добрый день, господа. Разрешите представиться, коллежский советник Банщиков, второй врач с крейсера «Варяг».

По толпе рабочих пронесся уважительный ропот, из которого однако явственно выделилось и язвительное «новый царский любимчик». Усмехнувшись Вадик мгновенно как в фехтовальном поединке отпарировал:

— Я вам представился, а вот с кем я имею честь беседовать господин... — и после

оставшейся без ответа паузы: — Настолько храбрый что может оскорблять других только в спину?

Этого вынести агитатор партии Социалистов Революционеров Яков Бельгенский уже не мог. Оставь он это без ответа, с трудом заработанному на заводе авторитету пришел бы конец. Взлетев на верстак в противоположном конце цеха он повернулся к наглому офицеришке лицом.

— Я сказал «новый царский любимчик», и пусть меня теперь арестуют жандармы!

По цеху пронесся одобрителный гул.

— Теперь слышу слова не мальчика, но мужа, — весело отозвался со своей «трибуны» Вадик, — если в цеху и правда есть хоть один жандарм — прошу, не трогать этого молодого человека. Это говорю Я — «новый царский любимчик». А чем интересно вам не нравится факт появления НОВОГО доверенного лица у Николая Александровича? Всему двору (это слово Вадик сказал как выплюнул) я поперек горла за то, что упрямил Николая Александровича заняться наконец его прямым делом — наведением порядка в государстве Российском. А вам-то я чем не угодил? Или к вас тоже, как у Безобразовской клики, подряды в Корее есть, за которые я призываю его величество не вести абсолютно не нужной России долгой войны?

— Тем что вы явились сюда агитировать нас «усердно работать» на благо прогнившего царского режима за гроши, которые нам к тому же не платят, — болезненно отреагировал на смешки своих товарищей рабочих Яков. Смех сменился одобрителными выкриками — «Яшка давай!».

— Я-то сюда как раз явился разобраться почему за честно отработанные сверхурочные рабочим не выплачивается достойное вознаграждение, — мгновенно отозвался Банщиков. — Более того. Пока будет идти разбирательство между морским ведомством и новым руководством завода, все расчеты за сверхурочные будут производиться еженедельно именными царскими чеками. Подсчет сверхурочных, я думаю, надо возложить на специально выбранный из состава рабочих комитет.

— А почему новое руководство завода? — раздался вопрос из толпы призадумавшихся рабочих.

— Все старое руководство находится под следствием в Петропавловской крепости, по обвинению в срыве заказа Морского министерства на ремонт броненосцев русского флота, — сказал как отрубил Вадик, после этого он наклонился к толпе и продолжил в стиле Ленина и Гитлера, — пока наш флот на Дальнем Востоке отчаянно нуждается в подкреплениях, эти негодяи намеренно затягивали ремонт, надеясь удвоить свою прибыль. Я предложил Николаю Александровичу ввести на казенных заводах, работающих на армию и флот, новое управление и прямую оплату из личных царских средств. Отныне, сверхурочные оплачиваются в полуторном размере, и еженедельно именными царскими чеками.

Радостный гул рабочих был прерван следующей фразой неугомонного доктора.

— Но только за работу без брака. Если кто-то приклепает лист брони так, что тот готов будет отлететь при первом попадании, то он фактически работает не на Россию, а на Японию. Вот пусть в Токио за зарплатой и отправляется. То же самое относится и к инженерам и поставщикам материалов. Если кто то из вас, заметит что на верфь доставили некачественные материалы — ни в коем случае их не используйте, немедленно сообщите об этом военному представителю, и премия вам гарантирована. Так же, как гарантированно судебное разбирательство и тюрьма тому, кто эти материалы завез.

— Я не понял, ваше благородие, — раздался ехидный вопрос со второго верстака, — так вы за продолжение войны или за ее скорейший конец? Совсем заврались что-то...

— Яша, если я вам сейчас за ваши слова дам в морду, вы сопротивляться будете, или к полицмейстеру и маме жаловаться побежите? — спросил у поднадоевшего ему оппонента лекарь.

— Вы, вы... — немного не привыкший к такому способу ведения дискуссии Яков, изрядно раззадоренный ржанием товарищей, не сразу нашел подходящий ответ, — только попробуйте! Тогда узнаешь, держиморда царская, душитель свободы!

— Отчего же душитель-то, напротив — вполне свободно готов с вами на кулачках обсудить все наши разногласия, — под все более громкий хохот работяг отозвался довольный Вадик, — но если серьезно... Вот вы, естественно, готовы дать сдачи. А почему вы России отказываете в такой возможности? На Россию напали, что еще нам остается делать? Да, я считаю — нам не нужна Корея, и воевать за нее — глупо. Но и сдаваться без боя на милость Японии тоже как-то уж слишком... Нам надо победить Японию с минимальными потерями русских солдат и матросов. Или просто сделать продолжение войны для нее слишком невыгодным. И только после этого, Россия может предложить мир. Не как побежденная сторона, об которую потом весь мир будет вытирать ноги, а как милостивый победитель. Если кто-то не желает честно и без брака работать на победу России по двенадцать часов в сутки, из которых четыре часа будут оплачиваться по полуторной ставке — уходите сейчас. Кто желает — сейчас же начинайте. Перед нами стоит сейчас почти невыполнимая задача — через шесть недель в море должны выйти «Александр» и «Сисой Великий» и «Владимир Мономах». Последние два корабля нуждаются в капитальном ремонте, который пока ведется кое-как. После этого работы будут перенесены на достраивающиеся «Орел», «Бородино», «Князь Суворов» и «Олег» с «Изумрудом». Кроме этого, во второй отряд должны войти и «Наварин», «Нахимов» и «Николай 1-й», а их надо еще перевооружить новыми орудиями, куда влезут... Короче, работы много и хватит на всех и надолго. Скажу больше, ее настолько много, что сюда сейчас эшелонами везут рабочих со всех черноморских верфей, и работы будут вестись в две смены, без выходных. Если вы хотите быть частью этого, хотите чтобы вам было что рассказать своим детям, хотите заработать и помочь России выиграть эту войну — принимайтесь за работу. Если вам на Россию наплевать — чтобы духу вашего больше на заводе не было с завтрашнего дня!

— Вы тут все нам красиво напели, а как дойдет до дня расчета, кто нам гарантирует, что мы эти полуторные деньги получим? — не унимался Бельгенский, на глазах которого шли прахом результаты трехмесячной работы, — кто нам гарантирует, что мы вообще хоть какие-то деньги в срок получим, а не как в этот раз?

— Я гарантирую, — раздался вдруг от ворот цеха не слишком громкий, но чрезвычайно властный голос.

Обернувшиеся на голос рабочие с повергающим в оторопь удивлением увидели в воротах цеха Императора и Самодержца Всероссийского, Царя Польского, Великого Князя Финляндского и проч., и проч., и проч. Впрочем, вся эта мишура титулов сосредотачивалась в одном человеке — Николае Александровиче Романове. Авторитет царя еще не был подорван поражением в войне, первой революцией и даже те рабочие, что с удовольствием за глаза называли его «Царскосельским сусликом», сейчас, перед лицом императора несколько растерялись. Уверенно, в сопровождении всего лишь четырех гвардейцев (лучший

стрелок Преображенского полка, залезший на подъемный кран и взявший, на всякий случай, на прицел растерявшегося агитатора, остался за кадром), Император прошел сквозь расступающуюся толпу к верстаку, с которого вещал Банщиков, и подал ему руку, за которую тот рывком втащил самодержца наверх. Царь повернулся к честному народу и произнес.

— Господа рабочие. Я гарантирую вам, что все работы по подготовке кораблей к отправке на Дальний Восток до окончания войны будут оплачены сразу и без проволочек. Я повелеваю, чтобы отныне на всех казенных военных заводах все сверхурочные оплачивались в полуторном размере. Я пове... — на этом месте царь запнулся, а Вадик напрягся — кажется Николай забыл выученную речь, или снова переменял точку зрения, на что он был горазд, но оказалось Его Величество импровизировал, — я не могу приказать вам, господа, работать по двенадцать часов. Я могу только просить вас об этом. Но когда вы будете принимать решение, не забывайте, что ваш лишний час на работе, может спасти жизнь какому-нибудь матросу там, в Порт-Артуре.

— Кроме этого, — продолжил царь, переждав бурю восторга вызванную его первым заявлением, — я пришел к выводу, что действующая в России на настоящий момент система управления и законодательства устарела. И сейчас, перед вами, работающими на победу России, обещаю, что после победы над Японией я созову Государственную Думу, которая и должна будет разработать проект новой конституции. Все же Россия слишком большая страна, чтобы ей мог управлять всего один божий помазанник без помощников.

После этих слов Вадик наконец-то выдохнул, и расслабился — «случайно» оказавшиеся на заводе журналисты зафиксировали слова императора, и в утренних газетах они разойдутся по всей России.

Первые два месяца долгое и упорное капание на мозги Николая Второго по поводу необходимости созыва Думы и принятия конституции никак не приносило результата. Кроме попыток изменить мировоззрения царя Вадика приходилось координировать игру на бирже, продавливать просьбы и заказы своих товарищей через инстанции, и следить за перестановками в командовании армии и флота. Каждый божий день хронический недосып накапливался и когда он достиг критической массы у доктора элементарно сдали нервы. Тогда, во время очередной «беседы без свидетелей», хронически невыспавшийся Вадик излагал, что случилось во время Русско-Японской войны в его мире, и как этого не допустить. Хорошо отдохнувший и погулявший с утра по парку Николай его, как всегда, очень внимательно слушал. И как обычно, после выслушанного стал излагать, что следует делать, ни на йоту не изменив ни одного своего решения по сравнению с известной Вадика историей. Внезапно терпение слушателя императора, далеко, кстати, не самая ярко выраженная черта характера Вадика, иссякло. Он схватил со стола хрустальную пепельницу и от всей души швырнул ее в стену. После этого в наступившей мертвой тишине раздался странно шипящий голос Вадика. У него вместе с крышей сорвало и предохранительные клапана, которые до сих пор охраняли самодержца от самых неприятных моментов истории будущего.

— Ваше пока еще величество, вы можете делать все, что вам захочется, но когда вы это делали в моем мире, то плохо кончили. И не только вы, всей вашей семье пришлось расплачиваться за вашу полную неспособность управлять Россией в критический момент. Вы помните, я вам говорил, что ваш сын дожил до тринадцати лет? Знаете, почему только до тринадцати? Да потому, что те самые революционеры, которых вы всерьез не воспринимаете и планируете разогнать одним полком гвардии, в семнадцатом году придя к

власти, расстреляли не только вас, но и всю вашу семью!

На Николая Второго, который искренне любил своих дочерей и жену, было жалко смотреть. В одно мгновение из уверенного в себе человека и государя крупнейшей в мире страны он превратился в жертву своего самого страшного кошмара. Но Вадик, намертво закусив удила, больше не намеревался щадить чувства и самолюбие самодержца.

— В подвале дома купца Ипатьева в Екатеринбурге в вас и ваших домочадцев сначала выпустят по барабану из револьвера, а потом тех, кто будет еще жив — от корсетов дочерей пули из «наганов» будут рикошетить — добьют штыками...

— Прекратите, — слабо прошептал Николай, но Вадик уже не слышал ничего, его понесло.

— Потом, чтобы тела не опознали, на лицо каждого выльют по банке кислоты, а сами лица разобьют прикладами винтовок.

— Пожалуйста, перестаньте, — слабо и тщетно взмолился Николай.

— Останки потом будут сброшены в шахту в тайге, где их найдут только в девяностые годы. А сама Россия, проиграв гораздо более серьезную войну, чем Русско-Японская, на пять лет скатится в братоубийственную гражданскую!

— Хватит!!! — уже не шептал, а кричал Николай.

— Зато можете радоваться, вас потом канонизирует и станете вы великомучеником Николаем, — с убийственно-злым сарказмом продолжал крушить хрустальные замки царя Вадик, — за такое и всю семью подвести под расстрел не жалко, не так ли, Ваше Величество? Оно того точно стоит...

— Не надо, пожалуйста, не надо!!! — у Николая началась первая в зрелом возрасте истерика.

— Не надо? Так а я-то тут при чем? — удивился Вадик, — я-то ничего, что к этому привело, не сделал. Меня тогда еще вообще не было, не родился я. Даже родители моих бабушек и дедов еще не встретились. Вас, Николай Александрович, простите, в МОЕМ (выделил голосом Вадик) мире, не поддержал НИКТО. Вы умудрились, пытаетесь угодить всем, наступить на мозоль каждому. Даже дворянство и малограмотные крестьяне, которые сейчас на вас молиться готовы, через тринадцать лет пошлИ против вас. И при известии о вашей гибели больше злорадствовали, чем горевали. И вы хотите повторения ЭТОЙ истории? Тогда можете продолжать в том же духе, а я, пожалуй, перееду в Новую Зеландию, там-то в ближайшие полвека будет тихо, на мой век хватит...

— А что, еще что-то можно изменить? Ведь это в вашем мире уже было? Может, это свыше предопределено, — подавлено отозвался Николай.

— Хрена лысого что-то вообще может быть предопределено! — грохнул по столу кулаком лекарь Вадик (или Миша — он уже и сам запутался), — у нас и «Варяг» не прорвался, и Макаров на «Петропавловске» погиб на mine 31-го марта, а тут — все это уже пошло по другому!

— Так, может, тогда и подвала этого Ипатьевского дома не будет, если все уже пошло по-другому? — встрепнулся Николай.

— Ипатьевского, а не Иматьевского. А вот это уже только от вас зависит, ваше величество, — не стал слишком уж обнадеживать царя, способ управления которым он наконец, кажется, нащупал, Вадик, — кризис в обществе — он системный. И поражение в войне, которое избежать, кстати, довольно просто, это не его причина, а следствие. А то будет не Ипатьевский дом в Екатеринбурге, а, скажем, Мазаевский в Питере. Вам от такого

поворота истории правда станет легче? Надо не бороться с проявлениями кризиса, а искоренять его причину!

— А в чем же причина? — кажется, в первый раз за все царствование проявил интерес к делам своего государства хозяин земли русской.

— На данный момент ситуацией в стране недовольны все слои общества. Крестьянам хочется побольше земли, причем — задаром. Дворянам — уже прогулявшим выкупные платежи по Парижам и Баден-Баденам — побольше денег и продолжать ничего не делать при этом. Интеллигенции — побольше свободы, хотя они понятия не имеют, что это такое и с чем ее едят, и вообще, чтобы Россия стала Европой. Военным-идиотам — повоевать, тогда как военным умным — не делать этого ни в коем случае. Купцам, предпринимателям и банкирам — побольше возможности для зарабатывания, вернее, воровства. Нарождающийся класс рабочих, пролетарии, требуют принятия рабочего законодательства, которое защищало бы их права и не позволяло бы купцам, предпринимателям и банкирам их настолько явно обворовывать. И всем почему-то кажется, что вы и только вы должны все их и только их требования удовлетворить.

— Но как? Это же невозможно — угодить всем... — пролепетал Николай.

— Выберите тех, чьи требования кажутся вам наиболее справедливыми и невыполнение которых уж точно приведет к революционному взрыву. Но сразу вынужден предупредить — в «тот» раз вы сделали ставку на дворянство. Так что его я бы вычеркнул.

— А кто тогда остается, банкиры? — попытался угадать самодержец.

— Ха! Вот уж эти достойные мужи, сколько вы им не предложи, перепродадут и вас, и всю Россию оптом тому, кто предложит на пять копеек больше! — хохотнул в ответ доктор, — нет, конечно. Я бы попытался начать не сверху, а снизу. Крестьянство, вот кто пока в России составляет большинство населения. И единственный способ остановить брожение в этой бочке, у которой вот-вот сорвет крышку со всем, что на ней стоит, а это и мы с вами — это решить земельный вопрос. В нашей истории его с переменным успехом решал Столыпин, пока его не грохнули. Если его немного перенаправить с обязательного разрушения общины в сторону более активного наделения землей тех, кто из нее и так готов выйти... Ведь для прекращения брожения достаточно удалить дрожжи. А если дать активным людям России возможность зарабатывать и брать столько земли, сколько они могут вспахать, то им никакая революция не нужна уже будет! А старая община — это готовый источник кадров для заводов, которых нам через пару лет надо строить сотнями.

— Но каждый завод — это же эти ваши «пролетарии», не они ли устроили ту самую революцию, о которой вы говорите? — скептически протянул немного успокоившийся Николай.

— Они, голубчики, они. Но если им создать условия, в которых было бы выгоднее работать, а не митинговать, то у вас лет через десять не будет более надежной опоры. Средний класс называется. За исключением армии и флота, конечно, они, при правильном отношении, тоже будут на вашей стороне.

— А как быть с дворянами, профессорами, купцами, банкирами?

— А их надо занять взаимными разборками.

— Чем-чем, простите? — широко открыл глаза Николай, — что именно они будут разбирать?

— Простите, фраза из моего времени. Это означает, что они будут разбираться между собой, кто из них самый-самый... А идеальная среда для этих раз... выяснения отношений

(не сразу нашел мыслящий сейчас категориями своего времени Вадик замену «разборкам») — это трибуна общественного парламента. Лет на пять это говорунов и прочий интеллектуальный мусор займет. Ну и, естественно, — свободы слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности, это действительно жизненно необходимо народу ДАТЬ, а то он все одно сам все возьмет. А потом неплохо бы потребовать отчет о результатах работы этой самой Думы — сразу станет ясно, кто там собрался. Но на время войны и на пару лет после ее окончания мы таким образом выключим большинство партий из активной борьбы. Ну и появится повод вводить расстрельные статьи для продолжающих использовать террористические методы борьбы — они мешают нормальной работе «всенародно избранной Российской Думы», а вы — в белых перчатках выполняете волю народа.

— А расстреливать обязательно? — неуютно поежился весьма мягкий и набожный человек, волею судьбы занимающий трон в столь неподходящий момент.

— Смотря кого. Того, кто сознательно пошел на убийство вместо попытки получить больше голосов на выборах — а почему нет? Да и вообще, списки особо неприятных лиц я потом приготовлю... С кем-то надо будет работать вместе, а кого-то так или иначе придется убирать с политической сцены... Расстрел тоже не идеален — он создает мучеников, павших за идею... Но на время войны — любая агитация против своей страны в пользу противника — это равнозначно пуле, выпущенной в спину своей сражающейся армии. С соответствующим наказанием.

— Пожалуй, это справедливо, — задумчиво проговорил Николай.

С того дня дело медленно, но верно пошло на лад. Кроме наконец то проявившегося у императора интереса к судьбам не только своей семьи, но и остальной страны, эта прошедшая на возвышенных тонах беседа имела еще один, неожиданный результат. Примерно через две недели на очередном балу, к которым Вадик относился как к неизбежному злу, его неожиданно пригласили на танец. Вадик не был уверен, допустимо ли такое поведение со стороны дамы, причем, судя по обручальному кольцу, дамы замужней. Но его размышления по данному вопросу были прервана огорошившим его вопросом.

— Скажите, а пуля из «нагана» действительно может отрикошетить от дамского корсета?

— Довольно оригинальный вопрос, особенно от дамы любящей подслушивать, — попытался принять позу защищающегося дикобраза Вадик, который судорожно пытался вспомнить, кого именно угораздило услышать как минимум часть его «беседы» с государем.

— Довольно таки уклончивый ответ, особенно для господина который столь громко орал на моего царственного брата, что я его слышала через закрытую дверь. Совершенно случайно, кстати, проходя мимо, — невозмутимо, не отрывая взгляда настороженных глаз от лица доктора, ответила незнакомка.

Впрочем, уже не совсем незнакомка — память наконец-то услужливо подсказала Вадику, кого именно угораздило быть вовлеченной в тайны государственной важности. Ольга Александровна Романова, младшая дочь прошлого императора Александра 3-го и сестра императора нынешнего. Мысленно вздохнув, Вадик вычеркнул из списка возможных все варианты игнорирования, запугивания и силового воздействия. С фигурой такого ранга возможно было только аккуратное лавирование в попытках убедить, что «ее высочеству» послышалось или померещилось. «Господи, за что? Мало мне интриг и недомолвок с самим Николаем, так тут еще ее черти принесли. Остается только надеяться, что с мозгами у этой

дамы не очень хорошо и задурить ей голову удастся без потери драгоценного времени», — подумал Вадик. Вслух же он с очаровательно светской улыбкой произнес:

— Наверное вам что-то послышалось. Мы с вашим братом очень о многом беседуем, и для того чтобы вспомнить, что именно я ему говорил, я бы хотел узнать, что именно вы слышали, ваше высочество? Если вас не затруднит, слово в слово.

— Меня, безусловно, не затруднит, — усмехнулась ему в лицо княгиня, — но облегчать вам задачу по придумыванию подходящей лжи я, пожалуй, не буду. Для начала хотелось бы услышать вашу версию беседы, в которой вы угрожали моим племянницам столь страшной участью — «наганы», штыки, кислота... И заодно было бы интересно узнать, почему после этого мой брат не приказал вас казнить или хотя бы посадить в крепость? Так что если вас не затруднит, я бы хотела услышать ваш рассказ прямо сейчас. Заодно, уважаемый доктор с «Варяга», расскажете мне, как же вы не только попали ко двору, но и стали властителем дум Николая. Не желаете ли пройти в мои покои?

Вадик явственно чувствовал, как эта молодая и весьма привлекательная дама взяла его за рога. Надежда на не слишком высокий уровень ее интеллекта (а в просторечии стереотип баба — дура) рухнула с хрустальным звоном возводимого на песке воздушного замка. Оставалось тянуть время, чтобы хотя бы проконсультироваться с Николаем или даже попросить его унять свою столь неожиданно активную сестренку.

— Простите, но как я, скромный офицер, могу позволить себе удалиться прямо с бала с вами, лицом царской фамилии, к тому же — замужней дамой?

— Знаете, господин коллежский советник, вы меня опять удивили, — широко раскрыла глаза Ольга Александровна, — вы то ли утонченно надо мной издеваетесь, то ли правда единственный из присутствующих сейчас в зале полутора тысячи человек не в курсе, что мой брак — это пустая формальность?

Глаза Вадика открылись настолько широко, что княгиня поняла необоснованность своих обвинений. Уже несколько мягче она продолжила.

— Если вы и правда пытаетесь заботиться о моей репутации — спасибо, но мой муж давно сделал наш брак фикцией. А если вы надеетесь, что добравшись до Николая, сможете уговорить его меня приструнить — то боюсь, и тут у вас тоже ничего не получится — я его младшая и любимая сестра. Скорее он мне сам расскажет, по какому поводу вы на него посмели накричать и почему он по этому поводу ничего не предпринял. Так что, может, просто сами мне все расскажете прямо сейчас?

Переигранному по всем статьям Вадiku не оставалось ничего, кроме как последовать за сестрой императора всероссийского в уютную комнату, где он и был подвергнут подробному и тщательному допросу.

Неожиданно, после долгого и довольно бурного объяснения, Вадик приобрел в лице Ольги Александровны весьма ценного союзника. Их ежедневные посиделки с Николаем теперь проходили при ее неизменном участии. И с каждой неделей Вадик все больше укреплялся в мысли, что окажись на Российском престоле эта, весьма неординарная, умная и волевая женщина, революция пожалуй не состоялась бы и без его участия... Когда однажды речь зашла о посылке в Манчжурию гвардейских частей Петербургского гарнизона, Ольга не только сразу же поняла необходимость и целесообразность данной меры, она мгновенно нашла аргументы, которые не приходили в голову и самому Вадiku.

— Николай, ведь гвардия это не только твои лучшие войска. Это еще и символ твоего присутствия и того, что ты самолично заинтересован в том, как идет эта война. Даже просто

присутствие в штабах и войсках гвардейских офицеров, вхожих ко двору, несомненно положительно подействует не только на солдат и офицеров, но и на генералов. Они будут обязаны бояться, что все их неудачные решения донесутся до ушей самого императора, а это крах карьеры. Моет будут более вдумчиво относиться к своим прямым обязанностям. А что до того, какой полк послать — я же шеф Гусарского Ахтырского Ее Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны полка? Вот как шеф, и я прошу высочайшего дозволения моему полку отправиться к месту боевых действий. Может тогда и ты свою гвардию отправишь.

Примерно через месяц, конная гусарская лава, неожиданно вылетев из-за покрытой гаоляном сопки, почти полностью вырубил походную колонну японского пехотного батальона. Увы, господа гусары были плохо знакомы с реалиями современной войны, и сами понесли огромные потери как от винтовочного огня пехоты, так и от шрапнели, которой замаскированная японская батарея сопровождала их отход с поля боя.

На следующий день спешащий по коридору дворца Вадик неожиданно столкнулся с княгиней и не узнал ее. Одета в угольно черное платье, с черной же шляпкой нед мертвенно бледным лицом и красными глазами, она вполне органично смотрелась бы в современной Вадиду готской тусовке, вот только ее мертвенная бледность была натуральной.

— Ольга Александровна, что случилось?

— Это рок... Это моя судьба... Все зря, все бесполезно... Сначала «муж» (явственно выделила кавычки голосом Ольга) в брачную ночь убегает играть в карты со своими «мальчиками»... Потом, стоит наконец-то появиться любимому человеку, как я сама, САМА отправляю его на смерть, всего-то через год после встречи. Он настолько хотел быть со мной во всем, во всех начинаниях, что САМ напросился на перевод в «мой» полк. Он вполне мог бы остаться в Питере, адъютантом моего мужа, но он хотел быть со мной во всех моих начинаниях, а не просто «быть со мной»! Какой смысл теперь жить мне?

В тот день российские банкиры остались без подсказок, а отправка во Владивосток скорого поезда с затворами новой системы для восьмидюймовых орудий была отложена на три дня. Николай так и не дождался своих главных советников для ставшей уже традиционной ежевечерней беседы. Посланные во все укромные уголки дворца на поиски пропавших слуги вернулись с известием, что «великая княгиня заперлась у себя в покоях и не отвечает, а господина Банщикова нигде найти не удалось». В ту ночь доктор Банщиков впервые остался в спальне Ольги. Но именно «остался», ничего более. Если бы ктонибудь из прежних Московских знакомых «доктора Трефа Вадика» узнал, что он провел ночь в комнате молодой и привлекательной женщины, и не сделал никаких попыток «вступить в близкий контакт третьего рода», они бы не поверили. Само его прозвище «Треф» происходило не от карточной масти, а от английского принципа трех F — find them, f**k them, forget them. Но — иные времена, иные нравы, да и если уж на то пошло — иной, экстерном повзрослевший и поумневший Вадик. Он чувствовал к этой женщине сочувствие и огромное уважение, но ничего больше. Остальные чувства пришли позже, постепенно. А в ту ночь он просто слушал. О том что такое жизнь великой княжны, при «голубом» муже картежнике. О том, как большинство знакомых рассматривает ее как способ ускорения карьеры или источник денег. О ее чистой и, как это не смешно звучит для замужней женщины, целомудренной любви к молодому офицеру, который был вчера убит в Манчжурии шрапнельной пулей в голову. О том, что даже траур по нему она открыто носить не может, только как траур по всем погибшем в ее подшефном полку... Наконец, под утро,

выговорившись, княжна смогла уснуть.

В следующие пару недель Вадику было не до утешения княжны.

***ОТРЫВОК ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ МИД БРИТАНСКОЙ
ИМПЕРИИ, ОПУБЛИКОВАННОГО НА ПЕРЕДОВОЙ ПОЛОСЕ «ТАЙМС» ОТ
18.05.1904***

«...Русские крейсера своими немотивированными действиями в районе Суэцкого канала и других местах интенсивного судоходства ставят под угрозу деятельность английских предпринимателей. Распространение Россией боевых действий русско-японской войны на весьма удалённые от Японии театры вынуждает Британию принять ответные меры. В связи с этим правительство Империи не намерено дольше терпеть в своих водах боевые корабли обеих держав. Контроль за соблюдением воюющими сторонами правила 24 часов в водах Империи будет до предела ужесточён. Также будет ограничен отпуск из британских портов угля воюющим сторонам. Правительство Империи призывает все остальные страны последовать примеру Британии — не потворствовать входящим в их порты боевым кораблям и не продавать ни боевым, ни коммерческим судам высококачественный уголь.»

На столе перед Вадиком лежали доставленный пароходом выпуск «Таймс» трёхдневной давности и копия свеженькой ноты, выданной британским послом в Петербурге. Содержимое практически не отличалось.

— Суки! Не могли найти более изящной формы заявить, что русским путь в Суэц закрыт. Ведь лоцманскими и таможенными формальностями всегда можно время прохождения канала довести до 3–4 суток. И потребовать интернирования «нарушителя правила 24 часов», — кратко и емко резюмировал Вадик содержание прочитанной статьи, в беседе с Витте, — значит как «Ваканду» с «Оккупацией» продавать — так это не пособничество японцам, а как заставить портовые власти Суэца работать честно — так это помощь русским? Или что-то тут не так? Я ж всё равно с германскими угольщиками броненосцы во Владивосток приведу. И они это тоже знают. В чём тогда подвох? Не в призыве ли ко «всем остальным странам»? Но из остальных на историческом маршруте русских броненосцев только французские владения! Не сторговались ли союзнички у нас за спиной? Не ускорило ли формирование антанты?

Пришлось, забыв о всех прежних планах на день, перетянуться к самодержцу — объяснять ситуацию и её возможные последствия, чтобы получить из высочайших рук срочную записку министру иностранных дел RRR, чтобы тот активизировал поиск на предмет возможных переговоров бриттов и франков, чтобы...

***ОТРЫВОК ИЗ АНОНИМНО ИЗДАННОЙ В ДАКАРЕ КНИГИ «ПУТЬ
ФРАНЦИИ К ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ. ЗАПИСКИ ДИПЛОМАТА». 1920 ГОД***

«Весь май между Парижем и Лондоном вёлся активный дипломатический обмен. Впрочем, слово „активный“ не передаёт и тени ситуации — интенсивность работы дипломатов была беспрецедентной.

Обе стороны не до конца доверяли друг другу, а тем более — телеграфу. Посольские курьеры буквально валились с ног. Дошло даже до того, что во Франции постоянно под парами находилось четыре скоростных курьерских поезда, а Британия — та и вовсе позволила швартоваться французским миноносцам на ближайшей к посольству пристани.

Видимо, эти самые беспрецедентные для Темзы французские миноносцы вызвали определённую озабоченность русских и немцев. Но это было потом. А 21 мая французское посольство в Лондоне получило шифротелеграмму „Республика готова оказать содействие в обмен на известные Вам уступки“. „Оказать содействие“ означало — присоединиться к строгому соблюдению правила 24 часов во всех портах мира, а не только на Тихом океане. „Известные уступки“ были последней редакцией французских требований по размежеванию спорных границ колониальных владений в Африке. Британия ставилась перед выбором: купить лояльность Франции, смотреть на гибель своего дальневосточного союзника или самой вмешаться в войну. На тот момент лояльность Франции британцы посчитали меньшими издержками, чем „сгорающие“ под Артуром кредиты на ведение войны. Так — с мелочного предательства своего континентального союзника — начался необратимый путь Франции к Великой войне. Договорённость не долго была секретом. Виноват ли кто-то из сотрудников посольств или всё дело в швартовавшихся на Темзе миноносцах — не знаю. Но уже через 5 дней в приватной беседе русский посол в Лондоне намекнул нашему послу о дошедшей до него информации, согласно которой Франция готова предать Россию в обмен на сомнительные территории в Африке. И что мол если соответствующие документы попадут в газеты оппозиции — Париж может дожить до очередной революции.

Дичайшее неудобство ситуации состояло в том, что в этот момент по всей Франции в типографиях уже печатались газеты с сообщением о строгом нейтралитете Франции в войне и строгом соблюдении правила 24 часов. Выйти из ситуации с минимальными потерями репутации можно было только принудив Британию добровольно отказаться от жёсткого соблюдения правила 24 часов хотя бы западней Коломбо.»

Пока дипломаты искали повод укусить друг друга, Россия ответила на британское заявление своим. Согласно которому 80 % поставок в Японию оружия и боеприпасов идёт через Суэцкий канал. И Российское правительство охотно разделяет британскую озабоченность нарушением нейтралитета некоторыми странами и торговцами. В связи с этим, а также в связи с неспособностью таможенных властей Суэца выявлять и задерживать контрабанду Россия планирует привлечь к таможенной службе в Средиземном море 5 броненосцев и 6 крейсеров. Биржи всего мира шатнулись — это был не иначе как прямой вызов Лондона на войну.

Газетная версия русского заявления недвусмысленно сопровождалась фотографиями «пойманных» на подходе к Йокогаме британских орудий и снарядов. Все, кто не перевёл

загодя свои активы в золото, теряли ежедневно на спекулятивных продажах русских, французских и британских бумаг. Но эта маленькая победа Вадика-спекулянта померкла на фоне триумфа Вадика-дипломата. Поставленная перед тенью возможностью создания большой континентальной франко-германо-российской коалиции Британия сделала вид что смягчилась — правило 24 часов стало жёстко исполняться только к востоку от Коломбо. И направила в Сингапур 5 новых броненосцев типа «Лондон». Так ведь «смотреть» за строгостью соблюдения правил — не более.

Следующий шаг в долгом и непростом сближении Вадика с княжной имел место быть спустя месяц, когда он пытался уломать Николая на «морской круиз». Самодержец Всероссийский не желал отправляться в гости к греческим родственникам на броненосце. Его не прельщала перспектива оставлять беременную жену, ожидающую долгожданного наследника.

— Николай Александрович, ну представьте только, сколько зайцев вы убьете одним выстрелом! — в надцатый раз распинался Вадик, — во-первых, ваше присутствие на «Трёх Святителях» позволит провести броненосец через Босфор, если помните, то по договору о проливах русские боевые корабли могут проходить его только по фирману султана при наличии «особ правящей династии на борту». А нам сейчас лишний броненосец на Дальнем Востоке нужен по зарез.

— А где гарантия что султан этот фирман соизволит подписать? Англия знает ли будет против, — скептически нахмурил лоб Николай.

— Просто султан — не идиот, — устало выдохнул Вадик, многозначительно посмотрев на царя, и неожиданно заслужив первую за месяц улыбку на лице великой княгини, — он прекрасно понимает, что любой русский броненосец покинувший Черное море, обратно без его разрешения уже не вернется. А уж на обратный проход он позволения точно не даст, ни при каких обстоятельствах. То есть, у Турции в случае войны с Россией, будет на один броненосец меньше головной боли. Если мы ему сразу и скажем, что это рейс в один конец, и назад на Черное море эти корабли не вернутся, возражать он точно не будет. Во-вторых, любой офицер и матрос действующего флота, особенно его воевавшей части, узнает КАК был проташен на театр боевых действий лишний броненосец. И будет прекрасно понимать, что, возможно, именно наличие этого, неучтенного японцами броненосца, спасет его жизнь. Как вы думаете, они после этого будут более или менее внимательно прислушиваться к агитаторам, которые им в оба уха поют, что царю на них наплевать?

— Пожалуй что менее, — задумчиво потянул Николай.

— В третьих, если мы покажем нашим японским друзьям, что мы смогли вывести один броненосец с Черного моря, им придется в своих планах учитывать и весь остальной Черноморский флот, а это для них катастрофа.

— Но переход одиночного броненосца во время войны это слишком рискованно, — попытался опять отмазаться от морского круиза Николай.

— Вот именно поэтому, и надо подгадать его выход так, чтобы в Средиземном море он встретился с «Александром», «Сисоем», и «Светланой» которые выходят через полтора месяца.

— Ну как я могу бросить Алис одну в такой момент на целый месяц? — снова запел уже слышанную Вадиком песню несчастного мужа Его Величество.

— Николя, — внезапно вступила в разговор уже месяц не принимавшая активного участия в обсуждениях Ольга, — ты помнишь того молодого офицера с которым меня с год

тому познакомил Мишель? Ну он еще стал адъютантом у моего мужа... Да, вижу теперь ты вспомнил. Так вот, он отбыл с моим полком в Манчжурию и там погиб, в той самой злосчастной атаке. Мы с ним были близки... Как только могут быть близки два человека, один из которых формально женат и никак не может получить развода. Это по нему, а не по моему подшефному и уже уполовиненному полку я, бессовестная, на самом деле ношу траур.

— Но почему... Оленька, я не знал, я, поверь, сочувствую твоему горю. А зачем ты мне это сейчас рассказываешь? — ошарашенно пробормотал Николай.

— К тому, братец, — непривычно жестко и как то по-новому глядя в глаза брата произнесла сестра, — что иногда, для блага государства жертвы приходится приносить и членам августейших фамилий. Я свою уже принесла. И, в отличие от тебя, я потеряла любимого человека не на месяц, а навсегда. И еще господя, мой любимый брат он же не единственная «особа принадлежащая к правящей семье». Почему он должен плыть один? Какие еще корабли с Черного моря могут принести пользу на Дальнем Востоке?

— Ну если очень постараться, то через два месяца можно выпихнуть в море «Очаков», это систершип «Богатыря», на текущий момент один их лучших бронепалубных крейсеров мира. Кажется из черноморской пары он в большей степени готовности чем «Кагул». Но, как врач, — вспомнил о своей «основной» профессии Вадик, — я категорически против морских путешествий для императрицы во время беременности.

— А кто говорит про императрицу, — картинно удивилась княжна, никогда не испытывавшая особой любви к «гессенской мухе», как она, за глаза, называла жену брата, — я вроде пока еще тоже «особа принадлежащая к правящей семье», а уж мне то море весьма полезно. Вот и составлю компанию братцу, как в старые добрые времена. Помнишь Николая, как в детстве мы любили бывать на море? Ты же не откажешь мне, в маленькой прихоти, я хочу посетить кузину... Прости Господи, не помню, кто там у меня в кузенах в Греции, но хочу.

— Что хочет женщина — то хочет бог, — обрадовался неожиданной поддержке Вадик, — как бы мы не усиливали сухопутную армию в Манчжурии, все же судьба этой войны решается на море. Сколько бы японцы не высаживали войск на континенте, если наш флот перережет им снабжение, они не боеспособны. Более того, все они превратятся в толпу безоружных, за отсутствием боеприпасов, и голодных — без подвоза продовольствия, бродяг. Которые, через пару месяцев на подножном корму, будут рады сдаться в плен, где их хотя бы покормят.

Теперь, когда у не отпускающей его из Питера жены появился противовес почти равного калибра, и того же пола, тянущий его в Грецию, Николай сдался.

Начиная с того дня великую княжну неоднократно видели прогуливающуюся под руку с доктором Банщиковым. А на исходе лета Император Всероссийский неожиданно отбыл с инспекцией в Севастополь, откуда на броненосце «Три Святителя» в сопровождении спешно, в пожарном порядке достроенного крейсера «Очаков» (при его спешной достройке, ради которой пришлось задержать отправку в Питер части рабочих черноморских верфей, были «каннибализированы» механизмы однотипного крейсера «Кагул», и снята вся артиллерия среднего калибра с броненосца «Потемкин»), на борту которого была Великая Княгиня Ольга Александровна вышел к Босфору. К удивлению экипажей, на подходе к Босфору их ждал недавно вошедший в состав турецкого флота крейсер «Гамидие», который и проэскортировал русские корабли через Босфор. Об истинной цели похода кроме императора и немногочисленной свиты знали только командиры кораблей.

На исходе лета, направляющаяся на Дальний Восток с Балтики эскадра неожиданно, у входа в Суэцкий канал встретила с двумя кораблями которых теоретически в Средиземном море быть вообще не могло. Громогласное «Ура» дружно выкрикиваемое командами кораблей обоих отрядов временами заглушало даже залпы салютующих орудий. После затянувшегося на два дня царского смотра, на котором матросы приветствовали Николая Второго без единого понукания со стороны офицеров, усиленная в полтора раза эскадра потянулась в канал. Император, с княжной и свитой, в которую входил и Вадик, на яхте «Ливадия» отправился посетить таки Афины. Приличия надо было соблюсти. На корме царской яхты, нежно обнимая за плечи княжну, любующуюся тонущем в Средиземном море солнцем, доктор Вадик тихо прошептал ей на ухо, впервые обратившись к ней на ты.

— Пожалуй все, что могли на данный момент мы уже сделали. Можно до возвращения в столицу расслабиться и немного подумать о себе, а не о России. По моему тебе пора развестись со своим мужем, как ты на это смотришь?

— Я бы с удовольствием это сделала еще год назад, но увы — он мне отказал. Не ранее чем через семь лет. Так что — придется потерпеть, Михаил. Или найти себе кого то свободного, хоть мой брак и формальность, но нарушать его святости перед богом я не могу.

— И не придется, Оленька. Я достаточно хорошо тебя узнал, и не могу поставить тебя перед столь непростым выбором. Но по возвращению в Питер, я сделаю твоему мужу предложение от которого тот не сможет отказаться. И еще — пожалуйста, называй меня Вадимом, или Вадиком, привычнее как-то.

Глава 16

И на море! Кульминация

Под ковром^[89]

18 февраля 1904 года. Владивосток

Утро во Владивостоке выдалось пасмурным. Мелкая снежная крупа навязчиво лезла в лицо. Свежий ветер поднимал в заливе небольшую волну, стоящие на рейде крейсера и пароходы лениво покачивались, всем своим видом навевая тоску. Далеко, на самом фарватере ломая тонкий, всего-то трехвершковый лед, медленно ползал маленький портовый ледокол «Надежный».

Весьма элегантный господин, одетый в серое пальто и безукоризненный серый в клеточку костюм явно не местного производства, прогуливался по набережной время от времени поглядывая в сторону моря. Господин имел темные, зачесанные назад волосы, крупный нос с горбинкой, резко выпяченную нижнюю губу и колючий взгляд выпуклых черных глаз.

Через некоторое время он зашел в ресторацию Самсонова, что на Светланской, в сей ранний час здесь оказался только один посетитель — пожилой, сгорбленный, но аккуратно одетый китаец.

— Здравствуйте! Простите великодушно, что прерываю вашу трапезу, — произнес господин в сером пальто, сопровождая свои слова вежливым полупоклоном. — Вы ли будете мастер Ляо?

— Да, меня зовут Ляо, даа... старый Ляо, — старичок мелко закивал.

— Позвольте представиться — дон Педро Рамирез, журналист из Бразилии. Я хотел бы заказать пошив плаща. Вас отлично отрекомендовали.

— Вам лучше обратиться к подмастерьям моего заведения, сам-то я пошивом уже не занимаюсь, рука не та и глаза не видят...

— Всенепременнейше обращусь, благодарствуйте! — произнес дон Рамирез.

— ...а впрочем, завтракать я уже закончил, так что пойдемте ко мне и я лично прослежу за выполнением вашего заказа, — рассудил старичок.

— Буду весьма вам признателен.

Китаец подозвал официанта, расплатился по счету и направился к выходу из ресторации. Дон Педро последовал за ним.

— Вы, по-видимому, приезжий, благоприятна ли была ваша дорога? Удобно ли вы устроились в нашем прекрасном городе? — интересовался старичок.

— Третьего дня прибыл из Харбина, поселился в доходном доме на улице Семеновской, окна с видом на Транссибирскую магистраль, очень удобно, спасибо.

Мирно беседуя они подошли к заведению Ляо, прошли в его кабинет на втором этаже. Бразилец сел в кресло, поправил складку брюк, выставил носки и новенькие туфли.

— А теперь раздевайтесь, будем снимать мерку! — суетился старый Ляо.

— Прекратите Хаттори-сан.^[90] Вы, конечно, более чем убедительны, вам бы на театре

играть, но не стоит увлекаться. Мне вот интересно, вы хорошо спрятали настоящего Ляо? — спокойно осведомился дон Педро.

Старик распрямился, его горб чудесным образом исчез, лицо разгладилось, седой парик он положил на стол рядом с собой, теперь никто не дал бы ему больше сорока лет. В узких кругах тай-са Фуццо Хаттори имел хорошую репутацию. В том смысле, что только самоубийца желал бы занять его себе во враги. Он тонко усмехнулся:

— В свое время на все вопросы будут даны ответы. Ответ, полученный несвоевременно, не дает удовлетворения.

— Молчание — это способ говорить неправду, — парировал гость.

— Молчание и есть молчание. Оно — золото. А язык он «дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». Что привело вас во Владивосток, мой друг?

— Я собирался отправиться пароходом в Лондон... У русских могут быть вопросы ко мне, — поморщился бразилец.

— Еще бы, недавно мы с вами весьма плодотворно... пообщались, — улыбнулся Хаттори.

— Быть может, вы захотите продолжить взаимовыгодное сотрудничество... господин Ляо?

— Это было бы весьма кстати... синьор Рамирез. У нас есть общие интересы. Они скрепили договор рукопожатием.

— В другое время я бы трижды подумал, но здесь и сейчас ваши способности могут пригодиться — война началась неблагоприятно, — прокомментировал японец.

— Я бы так не сказал — японский флот имеет некоторые преимущества.

— Опытный личный состав, а также количество, тоннаж и вооружение судов имеют существенное значение, но все войны в истории выигрывались в первую очередь за счет ума, мужества и силы духа. Вспомните Чемульпо!

— Но, в конце концов вы же потопили «Варяга», — возразил дон Педро.

— Потопили «Варяг»?! Это не победа! — возмутился японец. — Вы, кажется любили шахматы? Русские не просто разменяли две свои пешки на две наши, но приобрели выигрыш в качестве и темпе. Они заранее все подготовили, специально убрали из Чемульпо свои «лишние» корабли, чтобы не спугнуть нашу эскадру. Удивлять противника — это наша профессия. И так получается, что и капитана Руднева тоже. До последнего момента он и его люди изображали беспечность, а потом за несколько часов подготовили свои корабли к бою. Так не бывает, и Руднев не мог действовать в одиночку. Видимо, Старк и Алексеев давно готовили этот капкан, подбирали подходящих корабли, готовили людей, но ни мы, ни вы, при всей нашей с вами осведомленности ничего об этом не узнали. Скорее всего, у русских есть общество, подобное нашему «Черному Дракону». Теперь нам опасно быть в чем-то уверенными — все полученные разведданные могут быть дезинформацией.

— Но в Порт-Артуре ваши миноносцы сработали вполне удачно!

— И опять вы не правы! Не удалось утопить ни одного корабля, и это при массовой и внезапной атаке? Я считаю, что русские подозревали о такой возможности и приняли все необходимые меры. Например, приказ Алексева о запрете постановки противоминных сетей, скорее всего, прикрытое, и предназначен для нас с вами — судя по результату атаки, сети все же были установлены. Мы же... мы даже точно не знали, находится эскадра в Артуре или в Дальнем. Я не сомневаюсь, что русские действуют по заранее разработанным планам и они знают о нас все, что им необходимо. Теперь я уверен,

что у них есть осведомители в командовании нашего флота... или даже еще выше. Самое отвратительное то, что ни мы, ни ваша хваленная СИС до последнего времени не принимали всерьез такую возможность.

— Возможно им помогли французы... — задумчиво пробормотал «бразилец».

— Адмирал Уриу виновен не в том, что сунулся в ловушку — он не мог ее миновать. Его вина в недооценке противника. Впрочем, возможно я не совсем справедлив, ведь его дезинформировал коммодор Бейли, АНГЛИЙСКИЙ коммодор Бейли, ВАШ коммодор Бейли, мистер...

— ...синьор! — прервал японца дон Рамирез.

— Хорошо, оставим эту тему... пока оставим.

— Все обстоятельства могли бы стать намного яснее, если бы удалось взять в плен и хорошенько допросить оставшихся в Чемульпо русских.

— Это довольно трудно, наши люди еще в Чемульпо пытались «взять русских в плен», но, к сожалению, оказались не на высоте — французы и итальянцы все испортили, возможно, те, что действуют в Шанхае, будут более профессиональны.

— А что, собственно, человек вашего ранга делает в этом городе? Или все ваши сотрудники так заняты поисками шпионов в собственных рядах и похищениями русских матросов?

— Волки всегда должны следить за делами овец. В противном случае они рискуют пропустить назначение нового и опасного пастуха. Или появление стаи сторожевых собак. Для этого я здесь, — изящно уклонился от ответа японец.

— Ну да, эти рассуждения очень вам помогут, если «сторожевые собаки» найдут труп настоящего Ляо, — язвительно прокомментировал дон Педро.

— Никакого такого «настоящего» Ляо никогда и не было, этой маске уже четверть века, ее создал еще Тояма-сама,^[91] позднее ее использовал я, и многие мои коллеги.

В дверь осторожно поскреблись, полковник Хаттори за несколько секунд преобразился обратно в старого Ляо и дребезжащим старческим голосом громко сказал:

— Войдите.

Вошедший молодой человек отличался рассеянностью манер, азиатскими чертами лица, маленьким ростом, выглядел немного грузноватым и даже рыхловатым, но только на первый взгляд. Круглое, добродушное лицо располагало к себе. Только цепкие, внимательные черные глаза выбивались из образа этакого провинциального увальня, невесть как оказавшегося в большом городе и все еще удивленного этим фактом. Похоже, он мучился похмельем.

— Полюбуйтесь дон Педро, это мой маловоспитанный внук Хсю, — представил молодого человека Ляо. Родители отправили его ко мне в робкой надежде на то, что он пойдет по моим стопам и обучится благородному искусству кройки и шитья, вместо этого у него в голове девушки в прятки играют. Он тянет у меня деньги и просаживает их на пьянки и азартные игры. Стыд, позор и поношение! Закрой дверь и рассказывай, что ты хочешь от бедного старика на этот раз! Учти — денег не дам!

— Да и не очень надо было, дедушка, Хотэй^[92] сегодня был благосклонен ко мне, — пробормотал Хсю закрывая дверь.

— Почему ты прервал нашу беседу Кэндзи-кун? — резко спросил Хаттори, — говори свободно, этот человек наш союзник.

— Мосивакэ аримасэн, мне нет прощения, Хаттори-сама, — молодой человек низко

поклонился полковнику, — но сегодняшнее совещание русского командования закончилось преждевременно и неожиданно — русские военные покинули его заметно встревоженными, береговые батареи и гарнизон крепости подняты по тревоге, боевые суда поднимают пары и их команды спешно доставляются на борт...

— Местные военные разглядывают потолок через отверстие в тростниковом стебле! Что они могли узнать такого, чего не знают собравшиеся под кровом этого дома?!

— Один из морских офицеров сказал, что на море замечены неизвестные военные корабли. Возможно Императорский флот решил продемонстрировать русским свою мощь? — предположил «внук».

— Хорошо, посмотрим! Ах да, вот вам на первое время, дон Педро, — японец протянул бразильцу пачку русских ассигнаций.

— Домо, — сдержанно поблагодарил журналист по-японски.

— До-итасимасите. Не за что. И пойдемте посмотрим на то, что так взволновало наших подопечных...

Спустя несколько часов молодой, уверенный в себе бразилец, старенький сгорбленный китаец и невысокий, упитанный молодой человек азиатской наружности с удобством расположились на балконе одного из портовых «домов встреч». Это заведение входило в круг интересов полковника Хаттори и служило одной из баз японской резидентуры. Поэтому господа шпионы спокойно созерцали аврал царящий в порту и ни о чем не беспокоились. «Старый Ляо» отрешенно вслушивался в природу... Деревья еще голые, но во всем чувствуется ожидание весны. Хаттори неотрывно смотрел в небо. Редкие тучки разбежались по бирюзовой глади. День замечательный. Он перевел взгляд на море, отметил деловую суету царящую на борту военных судов, одобрительно покивал: «Море весною зыблется тихо весь день, зыблется тихо...», — к месту процитировал Бусона «внук Хсю».

Тай-са Хаттори едва сдержал улыбку. Следует признаться — именно он постарался, чтобы Доихару Кендзи^[93] после военного училища направили именно сюда. Парень очень способный, не теряет головы в сложной обстановке, храбр в бою, пользуется заслуженным уважением всех членов общества. У Хаттори не было детей, однако глядеть на подрастающего Доихару ему было в радость. Он привязался к пареньку и связывал с ним большие надежды. Все дело за опытом и воинской славой. Этот путь Хаттори постарается расчистить. Может, даже кое в чем помочь, но незаметно, до известного предела... Наконец в поле зрения показались долгожданные корабли и господа шпионы оживились.

Синьор Рамирез уже рассматривал приближающиеся корабли в складную подзорную трубу оказавшуюся у него в кармане и комментировал увиденное:

— Так, так, так, первым мателотом какой-то обшарпанный транспорт, хотя довольно крупный... далее... далее... хмм... вы удивитесь, джентльмены, но это «Варяг», похоже он так и не утонул...

— Хонто? Масака! Что? Не может быть! — «внук Хсю» так возмутился, что слегка выпал из роли. «Дедушка» промолчал, но удивленно приподнял бровь.

— Э нет, я достаточно хорошо изучил русские военные корабли, в конце концов, мне и за это платили, — спокойно возразил «журналист». — Я уверен, что это «Варяг»! Конечно не такой белый и шикарный как на Порт-Артурском рейде, сейчас он побитый и обожженный, весь в заплатках... так, а вот дальше еще интереснее...

— И что же там такое интересное? — мрачно осведомился старый Ляо.

— Два броненосных крейсера... мда... если я правильно помню силуэты кораблей

итальянской постройки, то один из них называется «Кассуга» и теперь, пожалуй, понятно почему русские позволили вам купить эти корабли, похоже, они просто решили обрести их иными путями...

— Они-ни канабо!^[94] Шимаймашитта! Ксо! Дать демону лом! Черт! Дерьмо! — тай-са Хаттори глубоко вздохнул и, успокоившись, воззвал к Будде, что в его положении было вполне разумным решением. Если уж так случилось, что рука судьбы достала табличку с его именем... Значит, он должен безропотно подчиниться и исходя из доступных возможностей причинить как можно больше неприятностей врагам Ямато! Он начал мысленно прикидывать как лучше организовать работу подчиненных. Нужно во что бы то ни стало получить информацию от непосредственных участников боевых действий с русской стороны. Нужно выяснить все детали происшедшей катастрофы. В этом дело спешное и все должно быть предельно прояснено. Он взглянул на стоящего рядом «бразильца», похоже сами боги послали его, журналист-иностранец с европейской внешностью сможет задавать почти любые вопросы не вызывая лишних подозрений, ведь в некоторых вопросах русские наивны как дети, к тому же он вполне компетентен.

Стенка на стенку

Лето 1904 года. Владивосток

В начале июня у хозяина заведения «У дедушки Ляо», самого дедушки Ляо, был самый удачный день в его карьере. Его портняжная мастерская, благодаря удачному расположению у порта, была наиболее популярна у морских офицеров. Впрочем, не менее благоприятным для потока клиентов был и тот факт, что у единственного портного, который мог бы составить конкуренцию по уровню цен и качеству работ, недавно сгорела мастерская. Но такого улова у Ляо еще не было. Этим утром в его мастерскую вошли сразу ДВА русских адмирала. Обычно, сам Ляо уже не занимался сбором информации. Ее поток из организованных им публичных домов и сети соглядатаев был достаточно полон, и его роль заключалась больше в корректировке заданий рядовым агентам. Но соблазн был слишком велик, да и как мог хозяин заведения не выйти самолично к двум столь уважаемым клиентам? Когда в одном из адмиралов Ляо узнал Руднева, на долю секунды ему захотелось заварить тому «особого чая», который он использовал для устранения отработавших свое агентов. Но строгая инструкция штаба — никаких убийств офицеров противника, а главное — желание сначала послушать, о чем будут беседовать между собой адмиралы, во время долгой примерки, перевесили минутный порыв. После первых же фраз Руднева Ляо понял, что его недавние молитвы были услышаны богами, а Руднев не только уйдет из мастерской живым и в новом пальто. Пожалуй наоборот, стоит отдать приказ всем агентам негласно беречь русского, без скидок, гениального адмирала от несчастных случаев. Ибо если с Рудневым что-то случится, то русские наверняка поменяют планы, и шанс окончательно разобраться с Владивостокским отрядом крейсеров будет потерян. А это куда более ценно, чем удовольствие от устранения вражеского главнокомандующего своими руками. Руднев же беззаботно продолжал, подставляя руки подмастерьям, говорить обращаясь ко второму адмиралу (в котором Ляо узнал недавно прибывшего во Владивосток Небогатова).

— Итак, Николай Иванович, нам придется всем отрядом идти в море чтобы обеспечить

прорыв «Осляби» во Владивосток. Судя по последней телеграмме, Вирениус принял решение прорываться Сунгарским проливом. Он не хочет рисковать навигационно в тумане у Курильских островов...

— Но, Всеволод Федорович, — перебил Руднева Небогатов, — лезть через Сунгарский пролив на «Осляби» в паре только лишь с одной «Авророй» — это же самоубийство! ВОК другое дело — вы всегда можете оторваться от более сильного противника, японские броненосцы вас просто не догонят до темноты. Но «Ослябя»... На место Того, узнай я о месте прорыва, подогнал бы «Асахи» с «Микасой» к проливу и все. Да и просто трех крейсеров типа «Асамы» бы хватило, честное слово! Зачем же так рисковать?

— «Ослябя» просто может не дотянуть до Владивостока если пойдет кружным путем. Качество постройки отечественного судопрома сами знаете. А что до риска... Так это Того надо во-первых — знать что Вирениус пойдет именно Сунгарами. Во-вторых — знать когда он там будет, а я пока и сам этого точно не знаю.

— А как ВОК всем составом выйдет, так значит и пошел встречать «Ослябю», — досадливо поморщился Небогатов, — чего тут знать то?

— Ну не скажите, мы на совместное маневрирование так и ходим — всем отрядом, по паре раз в неделю. И потом — даже пара броненосцев Того против «Осляби» и наших пяти броненосных крейсеров — маловато будет.

— Если Камимура свяжет боем нас, кстати учитывая степень готовности «Корейца» и «Сунгари» бой будет не пять на пять, а скорее пять на три, и не в нашу пользу, Всеволод Федорович, то пары броненосцев Того хватит и на утопление одинокого «Осляби» с «Авророй», а потом и добить то, что от нас остается.

— Ну так это надо чтобы и Камимура, и Того с парой броненосцев оказались в Сунгарском проливе именно тогда, когда мы пойдем встречать «Ослябю». Причем каждый у «своего» входа, а у Артура не останется практически никого, а это, хоть он и заперт, уж слишком... Нет, Николай Иванович, это уже не предусмотрительность, а скорее паранойя. А насчет готовности «Корейца» и «Сунгари», у нас есть еще месяц, полтора. Ходить они успеют научиться, ну а стрелять, — развел руками Руднев, — авось не придется.

После окончательного снятия мерок Руднев и Небогатовым покинули мастерскую. И дядюшка Ляо и Руднев были полностью довольны «примеркой». Ляо потому, что он успевал за месяц донести до японского командования сведения о плане прорыва «Осляби» во Владивосток, и свои соображения о правильной расстановке сил для его парирования. Руднев же мысленно потирал руки от удачного «слива» информации чуть ли не единственному достоверно известному вражескому агенту. Еще перед отправлением бронепоезда с вокзала Владивостока Балк сделал Рудневу прощальный подарок. Он отдал ему листочек, на котором были выписаны все известные в 21-м веке агенты японской разведки, действовавшие во Владивостоке. По выражению Василия, он «как мой подготовился к противоборству с японскими коллегами еще до переноса». Тогда же Балк порекомендовал не отлавливать агентов раньше времени, а в нужный момент использовать их для дезинформации противника.

Вторым приятным сюрпризом стало то, что возвратившейся из похода к Хамамацу «Варяг» встречал свежеприбывший во Владивосток адмирал Небогатов. Самая, пожалуй, противоречивая фигура в русской военно-морской истории начала века. Карпышев помнил, что тот с одной стороны проявил себя как блестящий организатор. Когда после падения Порт Артура стало ясно, что Вторая эскадра осталась с японским флотом один на один, ее

решили срочно усилить. Увы, на Балтике остались только те корабли, от которых командир этой эскадры Зиновий Павлович Рожественский уже отказался. Причем он мотивировал отказ тем, что они вообще не дойдут до Дальнего востока. По командованием Небогатова эти совершенно не приспособленные для дальнего плавания броненосцы береговой обороны, вкуче со старым броненосцем и крейсером не только дошли. Они смогли догнать вышедшую полугодом раньше основную эскадру. При этом, весь поход проводился стрельбы и учения, и по многим показателям боевой подготовки догоняющий отряд превзошел основные силы. У Небогатова был и план похода вокруг Японии, если бы он не смог найти Рожественского. И возможно не соизоис встреча эскадр, Небогатов до Владивостока все же дошел бы... Но судьба распорядилась иначе. Эскадры встретились. За несколько недель Рожественский полностью подавил всяческую инициативу Небогатова и заставил того строго и неукоснительно следовать его приказам. Были забыты удачный опыт стрельб догоняющего отряда, регулярной сверки дальномеров, корабли Небогатова были перекрашены под идиотский стандарт эскадры.^[95] В бою Небогатов никак себя не проявил, не отдав ни одного приказа по своему отряду, строго выполняя приказ Рожественского и слепо следуя за головным. После дневного боя и ночных атак миноносцев он оказался во главе остатков эскадры, 4-х броненосцев. Которые по его приказу и сдались японцам, когда их окружили 12 японских кораблей линии и несколько крейсерских отрядов.

Но кроме склонности не идти до конца в безнадежной ситуации, у контр-адмирала Небогатова было и положительное качество, которым не отличался почти ни один другой адмирал русского флота. Он умел учить людей не зверея, не подавляя их самостоятельности и инициативности, не запугивая и не доводя подчиненных до нервного срыва. Поэтому, когда Руднев задумался о том, кому бы поручить командование броненосной частью ВОКа (сам он видел себя исключительно на легких быстроходных крейсерах) в бою, он предпочел именно Небогатова. К тому же, вместе с адмиралом прибыл и его антипод, в плане «как поступать когда все потеряно и шансов нет». После отказа командира транспорта «Сунгари» от командования одноименным крейсером, Руднев вытребовал в Питере командира первого ранга Владимира Николаевича Миклухо-Маклая.^[96] С ними прибыли и недостающие остатки команд трофейных крейсеров, собранные с бору по сосенке как со старых кораблей Балтики, так и с Черного моря. Теперь оставалось только надеяться на каждодневную учебу и еженедельные выходы всей эскадры в море на совместное маневрирование. Если повезет, то тренировки приведут корабли в боеспособное состояние раньше, чем им придется принимать участие в бою. Если нет — учиться придется экстерном, под вражескими снарядами.

Во время первого выхода в море на «Корейце» от неумелого обращения заклинило рулевую машину. С дороги неудержимо валящегося на циркуляции влево крейсера чудом успел убраться «Громобой». Разбор инцидента показал, что нежные итальянские механизмы не терпят резкого русского обращения, а русские таблички «право» и «лево» (на вспомогательной рулевой машине) были повешены наоборот. Рассвирепевший Руднев свалил неблагоприятную работу по обучению команд новых крейсеров на Небогатова, а сам, от греха, убрался в море на «Варяге», прихватив для компании «Богатыря». Намедни из под Порт Артура пришло известие, что японцы перерезали подводный телеграфный кабель. Теперь для отправки любого сообщения из Артура кому то из миноносцев приходилось прорывать блокаду. Не на шутку разозленному Рудневу припомнилась одна из гадостей для японцев, которые так много, задним числом, придумывались на Цусимском форуме в его времени.

Сейчас на «Богатыре» водолазы, на всякий случай, готовились к погружению для поиска подводного кабеля, а на «Варяге» минеры под чутким руководством адмирала изобретали гидростатический взрыватель.

Места где подводные кабели, по которым в Японию шли сообщения из Европы и с театра боевых действия, выходили на берег острова Цусима были русским прекрасно известны. Кроме этого, Рудневу было известно, что в составе японского флота был и мобилизованный кабелеукладчик. Так что просто порвать кабель это значит оставить японцев без связи на неделю, не больше.^[97] Теперь Руднев хотел убить двух зайцев одним выстрелом. Пока десантная партия с «Варяга» разоряла телеграфную станцию на берегу, на «Богатыря» с берега в шлюпке перевезли отрубленный конец кабеля (водолазам даже нырять не пришлось). Зацепив конец кабеля за корму крейсера его отволокли на пять миль в море и уже там утопили, предварительно навесив на обрезанный конец сюрприз, который так тщательно изготавливали на «Варяге».

Спустя две недели «Фудзи Мару», эскортируемый старым крейсером «Идзуми», дошел наконец из Японии до места обрыва кабеля. Единственный доступный на то время способ проверки состояния кабеля заключался в его подъеме на поверхность на барабане кабелеукладчика, чем японцы и занимались. Проще всего, было бы проложить новый кабель параллельно старому. Однако, всего предусмотреть не возможно и запасов кабеля такой длины в Японии до войны не заготовили, а сейчас закупать доставлять их из Европы или САСШ было бы слишком долго. Вот и приходилось сейчас «Фудзи Мару» на черепашьяй скорости в 4 узла вытягивать милю за милей кабель из воды и снова топить его за кормой. Когда, наконец то, не доходя пару миль до острова Цусимы, вытягиваемый из воды кабель стал отклоняться от первоначального маршрута, на корабле началось всеобщее ликование. Было очевидно, что место обрыва было уже близко. Еще пару часов на сращивание кабелей, пяток на протягивание нового кабеля до острова и с нудной и тяжелой работой будет покончено. Увы, радость была преждевременной. Не успел еще показаться из воды обрубленный конец, как смотрящий за вытягиваемым кабелем закричал, что к кабелю привязана металлическая банка. Стоило вылиться из нее морской воде, как пятью метрами ниже поверхности моря замкнулся взрыватель на связке из пяти гальваноударных шаровых мин. Силой одновременного взрыва пяти мин «Фудзи Мару» разорвало практически пополам, гибель корабля была почти мгновенной. Руднев, решил подстраховаться на случай нестабильной работы собранного «на коленке» взрывателя, увеличив силу взрыва. Ему, как всегда нехстати, вспомнилась любимая поговорка его военрука — «недостаток точности с лихвой компенсируется мощностью боеголовки». Вертящийся вокруг кабелеукладчика «Идзуми», который не мог управлять при ходе менее 8 узлов и непрерывно кружил вокруг охраняемого транспорта, или забегал вперед и ложился в дрейф, успел подобрать пятнадцать членов команды. Спасти сумели в основном находившиеся в момент взрыва на верхней палубе. Теперь у Японии не было не только прямой связи с континентом (все известия из Кореи теперь шли сначала в Европу, потом в Америку а уже потом оттуда в Японию), но и кабелеукладчика способного эту связь наладить.

По возвращению Руднева из очередного диверсионного похода, ему снова пришлось заняться настоящей работой — все крейсера ВОКа снова вышли на совместное маневрирование и стрельбы. За две недели отсутствия Руднева Небогатов сотворил чудо — все броненосные корабли устойчиво держали строй, и довольно таки сносно совместно маневрировали. Проблемы начались при стрельбе. Понятно, что на крейсерах итальянской

постройки были орудия других, не используемых в русском флоте систем. Понятно, что сама система управления стрельбой тоже была полностью не знакома русским канонирам. Но... Но как артиллеристы «Сунгари» смогли, с дистанции 25 кабельтов вместо щита для практических стрельб, положить шестидюймовый снаряд под корму буксировавшего, на полумильном канате, тот самый щит номерного миноносца осталось загадкой. Разгадывать ее было некогда — надо было тащить в гавань потерявший винты, рули, а заодно с этим и ход со способностью управляться миноносец N 201. Так или иначе, но с каждым выходом в море крейсера все увереннее маневрировали и иногда даже попадали по мишеням.

Последние пару выходов Руднев и Небогатов, командуя каждый своим отрядом, отрабатывали совместное маневрирование и поотрядную пристрелку. В роли «противника» выступали номерные миноносцы. Всем во Владивостоке было ясно, что приближаются какие то важные события. Это подтвердила и очередная попытка неизвестного китайца проникнуть в порт, доступ куда для лиц монголоидной расы был закрыт с момента начала модернизации крейсеров. Очередной «бродяга китаец», который был застрелен часовым при попытке перелезть через забор, имел с собой столь не типичную для нищего вещь как фотокамеру... Это добавило Рудневу оптимизма — если японцы столь упорно пытаются получить фото крейсеров, то возможно они до сих пор не в курсе как именно были перевооружены «Рюрик» и «Громобой». За неделю до выхода в море в бордели города были отпущены артиллерийские офицеры. Перед посещением заведений они имели приватную беседу с Рудневым, во время которой им был отдам весьма странный приказ. Товарищам, вернее пока еще ГОСПОДАМ офицерам с итальянцев вменялось во время «утех» обронить в разговоре друг с другом, что артиллерия Гарибальдийцев абсолютно не боеспособна. Артиллеристам же «Рюрика» предписано было в разговоре жаловаться на старые, полностью расстрелянные стволы орудий.

Во время последнего выхода на стрельбы на «Рюрике» опробовали только что доставленные затворы новой конструкции. Их использование позволяло практически уравнивать скорострельность старых, 35-ти калиберных восьмидюймовок с новыми, системы Кане. Эта копеечная, по сравнению со стоимостью самих орудий, доработка, вкупе с увеличением угла возвышения старых пушек, делала старика «Рюрика» вполне адекватным противникам любому броненосному крейсеру японцев. А с учетом того, что на верхней палубе крейсера заместо снятых мачт и 120 мм орудий, были смонтированы «лишние» шесть восьмидюймовок (по одной на носу и корме, способной вести огонь на любой борт и, по паре на борт, на местах установки 120 мм орудий)... Руднев, посетивший крейсер после последних стрельб, злорадно усмехнулся и предложил Трусову представить себя на месте командира какого-нибудь «Якумо», который окажется в линии напротив «Рюрика». Вместо ожидаемых двух восьмидюймовок в бортовом залпе, по нему будут вести огонь шесть. Причем четыре из них, установленные на верхней палубе, будут на 10 кабельтов дальнобойнее своего оригинального паспортного значения. И все это при том же количестве шестидюймовых орудий в залпе.

— Теперь у вас, Евгений Александрович, под командованием не крейсер, а просто какая-то «нежданная неприятность». Главное, чтобы она «нежданной» и оставалась, до поры до времени.

Много ли надо удачному прозвищу чтобы прилипнуть к человеку или кораблю, не важно? Всего лишь один раз быть произнесенным вслух.

Когда до дядюшки Ляо дошли новости, что все крейсера отряда свозят на берег дерево, а

через неделю Руднев заказал молебен «во одоления неприятеля» в главном соборе Владивостока, он понял что пора отправлять в Японию кодированный сигнал о выходе ВОКа на встречу с «Ослябей». В тот же день на телеграфе Владивостока молодой щеголеватый бразильский корреспондент отправил в редакцию своей газеты заметку о нравах русских офицеров во Владивостоке. Через семь дней из Сасебо к западному входу в Сунгарский пролив вышли броненосцы «Асахи» и «Сикисима», в сопровождении и для разведки с ними шли бронепалубные крейсера «Читосе» и «Кассаги». Еще через день Камимура, подняв как обычно флаг на «Идзумо», вывел из Сасебо пять своих броненосных крейсеров. Их сопровождали старые знакомые Руднева еще по Чемульпо — четвертый боевой отряд. В связи со смертью адмирала Уриу, теперь им командовал Того-младший. Для усиления четвертого отряда, которому предстояло сражаться с «Варягом» и «Богатырем», ему были приданы легкие крейсера «Такасаго» и «Иосино».

Противники встретились примерно там, где они и ожидали увидеть друг друга. Как и планировал Руднев, Камимура не стал брать с собой броненосцы — с ними отрядный ход снижался до 18 узлов, и у русских были все шансы оторваться не вступая в бой. Как и планировал Камимура, его крейсера оказались между русскими и Владивостоком, так что он фактически отрезал русских от базы. Попробуйся они после боя улизнуть Сунгарским проливом, их ожидала бы встреча с парой броненосцев. Боя «пять на пять» Камимура не опасался, полагая минимум два из пяти русских крейсеров ограниченно боеспособными, а остальные три весьма неудачно, для линейного боя, построенными. Прекрасные бронепалубники русских, «Богатырь» и «Варяг», тоже вряд ли могли помочь своим броненосным крейсерам в эскадренном линейном бою. Приятно удивив Камимуру, русская эскадра не стала пытаться обойти его крейсера и вернуться во Владивосток. Русские упорно держали курс к Сангарскому проливу.

— Похоже что на этот раз наша разведка не оскандалилась, — обратился на мостике «Идзумо» Камимура к своему начальнику штаба капитану первого ранга Като, — судя по настойчивости русских они и правда идут встречать своих. Что ж, об «Ослябе» позаботится Дева с броненосцами, а наша добыча — Руднев с крейсерами. Сближаемся на параллельных курсах. Не пойму с такого расстояния, кто же у русских головным...

Когда кильватерные колонны сблизились на 80 кабельтов, у Камимуры появилось еще два повода для удивления. Он наконец разглядел состав и порядок кильватерной колонны русских. Ну то что Руднев может поставить в линию баталии ^[98] свои бронепалубные крейсера, японский адмирал предполагал. Как там говорят эти русские — «на безрыбье и рак рыба»? Чем еще он мог усилить свою внушительную, но мало боеготовую линию... Но вот увидеть «Варяга» во главе линии русских кораблей, Камимура никак не ожидал. Как не ожидал он и того, что второе место займет «Богатырь». Свои бронепалубные крейсера Камимура оттянул за корму броненосной пятерки, чтобы «не путались под ногами». Второй сюрприз был неприятный — с расстояния 80 кабельтов стало видно, как на носу предпоследнего русского крейсера вспухло облако выстрела. Спустя примерно полминуты, упавший с полумильным недолетом до «Токивы» десятидюймовый снаряд с «Корейца» показал японцам, что насчет степени освоения русскими артиллерии трофеев разведка все же ошибалась. Следующий снаряд упал с неба спустя примерно полторы минуты. На этот раз с перелетом в пару кабельтов у борта «Адзумы».

В носовой башни «Корейца» Платон Диких наслаждался. Во-первых, в период подготовки к боям они, с мичманом Тыртовым с «Ушакова», расстреляли более пятидесяти

снарядов. После двадцати выстрелов из единственного десятидюймового орудия эскадры, мичман с прапорщиком задумались о расстреле ствола до боя. Выслушав их Беляев сначала похвалил товарищей офицеров за правильный ход мысли, «как выражается наш адмирал». А потом, по секрету, сообщил о составе груза захваченной «Варягом» «Малалаки». При наличии двух запасных стволов, вновь образованный штаб эскадры решил пожертвовать одним для обучения расчета. Перед выходом в бой ствол орудия был заменен на новый. Во-вторых, на «Корейца» загрузили полуторный боекомплект для носовой башни, так что снарядов должно было хватить на два часа боя на полной скорострельности. И в-третьих, самое приятное — перед выходом в море его и Тыртова вызвал к себе на «Варяг» Руднев. Им была предоставлена абсолютная свобода действий.

— По результатам последних стрельб вы достаточно уверенно поражаете цели на дистанции до 60–70 кабельтов. Ваше орудие наиболее дальнобойное на эскадре, и грех было бы этим не воспользоваться. Я приказал переоборудовать пару примыкающих к погребу боеприпасов вашей башни отсеков под хранилище дополнительного запаса снарядов. Ваша башня единственная на Гарибальдийцах, в которой оставили свой собственный дальномер. Остальные «каннибализировали» на рюриковичей — больше дальномеры взять было просто не откуда. Так что стреляйте по своему усмотрению, на дистанции более 50 кабельтов по среднему в колонне противника, при сближении постарайтесь достать флагмана. Но если какой либо из крейсеров противника будет более удобной целью — бейте по нему. При сближении не забывайте корректировать дистанцию по результатам пристрелки среднего калибра, впрочем — чего я вам это опять рассказываю в сто первый раз? Вы и сами все знаете. Я ожидаю процент попаданий из вашего орудия от двух, если вы не блеснете меткостью, до десяти, если вам повезет. Это от четырех до двадцати попаданий. Не подведите, товарищи, другим наличием у нас калибрам с дистанции более 25 кабельтов нам крейсера Камимуры не пронять.^[99] Забронированы они на совесть.

Теперь в полной пороховых газов башне молодой мичман и начинающий сидеть сверхсрочник дуэтом вели свою партию боя. Диких стоял за наводчика, ловя в оптику далекие силуэты на горизонте, выработавшимся за годы шестым чувством определяя упреждение и момент выстрела. Тыртов сидел на дальномере, и вносил поправки по дальности. После пятого выстрела снаряды стали ложиться довольно прилично, если учесть запредельную для начала века дистанцию и полное отсутствие пристрелки.

Камимура, мрачно наблюдал за очередным султаном взрыва, который обрушил на палубу «Идзумо» тонны воды с осколками. Очень, очень близкий недолет. Практически накрытие. А при том угле падения, с каким 10 дюймовый снаряд попадает с дистанции 60–70 кабельтов в слабобронированную ПАЛУБУ, он вполне может дойти и до машинного отделения. Не желая и дальше терпеть огонь противника без возможности отвечать, Камимура приказал изменить курс на два румба влево. Это позволило сократить время сближения с русской эскадрой. Но, с другой стороны, теперь при сближении японцы неизбежно отставали, и теперь головной «Идзуми», после сближения на 50 кабельтов, оказался не на траверсе шедшего головным «Варяга». И даже не на траверсе идущей третьим под контр-адмиральским флагом «России». Имея преимущество в ходе не более двух узлов (по «паспорту» крейсера японцев были быстроходнее русских на несколько узлов, но на практике они этого как-то не показали), Камимура после сближения отстал, и его флагман после поворота на параллельный с русскими курс был на траверсе «Громобоя».

В рубке «Варяга» Руднев злорадно усмехнулся. Даже если его сладкая парочка на

десятидюймовке вообще никуда сегодня не попадет, свое дело они уже сделали. Камимуре пришлось форсировать сближение и теперь догонять опережающих его русских под огнем. Кстати об огне, неплохо бы сблизиться еще на пяток кабельтов, пока Ками не закончил поворот. С «Варяга» взлетела в небо одна ракета белого дыма и одна зеленого, что было отрететировано следующими за ним кораблями. Еще во время маневров, в окрестностях Владивостока в голову Руднева пришла забавная идея. Тогда неправильно разобрав поднятый на мачте флагмана сигнал о повороте «Все вдруг», шедший концевым «Рюрик» вывалился из линии и, не имея запаса скорости, полчаса потом не мог ее догнать. Теперь перед любой эволюцией флагман не только поднимал сигнал, но и пускал ракеты соответствующего цвета. Белая — вправо, черная — влево. Одна — поворот «последовательно», две — «все вдруг». А количеств румбов — количество красных (если влево) или зеленого (если вправо) цвета. Сначала была путаница, но потом, привыкнув, командиры кораблей уже не представляли маневрирования без помощи ракет. Сейчас «Варяг» принял на один румб вправо, и русская линия стала медленно и незаметно приближаться к японцам.

На дальномерном poste «Варяга» лейтенант Нирод подобно метроному отсчитывал дистанцию до головного корабля противника. Японцы открыли огонь с 50 кабельтов сразу после поворота на параллельные курсы, но с русских кораблей в ответ летели только редкие десятидюймовые снаряды с «Корейца». Море вокруг «Варяга» кипело от недолетов и перелетов, но даже получив шестидюймовый снаряд в борт русский крейсер молчал. Молчала и остальная колонна, хотя последовательно поворачивающие японские крейсера уже начали обстрел «России» и «Громобоя». Наконец, после пяти томительных минут под безответным обстрелом, с дальномера донеслось долгожданное «СоГок пять кабельтов!». Руднев, который до этого нервно барабанил по бронированному ограждению рубки, ^[100] кивнул Зарубаеву, но тот и сам уже отправлял данные для пристрелки на три носовые шестидюймовые орудия правого борта. Не успели еще уйти в сторону «Идзумо» снаряды первого полузалпа, как на вторую тройку были отправлены данные с уменьшенной на три кабельтова, дистанцией. Через две минуты на мачте «Варяга» взвился сигнал «Дистанция до головного 46 кабельтов. Курсовой 193», и одновременно с этим рывкнули носовая и кормовая восьмидюймовки крейсера. Спустя примерно от тридцати секунд до минуты, понадобившихся артиллеристам крейсеров для определения дистанции между «Идзуми» и ИХ кораблем (тригонометрия седьмой класс, дано расстояние от своего флагмана до флагмана противника и угол, от Норда, под которым это расстояние измерено, известно расстояние и от своего корабля до «Варяга», остается «всего лишь» вычислить расстояние от себя до цели) начали стрельбу и остальные крейсера эскадры. Еще до того, как снаряды отстрелявшегося последним «Рюрика» упали у борта флагмана Камимуры, «Варяг» и «Богатырь» увеличили скорость до 23 узлов.

Через пару минут перестрелки Камимуре стало ясно, что его провели. Обстреливаемый огнем всех японских кораблей «Варяг» стал медленно, но верно отрываться от основных сил русских. Теперь во главе русской боевой линии была «Россия», пристрелку по которой надо было начинать с нуля. В то же время, Камимура, решив что он разгадал финт Руднева — поставить в голову линии бронепалубные крейсера для отвлечения огня противника в завязке боя, а потом, используя их преимущество в ходе, оторваться и выйти на встречу «Ослябе» — даже несколько успокоился. Пара бронепалубных крейсеров, какими бы прекрасными они не были, не поможет «Ослябе» проскочить мимо двух броненосцев. А оказать поддержку своим броненосным товарищам русские бронепалубники уже не смогут.

С сожалением бросив последний взгляд на медленноудаляющиеся легкие крейсера русских, Камимура приказал перенести огонь на ставшую головной «Россию». Как показали дальнейшие события, расслабился японский адмирал преждевременно.

Не успев отойти от сцепившихся в схватке колонн и на милю «Варяг» с «Богатырем» легли на новый курс. Повернув «вдруг», и приняв строй пеленга, они медленно но верно стали склоняться в сторону флагмана Камимуры, держась однако от его на дистанции порядка 6 миль. Когда они вышли почти в голову японской колонны, «Варяг» снизил скорость и позволил японцам самим его догонять. Когда Камимура понял, что наглый Руднев фактически сделал ему crossing t силами двух крейсеров, даже не защищенных броней, он оказался перед не простым выбором. С одной стороны — выйти из под обстрела пары русских бронепалубников было просто — всего то навсего отвернуть на пару румбов вправо. Но тогда из зоны огня выходили основные силы русских, по которым только только пристрелялись наконец-то его корабли. На «России» как раз разгорался пожар на шканцах. С другой стороны — отогнать наглую русскую пару огнем не так просто — из всей эскадры по ним может вести огонь только носовая башня самого «Идзуми» и три его носовые шестидюймовки правого борта. От огня остальных кораблей эскадры их прикрывает корпус самого флагмана. Поразмыслив, Камимура решил терпеть огонь пары наглых крейсеров пока будет такая возможность. Прекрасно зная характеристики русских шестидюймовок, которым были вооружены «Варяг» и «Богатырь», японский адмирал понимал, что ни утопить ни серьезно повредить его корабль с расстояний более 20 кабельтовых русские не смогут. Русским снарядам просто не пробить даже 127 мм брони верхнего пояса «Идзуми», а уж тем более 152 мм брони башни или 178 мм главного пояса, прикрывающего ватерлинию. А то, что русские шестидюймовые подарки вполне могут снести орудия на верхней палубе или пробить борт выше пояса — это можно и придется перетерпеть. Сначала надо разобраться с броненосными противниками, а уж потом можно будет заняться и мелочью.

Когда за неделю до выхода в море Руднев изложил Небогатову свой план охвата головы Камимуры силами двух не броненосных, но скоростных крейсеров, тот задал простой вопрос:

— Всеволод Федорович, а что помешает Камимуре просто отвернуть на два румба, встать к вам бортом и расстрелять вас бортовыми залпами?

— Ну во первых — вы тогда от него уйдете, вы то курс менять не будете, а вы — по легенде, идет помочь прорываться «Ослябе». И главная задача Камимуры не утопить меня, а не пустить вас! А во-вторых, вы не учитываете психологию японцев. Вы бы отвернули, да и я бы тоже принял в сторону, если это целесообразно. Но для японца отвернуть от более слабого противника, даже если тот в заведомо лучшем положении — это потеря лица. Так что максимум, что мне грозит, это огонь одной башни с парой восьмидюймовок.

— Вашим крейсерам может и этого хватить.

— Ну пробить скос японским снарядом с 20 кабельтов, даже восьмидюймовым — это вряд ли. А все остальное — не смертельно. Пока будет хоть пара орудий способных стрелять, я с головы Камимуры не слезу! Если потеряю скорость — отползу к вам за линию, Николай Иванович. Пустите?

— Вас не пустишь пожалуй, — шутливо проворчал Небогатов, и уже серьезно продолжил, — я только теперь понимаю, почему Его Величество в приватной беседе мне настойчиво порекомендовал прислушиваться к тому, что говорите. И хотя по времени производства вчин я вас и превосхожу, но не официально император меня попросил

выполнять ваши просьбы, как его собственные. Я, признаться, даже обиделся. Но теперь вижу, смысл в этом есть.

Когда «Варяг» с «Богатырем» увеличив ход стали отрываться от «России», Небогатов вздохнул с облегчением, хотя и немного нервно. Ему казалось, что за последние дни он сильно постарел. И, похоже, что виной тому был не возраст, хотя и не малый. Да и к такой работе по обучению он привык, последний год на Черном море этим и занимался. Правда, тут был жесткий лимит времени, но на то и война. Да, приходилось решать довольно сложную задачу по совмещению сплаванных броненосных крейсеров ВОК и новичков в одном отряде. Однако строки Пушкина, пришедшие в голову поначалу: «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань», а именно такой поначалу показалась задача, последнее время в голове не крутились. И хотя новые крейсера упорно не хотели делать то, что от них требовалось, но опыт эскадренных плаваний «старичков» сильно помогал, да и экипажи на «новичках» были не новобранцами. В последние дни отведенного срока уже удавалось сносно маневрировать, а артиллеристы утверждали, что с орудиями они разобрались. Ну в полигонных-то условиях они ничего себя показали, но каково будет в бою, все ж таки орудия несколько непривычны? Оптимизма добавляла только десятидюймовая башня «Корейца». Парочка командовавшая ей мало того, что великолепно «спелась» и показывала отличные результаты стрельбы, так еще и не просто выполняли приказы, но и сами активно проявляли инициативу. Если учесть, что один из них побывал в бою, (да еще в каком!), то за эту башню в бою можно было не беспокоиться. Не подведут ни люди, ни техника управляемая этими людьми.

Но вот когда Руднев излагал ему свой план боя, Небогатов и поймал себя на мысли, что чувствует себя стариком, перед этим молодым человеком... Но разве Руднев молод? Да он младше, но не столь уж и намного. А вот поди ж ты. Даже если не принимать в расчет того, что про него рассказывают, того что Небогатов видел своими глазами — хватало. Что он сделал с кораблями? И как ему такое пришло в голову (он же не инженер), и как он добился выполнения своих планов? Ни одному из встречавшихся ранее Небогатову морских офицеров и в голову не приходило менять конструкцию и состав вооружения вверенных ему кораблей. Плавали на том что давали, жаловались, но перевооружать заново уже готовые корабли?

А их первая встреча? «Варяг» вернулся, взорвав японскую дамбу. Мост на ней. Ну где это видано? Даже не канонерка — крейсер, быстроходный крейсер атакует ж/д мост! Да откуда Руднев про него узнал и зачем вообще он ему сдался? Мало у Японии вариантов перевозки войск? Дальше — больше, мало ему моста. Пошел резать кабель, узнав о новой пакости японцев. Ну дите, чисто дите. Контр-адмирал обиделся на японцев. А минеры еще говорят, какую-то хитрую мину на кабель прицепили. И ведь опять — получилось.

А с этим портным. Полдня слушал объяснения Руднева, кто это Ляо такой, откуда он тут взялся, откуда Руднев про него знает и зачем надо к нему идти им, адмиралам, а не послать парочку жандармов. А уж свои речи учили, прямо как в театре. Ну какие актеры из старых адмиралов? Но пока разговор не стал получаться более или менее сносным Руднев все начинал сначала. Одно это заставляло задуматься. Откуда столько энергии, опыта и знаний, причем в большой степени отнюдь не относящихся к компетенции морского офицера? Но и как морской офицер: эскадр, правда, Руднев пока не водил, но кораблями пока командовал успешно, да и организация действий вспомогательных крейсеров требовала, по крайней мере, штабного опыта, а он все сделал практически один и по сути между делом.

В какой-то момент показалось, что Рудневи не собирается брать его, Небогатова в бой. План боя разработан. Корабли расставлены. Кстати, Небогатов бы расставил их по другому, и несколько раз порывался изложить свои соображения. Но уверенный тон Руднева и его веские, хотя и не бесспорные аргументы каждый раз останавливали. Командиры кораблей, да и что греха таить, сам контр-адмирал, проинструктированы. Небогатов почувствовал себя мебелью и даже с каким-то облегчением отдался воле контр-адмирала, который хотя и был в том же звании, но формально был вторым после Небогатова. И вот теперь, проведя завязку боя в кильватере крейсеров Руднева, Небогатову предстояло взять управление 5-ю броненосными крейсерами на себя.

Бой шел уже несколько минут, но все его боевые приказы пока свелись к формальному «Открыть огонь по флагманскому кораблю неприятеля». Минут через пять корабль содрогнулся от взрыва снаряда. Началось, подумал Небогатов, и теперь уже облегченно вздохнул. Началось.

Как и предполагал Руднев, японцы пока полностью игнорировали огнем пару дерзких русских бронепалубных крейсеров. Основной огонь японцы сосредоточили на концевых кораблях русской колонны, головной «России» и концевом «Рюрике». Русские в долгу не оставались, и действовали примерно по тому же сценарию — по флагманскому «Идзумо» били «Россия», «Громобой» и «Кореец». Видимых повреждений на японце пока не было, русские снаряды с пироксилином давали при взрыве мало дыма, да и взрывались чаще внутри корабля противника, или уже от ricochet от брони. Зато то «Рюрик», то «Россия» периодически скрывались за облаками черного дыма, от красочных шимозных разрывов. Кроме этого, в местах взрывов японских снарядов загоралось все, что хотя бы теоретически может гореть. Не смотря на массовую борьбу с деревом на русских кораблях, сейчас на «России» во всю полыхал красивый пожар. К месту возгорания с носа и кормы, судорожно раскатывая шланги, бежали пожарные дивизионы. С борта «Рюрика» уже в двух местах, подобно лоскутам отшелушившийся кожи, свешивались в воду листы котельного железа, которыми так долго и старательно добронировали в доке оконечности старого крейсера. Впрочем, приняв на себя энергию взрыва, свое дело это уже железо сделало — пробоины в борту старого крейсера были очень скромных размеров, и уже заделывались деревом.

Впрочем, не смотря на внешне идеальное состояние японских крейсеров, на них тоже сейчас было «весело». Ricochet от боевой рубки «Идзумо» снаряд ушел свечкой вверх и разорвался под боевым марсом, изрешетив его и превратив в пыль прожектор. В левом носовом каземате 12 фунтового орудия взрывом русского снаряда и последующей детонацией складированных у орудия патронов вывело из строя и само орудие и весь расчет. Другой снаряд, пробил на вылет паровой катер и сдетонировал аккурат между раструбов двух вентиляторов, подававших воздух в кормовую кочегарку. Кроме ранений, полученных тремя членами машинной команды, это привело к падению тяги. Ну и наконец первый русский снаряд, пробивший в этом бою броню верхнего пояса «Идзумо», разорвался не дойдя до скоса бронепалубы всего пол метра. «Якумо», поставленный в хвост японской колонны как самый тихоходный, повезло чуть больше — по нему вели огонь только переметнувшийся на русскую службу «Сунгари» и старик «Рюрик». Но и у него хватало проблем — неожиданно плотный и частый огонь «Рюрика» стал для командующего крейсером каперанга Мацучи откровением. Для верности открыв в Джейне страницу с «Рюриком» Мацучи снова и снова переводил взгляд с изображенного на бумаге силуэта на ошестинившийся вспышками выстрелов оригинал. Ну смену мачт на более легкие не заметить

было тяжело, но почему с «Рюрика» прилетает настолько много снарядов, причем явно, калибром больше шести дюймов? Прописанные в Джейне и ожидаемые две восьмидюймовки на такое не способны даже по паспорту. А уж в реальном бою и подавно. Со вздохом отложив очевидно не точный справочник, японец стал пытаться в подозрную трубу пересчитать орудия на палубе и в казематах русского крейсера. Недоверчиво хмыкнув полученному результату, Мацучи начал было считать снова. Получившийся у него, после подсчета более ярких вспышек выстрелов восьмидюймовых орудий, результата был заведомо не верен. Утроенный по сравнению с проектным бортовой залп главного калибра? Но его внимание было отвлечено первым попавшим в «Якумо» русским снарядом.

После получаса боя ни одна сторона не имела ни малейшего преимущества. Количество попаданий с обеих сторон было примерно одинаковым. Японские крейсера были слишком хорошо бронированы для того, чтобы всерьез надеяться избить их восьмидюймовыми снарядами до потери боеспособности. Они выдерживали и многочасовые бои против настоящих броненосцев. На потерю пары стоящих на верхней палубе орудий, японцы ответили выбиванием пары казематов с русскими пушками. Хотя по сравнению с боем при Ульсане, в оставленном Карпышевым мире, потери русских при аналогичных попаданиях были в разы ниже. Сказались дополнительные перегородки между казематами и противоосколочное прикрытие всего, что можно и нужно было прикрывать. На стороне русских было большее водоизмещение, дополнительные меры по защите кораблей и скверный характер японских взрывателей. Обе стороны могли надеяться или на удачный тактический ход, или «золотой снаряд». Новый тактический ход попробовал Руднев, а вот с золотым снарядом повезло скорее японцам.

Адмирал Камимура нервничал. Разумеется, со стороны этого не было заметно. Он все так же сосредоточенно следил за противником и так же резко отдавал необходимые приказания. Однако в разговоре с начальником штаба он перешел на «личности» что было совершенно нехарактерно для сдержанного японца.

— Я начинаю думать, что Руднев на самом деле потопил «Асаму». Я не верил утверждениям, что «Асаму» потопил «Кореец», даже с учетом слухов, что там дело было нечисто. Не могла канонерка хоть что-то сделать броненосному крейсеру. Я полагал, что по неосторожности, в нервном напряжении перед первым боем с европейской державой, экипаж «Асамы» допустил взрыв погреба ГК, а все списали на противника. Однако этот русский адмирал действует так, словно в него вселились демоны. Может они, и впрямь помогли ему потопить «Асаму»?

Источником нервного состояния адмирала были два русских бронепалубных крейсера зависших на носовых курсовых углах. Их снаряды теоретически серьезно не угрожали боеспособности флагмана, но были неприятны. А несколько особо сильных разрывов подталкивали к мысли, что огонь ведется не только из шестидюймовок.

Но что делать, адмирал никак не мог решить. Перенос огня на русские бронепалубники означал потерю половины бортового залпа «Идзумо», причем с учетом того, что огонь нужно было размазать по двум крейсерам, то можно было рассчитывать только на единичные попадания в русские корабли. А это для крупных крейсеров неприятно, но не принесет потери боеспособности, а просто испугать русских адмирал уже не надеялся. Мысль об изменении курса, чтоб иметь возможность стрелять всем бортом была настолько чудовищна, что Камимура ее отогнал сразу. Придется отвернуть от русских броненосных крейсеров, от более слабого или, в крайнем случае, равного противника! Никогда!

Адмирал уже несколько раз порывался приказать перенести огонь из всего, что дотянется на русские бронепалубники, но каждый раз останавливался. Сквозь уважение к талантливому и серьезному противнику все сильнее стало пробиваться раздражение. Напрашивалась аллегория: дерутся два серьезных самурая. Вокруг бегает ребенок одного из них и, время от времени, дергает второго за... гм... яйца. Несмертельно. Но неприятно. Конечно, если обратить внимание на этого ребенка от него мокрого места не останется. Но ведь взрослый-то самурай этим воспользуется. Но и не обращать внимания... Дергает, дергает... А ну как все-таки оторвет?

Медленно позволяя себя догонять «Варяг» с «Богатырем» постепенно увеличивали огневое воздействие на японского флагмана. Первый попавший с «Варяга» восьмидюймовый снаряд на «Идзумо» ударил в борт, и его отнесли на счет «Громобоя» и «России». Но последовавшее через пять минут второе попадание, в бок носовой башни, отнести на счет находящихся на левом траверсе броненосных крейсеров русских было уже нельзя. В носовой башне от сотрясения перебило половину лампочек, телефонов и циферблатов управления стрельбой. Башенный дальномер вместо дистанции до цели упорно показывал десять кабельтов, хотя даже на глаз до обстреливаемой «России» было не меньше 35. Хуже того, началась течь из уплотнения сальников гидравлической системы привода самой башни. Сколько еще сможет проработать башня, до падения в системе давления сказать было сложно, резервная электрическая система никогда не внушала доверия. А уж поворачивать башню вручную, это значит снизить и так не самую высокую скорострельность. Кроме это в «Идзумо» с бронепалубников уже попало порядка десяти шестидюймовых снарядов. Они действительно не могли пробить брони пояса, башни или траверса, но передняя труба уже опасно качалась на растяжках и после еще пары попаданий должна была свалиться. Камимура мгновенно отреагировал и приказал перенести на «Варяга» огонь всего, что могло до него добить. Увы — в момент поднятия на мачте «Идзумо» флажного сигнала о переносе огня удачный снаряд с «Богатыря» разметал по мостику японского флагмана сигнальщиков и ящики с сигнальными флагами. Осколками того же снаряда были перебиты и фалы по которым эти флаги поднимались на фок мачту. Жестоко избиваемый продольным огнем легких русских крейсеров «Идзуми» с каждым новым попаданием все менее подходил для выполнения роли флагманского корабля. Да, все механизмы и орудия японца были надежно прикрыты непроницаемой для шестидюймовых снарядов броней. Но каждое попадание в трубу это падение тяги в котлах и как следствие падение скорости крейсера и всей колонны. Каждый снаряд разорвавшийся у раструба вентилятора, это смятый воздуховод, по которому в топки котлов всасывается меньше кислорода, и снова — падение хода. Пара пробоин в не бронированной носовой оконечности крейсера, это не только дополнительная вентиляция подшиперской, но и затопления каждый раз когда нос крейсера ныряет в поднятый тараном бурун. И пусть один снаряд сделавший эту пробоину достаточно безвредно разорвался на бронированном траверсе (вспучивание палубы, многочисленные осколочные повреждения и шесть раненых в лазарете). Второй, с несработавшим (традиция однако, хотя после смены взрывателей на русских снарядах не взрыв попавшего в цель снаряда стал из правила скорее исключением) взрывателем, подобно бильярдному шару проскользил по бронепалубе пока не завяз в переборке у каземата шестидюймового орудия. Где и пролежал, пугая прислугу своим мрачным видом, до конца боя. А заодно пожары и выведенные осколками из строя орудия на верхней палубе, переполненные лазареты, невозможность подать сигнал ведомым кораблям и прочие радости плотно обстреливаемого корабля. И все это без единого

пробития брони.

Похожая картина была и на «России». Хотя броня и была не по зубам японским снарядам, повреждений от осколков и огня было достаточно. Верхний средний каземат шестидюймового орудия в одно мгновение превратился в гибрид печи высокого давления и крематория, в котором заживо сгорели шесть членов расчета орудия. Виновник — крошечный раскаленный осколок снаряда, который даже не попал в крейсер, воспламенивший беседку с гильзами для шестидюймового орудия.

Крейсер получил уже с десятков попаданий, однако тревожных сообщений пока не было. Докладывали в основном о пожарах. Пожары пока тушились, хотя и с переменным успехом. Особенно долго возились с первым, с непривычки. Правда, так до конца его погасить не удавалось. Вроде бы уже погасший огонь периодически вспыхивал снова, но никого уже не пугал. Дым от пожара мешал наблюдать за кормовым сектором, чем Небогатов был недоволен.

— Да что там они с пожаром справиться не могут? Сгорим ведь, господа.

Через некоторое время после особенно сильного взрыва прибежал посыльный от командира плутонга шестидюймовок правого борта, молодой вольноопределяющийся. Он долго не мог внятно доложить командиру крейсера, и капитану первого ранга Андрееву пришлось на него прикрикнуть, и даже немного встряхнуть.

— Т-там, среднем к-каземате взрыв, — дрожа докладывал посыльный, — расчет весь... все...

— Что там!? — опять прикрикнул командир.

— Сгорели... все... заживо, — почти прошептал посыльный и получив разрешение уйти почти вывалился из рубки. С мостика слышались характерные звуки выворачиваемого наизнанку желудка. Очевидно что посыльный в упомянутом каземате побывал лично.

Андреев смущенно прокашлялся и доложил Небогатову:

— Два шестидюймовых орудия мы уже потеряли. И один расчет полностью. В остальных много раненых, есть и убитые.

Восьмидюймовки каким-то чудом были пока целы, хотя их расчеты постоянно приходилось пополнять. Будучи головной «Россия» особенно активно обстреливалась японцами, и даже от близких разрывов прилетали осколки. Но экипаж был уже в таком состоянии, что обращал внимания на осколки не больше, чем на брызги воды от близких разрывов снарядов, отмахиваясь от них как от мух, а иногда и просто не замечая легких ранений.

Крейсер держался уверенно, и активно вел бой. «Идзумо» вышел уже на траверз «России», однако пока японцы шли параллельным курсом в маневрировании не было нужды. В какой-то момент адмирал расслабился и привалился к броне рубки. Буквально через пару минут японский шестидюймовый снаряд ударил в мостик практически в основание рубки. Почти всех в рубке сбило с ног. Адмирала отшвырнуло и ударило о противоположную стенку рубки. Он сел и некоторое время ошарашено осматривался по сторонам, пока не понял что его оглушило и пропавшие звуки боя не означают, что бой кончился. В результате вторую половину боя адмирал только наблюдал за японцами и был не в курсе происходящего на корабле. Хотя к концу боя он уже различал разрывы снарядов и громкие голоса. К моменту окончания боя он пришел в себя почти полностью, но еще пару дней слышал не очень хорошо, а потому и сам говорил громче обычного.

В соседнем со взорванным каземате, осветившимся отблесками пламени и

наполнившимся через щели в перегородке пороховыми газами, за наводчика сидел кондуктор Васильев. Среди подносчиков снарядов к орудью был и матрос второй статьи Зыкин. Более непохожей парочки было трудно представить. Если Васильев был на хорошем счету, и регулярно получал поощрения, повышения и дополнительные чарки, то Зыкина иначе как «баковым пугалом» или «балластом» никто из офицеров не называл. Было такое наказание в те годы на русском флоте, провинившегося матроса ставили «проветрится» на баке под ружье с полной выкладкой, чтоб подумал наверное о своей судьбинушке. Неоднократные попытки командира плутонга лейтенанта Молоса, хоть немного научить большого и грузного сибирского крестьянина основам наведения орудия на цель, на случай выхода из строя остальных членов расчета, раз за разом заканчивались фиаско и очередным «проветриванием» Зыкина. Казалось, что безразличие и абсолютная тупость этого матроса были абсолютно непробиваемы. В момент взрыва в соседнем каземате, Васильев сидел на своем законном месте в кресле наводчика. Молос и раньше, во время выходов к берегам Японии замечал, что при встрече с неприятелем его лучший наводчик становится дерганным и нервным. Но на душеспасительные беседы все не было времени, и лейтенант списал поведение Васильева на боевой задор и избыток адреналина. Но сейчас, в заполненном дымом и криками каземате кондуктор неподвижно замер в кресле, намертво вцепившись в рукоятки маховиков наводки орудия. После того, как он в третий раз проигнорировал команду «огонь», все решили что он ранен, тем более что в полумраке каземата стало видно, что под ним быстро расплывется лужа. Но когда его попытались аккуратно извлечь из кресла, стало ясно что у Васильева просто сдали нервы. По запаху стало ясно, что к крови лужа под орудием не имеет никакого отношения. Попытки оторвать руки комендора от маховиков не увенчались успехом, и орудий молчало уже полторы минуты. Вдруг, подскочивший к орудия Зыкин одним движением левой руки выдернул Васильева из кресла, и отшвырнул того в сторону. После этого, он, к удивлению членов расчета и добравшегося наконец до каземата Молоса, одним движением без приказа и спроса сам втиснулся за рукоятки наводки. Он видел свежее установленный оптический прицел всего один раз. Тогда, за неделю до выхода в боевой поход, на тренировке для всех членов расчета по наведению орудий, он перепутал направление вращения маховиков. Вместо наведения «вправо — вверх», он умудрился загнать ствол в крайнее «левое — нижнее» положение. Потом, он долго моргая смотрел на распекающего его Молоса, пока того в очередной раз не вывел из себя невинный взгляд светло голубых «телячьих» глаз матроса. Первое знакомство с обновленным прицелом закончилось для Зыкина часом на баке и синяком на левой скуле. Сейчас, с непонятно откуда взявшейся ловкостью профессионала, которая так не походила на его же неуклюжие движения на тренировках, он за десять секунд навел орудие на цель и выпалил. Не отрывая взгляда от прицела и продолжая удерживать в перекрестии случайно подвернувшийся «Адзумо», он заорал на остальных членов расчета — «Подавайте, сукины дети, мне что вас до вечера ждать?». Подбежавший к орудью Молос, хотел было заменить его на месте наводчика на кого-нибудь другого, но машинально проследив за падением снаряда увидел, как у борта не обстреливаемый никем «Адзумы» вздыбился одинокий столб воды. После того, как следующая пара выстрелов тоже легла очень прилично, Молос ограничился ободряющим похлопыванием по плечу и приказом перенести огонь на головной. Однако, к его удивлению всегда молчавший Зыкин подал голос, причем от прицела от так и не отвернулся и говорил с лейтенантом не глядя на него.

— Товарищ лейтенант, там от всплесков черт ногу сломит, а второго я через пару

выстрелов достану.

— Как ты его достанешь, олух царя небесного, — начал закипать имеющий короткий фитиль Молос, — для нормальной пристрелки надо не мене трех орудий в залпе, сам ты дистанцию не уточнишь, если говорят тебе по головному — бей по...

Очередной выстрел прервал речь лейтенанта, и через примерно двадцать секунд на борту «Адзумы» расцвел цветок разрыва.

— Как, как... Охотник я. И отец мой был охотник и дед, — отозвался по звериному оскалившийся матрос, по прежнему не смотря ни на что кроме цели, — тут конечно не дробовик и не «бердан», но *прочувствовать* тоже можно. Не волнуйтесь, ваше... товариш лейтенант. Теперь от меня он никуда не денется.

— А чего же ты, черт эдакий, полтора года ваньку мне валял, пушку не в ту сторону ворочал? — оторопело проговорил Молос, откровенно любуясь действиями комендора, — ведь мог бы за наводчика стать еще год назад? Неужели самому было охота снаряды кидать?

— А зачем? — откровенно не понял Зыкин, — наводчиков у нас было в достатке, а что пушку не туда повернул... Ну я это «право», «лево», вращать «по часовой, против часовой»... тут пробовать надо, а так на словах я не очень, извиняемся.

С этими словами бывший охотник, а теперь законный наводчик верхнего среднего шестидюймового орудия крейсера «Россия», выпустил в сторону «Адзумы», названия которой он даже не знал, ибо в опознании силуэтов тоже был «не очень», очередной снаряд. До окончания боя орудие под управление Зыкина показало самый большой процент попаданий из всех русских шестидюймовых пушек. В «Адзуму» на этом этапе боя попало шесть шестидюймовых снарядов.

К этому моменту бесперспективность стрельбы его корабля по «Идзумо» стала очевидна и для командира следующего третьим в русской колонне «Сунгари». Вспомнив, что Руднев сам сказал ему, что «в бою надлежит проявлять разумную инициативу» Миклухо-Маклай приказал перенести огонь на следующий в японской колонне третьим «Ивате». Стрелявший до этого по «России» в полигонных условиях «Ивате» не долго оставался в положении непораженного корабля, и теперь в японской колонне похвастаться отсутствием попаданий могла только «Токива». Она казалась оправдывала свое название — «Вечный» или «Незыблемый».

За все время боя носовая башня «Корейца» добила двух попаданий в «Идзумо». Первое с большой дистанции в грот мачту, при не взорвавшемся бронебойном снаряде, осталось не замеченным для русских. Но японцам от этого было не легче — пробитая насквозь мачта вот-вот готова была рухнуть. Во втором на «Корейце» тоже были не уверены — снаряд прошел поперек всего японского корабля и взорвался уже в угольной яме противоположенного борта. После переноса огня на «Якумо» последний получил довольно безобидное попадание. Метровая пробоина высоко над ватерлинией никак не повлияла на мореходность и боевые качества крейсера. Но японцам не могло везти бесконечно. На каждом японском крейсере бронированные казематы шестидюймовых орудий и пара башен главного калибра занимали примерно 10 % от площади бортовой проекции. И при этом, броня эта вполне пробивалась десятидюймовыми снарядами с дистанции боя. Рано или поздно, хоть один из них обязан был попасть в уязвимое место, просто по теории вероятности.

Хотя в общем японскому флоту, даже получившему ожидаемое попадание, скорее все же повезло. Попади в первый час боя снаряд с «Корейца» в башню какого либо корабля

британской постройки — «Идзумо», «Ивате» или «Токива» — тот бы взорвался весь. На каждом из них в самой башне хранилось несколько десятков снарядов, что позволяло повысить скорострельность в первый, самый важный период боя. К счастью для японцев, «Кореец» вел огонь по построенному консервативными немцами «Якумо». Проектировщики верфи «Вулкан», в Штеттине, разместили все снаряды и заряды к ним в погребе боеприпасов, где им и место. А для увеличения скорострельности установили на «Якумо» два снарядных элеватора вместо одного, как было на кораблях британской постройки. Расплачиваться за это пришлось уменьшением количества снарядов, если на «Идзумо» на восьмидюймовый ствол приходилось по 120 выстрелов, то на «Якумо» — всего 80. Зато после того, как двухсоткилограммовый снаряд проломил броню кормовой башни и взорвался на станине орудия, сдетонировали только два снаряда и заряды к ним. Получи такой удар любой из крейсеров британской постройки, одновременный взрыв до 50 снарядов гарантированно разрушал не только башню, но и наносил серьезный урон всей оконечности корабля. Весьма вероятен был и взрыв погребов боезапаса. Впрочем, для находившихся в башне, и двух поднятых в элеваторах снарядов с пороховыми картузами хватило с избытком. Из амбразур орудий выплеснулись длинные, метров по тридцать, полотнища огня, сорванная крыша башни плюхнулась в воду за кормой, а сам крейсер казалось силой взрыва был вдавлен в воду примерно на фут. Одномоментно к «перистым облакам» (в отличие остальных японских кораблей линии которые носили названия гор или провинций на территории Японии, «Якумо» означает именно перистые облака, хотя такие поэтические имена обычно давались эсминцам) перенеслось тридцать пять членов команды. От сотрясения на несколько минут заклинило рулевую машину, и «Якумо» медленно стал вываливаться из строя вправо, невольно уходя от основного места сражения.

Громогласное «ура» прокатилось сначала по палубам русских крейсеров, а потом подобно цунами затопило и их трюмы, куда весть о взрыве японского крейсера попала через переговорные трубы. На наиболее пострадавшем от огня японцев «Рюрике» радостно орали все, кто еще мог хоть что-то произнести вслух. Вообще старейший, из принимавших сейчас участие в бою, крейсер выглядел страшно. Даже не смотря на все усилия по установке дополнительных противоосколочных переборок на батарейной палубе, большинство орудий правого, стрелявшего борта было приведено в негодность. Из шести восьмидюймовок, в начале боя устроивших «Якумо» дождь металла и пироксилина, могли вести огонь только кормовая на верхней палубе и носовая казематная. Еще был шанс до конца боя починить носовую, сейчас комендоры под градом осколком пытались зубилом выбить заклинивший накатник осколок. В пробоины медленно но верно поступала вода, и «Рюрик» уже завалился на правый борт на два градуса. На батарейной и верхней палубе вповалку лежали тела убитых, а лазарет и перевязочная в бане были переполнены ранеными. Лежащие в бане слышали, как за переборкой шуршит высыпавшийся через пробоины за борт уголь. Именно этот высыпавшийся уголь и стал причиной очередной маленькой трагедии, которыми полон любой бой. Если бы угольная яма была полной, то попавший в борт с «Такасаго» бронебойный восьмидюймовый снаряд (после боя в Чемульпо в боекомплекты крейсеров со складов вернули старые бронебойные снаряды британского образца, к счастью для русских их было очень мало) взорвался бы в завалах угля. Но увы, пробив борт, он беспрепятственно дошел до скоса бронепалубы и взорвался частично пробив его. Из находившихся в перевязочной погибло более половины, включая доктора. Оставшиеся в живых перевязывали друг друга как могли, и чем приходилось. Впоследствии, именно этот случай лег в основу

обязательного обучения всех солдат и матросов русской армии и флота основам оказания первой помощи.

Спустя несколько минут после возвращения «Якумо» в строй, что было встречено громовым «Банзай» на всех японский кораблях, «Рюрик» получил снаряд, чуть было не решивший его судьбу. Казалось что противостояние этих двух кораблей вышло за рамки обычной перестрелки крейсеров воюющих сторон, и перешло уже в область чего то личного. Не успев даже занять свое место в строю, «Якумо» всадил шестидюймовый снаряд в рубку «Рюрика». От полного уничтожения командование корабля спасла только зауженная амбразура и снятый «грибок» козырек, который исправно отражал осколки в рубки русских кораблей всю войну. Но даже улучшенная конструкция рубки не смогла спасти всех. Убиты были рулевой квартирмейстер Приходько и один из сигнальщиков, старший штурманский офицер Солуха получил осколок в живот, и был, несмотря на отчаянные попытки остаться в рубке, отправлен в лазарет. Мичман Иванов с пробитой в трех местах рукой остался в рубке. Командир крейсера Тусов был ранен двумя осколками в лицо. Один распорол ему правую щеку, а второй, раскрошив предварительно бинокль, выбил капитану первого ранга передние зубы. Оставшись после перевязки в рубке, Тусов теперь изъяснялся настолько невнятно, что ему приходилось свои приказы дублировать жестами. Едва на «Рюрике» справились с поражением рубки, как с того же «Якумо» прилетел роковой снаряд. Даже лишившись кормовой башни, и потеряв от огня «Рюрика» три из шести шестидюймовок левого борта, японский крейсер все же смог отправить в нокдаун своего оппонента. Восьмидюймовый снаряд из носовой башни, которая тоже перешла на стрельбу бронебойными, проник в румпельное отделение «Рюрика». Там он взорвался не только размоловив рулевую машину, но и погнув тяги привода пера руля, и заклинив руль в положении 30 градусов право на борт. «Рюрик» резко рыскнул вправо, вывалившись из линии в сторону противника.

В рубке «Варяга» Руднев, не отрывавший взгляда от «Идзумо», как раз воскликнул «Есть», по поводу очередного взрыва в носовой оконечности японского флагмана, который уже сбавил ход до 16 узлов. Его радостный возглас почти совпал с выкриком-всхлипом Вандокурова — «Рюрик!!!». Сигнальный квартирмейстер с левого крыла мостика наблюдал за следующими за «Варягом» русскими кораблями. Мгновенно высыпавшие на мостик из рубки офицеры успели заметить, как «Рюрик» вываливается из строя и закладывает явно неуправляемую циркуляцию в сторону противника. Фраза Руднева, — «опять старику не повезло, наверное и у кораблей есть карма»,^[101] осталась без внимания товарищей офицеров. С «Варяга» было хорошо видно, как «Рюрик», пытаясь управляться машинами, медленно возвращается на первоначальный курс. Увы — с заклиненным в положении «право на борт» румпелем, «Рюрик» не мог следовать прямо со скоростью более шести узлов. Видя бедственное положение русского корабля, к нему, как стая гиен к раненому льву, устремились японские бронепалубные крейсера. Они, в количестве шести штук, до сих пор держались поодаль. Камимура хотел было приказать командующему ими Того-младшему, поднявшему флаг на «Наниве», атаковать хвост русской колонны. Но к тому моменту «Идзумо» уже не мог нормально отдавать приказы — поднять сигнал на фок мачте было невозможно, а растянутые на ограждении мостика флаги были не видны с расстояния шести миль (впрочем провисели они там весьма недолго, и были сметены очередным снарядом с «Богатыря»). Именно там, позади японской боевой линии с небольшим отставанием и болтались японские бронепалубники, дисциплинированно выполняя ранее отданный Камимурой же приказ. Они ждали момента, когда смогут заняться добиванием вышедших из

строю русских крейсеров. И наконец-то дождались — выпавший из строя «Рюрик», который сейчас, неуклюже виляя (в румпельном отделении ныряющие к перебитым тугам матросы отчаянно пытались поставить перо руля прямо, отчего крейсер рыскал то вправо, то влево), пытался следовать за эскадрой, показался Того идеальной добычей. Опережая медлительно флагмана к нему ринулись более современные и быстроходные «Такасаго» с «Иосино». Эти более новые корабли обычно сопровождали отряд броненосцев Того, и их командиры посматривали на своих коллег из Четвертого боевого отряда немного свысока. Вот и сейчас их командиры пользуясь преимуществом в скорости хотели утереть нос более медлительным коллегам и первыми нанести удар по «охромевшему» русскому.

Повернувшись к командиру корабля Руднев приказал:

— Поднять сигнал «Богатырю» — к повороту. «Рюрика» надо выручать, ворочайте влево на 16 румбов, и за нашей линией полным ходом идем давить бронепалубников.

Подобно двум ангелам мести русские шеститысячники лихо развернулись «через левое плечо» и, дружно дымя и с каждой секундой увеличивая ход, понеслись на контр-курсах навстречу своему броненосному отряду. На траверсе «России» они уже летели со скоростью около 22 узлов. Все матросы и офицеры на броненосных крейсерах, которые могли их видеть, откровенно любовались пронесившимися в миле большими и красивыми кораблями. Белоснежный бурун у носа, пышный султан черного дыма из высоких труб вселяли уверенность, что вышедший из строя «Рюрик» не будет брошен, и помощь, как в сказке, придет вовремя. Над палубами русских крейсеров вновь понеслось примолкшее было при виде раненого «Рюрика» «ура».

Заметив резко изменившие курс «Варяга» и «Богатыря», Небогатов заволновался и начал внимательно изучать горизонт впереди по курсу. Однако командир крейсера Андреев поняв тревогу адмирала доложил, что «Рюрик» вывалился из строя и начал отставать, и Руднев, вероятно, пошел ему на помощь. Разобрав сигнал с «Варяга» о продолжении боя адмирал успокоился.

На носу «Рюрика» под руководством мичмана Платова, после десяти минут махания кувалдой под стальным осколочным дождиком, стоящего жизни одному из матросов расчета, удалось наконец ввести в строй восьмидюймовое орудие выковыряв заклинивший накатник осколок. Не получая из рубки никаких данных о дистанции до противника (там были заняты подбором оборота машин, обеспечивавшим крейсеру максимальную скорость на прямой), Платов вспомнил выражение кого-то из адмиралов старых времен — «стреляйте, стреляйте до последнего снаряда, и может именно последний снаряд принесет вам победу». Пользуясь тем, что «Рюрик» отстал от японской линии, и корабли противника почти створились, Платов повел огонь целясь по носовой оконечности «Якумо» на максимальном угле возвышения орудия. Не имея возможности определить дистанцию до цели, Платов надеялся, что в случае перелета у снаряда будет шанс попасть по какому-либо из следующих перед «Якумо» крейсеру. До переноса огня на приближающиеся бронепалубные крейсера противника носовое орудие успело выпустить семнадцать снарядов. Так же по уходящим японским броненосным крейсерам били из левого носового казематного орудия, открывшего огонь впервые с начала боя. Невероятно, но факт — именно в этот период боя «Токива» получил попадание в крышу кормового каземата левого борта восьмидюймовым снарядом. С какого именно из русских крейсеров тот прилетел, точно сказать невозможно, ибо «официально» по «Токиве» в этот момент вообще никто не стрелял. И это делает «Рюрик» первым кандидатом на авторство удачного снаряда.

Однако случайность попадания не сделала его последствия менее тяжелыми. Еще в начале боя японцы выложили в каземат к каждому шестидюймовому орудью по пятьдесят снарядов. На вопрос оторопевшего британского наблюдателя Пекинхема, который весь бой провел в рубке «Идзумо», — «Зачем это делается?», последовали пространные рассуждения о том, что «уменьшение количества снарядов в погребах уменьшает вероятность подрыва крейсера в случае попадания торпеды или подрыва на mine». На самом деле, физическое состояние японских подносчиков снарядов и неудачная конструкция снарядных элеваторов, не оставляли шансов на поддержание нормальной скорострельности орудий без этой вынужденной меры. Но объяснять это занудному англичанину... К моменту когда русский снаряд взорвался, частично проломив 25 миллиметровую крышу каземата, у верхнего кормового орудия оставалось еще восемь не расстрелянных с начала боя снарядов. Их детонацией разрушило крышу нижнего каземата, комендоры которого тоже не успели выпустить одиннадцать из заранее припасенных выстрелов. Кроме этого, вылетевшей от взрыва бронированной стенкой каземата снесло стоящее на верхней палубе третье шестидюймовое орудие. Наружная шестидюймовая броневая стенка каземата просто выпала в море, обнажив внутренности крейсера. «Токива» одним махом лишился почти половины артиллерии среднего калибра левого борта. На еще минуту назад совершенно не поврежденном крейсере весело разгорался пожар.

А на самом «Рюрике» сейчас пора было думать как бороться с новой напастью — со стороны правого, изувеченного борта приближались японские бронепалубные крейсера. Первым по «Рюрику» открыл огонь «Такасаго», единственный из японских бронепалубником имевший на борту пару восьмидюймовых орудий. Впрочем «иметь на борту» и «попадать при стрельбе» — две совершенно разные вещи. Для броненосных крейсеров водоизмещением порядка десяти, двенадцати тысяч тонн и русских шеститысячников легкое волнение моря — к вечеру посвежело, и волны разгулялись до примерно двух баллов — не представляло проблем. Но для более мелких японских крейсеров, и такая волна мешала вести точный огонь с большой дистанции. Впрочем, видя что с «Рюрика» им отвечает всего одно восьмидюймовое и три шестидюймовых орудия, капитан первого ранга Исибаси смело пошел на сближение. Приблизившись на 25 кабельтов, он повернул к противнику бортом, чтобы ввести в дело пятерку своих бортовых 120 миллиметровок, а также шестидюймовки и 120 мм орудия следующего в кильватере «Иосино». Четверка более медленных японских крейсеров под командованием «Нанивы» отстала примерно на три мили. Русские «Варяг» и «Богатырь», идущие на помощь своему раненому товарищу, должны были сделать крюк, чтобы обойти свою и чужую боевые линии, соваться между линиями было равносильно самоубийству.

В рубке «Рюрика» Трусов пытался что-то объяснить стоявшему у рукояток машинного телеграфа старшему офицеру Хлодовскому. Наконец отчаявшись быть понятым, командир просто отодвинул подчиненного от единственного оставшегося средства управления крейсером. Трусов дал левой машине крейсера полный ход, и уменьшил до малого обороты правой. При заклиненном в положении «право на борт» руле, это действие мгновенно, на пяточке развернуло крейсер вправо. Подобно хромому атакующему носорогу «Рюрик» развернулся к подходящей японской мелочи левым, не стрелявшим и не поврежденным бортом. Закончив поворот, Трусов перевел рукоятки машинного телеграфа на «малый» и «средний» вперед, для левой и правой машин соответственно, что обеспечивало более менее прямолинейное движение крейсера. После этого он оскалившись, отчего снова открылась

рана на щеке, махнул рукой старшему артиллеристу корабля. То, что на этот раз командир, махнув рукой в сторону противника, промышал «работайте головного», разобрали все. На беду Исибаси, командир «Якумо» не имел никакой возможности оповестить другие корабли о резко возросшей огневой мощности старого русского крейсера.

Первые залпы левого борта «Рюрика» не вызвали у японцев никаких опасений — первые три шестидюймовых снаряда легли перелетом, вторая и третья тройка — недолет (единственный дальномер Барра и Струда был разбит еще в середине боя, а микрометры не давали нужной точности, поэтому дистанция уточнялась пристрелкой полузалпами, кроме этого надо было внести поправки на крен самого крейсера). Следующие три тройки снарядов легли вполне прилично, окончательно уверив японцев, что больше орудий способных вести огонь на «Рюрике» нет. Тем большей неожиданностью стал для Исибаси залп пяти восьмидюймовок, комендоры которых сдерживались до момента определения точной дистанции. После дружного залпа все орудия левого борта перешли на беглый огонь, и до момента отворота «Такасаго» получил восьмидюймовый снаряд в нос и пару шестидюймовых впридачу. Еще один восьмидюймовый снаряд настиг уже уходящего от слишком опасно огрызающейся добычи японца.

Проектирование боевого корабля это всегда путь компромиссов, а если приходится иметь дело с заведомо уменьшенным водоизмещением при завышенных требованиях, то и подавно. Если заказчику непременно хочется всунуть в четыре с небольшим тысячи тонн водоизмещения пару восьмидюймовок и десять 120 мм — гениальные инженеры на Эльсвикской верфи в Англии это сделают. Обеспечат они и скорость в 22 узла, пусть на форсированной тяге и ненадолго, но обеспечат. И запас угля для дальности плавания в 5000 миль втиснут, но... Но чем-то все же придется для этого пожертвовать. В случае с «Такасаго» в жертву были принесены мореходность и прочность конструкции корпуса. В истории которую изучал Карпышев, «Такасаго» погиб от взрыва одной русской мины, хотя многие другие японские крейсера и даже миноносцы после подобных подрывов выживали. Сейчас же крейсер все больше зарывался носом, который с каждой минутой садился все ниже, наполняясь водой. Под напором воды впрессовываемой в пробоину в носовой оконечности ходом крейсера, переборки в носу, сдавали одна за одной. Этому способствовало и то, что они были повреждены вторым попавшим снарядом, который прошил крейсер навывлет и взорвался снаружи, у противоположенного борта. Пока Исибаси, отойдя от «Рюрика» на безопасное расстояние, не уменьшил ход до десяти узлов его крейсер успел сесть носом почти по клюзы. Об участии в добивании русского неожиданно кусачего подранка речь уже не шла. Получив на отходе еще пару снарядов с «Рюрика», «Такасаго» на восьми узлах заторопился к берегу.

Следующий за ним «Иосино» успел добиться пары попаданий, но видя судьбу своего товарища его командир Саеки, решил не искушать судьбу. Он отошел к приближающимся крейсерам Того, чтобы добить «Рюрика» впятером. Однако не успел отряд Того, приняв кильватер «Иосино», приблизиться на 40 кабельтов, как вокруг головной «Нанивы» стали падать снаряды «Рюрика». Того-младший еще успел подойти на 30 кабельтов, поразить «Рюрик» пятью и получить с него два снаряда, когда с подошедшего на расстояние выстрела «Варяга» прилетел первый снаряд. На «Варяге» Руднев не стал заморачиваться с тактикой и выбором курсов, его отряд просто шел на «Наниву» на максимально остром курсовом угле, который только обеспечивал действие всей бортовой артиллерии. За все время боя «Варяг» и «Богатырь» получили по паре снарядов, которые не нанесли им существенного урона.

Сейчас эта пара всем своим видом давала понять, что связываться с ней в зоне досягаемости орудий «Рюрика» — себе дороже.

Того, трезво оценив соотношение сил, предпочел отойти. Руднев — отрядив «Богатыря» проводить «Рюрик», на котором наконец то поставили руль прямо и теперь могли идти на 14 узлах, на полном ходу рванулся за уходящим к берегу «Такасаго». Того разгадал не хитрый маневр «Варяга», но помешать ему уже ничем не мог. Он изначально отвернул от «Рюрика» и «Варяга», и теперь двигался немного не в ту сторону. Да и сам «Такасаго», направившись к ближайшему берегу, выбрал неудачный курс. Нет, японский отряд (идти на сближение с «Варягом» в одиночку было глупой формой самоубийства) тоже пошел в сторону уходящего к берегу подраненного японца на полном ходу, но «Варяг» имел фору минимум в 4 узла, и уже был на милю ближе к цели.

На «Варяге» граф Нирод азартно выкрикнул с марса «СоГок пять», и носовое орудие разрядилось в корму уходящего японского крейсера не дожидаясь команды Зарубаева. Это уже ни в какие ворота не лезло, и «товарищ Великий Князь» Кирилл птицей слетев с мостика побежал наводить порядок. Его провожал одобрителный взгляд командира крейсера, который еще совсем недавно сам понесся бы наводить порядок. Прислушиваясь к доносящемуся с бака веселому августейшему мату, контр-адмирал одобрительно кивал, и под конец воспитательного процесса обернулся к Степанову.

— Ну и как вам новый старшой, Вениамин Васильевич?

— Знаете, Всеволод Федорович, я ожидал худшего, — пожал плечами, не отрывающий взгляда от «Такасаго» Степанов, — вполне компетентный молодой офицер. Труса под огнем, как видите, не празднует, дисциплину в экипаже поддерживает без лишнего держимордства, но и без панибратства. Ну а что на берегу погулять любит...

— Так, а с этого места поподробнее, — встрепенулся Руднев.

— Всеволод Федорович, может сначала японца добьем, — ехидненько, как в старые добрые времена, поинтересовался бывший старший офицер «Варяга».

— Ладно, первым делом мы утопим «Такасаго», ну а князюшку... А князюшку потом. Но на будущее запомните — вы в ответе не только за то, как ваши люди воюют в море, но и чем они занимаются на берегу! А в случае с «товарищем Великим» вдвойне. Поговорку «рыба гниет с головы» помните? А он часть головы рыбы всероссийской. И вправить мозги этой конкретной голове можем только мы, больше увы не кому...

Пока на мостике господа офицеры обсуждали судьбы России, артиллеристы под командованием Зарубаева уточнили дистанцию пристрелкой. Дружно рывкнула пара восьмидюймовок, и часто, подобно пулемету-заике залаяли бортовые шестидюймовые орудия. На «Такасаго» попытались, резко изменив курс, выйти из под накрытий. Но тщетно — раненый крейсер не мог уйти от более крупного, лучше вооруженного и быстрого противника. А если принять во внимание разницу в классе артиллеристов и дальномерщиков (если на Варяге тренировались каждую неделю, и ежемесячно проводили практические стрельбы, то «Такасаго» обычно выполнял разведывательные и дозорные функции, и серьезных столкновений с противником не имел), то становилось очевидно — шансов у японцев нет. Но сдаваться без боя японцы естественно не собирались. На «Такасаго» поняв, что уйти от настигающего «Варяга» или хотя бы выброситься на берег не удастся, довернули чтобы ввести в бой артиллерию левого борта и носовую восьмидюймовку. Вскоре кормовое орудие «собачки» всадило восьмидюймовый снаряд в нос «Варяга», выбив срезом две шестидюймовки левого борта. Но по мере сближения давал себя знать еще один недостаток

проекта японского крейсера. Каждое попадание в верхнюю палубу японца приводило к молчанию одно, а то и два орудия. Они стояли слишком тесно прижавшись друг к другу. Когда «Варяг» подошел на 15 кабельтов, и стал закладывать дугу для торпедного залпа, с «Такасаго» огрызались только три 120 мм орудия. Впрочем, Исибаси показал себя настоящим мастером своего дела — первый залп двух торпедных аппаратов «Варяга» прошел мимо. Отработав машинами, «Такасаго» развернулся и изящно пропустил оба смертоносных снаряда по носу. Пришлось «Варягу», не прекращая всаживать снаряды в не желающий отправляться в гости к Нептуну корабль все новые и новые снаряды, разворачиваться левым бортом и разряжать вторую пару торпедных аппаратов. На этот раз одна из торпед в цель попала, к этому моменту «Такасаго» уже не управлялся. Сразу после этого сам «Варяг» дав полный ход понесся от подходящих к месту боя пяти японских бронепалубников под защиту орудий «Рюрика» и «Богатыря». Того оставалось только снять экипаж с явно тонущего «Такасаго» и попытаться догнать уходящие броненосные крейсера. Пока к месту гибели собачки не доползет неспешно ковыляющий «Рюрик».

Того успешно вышел из зоны огня медлительного русского броненосного крейсера, а в одиночку пара шеститысячников его преследовать не решилась. Неожиданно, с уже начавшей сереть восточной стороны горизонта, показались силуэты четырех больших кораблей. На японских кораблях были обрадованы — сейчас они встретятся с основными силами Камимуры, развернутся и отомстят русским за «Такасаго». Может быть «Варяг» опять сбежит, но раненому «Рюрику» уже точно не уйти. Но после сближения с приближающимися кораблями, Того младший с ужасом опознал в них русскую броненосную эскадру. При этом никаких следов японских кораблей линии, за исключением густого облака дыма на горизонте, не было.

На продолжавшей перестреливаться с японским флагманом «России» адмирал Небогатов медленно, но верно приходил в себя. Спустя пол часа после того как мимо него на полном ходу пролетели «Варяг» с «Богатырем» ему пришлось наконец самому принимать серьезные решения.

— Дымы прямо по курсу, — прокричал сигнальщик.

— Кто ж это может быть? — обеспокоено спросил командир крейсера у адмирала, чем заставил Небогатова задуматься. С его же (и Руднева) подачи японцы должны были послать для встречи «Осляби» с другой стороны не менее 2 ЭБР. А ну как им надоело ждать «Ослябю»? Или просто Камимура их вызвал? Жаль, конечно, что никого не потопили, но лучше не рисковать. «Якумо» и «Идзумо» правда выглядят «краше в гроб кладут», но если с оста подходят свежие с полными боекомплектами броненосцы... Сейчас со избитыми трубами «Россия» может дать не больше 17 узлов. Если ее догонит хоть один броненосец, а с его 18 узлами он это может, то петь панихиду придется не по «Якумо», а по «России».

— Не знаю, однако нам сейчас лишние встречи ни к чему. Свою задачу мы выполнили, а это могут быть японские ЭБР. Поднять сигнал «разворот все вдруг влево на 12 румбов». И не забудьте продублировать ракетами. Пойдем посмотрим что с «Рюриком», надеюсь, Камимура не будет нас преследовать. Ему все же неплохо досталось.

— Японцы делают поворот, — глазастый сигнальщик в спешке забыл уточнить куда именно поворачивают японцы, чем напугал адмирала ждавшего реакции японцев на свой выход из боя.

Впившись взглядом в японского флагмана Небогатов с удивлением заметил, что Камимура ухитрился тоже сделать последовательный поворот и от противника, что было

излишне, т. к. русские и сами выходили из боя, и от неизвестных дымов, что уже было удивительно. Но у Небогатова и так хватало головной боли, в прямом смысле этого слова, чтобы думать о причинах хитрого маневрирования японцев.

— Ну что господа, бой закончился. Прекратить огонь.

В отличие от Небогатова, японский адмирал точно знал, где именно находится пара броненосцев первого боевого отряда. И он-то понимал, что дымы на горизонте могут принадлежать кому угодно, только не им. Он сам принимал участие в разработке диспозиции японского флота в этой операции. И точно знал, что «Асахи» и «Сикисима» сторожат «Ослябю» почти в восьмидесяти милях восточнее. Зато если это проскочивший мимо японцев русский броненосец, с его четырьмя 10 дюймовыми орудиями, то его крейсерам с пустыми погребами и выбитыми пушками конец. Поэтому, Камимура, как и Небогатов, на всякий случай отвернул от дыма. Если бы капитаны двух маленьких японских трампов, ужасно дымивших на скверном местном угле, знали, что они своим дымом обратили в бегство две броненосные эскадры, они бы могли по праву гордиться собой.

После того, как Того младший со своим отрядом оказался меж двух огней (четверкой броненосных крейсеров по носу, и парой бронепалубников с «Рюриком» впридачу за кормой) он благоразумно на полном ходу ушел под берег полуострова Цугару. Пользуясь затишьем, и тем что «Рюрику» для подведения пластырей под пробоины надо было остановиться, Руднев на паровом катере прибыл на застопорившую ход «Россию». Там его встретил слегка контуженный попаданием Небогатов, с которым они и подвели итоги боя. Тем временем, катера с наименее пострадавших «Варяга» и «Богатыря» курсировали между остальными крейсерами, собирая командиров на совещание флагманов.

— Ну что, Всеволод Федорович — ничья. Ни мы их, ни они нас, — громче обычного разочаровано проговорил Небогатов, — а ведь был шанс концевое добить, да и флагману их досталось посильнее чем «России».

— Ну не скажите, Николай Иванович, не скажите. Если и ничья, то сильно в нашу пользу. Во первых — пока мы тут пинались «Ослябю» наверное уже подходит к Итурупу, где ее с «Авророй» ждет полная угля «Лена». Во вторых — одну собачку то мы на «Варяге» все же добились...

— Да? Это как же я пропустил то?

— Вы в это время с Камимурой боксировали, финальный раунд. Ну а собачка, не разобрал какая именно, это скорее заслуга «Рюрика». Она уже и бегать-то не могла, нам оставалось только выбить ей побольше пушек на сближении и пройти поближе для торпедного залпа. В третьих — концевой, кажется «Якумо», он до конца этой войны будет плавать без башни. Как ее японцы чинить-то будут? Запчасти из Германии им никак не подвезти, даже если немцы им их и продадут. Ну и, наконец, главное, о чем я и вам пока не говорил, чтоб не сглазить. Даже проводка «Осляби» во Владивосток это ничто, по сравнению с тем сюрпризом, который будет сегодня у Того. Макаров выйдет из Порт Артура всеми семью броненосцами! И я не завидую тем японцам, что сейчас разгружаются с транспортов в Бицыво. У Того-то всего четыре корабля линии осталось, ему их от Макарова просто нечем прикрыть! А остальные где? Пара ловила «Ослябю», там где его и быть-то не может, а остальная пятерка плетется на ремонт. Как мне сообщили из Порт Артура, японцы собирали силы для последнего штурма Дальнего. А в портах Японии была замечена погрузка на транспорта мортир большого калибра. Они планировали взять порт Дальний, и выгрузив там мортиры (а больше их к Порт Артуру никак не доставить) расстрелять из них нашу

эскадру прямо в гавани Артура. Теперь у них и половина солдат вместо штура Дальнего должна потонуть вместе с транспортами, и мортиры тоже. А вот и герои дня прибыли, которые это чудо и сотворили, — указал Руднев на поднимающихся по трапу командиров кораблей.

Когда по штормтрапу на борт «России» с трудом забрался раненый Трусков, Руднев долго просил у него прощения за свою ошибку. Тот никак не мог остановить адмирала, чему от части мешала рана на щеке и выбитые зубы, серьезно мешавшие говорить. Но и сам Руднев, чувствуя вину перед командиром наиболее пострадавшего корабля хотел выговориться.

— Понимаете, Евгений Александрович, я виноват. Я так хотел подложить японцам свинью покрупнее, что чуть не погубил ваш крейсер! Я ведь чего хотел — чтобы догоняющие японцы последовательно проходили на минимальном расстоянии мимо ваших шести восьмидюймовок. Ну еще ваши маневренные характеристики настолько отличаются от остальных крейсеров, что будь вы в середине линии могли бы ее и разорвать. Так в принципе почти и получилось. Но вот сколько ваш крейсер, самый слабо бронированный из всех русских, продержится под ответным огнем — я не подумал. А стоило бы. На последнем месте должен был стоять «Громобой», как наиболее защищенный! Но нет, я дурак погнался за возможностью нанесения максимального урона врагу, а об минимизации эффекта от его стрельбы — не подумал.

После исповеди, облегчив душу, Руднев сообщил наконец командирам ради чего они сегодня бились с Камимурой. Быстро распив в честь победы по очкам бутылку шутовского коньяка, которая чудом пережила попадание в кают-компанию «России», семь командиров крейсеров и два адмирала разъехались по своим кораблям. Их Сангарского пролива надо было убираться до наступления полной темноты.

Уже стоящему на трапе Рудневу Небогатов внезапно задал обескураживающий вопрос:

— Всеволод Федорович, а что теперь? Ну в смысле что теперь будут делать японцы?

— Это надо у японцев спрашивать. Им надо или заключать с нами мир, я кстати направил в Петербург рекомендации предложить микадо нормальные условия почетного мира. России Корея не нужна, а с Японией нам дальше воевать не стоит. Или им придется воевать при полном перевесе наших сил на море. Они кстати с дуру могут... Доживем — увидим.

Прибыв на «Варяг» полностью морально и физический истощенный Руднев смог только отдать приказ следовать во Владивосток, доплелся до адмиральского салона и рухнул на кровать. Но его сон был менее чем через два часа прерван осторожным стуком в дверь. С трудом разлепив глаза Руднев попытался сказать, чтобы стучавший или входил, или убирался к черту, но не смог произнести ни слова. Плеснув себе полстакана коньяка и проглотив его залпом, контр-адмирал вновь обрел голос.

— Ну что там у вас еще стряслось? Были бы японцы, уже началась бы стрельба. А так кому там неймется?

— Я ужасно извиняюсь, — раздался из-за двери голос старшего механика «Варяга» Лейкова, с абсолютно не Лейковскими интонациями и оборотами, — но мог бы я, пожалуйста, переговорить с Владимиром Петровичем Карпышевым, если вас это не затруднит?

— Час от часу не легче, — пробормотал совершенно не ожидавший ТАКОГО Петрович и уже вслух добавил, — ну заходи, гость дорогой, кем бы ты ни был.

И задумчиво подкинул в руке пустой стакан.

ПИСЬМО МИЧМАНА ТЫРТОВА ОТЦУ

Цитируется по книге «Зарисовки войны 1904 года», издания 1914 года.

Дорогой папа. Прежде всего я жив и абсолютно здоров, так что успокой маму и сестренку. Я конечно знаю, как ты хочешь узнать подробности боя 17 июня (или как его англичане называют боя при Цугару), ведь ты тоже артиллерист. Там я, как ты знаешь, отличился и вот наконец появилось время чтоб подробно все описать, в газетах же такие глупости пишут, а то и вовсе откровенную неправду. Но начну издалека.

Как ты знаешь, я получил назначение на должность командира носовой 10" башни броненосного крейсера «Кореец». И одной из первых проблем в изучении ее стало отсутствие таблиц стрельбы из 10" английского орудия (для 8" и 6" наши агенты за границей смогли раздобыть таблицы, а для 10" к сожалению нет). Адмирал Руднев, справедливо полагая, что в бою каждая пушка дорога, особенно столь мощная, как моя, ибо ничего подобного на всей нашей эскадре более не было, распорядился самим составить таблицы самим. Корабль раскрепили на якорях в отдаленной бухте и мы начали стрелять по пляжу из 10" по 3 неснаряженных снаряда на каждое деление прицела, затем замерять дистанции падения и опять стрелять. В общем, это было весьма нудное занятие. Но при этих стрельбах я хорошо познакомился с хозяином башни прапорщиком Платоном Диких. Это весьма одаренный артиллерист, хотя корпус и не кончал, и к тому же прекрасно чувствует орудие. В прапорщики из унтер-офицеров он произведен за героизм в бою при Чемульпо, где был наводчиком 8" орудия канонерской лодки «Кореец». Обычно Диких был за наводчика, я же рассчитывал установку прицела и целика и наблюдал за падениями. Выпустив полсотни снарядов мы уже понимали друг друга без слов, прислуга башни также натренировалась и действовала выше всяких похвал. Мы легко могли поддерживать темп стрельбы выстрел в минуту.

Но закончив составление таблицы на дистанции 60 кабельтовых мы с прапорщиком Диких посовещались и решили просить разрешения командира составить таблицу до предельной дальности, ограниченной возвышением ствола. 10" английская пушка очень хороша, стреляет кучнее 10" Ушакова, да и бронебойность ее выше, так что мы полагали, что имеем шансы поразить вражеский корабль в слабобронированную палубу на дистанции, где он еще и стрелять по нам не может. Но мы понимали, что скорее всего нам откажут, т. к. мы и так уже расстреляли половину боекомплекта, да и при дальнейших стрельбах боевыми зарядами ствол пушки все больше изнашивается. К нашему удивлению, командир корабля капитан 1 ранга Беляев нашу идею горячо поддержал и ходатайствовал о продолжении стрельб перед контр-адмиралом Рудневым. И мы получили приказание Руднева продолжать стрельбы!

Как оказалось буквально накануне во Владивосток пришел захваченный «Варягом» приз — английский пароход «Малалака», на борту которого были

аналогичные нашим английские 10" орудия для Японии и снаряды к ним. Нам пообещали заменить пушку перед боем на новую. После составления таблиц, «Кореец» несколько раз ходил на стрельбы одиночно и в составе отряда, и если 8" и 6" стреляли в основном из стволиков из-за нехватки снарядов, то наша 10" всегда стреляла боевыми зарядами. Стреляли мы и на предельные 80 кабельтовых — и даже попадали! Сейчас ходят слухи о возможном привлечении адмирала Руднева к ответственности за разбазаривание казенных средств в виде одного изношенного 10" ствола «Корейца» и боекомплекта к нему. На это я могу только одно сказать: если бы все орудийные расчеты отряда тренировались и стреляли как наш, надобности в присылке второй эскадры не было бы никакой, мы бы справились с японцами и своими силами. Но похоже нашим морским чиновникам важнее, чтоб снаряды ржавели в арсеналах, чем, чтоб попадали во врага.

Но я отвлекся. Во время учебных стрельб я обратил внимание старшего артиллерийского офицера на то, что столб от падения снаряда нашей 10" значительно больше, чем от 8 и 6 дюймовок остальных кораблей отряда. Нам пришла мысль использовать это обстоятельство в бою для уточнения дистанции при стрельбе по одной цели нескольких кораблей, когда всплески путаются. Наши же 3 футовые дальномеры Бара и Струда давали большую погрешность, чтоб стрелять только по их показаниям.

Обратившись к флагманскому артиллеристу лейтенанту барону Гревеницу мы получили одобрение и в инструкцию по артиллерийской стрельбе отряда было внесено дополнение, разрешающее при невозможности пристрелки иными способами «Корейцу» уточнять дистанцию стрельбой 10", при этом, «Кореец» должен при стрельбе постоянно показывать дистанцию на прицеле 10", чтоб остальные корабли отряда могли ей пользоваться ориентируясь по большим всплескам.

«Кореец» был предпоследним в ордере отряда, «Рюрик» — концевым. Многие теперь после боя критикуют такую диспозицию, и я тоже честно говоря не знаю, чем руководствовался контр-адмирал Руднев, но у начальства свои резоны, неизвестные нам. Так вот «Рюрик», по настоянию Руднева был довооружен старыми восьмидюймовыми орудиями и имел вполне внушительный бортовой залп, однако бронебойность этих пушек оставляла желать лучшего, поэтому старшие артиллеристы наш и «Рюрика» условились, что по возможности мы в бою будем стрелять по одной цели. Причем «Рюрик» в основном фугасами, чтоб сбить огонь врага и нанести повреждения в небронированных частях, а мы бронебойными или коммонами, т. к. у нас новые пушки с высокой начальной скоростью.

Примерно за месяц до выхода в море начались авральные работы по снятию и передаче на хранение в порт деревянных предметов, да и вообще всего ненужного в бою, в том числе даже катеров и шлюпок. Заменили и нашу десятидюймовку на новую. И хотя ничего определенного не говорилось о цели похода, все знали — идем встречать «Ослябю» и «Аврору». У нас забрали по приказу Руднева все дальномеры Бара и Струда, кроме двух (причем один оставили именно в нашей башне) и распределили их по остальным кораблям отряда, т. к. «Россия», «Громобой» и «Рюрик» их не имели до этого вовсе.

А перед выходом в море меня и прапорщика Диких вызвал сам контр-адмирал Руднев и дал приказание стрелять в бою по собственному разумению по цели, которую мы сочтем наиболее подходящей и с дистанции, с какой сочтем возможным, не заботясь о расходе снарядов. Кстати на «Кореец» перед боем по приказанию Руднева в носовые погреба малокалиберных орудий и частично в погреба 6" было загружено 50 дополнительных 10" снарядов и зарядов. В бою их конечно почти не было возможности подать к орудиям, но после боя вполне можно было перегрузить в освободившийся родной погреб.

Руднев также сказал, что ожидает процент попаданий из нашего орудия от двух, до десяти. Это от четырех до двадцати попаданий. И что другими наличным калибрами отряда с дистанции более 25 кабельтов броня крейсеров Камимуры не пробивается (хотя это мы и так знали). Он также добавил, что наше орудие снайперское (от английского sniper — стрелок по бекасам), мне было лестно такое сравнение (в кают-компании правда потом начали острить что-то по поводу «из пушки по воробьям»). И в завершение беседы Руднев назвал нас товарищами, хотя формально товарищем был только прапорщик Диких, я же еще в бою не был.

Без особых происшествий мы достигли Сангарского пролива, у входа в который и произошла встреча с пятью броненосными крейсерами Камимуры и шестью бронепалубниками Того младшего. Японцы как будто ждали нас, во всяком случае появились они из утренних сумерек между нами и Владивостоком на дистанции около 90 кабельтовых. Сначала японцы вели себя как-то нерешительно, медленно сближаясь на почти параллельных курсах. Я правда на такой дистанции из башни не мог видеть врага — слишком низко, поэтому еще до боя мы перенесли наш второй оптический дальномер на марс, провели туда телефон, снятый из отсека минного аппарата (т. к. перед боем Руднев приказал не иметь мин при надводных аппаратах на броненосных крейсерах из опасения детонации) и наш старший артиллерист занял там место, управляя стрельбой.

Погода была отличная для опробывания стрельбы на предельную дистанцию — почти полный штиль и волна не более балла. Правда к вечеру волнение увеличилось до двух баллов. Когда дистанция достигла 80 кабельтовых мы произвели первый выстрел. Стреляли сразу бронебойными, так как на таких дистанциях большие углы падения снаряда и в случае попадания были неплохие шансы пробить броневую палубу.

Через полминуты первый снаряд упал между первым и вторым японскими броненосными крейсерами, введя поправку по целику сделали второй выстрел. На пятом выстреле с дальномера наконец сообщили, что расстояние уменьшается (и мы поняли, почему до этого были перелеты), стали учитывать сближение.

На 11 выстреле (недолет) нам показалось, что мы взяли японский флагман в вилку (если этот термин можно применить для стрельбы в 1 выстрел в минуту), т. к. предыдущий выстрел был перелетом. Но мы ошиблись, 12-й снаряд тоже лег недолетом. Видимо виновато было большое рассеивание снарядов на таких дистанциях (60 кабельтовых по прицелу). Эх, если бы мы стреляли не одним орудием главного калибра, а четырьмя, как на «Ушакове», мы бы давно уже нащупали дистанцию, а если бы иметь 8-10 12 дюймовок на одном корабле, то мы бы нафаршировали японского флагмана снарядами еще до того как об открыл бы

огонь. Ходят слухи, что американцы собираются строить броненосец с восемью двенадцатидюймовками («Мичиган», прим. Ред.), если это правда, то с появлением такого корабля все наши броненосцы, даже новейший только заложенный «Андрей Первозванный» сразу морально устаревают. А сколько в них вложено сил и средств. Но впрочем это все прожекты, а мы обходились тем что есть, то есть одной отличной десятидюймовкой.

Падение 15-ого снаряда (54,25 каб на прицеле) мы опять приняли за «вилку», и опять ошиблись. (На самом деле бронебойный снаряд пробил грот-мачту ниже марса, но взрыватель не взвелся и так как мачта осталась стоять, на «Корейце» этот выстрел посчитали перелетом. Японцы же весь бой опасались падения мачты. *Прим. Ред.*)

А вот 17-ым снарядом (49,75 каб на прицеле) похоже попали, правда внешне это никак не отразилось на Идзумо, не было ни пожара ни взрыва, надеюсь, что бронебойный снаряд взорвался внутри корпуса (10" бронебойный снаряд «Корейца» пробил 6" броню среднего каземата шестидюймового орудия, выбил орудие из цапф. И двигаясь дальше поперек корабля практически горизонтально, пробил последовательно продольные переборки и закопавшись в уголь запасной ямы ПРАВОГО БОРТА уткнулся в стык пояса по ватерлинии и второго пояса взорвался. От внутреннего взрыва сдвинулись бортовые бронеплиты, угольная яма затопилась водой. Когда, делая crossing the T, «Варяг» оказался почти по носу у «Идзумо», Руднев машинально удивился — «почему мы обстреливаем ЛЕВЫЙ борт „Идзумо“, а крен у него на ПРАВЫЙ». *Прим. Ред.*)

Примерно в это же время японцы открыли огонь. Три головных засыпали снарядами «Варяг», а вот два концевых сосредоточили огонь по «Рюрику». Сделали еще четыре выстрела по «Идзумо» без видимого результата. За это время Варяг пристрелялся по «Идзумо» и поднял сигнал 46 кабельтовых. «Варяг», «Богатырь», «Россия», «Громобой» и «Сунгари» засыпали «Идзумо» снарядами беглым огнем, он просто скрылся за стеной всплесков. Такого я в учебно-артиллерийском отряде не видел. В то же время концевые японцы начали попадать в «Рюрик», который и сам тоже быстро пристрелявшись по концевому крейсеру («Якумо») и открыл беглый огонь. Мы решили помочь «Рюрику» и тоже принялись стрелять по «Якумо», но к сожалению выучка сплаванного экипажа «Рюрика» была значительно лучше, чем наша. Пока мы еще только пристреливались нашими 6", старик уже начал засыпать Якумо снарядами. Мы не различали наших пристрелочных попаданий из-за стрельбы «Рюрика», а на «Рюрике» никто не догадался показать дистанцию. Наш башенный дальномер Барра и Струда к этому времени уже откровенно врал (видимо из-за сотрясений или вибрации), а для измерения микрометром Люжоля-Мякишева дистанция еще была слишком большой. Пришлось пристреливаться нашей 10 дюймовкой (фугасными, чтоб при попадании в воду был отличный от других большой столб). Впрочем пристрелялись быстро, уже на четвертом выстреле накрыли цель, а пятым попали в борт!

Дал команду перейти на бронебойные, но уже заряжался фугас, поэтому следующий выстрел был опять фугасом — и опять попали в борт. Судя по отсутствию видимых повреждений оба фугаса не смогли пробить броню (так и

было, прим. Ред). Следующий выстрел бронебойным снарядом к сожалению дал перелет (ББ снаряд пролетая над палубой не взорвавшись сбил дефлекторы второго котельного отделения, чем создал японским кочегарам изрядные проблемы. Прим. Ред)

Неожиданно сломалась лебедка подачи снарядов и хотя молодцы комендоры быстро и без суеты завели тали и начали поднимать 550 фунтовый снаряд вручную, скорострельность у нашей башни значительно уменьшилась (за 10 дальнейших минут мы сделали только 2 безрезультатных выстрела). Беда не приходит одна. Наш старший артиллерист дал команду стрелять залпами, чтоб хоть как-то отличать наши падения от Рюриковских. И он заметил периодические парные всплески далеко за кормой «Якумо». Здраво рассудив, что у Рюрика нет спаренных 8" и тем более, что он не стреляет залпами, единственным кандидатом на промахи была наша кормовая 8" башня. Проверив секундомером время между залпом и падением старарт убедился, что так оно и есть. Запросил по телефону башню о значении целика и командир башни лейтенант Н. ответил верное значение. Пришлось старарту дробить (прекращать. Прим. Ред.) стрельбу башни, спускаться с марса и самому разбираться. Оказалось, что горизонтальный наводчик от волнения перепутал знаки целика и брал упреждение верное по значению, но не влево, а вправо. Лейтенант Н. только лишь спросил его о значении целика и получив верный ответ сам не удосужился проверить действительную установку. Минут через десять 8" башня возобновила огонь.

Пользуясь паузой между выстрелами я вылез на крышу башни посмотреть что происходит вокруг (наш командир капитан 1 ранга Беляев кстати тоже стоял с биноклем на крыле мостика). Картина была... Папа, может это и слишком высокопарно, но воистину зрелище завораживало. Ни в одном театре я такого никогда не видел, и наверняка до конца жизни уже не увижу.

«Варяг» и «Богатырь», набрав полный ход, медленно, но верно охватывали голову японской колонны и по-видимому вышли из секторов обстрела большинства японских кораблей, так как три головных японца перенесли огонь по «России» (под флагом контр-адмирала Небогатова). «Россия» уже горела, но вполне активно стреляла в ответ. По «Идзумо» вели огонь «Варяг», «Богатырь», «Россия» и «Громобой». Японский флагман, хотя и активно стрелял, но представлял собой довольно жалкое зрелище — горел, с разбитыми трубами и надстройками. «Сунгари» теперь стрелял по третьему в линии японцу («Ивате»), как я узнал позже, ему как и нам мешали всплески от сосредоточенного огня соседей. «Рюрик» продолжал оставаться под сосредоточенным огнем двух концевых японцев и горел, его огонь заметно ослаб и падение наших залпов стало уже вполне различимо. Мы постоянно показывали дистанцию до противника и, как я потом узнал, «Рюрик» пользовался нашими данными, так как его (бывший кстати наш) Барр & Струд был приведен в полную негодность близким разрывом.

«Якумо» же, хоть и дымился местами, хорошо держался в строю, его артиллерийский огонь был весьма интенсивным, хотя когда я сравнил его с огнем необстреливаемого «Токива», сразу стало понятно, что 6" Якумо стреляют медленнее. Да и оставалось их в строю поменьше, огонь «Рюрика» явно начинал влиять на японца. Я обратил внимание, что японцы примерно через 5 минут

стрельбы на пару минут прекращают огонь. Мы стреляли шестидюймовками залпами и после каждых 20 выстрелов банили орудия (во избежание разрыва ствола), так что средняя скорострельность наших 6" была не больше 2 выстрелов в минуту. При таком режиме огня экономились драгоценные английские снаряды, так как второго боекомплекта во Владивостоке до сих пор не было. Японцы по-видимому тоже делали перерыв, чтоб пробанить орудия. (на самом деле из-за низких физических кондиций японской орудийной прислуги и малой механизации заряжания им просто требовался отдых после 20–30 выстрелов, поэтому перерывы в стрельбе были связаны с подменой прислуги с другого борта. Таким образом, японские корабли не могли долго вести огонь на оба борта, но русские тогда об этом не знали. Прим. Ред.)

Японские бронепалубные крейсера подтянулись ближе, видимо тоже намереваясь принять участие в бою.

В это время мне доложили, что подача снарядов исправлена, и я занял свое место командира башни.

Первый выстрел после перерыва сделали по данным наших 6". Снаряд лег у самого форштевня «Якумо». Как выяснилось впоследствии «Идзумо» (и соответственно вся японская колонна) в это время начал сбавлять ход, поэтому у нас было слишком большое упреждение. Поправили целик и следующим бронебойным снарядом (дистанция 34 кабельтовых) попали в кормовую башню или погреб «Якумо»! Над башней «Якумо» взвился столб огня высотой с мачту, полетели какие-то обломки, японский крейсер прекратил стрельбу и покатился вправо покинув строй. Мы дружно прокричали «ура». Впрочем немцы на удивление прочно строят корабли, и через некоторое время «Якумо» потушил пожар в корме и снова занял место в строю. Но его кормовая 8" башня больше не действовала.

Это было попадание именно нашей 10", так как залп наших 8" и 6" накрыл Якумо только секунд через 10 после взрыва. Я явно видел парный всплеск с небольшим недолетом у борта уже окутанного пламенем крейсера. Как мне потом рассказал наш старарт, немного погодя, на «Рюрике» попаданием разнесло рулевую машину, и заклинило перо руля. Крейсер прекратил огонь и начал описывать циркуляцию, хотя он смог потом наладить управление машинами. Но его скорость на прямой упала до 7 узлов и он стал заметно отставать от нас, так как Небогатов не снижал ход. Впрочем начала увеличиваться и дистанция от «Токивы» до «Рюрика» и ее огонь стал очень неточным. «Токива» затем перенесла огонь на нас. Мы же продолжали стрелять по горящему «Якумо», но не особо результативно. «Якумо» даже смог потушиться, так как нам существенно мешал огонь «Токивы». Наш командир предпочел синицу в руках (добить «Якумо»), журавлю в небе («Токиве»). Хотя возможно стоило попробовать пострелять по «Токиве», у нее броня Гарвея слабее, чем крупновская броня «Якумо».

В это же время, видя бедственное положение «Рюрика», к нему направились все шесть японских бронепалубных крейсеров. Подпустив их на 20 кабельтов, «Рюрик» начал разворачиваться к ним неповрежденным левым бортом и тем самым настолько отстал от нас, что мы уже не могли своим огнем отогнать от него японцев.

Руднев на «Варяге», заметив затруднительное положение «Рюрика», лег на обратный курс (за ним последовал «Богатырь») и подняв сигнал «Броненосным крейсерам продолжать бой» контркурсом за линией наших броненосных крейсеров полным ходом поспешил на помощь «Рюрику». Я облегченно вздохнул, ведь где Руднев — там успех, да и хоть раненый, но еще достаточно сильный «Рюрик» и два наших больших бронепалубника не уступали в артиллерии четырем японским малым крейсерам. «Рюрик» тем временем развернулся к японцам левым бортом и открыл огонь по головному.

Дальнейшего боя с бронепалубными крейсерами я не видел, так как мы еще примерно с час перестреливались с броненосными крейсерами Камимуры уходя на Ост. Последним «приветом» того дня от «Рюрика» стала взрыв каземата на «Токиве». Я точно знаю, что мы по нему не стреляли, а «Сунгари» вел огонь по «Ивате». Как они могли попасть с более чем 50 кабельтов из своих допотопных пушек, я не знаю. Но что взрывом у «Токивы» вырвало половину борта, готов поклясться на чем угодно. Это опять к вопросу о «разбрасывание» снарядов при стрельбе на большие дистанции. Может вероятность попадания и падает, но зато эффект от удара снаряда крупного калибра по тонкой палубе или крыше каземата несравним даже с десятком попаданий в бортовую броню! Как вы этого у себя в артиллерийском комитете не понимаете, я не знаю. Мне это стало ясно после первого же боя.

В последние полчаса боя мы уже были в положении обстреливаемого корабля, и я уже не могу ручаться куда именно попадали снаряды моего орудия. Помню только, что «Якумо» еще раз покидал поле боя, а по сообщениям с мостика ход японской колонны упал до 16 узлов (на большее машинная команда «Идзумо», на котором были сбиты половина вентилятор и труба, была уже не способна). Когда по команде Небогатова «Кореец» развернулся и лег почти на обратный курс, я успел развернуть башню на левый борт и даже сделал по японцам еще три выстрела. Однако они тоже отвернули, причем последовательно. По неизвестной для меня причине, оба броненосных отряда отвернули друг от друга практически синхронно.

Обратный путь во Владивосток был бы скучен, если бы не устранение огромного количества повреждений, в чем принимала участие вся команда. Ожидаемой ночной атаки миноносцев не последовало, возможно из-за хитрости Руднева, который сначала увел эскадру на юг, и только в полночь повернул к Владивостоку. Только утром следующего дня я узнал, что бой закончился не всухую, и «Варяг» добил подраненную «Рюриком» собачку.

Так что мы все же победили, и я внес в эту победу достойный члена семьи Тыртовых вклад, о чем и рад сообщить. Обними от меня маму, и дай нам бог побольше таких боев, и таких адмиралов как Руднев.

Твой сын, Тыртов

Экземпляр книги «1904-й» издания 1914 года, пожертвованный, в соответствии с завещанием Вел. Княгини О. А. Банщиковой, для аукциона семьей Банщиковых.

Жертвователи сообщили — рукописные заметки на полях принадлежат Адмиралу Российского Императорского Флота князю В. Ф. Рудневу-Владивостокскому, что подтверждается заключением графологической и лингвистической экспертизы, любезно дозволенной жертвователями (сертифицированный электронный дубликат заключения доступен зарегистрированным участникам аукциона по адресу (...)).

Дополнительный комментарий ведущего эксперта аукциона проф. Симантовича: текст заметок подчас весьма загадочен и будет весьма интересен исследователям феномена «Братства Советников».

Пасмурным майским днем 1904 года подполковник Ветлицкий и поручик Всеволод Славкин лежали на покато прохладном склоне горы более чем в двух верстах от берега бухты Ентоа. Оба смотрели в бинокли. Подполковника интересовали два десятка японских солдат, упрямо бредущих по колено в воде уже у самого берега. Славкин, в цейсовский шестнадцатикратный бинокль, выигранный месяц назад у франтоватого мичмана с «Дианы», возомнившего себя непревзойденным стрелком из «нагана», наблюдал за суетой на японских судах верстах, на глаз, в четырех от берега: косоглазые, на его сухопутный взгляд, довольно сноровисто спускали шлюпки, швартовали их к одному из двух судов и рассаживали на них людей. Десятка два шлюпок с десантом уже покачивались на волнах, но гребцы на них пока явно отдыхали. Три небольших военных корабля — насколько разбирался Славкин, канонерские лодки, отделившись от основной группы, медленно приближались к берегу.

Поручик, переводя бинокль на японских охотников, невольно вспомнил мичмана — почти наверняка тот участвовал в бою, свидетелями которого он стал минувшей ночью.

Тогда, с безопасного расстояния, сражение смотрелось красиво. Однако гулкие выстрелы корабельных орудий, взрывы, бьющие по ушам даже здесь, на берегу, столбы пламени при удачных попаданиях и, наконец, гигантский взрыв на полнеба, от которого в страхе попятилась под Славкиным его привычная к артиллерийской стрельбе кобыла Стрелка — Всеволоду хотелось верить, что взорвался артиллерийский погреб какого-нибудь крупного японского корабля, а то и (что было бы, пожалуй, чересчур хорошо, чтобы быть правдой) транспорт с боеприпасом для японского десанта — наводили на размышления о том, что участникам боя, а уж тем более японским пехотинцам на транспортах, приходилось несладко.

«Забавно, Вадик, что в „нашей“ истории японцы тоже почти неделю ждали, если мне не изменяет память (возраст тела сказывается, черт бы его побери! Да и событий столько произошло, что воспоминания из „нашего“ прошлого стираются), ждали у моря погоды, прежде чем смогли высадить десант. Но тогда, увы, ни Макарова на них не было, ни Ветлицкого и небезызвестного тебе В. Ю. Всеволодова — именно он, очевидно, и стал прототипом поручика Славкина. Кстати, вместе с Балком видел Вячеслава Юрьевича

недавно в Питере — проездом в Польшу, где он собирался инспектировать первую бригаду РГК. Папа русского спецназа отзывался о нем очень уважительно и, насколько я понял, имел с ним долгий разговор о войне — о БУДУЩЕЙ, разумеется.»

Первый раз неизвестные корабли были замечены Славкиным, обладавшим, помимо морского бинокля, необыкновенно острым зрением, четыре дня назад. Вскоре, когда корабли подошли немного ближе, стало ясно, что они почти наверняка японские — несмотря на то, что офицеры не были моряками, как и почти все жители Порт-Артура, они сносно разбирались в силуэтах русских кораблей, да и понимали, что русской эскадре в отсутствие врага здесь делать, в общем-то, нечего.

Ветлицкий послал сообщение в Порт-Артур, не пожалев для этого младшего унтер-офицера и трех охотников на лучших лошадях: вдруг ставшие значительно более беспокойными с началом войны хунгузы пошаливали даже на дороге в город.

То, что японцы, вероятно, скоро будут высаживаться в бухте Ентоа, офицеры поняли тем же вечером, когда конный разъезд восточно-сибирцев поймал неподалеку от бухты подозрительного китайца. Вытряхнув его мешок, обнаружили карту, сигнальные ракеты, часы-луковицу и довольно крупную сумму денег аж в трех валютах. «Китаец» играл в молчанку, допросить с пристрастием — как, чего уж там, бывало, спрашивали, поймав по горячим следам их художеств, хунгузов, — Ветлицкий не разрешил, сочтя все же лазутчика военнопленным, но сложить два и два: японские корабли, маячившие в некотором отдалении, и одно из наиболее удобных мест высадки — труда не составило.

Уже после войны Славкин с удивлением узнал о том, что контр-адмирал Руднев предупреждал порт-артурское начальство именно об угрозе японской высадки в Ентоа. Откуда взял эту информацию самый знаменитый и загадочный флотоводец той войны, осталось загадкой, но ни до поручика, ни до подполковника ее не довели (хорошо хоть район определили). Точно установить того начальника, который решил, что он будет как-нибудь поумнее Руднева в вопросах прикрытия берега и что исполнителей совершенно незачем нацеливать на одну только бухту, уделяя меньше внимания соседним возможным местам высадки, не удалось, но подозрения пали, что не удивительно, на генерал-лейтенанта Стесселя.

«Ну прям медом по сердцу — „самый там, самый сям“... А у Стесселя, хоть ты и знаешь мое к нему отношение, реально не было причин мне на все сто процентов верить, и команды наблюдателей он, в общем, справедливо, выслал по всему берегу — спасибо, что в Бицзыво самую сильную направил, да офицеров потолковее выделил (хотя их, вероятно, все же Хвостов отобрал).»

Все новые корабли и транспорты подходили в течение дня. Ветлицкий, под командой которого были всего лишь две роты солдат 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, усиленные взводом конной охотничьей команды того же полка, возглавляемой старшим унтер-офицером Великановым, полуротой пограничников во главе с подпоручиком Корфом и двумя трехдюймовыми полевыми пушками образца 1902 года под командой Славкина, начал вместе с подчиненными офицерами прикидывать, каким образом он мог бы сдержать высадку японцев до подхода помощи из Порт-Артура (в получении которой были свято уверены молодые офицеры, но не сам умудренный жизнью и гораздо более близко знающий порт-артурских полководцев Ветлицкий).

«Знаешь, я не настолько интересовался этим боем, мне своих проблем хватало, но мне казалось что в Артуре вообще новых 3-х дюймовок не было. Хотя могу и ошибаться.»

— Полно нам, Александр Андреич, как во времена покорения Крыма воевать. Место для наблюдательного пункта я присмотрел, да Вы и сами его видели. Орудия к стрельбе с закрытых позиций вполне пригодны, фейерверкеров и бомбардиров я кое-чему обучил, — возбужденно блестя глазами, убеждал Славкин Ветлицкого. — Опыта практического, конечно, у моих орлов маловато, да и образование бы не помешало — бомбардир с образованием, особенно с техническим, по нынешним временам просто клад какой-то, ну да Бог не выдаст — свинья не съест. Дадим господам японцам урок современного боя.

«Его бы устами... В ту войну японцы нам чаще давали уроки современного боя, чем мы им.»

Ветлицкий, подумав, решил что он против не будет. Длинные дула орудий японских крейсеров — или черт его там разберет кого — внушали уважение.

Однако отряду внезапно помогла погода: ветер, довольно сильный уже с обеда, к ночи поднял высокую волну и нагнал грозowych туч, а когда преждевременно окончательно стемнело, ударила гроза. Всю ночь громыхало. К утру гроза немного утихла, но шторм бушевал по-прежнему. Японские корабли были чуть видны за пеленой дождя. В такую погоду высадка десанта, что было очевидно и для Ветлицкого, полностью исключалась.

Шторм продолжался три дня, постепенно сменившись на просто сильное волнение. Вернулись посланные в Порт-Артур. Особо утешительных вестей они, впрочем, не привезли: по поводу помощи было «твердо обещано», но в чем она будет состоять и когда подоспеет, послание умалчивало. Ветлицкий было приуныл, но той же ночью в море вдруг загрохотало...

Ранним утром, увидев, что потрепанные японцы все же остались где были и даже не сильно уменьшились в числе, подполковник приказал своим ротам замаскироваться в редком лесу верстах в двух от берега и, по совету Славкина, рассредоточиться на случай корабельного огня: молодого офицера-артиллериста Ветлицкий уважал. Пусть боем поручик крещен еще не был, но и на маневрах, и в повседневной жизни, показал себя офицером вдумчивым и многообещающим.

Славкин в это время, как с удовольствием отметил Ветлицкий, еще раз самолично вскарабкался на скользкую то ли от ночного дождя, то ли от утренней росы, заранее облюбованную им для наблюдательного пункта гору — убедиться, что бухта с клубящимся в ней туманом была видна с нее достаточно хорошо, установил на обратном скате горы, у подножия, оба орудия, глянул на ездовых и лошадей, расставил цепочку из запасных номеров посообразительнее для передачи команд с наблюдательного пункта.

Вслед за этим Ветлицкий и Корф перекрыли небольшими засадами охотников и пограничников (в отличие от солдат, одетых в защитную форму) тропинки, ведущие от береговой линии к позиции трехдюймовок и к наблюдательному пункту. Сам подполковник решил остаться вместе со Славкиным на горе — уж больно хорошее место тот выбрал.

Японцы, все утро потратившие на то, чтобы погасить пожары, разобраться с последствиями ночного боя — людей с полузатонувшего судна сняли с рассветом, а последний пожар был окончательно погашен лишь в десятом часу утра — и на маневрирование у берега, наконец придвинулись, видимо, так близко, как только могли, и

отправили разведку.

— Спешат желтопузые, — размышлял Ветлицкий, глядя, как японцы выходят на берег и переводя на секунду взгляд на шлюпки у транспортов. — Вот уж не терпится им остальных-то на берег послать. Ну-с, теперь только ждать — как далеко господа японские охотники от берега искать будут.

Они уже договорились со Славкиным, что если все же будут обнаружены японской разведкой, артиллерист попыбует достать японцев выстрелами с нынешней позиции — 24-секундные трубки позволяли стрелять на шесть верст. Если же окажется далековато (Славкин, на взгляд повидавшего всякое Ветлицкого, чересчур самонадеянно оценивал свои способности по определению расстояния до противника на море), поручик, с прикрытием из охотников и имеющих верховых пограничников, подьдет как можно ближе к морю и накроет японские шлюпки и людей на палубе оттуда. Однако этого не хотелось: оба офицера прекрасно понимали и то, что японские корабли способны ответить ужасающим артиллерийским огнем, и что десант, вынужденный почти версту брести по колено в воде — ближе, судя по шлюпкам охотников, осадка японским шлюпкам при нынешней воде подойти не позволяла, — был бы идеальной целью для двухсот шестидесяти пулек, лежащих, как злые пчелки в улье, в каждом шрапнельном снаряде. Других, кстати, просто не было: господа генералы намеревались решать все задачи будущей войны шрапнелью, шрапнелью и только шрапнелью, в крайнем случае — шрапнелью, поставленной на удар. Молодой Славкин, под влиянием авторитетов разделявший эту идею, сейчас, глядя на японские транспортники, вдруг в первый раз в ней засомневался.

Дорога до берега была проверена еще три дня назад и перепроверена прошлой ночью, когда Ветлицкий, Славкин, Корф и еще несколько офицеров и нижних чинов неосмотрительно, как сейчас понимали оба, верхами выскочили на берег посмотреть ночной бой. Последние семьдесят-восемьдесят саженой до моря из-за камней пути артиллерийским упряжкам не было, и, случись такая надобность, на открытую позицию орудия поставить можно было только на руках, но открытой позиции Славкин, ввиду японских военных кораблей, основательно опасался, потому и расстроился не сильно.

Сильно смущала гора Дайсан, господствовавшая над местностью, но настолько очевидная с моря, что офицеры, посоветавшись, не решились выдвинуться на нее.

* * *

Солдаты, поживаясь, медленно брели к скалистому берегу. Несмотря на май, море обжигало холодом и настроение у большинства было препаршивейшее. Неунывающий юный итто-хей^[102] Судзуки пытался, впрочем, плеснуть соленой водичкой на своего приятеля, но командир отряда сохо^[103] Оми пресек ребячества одним коротким рыком.

Ночь была ужасной — русские, казалось, стреляли отовсюду, Императорский флот отчаянно отвечал. Единственный снаряд — шестидюймовый японский фугас, о чем, впрочем, никто из солдат не догадывался, — попавший в их судно, проделал трехметровую дыру в борту. Полк потерял восемнадцать нижних чинов только убитыми, счет раненых — в основном даже не осколками, а кусками обшивки, щепой — превысил полсотни. Никто не сомкнул глаз.

Утром солдаты увидели, что у борта судна качается какой-то ялик с морским флагом, а

чуть позже командир полка вызвал старейшего и самого опытного в полку сохо Оми и сообщил, что полку самым генералом Оку была оказана высокая честь отрядить на берег разведывательную группу для обнаружения русских, возможно, притаившихся в прибрежных скалах. Полковник не стал объяснять, что честь была оказана, вероятно, не столько из-за репутации полка (хотя она была высокой — полк изрядно и успешно повоевал на материке), сколько из-за целого ряда других факторов, включая то, что судно, на котором находился его штаб и первый батальон, по диспозиции оказалось и ближайшим к кораблю, на котором обосновался Оку, и одним из ближайших к берегу, но, главное, из-за потопления в ночном бою «Нихон-мару», что сразу же внесло кавардак в прекрасные наступательные планы японцев: «Нихон-мару» был одним из двух вспомогательных крейсеров, перевозивших морской десантный отряд, сформированный для овладения плацдармом в Бицзыво из 26 офицеров и 1016 нижних чинов и прошедший специальную двухмесячную подготовку в Сасебо. Теперь, после потери более 30 % личного состава и большей части офицеров, включая тяжело раненного командира отряда капитана первого ранга Номото, отряд в значительной степени утратил боеспособность и адмирал Хасоя, которому вовсе не улыбалось принимать на себя ответственность за возможный провал, предложил заменить в первой волне десантников «достойными и храбрыми» солдатами генерала Оку, а десантников, сохранивших свой «причалостроительный» потенциал, пустить второй очередью. К его удивлению, генерал согласился без особых колебаний, лишь слегка поменяв, в связи с отсутствием сигнала с берега, план высадки.

«Ну, как художественный прием, имеет право на существование. Хотя мне кажется, что японский флот тогда штатных отрядов морской пехоты еще не имел — выделяли матросиков из экипажей.»

Кстати, видел я того „раненого каперанга“ (теперь он контр-адмирал) Номото буквально год назад, когда ездил по приглашению к японцам посмотреть на маневры их, хе-хе, нового флота. Серьезный и, кажется, порядочный мужик, все пытается пробить идею морской пехоты и спецназа — по типу того, что создали мы. Однако, поскольку первый блин у них был комом, а мы свои наработки стараемся держать в секрете, пока неудачно. Но пробьет — инновации не остановишь. Вопросыки, кстати, задавал интересные — я даже нашим контрразведчикам стукнул, чтоб возможные утечки проверили: хоть они теперь и союзники, а ухо с ихними мата-харями и прочими кижэ надо держать остро.»

Как результат, сохо Оми было предложено возглавить разведгруппу, с правом самостоятельного выбора достойных войти в ее состав. Оми, самурай, ветеран войн в Корее и Китае, имевший репутацию осторожного, безжалостного к врагам и внимательного к подчиненным офицера, с достоинством принял бремя чести и ответственности — первым ступить на берег и, что было бы еще более почетно, возможно, стать первым, погибшим за Императора на вражеской земле.

Спустя сорок пять минут двадцать солдат — половина из взвода Оми, половина из других взводов той же роты — уже грузились на шлюпку. Еще полутора часами позднее, когда от шестерых гребцов, выгребавших против отлива, уже валил пар, днище шлюпки заскребло дно и солдаты с тихим уханьем попрыгали в холодную воду.

До берега, казалось, было рукой подать, но дно было покрыто крупными камнями и илом. В итоге, «рукой подать» превратилось, пожалуй, не менее чем в километр, который шли, несмотря на все понукания Оми, ровно сорок минут. Несколько раз солдаты

оскальзывались и падали в воду, стараясь при этом оставить над водой хотя бы свои «арисаки» — Оми, едва посмотрев на дно, приказал держать винтовки в руках. К счастью, до самого берега обошлось без вывихнутых ног.

«Да уж, место для высадки японцы, как мне рассказывали, выбрали не слишком удачно. Правда, и другие были не сильно лучше — вообще, надо признать, что, помимо тех, что устроили мы, у японцев были и серьезные объективные трудности в развертывании, которые они, большей частью, преодолевали грамотно, а то и мастерски.»

Первым выйдя на каменистый берег, Оми на секунду остановился и даже прикрыл глаза, запечатлевая важный момент своей жизни. Немедленно затем, Оми приказал большинству солдат рассыпаться среди камней, а троим лезть на ближайшую подходящую для осмотра окрестностей гору — разумеется, ею оказался Дайсан. Оми даже отдал одному из этих солдат свой шестикратный немецкий бинокль — как раз Судзуки, сообразительному и остроглазому, к которому Оми тайно благоволил — явно выделяя солдата разве что дополнительными придирками. Берег был пустынным и тихим — не считая шороха набегавших волн и крика сотен чаек, кружившихся над головами солдат.

Тихо, слишком тихо, думал Оми. Не слишком образованный, но обладающий крепким, пусть и слегка тяжеловесным, природным умом, сохо не очень-то верил газетам, представлявшим русских неуклюжими волосатыми тупицами — да и после событий на морях, показавших, что русские — по крайней мере, некоторые из них — умеют воевать, самым правым газетам пришлось слегка сбавить тон и теперь упирать скорее на кровожадность и коварность врага.

Прикрыл бы он, Оми, очевидное место высадки? Ответ был несомненен. Значит, пока не доказано обратного, для Оми русские — здесь. Тем не менее, командир дал сохо всего четыре часа на разведку: генерал Оку хотел иметь достаточно светлого времени для высадки. Почти три часа, увы, уже истекли.

Вскоре нашелся удобный проход — первые метров двести он нуждался в чистке от камней, но далее по нему, пусть и с некоторым трудом, могли проехать даже повозки и оружейные расчеты. Оми послал хейхо [\[104\]](#) и пятерых солдат проверить проход хотя бы на пару километров вперед, а оставшимся приказал осмотреть местность поблизости от бухты. Оми вдруг показалось, что его изучает чей-то внимательный и совсем не доброжелательный взгляд — ощущение было таким сильным, что зачесался лоб и кончик носа.

Спустя час вернувшийся хейхо доложил, что проход по видимости выводит на равнину и соединяется с дорогой. На каменистой земле хейхо в нескольких местах обнаружил следы подкованных копыт, указывавшие, что десяток всадников выезжал на берег моря — и уехал назад, бросив или потеряв по дороге догоревший самодельный факел, но и факел, и, главное, размытость следов и вода в них после ночного дождя говорили о том, что было это не позднее чем в середине прошедшей ночи. Вероятно, конный разъезд, услышавший шум ночного боя, предположил хейхо. Вероятно, согласился Оми, ни капельки в этом не убежденный. Увы, ни солдаты, лазившие среди скал, ни Судзуки, каких-либо иных следов противника не обнаружили. Сохо так никогда и не узнал, что двадцать минут назад ему почти удалось найти русских — четверо его солдат прошли в пяти метрах от того места, где затаился в зарослях шаломайника ефрейтор Горбатенко с тремя пограничниками — тот со свистом втянул воздух только тогда, когда японцы, перебросившись короткими фразами, пошли в обратном направлении и шорох их шагов затих вдали — до этого он не дышал и

даже старался прямо на них не смотреть, зная на собственном опыте, что бывалый человек может почувствовать пристальный взгляд. Собственно, от Горбатенко до позиций русских орудий оставалось каких-то триста шагов — и если бы японцы не повернули, пограничники имели приказ их остановить.

Ровно через четыре часа после того, как Оми получил задачу на разведку, он дал сигнал о том, что присутствие противника обнаружено, но берег в целом чист. Затем, оставив хейхо и одного солдата на берегу, а Судзуки с еще двумя солдатами и биноклем на Дайсане, он выдвинул основную часть группы метров на пятьсот от берега и, как мог, прикрыл место высадки — Оми понимал, что противник вполне может его обойти, поэтому, помимо группы Судзуки, двое солдат были посланы на холмы в противоположную сторону. На душе у сохо было тяжело — он никак не мог забыть ощущение внимательного, царапающего взгляда на своем лице и чувствовал, что, сделав все в соответствии с приказом, он, тем не менее, совершил смертельную ошибку.

* * *

— Всё, фигуры расставлены, — выдохнул Славкин, увидев, как вслед за двумя ракетами зеленого дыма и одной — красного, японские шлюпки начали движение к берегу. Ветлицкий, наконец, перестал жевать роскошный желтовато-седой ус. Час назад он был готов поклясться, что японский офицер, командовавший охотниками, почувствовал его взгляд — тот вдруг резко повернул голову и уставился ровно в ту сторону, где был подполковник. Ветлицкий даже опустил свой бинокль и одновременно цапнул за рукав и пригнул вниз поручика — рука у подполковника была железной. Узнав в чем дело, Славкин только нервно хмыкнул — небо с утра было почти постоянно затянуто тучами, оптика не бликовала, а до японца было около двух тысяч шагов. Тем не менее, суеверный Ветлицкий остался при мнении, что он был прав.

Потом потянулось ожидание — японцы двинулись по проходу, где, вполне возможно, оставались их ночные следы, — и, вероятно, какое-то их количество было послано в стороны и на горы. Спустя некоторое время Славкин, по просьбе Ветлицкого также начавший наблюдать окрестности, и в самом деле заметил на Дайсане троих людей — один из них, как разглядел Всеволод, держал в руках бинокль.

Славкин и Ветлицкий сползли с макушки горы и поднялись обратно только тогда, когда над берегом взвились ракеты — еще не будучи уверенными, что кто-то из их пограничников или солдат не был обнаружен дотошными японцами. Теперь, когда шлюпки отошли от судов, стало понятно, что им повезло.

— Раз, два, три... восемь... двенадцать, двадцать пять... сорок, — считал шлюпки Славкин. По всему выходило, что японцы в первой волне высаживали не менее двух батальонов, правда, помимо одного десантного орудия, по-видимому без какого-либо тяжелого вооружения.

— Александр Андреич, многовато японцев-то, может, все же по шлюпкам ударим? Теперь уже точно дотянемся — да и люди там кучно сидят, — для порядка спросил Славкин, заранее зная ответ: вопрос, нужно ли постараться утопить шлюпки и тем затруднить десантирование или же поставить своей целью нанести максимальный урон живой силе противника, обсуждался ранее офицерами весьма горячо. В итоге сошлись, что тратить

боекомплект на охоту за более удаленными, быстрыми и трудноутопляемыми шрапнелью шлюпками не стоит: даже если удастся пустить ко дну десяток — полтора, это только слегка замедлит высадку, да и то, вероятно, лишь в ее начале.

— Полноте, Всеволод Юрьевич, — и впрямь отвечал окончательно успокоившийся Ветлицкий, — недолго уже ждать.

Наконец, японцы покинули шлюпки. Вода все еще была низкой и высаживаться пришлось опять далеко от берега. Отсчитав пять минут и убедившись, что шлюпки достаточно отошли, Славкин приказал дать пристрелочный. В глубине души он был уверен, что накроет цель первым же выстрелом — но снаряд неожиданно дал клевок гораздо ближе к берегу. Славкин чертыхнулся.

— Первое орудие, угол плюс пять, трубку на пять и шесть, выстрел!

Новый клевок, теперь у шлюпок.

— Черт, черт... первое орудие — угол минус два и пять, трубка на пять и четыре, выстрел!

Клевок, теперь среди десантников. Противник засуетился, попытался ускориться и одновременно растянуться в цепь. И то и другое на скользких камнях удавалось плохо. Особенно тяжело приходилось прислуге орудия, тянувшей на двух плотиках ствол и лафет с боекомплектom.

— Первое, трубка на пять и три, выстрел! — снаряд пыхнул в небе, не причинив зла. Славкин даже вспотел от стыда за новый промах, однако спустя секунду понял, что, в общем, накрыл.

— Первое. Выстрел!

Следующая шрапнель рванула, чуть высокоовато, казалось, над передними шеренгами японцев — но упали всего один или два.

— По-моему, небольшой недолет, Всеволод Юрьевич, японцев маловато зацепило, — спокойно сообщил Ветлицкий Славкину, который не обратил на этот факт должного внимания и уже открыл было рот чтобы дать команду на беглый огонь. Поручик, не совсем поверивший словам Ветлицкого, тем не менее приказал прибавить на трубке ноль один — и избиение началось.

Снаряды рвались над японскими цепями короткими сериями, с интервалом между разрывами в три-четыре секунды, затем Славкин переносил огонь по фронту, особенно тщательно обрабатывая фланги и не давая японцам чересчур растянуться — цель и так, для двух орудий, была великовата.

Отдельное внимание поручик уделил своим коллегам — после десятка снарядов в район плотиков (один — в воду, автоматически отметил Славкин) оба сиротливо закачались на волнах — прислуга была большей частью перебита, уцелевшие бросились в стороны. Пехотинцы под руководством какого-то офицера, пытавшиеся впрямь в плотики, были отогнаны или перебиты новой серией.

Шрапнель косила людей десятками. Было видно, что японцы пытаются бежать к берегу, падают, встают, снова падают — многие навсегда. Славкину показалось, что вода на мелководье стала красной — он невольно поежился, представив себя на месте японцев и — убавил трубку на ноль один: несмотря на потери, японские цепи не расстроились и упорно приближались к берегу.

— Однако этим желтопузым в храбрости не откажешь, — пересматривая для себя некоторые предрассудки, заметил Ветлицкий. — Впрочем, деваться им все одно некуда,

только вперед.

Японские канонерки начали отвечать, остальные корабли пока молчали.

Рванул первый японский снаряд.

— Пристреливаются, — выдохнул Славкин. — Пусть себе.

— Ротам рассредоточиться и лечь на землю, — на всякий случай передал по цепочке артиллеристов Славкина подполковник.

Славкин деловито корректировал огонь, наконец приноровившись к обманчивым расстояниям на воде. К счастью, японские артиллеристы пристреливали местность чуть ближе к берегу, чем находились артиллеристы и солдаты — да и площадь, которую должны были накрыть канонерские лодки, была такой, что попадание могло случиться только от большого японского везения.

«А классно пишет, наверняка с кем-то из участников подробно беседовал, а то, чем черт не шутит, и сам там был. Но не артиллерист, точно не артиллерист.»

* * *

Ефрейтор Игнат Горбатенко увидел японцев когда до них оставалось менее пятидесяти шагов — редкая цепочка в десяток солдат, возглавляемая офицером почему-то с саблей в руке, рысила прямо на него.

— Вот уж везет так везет, — подумал пограничник. Он вовсе не стремился на этой непонятной войне в герои, и потому после того, как на него чуть не наткнулись японцы, счел за благо слегка передвинуться, выбрав, как ему тогда показалось, более безопасное место. И вот на тебе — какой-то дурной японский офицер решил развернуть цепь именно здесь. Горбатенко не знал, да и не сильно желал бы знать, что фамилия офицера была Оми, он принадлежал к нищему самурайскому роду и в данный момент желал умереть в бою. В долю секунды Горбатенко понял, что в этот раз японцы мимо не пройдут — а значит, смерть заглянула в глаза.

— Огонь, братцы, — внезапно охрипшим голосом сказал Горбатенко, и, вскинув винтовку, — прикрывавшие штык крупные молодые листья взлетели стайкой гигантских изумрудных бабочек, — выстрелил в ближайшего японского солдата. Тот споткнулся. Рядом слитно хлестнули еще три выстрела — двое врагов упали в траву, третий, кажется, был подранен. Оставшиеся дрогнули, приостановились, но офицер почти провизжал какую-то команду и огромными прыжками устремился вперед. Горбатенко выстрелил еще раз — и снова попал. Японцы побежали за офицером — двое или трое на ходу успели выстрелить в ответ, но пули свистнули мимо.

— Сомнут, — подумал Игнат и тут же поднялся с земли. — В штыки-и-и!

Трое пограничников с сипением пристроились сзади, ударили еще несколько выстрелов, кто-то охнул за спиной ефрейтора — и спустя секунду две маленьких группки людей, только что встретившихся и уже смертельно ненавидящих друг друга, сошлись в последнем бою. Горбатенко могучим махом отбил укол маленького японца — так, что того развернуло — и тут же ударил его в грудь. В следующую секунду сбоку на него, быстро переступая и держа окровавленную саблю рукоятью вперед и параллельно земле, выскочил офицер. Горбатенко успел подставить под первый, почти неуловимый глазом и какой-то чудной басурманский удар приклад — японская сабля, чуть не отсушив руку, расщепила его

почти до основания. Игнат попытался вывернуть саблю из рук японца, но кусок приклада внезапно откололся. Горбатенко спасло только то, что не ожидавший этого японец был на секунду выведен из равновесия. Второй удар, тоже неожиданный — снизу — Игнат, невероятным усилием выдернув штык из японца, встретил дулом винтовки. Сабля японца высекла искру и кончиком чиркнула по ноге. Горбатенко мимолетно пожалел, что не стрельнул офицера первым — а тот, мгновенно меняя позицию, взорвался серией быстрых и непривычных ударов, которые ефрейтор сумел отразить лишь благодаря длине винтовки и своих рук, да, пожалуй, доле везения.

— Вот и смертушка, — подумал Игнат, глядя, как японец на секунду отскочил, как будто удивленно глянул на пограничника и слегка склонил голову. В следующую секунду офицер снова неуловимо атаковал. Уже не надеясь победить, но продолжая сражаться, Горбатенко кинул штык снизу вверх, почувствовал, как он воткнулся во что-то мягкое — но одновременно или даже долей мгновения раньше лезвие самурайского меча рассекло его шею и грудь.

* * *

Сохо Оми испытывал жгучий стыд. Он не оправдал доверия своего командира и генерала Оки. Звуки стрельбы ясно говорили ему, что японский десант попал под огонь не найденных им русских пушек и, очевидно, несет чудовищные потери. Одного этого было достаточно для самурая, чтобы принять единственно возможное решение. Но даже этим вина Оми не исчерпывалась: после первых выстрелов русских пушек, он, в желании умереть, забыл свой долг командира и бросился в направлении оружейных выстрелов с десятком солдат — двоих он все же непонятно зачем оставил на месте. И вот теперь — закономерный итог: он погубил свою честь, он погубил своих солдат. И он, лучший фехтовальщик полка, умирает от удара штыка простого гайдзина. Впрочем, признал Оми, русский солдат был достойным противником — а смерть от руки достойного противника, пусть и не самурая, пожалуй, большее благо, чем заслужил Оми.

Бок горел и обильно кровоточил. Помимо прочего, штык, очевидно, пропорол печень и Оми понимал, что умирает. У него, однако, хватило сил для того, чтобы добить уцелевших в штыковом бою — израненного штыками русского, которому Оми отсек голову, не обратив ни малейшего внимания на его мольбы о пощаде, и японского солдата с пулей в животе. Больше живых не было. Оми обессилено опустился на землю и расстегнул мундир.

— Господин сохо! — внезапно услышал он сквозь шум в ушах знакомый голос своего хейко. Рядом стояли еще трое его солдат.

— Ааххх... Я рад вас видеть, господин хейхо. Теперь вы командир группы. Вашей целью должно быть уничтожение русских пушек... Надеюсь, у вас это получится лучше, чем у меня... Удачи... А теперь я прошу оставить меня, — прошептал Оми. Силы быстро убывали и он не без основания опасался, что может в любую минуту потерять сознание. Просить кого-либо из своих солдат стать его кайсяку ^[105] Оми посчитал, по целому ряду причин, невозможным.

Японцы, поклонившись, удалились в лес. Оми так никогда и не узнал, что менее чем через две минуты они наткнутся на отряд солдат, тоже слышавших стрельбу и спешивших на помощь Горбатенко — только солдат будет три десятка и, потеряв одного раненым, они

уничтожат двоих японцев и пленят оставшихся — это будут первые японские пленные, захваченные на материке.

Коротко вздохнув, Оми, вытянув как мог руки, направил конец фамильного меча с переделанной под армейский стандарт рукоятью на свой живот. Обряд сэппуку пришлось сократить до простого вспарывания живота совсем не для того созданной катаной — не было даже вакидзаси. Что ж, тем хуже. Катана вошла в плоть хозяина и Оми с долгим болезненным рычанием потянул ее, сколько мог, слева направо. Где-то в середине пути он потерял сознание.

Спустя несколько минут на еще живого Оми наткнулся шедший первым солдат Трофим Чепурной. Он несколько секунд пытался понять, кто и как воткнул в голый живот японского унтера, по-видимому, его же собственную саблю. Затем из жалости добил сохо ударом штыка в сердце, вытащил катану, снял с трупа ножны, кобуру с револьвером, так и не использованным Оми в последнем бою, а заодно и обшарил карманы, впрочем, не найдя там ничего ценного.

* * *

Через восемь минут после первого выстрела остатки японцев повернули назад. Теперь это были уже не цепи, а россыпь отчаявшихся людей, которые просто стремились выйти из-под огня и уже не задумывались над логичностью своих поступков. Большая часть шлюпок вернулась как можно ближе к берегу, оставшиеся крутились неподалеку. Еще две минуты спустя Славкин приказал прекратить огонь: цель потеряла кучность, да к тому же ему сообщили, что на орудие осталось менее чем по тридцать снарядов. Все же он не удержался и чуть позже дал еще серию выстрелов по скоплению лодок и садящихся на них людей: соблазн великолепной цели взял в артиллеристе верх над человеколюбием. Помимо уничтожения живой силы, Славкину удалось потопить одну шлюпку и, вероятно, повредить несколько других.

— И хватит, пожалуй, с них, — остановил его Ветлицкий.

— Великанов! — чуть позже позвал он командира охотников, надписывая пакет. — Дай Чернышу, да подбери ему еще троих — и аллур три креста в Порт-Артур — пусть передаст лично в руки.

Записка в пакете была короткой и энергичной — в обычном стиле Ветлицкого. Единственное, в чем он слегка поправил реальность — это написав, по известному суворовскому принципу «чего их, басурман, жалеть», что огнем артиллерии уничтожено до полка японской пехоты.

Посчитавшись окончательно, выяснили, что на первое орудие осталось четырнадцать шрапнелей, на второе — двадцать четыре.

— Однако, Александр Андреич, два батальона мы с вами точно выкосили, — сказал тоже слегка ослепленный успехом Славкин.

— Пожалуй, и выкосили, — легко согласился Ветлицкий. И тут же японский флот, как будто обидевшись на такие слова, подключил к обстрелу берега крейсера.

Всеволод, приказав прислуге и ездовым укрыться, понаблюдал с минуту за ведущими огонь кораблями и обратился к подполковнику:

— Может быть жарко. Спустимся, Александр Андреич, или здесь обождем?

— Обождем, пожалуй, — решил Ветлицкий, — куда бежать-то?

Японские крейсера, пристреливаясь, кинули несколько шестидюймовых и открыли огонь на поражение. Теперь прилетали бомбы такого калибра, что под Славкиным вздрагивала скала.

— Десять, а то и двенадцать дюймов, — прокричал полуоглохший поручик после одного из наиболее сильных разрывов. Ветлицкий только мотнул головой — мол, хоть все шестнадцать, живы и ладно.

Обстрел продолжался чуть более получаса, показавшиеся Славкину тремя. Когда, наконец, установилась звенящая тишина, Всеволод, не веря еще, что не только уцелел, но даже и не контужен сколько-нибудь серьезно, снова прильнул к биноклю. Шлюпки прошли уже две трети расстояния до судов — гребцы явно спешили изо всех сил, а на берег постепенно выбирались десятка четыре японцев — в подавляющем большинстве, по-видимому, раненых. Их сбор — сопротивление они практически не оказали — и оказание помощи раненым, вялая перестрелка с остатками группы Оми и ее пленение (Судзуки в число пленных не попал, затаившись в скалах и став единственным солдатом группы Оми, который позднее возвратился в свой полк), заняли еще два часа. Потери от первого артобстрела оказались минимальны — один убитый и пятеро раненых — все одним из первых шестидюймовых снарядов с крейсеров, упавших «с перелетом».

Увидев русских на берегу и, видимо, списав своих пленных, японцы устроили еще один мощный, но короткий, минут на пятнадцать, артналет, стоивший жизни пятерым пограничникам и семерым японским солдатам. Ветлицкий, узнав об этом, чертыхнулся и сделал зарубку в памяти об отношении японцев к своим пленным.

Несмотря на второй обстрел и новых погибших, настроение офицеров и нижних чинов, узнавших о потерях японцев и увидевших мелких, дрожащих от холода и страха пленных, заметно поднялось. При таком раскладе «косоглазых и желтобрюхих» готовы были бить даже самые робкие обозники.

* * *

До самой ночи было тихо. С наступлением темноты, Ветлицкий, втайне психуя, согласовал со Славкиным сигналы и выдвинул обе роты и оставшихся охотников к кромке прибоя. Пограничники, оставленные у орудий, должны были быть наготове, но, говоря по совести, две версты ночью по проходу к бухте означали, минимум, двадцать минут пути даже с факелами.

Солдаты ежились от ночной сырости и, пожалуй, воспоминаний о японских артобстрелах. Опытный подполковник распространил перед выдвижением к берегу слухи о том, что если японцы и повторят обстрел, то бить будут по пристрелянным местам, то есть туда же, куда и днем. Это успокаивало, но не сильно — нижние чины рассуждали между собой, что хотя хрен его знает, этих японцев, но дуло-то наклонить всегда можно, вот и выйдет, что стрельнет оно аккуратно в бережок. Люди курили в кулак, ворочались на шинелях, считая ребрами камни, вспоминали дом. Постепенно все засыпали. Унтера крались вдоль берега и следили, чтобы часовые не засыпали как все. Вода тихо плескалась в берег и, как видел подполковник, постепенно достигла максимума и начала опять убывать.

В два ночи пришел Славкин со своим вестовым Симаковым. На вопрос Ветлицкого

какого черта он честно ответил, что все распоряжения отданы, тридцать восемь снарядов его орлы вполне могут отстрелять по ракете и без него, а ему как артиллеристу интересно посмотреть, если, конечно, японцы полезут, на бой вблизи. Ветлицкий хмыкнул, но определил место Славкину подле себя. Поворочавшись на камнях, молодой поручик вскоре уснул, возможно, сделав первый шаг на пути к старческому радикулиту.

Старший унтер-офицер Нелюбов, почти такой же вислоусый, как и подполковник, разбудил Ветлицкого под утро. Восток то ли чуть серел, то ли мерещилось, по небу бодро бежали облака, время от времени позволяя лунному свету пробиться сквозь вологодский узор своих тонких краев, а в бухте начинал стелиться легкий туман. Ветлицкий прислушался — сквозь ритмичный плеск волн пробивались иные, чуть слышные всплески, да пару раз тихонько звякнуло непонятно где-то ли рядом, на берегу, то ли в версте на море.

Несколько минут подполковник всматривался в темноту, пока, наконец, месяц не осветил поверхность воды.

— Во-он, вона, вашбродь, — горячо зашептал Нелюбов, — лодки вроде. Я и сам не уверен был, но теперь-то вижу — они.

И точно, Ветлицкий вдруг разглядел в тусклой лунной дорожке темные тени шлюпок.

— Всеволод Юрьевич, подъем! Японцы! Буди людей, Нилыч.

— Так, уже, вашбродь, — отвечивал старший унтер-офицер. Ветлицкий еще секунду всматривался, щуя глаза, в темноту, и негромко сказал:

— Ракеты!

Они-то и разбудили окончательно Славкина. Потянувшись и клацнув зубами, он зачем-то вынул револьвер и, глянув в темноту, сообщил:

— А было бы неплохо... — ударил первый сдвоенный выстрел трехдюймовок, спустя менее трех секунд над морем хлопнули шрапнельные разрывы, — если б нам выделили картечицу Максима: вот как раз для такого положения дел она бы очень подошла, — закончил поручик.

— Без приказа не стрелять, — на всякий случай еще раз распорядился Ветлицкий и команда пошла по цепям вдоль берега.

Русские снаряды опять косой смерти прошли по японским шлюпкам, но, когда через минуту опять выглянул месяц, стало видно, что первые полтора десятка, почти не пострадав, проскочили обстрел. Ветлицкий выругался, кляня себя за медлительность. А потом у артиллеристов закончились снаряды и стало понятно, что, в общем, с учетом стрельбы вслепую, они и так выбили сколько могли — стали видны шестнадцатая, тридцатая, сороковая шлюпки, некоторые, но далеко не все из них, из них изрядно прореженные шрапнелью.

Японцы открыли беспокоящий огонь, но снаряды ложились довольно далеко и особого впечатления на солдат уже не производили. Шагах в трехстах от берега японцы наконец начали прыгать в воду и деловито формировать цепи — первую, вторую, третью...

— Ох, епть, да скока ж их, — потрясенно сказал кто-то в темноте.

— Разговорчики, — злобно зашипел Нелюбов. — Обалдел, с-скотина?

Славкин приподнял дулом револьвера козырек фуражки, повертел головой.

— Наверное, японцы использовали все свои уцелевшие лодки... Нет, точно светает... или глаза привыкли? — мелькало в голове, пока он разглядывал приближавшихся японцев. — Да, ладно, не о том мысли-то, не о том... А вот сколько у меня с собою патронов?... Ага, семьдесят семь, только как быстро я их сейчас перезарядить-то смогу?...

Только бы Ветлицкий японцев поближе подпустил — а то я из своего «нагана» никого и не достану...

Александр Андреевич подождал, пока японские цепи окажутся в двухстах шагах, и только после этого высоко протянул:

— Ребя-атушки! Залпом — пли!!!

Длинный слитный выстрел сотен винтовок больно хлестнул по ушам. Передняя цепь японцев поломалась и стояла на треть. Оттуда выплеснули вразнобой огоньки ответных выстрелов — пули сухо защелкали по камням, изредка находя свою жертву. Славкин вытянул руку, но одумался, расслабил, покосился на Ветлицкого. Тот, положив руку на эфес, спокойно смотрел на пытающихся поднажать и подбадриваемых взрыкиванием своих унтеров японцев.

— Банзай! — вдруг заорали несколько голосов и многие сотни подхватили клич. Японцы побежали еще быстрее, падая под пулями и поскальзываясь на камнях. В центре наступавших на этот раз был флотский десантный отряд полковника Номото, составленный сплошь из хорошо подготовленных сорвиголов и горящий желанием победить или хотя бы поквитаться за чудовищные потери прошлой ночи — моряки с какой-то пугающей легкостью скакали по подводным камням, крича при этом что-то угрожающее и довольно активно ведя огонь из своих «арисак». Кое-кто из солдат, не выдержав, заорал, заматерился в ответ, посылая пулю за пулей в наступающего врага. Славкин с возрастающим удивлением и беспокойством наблюдал, как неожиданно мало японцев падает под, казалось бы, градом пуль — относительно мало, потому что, с точки зрения наступающих, картина, разумеется, была совсем иной. Поручик, конечно, не раз слышал, как ужасно плохо порой стреляют в бою, но вид как будто заговоренного врага нервировал до невозможности. Теперь, закусив губу, он пытался унять биение сердца — слишком, по мнению Всеволода, живое для офицера воображение мгновенно нарисовало десяток японцев, бегущих со штыками наперевес прямо на него. И, конечно, первым выстрелом Славкин промазал. Глубоко вздохнув и выдохнув, Славкин снова навел револьвер. Неожиданно сразу трое бегущих в его сторону японцев упали — так что прямо напротив поручика образовалось окно. Это почему-то сразу успокоило и дальше Всеволод начал стрелять немногим хуже, чем в тире. Раз-два-три-четыре-пять... шесть. Всеволод начал перезаряжать «наган», стараясь не смотреть на японцев. Руки все же подрагивали, но уже скорее не от страха, а от волнения.

«А вот офицерского „нагана“ уважаемый автор, пожалуй, все же в руках не держал. Там настолько тонкая мушка, что ночью „стрелять, как в тире“ из него и Балк не может. Я у него консультировался. Тут только если „интуитивно“ стрелять, но для этого надо быть фанатом стрельбы из револьвера; либо мушку и целик со светящимися вставками, но и сейчас их хорошо если на один из десяти федоровских пистолетов ставят, а тогда таких вообще не было.

Впрочем, источник вдохновения автора тут явно просматривается — верещагинский „Встречный бой с японским десантом“. Все-таки здорово, что здесь он не погиб на „Петропавловске“».

— Уррра! — закричал рядом неузнаваемым голосом Ветлицкий и устремился вперед. Солдаты подхватили крик и ринулись на выходящих из воды японцев. Славкин, замешкавшийся с перезаряжанием «нагана», вдруг с удивлением заметил, что поднялись не все.

— Убиты, ранены? — мелькнуло в его голове, когда он перемахивал через низенькую грудку камней, служивших ему и его соседям укрытием. Один или два солдата бодренько отползали назад, но подумать над этим времени не хватило.

— Урра-ааа! — Заорал Славкин, стреляя в грудь офицеру-японцу, только что свалившему из своего револьвера двух русских солдат. — Шесть...

Выглянувший месяц осветил сотни людей, столкнувшихся на белой кромке прибоя в брызгах воды и крови и вспышках выстрелов. Отборный русский мат смешался с рычащей японской руганью и непонятно кому принадлежащими совсем уж звериными криками, сквозь которые иногда пробивался высокий, смертный стон.

— Ноль!!! — японец, занесший штык над полулежащим раненым солдатом, выронил винтовку и схватился, заваливаясь, за грудку, но другой прыжками направился к Славкину. Поручик, вытряхивая из барабана гильзы, попятился назад, но запнулся о мертвого японского десантника и неловко упал на камни. Сзади вынырнул его вестовой Симаков и широкой спиной закрыл японца от Славкина. Раздался близкий выстрел, вестовой дрогнул, шагнул вперед, с размаху ткнул трехлинейкой в невидимого поручику врага и начал медленно оседать.

Славкин вскочил и увидел падающего перед Симаковым японца. Придержал, мягко опуская на землю, своего вестового, в гимнастерке которого справа зияла дыра с темным ободом пороховой гари.

Штык винтовки, выпущенной из рук вестовым, медленно выворачивался из груди японского десантника. Поручик сунул револьвер в кобуру и вырвал из японца трехлинейку. Огляделся. Уцелевшие японцы, отстреливаясь, уходили в море — как будто были двоякодышащими, не сумевшими завоевать землю. Славкин оттянул затвор — патрона не было — передернул, убедился, что магазин пуст и, повесив винтовку за спину, ухватился за тяжелого как медведь Симакова и потащил его от воды, совершенно забыв о пулях, все еще продолжавших посвистывать вокруг.

— Санитара, — крикнул Славкин, посапывая от натуги, — санитар ко мне!

Спустя совсем немного времени посыльные ускакали к орудиям и пограничникам. Раненых, своих и чужих, спешно перевязали и начали готовить к транспортировке.

Всех целых или легко раненных пленных сбили в кучу и заставили тащить на себе своих тяжелых (за исключением четверых, которых фельдшер рекомендовал не двигать и которых, уже перевязанных, решено было оставить на берегу) и погибших солдат. Японцы, в большинстве своем полностью деморализованные событиями уходящей ночи, покорно сносили ругань и тычки разозленных русских. Тех же немногих пленных, кто не был достаточно покладист, били, когда не видели офицеры, в полную силу, и быстро ломали.

Потери убитыми и ранеными составили практически половину личного состава — причем в двух взводах на стыке рот, принявших основной удар (на участке которых и находились Ветлицкий и Славкин), потери доходили до двух третей, а взвод охотников, подпиравший их во второй цепи, потерял лишь немногим меньше.

Уцелевшие солдаты, не занятые с ранеными, подбирали оружие. Японские винтовки Ветлицкий распорядился, взяв штук десять «на всякий случай», по возможности приводить в негодность и топить вместе с патронами — рук не хватало, а лошадей в ротах, кроме обоза, почти и не было.

— Светает, — пожаловался Ветлицкий Славкину, которому за последние сутки уже привык верить (как Холмс Ватсону, мелькнуло в голове у поручика) свои мысли.

Получивший касательное ранение — японский штык скользнул по ребрам — и слегка посеченный осколками камня подполковник выглядел так мужественно, что Славкин на секунду пожалел, что самые его серьезные ранения — где-то ссаженные о камни колени и ладонь, да, миль пардон, приличный синяк на копчике.

Тревоги подполковника были Славкину вполне понятны: оставаться до света на побережье было никак нельзя, но японцы еще не отстрелялись из своей корабельной артиллерии — что, как казалось обоим офицерам, они должны были сделать немедленно после неудачной высадки, а потому солдаты могли попасть под раздачу гостинцев как раз при отходе.

— Всеволод Юрьевич, ведь японцы при отходе ракеты дали? — спросил Ветлицкий.

— Не видел, Александр Андреич, — простодушно сознался Славкин, постеснявшись добавить, что в это время пытался сам перевязать Симакова.

— Дали, дали они ракеты, — раздраженно подтвердил Ветлицкий, — две красных. Так чего ж они, черти полосатые, ждут-то?...

Вскоре все оказались готовы к отступлению.

— С Богом, — перекрестился Ветлицкий. — Великанов, твои в головном дозоре, вторая рота за ними, интервал между ротами пятьдесят шагов, при артиллерийском обстреле — рассыпаться или выходить из-под огня по обстоятельствам и своему разумению...

Пожалуй, только последний взвод уходящих солдат мог увидеть, как в море, там, где были шлюпки с уцелевшими японцами, одна за другой вспыхнули целых четыре ракеты: две красного — одна зеленого — одна красного дыма. Почти сразу после этого зашевелились все еще не различимые с берега орудия японских кораблей.

Вскоре в стороне ударил первый снаряд. Следом за ним почти одновременно разорвались еще несколько и, наконец, прилетел звук первых выстрелов.

— Третья rrr-ота, бегом, — arrr-ш!!! — фальцетом выкрикнул Ветлицкий. Поздно. Двенадцатидюймовый фугас рванул в нескольких десятках шагов от головы ротной колонны, разметав, как кегли, первые ряды людей...

Позже, много позже растрепанный отряд собрался в четырех верстах от берега. Потери от артогня оказались гораздо меньшими, чем показалось вначале, но все же были огромны — погиб командир третьей роты, Ветлицкий был одновременно ранен осколком в плечо и контужен, всего же отряд (в основном, третья рота, практически переставшая существовать) потерял свыше двадцати человек убитыми и около пятидесяти ранеными и серьезно контуженными — многие были ранены по второму, а то и третьему разу. Моральное потрясение было гораздо большим — поручик Славкин, который, несмотря на все свои возражения на предмет того, что он артиллерист, все-таки был вынужден, как следующий по чину, принять командование — видел, что отряд как боевая единица почти потерял ценность и, случись бой, всерьез рассчитывать можно было только на пограничников да, в меру их возможностей, на оставшихся без снарядов артиллеристов. Отправив в Порт-Артур еще четверых охотников с новым донесением и оставив остальных, вместе с отделением пограничников, имевшим верховых лошадей, в качестве наблюдателей, поручик неохотно приказал отступать.

Перегруженный пленными и своими и чужими ранеными, отряд медленно двинулся к Порт-Артуру. Убитые — те, кого удалось вынести под обстрелом — остались лежать под березовым крестом, помеченным на карте-трехверстке подполковника. В этот день очень многое произошло впервые — на этот раз это была первая братская могила русских солдат,

павших в очередной войне за Веру, Царя и Отечество.

«Знаешь, хоть кое-где и олитературено и напутано, но именно такие книги нам сейчас и нужны. До Большой войны осталось, судя по всему, всего ничего. Пора будить в народе патриотические и бойцовские чувства. Ты не обращай внимания на мое уже почти стариновское ворчание, я, может, и сам попутал чего. Срочно запускай в печать второй тираж. Если будут проблемы с оплатой типографии — бери со счетов, сколько надо, нам эта литература поважнее заводов сейчас будет. Воюют все же люди, а не только винтовки и пулеметы. А правильно мотивированный человек воюет гораздо эффективнее. И, скажи честно, за псевдонимом Е. И. Волков не твои ли ослиные уши просматриваются? А то иначе зачем бы ты мне именно эту книжицу „почитать“ присылал?»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

Имеется в виду 47-мм одноствольная пушка Гочкиса образца 1883 года.

Дистанция до «Асамы» в момент открытия огня определена на «Варяге» в 45 кабельтовых, а на «Асаме» до «Варяга» в 35, судя по тому, КТО попадал, японцы были точнее.

Мичман Нирод, в нашей истории первая жертва боя. Разорван на куски первым же попаданием шестидюймового снаряда с «Асамы» вместе со своим дальномером.

Роял Нейви (Royal Navy) — Королевский флот. Самоназвание британского флота, слово британский опущено, наверное, из английской скромности. Или с намеком, что ДРУГИХ королевских флотов в море они не потерпят.

Копии ультиматума были по почте отправлены командирам всех иностранных стационаров. С припиской, что на «Сунгари» загружен взрывоопасный груз, и в случае, если японцы не сдадутся, рекомендуется к нему не приближаться. Проблема только в том, что в Чемульпо почта работала не очень оперативно, и о предупреждение стало известно с запозданием в два дня.

Орудие 8"/35 сконструировано на Обуховском заводе Бринком в 1885 году, состоит из внутренней трубы и трех рядов скрепляющих колец. Число нарезов — сорок восемь.

Затвор клиновой, цилиндропризматический, вес замка 417,7 кг; вес ствола с замком 13 710 кг.

Пушка испытывалась на Охтинской морской батарее с 31 ноября 1886 года. Впоследствии эти орудия устанавливались на БрКр «Адмирал Нахимов» (8); БрКр «Память Азова» (2); БрКр «Рюрик» (4); КЛ «Донец», «Запорожец», «Кореец», «Кубанец» «Манчжур», «Уралец» и «Черноморец» — по два орудия.

На БрКр «Адмирал Нахимов» орудия устанавливались на башенных станках Вавассера на центральном штыре с гидравлическим компрессором, близкие по конструкции к станкам Вавассера под 8"/30 пушки.

На БрКр «Память Азова» и канлодках орудия устанавливались на станки на центральном штыре конструкции Дуброва. Они отличались от станков Вавассера в основном размерами и расположением некоторых частей, поэтому в части документов именуются станками системы Вавассера-Дуброва.

Для БрКр «Рюрик» Обуховским сталелитейным заводом были спроектированы станки на центральном штыре специальной конструкции.

Матросы с ЭБр «Севастополь». Осуществляли охрану консульства.

Шпиц — жаргонное название морского штаба в офицерской среде Русского Императорского Флота начала XX-го века.

Близ Певческого моста в то время располагалось здание МИДа.

Бриг «Меркурий» и пистолет Казарского — для тех, кто не помнит. В середине XIX-го века маленький русский кораблик «Меркурий» был атакован двумя линкорами турецкого флота. Перед боем, в котором у «Меркурия» практически не было шансов уцелеть, его командир Казарский положил перед крюйт-камерой свой заряженный пистолет. При этом наказав: «если положение станет безнадежным, то я или тот из офицеров, что останется в живых, должен выпалить из этого пистолета в крюйт-камеру, предварительно свалившись на бордаж с ближайшим турецким кораблем». В последствии, когда после неравного боя бриг все же оторвался от турок, Казарский разрядил его выстрелом в воздух. Впоследствии этот пистолет стал частью герба семьи Казарских.

Слова Р. Грейнца, перевод Е. Студентской, музыка А. Турищева.

Auf Deck, Kameraden, all auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze «Warjag» ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!
An den Masten die bunten Wimpel empor,
Die klirrenden Anker gelichtet,
In sturmischer Eil' zum Gefechte klar
Die blanken Geschütze gerichtet!
Aus dem sichern Hafen hinaus in die See,
Fürs Vaterland zu sterben -
Dort lauern die gelben Teufel auf uns
Und speien Tod und Verderben!
Es droht und kracht und donnert und zischt,
Da trifft es uns zur Stelle;
Es ward der «Warjag», das treue Schiff,
Zu einer brennenden Holle!
Rings zuckede Leiber und grauser Tod,
Ein Aechzen, Rocheln und Stöhnen -
Die Flammen um unser Schiff
Wie feuriger Rosse Mähnen!
Lebt wohl, Kameraden, lebt wohl, hurra!
Hinab in die gurgelnde Tiefe!
Wer hatte es gestern noch gedacht,
Dass er heut' schon da drunten schlief!
Kein Zeichen, kein Kreuz wird, wo wir ruh'n
Fern von der Heimat, melden -
Doch das Meer das rauschet auf ewig von uns,
Von «Warjag» und seinen Helden!

«Адвокат» — на флотском жаргоне крепкий чай с лимоном и коньяком.

Мнение о том, что история РЯВ в реальности написана злостным японским альтернативщиком, встречалось автору чаще, чем единожды. Ну как иначе объяснить, что все, что могло пойти плохо для русских и хорошо для японцев, шло только так и не иначе? Взять хотя бы попадание русского снаряда в погреб боезапаса главного калибра «Фудзи», которое вызвало возгорание, после которого обязан последовать взрыв. Но тем же попаданием ломает трубу с водой, которой этот пожар заливают!

6"/45 орудие системы Канэ было разработано во Франции в 1890 году. Морское министерство приобрело чертежи на него, и с 1892 года эти орудия выпускались Обуховским сталелитейным заводом, а с 1897 — еще и Пермским заводом.

Орудие раннего образца (до модернизации по опыту Русско-Японской войны) имело ствол, состоящий из трубы, кожуха и муфты. Длина ствола 6860 мм, длина нарезной части 5349 мм. Кожух скрепляет ствол на длине 3200 мм. Орудия, выпущенные до 1895 года, имели постоянную крутизну нарезов в 30 калибров, все последующие — переменную крутизну от 71,95 клб в казенной части до 29,89 клб к дулу. Число нарезов — тридцать восемь, глубина — 1 мм. Затвор поршневой, весом 120 кг (126 кг модернизированный). Вес ствола с затвором 5815 кг (6290 кг модернизированного).

Станок на центральном штыре с зубчатой подъёмной дугой. Углы вертикального наведения — от 6 до 20 градусов, по горизонтали обеспечивается круговой обстрел. Накатник пружинный, длина отката — 400 мм. Высота оси орудия над палубой 1150 мм, диаметр окружности по центрам фундаментных болтов 1475 мм.

Вес качающейся части 8,3 т, щита — 991 кг. Общий вес станка 6290 кг, всей установки — 14690 кг.

Ведь были же умные головы среди проектировщиков русских кораблей за пару десятков лет до описываемых событий! В такую малютку всунуть две восьмидюймовки с возможностью стрельбы по носу! А следующее поколение? Додумались уменьшать на «Богинях» (печально известные крейсера российской постройки — «Диана», «Паллада» и «Аврора») при проектировании калибр носовых и кормовых орудий с 8 до 6 дюймов, а потом в процессе постройки вообще разоружать крейсера, сняв с него парочку шестидюймовок, при этом бортовой брони нету. Идиоты сделали из изначально приличного боевого корабля брандвахту водоизмещением 6000 тонн, на большее крейсера данного проекта были не способны. И все ради чего? Для уменьшения перегрузки!!! А зачем вообще нужен идеально разгруженный, но недовооруженный корабль? Для походов и парадов мирного времени? А как доходит до того, для чего боевые корабли и создавались, до войны, то «вдруг» выясняется, что Богини не способны ни догнать более слабые и мелкие крейсера противника, ни, хуже того, убежать от его более крупных броненосных крейсеров. Пришлось им всю войну провести под охраной своих броненосцев.

В реальности при попытке порыва «Варяг» получил одиннадцать попаданий, три — восьмидюймовыми снарядами, восемь — шестидюймовыми. Все с «Асамы». «Чиода» вел огонь по «Корейцу», попаданий достигнуто не было. Кроме «Асамы» ни один другой японский корабль никуда ни попал, впрочем, «Варяг» с ними не очень-то и сближался. По версии японской стороны НИ ОДНОГО попадания русского снаряда ни с «Варяга», ни с «Корейца» в японские корабли зафиксировано не было.

Толстые, 114 мм, плиты из устаревшей, не цементированной стали, это примерно эквивалентно 50 мм нормальной брони Круппа.

На современниках «Чиоды», японских «Мацусимах», стояли по одному аж 320-мм орудию, крупнее, чем на новых броненосцах, но стреляли они, судя по поговорке японских кадетов: «раз выстрелили, день прошел», немного редковато. Правда, на самом «Чиоде» планировали 260-мм пушки Круппа, но скорострельность от этого принципиально не улучшалась.

75-мм и 47-мм, противоминный калибр.

Во время Гульского инцидента, расстрела 2-й эскадрой Тихого океана рыбаков, на прекращение беспорядочной стрельбы потребовалось не менее пяти минут.

На практике, в нашей реальности, учитывая непонятно низкую скорость «Варяга» при попытке прорыва, хватило и первой стадии плана, мимо «Асамы» «Варяг» пройти не смог.

Погреба от детонации спас уже затопленный снарядный элеватор. Но зато когда через две недели после боя первые японские водолазы спустились на «Асаму», они просто не обнаружили носовой башни ГК. Вообще. Ремонт крейсера с развороченным левым бортом, и главное, без башни, которую могли изготовить и установить только в Англии, признали нецелесообразным проводить до окончания войны. Он был постепенно поднят летом 1904 года и отбуксирован в гавань Чемульпо, где и простоял следующие два года, изображая из себя батарею береговой обороны. Торопиться вкладывать деньги в корабль, который невозможно было полноценно ввести в строй, не стали.

Как писал через пятьдесят лет о похожей ситуации немецкий танкист: «к счастью, при попадании в наши танки гул горящего топлива почти всегда заглушает крики экипажа».

Невероятно, но факт. У русских артиллеристов именно этот элемент боевой подготовки был лучше отработан, потому что ему, как наиболее сложному, уделялось особое внимание на довоенных маневрах. А может, наведение орудий системы Канэ (французского образца, установленных на русских кораблях) было более приспособлено для быстрого внесения поправок по дальности, чем у Армстронга (английские пушки, основное вооружение японцев).

Уже во времена Второй Мировой Войны пилоты Первой дивизии авианосцев, узнав об успехах пилотов Второй, отзывались об этом в духе «уж если сыновья наложниц надрали американцам задницы, то сыновья законных жен должны просто смести их с поверхности моря».

«Бусидо». Путь воина. Вместе с «Хаге Куре» — две основные книги, выражающие суть самурайского подхода к жизни и смерти. Именно из них, пожалуй, выросла и победа Японии в РЯВ, и готовность к самопожертвованию камикадзе во Второй мировой войне и, как ни странно, современная Япония, с ее корпорациями, лучшими в мире машинами и электроникой.

Подлинный текст проповеди, прочитанной отцом Михаилом на «Варяге».

Подобным образом объясняли японцы и несколько отрывов стволов 8" орудий на крейсерах итальянской постройки в Цусимском сражении, так же произошедших по причинам, не связанным с воздействием противника.

Авизо, именно так классифицировали «Чихайю» и его систершипов в русском флоте. Скорее всего потому, что просто не знали, как его обозвать! Впрочем, подобная проблема возникла во флотах многих государств. Англичане дали этим кораблям идиотское, но точное определение — торпедная канонерская (т. е. АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ) лодка, т. е. гибрид ежа ужом. Японцы внесли их в крейсера, но приглядевшись, сделали поправку — крейсера 3-го класса. Это уже не просто осетрина второй свежести, это что-то, не до конца протухшее. А вот почему в русском флоте их не обозвали минными крейсерами, это для автора загадка. Потому что именно к этим кораблям они были ближе всего и по характеристикам, и по назначению.

У нас «Чиода» в июле 1904 года подорвалась при блокаде Порт-Артура на одной мине. Была отбуксирована в уже захваченный японцами Дальний и отремонтирована.

Авизо «Чихайя» получил при попытке торпедной атаки и на отходе до девяти попаданий шестидюймовыми снарядами и как бонус — пяток трехдюймовых. Из-за невозможности пройти в гавань Чемульпо (спасенные с «Чиоды» предупредили о минном заграждении) и ввиду безуспешности попыток остановить затопление отсеков, «Чихайя» приткнулась к берегу у острова Идолми. Снятие с грунта и последующий ремонт затянулись на два месяца.

В нашей истории первые боестолкновения на р. Ялу начались 1 мая 1904 года (по старому стилю).

Британский флаг.

Соответственно, флаг пиратский, череп с костями.

АГС-17 «Пламя» — автоматический гранатомет станковый.

Японское идиоматическое выражение, тонкости которого были потеряны английским переводчиком.

По русским данным стрельба береговых батарей была из рук вон плохой, и все успехи артиллерийской дуэли достигнуты корабельными артиллеристами.

Сожжённый уголь дешевле того, что может учинить «Варяг».

Почему бы нашему современнику не назвать капитана Смолетта из мультика «Остров сокровищ» своим знакомым?

Силуэт «Варяга» издалека напоминал британские крейсера типа «Кресси», те же четыре трубы, но для более полного сходства ему не хватало орудийных башен и парусиновых чехлов на трубы, скрывавших их телескопическую конструкцию.

«Если бы ты стрелял в кучу дерьма, даже брызги бы не полетели!» Из кинофильма «Харлей Девидсон и Ковбой Мальборо».

Оценить юмор командира не смотревший «Белое солнце пустыни» старший офицер не мог.

<http://tsushima.borda.ru>

Отряд Вирениуса в составе броненосца «Ослябя», крейсеров «Аврора», «Дмитрий Донской» и миноносцев шел на Дальний Восток параллельно с «Ниссином» и «Кассугой». Перед надвигающейся войной обе стороны пытались максимально усилить свои флоты. Корабли даже одно время вместе стояли в одном порту.

Рагацци — ребята, парни (итал.).

Гайджин — «внешний человек», иностранец. Слово также имеет значение «варвар».

Традиционно в средние века самураи испытывали остроту мечей на телах пойманных разбойников. Как-то раз один из них даже посетовал, «знал бы, что сегодня попадусь, наелся бы камней, чтоб ты меч себе сломал».

Постоянное повторение *Мару* в названиях японских судов — дань старой японской легенде. По ней, чтобы отпугивать морских демонов, на носу корабля должны были быть нарисованы глаза. Поэтому на носу всех японских кораблей долго рисовали круги (по японски мару). Но потом, в целях экономии краски, практичные японцы решили, что с демонов хватит и просто слова мару в названии. И так испугаются.

Доброе название сухопутных офицеров, которым пользуются офицеры морские.

Прошу прощения у читателей, но у китайцев действительно такая неблагозвучная топонимика.

Порт-Артур, за который в 1904–1905 проливалась кровь русских солдат и моряков, и который по условиям мирного договора отошел Японии, был в 1945 отвоеван Россией (или Советским Союзом, что тебе в имени?) обратно. Как тогда выразился слегка шокированной Черчилль — «коммунистическая партия, самая эффективная в истории замена морской мощи». Вместе с ним были возвращены и пол-Сахалина, отданные Японии Витте, и «заодно» прихвачены до кучи все острова Курильской гряды... Что наконец обеспечило выход из Владивостока русских кораблей без прохода «чужих» проливов. Последний пункт японцы до сих пор России простить не могут.

Все русские броненосцы с таким расположением артиллерии были заперты в Порт-Артуре. Из находившихся во Владивостоке крейсеров орудийными башнями мог похвастаться только «Богатырь». Так что ошибку японского командира можно понять и простить.

Балк практически дословно цитирует Хайнлайна, «Звездная пехота». Наверное, читал в детстве, фраза понравилась и запомнилась.

К сожалению, реальный факт. Наша драгоценная «интеллигенция» радовалась любым поражением своей армии и флота и победам японцев. Такое общество войну у Японии выиграть не могло.

Крепостное минное заграждение — по терминологии начала века минное поле, которое можно активировать или дезактивировать с берега простым замыканием ключа, находящегося на берегу. Сейчас такие заграждения называют управляемыми минными полями.

Предельная дальность стрельбы на максимальном угле возвышения 20,20 8"/45 орудий «России» и «Громобоя» составляла 13000 м (70 кбт). 8"/35 «Рюрика» били на 9150 м (49 кбт) при максимальном угле ВН 15°. 6"/45 орудия системы Канэ крейсеров стреляли максимум на 11520 м (62 кбт) при угле 20°. Действительная дальность орудий того времени составляла около 60–65 % от максимальной.

Каковую в наше время любой желающий может посмотреть на сайте <http://cruiserx.narod.ru/ovc/112-118/htm>. Что господин Карпышев неоднократно и делал, наверное, что-то запомнил.

8"/45 пушка была спроектирована на Обуховском заводе под руководством Бринка в 1892 году. Ствол орудия состоит из внутренней трубы, двух скрепляющих цилиндров и кожуха. Сорок восемь нарезов прогрессивной крутизны глубиной 1,65 мм. Длина нарезной части 7530 мм. Затвор поршневой системы Розенберга, вес замка — 201 кг, вес ствола с замком — 12 183 кг. Пушки устанавливались на станках на центральном штыре и на одноорудийных башенных станках.

Станки на центральном штыре были спроектированы Обуховским заводом по образцу станков пушки 6"/45 системы Канэ на центральном штыре, но с двумя секторами подъёмного механизма вместо одного.

Вес откатных частей орудия 18,5 тонн, качающейся части — 21,62 тонны, установки со щитом — около 28,5 тонн.

На 1 мая 1901 года было произведено 13 орудий, по состоянию на начало 1904-го года этими орудиями вооружались — БрКр «Россия» (4), БрКр «Громобой» (4), БрКр «Баян» (2) а также КЛ «Храбрый» (2). Одно орудие находилось на полигоне Морского ведомства.

В нашем мире в ходе крейсерства «Лены» из-за поломок в машине ее занесло аж в Сан-Франциско, где она и интернировалась, не нанеся противнику никакого урона. Поэтому Руднев приказал до выхода провести капитальный ремонт.

Крейсер-купец — одно из неофициальных названий вспомогательных крейсеров в русском флоте.

Стандартное вооружение японских вспомогательных крейсеров состояло из пары пушек калибра 6 дюймов, по одной на нос и корму, и несколько противоминоносных малокалиберок. Но при постоянном болтании у берегов Японии парочки русских рейдеров пришлось вооружать первые попавшиеся быстроходные пароходы чем придется. По крайней мере, до подвоза и установки нормальных орудий.

Как известно, однажды Нельсон, не желая выполнять приказ адмирала, приложил подзорную трубу в выбитому глазу и «честно» сказал, что не видит сигнала к отступлению.

Между прочим, у револьвера Нагана образца 1895 года усилие спуска больше четырех килограмм. Так что Балк просто издевался над «шпаками».

8 марта по григорианскому календарю.

Контрминоносец, он же истребитель, он же дестроер, он же эсминец, он же «большой» миноносец. Когда в конце XIX-го века для флотов мира стало очевидно, что маленькие, но кусачие миноносцы на самом деле опасны для крупных кораблей, встал вопрос об их защите. Лучшим средством для этого были признаны более крупные миноносцы с сильной артиллерией. Кроме охраны своих, им вменялось в обязанности и атаки чужих крупных кораблей, поэтому де факто они просто стали чуть более крупными миноносцами, и со временем полностью вытеснили своих мелких коллег. Но в начале XX-го века термин «эсминец» или эскадренный миноносец еще не был общепризнанным.

Во время японско-китайской войны Порт-Артур был штурмом взят японцами. Но по условиям мирного договора, в результате банальной взятки, которую получил китайский министр иностранных дел, он достался России, которая в войне вообще участия не принимала.

В Японии периода Русско-японской войны 1904–1905 годов полным ходом шла «европеизация», по объему сравнимая только с проводимой в России парой сотен лет раньше, Петром I. Поэтому, официально, морские офицеры были вооружены палашами европейского образца. Но многие самураи просто прикрепляли к старому фамильному клинку новую, уставную рукоять. И меч по прежнему оставался «душой самурая»...

Реальная характеристика на Балка 2-го. «Капитан второго ранга NN представляет из себя исчезающий тип флотского офицера-парусника, образованность его не идет далее чисто морской специальности. Поддаваясь алкоголизму в мирное время, капитан второго ранга NN во многих случаях является элементом для службы нежелательным, но его решительность и беззаветная храбрость, проявленные на войне, его безукоризненно честная и симпатичная натура дают право на снисходительное отношение к его недостатку. Любимый подчиненными, в военное время кап. 2 р. NN сделает из них героев, а в мирное — заставит с охотой выполнить всякое тяжелое дело, всякую экстренную работу, удивляя окружающих быстротою ее исполнения. Жизнь NN неразрывно связана с кораблем, на котором он плавает, береговых привязанностей у него нет; как командир, он известен во флоте по лихости управления своим кораблем и заботой о его штатном и нештатном снабжении и устройстве. Кап. 2 р. NN надо беречь для военного времени».

«Такао» — первый корабль со стальным корпусом, заложенный в Японии. Вошел в строй в 1889 году. В русско-японскую войну использовался как корабль береговой обороны и сразу по ее окончанию был выведен из состава флота. В нашем мире сдан на слом в 1918 году.

ВУС — Военно-учетная специальность. Обозначает, кем в военное время становится некто, в мирное время прослушавший курс военной кафедры в институте или отслуживший свое в армии.

Реальная, печальная и поучительная история о броненосцах «Свитшур» и «Трайумф», носящих в британском флоте прозвища «Вакканто» и «Оккупанто». Таблички на туалетах «Свободно» и «Занято» так и остались на этих кораблях на испанском, языке генерального заказчика.

Захвачен англичанами у Китая при атаке фортов Таку седьмого июня 1900 г. и передан русскому флоту. Самый быстроходный миноносец Тихоокеанской эскадры, в ходе войны несколько раз прорывал блокаду Порт-Артура.

Данный факт в нашей истории имел место седьмого сентября, при очередном штурме одного из узлов обороны Порт-Артура — Высокой горы. Микадо изящно избавился от слишком воинственной составляющей японского высшего общества...

В нашей реальности командиры русских канонерок отказались идти в бой, отделавшись всего лишь списанием на берег.

Имеется в виду стальная четырехфунтовая морская пушка образца 1867 года. Четыре таких орудия были подняты с затонувшего в 1893 году крейсера «Витязь» и хранились в арсенале Владивостока.

Характеристики орудия:

Калибр, дюймы/мм — 3,42/86,87

Длина орудия, мм/клб — 1713/19,7

Длина канала, мм/клб — 1543/17,3

Длина нарезной части, мм — 1182

Число нарезов — 12

Глубина нарезов, мм — 1,27

Вес замка, кг — 24,6

Вес качающейся части, кг — 360

В б/к 4-фн пушки обр. 1867 г. входили чугунные снаряды со свинцовой оболочкой:

а) Граната весом 5,75 кг, вес ВВ — 0,205 кг.

б) Картечная граната весом 6,67 кг, содержащая 36 круглых пуль диаметром 15,9 мм, трубка ударная.

в) Картечь в цинковой оболочке весом 4,8 кг, содержащая 48 пуль диаметром 24,1 мм и весом по 73,8 г.

г) Дифрагменная шрапнель весом 5,94 кг, содержащая 150 пуль диаметром 12,7 мм, восьмисекундная трубка.

д) Шарохи весом 5,97 кг (до 1876 года).

Начальная скорость до 306 м/с, дальность 3294 м при угле возвышения 14,8°. Дальность по трубке для шрапнели — 2240 м, максимальная эффективная дальность картечи — 550–600 м.

Балк не мог знать, что их удачный прорыв был фактически обеспечен принесшей себя в жертву «Дианой» — после взрыва от ее снаряда «Коба-Мару» японцы испытывали жесточайший снарядный голод.

Канонерская лодка «Чокай» — 1250 тонн, одно орудие 210 мм, одно 120 мм. Оба Круппа. Осталась под берегом одна только потому, что все остальные канонерки с более скорострельными орудиями расстреляли снаряды по русским укреплениям. Кончился боезапас и у 120-мм орудия самого «Чокая», иначе приключениям одного из главных героев пришел бы конец.

Самый простой и действенный способ продемонстрировать преимущество флангового огня. На поле расставляется «наступающая неприятельская цепь» из пары сотен воздушных шариков и/или бумажных силуэтов. Потом, по ним выпускается лента на полсотни патронов с фронта, а после подсчета «убитых» — еще столько же с фланга. Обычно больше вопрос: «а чем фланговый пулеметный огонь эффективнее фронтального?» не возникает.

Самым подходящим для впечатления Михаила Балк посчитал конструкцию советского среднего танка 30-х гг Т-28.

Увы, в реальности на прямую наводку для экономии боеприпасов с упорством, достойным лучшего применения, выдвигались русские батареи. Обычно это заканчивалось их уничтожением ответным огнем японцев с закрытых позиций после первой пары залпов.

Русское командование действительно пыталось усилить оборону перешейка парой морских орудий, но они опоздали буквально на день.

На случай, если кто не узнал — «Мефистофель», пушкинский перевод Гете.

Только в издании 1957 года, когда неиспользование найденных на поле боя боеприпасов стало нормой всех армий мира, в русских описаниях этого боя стала появляться редакторская сноска. Конечно, никто в здравом уме не стал бы пытаться перетянуть через линию фронта повозки с боеприпасами. Вместо этого с гильзами для 12-см гаубиц Круппа «работали» русские морские минеры. После замены части порохового заряда динамитной шашкой шансов успешно выстрелить таким зарядом, не разорвав орудие, у японцев не было. По послевоенным данным, в рекламации Круппу японское командование указывало, что при стрельбе разорвало пятнадцать 12-сантиметровых гаубиц. Тогда все списали на нестабильность шимозных гранат. Сколько из пятнадцати орудий было подорвано «сюрпризами» русских минеров, а сколько на самом деле пострадали от некачественных снарядов — тайна и поныне.

Китайская обувь.

Абсолютнейший идиотизм, но факт — Тихоокеанский флот не имел нормальной ремонтной базы для броненосцев. Никакой. Вообще. Для проведения обычного докования, броненосцу приходилось идти обратно на Балтику, а потом снова возвращаться к месту службы, т. е. совершать почти кругосветное плавание. По окончании которого он снова становился кандидатом на докование... Почему никому в голову не пришло посчитать расходы на перегон одного броненосца и сравнить их со стоимостью постройки во Владивостоке нормального судоремонтного предприятия, а не ограничиваться портовыми мастерскими — для автора загадка. Тем более, что предложения были. Тот же Крамп, «автор» «Варяга», предлагал построить во Владивостоке полноценный завод под ключ.

В результате такого «ремонта», вкупе с не совсем удачной конструкцией, броненосцы «Наварин», «Сисой Великий» и броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» во Второй Тихоокеанской эскадре были перманентным источником задержек и поломок на переходе. В бою они быстро потеряли боеспособность после обширных затоплений из за нескольких попаданий, отстали от эскадры и ночью погибли от атак миноносцев...

Реальный ответ на реальный запрос... До чего наши адмиралы «доэкономились», стало ясно только при Цусиме.

От английского cover — покрытие, оболочка. Игра слов. Сленговое выражение современных российских спецслужб. «Под ковром», т. е. «под прикрытием».

Фуццо Хаттори (1868 —?) был одним из лучших воспитанников тайного общества «Геньеса», («Черный океан»). Происходил из небогатой многодетной семьи. Его отец работал на военном складе в порту Иокосука. Мальчик обладал незаурядными способностями, и у него была феноменальная память. Он проявил такое прилежание к учебе, что им заинтересовался сам Митсуру Тояма. Хаттори принял идеи общества и принес присягу на верность «Черному океану». Она заканчивалась следующими словами: «Если я предаю организацию, то пусть будут прокляты мои предки и меня ждет в аду геенна огненная!» Ему было 17 лет, когда он был принят в специальную разведывательную школу в Саппоро, в Южной Японии. После ее окончания Хаттори в роли коммивояжера стал ездить в Шанхай и Монголию. Это было за несколько лет до Японо-китайской войны. Он выучил местные диалекты, часто посещал селения кочевников и заодно изучал расположение военных укреплений, состояние дорог, записывал мнения местных вождей по поводу политики и особенно то, что говорили в народе. Он многое запомнил и, вернувшись в Ханькоу, представил подробный отчет руководству спецслужбы.

В 1898 г. Хаттори поехал во Владивосток с целью организовать сеть японской разведывательной службы на территории российского Дальнего Востока. В это время начиналось активное строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, и много японских разведчиков, прошедших подготовку в спецшколе в Саппоро, прибыли в этот регион России. Во Владивостоке существовала школа японской борьбы, которую весьма охотно посещали русские офицеры. Хаттори организовал для них интимный отдых, а гейши, ублажая офицеров, собирали у них нужную информацию. Несколько публичных домов с той же целью было создано им в Порт-Артуре. В Хабаровске Хаттори также организовал глубоко законспирированную разведывательную сеть, агенты которой работали в штабе военного округа и высших органах гражданского управления российского Дальнего Востока. С этого времени Маньчжурия и Дальний Восток стали для японского Генерального штаба открытой книгой. Успехи Хаттори были настолько очевидны, что он стал примером для подражания, национальным героем нескольких поколений японских разведчиков.

Кюсю Митсуру Тояма (ок. 1841–1907), японец низкого происхождения, уроженец острова Хоккайдо, стал наиболее авторитетным руководителем общества «Геньеса». Опоясанный двумя самурайскими мечами, он стал высшим авторитетом клана «странствующих самураев»-ронинов, которых в Японии называют «стражами общества». Негласно действуя от имени правительства, они снабжали информацией японскую армию. Тояма лично создавал японскую агентуру в Китае со штаб-квартирой в Ханькоу. Его агенты селились под видом незаметных «маленьких людей» — мелких торговцев, парикмахеров, ремесленников, домашней прислуги — в Северо-Восточном Китае, Корее и Маньчжурии. В Инкоу и Цзиньчжоу были созданы специальные школы для подготовки агентуры из китайцев. Особенно много японской агентуры почему-то оказалось в районах дислокации войск России — в военно-морской крепости Порт-Артуре, городе Дайрене, в городах и селениях, где были расквартированы армейские подразделения и части Заамурской пограничной стражи, строились фортификационные сооружения, железнодорожные мосты и туннели.

Хотэй — китайский бог удачи, покровитель игроков.

Доихара Кэндзи (1883–1948), генерал, в 20-е годы был руководителем японского шпионажа в Китае и Маньчжурии, потом был назначен начальником всей системы японского военного шпионажа, в 1938–1940 гг. командовал Квантунской армии, в 1940–1943 гг. состоял Высшим Военным советником при императоре Хирохито, в 1944–1945 гг. командовал японской группировкой в Сингапуре. После капитуляции Японии — главнокомандующий. Был приговорен к повешению американским судом (т. н. Токийский процесс) за «распространение наркотиков в Маньчжурии и зверства». Стремился к практической реализации идеала «Азия для японцев», для этого использовал весь спектр возможных тайных приемов: саботаж, подкуп, убийства, диверсии, развращение... По утверждению одного высокопоставленного китайского чиновника, «Доихара имел среди китайцев знакомых больше, чем любой китаец, занятый самой активной политической деятельностью». Доихара Кэндзи был фигурой чрезвычайно таинственной. Это был человек маленького роста, склонный к полноте, носивший усики «а ля Чарли Чаплин» и в совершенстве владевший фехтованием мечом. По свидетельству сотрудников он был в состоянии в весьма короткий срок похудеть или пополнеть на 10 кг и умел столь изумительно преобразиться, что даже ближайшие коллеги не могли его опознать. При этом Доихара обладал фантастическими лингвистическими способностями, он в совершенстве владел 9-ю европейскими языками и 4-мя китайскими диалектами. На всех он говорил без малейшего акцента. Весь образ его действий наводит на мысль о весьма близком знакомстве с методами нин-дзюцу. (описания его подвигов можно найти используя ключевые слова: «Спасение президента Сюя», «Поезд маршала Чжан Цзо-Лина», «Змея для Пу-и», «Золоты рыбки Хуан Шеня» и т. д.)

Они-ни канабо — буквально: Дать демону лом. Чёрт (дьявол, демон) пришёл в японский фольклор из буддийской мифологии. Он сам по себе обладает дьявольской силой, а если получает в руки железный шест, то становится еще сильнее.

Черный корпус, желтые трубы с черной каемкой. Ничего более удобного для определения расстояния, прицеливания и организации стрельбы ПРОТИВНИКА Зиновии Павлович сделать пожалуй не смог бы, даже если бы задался такой целью.

В годы русско-японской войны капитан 1-го ранга, командир. При отправке броненосца на театр боевых действий, его хотели списать с броненосца, как «выплывавшего ценз необходимый для командования кораблем первого ранга». Но он настоял на том, чтобы идти в поход со своим кораблем. С начальством он держался независимо, а порою и дерзко, зато был добр и внимателен к матросам, пресекал грубость по отношению к ним со стороны офицеров. На второй день боя, 15 мая 1905 г., «Ушаков» ночью отстал от эскадры из-за затоплений в носовой части. Утром к нему подошли два японских броненосных крейсера, каждый превосходил «Ушакова» по силам раза в два. К тому времени Небогатов со всем своим отрядом уже сдался в плен. Японцы подняли перед «Ушаковым» сигнал: «Предлагаем сдаться. Ваш адмирал уже сдался». Миклухо-Маклай, разобрав начало сигнала, воскликнул: «Ну, а дальше и разбирать нечего! Долой ответ! Открывайте огонь!». «Ушаков» отстреливался до последней возможности, и не вина его артиллеристов, что попаданий в японские корабли не было. Увы, броненосец отправили на войну так спешно, что не успели поменять расстрелянные в учебном отряде стволы орудий главного калибра. Когда же броненосец, искореженный, весь в огне, сел на корму, Владимир Николаевич приказал открыть кингстоны и затопить корабль. Экипаж стал покидать тонущий корабль. Характерно, что матросы, когда бросались в воду, и находясь уже в воде, кричали «ура». Миклухо-Маклай покинул броненосец последним. Он был ранен и утонул.

С 10 по 15 января (за пять дней) кабелеукладчик Министерства связи «Окинава-мару» для секретности перекрашенный в чёрный и переименованный в «Фудзи-мару» проложил секретную линию от Сасебо на остров Видо в заливе Пхалькупхо, что на юге Кореи.

Со времен парусных флотов, когда парусники могли вести полноценный огонь только с борта, линия баталии была единственным признанным способом ведения морского боя. Корабли выстраивались в кильватерную колонну, пристраивались к противнику параллельно, и перестреливались до победы, или заката. За ломку линии судили и вешали не только капитанов кораблей, но и адмиралов. Линию ломали или трусы, бегущие из боя, или гении масштаба Нельсона и Ушакова. От линии пошло и само название «линкор», т. е. корабли боевой линии. Не бронированным крейсерам, при сражении линкоров, обычно в линии делать нечего.

Ну тут то ли память Карпышева начинает сбоить, то ли Руднев пытается правильно отмотивировать расчет единственного крупнокалиберного орудия. В реальном бою при Ульсане, с расстояния порядка 40 кабельтов русский восьмидюймовый снаряд пробил броню башни на «Идзумо». От взрыва крейсер спасло только то, что русский снаряд не взорвался.

Впоследствии, после боя получивший капитана-лейтенанта Зарубаев неоднократно рассказывал господам офицерам что в эти, самые нервные минуты боя, адмирал вполголоса бубнил какую то детскую немецкую считалочку. Которая, в его исполнении, почему-то звучала весьма угрожающе. К сожалению, ни товарищи офицеры, ни сам артиллерист «Варяга» никогда не слышали группу «Рамштайн». И, как следствие, не могли опознать в бормотании адмирала песню «Ди зонне».

В бою при Ульсане именно поражение небронированного румпельного отделения и послужило причиной гибели «Рюрика». Причем тогда, опровергая старую поговорку, снаряд попадал туда дважды. Второе попадание пришлось в уже затопленное помещение и заклинило руль в положении «право на борт». Оно не позволило хотя бы поставить руль прямо, что дало бы крейсеру возможность управляясь машинами развить приличный ход.

Итто-хей — рядовой первого класса.

Сохо — эквивалент ст. сержанта или старшины.

Хейхо — «ведущий» или «главный» солдат. Очень примерный эквивалент ефрейтора.

Кайсяку — ассистент при совершении обряда сэппуку.